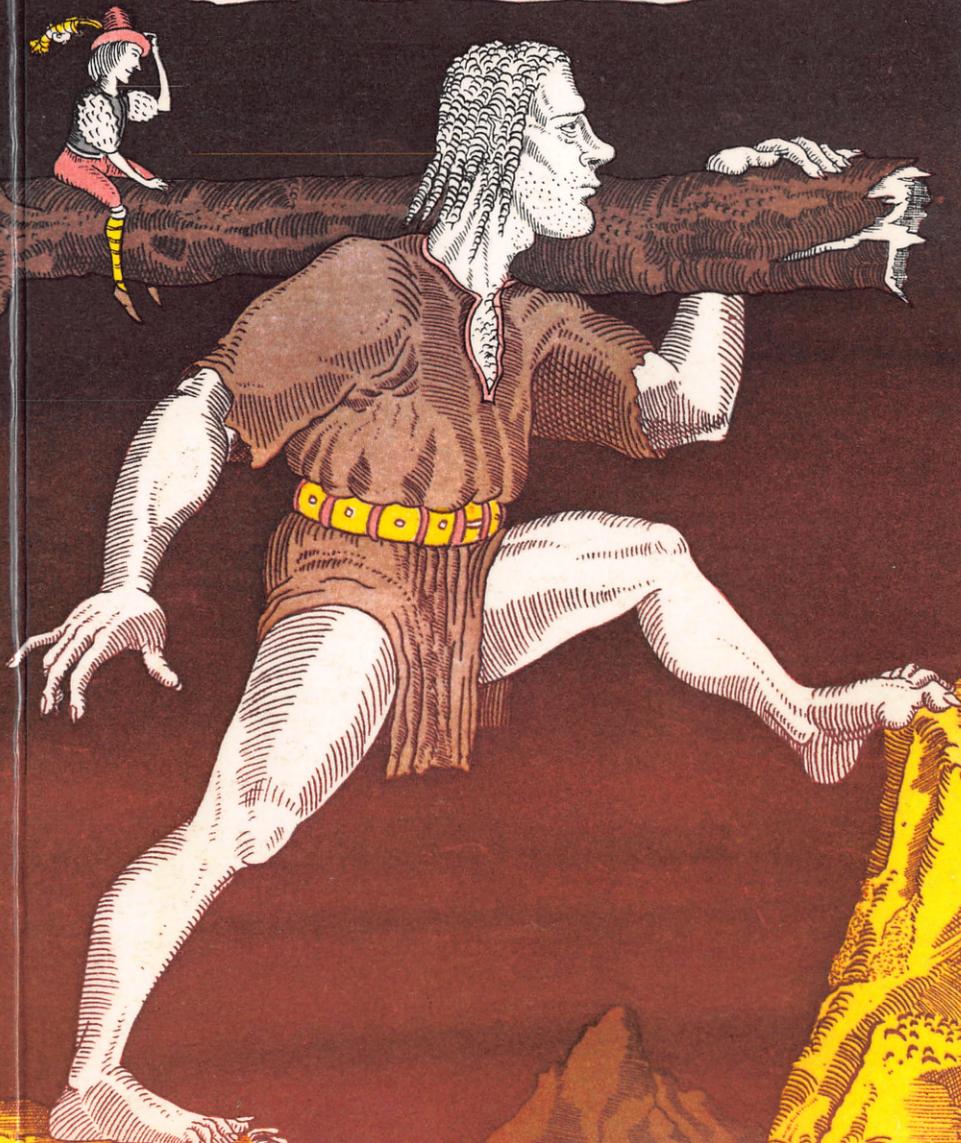

Шата Турма
С КРАВКА

БРАТЪЯ ГРЪМЪМ КРАВКА

Братъ
Григоръ
СЛЪВКИ

БРАТЪЯ
ГРИММ

СКАЗКИ

Перевод с немецкого
Г. Гершикова

Москва
Издательство «Традиция»
1987

84.4 Г
Г 84

Перевод с немецкого
Г. Петникова
Составление
И. Солодуниной
Послесловие
Г. Шевченко
Иллюстрации и оформление
С. Голощاپова

Г $\frac{4703000000-1428}{080(02)-87}$ 1428—87

© Издательство «Правда», 1987. Составление.
Послесловие. Иллюстрации.

*Король-лягушонок,
или
Железный Гейнрих*

В стародавние времена, когда заклятья еще помогали, жил-был на свете король; все дочери были у него красавицы, но самая младшая была так прекрасна, что даже солнце, много видавшее на своем веку, и то удивлялось, сияя на ее лице.

Вблизи королевского замка раскинулся большой дремучий лес, и был в том лесу под старую липой колодец; и вот в жаркие дни младшая королева выходила в лес, садилась на край студеного колодца, и когда становилось ей скучно, она брала золотой мяч, подбрасывала его вверх и ловила,— это было ее самой любимой игрой.

Но вот однажды, подбросив свой золотой мяч, она поймать его не успела, он упал наземь и покатился прямо в колодец. Королева глаз не спускала с золотого мяча, но он исчез, а колодец был такой глубокий, такой глубокий, что и дна было не видеть. Заплакала тогда королева, и стала плакать все сильней и сильней, и никак не могла утешиться.

Вот горюет она о своем мяче и вдруг слышит — кто-то ей говорит:

— Что с тобой, королева? Ты так плачешь, что и камень разжалобить можешь.

Она оглянулась, чтоб узнать, откуда это голос, вдруг видит — лягушонок высунул из воды свою толстую, уродливую голову.

— А-а, это ты, старый квакун,— сказала она,— я плачу о своем золотом мяче, что упал в колодец.

— Успокойся, чего плакать,— говорит лягушонок,— я тебе помогу. А что ты мне дашь, если я найду твою игрушку?

— Все, что захочешь, милый лягушонок,— ответила королева. — Мои платья, жемчуга, драгоценные камни и в придачу золотую корону, которую я ношу.

Говорит ей лягушонок:

— Не надо мне ни твоих платьев, ни жемчугов, ни драгоценных камней, и твоей золотой короны я не хочу; а вот если б ты меня полюбила бы да со мной подружилась, и мы играли бы вместе, и сидел бы я рядом с тобой за столиком, ел из твоей золотой тарелочки, пил из твоего маленького кубка и спал с тобой вместе в постельке,— если ты мне пообещаешь все это, я мигом прыгну вниз и достану тебе твой золотой мяч.

— Да, да, обещаю тебе все, что хочешь, только достань мне мой мяч! — А сама про себя подумала: «Что там глупый лягушонок болтает? Сидит он в воде среди лягушек да квакает,— где уж ему быть человеку товарищем!».

Получив с нее обещание, лягушонок нырнул в воду, опустился на самое дно, быстро выплыл наверх, держа во рту мяч, и бросил его на траву. Увидав опять свою красивую игрушку, королева очень обрадовалась, подняла ее с земли и убежала.

— Постой, постой! — крикнул лягушонок. — Возьми и меня с собой, ведь мне за тобой не угнаться!

Но что с того, что он громко кричал ей вслед свое «ква-ква»? Она и слушать его не хотела, поспешая домой. А потом и совсем позабыла про бедного лягушонка, и пришлось ему опять спуститься в свой колодец.

На другой день она села с королем и придворными за стол и стала кушать из своей золотой тарелочки. Вдруг — топ-шлеп-шлеп — взбирается кто-то по мраморной лестнице и, взобравшись наверх, стучится в дверь и говорит:

— Молодая королева, отвори мне дверь!

Она побежала поглядеть, кто бы это мог к ней постучаться. Открывает дверь, видит — сидит перед ней лягушонок. Мигом захлопнула она дверь и уселась опять за стол, но сделалось ей так страшно-страшно. Заметил король, как сильно бьется у нее сердечко, и говорит:

— Дитя мое, чего ты так испугалась? Уж не великан ли какой спрятался за дверью и хочет тебя похитить?

— Ах, нет,— сказала королева,— это вовсе не великан, а мерзкий лягушонок.

— А что ему от тебя надо?

— Ах, милый батюшка, да вот сидела я вчера в лесу у колодца и играла, и упал в воду мой золотой мяч. Я горько заплакала, а лягушонок достал мне его и стал требовать, чтоб я взяла его в товарищи, а я и пообещала ему,— но никогда я не думала, чтобы он мог выбраться из воды. А вот теперь он явился и хочет сюда войти.

А тем временем лягушонок постучался опять и крикнул:

Здравствуй, королева,
Дверь открой!
Неужель забыла,
Что вчера сулила,
Помнишь, у колодца?
Здравствуй, королева,
Дверь открой!

Тогда король сказал:

— Ты свое обещание должна выполнить. Ступай и открой ему дверь.

Она пошла, открыла дверь, и вот лягушонок прыгнул в комнату, поскакал вслед за ней, доскакал до ее стула, сел и говорит:

— Возьми и посади меня рядом с собой.

Она не решалась, но король велел ей исполнить его желание. Она усадила лягушонка на стул, а он на стол стал проситься; посадила она его на стол, а он говорит:

— А теперь придвинь мне поближе свою золотую тарелочку, будем есть с тобой вместе.

Хотя она и исполнила это, но было видно, что очень неохотно.

Принялся лягушонок за еду, а королевне и кусок в горло не лезет. Наконец он говорит:

— Я наелся досыта и устал,— теперь отнеси меня в свою спальню, постели мне свою шелковую постельку, и ляжем с тобой вместе спать.

Как заплакала тут королева,— страшно ей стало холодно-го лягушонка, боится до него и дотронуться, а он еще в прекрасной чистой постельке спать с ней собирается. Разгневался король и говорит:

— Кто тебе в беде помог, тем пренебрегать не годится.

Взяла она тогда лягушонка двумя пальцами, понесла его к себе в спальню, посадила в углу, а сама улеглась в постельку. А он прыгнул и говорит:

— Я устал, мне тоже спать хочется,— возьми меня к себе, а не то я твоему отцу пожалуюсь.

Рассердилась тут королева и ударила его изо всех сил об стену.

— Ну, уж теперь, мерзкий лягушонок, ты успокоишься!

Но только упал он наземь, как вдруг обернулся королевичем с прекрасными, ласковыми глазами. И стал с той поры, по воле ее отца, ее милым другом и мужем. Он рассказал ей, что его околдовала злая ведьма, и никто бы не мог освободить его из колодца, кроме нее одной, и что завтра они отправятся в его королевство.

Вот легли они спать и уснули. А на другое утро, только разбудило их солнышко, подъехала ко дворцу карета с восьмериком белых коней, и были у них белые султаны на голове, а сбруя из золотых цепей, и стоял на запятках слуга королевича, а был то верный Гейнрих. Когда его хозяин был обращен в лягушонка, верный Гейнрих так горевал и печалился, что велел оковать себе сердце тремя железными обручами, чтоб не разорвалось оно от горя и печали.

И должен был в этой карете ехать молодой король в свое королевство. Усадил верный Гейнрих молодых в карету, а сам стал на запятках и радовался, что хозяин его избавился от злого заклятия.

Вот проехали они часть дороги, вдруг королевич слышит — сзади что-то треснуло. Обернулся он и крикнул:

— Гейнрих, треснула карета!
— Дело, сударь, тут не в этом,
Это обруч с сердца спал,
Что тоской меня сжимал,
Когда вы в колодце жили
Да с лягушками дружили.

Вот опять и опять затрещало что-то в пути, королевич думал, что это треснула карета, но были то обручи, что слетели с сердца верного Гейнриха, потому что хозяин его избавился от злого заклятья и стал снова счастливым.

*Кошка
и мышка вдвоем*

и дружбу, что мышь согласилась наконец жить с ней в одном доме и вести сообща хозяйство.

— Надо будет на зиму сделать запасы, а не то придется

нам с тобой голодать, — сказала кошка, — но тебе-то ведь, мышка, всюду ходить нельзя, а то, чего доброго, попадешься в ловушку.

Так они и порешили и купили себе про запас горшочек жиру. Но они не знали, где его спрятать, и вот после долгих раздумий кошка и говорит:

— Лучшего места, нежели в церкви, я и не знаю. Уж от туда никто его утащить не посмеет. Давай поставим горшочек под алтарем и не будем его трогать до той поры, пока он нам не понадобится.

И вот спрятали они горшочек в надежном месте. Но прошло ни много ни мало времени, как захотелось вдруг кошке жиром полакомиться, и говорит она мышке:

— Знаешь что, мышка, зовет меня тетка на крестины: родила она сыночка, беленького с рыжими пятнышками; так вот, буду я у нее кумой. Я пойду, а ты уж сама за хозяйством присмотри.

— Ладно, — говорит мышь, — ступай себе с богом, а ежели будет что вкусное, ты и обо мне не забудь, — я бы тоже не прочь немножко сладенького красного винца хлебнуть.

Но все, что рассказала кошка, была неправда, — никакой тетки у нее не было, и никто не звал ее на крестины. А пошла она прямо в церковь, подобралась к горшочку с жиром, начала лизать — и слизала всю верхушку. Потом прогулялась по городским крышам, огляделась, легла на солнышке и стала облизывать себе усы, вспоминая о горшочке с жиром. И только под вечер воротилась она домой.

— Ну, вот наконец ты и вернулась, — сказала мышка, — небось день свой провела весело?

— Да, неплохо, — ответила кошка.

— А как же назвали ребеночка? — спросила мышка.

— Початочком, — холодно ответила кошка.

— Початочком? — воскликнула мышка. — Что это за странное и редкое имя, разве оно принято в вашем семействе?

— Да что о том говорить, — сказала кошка, — пожалуй, оно не хуже, чем какой-нибудь Воришка Хлебных Крошек, как твоих крестников называют.

Захотелось вскоре кошке опять полакомиться. И говорит она мышке:

— Сделай мне одолжение, побудь еще разок дома да присмотри сама за хозяйством, меня опять зовут на крестины; отказаться мне никак невозможно, ведь у ребеночка белый воротничок вокруг шейки.

Добрая мышка согласилась. А кошка пробралась вдоль городской стены в церковь да и выела половину горшочка жира. «Нет ничего вкусней,— подумала она,— когда что-нибудь поешь одна»,— и осталась такой работой вполне довольна.

Воротилась она домой, а мышка ее и спрашивает:

— Ну, как же назвали ребеночка?

— Серединкою,— ответила кошка.

— Серединкою? Да что ты! Я такого имени отродясь не слыхала, бьюсь об заклад, что его и в календаре-то нет.

Стала кошка вскоре вспоминать о лакомстве и облизываться.

— Ведь хорошее-то случается всегда трижды,— говорит она мышке,— приходится мне опять кумой быть. Ребеночек-то родился весь черненький, одни только лапки беленькие, и ни единого белого пятнышка, а случается это в несколько лет раз,— отпусти уж меня на крестины.

— Початочек! Серединка!— ответила мышка.— Какие, однако ж, странные имена, есть над чем призадуматься.

— Да ты вот все дома сидишь в своем темно-сером фризovém кафтане с длинной косичкой,— сказала кошка,— да только ворчишь; а все оттого, что днем из дому не выходишь.

Когда кошка ушла, мышка убрала в доме и навела в хозяйстве всюду порядок, а кошка-лакомка тем временем слизала весь жир в горшочке дочи́ста. «Когда все поешь, только тогда и успокоишься»,— сказала она про себя и лишь к ночи вернулась домой, сытая и жирная. А мышка тотчас ее и спрашивает:

— А какое ж имя дали третьему ребеночку?

— Оно тебе, пожалуй, тоже не понравится,— ответила кошка,— назвали его Поскребышком.

— Поскребышек!— воскликнула мышка.— Да-а! Над таким именем призадуматься: я пока не видала, чтобы такое имя было где напечатано. Поскребышек! А что же оно должно значить?— Покачала она головой, свернулась в клубочек и легла спать.

И с той поры никто не звал коцку на крестины. А подошла зима, нечем было уже на дворе поживиться,— тут и вспомнила мышка про свои запасы и говорит:

— Кошка, давай-ка наведаемся к нашему горшочку с жиром, ведь мы его приберегли, теперь нам есть чем полакомиться.

— Что ж,— говорит кошка,— это будет, пожалуй, так же вкусно, как полизать язычком воздух.

Пустились они в путь-дорогу. Приходят, — стоит горшочек на том самом месте, да только пустой.

— Ох, — говорит мышка, — теперь-то я вижу, что случилось, теперь мне ясно, какой ты мне верный друг! Ты все сама поела, когда на крестины ходила; сначала початочек, потом серединку, а затем...

— Да замолчи ты! — крикнула кошка. — Еще одно слово, и я тебя съем.

«Поскребышек», — вертелось на языке у бедной мышки; и только сорвалось. Это слово у неё с языка, прыгнула кошка, схватила ее и съела.

Вот видишь, как бывает оно на свете.

Разбойник и его сыновья

Жил когда-то на свете разбойник. Он обитал в дремучем лесу, в ущельях и пещерах, вместе со своими товарищами. Когда по большой дороге проезжали князья, помещики и богатые купцы, он подкарауливал их и забирал у них деньги и добро. Вот стал он годами постарше, это ремесло ему перестало нравиться, и он раскаялся, что совершил так много зла. Стал он вести жизнь более правильную, как человек честный, и, где только мог, делал добро. Было у него трое сыновей; когда они подросли, он позвал их к себе и сказал:

— Милые мои дети, скажите, какое вы ремесло хотите себе избрать, чтобы честно свой хлеб зарабатывать.

Посоветовались сыновья между собой и ответили ему так:

— Яблоко недалеко от яблони падает, мы хотим заняться тем, чем и вы занимались,— мы желаем быть разбойниками. Нам не по нутру такое ремесло, когда надо с утра до вечера работать, а заработок получать малый и вести тяжелую жизнь.

— Ах, милые дети,— ответил отец,— почему вы не хотите жить спокойно и довольствоваться малым? Живи честно — проживешь дольше. Заниматься разбоем — злое и бесчестное дело, оно приводит к плохому концу: не будет вам от такого богатства радости. Вас в конце концов поймают и повесят на виселице.

Но сыновья не обратили внимания на его предостережения, остались при своем и порешили начать. Они знали, что на конюшне у королевы находится прекрасная лошадь и что она очень дорогая, и решили ее украсть. Кроме того, они довелись, что лошадь эта не ест другого корма, кроме сочной травы, которая растет только в одном из сырых лесов. Пошли они втроем в тот лес, нарезали травы, связали ее в большую вязанку и спрятали в нее своего младшего брата, что был из них самый маленький, и сделали они это так ловко, что заметить его было нельзя. И вот вынесли они ту вязанку травы на базар. Королевский конюший купил этот корм, велел отнести его в стойло и дать лошади. Когда наступила полночь и все уже спали, выбрался младший брат из вязанки с травой, отвязал лошадь, надел на нее золотую уздечку и шитую золотом сбрую; а бубенцы, что висели на ней, он залепил воском, чтоб не было слышно звонка. Потом открыл он ворота и помчался вскачь к тому месту, куда указали ему братья. Заметили вора одни только городские сторожа, они бросились вслед за ним, нашли его вместе с братьями, поймали их всех троих и отвели в тюрьму.

Привели их на другое утро к королеве. Она увидела, что все трое парни красивые, спросила у них, откуда они родом, и узнала, что они сыновья старого разбойника, который изменил свой прежний образ жизни и живет теперь как добрый гражданин. Она велела отвести их назад в тюрьму и спросить у их отца, не пожелает ли он своих сыновей выкупить. Но старик пришел и сказал:

— Мои сыновья не достойны того, чтобы я тратил на них хотя бы один грош.

Но королева сказала ему:

— Ты был знаменитым разбойником, так вот расскажи мне из своей разбойничьей жизни самый замечательный случай, и я верну тебе сыновей назад.

Услыхал это старик и начал свой рассказ так:

— Госпожа королева, выслушайте мою речь, я расскажу вам одно приключение, испугавшее меня больше всего на свете. Однажды я узнал о том, что в диком лесном ущелье живет великан, обладающий большими сокровищами. Я отобрал из своих товарищей побольше людей, нас было сто человек, и вот мы отправились туда. Великана дома мы не застали; мы обрадовались этому и набрали золота и серебра столько, сколько могли дотащить. Мы уже было собрались в обратный путь и считали, что мы в полной безопасности, как вдруг неожиданно-негаданно явился великан с десятью другими великанами и всех нас поймал. Поделили нас великаны между собой; и досталось каждому из них по десять, и попал я с девятью товарищами к тому великану, у которого мы похитили сокровища. Они связали нам руки на спине и погнали нас, точно овец, в свою пещеру в скале. Мы предложили откупиться деньгами и всем, что у нас было, но великан ответил:

— Мне не надо ваших богатств, я оставлю вас у себя и съем вас, это мне будет приятней.

Потом он ощупал каждого из нас, выбрал одного и сказал:

— Этот будет пожирней, с него я и начну.

Он убил его, бросил в котел с водой, который он поставил на огонь. Так съедал он каждый день одного из нас, а так как я был самым тощим, то должен был быть съеден последним. Когда мои девять товарищей были уже съедены, я решился пуститься на хитрость.

— Я вижу, что у тебя больные глаза,— сказал я великану,— а я лекарь и в таких делах человек опытный; если ты оставишь меня в живых, я вылечу тебе глаза.

Великан обещал сохранить мне жизнь, если я сумею его вылечить. Он предоставил мне все, что я для этого потребовал. Я налил масла в котел, подсыпал туда серы, смолы, соли, мышьяка и разных ядовитых снадобий и поставил котел на огонь, будто собираясь приготовить для его глаз пластырь. Только масло закипело, я предложил великану лечь на землю и вылил все, что было в котле, ему на глаза, на шею и тело, и вот он совершенно ослеп, а кожа на теле была сожжена и облезла. Он с диким воплем вскочил, потом упал и начал кататься по земле, ревя и вопя, как лев или бык. Потом, разъяренный, он бросился, схватил большую дубину и, бегая взад и вперед по дому, начал бить по земле и по стенам, думая попасть в меня. Убежать мне было невозможно,— дом был со всех сторон обнесен высокими стенами, а двери заперты на железные засовы.

Я кидался из угла в угол, наконец я решил, что одно спасение — это взобраться по лестнице до потолка; и вот я повис на руках, уцепившись за балку. Так провисел я день и всю ночь, но больше выдержать я не мог, и тогда я спустился вниз и спрятался между овцами. Тут пришлось быть попроворней, и, чтоб великан не мог меня схватить, мне надо было все время бегать у овец между ног. Наконец я нашел в одном углу баранью шкуру, влез в нее и постарался сделать так, чтобы бараньи рога пришлись бы как раз у меня на голове. Великан имел обыкновение, перед тем как овцы выходили на пастбище, пропускать их между ног. При этом он их считал, и какая овца была пожирней, ту он и хватал, потом варил ее и съедал на обед. Это был подходящий случай убежать; я стал проходить между ногами великана, как делали это овцы. Когда великан ощупал меня и узнал, что я жирен, он схватил меня и сказал:

— Ты жирен, вот ты сегодня и попадешь ко мне в брюхо.

Я сделал прыжок и вырвался у него из рук, но он схватил меня опять.

Мне удалось вырваться еще раз, но он меня снова поймал, и так продолжалось семь раз. Тогда он разгневался и сказал:

— Ну, беги, пусть тебя волки съедят, довольно ты надо мной насмехался.

Я очутился на воле, сбросил шкуру и язвительно крикнул ему, что я все же от него убежал, и стал над ним насмехаться. Тогда он снял с пальца кольцо и сказал:

— Прими это золотое кольцо от меня в подарок, ты его заслужил. Нехорошо, если такой хитроумный человек, как ты, уйдет от меня без даров.

Я взял кольцо, надел его себе на палец, но я не знал, что оно волшебное. С той поры, как надел я его, я принужден был кричать без умолку: «Я здесь, я здесь!». И великан мог по моему крику знать, где я нахожусь; и он бросился за мной в лес. А так как великан был слепой, то он все время натывался на деревья и падал при этом наземь, словно огромное дерево. Но он быстро подымался, а так как ноги у него были длинные и он мог делать большие шаги, то он всегда меня почти нагонял и был совсем уж близко от меня, так как я все время кричал: «Я здесь, я здесь!».

Вскоре я понял, что причина моего крика кроется в кольце; я попробовал его снять, но сделать это мне не удалось. И мне не оставалось ничего другого, как откусить себе палец. И тотчас я перестал кричать и счастливо убежал от великана. Хотя я и потерял палец, но зато спас себе жизнь.

— Госпожа королева,— сказал разбойник,— эту историю я рассказал вам для того, чтобы выкупить одного из своих сыновей, а теперь, чтобы освободить второго, я расскажу вам, что произошло дальше.

Когда я вырвался из рук великана, я блуждал в дремучих лесах, не зная, куда мне идти дальше. Я взбирался на самые высокие ели, на вершины гор, но, куда я ни вглядывался, нигде не было видно ни жилья, ни пашни, ни единого следа человеческой жизни — кругом были одни лишь страшные лесные дебри. Я шел все дальше и дальше, мучимый голодом и жаждой, и каждую минуту боялся, что вот-вот упаду от слабости. Наконец, когда солнце начало уже заходить, я взобрался на высокую гору и увидел, что в пустынной долине подымается густой дым, будто из хлебопекарной печи. Я быстро спустился с горы в ту сторону, откуда шел дым; сойдя вниз, я увидел трех мертвецов, они были повешены на ветке дерева. Я испугался, но взял себя в руки, направился дальше и вскоре подошел к небольшому дому. Двери в нем стояли открытые настежь; у очага сидела какая-то женщина с ребенком. Я вошел, поздоровался и спросил, почему она сидит здесь одна и где ее муж; спросил, далеко ли еще до человеческого жилья. Она ответила, что до тех мест, где живут люди, очень далеко. Она рассказала мне со слезами на глазах, что прошлой ночью явились дикие лесные чудовища и похитили ее вместе с ребенком у мужа и завели в эти лесные дебри. Наутро чудовища ушли и велели ей убить ребенка и сварить его; они сказали, что, вернувшись назад, собираются его съесть. Услыхав это, я почувствовал к матери и ребенку большую жалость и решил их спасти. Я побежал к дереву, на котором были повешены трое воров, снял среднего из них, что был покрупней, и принес его в дом. Я сказал женщине, чтоб она сварила его и подала на ужин великанам. А ребенка я взял и спрятал в дупле дерева, а сам спрятался за домом так, чтобы мне можно было следить, когда подойдут великаны, и в случае чего поспешить на помощь женщине. Как только стало заходить солнце, я заметил, что чудовища спускаются с горы: были они на вид страшные и жуткие, похожие на обезьян. Они волокли за собой чье-то мертвое тело, но разглядеть, что это было, я не мог. Войдя в дом, они развели огонь в очаге, разорвали зубами окровавленное тело и сожрали его. Потом они сняли с очага котел, в котором варилось мясо вора, и поделили куски между собой на ужин. Когда они поужинали, один из них, тот, кто по виду, должно быть, был у них вожаком, спросил у женщины, было ли это мясо ребенка, которое

они съели. Женщина ответила: «Да». Тогда сказал чудовище-великан:

— А я думаю, что ты ребенка спрятала, а нам сварила одного из воров, что висят на дереве.

И он велел троим из своих подручных пойти и принести ему с каждого вора по куску мяса, чтоб убедиться, что все они по-прежнему висят там. Услыхав это, я быстро побежал вперед и повис между двумя ворами, держась руками за веревку, с которой я снял третьего вора. Явились чудовища и вырезали у каждого из бедра по куску мяса. Они вырезали кусок и у меня, но я это перенес, не проронив ни звука. У меня и до сих пор есть на теле рубец.

Разбойник немного помолчал, а потом продолжал:

— Госпожа королева, я рассказал вам это приключение ради моего второго сына; а теперь я расскажу вам конец этой истории ради моего третьего сына.

Когда дикие чудовища убежали с кусками мяса, я спрыгнул вниз и перевязал себе рану куском рубахи. Но я не обращал внимания на боль и думал только о том, чтобы выполнить перед женщиной свое обещание и спасти ее вместе с ребенком. Я поспешил вернуться назад к дому, спрятался и стал прислушиваться к тому, что происходило; в это время великан проверял три принесенных ему куска мяса. Когда он попробовал тот кусок, который был вырезан у меня, а был он еще в крови, великан сказал:

— Ступайте скорей и принесите мне того вора, что висит посредине — его мясо свежее, оно мне по вкусу.

Услыхав это, я поспешил назад к виселице и повис опять на веревке между двумя мертвецами. Вскоре явились чудовища, они сняли меня с виселицы, поволокли к дому и бросили меня наземь. Но только подняли они надо мной ножи, как вдруг поднялась такая буря с громом и молнией, что сами чудовища пришли в ужас. Они бросились с диким криком в окна, в двери, на крышу и оставили меня лежать одного на полу.

Прошло три часа, начало светать, и поднялось яркое солнце. Я собрался с женщиной в путь-дорогу, и мы пробирались с ней сорок дней через лесные дебри, питались только одними кореньями, ягодами и травой, которые росли в лесу. Наконец мы попали к людям, я привел женщину с ребенком к ее мужу: и легко себе представить, как велика была его радость.

На этом рассказ разбойника окончился.

— Тем, что ты спас женщину и ребенка, ты загладил злые дела, совершенные тобой, — сказала королева разбойнику, — я освобожу твоих трех сыновей.

*Сказка о том,
кто ходил
страху учиться*

не понимал и к ученью был неспособен; посмотрят на него люди, бывало, и скажут:

— С этим придется отцу немало еще повозиться!

Если надо было что-нибудь сделать, то старший сын с делом всегда управится; но если отец велит ему что-нибудь принести, а время позднее или совсем к ночи, а дорога идет через кладбище или мимо какого-нибудь другого мрачного места, он всегда отвечал:

— Ох, батюшка, не пойду я туда, мне страшно! — потому что был он боязлив.

Или, бывало, вечером начнут рассказывать у камелька всякие такие небылицы, что иного мороз по коже пробирает, и скажут подчас слушатели: «Ах, как страшно!» — а младший сидит себе в углу, тоже слушает, и никак ему невдомек, что это значит — страшно.

— Вот все говорят: «Мне страшно! Страшно!» — а мне вот ничуть не страшно. Это, пожалуй, дело такое, в котором я тоже ничего не смыслю.

Однажды и говорит ему отец:

— Эй, послушай, ты, там, в углу! Ты вон гляди какой уже большой вырос и силы набрался, надо будет тебе тоже чему-нибудь научиться, чтобы хлеб себе зарабатывать. Видишь, как брат твой старается, а ты ни к чему негож.

— Эх, батюшка, — ответил младший сын, — я бы охотно чему-нибудь научился; и раз уж на то пошло, то хотелось бы мне научиться, чтоб было мне страшно; в этом деле, видно, я еще ничего не смыслю.

Услыхав это, старший брат посмеялся и подумал: «Боже ты мой, какой, однако, у меня брат дурень, из него никогда ничего не получится; кто хочет чем-нибудь сделаться, должен быть изворотлив».

Вздыхнул отец и говорит младшему сыну:

— Уж чему-чему, а страху ты должен научиться; но на хлеб себе этим вряд ли ты заработаешь.

А тут вскоре зашел к ним в гости пономарь. Стал ему отец на свою беду жаловаться и рассказал, что младший сын у него несмышленный — ничего не знает; ничему не учится.

— Вы только подумайте, спрашиваю я у него, чем ты хлеб себе зарабатывать хочешь, а он говорит: хотел бы я страху научиться.

— Если уж на то пошло, — ответил пономарь, — этому он мог бы у меня научиться; вы его только ко мне пришлите, а я уж его пообтешу как следует.

Отец остался этим доволен и подумал: «Вот все ж таки парня как-нибудь да пристрою».

И вот взял его пономарь жить у себя в доме, и должен был парень звонить в колокол. Спустя несколько дней разбудил его раз пономарь в полночь, велел ему встать, взобраться на колокольню и звонить в колокол.

«Уж теперь-то ты страху научишься», — подумал пономарь, а сам тайком пробрался на колокольню: и только парень взобрался наверх и успел повернуться, чтоб взяться за веревку от колокола, видит — стоит на лестнице, как раз напротив окошка, какая-то фигура в белом.

— Кто это? — крикнул он; но фигура в белом ничего не ответила и не двинулась, не шелохнулась.

— Отвечай, — закричал парень, — или убирайся прочь отсюда, здесь тебе по ночам делать нечего!

Но пономарь продолжал стоять и даже с места не сдвинулся, чтоб парень подумал, что это стоит привидение.

Крикнул парень второй раз:

— Чего тебе здесь надобно? Коли ты человек порядочный, то отвечай, а не то я сброшу тебя вниз с лестницы.

Тут пономарь подумал: «До этого дело, пожалуй, не дойдет», — он не проронил ни звука и стоял, точно вкопанный. Парень окликнул его в третий раз, но напрасно: тогда он подбежал и сбросил привидение с лестницы вниз, и покатилося оно с десяти ступенек, да так и осталось лежать в углу.

Отзвонил парень в колокол, вернулся домой и, ни слова не сказав, улегся в постель и продолжал себе спать дальше. Долго дожидалась своего мужа пономариха, а он все не возвращался. Наконец стало ей страшно, она разбудила парня и спрашивает:

— Не знаешь ли ты, куда это мой муж запропал? Ведь он на колокольню взобрался раньше тебя.

— Не знаю, — ответил парень, — но я видел, что кто-то стоял на лестнице напротив слухового окошка, ничего не отвечал, уходить не хотел, я и счел его за вора и сбросил вниз. Сходите туда да поглядите, не он ли это, а то мне, право, будет жалко.

Кинулась пономариха туда и нашла своего мужа; он лежал в углу и стонал, — сломал себе ногу.

Она принесла его с колокольни и бросилась, громко причитая, к отцу парня.

— А парень-то ваш, — сказала она, — большой беды надеялся, сбросил моего мужа вниз с лестницы, и тот сломал ногу. Забирайте-ка вы от нас своего шалопаю.

Испугался отец, прибежал туда и начал бранить сына:

— Что это у тебя за проделки такие, уж не сам ли черт тебе их внушил?

— Батюшка, — ответил сын, — да выслушайте меня, я-то вовсе тут не виноват. Пономарь стоял на колокольне ночью, как человек, замысливший недоброе дело; я не знал, кто это, и трижды просил его отозваться или уйти.

— Эх, — сказал отец, — будет мне с тобой одно только горе. Убирайся ты с моих глаз долой, я и знать тебя больше не хочу.

— Хорошо, батюшка, я охотно уйду, но вы уж погодите, пока наступит день; я тогда уйду от вас и пойду страху учиться, — вот и обучусь ремеслу, что меня прокормить сможет.

— Учись себе чему хочешь, — сказал отец, — мне все равно. На тебе пятьдесят талеров, ступай с ними куда хочешь, да только не смей говорить никому, откуда ты родом и кто твой отец, а то мне за тебя стыдно будет.

— Ладно, батюшка, как вам будет угодно; а если вы от меня большего не требуете, то я выполню все как следует.

Только стало светать, сунул юноша в карман свои пятьдесят талеров и вышел на большую дорогу; шел он и все твердил про себя одно и то же: «Вот если б стало мне страшно! Вот если б стало мне страшно!»

Услыхал эти слова какой-то прохожий и подошел к нему. Прошли они некоторое время вместе и увидели виселицу, и говорит ему тот прохожий:

— Видишь, вон стоит дерево, а на нем семеро с дочкой заплечных дел мастера свадьбу справили и теперь летать обучаются. Садись-ка ты под этим деревом, и как дождешься ночи, то и страху научишься.

— Ежели это все, — ответил парень, — то дело это нетрудное; раз я так скоро научусь страху, то ты получишь от меня за это пятьдесят талеров; только приходи ко мне утром пораньше.

Подошел парень к виселице, уселся под нею и стал сумерек дожидаться. Стало ему холодно, и он развел костер; но к полуночи поднялся такой холодный ветер, что, несмотря на костер, он никак не мог согреться. И начал ветер раскачивать повешенных, и они толкали один другого то туда, то сюда, и он подумал: «Я вот зябну внизу у костра, а каково же им там

наверху мерзнуть да друг об дружку стукаться». А так как был он жалостлив, то приставил лесенку, взобрался на виселицу, отвязал всех одного за другим и стащил всех семерых вниз. Потом он раздул огонь, разгорелось пламя сильней, и он усадил всех вокруг костра греться. Сидели они не двигаясь, и здруг загорелась на них одежда. Тогда он говорит:

— Вы будьте с огнем поосторожней, а не то я вас вздерну опять на виселицу.

Но мертвецы ничего не слышали, они молчали и не обратили внимания на то, что их лохмотья горят. Тут рассердился он и говорит:

— Ежели вы не будете осторожны, то я выручать вас не стану, а сгореть вместе с вами у меня нет никакой охоты,— и повесил их всех одного за другим опять. Потом он подсел к костру и уснул. Является на другое утро к нему тот прохожий получить с него пятьдесят талеров и говорит:

— Ну, теперь ты узнал, что такое страх?

— Нет,— ответил парень,— да откуда же мне было его узнать-то? Ведь те, что там наверху, и рта не раскрыли и такими дураками оказались, что сожгли все свои старые лохмотья.

Понял тогда прохожий, что пятидесяти талеров ему с него не получить, и сказал, уходя:

— Такого я еще ни разу на свете не видывал.

И отправился парень дальше своей дорогой и принялся снова про себя бормотать:

— Ах, если бы стало мне страшно! Ах, если бы стало мне страшно!

Услыхал это один извозчик, который шел сзади него, и спрашивает:

— Кто ты такой?

— Не знаю,— ответил парень.

Начал извозчик его расспрашивать:

— А ты откуда?

— Не знаю.

— А кто твой отец?

— Этого мне говорить не велено.

— А что ж ты это все про себя бормочешь?

— Э-э,— ответил парень,— да я хотел, чтоб мне стало страшно, да никто не может меня этому научить.

— Не болтай глупостей,— сказал извозчик,— только ступай со мной, и уж я тебе докажу, что я это сделаю.

Отправился парень вместе с извозчиком. Подошли они под вечер к харчевне и решили в ней заночевать. Входит парень в комнату и говорит опять:

— Вот если б стало мне страшно! Если б стало мне страшно!

Услыхал то хозяин харчевни, засмеялся и сказал:

— Если тебе этого так хочется, то случай для этого здесь, пожалуй, подвернется.

— Ах, помолчал бы ты лучше,— сказала хозяйка,— не один уже смельчак жизнью своей поплатился, и жаль мне красивых глаз, если они больше света не увидят.

Но парень ответил:

— Ежели это и вправду так трудно, то мне бы хотелось этому научиться, ведь ради этого я и отправился странствовать.

И он не давал хозяину покоя до тех пор, пока тот наконец не рассказал ему, что неподалеку находится заколдованный замок, где страху научиться уж наверняка можно, если парень только согласится провести там три ночи подряд.

И обещал король тому, кто на это дело отважится, отдать дочь свою в жены; а королева — самая красивая девушка, какая только есть на свете; и запрятаны в замке большие сокровища, которые стерегут злые духи; и если эти сокровища расколдовать, то сделают они бедняка богатым. И будто много людей побывало в этом замке, но никто из них до сих пор назад не вернулся.

Пришел парень на другое утро к королю и говорит:

— Если будет дозволено, то хотелось бы мне очень провести три ночи в заколдованном замке.

Посмотрел на него король, и так как парень ему понравился, то сказал он:

— Вдобавок ты можешь попросить у меня еще три вещи, но это должны быть предметы неодушевленные; ты их можешь взять с собой в замок.

Парень ответил:

— В таком случае я прошу дать мне огня, столярный станок и токарный вместе с резцом.

Король велел отнести все это днем для него в замок. С наступлением ночи поднялся парень туда, развел в комнате огонь, поставил рядом с собой столярный станок, а сам на токарный уселся.

— Ах, если б стало мне страшно! — сказал он. — Но, пожалуй, я и здесь страху не научусь.

Собрался он в полночь разворошить огонь, стал его раздувать, и вдруг в углу что-то закричало: «Мяу-мяу! Как нам холодно!».

— Эй, вы, дураки, — крикнул парень, — чего кричите? Ежели вам холодно, то ступайте сюда, подсаживайтесь к огню и грейтесь.

И только он это сказал, как прыгнули к нему две громадные черные кошки, уселись рядом с ним по бокам и дико на него поглядели своими огненными глазами. Только они согрелись и говорят:

— Приятель, а давай-ка в карты сыграем.

— Отчего ж не сыграть,— ответил парень,— но покажите-ка сперва мне ваши лапы.

И выпустили кошки свои когти.

— Э-э,— сказал он,— да какие у вас, однако, длинные когти! Постоите-ка, их надо будет сначала маленько пообстричь.

И он схватил кошек за шиворот, поднял их на столярный станок и крепко прикрутил им лапы.

— Я вас узнал по когтям,— сказал он,— и в карты играть у меня охота пропала.

Он убил их и выбросил за окошко в воду. Только угомонил он этих двух и хотел было подсесть опять к своему камельку, как вдруг появились из всех углов и закоулков черные кошки и черные псы на раскаленных цепях; их становилось все больше и больше, и ему некуда было от них податься; они страшно кричали, наступали на огонь, разбросали его и хотели было его потушить.

Некоторое время он смотрел на это спокойно, но наконец это его разозлило, он схватил свой резец и крикнул: «Прочь отсюда, сволочь!» — и кинулся на них. Часть из них успела отскочить в сторону, а других он убил и выбросил в пруд. Потом он вернулся назад, раздул опять из искры огонек, и глаза стали у него смежаться: захотелось ему поспать. Оглянулся он — видит в углу большую кровать.

— Это как раз мне кстати,— сказал он и улегся в нее. Но только хотел он закрыть глаза, как начала кровать сама двигаться и покатила по всему замку.

— Оно, пожалуй, ничего,— сказал он,— но лучше бы она остановилась.

Но кровать продолжала катиться, будто в нее запрягли шестерик лошадей,— через пороги и лестницы, то вниз, то вверх; и вдруг — гуп-гуп! — опрокинулась кровать вверх ножками, и словно какая гора на него навалилась. Но парень посбрасывал с себя одеяла и подушки, выбрался и сказал:

— Ну, пусть себе катается тот, у кого есть на это охота,— лег у своего очага и проспал до самого утра.

Наутро явился король и, увидев, что парень лежит на земле, подумал, что его погубили привидения и что он уже мертвый. И сказал король:

— А жалко мне парня-красавца.

Услыхал это парень, поднялся и говорит:

— Нет, до этого еще далеко!

Удивился король, обрадовался и спросил, что здесь с ним было.

— Все было хорошо, — ответил юноша, — одна ночь прошла, пройдут и две остальные.

Пришел парень к хозяину харчевни, а тот так и вытаращил глаза от изумления.

— Не думал я никак, — сказал он, — увидеть тебя в живых. Ну что, научился страху?

— Нет, — ответил тот, — все было попусту. Ах, если бы кто рассказал мне, что это такое!

На вторую ночь отправился парень опять в старый замок, подсел к камельку и завел снова свою старую песенку: «Если б стало мне страшно!». Наступила полночь, слышались шумы и стуки, сперва тихие, потом посильнее, потом опять стало тихо; и показалась наконец из трубы с громким воплем половина человека и рухнула прямо перед ним.

— Гей, — крикнул парень, — а где же другая половина? Этого мало!

Снова поднялся шум, все загрохотало, загремело, завывало, и вот выпала из трубы и другая половина.

— Постой, — сказал парень, — я сперва раздую для тебя згонек.

Раздул, оглянулся, видит — сомкнулись обе половины, и страшный человек уселся на его место.

— Такого уговору у нас не было, — сказал парень, — скамейка моя.

Хотел было человек его столкнуть, но парень не поддался, толкнул его со всей силы и уселся опять на свое место.

И выпало затем из трубы один за другим много еще таких же людей. Они притащили кости мертвецов и два черепа, поставили их и начали играть в кегли.

Захотелось и парню сыграть тоже, вот он и спрашивает:

— Послушайте-ка, вы, нельзя ли и мне с вами сыграть?

— Пожалуй, если деньги у тебя водятся.

— Денег достаточно, — сказал парень, — да шары-то у вас недостаточно круглые.

Взял он черепá, поставил их на токарный станок, пообточил, и стали они покруглей.

— Так-то будут они лучше кататься, — сказал он. — Эге, теперь дело пойдет веселей!

Сыграл он с ними и проиграл немного денег. Но вот пробило двенадцать часов, и вмиг все перед ним исчезло. Он улегся и спокойно уснул.

Приходит на другое утро король узнать, как там было дело.

— Ну, каково пришлось тебе на сей раз?— спросил он.

— Да я в кегли играл,— ответил парень,— и несколько геллеров проиграл.

— А разве тебе не было страшно?

— Да что вы,— сказал парень,— весело было. Эх, узнать бы мне только, что такое страх!

На третью ночь уселся парень опять на станок и с такой досадой говорит:

— Эх-х, если бы стало мне страшно!

А время уже подошло к ночи, и вот явилось шестеро громадных людей, они принесли погребальные носилки.

А парень и говорит:

— Ага, это, должно быть, мой двоюродный братец, что несколько дней тому назад умер,— и он поманил его пальцем и кликнул:

— Ступай сюда, братец, ступай!

Они опустили гроб на землю, парень подошел к нему и снял крышку: и лежал в нем мертвец. Пощупал парень ему лицо, и было оно как лед холодное.

— Погоди,— сказал он,— я тебя маленько обогрею,— подошел к очагу, согрел руку и положил ее мертвецу на лицо, но тот остался холодным. Тогда вытащил парень мертвеца из гроба, подсел к камельку, положил мертвеца к себе на колени и начал растирать ему руки, чтоб кровь разошлась по жилам. Но когда и это не помогло, то парню пришло в голову: «Если лечь с ним в постель вместе, то можно будет лучше его согреть»,— и он перенес мертвеца на постель, укрыл его и улегся с ним рядом. Тут вскоре мертвец согрелся и задвигался. А парень и говорит:

— Вот видишь, братец, я тебя и отогрел!

Тут поднялся мертвец и крикнул:

— А теперь я тебя задушу!

— Что?— сказал парень.— Так-то ты меня хочешь отблагодарить? Раз так, то возвращайся опять к себе в гроб.— И он поднял мертвеца, бросил его в гроб и прикрыл крышкой; потом явилось шестеро человек и унесли его.

— Все никак не становится мне страшно,— сказал парень,— этак, пожалуй, я за всю свою жизнь страху не научусь!

Тогда выступил вперед один из людей, он был ростом выше остальных и на вид такой страшный; но был он стар, и была у него длинная седая борода.

— Ах ты мальчишка!— крикнул он.— Ты скоро узнаешь, что такое страх, ты должен умереть.

— Не так-то уж скоро,— ответил парень,— ведь я-то должен сам при этом присутствовать.

— Нет, уж тебя я схвачу,— пригрозило страшилище.

— Потихе, потихе, нечего руки протягивать! Если ты силен, то и я не слабей тебя, а может, и посильней буду.

— Это мы посмотрим,— сказал старик,— если ты посильнее меня, то я тебя отпущу; подходи, давай-ка померяемся! И он повел его по темным переходам в кузницу, взял топор и одним махом вогнал наковальню в землю.

— Я сумею еще почище,— сказал парень и подошел к другой наковальне.

Старик, желая посмотреть, стал рядом, и белая его борода опустилась до самой земли. Тут схватил парень топор, расколол наковальню надвое и защемил заодно бороду старика.

— Вот ты и попался,— сказал парень,— теперь твой черед помирать.— Он схватил железный лом и кинулся с ним на старика. Начал старик стонать и просить над ним сжалиться и пообещал парню большие богатства. Вытащил тогда парень топор и отпустил старика.

Повел его старик опять в замок и показал ему в подземелье три сундука, полных золота.

— Одна часть золота,— сказал он,— беднякам, другая — королю, а третья часть — тебе.

Между тем пробило двенадцать часов, и дух исчез, и парень остался один в потемках.

— Однако выбраться отсюда я, пожалуй, сумею,— сказал он и стал пробираться ощупью; нашел дорогу в комнату и уснул у своего очага.

Приходит утром король и спрашивает:

— Ну что, теперь-то ты страху научился?

— Нет,— ответил юноша,— да и что тут было? Побывал здесь мой покойный двоюродный братец, и приходил какой-то бородач, много денег мне указал в подземелье, но что такое страх, так мне до сих пор никто и не сказал.

И сказал король:

— Ты замок этот расколдовал и можешь теперь на моей дочери жениться.

— Это очень хорошо,— ответил парень,— но что такое страх, я так до сих пор и не знаю.

Вот принесли наверх из подземелья золото и отпраздновали свадьбу, но молодой король, как ни любил свою жену и как ни был ею доволен, все же всегда повторял:

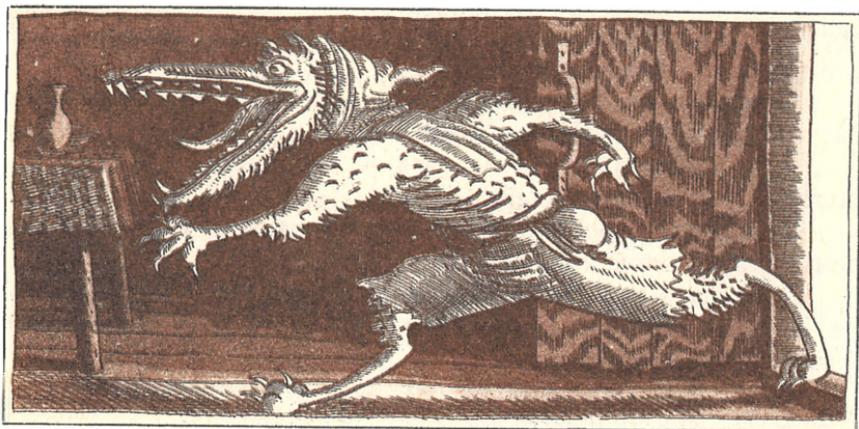
— Если бы стало мне страшно, если бы стало мне страшно!

Наконец ей это надоело. И говорит раз служанка королеве:

— В этом деле я помогу, уж он страху научится.

Пошла она к ручью, что протекал в саду, и набрала полный ушат пескарей. Ночью, только молодой король уснул, стащила жена с него одеяло и вылила на него полный ушат холодной воды с пескарями, и начали маленькие рыбки прыгать и барахтаться по телу молодого короля, тут он проснулся да как закричит:

— Ой, милая жена, как мне страшно, как страшно! Да, теперь я уж знаю, что такое страх!

Волк и семеро козлят

Жила-была старая коза. Было у нее семеро козлят, и она их так любила, как может любить своих детей только мать. Раз собралась она идти в лес, корму принести; вот созвала она всех своих семерых деток и говорит:

— Милые детки, хочу я в лес пойти, а вы смотрите волка берегитесь. Если придет он сюда, то всех вас поест, заодно со шкурой и шерстью. Этот злодей часто прикидывается, но вы его сразу узнаете по толстому голосу и по черным лапам.

Ответили козлятки:

— Милая матушка, уж мы поостережемся, вы ступайте себе, не беспокойтесь.

Заблеяла старая коза и преспокойно отправилась в путь-дорогу.

Прошло немного времени, вдруг кто-то стучится в дверь и кричит:

— Детки милые, отомкните, ваша мать пришла, вам гостинцев принесла!

Но козляточки по толстому голосу услышали, что это волк!

— Не откроемся, — закричали они, — ты не матушка наша; у той голос добрый и тонкий, а твой голос толстый: ты — волк!

Пошел тогда волк к купцу и купил себе мела большой кусок, съел его, и стал у него голос тонкий. Вернулся назад, постучался в дверь и говорит:

— Детки милые, отомкните, ваша мать пришла, вам гостинцев принесла!

Положил волк свою черную лапу на окошко, увидели ее козлятки и закричали:

— Не откроемся, у матушки нашей не черные лапы: ты — волк!

Побежал тогда волк к хлебопеку и говорит:

— Я зашиб себе ногу, помажь мне ее тестом.

Помазал ему хлебопек лапу тестом, побежал волк к мельнику и говорит:

— Присыпь мне лапу белой мукой.

Мельник подумал: «Волк, видно, хочет кого-то обмануть», — и не согласился. А волк говорит:

— Если ты этого не сделаешь, я тебя съем.

Испугался мельник и побелил ему лапу. Вот какие бывают люди на свете!

Подошел злодей в третий раз к двери, постучался и говорит:

— Детки милые, отомкните, ваша мать пришла, вам из лесу гостинцы принесла!

Закричали козляточки:

— А ты покажи нам сначала свою лапу, чтобы мы знали, что ты наша матушка.

Положил волк свою лапу на окошко, увидели они, что она белая, и подумали, что он правду говорит, — и открыли ему дверь. А тот, кто вошел, был волк.

Испугались они и решили спрятаться. Прыгнул один козленочек под стол, другой — на кровать, третий — на печку, четвертый — в кухню, пятый — в шкаф, шестой — под умывальник, а седьмой — в футляр от стальных часов. Но всех их нашел волк и не стал долго разбираться: разинул пасть и проглотил их

одного за другим; одного только он не нашел, того младшего, что спрятался в часах.

Наевшись досыта, волк ушел, растянулся на зеленом лужку под деревом и заснул.

Приходит вскоре старая коза из лесу домой. Ах, что ж она там увидела!.. Дверь настежь раскрыта. Стол, стулья, скамьи опрокинуты, умывальник разбит, подушки и одеяла с постели сброшены. Стала она искать своих деток, но найти их нигде не могла. Стала она их кликать по именам, но никто не отзывался. Наконец подошла она к часам, и раздался в ответ тоненький голосок:

— Милая матушка, я в часах спрятался!

Вынула она его оттуда, и он рассказал, что приходил волк и всех поел. Можете себе представить, как оплакивала коза своих бедных деточек!

Наконец вышла она в великом горе из дому, а младший козленочек побежал за ней следом. Пришла она на лужок, видит: лежит у дерева волк и храпит так, что аж ветки дрожат. Оглядела она его со всех сторон и увидела, что в раздувшемся брюхе у него что-то шевелится и барахтается.

«Ах, боже ты мой, — подумала она, — неужто мои бедные деточки, которых поел он на ужин, еще живы-живехоньки?» И велела она козленку бежать поскорее домой и принести ножницы, иглу и нитки. Вот вспорола она чудищу брюхо, но только сделала надрез, а тут и высунул козленочек свою голову. Стала вспарывать брюхо дальше, — тут и повысочили один за одним все шестеро, живы-живехоньки, и ничего с ними плохого не случилось, потому что чудище от жадности заглатывало их целиком. Вот уж радость-то была! Стали они ласкаться да голубиться к милой своей матушке, скакать и прыгать, словно портной на свадьбе. Но старая коза сказала:

— Ступайте скорей и найдите камней-голышей, мы набьем ими брюхо проклятому зверю, пока он еще сонный.

Натащили тут семеро козлят много-много камней и засунули их волку в брюхо столько, сколько влезло. Зашила старая коза ему наскоро брюхо, а тот ничего не заметил, даже ни разу не двинулся.

Выспался наконец волк, поднялся на ноги и почувствовал от камней в брюхе такую жажду, что пошел к колодцу воды напиться. Только он двинулся, а камни в брюхе один о другой стучат да постукивают. И крикнул волк:

Что урчит и стучит,
В моем брюхе бурчит?
Думал я — шесть козлят,
А то камни гремят.

Подошел к колодцу, наклонился к воде, хотел напиться, и потянули его тяжелые камни вниз, так он там и утонул. Увидали это семеро козлят, прибежали к матери и давай кричать: — Волк мертвый! Волк уже мертвый! — И стали на радостях плясать вместе со своей матушкой вокруг колодца.

Верный Иоганнес

Жил-был некогда старый король; заболел он однажды и подумал: «Видно, мне с постели уже не подняться, будет она мне смертным ложем». И сказал:

— Позовите ко мне верного Иоганнеса.

Верный Иоганнес был его любимым слугой; звали его так потому, что всю свою жизнь он был ему верен. Подошел он к постели, а король ему и говорит:

— Мой верный Иоганнес, я чувствую, что близок мой конец, и одна у меня забота — о сыне моем: он еще слишком молод и не всегда сможет решить, как надо ему поступить; если ты мне не пообещаешь его во всем наставлять, что ему должно делать, и быть ему вместо отца родного, я не смогу умереть спокойно.

И ответил верный Иоганнес:

— Я никогда его не оставлю и буду служить ему верно, даже если бы это стоило мне жизни.

И сказал старый король:

— Тогда я умру спокойно. — И продолжал: — После моей смерти ты должен показать ему весь замок, все комнаты, залы и подземелья, и все сокровища, что находятся в нем; но последней комнаты в длинном коридоре ты ему не показывай: там спрятан портрет королевы с Золотой Крыши. Если мой сын увидит этот портрет, он загорится к ней страстной любо-

вью и упадет без чувств, и ему будет тогда грозить большая опасность; ты должен его от этого уберечь.

И верный Иоганнес пообещал еще раз старому королю все исполнить, и король успокоился, опустил голову на подушку и умер.

Когда старого короля схоронили, рассказал верный Иоганнес молодому королевичу, что обещал он отцу на его смертном ложе, и говорит:

— Слово свое я исполню в точности, буду тебе верен, как был я верен и твоему отцу, хотя бы это и стоило мне жизни.

Прошло время поминок, и говорит королевичу верный Иоганнес:

— Подошел срок посмотреть тебе на свое наследство, я хочу показать тебе отцовский замок.

И он водил его повсюду, и наверху и внизу, показал ему все сокровища и роскошные покои, но только не открыл одной комнаты, где находился опасный портрет. А был он поставлен так, что если открыть дверь, то прямо его и увидишь; и был он написан так прекрасно, что казался живым, и не было на свете ничего прекрасней его и милей. Молодой король заметил, что верный Иоганнес всегда проходил мимо одной двери, и сказал:

— Почему ты ни разу не откроешь ее?

— Там находится нечто такое, — ответил верный Иоганнес, — чего ты испугаешься.

Но молодой король ответил:

— Я осмотрел весь замок и хочу также узнать, что находится в этой комнате. — Он подошел и хотел было открыть ее силой. Но верный Иоганнес его удержал и сказал:

— Я обещал твоему отцу перед его смертью, что ты никогда не увидишь, что находится в этой комнате: это может кончиться и для тебя, и для меня большим несчастьем.

— Ах, нет, — ответил юный король, — если я туда не войду, будет мне верная гибель: я не буду иметь ни дня, ни часа покоя, пока не увижу комнату своими глазами. Я не сойду с места, пока ты ее не откроешь!

Понял верный Иоганнес, что тут ничего не поделаешь, и с тяжелым сердцем, вздыхая, нашел он в большой связке ключ. Открыл дверь и вошел туда первый, — он думал, что король за его спиной портрета не увидит; но это не помогло, — король приподнялся на носки и глянул на портрет через плечи Иоганнеса.

И только он увидел изображение девушки, что была вся такая прекрасная, блистала золотом и драгоценными камнями, как тотчас упал без чувств на пол. Поднял его верный Иоганнес, отнес в постель и в тревоге подумал: «Свершилось несчастье. Боже мой, что теперь будет?». Он дал молодому королю

подкрепиться вином, и тот опять пришел в себя. Первое слово, какое он произнес, было:

— Ах, кто это изображен на этом чудесном портрете?

— Это королева с Золотой Крыши,— ответил верный Иоганнес.

И сказал король:

— Моя любовь к ней так велика, что если бы все листья на деревьях имели язык, то и они не могли бы ее полностью выразить. Я готов отдать свою жизнь, чтоб добиться ее любви. Ты ведь, Иоганнес, мне самый преданный из всех, и ты должен мне в этом помочь.

Долго думал верный Иоганнес, как тут быть, ибо даже предстать перед лицом королевы было трудно. Наконец он придумал выход и сказал королю:

— Все, что находится вокруг королевы, сделано из чистого золота,— стулья, столы, посуда, кубки, миски и вся домашняя утварь. У тебя в кладовых лежит пять тонн золота; вели золотых дел мастерам сделать из одной тонны разные сосуды, различных птиц, диких и волшебных зверей,— это ей понравится, и тогда мы поедем с подарками и попытаем счастья.

Король велел созвать всех золотых дел мастеров, и пришлось им работать день и ночь, пока наконец не были готовы самые прекрасные изделия. Все это было погружено на корабль; и вот верный Иоганнес нарядился в купеческую одежду, то же самое сделал и король, чтобы никто не мог их узнать. Вскоре отправились они за море и плыли долго-долго, пока не прибыли наконец в город, где жила королева с Золотой Крыши.

Верный Иоганнес велел королю остаться на корабле и там его дожидаться.

— Может быть, я приведу с собой королеву, а вы позаботьтесь, чтобы все было в порядке, велите расставить золотые сосуды и разукрасить корабль.

Он положил в свой передник разные золотые изделия, вышел на берег и отправился прямо к королеве в замок. Когда он пришел на королевский двор, как раз в то время стояла у колодца красивая девушка, она держала в руках два золотых ведра и набирала в них воду. Она собралась уже нести студеную воду домой, но вдруг обернулась, увидела незнакомца и спросила его, кто он такой. Он ответил:

— Я купец,— и развязал свой передник и предложил ей посмотреть, что там находится.

— Ай, какие прекрасные золотые вещи! — воскликнула она и поставила ведра наземь и принялась разглядывать одну вещь за другой. А потом сказала:

— Их бы надо посмотреть королеве, она так любит золотые вещи и, наверно, купит у вас все.

Она взяла его за руку и повела наверх в замок, — она была королевской служанкой. Увидала королева золотые товары, они ей очень понравились, и она сказала.

— Они сделаны так прекрасно, что я покупаю у тебя все. Но верный Иоганнес сказал:

— Да я только слуга богатого купца, и то, что находится со мной, ничто по сравнению с тем, что имеется на корабле у моего хозяина; там — самое искуснейшее и самое драгоценное, что было когда-либо сделано из золота.

Королевне захотелось, чтобы все это было принесено к ней в замок, но он сказал:

— Для этого потребовалось бы много дней, ведь там золотых вещей несметное число, и для того чтобы их разместить, надо такое количество зал, что и всего вашего замка не хватит.

И вот любопытство и страсть у королевны так возросли, что она наконец сказала:

— Веди меня к кораблю, я готова туда пойти и сама посмотреть сокровища твоего хозяина.

Верный Иоганнес привел ее к кораблю и был этому очень рад, а король, глянув на нее, понял, что она куда прекрасней, чем ее портрет, и почувствовал, что сердце у него разрывается в груди.

Вот взошла королева на корабль, и король повел ее в трюм; а верный Иоганнес остался возле рулевого и велел оттолкнуть корабль от берега.

— Подымайте все паруса, пускай он летит, как птица!

А король начал показывать ей золотую утварь — блюда, кубки, сосуды, диковинных птиц и разных зверей чудесных. Прошло много часов, пока королева все это осмотрела, и на радостях она не заметила, что корабль плыл все вперед и вперед. Посмотрела она последнюю вещь, поблагодарила купца и хотела уходить домой; но вот подошла она к борту и увидела, что корабль находится далеко от берега в открытом море и мчитя на всех парусах.

— Ах! — воскликнула она в испуге. — Меня обманули, меня увезли, я попала в руки какому-то купцу. Мне лучше теперь умереть!

Но король схватил ее за руку и сказал:

— Я не купец, а король и родом не ниже тебя; а похитил тебя хитростью из-за страстной любви к тебе. Когда я увидел впервые твой портрет, я упал наземь без чувств.

Услыхала это королева с Золотой Крыши и успокоилась; он покори ее сердце, и она охотно согласилась стать его женой.

Но когда они плыли в открытом море, верный Иоганнес сидел на носу корабля и играл на лютне, и вдруг он заметил в воздухе трех воронов, которые слетелись на звуки. Он пере-

стал играть и стал вслушиваться, о чем говорят между собой вороны, ибо он прекрасно понимал их язык. И молвил один из воронов:

— Э, да это он везет к себе домой королевну с Золотой Крыши.

— Да, — ответил второй ворон, — но она ему еще не принадлежит.

А третий ворон сказал:

— А все-таки она его, ведь она находится у него на корабле.

И снова заговорил первый ворон и крикнул:

— Ну, да какой с того толк? Когда они высадутся на берег, к нему бросится навстречу рыжая лошадь; ему захочется на нее вскочить, и только он это сделает, как лошадь вмиг умчится вместе с ним по воздуху, и никогда уже больше не видеть королю своей невесты.

И сказал второй ворон:

— А разве никакого спасения нету?

— О, спасение есть! Если кто-нибудь другой вскочит быстро на эту лошадь и выхватит огнестрельное оружие, которое спрятано в недоуздке, и ее убьет, то молодой король будет спасен. Но кто ж знает об этом! А кто и знает, но скажет о том королю, тот от колен до самых пят окаменеет.

Тогда молвил второй ворон:

— А я знаю еще больше. Если лошадь и будет убита, то невесты своей молодой король все-таки не получит: когда они войдут вместе в замок, то будет лежать на блюде свадебная рубашка, и покажется, будто она соткана из золота и серебра, а на самом-то деле сделана она из смолы и серы; и только молодой король ее наденет, он весь сгорит в ней дотла.

И спросил третий ворон:

— А разве нет никакого спасения?

— О, спасение есть! — ответил второй ворон. — Если кто-нибудь схватит эту рубашку перчаткой и бросит ее в огонь и рубашка сгорит, то молодой король будет спасен. Но что толку с того? Кто знает об этом и скажет ему, тот окаменеет от колен до самого сердца.

И молвил третий ворон:

— А я знаю еще больше. Если даже свадебная рубашка и сгорит, то молодой король невесты все-таки не получит: когда после свадьбы начнутся танцы и молодая королева будет танцевать, она вдруг побледнеет и упадет, словно мертвая, на землю; и если кто-нибудь ее не подымет и не высосет у нее из правой груди три капли крови и не выплюнет их, то королева умрет. Но если кто об этом и знает, а расскажет другому, тот окаменеет от головы до самых пят.

Поговорили об этом вороны и полетели дальше. А верный Иоганнес все хорошо запомнил и стал с той поры тихий и грустный. Если не сказать своему господину о том, что он слышал, то с ним случится несчастье, а рассказать ему, то придется самому жизнью поплатиться. Наконец молвил он про себя: «Я спасу моего господина, даже если из-за этого мне пришлось бы погибнуть».

Вот подплыли они к берегу, и случилось то, что предсказал ворон, — к ним подскочила красивая рыжая лошадь.

— Вот и хорошо, — сказал король, — она и домчит меня в замок, — и хотел было на нее сесть. Но верный Иоганнес вышел вперед, быстро вскочил на лошадь, выхватил у нее из недоуздка оружие и пристрелил ее. Закричали тогда королевские слуги, не любившие верного Иоганнеса:

— Стыдно убивать такую прекрасную лошадь, ведь она могла бы отвезти короля в замок!

Но король сказал:

— Замолчите, не трогайте его, это мой самый верный Иоганнес; и кто знает — может быть, это к добру!

Вот вошли они в замок, и стояло в зале блюдо, лежала на нем готовая свадебная рубашка, и казалось, что была она выткана вся из чистого золота и серебра. Подошел молодой король, хотел ее взять, но верный Иоганнес его оттолкнул, схватил перчаткой рубашку и быстро бросил ее в огонь, и она сгорела.

Начали слуги опять роптать и сказали:

— Смотрите, а теперь он сжигает даже свадебную рубашку короля.

Но молодой король сказал:

— Кто знает, быть может, это к добру. Не трогайте его, это мой верный Иоганнес.

Вот стали праздновать свадьбу; начались танцы, и невеста тоже пошла танцевать; и верный Иоганнес внимательно следил за ее лицом. Вдруг она побледнела и, словно мертвая, упала на пол. Он мигом подскочил к ней и отнес ее в другую комнату; там уложил он ее, стал на колени и высосал у нее три капли крови из правой груди, а кровь выплюнул. И она сразу стала дышать и очнулась.

Молодой король все это видел, но не мог понять, почему верный Иоганнес это сделал; он разгневался и крикнул:

— Бросьте его в темницу!

На другое утро верного Иоганнеса осудили и повели на виселицу, и когда он стоял уже на помосте и его должны были повесить, он сказал:

— Каждый осужденный имеет право перед своей смертью сказать последнее слово: могу ли и я это сделать?

— Да, — ответил король, — это тебе дозволяется.

И сказал тогда верный Иоганнес:

— Я приговорен несправедливо, я был всегда тебе верен.— И он рассказал о том, как слышал на море разговор воронов и что все это он сделал для того, чтобы спасти своего господина.

И воскликнул тогда король:

— О мой верный Иоганнес, я милую тебя! Сведите его с помоста.

Но только вымолвил верный Иоганнес последнее слово, как упал мертвый наземь и окаменел.

И было от этого у короля и королевы великое горе, и сказал король:

— Ах, как плохо я отблагодарил за такую великую верность!—И он велел поднять окаменевшее тело Иоганнеса и поставить его у своей постели в опочивальне. Посмотрит, бывало, на него король, заплачет и скажет:

— Ах, если бы мог я оживить тебя снова, мой верный Иоганнес!

Прошло некоторое время, и родила королева близнецов, двух сыночков; они росли и были ей в радость. Однажды, когда королева была в церкви, а дети оставались с отцом и играли, посмотрел король с грустью на каменное изваяние, вздохнул и воскликнул:

— Ах, если бы мог я оживить тебя, мой самый верный Иоганнес!

И камень вдруг заговорил и сказал:

— Да, ты можешь меня оживить, если согласишься отдать для этого самое дорогое для тебя на свете.

Воскликнул король:

— Все, что есть у меня на свете, я готов отдать ради тебя!

И камень промолвил:

— Если ты отрубишь свою собственную рукой головы своим детям и помажешь меня их кровью, то я оживу.

Испугался король, услышав, что он должен убить своих любимых детей, но вспомнил про великую верность и что верный Иоганнес погиб ради него,— он схватил меч и отрубил свою собственную рукой головы своим детям. Потом он помазал их кровью камень, и вдруг камню вернулась жизнь, и верный Иоганнес стоял перед ним снова живой и невредимый.

И он сказал королю:

— Твоя верность будет вознаграждена.— И он взял головы детей, приставил их к туловищу, смазал их раны своей кровью, и вмиг они ожили снова, стали прыгать и играть, будто с ними ничего не случилось.

Сильно обрадовался король, и, увидев, что королева вернулась, он спрятал верного Иоганнеса и обоих детей в большой шкаф. Только королева вошла, король ей и говорит:

— Ты молилась в церкви?

— Да, — ответила она, — но я все думала о верном Иоганнесе, что из-за нас с ним случилось такое несчастье.

И сказал ей король:

— Милая жена, мы можем вернуть ему жизнь, но для этого мы должны расстаться с нашими обоими сыновьями, которых надо принести в жертву ради него.

Побледнела королева, дрогнуло у нее сердце, но она сказала:

— Мы ему обязаны за его большую верность.

Обрадовался король, что она думает с ним заодно, он пошел, открыл шкаф, и вывел оттуда детей и верного Иоганнеса, и сказал:

— Слава богу, он уже спасен, и наши сыночки тоже опять с нами. — И рассказал ей, как все это случилось. И жили они с той поры счастливо все вместе до самой смерти.

Чудаковатый музыкант

Жил-был однажды на свете чудаковатый музыкант. Шел он раз по лесу один-одинешенек и раздумывал о всякой всячине; но когда ему думать было уж не о чем, он молвил про себя:

— Время в лесу тянется медленно, надо бы себе подыскать доброго товарища.

Он взял скрипку, которая висела у него за спиной, и стал на ней наигрывать что-то веселое, да так, что было слышать по всему лесу.

Вскоре выбежал из лесной чащи волк.

— А-а, вот и волк явился! Его-то я меньше всего хотел бы видеть, — сказал музыкант.

Но волк подступил ближе и говорит ему:

— Ох, милый музыкант, как ты, однако, хорошо играешь! Так и я бы не прочь научиться.

— Этому делу недолго обучиться, — ответил ему музыкант, — только ты должен исполнить все, что я тебе велю.

— О-о, музыкант, — сказал волк, — я буду тебя слушать, как ученик своего учителя.

Музыкант велел ему идти вслед за собой. Вот прошли они часть дороги вместе, подошли к старому дубу; и было внутри него дупло, а посредине дерево было расщеплено.

— Смотри, — сказал музыкант, — если хочешь научиться играть на скрипке, то заложи передние лапы в расщелину.

Волк послушался, а музыкант тем временем быстро поднял с земли камень и загнал волку обе лапы в расщелину, да так крепко, что тот оказался в ловушке и нельзя ему было и пошевелиться.

— А теперь жди меня, пока я вернусь, — сказал музыкант и пошел своей дорогой дальше.

Прошло ни много ни мало времени, и говорит музыкант опять про себя: «Здесь, в лесу, время тянется долго, надо бы себе раздобыть другого товарища». Он взял свою скрипку и заиграл на весь лес. Вскоре, пробиваясь через заросли, явилась лиса.

— Ах, вот и лиса явилась! — сказал музыкант. — Но видеть ее у меня нет особой охоты.

А лиса подошла к нему и говорит:

— Ой, милый музыкант, как ты прекрасно играешь! Так бы и мне тоже хотелось научиться.

— Что ж, научиться этому можно быстро, — сказал музыкант, — только ты должна исполнять все, что я тебе велю.

— О музыкант, — ответила лиса, — я буду тебя слушаться, как ученица своего учителя.

— Ступай за мной, — сказал музыкант.

Вот прошли они часть пути и подошли к тропе, по обеим сторонам которой росли высокие кусты. Тут музыкант остановился, пригнул с одной стороны орешничек до самой земли, наступил на его верхушку ногой, а с другой стороны нагнул другое деревцо и говорит:

— Ну, что ж, лисонька, ежели ты чему-нибудь хочешь научиться, то протяни-ка мне свою левую переднюю лапу.

Лиса послушалась, — и музыкант привязал ее лапу к левому стволу дерева.

— А теперь, лисонька,— сказал он,— протяни мне правую,— и привязал лапу к правому стволу дерева. Потом он посмотрел, прочно ли завязаны узлы, и отпустил лису; и вот поднялись деревья вверх и подбросили лисичку высоко-высоко; она повисла в воздухе и стала трепыхаться.

— А теперь дожидайся меня, пока я вернусь,— сказал музыкант и двинулся дальше.

И опять говорит про себя: «Время в лесу тянется медленно; надо бы мне найти себе другого товарища». Он взял свою скрипку, и разнеслись звуки по всему лесу. Вот прискакал к нему зайчик.

— Ах, зайчик явился! — сказал музыкант. — А я-то его и не звал.

— Ох, милый музыкант,— сказал зайчик,— как ты прекрасно играешь на скрипке, хотел бы и я научиться так играть.

— Этому делу быстро можно научиться,— сказал музыкант,— только ты должен делать все, что я тебе велю.

— О музыкант,— ответил зайчик,— я буду тебя слушаться, как ученик своего учителя.

Прошли они часть дороги вместе, подошли к лесной поляне; а стояла там осина. Привязал музыкант зайчику на шею длинную бечевку, а другой конец прикрепил к дереву.

— Ну, зайчик, а теперь обегика двадцать раз вокруг дерева! — крикнул музыкант.

Зайчик послушался, обегал двадцать раз вокруг осины, и двадцать раз обкрутилась бечевка вокруг ствола, и зайчик был пойман; и как ни тянул он и ни грыз бечевку, она только больше и больше врезалась в его нежную шею.

— А теперь дожидайся, пока я назад вернусь,— сказал музыкант и двинулся дальше.

А волк тем временем все дергался, тянул, кусал камень и трудился до тех пор, пока не высвободил лап и не вытащил их из расщелины. Разгневанный, разъяренный, он кинулся вслед за музыкантом и решил его разорвать. Увидала лиса бегущего волка, начала выть и завопила во все горло:

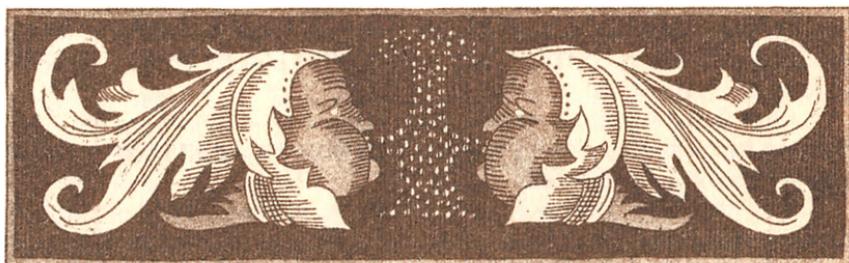
— Братец мой волк, ступай ко мне на помощь, меня музыкант обманул!

Нагнул волк деревья, перегрыз веревки и освободил лису; и отправились они вместе, чтоб отомстить музыканту. Они нашли привязанного зайчика, освободили его тоже, а потом все вместе кинулись на поиски своего врага.

А музыкант, идя по дороге, заиграл опять на своей скрипке, но на этот раз ему посчастливилось больше. Его игру услышал один бедный дровосек, и он невольно бросил свою работу и пришел с топором в руке, чтобы послушать музыку.

— Наконец-то явился ко мне настоящий товарищ, — сказал музыкант, — ведь я-то искал человека, а не диких зверей.

И он начал играть на скрипке, и играл так прекрасно и с таким мастерством, что бедняк стоял как зачарованный, и сердце у него ширилось от радости. И когда он стоял, явились волк, лиса и зайчик; и заметил дровосек, что они замышляют что-то недоброе. Поднял тогда дровосек свой острый топор и стал впереди музыканта, словно желая этим сказать: «Кто посмеет его тронуть, берегись, — тому придется дело иметь со мной!». Испугались тогда звери и убежали назад в лес, а музыкант сыграл дровосеку еще раз, в знак благодарности, и пошел себе дальше.

Двенадцать братьев

Жили когда-то король и королева; они жили между собой в мире и согласии, и было у них двенадцать детей, но всё одни только мальчики. Вот и говорит раз король своей жене:

— Если тринадцатый ребенок, которого ты родишь, будет девочкой, то двенадцать мальчиков надо будет убить, чтобы у нее и богатства было больше и чтобы ей одной досталось все королевство.

И велел король сделать двенадцать гробов, наложить в них стружек, и лежало в каждом по маленькой подушечке; эти гробы были поставлены в потайной комнате, а ключ от нее он отдал королеве и велел ей никому о том не рассказывать.

И сидела мать день-деньской такая грустная и печальная, что младший ее сын, бывший всегда при ней неотлучно, которого она назвала, по-библейски, Вениамином, стал ее спрашивать:

— Милая матушка, отчего ты такая печальная?

— Милое дитяtko, — ответила она, — я об этом сказать тебе не могу. — Но он не давал ей покоя, пока она не пошла и не открыла комнату и не показала ему двенадцать готовых и наполненных стружками гробов. И сказала она:

— Мой милый Вениамин, эти гробы твой отец велел приготовить для тебя и твоих одиннадцати братьев. Если у меня родится на свет девочка, то все вы будете убиты и в них похоронены.

Она рассказывала ему об этом со слезами на глазах, а сын ее утешал и говорил:

— Не плачь, милая матушка, мы что-нибудь да придумаем и отсюда уйдем.

— Уходи вместе со своими одиннадцатью братьями в лес, пускай кто-нибудь из вас взберется на самое высокое дерево и все время стоит там на страже и смотрит на башню нашего замка. Если родится у меня сыночек, я подыму белый флаг, — и вы можете тогда вернуться; а родится у меня дочка, я подыму красный флаг, — тогда вы убегайте как можно быстрее, и да хранит вас господь бог. Каждую ночь я буду вставать и за вас молиться: зимой — чтобы вы согрелись где-нибудь у костра, а летом — чтобы не погибли от зноя.

Она благословила своих сыновей, и они ушли в лес. Каждый из них стоял по очереди на страже на высоком дубу и глядел на замковую башню.

Так прошло одиннадцать дней, и настал черед стоять на страже Вениамину; и увидел он, что поднят на башне флаг; но флаг был не белый, а красный как кровь, и он предвещал, что всем им придется погибнуть. Услыхав об этом, братья разгневались и сказали:

— Неужто мы должны погибнуть из-за какой-то девочки! Поклянемся за это отомстить. Где только ни встретим мы девочку, пусть прольется ее красная кровь!

Затем они двинулись дальше, в самую чащу лесную, туда, где было еще темнее и глуше; и нашли они там небольшую заколдованную избушку, и она стояла пустая. И они сказали:

— Мы поселимся здесь; ты, Вениамин, как самый младший и самый слабый, будешь оставаться дома и вести хозяйство, а мы будем ходить на охоту и добывать пищу.

И они ходили в лес, били зайцев, диких косуль, птиц и голубей — все, что в пищу годилось, и приносили домой свою добычу Вениамину, и он должен был готовить еду, чтобы они не голодали. И прожили они в той избушке целых десять лет, и время пролетело совсем незаметно.

А дочь, которую родила королева, за это время успела вырасти; была она сердцем добрая, лицом красивая, и была на лбу у нее золотая звезда.

Однажды в замке стирали белье, и она заметила двенадцать мужских рубашек и спросила у матери:

— Чьи это рубашки, на отца ведь они слишком малы?

Ответила ей мать с тяжелым сердцем:

— Милое дитя, это рубашки твоих двенадцати братьев.

Девушка спросила:

— А где же мои двенадцать братьев, я никогда о них ничего не слыхала.

— Бог весть, где странствуют они теперь по свету, — ответила мать и привела дочь к потайной комнате, открыла ее и показала ей двенадцать наполненных стружками гробов и маленькие подушечки.

— Эти гробы, — сказала она, — были приготовлены для твоих братьев, но они тайно ушли из замка, когда ты родилась, — и она рассказала ей, как все это произошло.

Девушка сказала:

— Не плачь, милая матушка, я пойду и разыщу своих братьев.

Она взяла двенадцать рубашек и ушла. Попала она как раз в тот самый дремучий лес. Шла она целый день и под вечер подошла к заколдованной избушке. Она вошла и увидела там мальчика, он спросил у нее:

— Ты откуда пришла и куда идешь? — Он удивился, что она такая красивая, что на ней королевское платье, а на лбу золотая звезда.

— Я королевна, — ответила она, — ищу своих двенадцать братьев и буду искать их повсюду на свете, где есть только синее небо, пока не найду их.

И она показала ему двенадцать рубашек, которые принадлежали ее братьям. И понял тогда Вениамин, что это его сестра, и сказал:

— Я твой младший брат Вениамин.

Она от радости заплакала, и Вениамин тоже, и стали они целовать и обнимать друг друга. И он сказал:

— Милая сестрица, я должен тебя предупредить, что мы с братьями поклялись убивать всякую девушку, какую встретим, потому что из-за девушки мы должны были покинуть свое королевство.

— Что ж, я охотно умру, — сказала она, — если этим смогу спасти своих двенадцать братьев.

— Но я не хочу, — ответил он, — чтобы ты умерла, спрячься вот в этот чан, пока не придут одиннадцать братьев, а я уж как-нибудь их отговорю.

Она так и сделала. Когда наступила ночь, братья вернулись с охоты, и был готов для них ужин. Они сели за стол, начали есть и спрашивают Вениамина:

— Ну, какие у тебя новости?

— А разве вы ничего не знаете? — сказал Вениамин.

— Нет, — ответили они.

А он продолжал:

— Вы были в лесу, а я оставался дома, но знаю больше, чем вы.

— Так расскажи нам.

— Хорошо, — сказал он, — только пообещайте мне, что первую девушку, какую мы встретим, убивать не станем.

— Да, — воскликнули они, — мы ее помилуем, только расскажи нам все.

И он сказал:

— А наша сестра здесь.

Он поднял чан, и вот вышла оттуда королева в своей королевской одежде, с золотой звездой на лбу; и была она так прекрасна, нежна и мила. Они все обрадовались, кинулись к ней на шею, стали ее целовать и полюбили ее от всего сердца.

И осталась она вместе с Вениамином в избушке и стала помогать ему по хозяйству. Одиннадцать братьев ходили в лес, ловили диких коз, птиц и голубей, чтобы было что есть, а сестра с Вениамином готовили пищу. Она ходила собирать хворост, чтобы было на чем варить еду, а вместо овощей собирала разные травы и ставила в печь горшки, чтобы к приходу одиннадцати братьев приготовить им ужин. Она следила в избушке за чистотой и порядком, убирала постельки, чтобы были они чистые и свежие; и братья были всегда довольны и жили с ней все очень и очень дружно.

Однажды Вениамин вместе с сестрой приготовили прекрасный обед, и когда все собрались, они сели за стол, ели и пили и были радостные и веселые.

Но рядом с заколдованной избушкой был маленький садик, и росло в нем двенадцать лилий, что зовутся также «студентами»; и вот захотелось ей сделать братьям приятное, она сорвала двенадцать лилий, чтобы подарить каждому брату после обеда по цветку. Но только сорвала она лилии — и вмиг обратились двенадцать братьев в двенадцать воронов, они поднялись над лесом и улетели, а заодно исчезли избушка и сад.

И осталась бедная девушка одна-одинешенька в диком лесу. Огляделась она, видит — стоит перед ней старуха и говорит:

— Что ж ты, дитяtko мое, наделала? Зачем сорвала двенадцать белых лилий? Это ведь были твои братья, теперь они навек обращены в воронов.

Начала девушка, плача, ее спрашивать:

— А нет ли какого средства их спасти?

— Нет, — сказала старуха, — есть одно средство на свете, но это так трудно, что спасти их ты все равно не сможешь: надо целых семь лет молчать, нельзя ни смеяться, ни говорить; а если ты вымолвишь хоть одно слово или до исполнения срока

недостанет хотя бы одного часа, то все тогда пропадет, и одно твое слово убьет твоих братьев.

Подумала девушка: «Я знаю наверняка, что освобожу своих братьев». И она пошла, разыскала высокое дерево, взобралась на него и начала пряхть там пряжу; она не говорила и не смеялась.

И случилось так, что охотился на ту пору как раз в этом самом лесу король, и была у него большая борзая; подбежала она к дереву, на котором сидела девушка, и стала вокруг него прыгать, визжать и лаять. Подъехал король к дереву, увидел прекрасную королеву с золотой звездой на лбу и был так восхищен ее красотой, что спросил ее, не хочет ли она стать его женой. Она ничего не ответила, только слегка головой кивнула. Тогда он взобрался на дерево, снял ее оттуда, посадил на коня и привез к себе домой. И они отпраздновали на радостях пышную свадьбу. Но невеста не говорила ни слова и не смеялась.

Вот прожили они уже вместе два года в радости и довольстве, и начала тогда мать короля,— а была она женщина злая,— клеветать на молодую королеву; и сказала она однажды королю:

— Да ведь это простая нищенка, которую ты привез с собой, и почем знать, какими злыми делами она занимается втайне от тебя. Если она немая, то могла бы хоть раз засмеяться; а кто никогда не смеется, совесть у того нечиста.

Король верить этому сначала не хотел, но старуха все настаивала на своем, обвиняла королеву в разных недобрых делах и, наконец, короля убедила; и вот он приговорил ее к смерти.

Уже развели во дворе большой костер, на котором должны были ее сжечь. И стоял король на башне у окна и смотрел со слезами на глазах: он по-прежнему крепко любил королеву. Вот привязали ее к столбу, и стал огонь уже лизать красными языками ее одежду,— и случилось это как раз в тот миг, когда минуло семь лет. И вдруг послышался в воздухе шум крыльев,— прилетели двенадцать воронов и опустились на землю; и только коснулись они земли, как снова обернулись двенадцатью братьями, которых она спасла. Они разбросали огонь, потушили пламя, освободили свою любимую сестру и стали ее целовать и прижимать к сердцу.

И теперь, когда она могла уже заговорить, она рассказала королю, почему она все время молчала и никогда не смеялась. Узнав, что она ни в чем не повинна, король обрадовался, и стали они жить да поживать в согласии до самой смерти. А злую свекровь привели на суд и посадили ее в бочку с кипящим маслом и ядовитыми змеями, и погибла она лютою смертью.

Братец и сестрица

Взял братец сестрицу за руку
и говорит:

— С той поры, как мать у нас умерла, нету нам на свете радости: каждый день нас мачеха бьет, а когда мы к ней подходим, толкает нас ногами. И едим мы одни лишь сухие корки, что от стола остаются; собачонке и то под столом лучше живется, — ей бросит она иной раз хороший кусок. Боже мой, если б узнала о том наша мать! Давай уйдем вместе с тобой куда глаза глядят, будем бродить по свету.

И они ушли из дому. Целый день брели они по лугам, по полям, по горам, а когда пошел дождь, сестрица сказала: — Это плачут заодно и господь и наши сердца!

Под вечер зашли они в дремучий лес и так устали от голода, горя и долгого пути, что забрались в дупло дерева и уснули.

Они проснулись на другое утро, когда солнце стояло уже высоко на небе и своими лучами горячо прогревало дупло. И сказал тогда братец:

— Сестрица, мне хочется пить, — если б знать, где тут ручеек, я бы пошел напиться. Мне кажется, где-то вблизи журчит вода.

Братец поднялся, взял свою сестрицу за руку, и они стали искать ручеек. Но злая мачеха была ведьмой. Она видела, что дети ушли, и прокралась за ними тайком, как умеют это делать ведьмы, и заколдовала все родники лесные. И вот, когда они нашли родничок, что прыгал, сверкая, по камням, и захотел братец из него напиться, услышала сестрица, как родничок, журча, говорил:

— Кто из меня напьется, тот тигром обернется!

И крикнула сестрица:

— Братец, не пей, пожалуйста, из него воды, а не то диким зверем обернешься и меня разорвешь.

Братец не стал пить из этого родничка, хотя ему очень хотелось, и сказал:

— Я потерплю, пока найдем другой родничок.

Пришли они к другому роднику, и услышала сестрица, что и этот тоже говорил:

— Кто из меня напьется, тот волком обернется!

И крикнула сестрица:

— Братец, не пей, пожалуйста, из этого родника, а не то обернешься волком и меня съешь.

Братец не стал пить и сказал:

— Я подожду, пока мы придем к другому роднику, — вот уж тогда я напьюсь, что бы ты мне ни говорила; мне очень хочется пить.

Пришли они к третьему роднику. Услышала сестрица, как он, журча, говорил:

— Кто из меня напьется, диким козлом обернется! Кто из меня напьется, диким козлом обернется!

Сестрица сказала тогда:

— Ах, братец, не пей ты, пожалуйста, воды из этого родника, а не то диким козлом обернешься и в лес от меня убежишь.

Но братец стал у ручья на колени, нагнулся и напился воды. И только коснулись первые капли его губ, как сделался он вмиг диким козленком.

Заплакала сестрица над своим бедным заколдованным братцем, и козлик тоже заплакал; и сидел он рядышком с нею и был такой грустный-грустный. И сказала девочка:

— Успокойся, мой миленький козлик, я тебя никогда не оставлю.

И она сняла свою золотую подвязку, надела ее на шею козлику, нарвала осоки и сплела из нее мягкую веревку. Она привязала козлика за веревку и повела его вместе с собой дальше и шла все глубже и глубже, в самую чащу лесную.

Шли они долго-долго и подошли, наконец, к маленькой избушке. Заглянула девочка в избушку — видит: она пустая. И подумала девочка: «Вот здесь можно будет и поселиться». Она собрала для козлика листья и мох, сделала ему мягкую подстилку и каждое утро выходила собирать разные корни, ягоды и орехи; и приносила козлику мягкой травы и кормила его с рук, и был козлик доволен и весело прыгал около нее. К вечеру, когда сестрица уставала, она читала молитву, клала свою голову на спину козлику — была она ей вместо подушки — и засыпала. И если бы можно было вернуть братцу его человеческий образ, то что за чудесная жизнь была бы у них!

Вот так и жили они одни в лесной чаще некоторое время. Но случилось, что как раз на ту пору затеял король в этом лесу большую охоту. И трубили среди леса охотничьи рога, раздавался собачий лай, веселый посвист и улюлюканье егерей.

Козлик все это слышал, и захотелось ему побывать на охоте.

— Ах,— сказал он сестрице,— отпусти меня в лес на охоту, я дольше вытерпеть не в силах.— И он долго ее упрашивал, пока, наконец, она согласилась.

— Но смотри,— сказала она ему, к вечеру возвращайся. От недобрых охотников дверь в избушке я запру, а чтоб я тебя узнала, ты постучись и скажи: «Сестрица,пусти меня», а если ты так не скажешь, то дверь я тебе не открою.

Вот выскочил козлик в лес, и было ему так приятно и весело гулять на приволье! Только увидел король со своими егерями красивого козлика, пустились они за ним в погоню, но нагнать его не могли; они думали, что вот-вот поймают его, а он скакнул в густую заросль и пропал у них на глазах.

Между тем стало уже смеркаться. Подбежал козлик к избушке, постучался и говорит:

— Сестрица,пусти меня.— И открылась перед ним маленькая дверь, вскочил козлик в избушку и отдыхал всю ночь на мягкой подстилке.

На другое утро охота началась снова, и когда козлик слышал большой охотничий рог и улюлюканье егерей, он забеспокоился и сказал:

— Сестрица,открой дверь, отпусти меня в лес погулять.

Открыла сестрица дверь и сказала:

— Но к вечеру, смотри, возвращайся и скажи: «Сестрица,пусти меня».

Как увидел король со своими егерями опять козлика с золотою повязкой на шее, все помчались за ним в погоню, но козлик был очень проворен и быстр. Гонялись за ним егеря целый день напролет и только к вечеру его окружили. Один из них ранил его в ногу, начал козлик прихрамывать, не смог бежать так быстро, как прежде. Тогда прокрался за ним следом один из егерей до самой избушки и услышал, как козлик говорил: «Сестрица,пусти меня!» — и видел, как дверь перед ним отворилась и тотчас закрылась опять. Охотник все это хорошо приметил, вернулся к королю и рассказал о том, что видел и слышал. И сказал король:

— Завтра еще раз выедем на охоту.

Сильно испугалась сестрица, увидев, что ее козлик ранен. Она обмыла ему кровь, приложила к ране разные травы и сказала:

— Ступай полежи, милый мой козлик, и рана твоя заживет.

Но рана была небольшая, и наутро у козлика и следа от нее не осталось. И когда он услышал в лесу опять веселые звуки охоты, он сказал:

— Невмочь мне дома сидеть, хочу погулять я в лесу; меня никто не поймают, не бойся.

Заплакала сестрица и сказала:

— Нет, уж теперь они тебя убьют, и останусь я здесь одна в лесу, покинутая всеми. Нет, не пущу я тебя нынче в лес.

— А я здесь тогда от тоски погибну,— ответил ей козлик.— Как заслышу я большой охотничий рог, так ноги сами и бегут у меня.

Что тут было делать сестрице? С тяжелым сердцем она открыла ему дверь, и козлик, здоровый и веселый, ускакал в лес.

Увидел его король и говорит егерям:

— Уж теперь гоняйтесь за ним целый день до самой ночи, но смотрите, чтоб никто из вас его не ранил.

И вот, только солнце зашло, говорит король егерю:

— Ну, ступай покажи мне эту лесную избушку.

Тогда он подошел к маленькой двери, постучался и сказал:

— Дорогая сестрица,пусти меня.

Открылась дверь, и король вошел в избушку; видит — стоит там девушка красоты несказанной. Испугалась девушка, увидав, что это вошел не козлик, а какой-то чужой человек, и на голове у него золотая корона. Но король ласково на нее поглядел, протянул ей руку и сказал:

— Хочешь, пойдем со мной в замок, и будешь ты моей милой женой.

— Ах, я согласна,— ответила девушка,— но козлик должен идти со мной, я его никогда не оставлю.

— Хорошо,— сказал король,— пускай он останется на всю жизнь при тебе, и будет ему всего в досталь.

А тут подскочил и козлик; и сестрица привязала его за веревку из осоки и вывела из лесной избушки.

Посадил король девушку на коня и привез ее в свой замок; там отпраздновали они свадьбу с большой пышностью. Стала она теперь госпожой королевой, и они жили счастливо вместе долгие годы, а козлика холили и кормили, и он прыгал по королевскому саду.

Но злая мачеха, из-за которой детям выпало на долю бродить по свету, решила, что сестрицу разорвали, пожалуй, в лесу дикие звери, а козлик убит охотниками. Когда она услышала, как они счастливы и что живет у них так хорошо, в сердце у нее зашевелились зависть и злоба, и они не давали ей покоя, и она думала только о том, как бы опять накликав на них беду.

А была ее родная дочка уродлива, как темная ночь, и была она одноглазой. Стала она попрекать свою мать:

— Ведь стать королевой полагалось бы мне.

— Ты уж помолчи,— сказала старуха и стала ее успокаивать: — Придет время, я все сделаю, что надо.

Прошел срок, и родила королева на свет прекрасного мальчика; а на ту пору был король как раз на охоте. Вот старая ведьма приняла вид королевской служанки, вошла в комнату, где лежала королева, и говорит больной:

— Королева, идите купаться, уж ванна готова, купанье вам поможет и прибавит сил; идите скорей, а то вода остынет.

Ведьмина дочь была тут же рядом; и отнесли они ослабевшую королеву в ванную комнату, опустили ее в ванну, заперли дверь на ключ, а сами убежали. Но они развели в ванной такой адский огонь, что молодая красавица-королева должна была вот-вот задохнуться.

Сделав это, старуха взяла свою дочку, надела на нее чепец и уложила ее в постель вместо королевы. И сделала она ее похожей на королеву, только не могла она приставить ей второй глаз. Но чтоб король этого не заметил, пришлось ее положить на ту сторону, где у нее не было глаза.

Воротился вечером король домой и, услышав, что королева родила ему сына, сильно обрадовался, и ему захотелось пойти проведать свою любимую жену и поглядеть, что она делает. Но старуха закричала:

— Ради бога, задвиньте скорей полог, королеве смотреть на свет еще трудно, ее тревожить нельзя.

Король вернулся назад, не зная о том, что в постели лежит самозваная королева.

Наступила полночь, и все уже спали; и вот увидела мамка, сидевшая в детской у колыбели, — она одна только в доме не спала, — как открылись двери и в комнату вошла настоящая королева. Она взяла на руки из колыбели ребенка и стала его кормить грудью. Потом она взбила ему подушечку, уложила его опять в колыбельку и укрыла одеяльцем. Но не забыла она и про козлика, заглянула в угол, где он лежал, и погладила его по спине. Потом она тихонько вышла через дверь; мамка на другое утро спросила стражу, не заходил ли кто ночью в замок, но сторожа ответили:

— Нет, мы никого не видали.

Так являлась она много ночей подряд и ни разу при этом не обмолвилась словом. Мамка каждый раз ее видела, но сказать о том никому не решалась.

Так прошло некоторое время, но вот однажды королева ночью заговорила и молвила так:

Как мой сыночек? Как козлик мой?
Явлюсь я дважды и не вернусь домой.

Мамка ей ничего не ответила, но когда королева исчезла, мамка пришла к королю и обо всем ему рассказала. Король сказал:

— Ах, боже мой, что же это значит? Следующую ночь я сам буду сторожить возле ребенка.

Он пришел вечером в детскую, а в полночь явилась опять королева и сказала:

Как мой сыночек? Как козлик мой?
Приду я однажды и не вернусь домой.

И она ухаживала за ребенком, как делала это всегда, а потом снова ушла. Король не осмелился заговорить с нею, но и следующую ночь он тоже не спал. И она снова спросила:

Как мой сыночек? Как козлик мой?
Теперь уж больше я не вернусь домой.

И не мог король удержаться, он бросился к ней и сказал:
— Значит, ты моя милая жена!

И она ответила:

— Да, я твоя жена,— и в тот же миг по милости божьей она ожила и стала опять здоровой, румяной и свежей, как прежде.

Потом она рассказала королю о злодействе, что совершила над ней злая ведьма вместе со своей дочкой.

Тогда король велел привести их обеих на суд, и был вынесен им приговор. Ведьмину дочь завели в лес, где ее разорвали дикие звери, а ведьму взвели на костер, и ей пришлось погибнуть лютою смертью. И когда остался от нее один только пепел, козлик опять обернулся человеком, и сестрица и братец стали жить да поживать счастливо вместе.

Рапунцель

Однажды жили на свете муж и жена; им давно уже хотелось иметь ребенка, но его все не было; и вот, наконец, явилась у жены надежда, что милостивый господь исполнит ее желание.

А было у них в горенке маленькое окошко, оттуда был виден великолепный сад, где росло много прекраснейших цветов и всякой зелени. Но сад был обнесен высокой оградой, и никто не осмеливался в него входить, так как сад этот принадлежал одной колдунье; она обладала большим могуществом, и все на свете ее боялись.

Стояла раз жена у окошка, заглянула в сад и увидела грядку, а рос на ней прекраснейший рапунцель¹; был он на вид такой свежий и такой зеленый, что ей страсть как захотелось отведать этого рапунцеля. Это желание у нее все с каждым днем возрастало, но так как она знала, что его достать ей никак невозможно, то она вся исхудала, побледнела и выглядела несчастной. Испугался муж и спрашивает:

— Чего тебе, моя женушка, недостает?

— Ах,— говорит она,— если не добыть мне из того сада, что за нашим домом, зеленого рапунцеля и его не отведать, то останется мне одно — помереть.

Муж очень ее любил и подумал: «Уж если жене моей от этого помирать приходится, то я достану для нее рапунцеля, чего бы это мне ни стоило».

И вот перелез он в сумерках через каменную ограду в сад колдуньи, нарвал второпях целую пригоршню зеленого рапунцеля и принес его жене.

Она тут же приготовила себе из него салат и с жадностью его поела. И салат ей этот так понравился, показался ей таким вкусным, что на другой день появилось у нее желанье второе большее, чем прежде. И она не могла найти себе покоя, пока муж не согласился полезть в сад еще раз.

Он пробрался туда в сумерках, пролез через каменную ограду, но сильно перепугался, увидав перед собой колдунью.

— Как ты смеешь лазить в мой сад,— сказала она, гневно на него поглядев,— и красть у меня, как вор, мой зеленый рапунцель? Тебе плохо за это придется.

— Ах,— ответил он,— вы уж меня простите, ведь я решил на это по нужде: моя жена увидала из окошка ваш зеленый рапунцель и почувствовала к нему такую страсть, что, пожалуй, умерла бы, если бы его не отведала.

Гнев у колдуньи немного прошел, и она сказала ему:

— Если это правда, что ты говоришь, то я позволю тебе набрать рапунцеля столько, сколько ты пожелаешь, но при одном условии: ты должен будешь отдать мне ребенка, который родится у твоей жены. Ему будет у меня хорошо, я буду о нем заботиться, как мать родная.

¹ Рапунцель — от лат. *garicum* — сурепица, из семян которой добывают масло.

И он со страху согласился на все. Когда жене пришло время рожать и она родила дочку, явилась тотчас колдунья, назвала дитя Рапунцель и забрала его с собой.

Стала Рапунцель самой красивой девочкой на свете. Когда ей исполнилось двенадцать лет, колдунья заперла ее в башню, что находилась в лесу; в той башне не было ни дверей, ни лестницы, только на самом ее верху было маленькое оконце. Когда колдунье хотелось забраться на башню, она становилась внизу и кричала:

Рапунцель, Рапунцель, проснись,
Спусти свои косоньки вниз!

А были у Рапунцель длинные прекрасные волосы, тонкие, словно из пряжи золотой. Услышит она голос колдуньи, распутит свои косы, подвяжет их вверх к оконному крючку, и упадут волосы на целых двадцать аршин вниз, — и взбирается тогда колдунья, уцепившись за них, наверх.

Прошло несколько лет, и случилось королевскому сыну проезжать на коне через лес, где стояла башня. Вдруг он услышал пение, а было оно такое приятное, что он остановился и стал прислушиваться. Это пела Рапунцель своим чудесным голосом песню, коротая в одиночестве время. Захотелось королевичу взобраться наверх, и он стал искать вход в башню, но найти его было невозможно. Он поехал домой, но пение так запало ему в душу, что он каждый день выезжал в лес и слушал его.

Вот стоял он раз за деревом и увидел, как явилась колдунья, и услышал, как она закричала:

Рапунцель, Рапунцель, проснись,
Спусти свои косоньки вниз!

Спустила Рапунцель свои косы вниз, и взобралась колдунья к ней наверх.

«Если это и есть та лесенка, по которой взбираются наверх, то и мне хотелось бы однажды попытать счастья», — и на другой день, когда начало уже смеркаться, подъехал королевич к башне и крикнул:

Рапунцель, Рапунцель, проснись,
Спусти свои косоньки вниз!

И упали тотчас волосы вниз, королевич взобрался наверх.

Рапунцель, увидя, что к ней вошел человек, какого она никогда не видела, сначала сильно испугалась. Но королевич ласково с ней заговорил и рассказал, что сердце его было так тронуту ее пением и не было ему нигде покоя, и вот он решил ее непременно увидеть.

Тогда Рапунцель перестала бояться, и когда он спросил у нее, согласна ли она выйти за него замуж, — а был он молодой и красивый, — она подумала: «Он будет любить меня больше, чем старуха фрау Готель», — и дала свое согласие и протянула ему руку. Она сказала:

— Я охотно пойду вместе с тобой, но не знаю, как мне спуститься вниз. Когда ты будешь ко мне приходить, бери всякий раз с собой кусок шелка; я буду плести из него лесенку, и когда она будет готова, я спущусь вниз, и ты увезешь меня на своем коне.

Они условились, что он будет приходить к ней по вечерам, так как днем приходила старуха. Колдунья ничего не замечала до тех пор, пока однажды Рапунцель не заговорила с ней и не сказала:

— Скажи мне, фрау Готель, почему мне тебя тащить наверх тяжелей, чем молодого королевича? Он подымается ко мне в один миг.

— Ах ты, мерзкая девчонка! — крикнула колдунья. — Что я слышу? Я считала, что скрыла тебя ото всех, а ты меня все-таки обманула! — И она вцепилась в ярости в прекрасные волосы Рапунцель, обмотала их несколько раз вокруг левой руки, а правой схватила ножницы и — чик-чик! — отрезала их, и чудесные косы лежали на земле.

И была колдунья такую безжалостной, что завела бедную Рапунцель в глухую чащу; и пришлось ей там жить в большой нищете и горе.

И в тот же самый день, как она прогнала Рапунцель, она привязала вечером отрезанные косы к оконному крючку и, когда явился королевич и крикнул:

Рапунцель, Рапунцель, проснись,
Спусти свои косоньки вниз!

то спустила колдунья волосы вниз.

И взобрался королевич наверх, но не нашел там своей любимой Рапунцель, а увидел колдунью. Она глянула на него своим злобным, язвительным взглядом.

— Ага! — крикнула она насмешливо. — Ты хочешь увезти свою возлюбленную, но красавицы-птички нет больше в гнезде, и она уже не поет. Ее унесла кошка, а тебе она выцарапает к тому же глаза. Ты потерял Рапунцель навек, не видать ее тебе больше никогда!

Королевич был вне себя от горя и в отчаянье выпрыгнул из башни; ему удалось сохранить жизнь, но колючие шипы кустарника, на которые он упал, выкололи ему глаза. И он бродил слепой по лесу, питаясь лишь одними кореньями да ягодами, и все время горевал и плакал по потерянной им любимой жене.

Так блуждал он несколько лет в горе и печали и зашел наконец в густую чащу, где жила, бедствуя, Рапунцель вместе со

своими детьми-близнецами, которых она родила, с мальчиком и девочкою.

Вдруг услышал королевич чей-то голос; он показался ему таким знакомым, и он пошел навстречу ему; и когда подошел он ближе, то Рапунцель его узнала, бросилась к нему на шею и горько заплакала. Но упали две слезинки к нему на глаза, и он снова прозрел и стал видеть, как прежде. И он привел ее в свое королевство, где встретили его с радостью, и они жили долгие-долгие годы в счастье и довольстве.

Три маленьких лесовика

Жил-был один человек, и умерла у него жена; и жила женщина, и умер у нее муж; была у человека дочь, и у женщины тоже была дочь. Девушки были между собой знакомы и ходили вместе гулять, и заходили не раз к этой женщине в дом. Вот женщина раз и говорит дочери того человека:

— Послушай, скажи-ка своему отцу, что я хочу выйти за него замуж, и уж будешь ты у меня каждый день в молоке купаться да вино попивать, а дочь моя пусть в воде купается и пьет одну только воду.

Воротилась девушка домой и рассказала отцу то, что ей велела передать женщина. Говорит отец:

— Как же мне быть? Женишься раз, а плачешься век, — оно ведь и радость и горе.

И вот, не зная, как ему поступить, снял он с ноги сапог и говорит:

— Возьми-ка этот сапог — в нем подошва дырявая, отнеси его на чердак, и повесь на большой гвоздь, и налей в сапог воды. Коль вода из него не просочится, то придется мне во второй раз жениться, а просочится — так не стану жениться.

Девушка сделала, как было ей велено; но от воды дыра в сапоге затянулась, и сапог оказался доверху полон воды. Рассказала она о том своему отцу. Вот полез он на чердак и увидел, что дочь говорит правду; пошел к вдове и женился на ней, — тут они и свадьбу сыграли.

На другое утро встали обе девушки, видят — стоит перед отцовой дочкою молоко для мытья и вино для питья, а перед дочкой жены — вода для мытья да вода для питья. На второе утро видят — стоит вода для мытья и вода для питья и перед отцовой дочкой, и перед дочерью жены. А на третье утро — глядь, стоит вода для мытья да вода для питья перед отцовой дочкой, а молоко для мытья да вино для питья — перед дочерью жены; так пошло оно и дальше.

Невзлюбила мачеха падчерицу и не знала, что бы такое и придумать, чтоб было ей день ото дня и того хуже. А была она к тому же завистлива: ведь падчерица была и мила и красива, а родная ее дочь уродлива и противна.

Однажды зимой, когда наступили лютые морозы и все кругом позамерзло, горы и долины засыпало снегом, сшила мачеха платье из бумаги, подозвала девушку и говорит:

— Надень это платье, ступай в лес да принеси мне полное лукошко земляники: мне хочется ягод поесть.

— Господи, да ведь зимой земляника не растет, — молвила девушка, — земля-то ведь вся промерзла и снегом покрыта. И как пойду я в бумажном платье? На дворе ведь так холодно, что дух захватывает, ветер продует меня насквозь, а колючий терновник разорвет мне платье.

— Ты что это? Перечить мне вздумала? — сказала мачеха. — Ступай живей и не смей мне на глаза показываться, пока не наберешь полное лукошко земляники.

Она дала ей кусок черствого хлеба и сказала:

— Этого тебе хватит на целый день, — а сама подумала: «На дворе ты замерзнешь, и с голоду пропадешь, и никогда назад не вернешься».

Девушка послушалась, надела бумажное платье и вышла из дому с лукошком. А кругом одни только снег да снежные просторы и дали, и ни одного зеленого стебелька не видать.

Пришла она в лес, видит — стоит маленькая избушка; и выглядывают из нее три маленьких лесовика. Поздоровалась она с ними и робко в дверь постучалась. Они крикнули: «Входи!» — и она вошла в комнату и села на скамейку у печки, — ей хотелось согреться и съесть свой кусок хлеба. А маленькие человечки и говорят:

— Дай и нам кусочек.

— Хорошо,— ответила она и разломилла свой кусок хлеба надвое и отдала им половину. А они потом спрашивают:
— Отчего ты в таком тоненьком платье зимою в лесу?
— Ах,— ответила девушка,— я должна набрать полное лукошко земляники, а без этого мне домой вернуться никак нельзя.

Когда она съела свой кусок хлеба, они дали ей метлу и сказали:

— Теперь подмети снег у черной двери избушки.

Она вышла, а маленькие человечки стали между собой говорить: «Что бы это нам ей такое подарить, ведь она прилежная и ласковая и хлебом своим с нами поделилась».

И сказал первый из них:

— Я одарю ее тем, что будет она день ото дня становиться все краше.

Второй сказал:

— А я одарю ее тем, что будут у ней изо рта, только скажет она слово, падать червонцы.

Сказал третий:

— А я одарю ее тем, что явится король и женится на ней.

Исполнила девушка то, что сказали ей маленькие человечки, промела метлой снег у избушки,— и, как вы думаете, что же она нашла? Спелую землянику! Она пробилась темно-красной ягодкой из-под снега. И набрала девушка на радостях полное лукошко; поблагодарила маленьких лесовиков, попрощалась с каждым из них за руку и побежала домой, желая принести мачехе то, что та ей велела.

Воротилась она домой и только сказала «добрый вечер», как тотчас выпал у нее изо рта червонец. Потом она рассказала, что случилось с нею в лесу, и при каждом ее слове падали у ней изо рта червонцы, так что вскоре вся комната была завалена ими.

— Поглядите-ка на это чванство,— закричала ее сводная сестра,— так деньгами и швыряется!— Но втайне она ей позавидовала, и захотелось ей тоже пойти в лес за земляникой.

Мать стала ее отговаривать:

— Нет, милая доченька, на дворе слишком холодно, ты можешь замерзнуть.— Но та все ее упрашивала, и мать, наконец, согласилась, пошила ей роскошную меховую шубку и дала ей на дорогу хлеб с маслом и пирожки.

Отправилась девушка в лес и пошла прямо к той маленькой избушке. Три маленьких человечка, как и в тот раз, выглянули из окошка, но она с ними не поздоровалась и, не глядя на них и не сказав им ни слова, ввалилась в комнату, уселась у печки и начала жевать свой хлеб с маслом и пирожки.

— Дай и нам немножко!— воскликнули маленькие человечки.

Но она им ответила:

— Мне и самой-то не хватит, чего ради буду я еще с другими делиться?

Когда девушка поела, они сказали:

— Вот тебе метла, вымети чисто перед черной дверью.

— Э, да метите вы сами! — ответила она. — Я вам не служанка. — А когда она поняла, что они дарить ей ничего не собираются, она ушла от них.

И стали говорить между собой маленькие лесовики: «Что бы это ей такое подарить за то, что она такая недобрая, и с таким злым, завистливым сердцем, и не хочет делать никому добра?»

Первый сказал:

— Я одарю ее тем, что будет она с каждым днем все уродливей.

Второй сказал:

— Я одарю ее тем, что при каждом слове, что вымолвит она, будет у ней изо рта выскакивать жаба.

А третий сказал:

— А я награжу ее тем, что она умрет лютою смертью.

Стала девушка искать землянику, но не нашла ни одной ягодки и воротилась с досады домой. Только она открыла рот, чтобы рассказать матери, что случилось с нею в лесу, как стало выскакивать у ней изо рта при каждом слове по жабе, и все почувствовали к ней отвращение.

Стала мачеха еще пуще прежнего злиться на свою падчерицу и придумывать, как бы ей досадить, а падчерица становилась с каждым днем все красивей и красивей.

Наконец достала мачеха котел, поставила его на огонь и стала кипятить в нем пряжу. Когда та проварилась, взвалила она пряжу на плечи бедной девушке, дала ей в руки топор и велела идти на речку вырубить в ней прорубь и хорошенько помыть пряжу.

Девушка послушалась, пошла и вырубилась во льду прорубь. Но когда она колола лед, подъехала пышная карета, и сидел в ней король. Карета остановилась, и король спросил:

— Дитя мое, ты кто такая и что ты тут делаешь?

— Я бедная девушка, мою пряжу.

Король ее пожалел и, увидев, что она такая красивая, сказал:

— Хочешь, поедем вместе со мной?

— Ах, с большою охотой! — ответила она, обрадовавшись, что ей не придется идти назад к мачехе и сестре.

И она села в карету и поехала вместе с королем. Прибыли они в замок и отпраздновали там пышную свадьбу, и было это ей в награду от маленьких лесных человечков.

Спустя год родила молодая королева сына; и когда мачеха услышала о таком великом счастье, то пришла со своей дочерью в замок, будто желая ее проведать. Но как раз на ту пору король куда-то отлучился и при ней не было никого; тогда схватила злая женщина королеву за голову, а дочка взяла ее за ноги, они подняли ее с постели и бросили через окошко в реку, протекавшую около самого замка. Потом мачеха положила в постель свою уродливую дочь и укрыла ее с головой одеялом.

Воротился король, и захотелось ему поговорить с женой, но старуха закричала:

— Тише, тише, сейчас нельзя, она лежит в сильной испарине, нынче ее надо оставить в покое.

Король, не подозревая ничего дурного, пришел только на другое утро, и когда он заговорил с женой, то при каждом слове выскакивала у нее изо рта жаба, а прежде, бывало, падал червонец. Тогда король спросил, что это значит, и старуха объяснила, что это у нее, дескать, от сильной испарины и что это скоро пройдет.

А в ночи увидал поваренок, как приплыла по водосточной канаве какая-то утка и спросила:

Король, как ты поживаешь?
Бодрствуешь иль почиваешь?

Но когда он ей ничего не ответил, утка спросила:

А как мои гости, сидят?

Ответил ей поваренок:

Нет, они крепко спят.

Стала она тогда спрашивать:

А как родимый сыночек?

И ответил поваренок:

Он спит себе в люльке всю ночь.

И обернулась тогда утка королевой и вошла в замок, покормила ребенка, покачала его в колыбельке, укрыла его и опять уплыла по канаве. Так являлась она подряд две ночи, а на третью сказала поваренку:

— Ступай и скажи королю, чтоб он взял свой меч и трижды взмахнул им надо мной на пороге.

Побежал поваренок и рассказал о том королю. Явился король и трижды взмахнул мечом над привидением; и только взмахнул в третий раз, вдруг видит — стоит перед ним его жена, жива, здорова и невредима, как была прежде.

И был король в великой радости, но продержал королеву в потайной комнате до воскресенья, когда должны были крестить ребенка. А когда его окрестили, король спросил у старухи:

— Как должно поступить с человеком, который стаскивает кого-нибудь с постели и бросает его в воду?

— Никак иначе, — ответила старуха, — как посадить такого злодея в бочку, утыканную гвоздями, и скатить ее с горы в реку.

И сказал король:

— Ты сама себе вынесла приговор.

И он велел принести бочку, утыканную гвоздями, и посадить в нее старуху с дочкой. Забили бочку наглухо и спустили с горы, и покатила она прямо в реку.

Три пряжи

Жила-была девушка, ленивица да прясть не охотница; и что ей

мать ни говорила, а заставить ее работать никак не могла.

Вот, наконец, у матери терпенья не стало, разгневалась она и побила свою дочь, а та и разревелась всюю. А как раз в это время проезжала мимо королева; услышала она плач, велела остановить карету, вошла в дом и спрашивает у матери, за что та бьет свою дочь так, что слышен крик даже на улице.

Стыдно было женщине рассказывать, что дочка у нее такая ленивая, и она сказала:

— Да вот никак не могу оторвать ее от прялки, у нее все охота прясть да прясть, а мне-то, по бедности, откуда достать столько льна?

И сказала королева:

— Нет для меня ничего приятнее, как слышать, когда прядут, и нет ничего мне милее, когда жужжат веретена. Отдайте мне дочь свою в замок, льна у меня достаточно, и пусть себе прядет, сколько ей вздумается.

Мать была этому рада, и королева забрала девушку с собой. Вот прибыли они в замок, повела королева ее наверх и показала три светелки, а набиты они были сверху донизу самым отборным льном.

— Вот этот лен ты мне и перепряди, — сказала она. — Коль справишься с этой работой, я выдам тебя замуж за старшего своего сына. Я не посмотрю на то, что ты девушка бедная, твое усердие будет вместо приданого.

Испугалась девушка: ведь она не могла перепрясть столько льна, даже если бы сидела над пряжей каждый день с утра и до вечера целых триста лет.

Осталась она одна и стала плакать и просидела так, сложа руки, целых три дня. А на третий день пришла королева и, увидев, что девушка ничего не напярала, удивилась, но та ей объяснила, что не могла начать работать, тоскуя по материнскому дому. Королева этим объяснением удовлетворилась, но, уходя, сказала:

— Ну, завтра, смотри, за работу принимайся.

И осталась девушка опять одна и, не зная, что ей начать, что и придумать, подошла в горе к окошку. Она увидела, что идут три женщины: и была у одной из них ступня широкая, а у другой такая толстая нижняя губа, что прямо вся к подбородку свисала, а у третьей был широкий большой палец.

Остановились они у окошка, посмотрели наверх и спросили девушку, чего ей не хватает. Она стала жаловаться на свое горе; и вот предложили они ей помочь и сказали:

— Если ты пригласишь нас на свадьбу и нас стыдиться не будешь, а станешь называть нас своими тетушками и к себе за стол посадишь, то мы весь лен тебе перепрядем, и сделаем это быстро.

— Я буду очень рада, — ответила она, — входите и принимайтесь скорей за работу.

Она впустила трех диковинных женщин и освободила для

них место в первой светелке. Они сели и начали прясть. Одна тянула нитку и вертела колесо, другая ее смачивала, а третья сучила и пальцем о стол постукивала,— и падал ворох пряжи наземь, и была пряжа самой тонкой работы. Девушка скрывала от королевы этих трех прях, и когда та приходила, показывала ей целый ворох готовой пряжи, и похвалам королевы не было конца. Когда в первой комнате льна уже не хватило, они перешли во вторую, наконец — в третью, а вскоре и в этой льна больше не хватило.

Потом три женщины попрощались и напомнили девушке:

— Смотри же, не забудь, что нам обещала, и будет тебе счастье!

Девушка показала королеве пустые комнаты и большую грудку пряжи, и та стала готовить ей свадьбу; и радовался жених, что женится на такой искусной и прилежной девушке, и всячески ее расхваливал.

— Есть у меня три тетки,— сказала девушка, — они мне сделали много добра, и я не хотела бы позабыть о них в своем счастье,— так вот, дозвольте мне пригласить их на свадьбу и посадить рядом с собою за стол.

Королева и жених отвечали:

— Ну, конечно, мы разрешаем!

И вот, когда начался свадебный пир, вошли во дворец три женщины в странном одеянии, а невеста им и говорит:

— Добро пожаловать, милые тетушки!

— Ах,— говорит жених,— как ты можешь дружить с такими противными бабами? — И он подошел к той, у которой была широкая ступня, и спрашивает:

— Отчего это у тебя такая широкая ступня?

— От работы на прялке,— ответила она,— от работы на прялке!

Потом подходит жених ко второй и спрашивает:

— Отчего это у тебя губа такая отвисшая?

— Оттого, что лен смачивала,— ответила она,— оттого, что лен смачивала!

Спросил он третью:

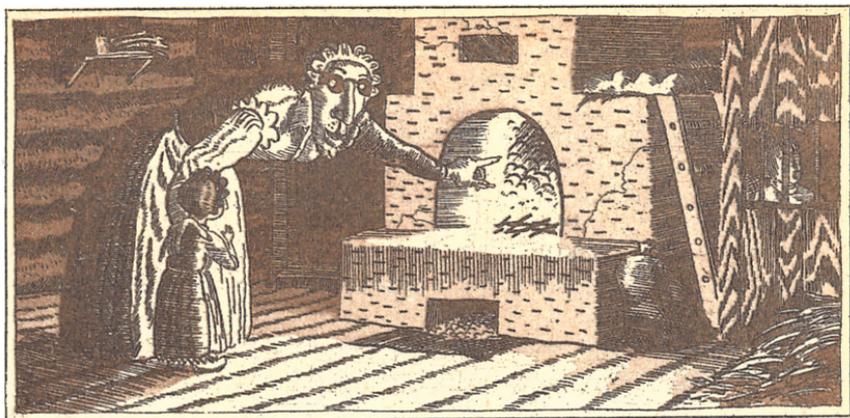
— Отчего у тебя палец такой широкий?

— Оттого, что нитки сучила,— ответила она,— оттого, что нитки сучила!

Испугался тогда королевич и говорит:

— С этой поры никогда моя милая невеста не должна к прялке и близко подходить.

Так избавилась она от ненавистой ей пряжи.

Гензель и Гретель

Жил на опушке дремучего леса бедный дровосек со своей женой и двумя детьми: мальчика звали Гензель, а девочку — Гретель. Жил дровосек впроголодь; вот наступила однажды в той земле такая дороговизна, что не на что было ему купить даже хлеба на пропитание.

И вот, под вечер, лежа в постели, стал он раздумывать, и все одолевали его разные мысли и заботы; повздыхал он и говорит жене:

— Что же теперь будет с нами? Как нам прокормить бедных детей, нам-то ведь и самим есть нечего!

— А знаешь что, — отвечала жена, — давай-ка пораньше утром, только начнет светать, заведем детей в лес, в самую глухую чащу; разведем им костер, дадим каждому по куску хлеба, а сами уйдем на работу и оставим их одних. Дороги домой они не найдут, вот мы от них и избавимся.

— Нет, жена, — говорит дровосек, — этого я не сделаю; ведь сердце-то у меня не камень, я детей одних бросить в лесу не могу, там нападут на них дикие звери и их разорвут.

— Эх ты, простофиля! — говорит жена. — Ведь иначе мы все вчетвером с голоду пропадем, и останется только одно, — гробы сколачивать. — И она донимала его до тех пор, пока он с ней согласился.

— А все-таки жалко мне моих бедных детей! — сказал дровосек.

Дети от голода не могли уснуть и слышали все, что говорила мачеха отцу. Залилась Гретель горькими слезами и говорит Гензелю:

— Видно, нам теперь пропадать придется.

— Тише, Гретель,— сказал Гензель,— не горюй, я уж что-нибудь да придумаю.

И вот когда родители уснули, он встал, надел свою курточку, отворил дверь в сени и тихонько выбрался на улицу. На ту пору ярко светила луна, и белые камешки, лежавшие перед избушкой, блестели, словно груды серебряных монет.

Гензель нагнулся и набил ими полный карман. Потом вернулся он домой и говорит Гретель:

— Утешься, милая сестрица, спи себе теперь спокойно, господь нас не оставит.— И с этими словами он снова улегся в постель.

Только стало светать, еще и солнышко не всходило, а мачеха уже подошла и стала будить детей:

— Эй вы, лежебоки, пора подыматься, собирайтесь-ка с нами в лес за дровами!

Дала она каждому из них по кусочку хлеба и говорит:

— Вот это будет вам на обед; да смотрите, не съешьте его раньше времени, больше ничего не получите.

Гретель спрятала хлеб в свой передник,— ведь у Гензеля карман был полон камней. И они собрались идти вместе в лес. Прошли они немного, вдруг Гензель остановился, оглянулся назад, посмотрел на избушку,— так он все время оглядывался назад и останавливался. А отец ему и говорит:

— Гензель, чего это ты все оглядываешься да отстаешь? Смотри не зевай, иди побыстрей.

— Ах, батюшка,— ответил ему Гензель,— я все гляжу на свою белую кошечку, вон сидит она на крыше, будто хочет сказать мне «прощай».

А мачеха и говорит:

— Эх, дурень ты, это вовсе не твоя кошечка, это утреннее солнце блестит на трубе.

А Гензель вовсе и не на кошечку смотрел, а доставал из кармана и бросал на дорогу блестящие камешки.

Вот вошли они в самую чащу леса, а отец и говорит:

— Ну, дети, собирайте теперь хворост, а я разведу костер, чтобы вы не озябли.

Гензель и Гретель собрали целую кучу хворосту. Разожгли костер. Когда пламя хорошо разгорелось, мачеха говорит:

— Ну, детки, ложитесь теперь у костра да отдохните как следует, а мы пойдем в лес дрова рубить. Как кончим работу, вернемся назад и возьмем вас домой.

Сели Гензель и Гретель у костра, и когда наступил полдень, каждый из них съел по кусочку хлеба. Они все время слышали стук топора и думали, что их отец где-то поблизости. Но то был совсем не стук топора, а чурбана, который привязал дровосек к сухому дереву, и он, раскачиваясь под ветром, стучал о ствол.

Долго сидели они так у костра, от усталости стали у них глаза закрываться, и они крепко-крепко уснули. А когда проснулись, была уже глухая ночь. Заплакала Гретель и говорит:

— Как же нам теперь выбраться из лесу?

Стал Гензель ее утешать:

— Погоди маленько, скоро взойдет луна, и мы уж найдем дорогу.

Когда взошла луна, взял Гензель сестрицу за руку и пошел от камешка к камешку, — а сверкали они, словно новые серебряные денежки, и указывали детям путь-дорогу. Они шли всю ночь напролет и подошли на рассвете к отцовской избушке.

Они постучались, мачеха открыла им дверь; видит она, что это Гензель и Гретель, и говорит:

— Что же это вы, скверные дети, так долго спали в лесу? А мы уж думали, что вы назад вовсе не хотите возвращаться.

Обрадовался отец, увидя детей, — было у него на сердце тяжело, что бросил он их одних.

А вскоре опять наступили голод и нужда, и дети услышали, как мачеха ночью, лежа в постели, говорила отцу:

— У нас опять все уже съедено, осталось только полкраюхи хлеба, видно, нам скоро конец придет. Надо бы нам от детей избавиться: давай заведем их в лес подальше, чтоб не найти им дороги назад, — другого выхода у нас нету.

Тяжко стало на сердце у дровосека, и он подумал: «Уж лучше бы мне последним куском с детьми поделиться». Но жена и слышать о том не хотела, стала его бранить и попрекать. И вот — плохое начало не к доброму концу, — уступил он раз, пришлось ему и теперь согласиться.

Дети еще не спали и слышали весь разговор. И только родители уснули, поднялся Гензель опять и хотел было выйти из дому, чтобы собрать камешки, как и в прошлый раз, но мачеха заперла дверь, и Гензель выбраться из хижины не смог. Он стал утешать свою сестрицу и говорит:

— Не плачь, Гретель, спи спокойно, уж бог нам как-нибудь да поможет.

Ранним утром пришла мачеха и подняла детей с постели. Дала им кусок хлеба, он был еще меньше, чем в первый раз. По дороге в лес Гензель крошил хлеб в кармане, все оставался и бросал хлебные крошки на дорогу.

— Что это ты, Гензель, все останавливаешься да оглядываешься, — сказал отец, — ступай своей дорогой.

— Да это я смотрю на своего голубка, вон сидит он на крыше дома, будто со мной прощается, — ответил Гензель.

— Дурень ты, — сказала мачеха, — это вовсе не голубь твой, это утреннее солнце блестит на верхушке трубы.

А Гензель все бросал и бросал по дороге хлебные крошки. Вот завела мачеха детей еще глубже в лес, где они ни разу еще не бывали. Развели опять большой костер, и говорит мачеха:

— Детки, садитесь вот тут, а устанете, так поспите маленько; а мы пойдем в лес дрова рубить, а к вечеру, как кончим работу, вернемся сюда и возьмем вас домой.

Когда наступил полдень, поделилась Гретель своим куском хлеба с Гензелем,— ведь он весь свой хлеб раскрошил по дороге. Потом они уснули. Но вот уж и вечер прошел, и никто за бедными детьми не приходил. Проснулись они темной ночью, и стал Гензель утешать сестрицу:

— Погоди, Гретель, вот скоро луна взойдет, и станут видны хлебные крошки, что я разбросал по дороге, они укажут нам дорогу домой.

Вот взошла луна, и дети отправились в путь-дорогу, но хлебных крошек не нашли,— тысячи птиц, что летают в лесу и в поле, все их поклевали. Тогда Гензель и говорит Гретель:

— Мы уж как-нибудь да найдем дорогу.

Но они ее не нашли. Пришлось им идти целую ночь и весь день, с утра и до самого вечера, но выбраться из лесу они не могли. Дети сильно проголодались, ведь они ничего не ели, кроме ягод, которые собирали по пути. Они так устали, что еле-еле передвигали ноги, и вот прилегли они под деревом и уснули.

Наступило уже третье утро с той поры, как покинули они отцовскую избушку. Пошли они дальше. Идут и идут, а лес все глубже и темней, и если бы вскоре не подоспела помощь, они выбились бы из сил.

Вот наступил полдень, и они заметили на ветке красивую белоснежную птичку. Она пела так хорошо, что они остановились и заслушались ее пением. Но вдруг птичка умолкла и, взмахнув крыльями, полетела перед ними, а они пошли за ней следом, и шли, пока, наконец, не добрались до избушки, где птичка уселась на крыше. Подошли они ближе, видят — сделана избушка из хлеба, крыша на ней из пряников, а окошки все из прозрачного леденца.

— Вот мы за нее и примемся,— сказал Гензель,— и то-то будет у нас славное угощенье! Я отъем кусок крыши, а ты, Гретель, возмись за окошко,— оно, должно быть, очень сладкое.

Взобрался Гензель на избушку и отломил кусочек крыши, чтоб попробовать, какая она на вкус, а Гретель подошла к окошку и начала его грызть.

Вдруг послышался изнутри чей-то тоненький голосок:

Хруп да хрум все под окном,
Кто грызет и гложет дом?

Дети ответили:

Это гость чудесный,
Ветер поднебесный!

И, не обращая внимания, они продолжали обедать домик.

Гензель, которому очень понравилась крыша, оторвал от нее большой кусок и сбросил вниз, а Гретель выломала целое круглое стекло из леденца и, усевшись около избушки, стала им лакомиться.

Вдруг открывается дверь, и выходит оттуда, опираясь на костыль, старая-престарая бабка. Гензель и Гретель так ее испугались, что выронили из рук лакомство. Покачала старуха головой и говорит:

— Э, милые детки, кто это вас сюда привел? Ну, милости просим, входите в избушку, худо вам тут не будет.

Она взяла их обоих за руки и ввела в свою избушку. Принесла им вкусной еды — молока с оладьями, посыпанными сахаром, яблок и орехов. Потом она постелила две красивые постельки и накрыла их белыми одеялами. Улеглись Гензель и Гретель и подумали, что попали, должно быть, в рай.

Но старуха только притворилась такою доброй, а была она на самом деле злой ведьмой, что подстерегает детей, и избушку из хлеба построила для приманки. Если кто попадал к ней в руки, она того убивала, потом варила и съедала, и было это для нее праздником. У ведьм всегда бывают красные глаза, и видят они вдаль плохо, но зато у них нюх, как у зверей, и они чуют близость человека.

Когда Гензель и Гретель подходили к ее избушке, она злобно захохотала и сказала с усмешкой:

— Вот они и попались! Ну, уж теперь им от меня не уйти!

Рано поутру, когда дети еще спали, она встала, посмотрела, как они спят спокойно да какие у них пухлые и румяные щечки, и пробормотала про себя: «То-то приготовлю я себе лакомое блюдо».

Она схватила Гензеля своей костлявой рукой, унесла его в хлев и заперла там за решетчатой дверью — пусть кричит себе сколько вздумается, ничего ему не поможет. Потом пошла она к Гретель, растолкала ее, разбудила и говорит:

— Вставай, лентяйка, да притащи мне воды, свари своему брату что-нибудь вкусное, — вон сидит он в хлеву, пускай хорошенько откармливается. А когда разжиреет, я его съем.

Залилась Гретель горькими слезами, но — что делать? Пришлось ей исполнить приказание злой ведьмы.

И вот были приготовлены для Гензеля самые вкусные блюда, а Гретель достались одни лишь объедки.

Каждое утро пробиралась старуха к маленькому хлеву и говорила:

— Гензель, протяни-ка мне свои пальцы, я хочу посмотреть, достаточно ли ты разжирел.

Но Гензель протягивал ей косточку, и старуха, у которой были слабые глаза, не могла разглядеть, что это такое, и думала, что то пальцы Гензеля, и удивлялась, отчего это он все не жиреет.

Так прошло четыре недели, но Гензель все еще оставался худым, — тут старуха потеряла всякое терпенье и ждать больше не захотела.

— Эй, Гретель, — крикнула она девочке, — пошевеливайся живей, принеси-ка воды; все равно — жирен ли Гензель, или тощ, а уж завтра утром я его заколю и сварю.

Ох, как горевала бедная сестрица, когда пришлось ей тащить воду, как текли у ней слезы ручьями по щекам!

— Господи, да помоги же ты нам! — воскликнула она. — Лучше бы нас растерзали дикие звери в лесу, тогда хотя бы погибли мы вместе.

— Ну, нечего хныкать! — крикнула старуха. — Теперь тебе ничего не поможет.

Рано поутру Гретель должна была встать, выйти во двор, повесить котел с водой и развести огонь.

— Сначала мы испечем хлеб, — сказала старуха, — я уже истопила печь и замесила опару. — Она толкнула бедную Гретель к самой печи, откуда так и полыхало большое пламя.

— Ну, полезай в печь, — сказала ведьма, — да погляди, хорошо ли она натоплена, не пора ли хлебы сажать?

Только полезла было Гретель в печь, а старуха в это время хотела закрыть ее заслонкой, чтобы Гретель зажарить, а потом и съесть. Но Гретель догадалась, что затевает старуха, и говорит:

— Да я не знаю, как это сделать, как мне туда пролезть-то?

— Вот глупая гусыня, — сказала старуха, — смотри, какое большое устье, я и то могла бы туда залезть, — и она взобралась на шесток и просунула голову в печь.

Тут Гретель как толкнет ведьму, да так, что та очутилась прямо в самой печи. Потом Гретель прикрыла печь железной заслонкой и заперла на задвижку. У-ух, как страшно завывала ведьма! А Гретель убежала; и сгорела проклятая ведьма в страшных мученьях.

Бросилась Гретель поскорей к Гензелю, открыла хлев и крикнула:

— Гензель, мы спасены: старая ведьма погибла!

Выскочил Гензель из хлева, словно птица из клетки, когда откроют ей дверку. Как обрадовались они, как кинулись друг

другу на шею, как прыгали они от радости, как крепко они целовались! И так как теперь им нечего уже было бояться, то вошли они в ведьмину избушку, а стояли там всюду по углам ларцы с жемчугами и драгоценными камнями.

— Эти, пожалуй, будут получше наших камешков,— сказал Гензель и набил ими полные карманы. А Гретель говорит:

— Мне тоже хочется что-нибудь принести домой,— и насыпала их полный передник.

— Ну, а теперь бежим поскорей отсюда,— сказал Гензель,— ведь нам надо еще выбраться из ведьминога леса.

Вот прошли они так часа два и набрали, наконец, на большое озеро.

— Не перебраться нам через него,— говорит Гензель,— нигде не видать ни тропинки, ни моста.

— Да и лодочки не видно,— ответила Гретель,— а вон плывет белая уточка; если я ее попрошу, она поможет нам переправиться на другой берег.

И кликнула Гретель:

Утя, моя уточка,
Подплыви к нам чуточку,
Нет дорожки, ни моста,
Переправь нас, не оставь!

Подплыла уточка, сел на нее Гензель и позвал сестрицу, чтоб и она села вместе с ним.

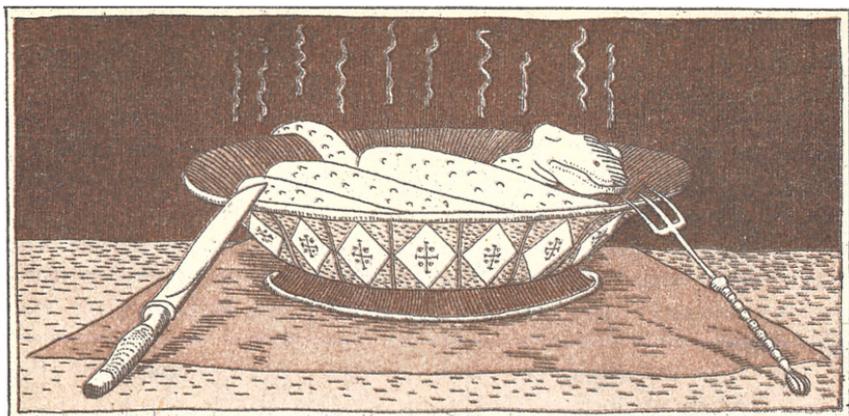
— Нет,— ответила Гретель,— уточке будет слишком тяжело; пускай перевезет она сначала тебя, а потом и меня.

Так добрая уточка и сделала, и когда они счастливо переправились на другой берег и пошли дальше, то стал лес им все знакомей и знакомей, и они заметили, наконец, издали отцовский дом. Тут на радостях они пустились бежать, вскочили в комнату и бросились отцу на шею.

С той поры как отец бросил детей в лесу, не было у него ни минуты радости, а жена его померла. Раскрыла Гретель передник, и рассыпались по комнате жемчуга и драгоценные камни, а Гензель доставал их из кармана целыми пригоршнями.

И настал конец их нужде и горю, и зажили они счастливо все вместе.

Тут и сказке конец идет,
А вон мышка бежит вперед;
Кто поймает ее, тот
Сошьет себе шапку меховую,
Да большую-пребольшую.

Белая змея

Давно тому назад жил на свете король, и был он славен по всей земле своей мудростью. Все было ему известно, будто кто по воздуху подавал ему вести о самых сокровенных вещах. Но был у него странный обычай: каждый полдень, когда всё со стола убирали и никого постороннего не оставалось, приносил ему надежный слуга еще одно блюдо. Но было оно прикрыто, и даже слуга, и тот не знал, что находится на этом блюде; и не знал об этом ни один человек, ибо король открывал блюдо и приступал к еде только тогда, когда оставался совершенно один.

Так продолжалось долгое время, но вот однажды одолело слугу любопытство, он не мог с собой совладать и отнес блюдо в свою комнату. Он прикрыл как следует двери, поднял с блюда крышку, видит — лежит там белая змея. Глянул он на нее и не мог удержаться, чтоб ее не попробовать; он отрезал кусок и положил его в рот. И только он прикоснулся к нему языком, как тотчас услышал у окна странный шепот нежных голосов. Он подошел ближе, прислушался — видит, что это беседуют между собой воробы и рассказывают друг другу всякую всячину, виденную ими на поле и в лесу: вкус змеиного мяса дал ему возможность понимать птичий язык.

И вот случилось, что как раз в этот день у королевы пропало ее самое красивое кольцо, и подозрение пало на этого ближайшего слугу, который имел всюду доступ. Король кликнул слугу и начал ему грозить, всячески его ругая, что ежели он к утру не назовет виновника, то будет признан вором и отдан под суд. Но ничего не помогло, слуга настаивал на своей невинности, и его отпустили с тем же решением. В страхе и беспокойстве вышел он во двор и стал раздумывать, как ему из бе-

ды выбраться. А сидели у ручья мирно рядышком утки и отдыхали; они чистили и приглаживали себя клювами и вели между собой беседу. Слуга остановился и стал прислушиваться. А рассказывали утки друг другу, где они нынче утром бывали, где плавали, какой нашли корм; и вот говорит одна из них с досадой:

— У меня такая тяжесть в желудке, я второпях проглотила кольцо, что лежало под окном королевы.

Схватил слуга утку тотчас за шею, принес ее на кухню и говорит повару:

— Зарежь мне эту утку, видишь, какая она жирная.

— Да,— сказал повар, взвешивая ее на руке,— она, что и говорить, хорошо откормилась, постаралась, видно, и давненько дожидается, чтоб ее зажарили.

Он отрубил ей голову и стал ее потрошить, и вот нашлось у нее в желудке кольцо королевы. И мог теперь слуга легко доказать королю свою невиновность; а так как королю хотелось загладить свою несправедливость, то он позволил ему что-нибудь у него попросить и обещал самую почетную должность при дворе, какую он только пожелает.

Но слуга от всего отказался и попросил только коня и денег на дорогу,— хотелось ему свет повидать и некоторое время постранствовать. Его просьба была исполнена, и он отправился в путь-дорогу.

Однажды, проезжая мимо озера, увидал он трех рыб, которые застряли в камыше и старались выбраться к воде. Хотя и говорят, что рыбы будто немые, но слуга услышал их жалобу, что вот приходится им теперь погибать такой жалкою смертью. А было у него сердце жалостливое,— он встал с коня и бросил трех пленниц обратно в озеро. Начали они на радостях трепыхаться, высунули из воды головы и молвили ему:

— Мы этого тебе не забудем и отблагодарим тебя за то, что ты спас нам жизнь.

Поехал он дальше; и вскоре ему почудилось, будто у самых его ног на песке слышится чей-то голос. Он стал прислушиваться и услышал, как царь муравьиный жаловался:

— Хотя бы оставили нас люди в покое, а заодно и неуклюжие животные!

И он свернул на обочину; и тогда сказал ему царь муравьиный:

— Мы этого тебе не забудем и отблагодарим тебя за это.

Дальше привела дорога его в лес, и увидел он там ворона и ворону, они стояли у гнезда и выбрасывали оттуда своих птенцов.

— Прочь отсюда, шалопаи вы этакие! — кричали они. — Вас теперь не накормишь, вы уже достаточно выросли и можете сами себя прокормить.

Бедные воронята лежали на земле и, пытаясь подняться, размахивали крыльями и кричали:

— Ведь мы беспомощные птенчики, вы должны нас кормить, мы летать еще не умеем! Теперь нам одно остается — помереть с голоду.

Слез тогда добрый парень с коня, убил его шпагой и оставил на прокорм молодым воронятам. Они подскочили, наелись досыта и закричали:

— Мы этого тебе никогда не забудем и поможем тебе в беде!

Пришлось теперь парню идти пешком; прошел он немало долгих путей и дорог, пока попал, наконец, в столицу. И были там на улицах большой шум и суета, и явился всадник и объявил во всеуслышанье:

— Королевна ищет себе мужа, и кто хочет за нее посвататься, тот должен сперва выполнить трудную задачу; а кто не сможет с ней удачно справиться, тот жизнью поплатится.

Много людей пыталось уже выполнить это, но только напрасно жизнью своей заплатились. Но когда парень увидел королевну, он был так ослеплен ее несказанной красотой, что забыл про всякую опасность, пришел к королю и объявил себя ее женихом.

Его привели тотчас на морской берег, и был брошен в море на глазах у него перстень, и король велел ему достать этот перстень со дна моря и прибавил:

— А если ты вернешься назад без него, то будут тебя сбрасывать все время в воду, пока ты не утонешь в волнах.

Все пожалели красивого парня и покинули его одного у моря. Стоял он на берегу и раздумывал, что ему теперь делать. Вдруг видит — подплывают к нему три рыбы, то были те самые, которым он спас жизнь. И держала средняя во рту раковину, она положила ее на берег к ногам юноши. Он поднял раковину, открыл ее, и лежал там золотой перстень. Радостный, принес он его королю и ждал, что тот даст ему обещанную награду. Но когда надменная королевна услышала, что он простой слуга, отказала ему и потребовала, чтобы выполнил он сначала вторую задачу. Она сошла в сад и рассыпала там на траве десять больших мешков проса.

— К утру, прежде чем подыметя солнце, ты должен мне все это просо выбрать, — сказала она, — да так, чтоб ни одно зернышко не пропало.

Сел парень в саду и стал раздумывать, как выполнить ему такую задачу, но ничего придумать не мог и сидел пригорюнившись и ждал, что с наступлением утра его поведут на казнь. Но вот засияли в саду первые лучи солнца, и он увидел, что все десять мешков полны проса, и стоят все в ряд, и не пропало при этом ни одного зернышка. Явился ночью царь муравьиный со своими тысячами муравьев, и благодарные насекомые с великим усердием выбрали просо и сложили его в мешки.

Вот сошла сама королева в сад и увидела, к своему удивлению, что парень выполнил то, что было ему поручено. Но она не могла осилить своей гордыни и сказала:

— Хотя он и выполнил обе задачи, но не стать ему моим мужем прежде, чем не принесет он мне яблока с дерева жизни.

Парень не знал, где растет дерево жизни; но он собрался в путь-дорогу и решил искать его до тех пор, пока ноги будут идти, но у него не было никакой надежды его отыскать. Вот обошел он уже три королевства и зашел под вечер в лес. Сел под деревом, и захотелось ему спать, — но он услышал в ветвях шелест, и упало ему в руку золотое яблоко. А тут слетели вниз три ворона, уселись к нему на колени и сказали:

— Мы три молодых вороненка, которых ты спас от голодной смерти. Мы теперь выросли и, когда услышали, что ты ищешь золотое яблоко, прилетели из-за моря, долетели до самого края земли, где растет дерево жизни, и принесли тебе это яблоко.

Сильно обрадовался парень, и пустился в обратный путь, и принес прекрасной королеве золотое яблоко; и уж теперь отговариваться ей было невозможно: они поделили яблоко жизни и съели его вдвоем; и исполнилось ее сердце к нему любовью, и дожили они в безмятежном счастье до самой глубокой старости.

*Соломинка,
уголек и боб*

Жила-была в деревне бедная старуха. Собрала она раз миску бобов и хотела было их сварить. Она затопила печь и, чтоб огонь скорей разгорелся, подбросила пучок соломы. Стала пересыпать бобы в горшок, и вдруг один из них незнаяй выскользнул и улегся на полу

рядом с соломинкой, а вскоре выскочил к ним из печи и горячий уголек. Вот соломинка и говорит:

— Откуда вы к нам, милые друзья?

Уголек отвечает:

— Да вот посчастливилось мне из огня выскочить, а не то бы верная гибель была мне — я сторел бы и обратился в пепел.

А боб ему говорит:

— Я тоже ловко спас свою шкуру, а то положила бы меня старуха в горшок и сварила бы из меня, как из моих товарищей, без всякого сожаления похлебку.

— А мне-то разве лучше пришлось бы? — сказала соломинка. — Всех моих сестриц старуха в огонь и в дым обратила: вон — шестьдесят сразу схватила да и погубила. Я еще счастливо выскользнула у нее из рук.

— Что ж нам теперь делать? — спрашивает уголек.

— Я думаю, — ответил боб, — раз мы так счастливо спаслись от смерти, так давайте жить, как добрые друзья-товарищи, вместе; а чтоб с нами не приключилось опять какой беды, давайте уйдем отсюда и поселимся в иной, чуждедальней стране.

Это всем понравилось, и они отправились вместе в путь-дорогу.

Долго ли, коротко ли, подошли они, наконец, к маленькому ручейку, и не было там ни мостика, ни жердинки, и они не знали, как им перебраться на другую сторону. Но соломинка скоро нашла выход и говорит:

— Знаете что, лягу-ка я поперек ручья, а вы переправитесь по мне, как по мостику.

Так она и сделала — протянулась с берега на берег. А уголек тот был нрава пылкого и смело затопал по вновь построенному мосту.

Дошел он уже до середины, вдруг слышит под собой шум воды, — тут испугался он, остановился на месте и не решился идти дальше. А соломинка вдруг загорелась, переломилась надвое и упала в ручей. Уголек упал за ней следом и, как попал в воду, зашипел и умер.

А боб, тот был поосторожней: он остался на берегу и, увидев, что случилось, засмеялся и никак не мог остановиться, и смеялся так сильно, что в конце концов лопнул.

Тут бы ему и конец настал, но, к счастью, подвернулся странствующий портной, отдыхавший у ручья. Сердце было у него жалостливое, он достал иглу и нитки и сшил лопнувший боб. Поблагодарил его боб от всей души, но только нитки-то у портного были черные.

Вот с той поры у всех бобов и виден посредине черный шов.

*Сказка о рыбаке
и его жене*

Жил-был когда-то рыбак со своею женой. Жили они вместе в бедной избушке, у самого

морья. Рыбак выходил каждый день к берегу моря и ловил рыбу,— так он и жил, что все рыбу ловил.

Вот сидел он однажды с удочкой и все глядел на зеркальную воду; сидел он и сидел. Вдруг опустилась удочка на дно, глубоко-глубоко; стал он ее вытаскивать и вытащил большую камбалу-рыбу. И говорит ему камбала-рыба:

— Послушай, рыбак, прошу я тебя, отпусти меня в море! Не рыба я камбала, а очарованный принц. Ну, что тебе будет пользы в том, что ты меня съешь? Не по вкусу придусь я тебе. Отпусти меня в море, чтоб снова мне плавать.

— Ну,— говорит рыбак,— чего меня уговаривать? Камбалу, что умеет говорить человеческим голосом, я и так отпущу на свободу.

И он отпустил ее опять в чистое море. Опустилась она на дно и оставила за собой длинную струйку крови. Подивился рыбак и вернулся к жене в свою бедную избушку.

— Что ж ты,— говорит ему жена,— нынче ничего не поймал?

— Нет,— говорит рыбак,— поймал я камбалу-рыбу, а она сказала, что она — очарованный принц, вот и отпустил я ее назад, пускай себе плавает в море.

— И ты у нее ничего и не выпросил? — спросила жена.

— Нет,— ответил рыбак,— чего же мне было желать?

— Эх,— сказала жена,— ведь плохо-то нам живется в бедной избушке, скверно в ней пахнет, смотри, какая она грязная, выпросил бы ты избу получше. Ступай да покличь назад камбалу-рыбу, скажи ей, что хотим мы избу получше. Она уж наверное выполнит просьбу.

— Ох,— сказал рыбак,— неужто мне снова туда идти?

— Да ведь ты же ее поймал и выпустил в море, она уж наверное все сделает. Ступай, счастливой тебе дороги!

Не хотелось идти рыбаку, но он не посмел перечить жене и пошел к морю.

Пришел на берег. Позеленело море, потемнело, не сверкает, как прежде. Подошел он к морю и говорит:

Человечек Тимпе-Те,
Рыба-камбала в воде,
Ильзебилль, моя жена,
Против воли шлет меня.

Приплыла камбала-рыба и спрашивает:

— Ну, чего ей надобно?

— Эх,— ответил рыбак,— ведь я-то тебя поймал, а жена мне говорит, будто я должен что-нибудь у тебя выпросить. Не хочет она больше жить в своей бедной избушке, хочет жить в хорошей избе.

— Ну, ступай,— говорит ему камбала-рыба,— все тебе будет.

Воротился рыбак домой. Видит — на месте бедной избушки стоит хорошая новая изба, и сидит жена его перед дверью на скамейке. Взяла его жена за руку и говорит:

— Ну, входи, погляди-ка, теперь-то ведь куда лучше.

Вошел он в избу, а в избе чистые сени и нарядная комната, и стоят в ней новые постели, а дальше чулан и столовая; и всюду полки, а на них самая лучшая утварь, и оловянная и медная — все, что надо. А позади избы маленький дворик, и ходят там куры и утки; а дальше небольшой садик и огород с разной зеленью и овощами.

— Видишь,— говорит жена,— разве это не хорошо?

— Да,— ответил рыбак,— заживем мы теперь припеваючи, будем довольны и сыты.

— Ну, это еще посмотрим, как оно будет,— говорит жена. Поужинали они и легли спать.

Вот прошла так неделя, другая, и говорит жена:

— Послушай, муженек, а изба-то ведь тесная, двор и огород совсем маленькие; камбала-рыба могла бы подарить нам дом и побольше. Хочу жить в большом каменном замке. Ступай к камбале-рыбе, пусть подарит нам замок.

— Ах, жена,— ответил рыбак,— нам-то ведь и в этой избе хорошо, зачем нам жить в замке?

— Да что ты понимаешь! — говорит ему жена. — Ступай-ка опять к камбале-рыбе, она все может нам сделать.

— Нет, жена,— говорит рыбак,— камбала-рыба подарила нам недавно избу, не хочу я идти к ней опять, а не то она разгневается.

— Да ступай,— говорит жена,— она все может выполнить, и сделает это охотно. Ступай!

Тяжело было на сердце у рыбака, не хотелось ему идти; молвил он про себя: «Негоже так делать», — но все же пошел.

Пришел он к морю. Помутилось море, потемнело, совсем стало темным; иссиня-серым, и совсем не такое, как прежде — зеленое и светлое; но оно было еще тихое-тихое.

Подошел он к морю и говорит:

Человечек Тимпе-Ге,
Рыба-камбала в воде,
Ильзебилль, моя жена,
Против воли шлет меня.

— Ну, чего она хочет? — говорит камбала-рыба.

— Эх, — ответил в смущении рыбак, — хочет она жить в большом каменном замке.

— Ну, ступай домой, вон стоит она у дверей, — молвила камбала-рыба.

Пошел рыбак и подумал: «Пойду я теперь домой», — и домой воротился. Видит — стоит перед ним большой каменный дворец, и стоит его жена на крыльце и собирается войти во дворец. Она взяла его за руку и говорит:

— Ну, войдем вместе со мной.

Вошли они, видят — всюду в замке мраморные полы; и стоит множество всяких слуг, отворяют они перед ними высокие двери; а стены все так и блестят, красивые на них обои, а в комнатах стулья и столы все сплошь из золота, и висят на потолке хрустальные люстры; и все залы и покои коврами устланы; и лучшие яства и вина драгоценные стоят на столах, — чуть не ломятся под ними столы. А позади замка просторный конюшенный двор и коровник, и возки и повозки самые лучшие, да кроме того, большой прекрасный сад с великолепными цветами и чудными плодовыми деревьями, и парк — длиной будет этак с полмили, — а в нем олени, лани и зайцы и все, что только душа пожелает.

— Ну, что, — говорит жена, — разве это не прекрасно?

— О, да, — ответил рыбак, — пускай оно так и останется; давай заживем теперь в прекрасном замке и будем этим довольны.

— Ну, это мы еще подумаем, — говорит жена, — потолкуем после.

С тем и пошли они спать.

На другое утро, только стало светать, проснулась жена первая и увидела, лежа в постели, какой красивый вид за окном. Рыбак еще спал; толкнула жена его локтем в бок и говорит:

— Вставай, муженек, погляди-ка в окошко. А не стать ли нам королями над всей этой страной? Ступай-ка ты к камбале-рыбе, скажи — хотим мы быть королями.

— Ох, жена, — ответил рыбак, — и зачем нам быть королями? Не хочу я быть королем!

— Ну, — говорит ему жена, — ты не хочешь быть королем, а я вот хочу. Ступай-ка ты к камбале-рыбе, скажи ей, что хочу я стать королевой.

— Эх, жена, жена, — молвил рыбак, — зачем быть тебе королевой?! Не посмею просить я ее об этом.

— Почему? — говорит жена. — Мигом ступай к морю, я должна быть королевой.

Пошел рыбак в смущенье, что хочет жена его стать королевой. «Ой, негоже, негоже так делать», — подумал рыбак. Не хотелось ему идти, — пошел-таки к морю.

Приходит он к морю, а море все черное стало, волнуется, и ходят по нему волны большие и мутные-мутные. Подошел он к берегу и говорит:

Человечек Тимпе-Те,
Рыба-камбала в воде,
Ильзебилль, моя жена,
Против воли шлет меня.

— Ну, чего она еще захотела? — спрашивает камбала-рыба.

— Ах, — говорит рыбак, — она хочет стать королевой.

— Ступай домой, будет ей все, — сказала камбала-рыба.

Воротился рыбак домой; подходит ко дворцу, видит — стал замок куда побольше, и башня на нем больше, да так красиво украшена, и стоят у ворот часовые и много солдат — играют на трубах, бьют в литавры и барабаны. Вошел он в двери, а всюду мрамор и золото, и бархатные везде ковры да золотые кисти.

Открылись перед ним двери в залу, а там все придворные в сборе, и сидит его жена на высоком, из чистого золота, троне, усыпанном бриллиантами; а на голове у жены большая золотая корона, и в руке у нее из чистого золота скипетр с дорогими камнями, и стоят по обе стороны по шесть девушек в ряд, одна другой красивей.

Подходит к ней рыбак, постоял и говорит:

— Ох, жена, ты, значит, теперь королевою стала?

— Да, — отвечает она, — я теперь королева!

Постоял он некоторое время, оглядел ее справа и слева и говорит:

— Ах, жена, вот и хорошо, что стала ты королевой. Теперь, пожалуй, тебе ничего больше и желать не надо.

— Нет, муженек, — говорит жена, и точно какая тревога ее одолела, — скучно мне быть королевой, не могу я дольше быть королевой. Ступай-ка ты к камбале-рыбе; я теперь королева, а хочу стать отныне императрицей.

— Ах, жена, — молвил рыбак, — ну, зачем тебе быть императрицей?

— Муж,— сказала она,— ступай-ка к этой камбале-рыбе, хочу я стать императрицей.

— Ох, жена,— отвечает ей муж на это,— императрицею сделать тебя она не сможет, я не посмею просить об этом камбалу-рыбу; императрица одна во всем государстве, императрицей не сможет сделать тебя камбала-рыба, никак не сможет.

— Что? — сказала жена.— Ведь я королева, а ты мой муж; пойдешь к рыбе подобру-поздорову? Ступай! Раз могла сделать она меня королевой, может сделать и императрицей. Хочу стать я императрицей, ступай поживее.

И пришлось идти ему снова. Подошел он к морю, но стало ему страшно; идя, подумал он про себя: «Дело, видно, идет не к добру; совести нет у нее, хочет императрицею сделаться; надоест под конец это камбале-рыбе».

Пришел он к морю, а море стало еще чернее, вздулось и все до самых глубин взволновалось, и ходили волны по нем, и разгуливал буйный ветер и дул им навстречу; и рыбаку сделалось страшно. Он вышел на берег и говорит:

Человечек Тимпе-Те,
Рыба-камбала в воде,
Ильзебилль, моя жена,
Против воли шлет меня.

— Ну, чего она еще захотела? — спросила камбала-рыба.

— Ах, камбала-рыба,— сказал он,— хочет жена моя стать императрицей.

— Ступай,— сказала камбала-рыба,— будет ей все.

Воротился рыбак домой, видит — одет весь замок полированным мрамором, стоят изваяния из алебаstra, и всюду золотые украшения. Маршируют перед входом солдаты, дуют в трубы, бьют в литавры и барабаны; а по дому расхаживают бароны, графы да герцоги разные и прислуживают жене, точно слуги; открывают они перед ним двери, а все двери сплошь золотые.

Входит он, видит — сидит жена его на троне, а он из цельного золота кован, а высотой будет этак с две мили; а на голове у нее большая золотая корона вышиною в три локтя, усыпана вся алмазами и рубинами. В одной руке у жены скипетр, а в другой держава; и стоят по обе стороны телохранители в два ряда, один красивой другого, все, как на подбор, великаны, и самый из них большой ростом в две мили, и выстроились все в шеренгу от большого до самого малого карлика, что будет не больше, чем мой мизинец. И стоят перед ней князь да герцоги. Подошел рыбак ближе, остановился и говорит:

— Жена, значит, ты теперь императрица?

— Да,— говорит она,— теперь я императрица.

Постоял он, поглядел на нее хорошенько, разглядел, посмотрел еще раз и говорит:

— Ох, жена, как красиво, когда ты императрицею стала!

— Ну, чего ж ты стоишь? Теперь я императрица, а хочу стать папою римским, ступай к камбале-рыбе.

— Ах, жена,— молвил рыбак,— чего еще захотела! Папой стать ты не можешь, папа один во всем христианском мире,— этого рыба сделать никак уж не может.

— Муж,— говорит она,— хочу я стать папой, ступай поскорее к рыбе, должна я сегодня же сделаться папой.

— Нет, жена,— говорит ей рыбак,— я и сказать ей о том не посмею. Нет, так негоже и дерзко,— папою камбала-рыба сделать тебя не сможет.

— Муж, как ты смеешь мне перечить!— сказала жена.— Раз могла она сделать меня императрицей, сможет сделать и папой. Ну, поскорей отправляйся, я— императрица, а ты— мой муж, пойдешь подобру-поздорову?

Испугался рыбак и пошел, но было ему слишком тяжело, он дрожал, и колени у него подгибались.

И поднялся вдруг кругом такой ветер, мчались тучи, и стало на западном крае темным-темно, срывались листья с деревьев, волновалось море и бушевало и билось о берег, и были на нем вдали видны корабли, которые застигла буря, их носило, качая по волнам. Но небо было в середине еще слегка синеватое, а на юге багряное, как перед грозой.

Подошел рыбак к морю, остановился в страхе и говорит:

Человечек Тимпе-Те,
Рыба-камбала в воде,
Ильзебилль, моя жена,
Против воли шлет меня.

— Ну, чего она еще захотела?— говорит камбала-рыба.

— Ох,— отвечает рыбак,— хочет стать она папою римским.

— Ступай, будет по ее воле,— молвила камбала-рыба.

Воротился рыбак, приходит домой, видит— стоит большой собор, а вокруг него всё дворцы понастроены. Пробился он сквозь толпу. И было внутри всё освещено тысячами тысяч свечей, а жена облачена в ризы из чистого золота; видит— сидит она на троне на высочайшем, и на голове у нее три большие золотые короны. А вокруг стоит разное духовенство; и по обе стороны ее поставлены свечи в два ряда, и самая большая из них— такая огромная и толстая, как самая что ни на есть высокая башня, а самая маленькая— та совсем крошечная. И все короли и цари стоят перед ней на коленях, целуют ей туфлю.

Посмотрел на нее рыбак внимательно и говорит:

— Жена, ты теперь, стало быть, папа?

— Да, — отвечает она, — я теперь папа.

Вот стоит он и глядит на нее пристально; и показалось ему, будто он смотрит на ясное солнышко. Оглядел он ее хорошенько и говорит:

— Ах, жена, как прекрасно, что ты сделалась папой!

Сидит она перед ним истуканом и не двинется, не шелокнется. И говорит он:

— Ну, жена, ты теперь-то, пожалуй, довольна. Вот ты и папа, и никак уж теперь не можешь стать выше.

— А я вот подумую, — говорит жена.

Легли они спать, но она была недовольна, жадность не дала уснуть ей, и она все думала, кем бы стать ей еще.

А муж спал крепким сном: он набегался за день; а жена, та совсем не могла уснуть, всю ночь ворочалась с боку на бок и все думала, чего бы ей еще пожелать, кем бы стать ей еще, но придумать ничего не могла. Вот уж и солнцу скоро всходить; увидала она утреннюю зарю, придвинулась к краю постели и стала глядеть из окна на восход солнца. «Что ж, — подумала она, — разве я не могла бы повелевать и луной и солнцем, чтоб всходили они, когда я захочу?»

— Муж, — толкнула она его локтем в бок, — чего спишь, скорей просыпайся да ступай к камбале-рыбе, скажи ей, что хочу я стать богом.

Муж на ту пору еще не совсем проснулся, но, услышав такие речи, он так испугался, что свалился с постели прямо на пол. Он подумал, что ослышался, может, стал протирать глаза и сказал:

— Ох, жена, жена, ты это что говоришь такое?

— Да вот, — отвечала она, — не могу я повелевать луною и солнцем, а должна только смотреть, как они всходят; и не буду я покойна до той поры, пока не смогу повелевать и луною и солнцем. — И так на него грозно она посмотрела, что стало ему страшно. — Мигом ступай к морю, хочу я стать богом!

— Ох, жена, жена, — молвил ей муж и упал перед ней на колени, — этого камбала-рыба уж никак сделать не может. Царем и папой она еще могла тебя сделать; прошу, образумься и останься ты папой!

Тут пришла она в ярость, и взъерошились волосы у нее на голове, она толкнула его ногой да как крикнет:

— Не смей мне перечить, я терпеть этого больше не стану! Что, пойдешь подобру-поздорову?

Тут поднялся он и мигом кинулся к морю и бежал прямо как угорелый.

Бушевала на море буря, и кругом все так шумело и ревело, что он еле мог на ногах удержаться. Падали дома, дрожали деревья, и рушились в море камни со скал, и было все небо как сажа черное. Гром грохотал, сверкали молнии, ходили по мо-

рю высокие черные волны, такой вышины, как колокольни; и горы и все было покрыто белым венцом из пены.

Крикнул рыбак во все горло, но не мог он и собственных слов слышать:

Человечек Тимпе-Те,
Рыба-камбала в воде,
Ильзебилль, моя жена,
Против воли шлет меня.

— Ну, чего еще она захотела? — спросила камбала-рыба.

— Ох, — сказал ей рыбак, — хочет стать она богом.

— Так ступай домой, сидит она снова на пороге своей избушки.

Так и сидят они там и донныне.

Храбрый портняжка Однажды летним утром, сидел портняжка у окна на своем столе для шитья; ему было весело, и он шил изо всех сил. А проходила по улице крестьянка, выкрикивая: «Хорошее варенье продаю! Хорошее варенье продаю!». Портняжке это слышать было приятно, он вытянул свою хилую шею в окошко и крикнул:

— Эй, голубушка, заходи-ка наверх, тут свой товар и продашь!

Женщина поднялась со своей тяжелой корзиной к портному на третий этаж и стала развязывать перед ним все свои бан-

ки. Он все их оглядел, осмотрел, каждую поднял, пригляделся, понюхал и, наконец, сказал:

— Варенье, кажется, хорошее. Что ж, отвесь мне, голубушка, четыре лота, а то, пожалуй, и все четверть фунта возьму.

Женщина, понадеявшись сбыть немало своего товара, продала портному столько, сколько он просил, и ушла, ворча от досады.

— Ну, да благословит господь бог это варенье,— воскликнул портной,— и пошлет мне бодрости и силы! — С этими словами он достал из шкафчика хлеб, открыл себе краюху и намазал ее вареньем.

— Оно будет, пожалуй, недурно,— сказал он,— но сперва я закончу куртку, а потом уж как следует и поем.

Он положил кусок хлеба около себя и продолжал шить дальше, но на радостях стал шить крупными стежками. А запах сладкого варенья между тем разнесся всюду по комнате, и множество мух, сидевших на стене, почуяли это и целым роєм слетелись на хлеб.

— Эй, вы, кто вас сюда звал? — сказал портной и стал прогонять незваных гостей.

Но мухи немецкого языка не понимали, они его не слушались, и их налетело еще больше. Тут у портняжки, как говорится, терпенье, наконец, лопнуло, он вышел из себя, кинулся, схватил суконку и с криком: «Погодите, уж я вам задам!» — Без всякой жалости хлопнул изо всей силы по мухам. Поднял он суконку, поглядел, сосчитал — и лежало перед ним, протянув ноги, не меньше чем семь убитых мух. «Вот я какой молодец! — сказал он, и сам удивился своей храбрости. — Надо, чтоб об этом весь город узнал.

Тут выкроил портняжка наскоро пояс, стачал его и большими буквами вышил на нем: «Побил семерых одним махом». «Да что город, — продолжал он рассуждать дальше, — весь свет должен об этом узнать!» — И сердце его затрепетало от радости, как бараний хвост.

Подпоясался портной поясом и собрался пуститься по белу свету, считая, что портняжная мастерская слишком тесна для его храбрости. Но прежде чем отправиться в путь-дорогу, он стал шарить по всему дому, нет ли чего такого, что можно было бы с собой захватить, но не нашел ничего, кроме головки старого сыра, и взял ее с собой. У ворот он увидал птицу, что запуталась в кустах; он поймал ее и тоже сунул заодно с сыром в карман. Потом он смело двинулся в путь-дорогу, — а был он легок да проворен и потому никакой усталости не чувствовал.

Путь привел его к горе, и когда он взобрался на самую вершину, то увидел там огромного великана, который сидел и спокойно поглядывал кругом.

Портняжка смело подошел к нему, заговорил с ним и спросил:

— Здравствуй, товарищ, ты что тут сидишь да разглядываешь привольный и широкий свет? Я вот иду по белу свету странствовать, хочу попытать счастье, не пойдешь ли и ты вместе со мной?

Великан презрительно поглядел на портного и сказал:

— Эй ты, жалкий оборванец!

— Как бы не так! — ответил портняжка, и он расстегнул свою куртку и показал великану пояс, — вот, можешь сам прочитать, что я за человек!

Великан прочитал: «Побил семерых одним махом» — и подумал, что речь идет о людях, которых убил портной, и почувствовал к этому маленькому человеку некоторое уважение. Но ему захотелось сначала его испытать. Он взял камень в руку и сдвинул его так, что из него потекла вода.

— Вот и ты попробуй так же, — сказал великан, — если силенок у тебя хватит.

— Это и все? — спросил портняжка. — Да это для меня пустяки! — И он полез в карман, достал оттуда головку мягкого сыра и сжал ее так, что сок из нее потек.

— Ну, что, — сказал он, — пожалуй, получше твоего будет?

Великан не знал, что ему и сказать, — от такого человечка он этого никак не ожидал. Поднял тогда великан камень и подбросил его вверх, да так высоко, что тот исчез из виду.

— Ну-ка ты, селезень, попробуй тоже.

— Что ж, брошено хорошо, — сказал портной, — но камень-то ведь опять на землю упал; а я вот брошу так, что он и назад не вернется. — И он полез в карман, достал птицу и подбросил ее вверх. Птица, обрадовавшись свободе, взлетела, поднялась высоко в небо и назад не вернулась.

— Ну, а это как тебе, дружище, понравится? — спросил портной.

— Бросать ты умеешь хорошо, — сказал великан, — но, посмотрим, сумеешь ли ты нести большую тяжесть. — И он подвел портняжку к огромному дубу, что лежал срубленный на земле, и сказал: — Ежели ты достаточно силен, то помоги мне вытащить дерево из лесу.

— Ладно, — ответил маленький человечек, — ты положи ствол к себе на плечи, а я подниму и понесу сучья и ветки, — это ведь будет куда потяжелее.

Великан взвалил ствол себе на плечи, а портной уселся на одну из веток; и пришлось великану, который оглянуться назад никак не мог, тащить все дерево да в придачу еще и портняжку. И был портняжка весел и насвистывал песенку: «Трое портных подъезжало к воротам...», словно тащить дерево было для него детской забавой.

Протащил великан тяжелую ношу недалеко, но дальше нести был не в силах и крикнул:

— Послушай, а дерево-то мне придется бросить.

Тут портной проворно соскочил с ветки, схватил дерево обеими руками, будто нес он его один, и сказал великану:

— Ты такой большой, а дерево-то нести не можешь.

Пошли они дальше вместе. Проходя мимо вишневого дерева, великан схватил его за верхушку, на которой висели самые спелые вишни, нагнул ее вниз, дал портному и стал его угощать. Но портняжка был слишком слаб, удержать веток не смог, и когда великан их отпустил, дерево поднялось, и портной взлетел вместе с ним на воздух. Он упал благополучно на землю, а великан и говорит:

— Что ж это ты, неужто ты не в силах удержать такой маленький прутик?

— Силы-то у меня хватит, — ответил портняжка, — ты думаешь, что это что-нибудь значит для того, кто побил семерых одним махом? Это я через дерево прыгнул, ведь внизу охотники стреляют по кустам. А ну, прыгни-ка ты так, если можешь.

Великан попробовал было, но через дерево перепрыгнуть не мог и повис на ветвях, так что и тут портняжка одержал верх.

И сказал великан:

— Если ты уж такой храбрец, то пойдем вместе со мной в нашу пещеру, там и заночуешь.

Портняжка согласился и отправился вслед за великаном. Подошли они к пещере, глядь — сидят там у костра и другие великаны, и у каждого из них в руке по жареной овце, и каждый ее ест. Осмотрелся портняжка и подумал: «А здесь-то куда просторней, чем у меня в портняжной».

Великан указал ему постель и сказал, чтоб он лег и как следует выспался. Но постель для портняжки была слишком велика, он не лег в нее, а забрался в самый угол. Вот наступила полночь, и великан, думая, что портняжка спит глубоким сном, поднялся, взял большой железный лом и одним ударом разломал кровать надвое, думая, что этого кузнечика он уже истребил.

Ранним утром великаны ушли в лес, а о портняжке и позабыли, и вдруг он выходит, веселый и бесстрашный, им навстречу. Тут великаны испугались и подумали, что он всех их перебьет, и бросились наутек.

А портняжка двинулся дальше, куда глаза глядят. Долго он странствовал и вот пришел, наконец, во двор королевского дворца и, почувствовав усталость, прилег на траве и уснул. В то время как он лежал, пришли люди, стали его со всех сторон разглядывать и прочли у него на поясе надпись: «Побил семерых одним махом».

— Ох,— сказали они,— чего же хочет этот знатный герой здесь в мирное время? Это, должно быть, какой-нибудь важный человек.

Они пошли и объявили об этом королю, полагая, что на случай войны он будет здесь человеком важным и нужным и что отпускать его ни в коем случае не следует. Этот совет королю понравился, и он послал к портняжке одного из своих придворных, который должен был ему предложить, когда тот проснется, поступить к королю на военную службу.

Посланец подошел к спящему, подождал, пока тот стал потягиваться и открыл глаза, и только тогда изложил ему королевское поручение.

— Я затем сюда и явился,— ответил портной.— Что ж, я готов поступить к королю на службу.

Его приняли с почестями и отвели ему особое помещение. Но королевские воины отнеслись к портняжке недружелюбно и хотели его сбыть куда-нибудь подальше. «Что оно из этого выйдет?— говорили они между собой.— Если мы с ним поссоримся, то он, чего доброго, на нас набросится и побьет семерых одним махом. Уж тут никто из нас против него не устоит». И вот они порешили отправиться всем вместе к королю и просить у него отставку.

— Где уж нам устоять,— сказали они,— рядом с таким человеком, который побивает семерых одним махом?

Опечалился король, что приходится ему из-за одного терять всех своих верных слуг, и захотелось ему поскорей от портного избавиться, чтобы больше его и на глаза не пускать. Но король не решился дать ему отставку: он боялся, что тот убьет его, а заодно и придворных, а сам сядет на его трон. Долго он думал, раздумывал и, наконец, порешил сделать так. Он послал к портняжке и велел ему объявить, что он хочет ему, как великому военному герою, сделать некоторое предложение.

В одном из лесов его королевства поселились два великана, они своими грабежами и разбоями, поджогами и пожарами великий вред учиняют; и никто не осмеливается к ним приблизиться, не подвергаясь смертельной опасности. Так вот, если он этих двух великанов одолеет и убьет, то отдаст он ему свою единственную дочь в жены, а в приданое полкоролевства, а поедут с ним сто всадников на подмогу.

«Это было б неплохо для такого, как я,— подумал портняжка,— заполучить себе в жены красавицу королевну да еще полкоролевства в придачу,— такое не каждый день выпадает на долю».

— О, да! — сказал он в ответ. — Великанов этих я одолею, и сотни всадников мне для этого не надо; кто одним махом семерых побивает, тому двоих бояться нечего.

И вот пустился портняжка в поход, и ехала следом за ним сотня всадников. Подъехав к лесной опушке, он сказал своим прожатым:

— Вы оставайтесь здесь, а я уж расправлюсь с великанами один на один. — И он шмыгнул в лес, поглядывая по сторонам.

Вскоре он увидел двух великанов. Они лежали под деревом и спали, и при этом храпели вовсю, так что даже ветки на деревьях качались.

Портняжка, не будь ленив, набил себе оба кармана камнями и взобрался на дерево. Он долез до половины дерева, взобрался на ветку, уселся как раз над спящими великанами и стал сбрасывать одному из них на грудь камень за камнем. Великан долгое время ничего не замечал, но, наконец, проснулся, толкнул своего приятеля в бок и говорит:

— Ты чего меня бьешь?

— Да это тебе приснилось, — ответил ему тот, — я тебя вовсе не бью. — И они опять улеглись спать. А портной вынул камень и сбросил его на второго великана.

— Что это? — воскликнул второй. — Ты чем в меня бросаешь?

— Я ничем в тебя не бросаю, — ответил первый и начал ворчать.

Так ссорились великаны некоторое время, и когда оба от этого устали, они помирились и опять уснули. А портняжка снова начал свою игру, выбрал камень побольше и кинул его изо всей силы в грудь первому великану.

— Это уж чересчур! — закричал тот, вскочил, как безумный, и как толкнет своего приятеля об дерево, — так оно все и задрожало. Второй отплатил ему той же монетой, и они так разъярились, что стали вырывать ногами с корнем деревья и бить ими друг друга, пока, наконец, оба не упали замертво наземь.

Тут портняжка спрыгнул с дерева. «Счастье еще, — сказал он, — что не вырвали они того дерева, на котором я сидел, а то бы пришлось мне, пожалуй, прыгать, как белка, с дерева на дерево, — ну, да мы уж люди проворные!» Он вытащил свой меч и изо всех сил ударил обоих великанов в грудь, потом вышел из лесу к всадникам и сказал:

— Дело сделано, я прикончил обоих. Однако пришлось мне трудненько; почувяв беду, они вырывали целые деревья из

земли, чтобы защититься, но им это мало помогло, раз явился такой, как я, что семерых одним махом побивает.

— А вы не ранены? — спросили всадники.

— Обошлось благополучно, — ответил портной, — и волосы не тронули.

Всадники верить ему не хотели и направились в лес. Они увидели там великанов, плававших в собственной крови, а вокруг них валялись вырванные с корнем деревья.

И вот потребовал тогда портняжка от короля обещанной ему награды, но тот уж и так раскаивался в своем обещанье и стал снова придумывать, как бы это ему избавиться от подобного героя.

— Прежде чем ты получишь мою дочь в жены и полкоролевства в придачу, — сказал он ему, — ты должен совершить еще одно геройское дело. Живет в лесу единорог, он причиняет большой вред, ты должен его поймать.

— Единорога я боюсь еще меньше, чем двух великанов; семерых одним махом — дело как раз по мне.

Вот взял он с собой веревку и топор, вышел в лес и велел людям, которые были даны ему на подмогу, дожидаться его опять на лесной опушке. Долго искать ему не пришлось; единорог вскоре явился и кинулся прямо на портного, собираясь его тотчас насадить на свой рог.

— Потихе, потихе, — сказал портной. — Этак быстро дело не выйдет!

Он остановился и стал ждать, пока зверь подойдет поближе, потом он проворно отскочил и спрятался за дерево. Единорог разбежался изо всех сил и вонзил свой рог в ствол, да так крепко, что у него не хватило сил вытащить его назад, — так он и поймался.

— Теперь-то птичка в моих руках, — сказал портной и, выйдя из-за дерева, накинул единорогу на шею веревку, потом отрубил ему топором рог, что застрял в дереве, и, когда все было в порядке, он вывел зверя из лесу и привел его к королю.

Но король и теперь не хотел дать ему обещанной награды и выставил третье требование. Должен был портной для свадьбы поймать ему дикого вепря, что наносит лесу большой вред, и должны были в этом деле ему помочь егеря.

— Ладно, — ответил портной, — это для меня детская забава!

Егерей с собой в лес он не взял, и они остались этим очень довольны, потому что дикий вепрь не раз встречал их так, что у них пропала охота за ним гоняться.

Когда вепрь заметил портного, то кинулся на него с пеной у рта и оскаленными клыками, собираясь сбить его с ног. Но ловкий герой вскочил в часовню, что находилась поблизости, и мигом выпрыгнул оттуда через окошко. Вепрь вбежал за ним следом, а портной обежал вокруг часовни и захлопнул за ним дверь, — тут лютый зверь и поймался: был он слишком тяжел и неловок, чтобы выпрыгнуть из окошка.

Созвал тогда портной егерей, чтобы те собственными глазами увидели пойманного зверя, а наш герой направился тем временем к королю; и как уж тому ни хотелось, а пришлось-таки сдержать свое обещание, и он отдал ему свою дочь и полкоролевства в придачу.

Знал бы он, что стоит перед ним не великий герой, а простой портняжка, то было бы ему еще больше не по себе. Свадьбу отпраздновали с великой пышностью да малой радостью; и вот стал портной королем.

Спустя некоторое время услышала ночью молодая королева, как супруг ее во сне разговаривает: «Малый, а ну-ка, сшей мне куртку да заштопай штаны, а не то отдую тебя аршином». Тут и догадалась она, из какого переулка родом этот молодчик; рассказала на другое утро о своем горе отцу и стала просить его, чтобы избавил он ее от такого мужа, — ведь оказался он простым портным. Стал король ее утешать и сказал:

— В эту ночь ты опочивальню свою не запирай, мои слуги будут стоять у дверей, и когда он заснет, они войдут, свяжут его и отнесут на корабль, и будет он отвезен в дальние земли.

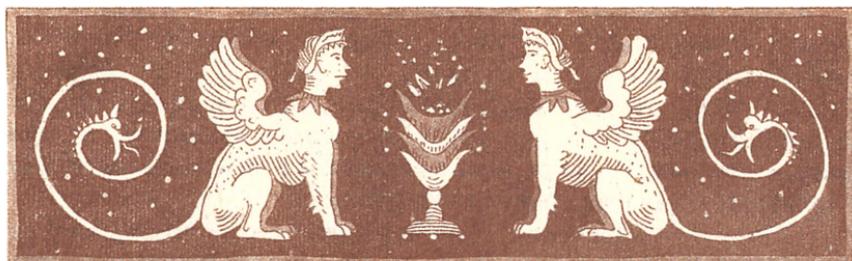
Королева осталась этим довольна, но королевский оруженосец, который все это слышал и был молодому королю предан, рассказал ему об этом замысле.

— Я с этим делом управлюсь, — сказал портняжка.

Вечером он улегся в обычное время в постель со своей женой. Она подумала, что он уже спит, встала, открыла дверь и легла опять в постель. А портняжка притворился спящим и начал громко кричать: «Малый, сшей мне куртку да заштопай штаны, а не то я отдую тебя аршином! Я побил семерых одним махом, двух великанов убил, увел из лесу единорога и поймал дикого вепря — мне ли бояться тех, кто стоит за дверью!»

Услыхали слуги, что говорит портной, охватил их великий страх, и они убежали прочь, будто гналось за ними по пятам грозное войско. И никто уже с той поры больше не отваживался трогать портного.

И вот, как был портняжка королем, так на всю свою жизнь им и остался.

Золушка

Заболела раз у одного богача жена и почувствовала, что конец ей приходит. Подозвала она свою единственную дочку к постели и говорит:

— Мое милое дитя, будь скромной и ласковой, и господь тебе всегда поможет, а я буду глядеть на тебя с неба и всегда буду возле тебя.

Потом закрыла она глаза и умерла. Девочка ходила каждый день на могилу к матери и плакала, и была смиренной и ласковой.

Вот наступила зима, и снег укутал белым саваном могилу, а когда весной опять засияло солнышко, взял богач себе в жены другую жену.

Привела мачеха в дом своих дочерей. Были они лицом красивые и белые, но сердцем злые и жестокие. И настало тогда тяжелое время для бедной падчерицы.

— Неужто эта дура будет сидеть у нас в комнате? — сказала мачеха. — Кто хочет есть хлеб, пускай его заработает. А ну-ка, живей на кухню, будешь стряпухой.

Отобрали они у нее красивые платья, надели на нее старую посконную рубаху и дали ей деревянные башмаки.

— Поглядите-ка на эту гордую принцессу, ишь как вырядилась, — говорили они, смеясь, и отвели ее на кухню.

И должна она была там с утра до самого позднего вечера исполнять черную работу: вставать рано утром, носить воду, топить печь, стряпать и мыть. А кроме того, сводные сестры всячески старались, как бы ее по сильнее огорчить — насмехались над нею, высыпали горох и чечевицу в золу, и ей приходилось сидеть и выбирать их оттуда опять.

Вечером, когда она от работы уставала, ей приходилось ложиться спать не в постель, а на полу, рядом с печкой, на золе. И оттого, что была она всегда в золе, в пыли и грязная, прозвали ее сестры Золушкой.

Случилось однажды, что отец собрался ехать на ярмарку и спросил у своих падчериц, что привезти им в подарок.

— Красивые платья, — сказала одна.
— Жемчуга и драгоценные камни, — попросила другая.
— Ну, а ты что, Золушка, хочешь?
— Привези мне, батюшка, ветку, что на обратном пути первая зацепит тебя за шапку, — отлومي ее и привези мне с собой.

Накупил отец своим падчерицам красивые платья, жемчуга и самоцветные камни, и когда на обратном пути ехал он через лесок, ветка орешника хлестнула его, да так сильно, что и шапку с головы у него сбила, — он сорвал эту ветку и привез ее с собой. Воротился он домой и подарил падчерицам то, что они просили, а Золушке отдал ветку орешника.

Поблагодарила его Золушка, пошла на могилу к матери и посадила там ветку и так сильно плакала, что слезы катились у нее из глаз на землю, и они полили ту ветку. Вот выросла веточка и стала красивым деревом. Золушка трижды в день приходила к дереву, плакала и молилась; и каждый раз прилетала на дерево белая птичка; и когда Золушка ей говорила какое-нибудь желание, птичка сбрасывала ей то, что она просила.

Но вот случилось однажды, что король затеял пир, который должен был длиться целых три дня, и созвал на праздник всех красивых девушек страны, с тем чтобы сын его мог выбрать себе невесту. Когда две названные сестры узнали о том, что им тоже надо явиться на пир, они стали добрые, кликнули Золушку и говорят:

— Причеси нам волосы, почишь туфли и застегни застежки, да покрепче, мы ведь идем в королевский дворец на смотрины.

Золушка их послушалась, но заплакала — ей тоже хотелось пойти потанцевать; она стала просить мачеху, чтобы та отпустила ее.

— Ты ведь Золушка, — сказала ей мачеха, — вся ты в золе да в грязи, куда уж тебе идти на пир? У тебя ведь ни платья нету, ни туфель, а ты хочешь еще танцевать.

Перестала Золушка ее просить, а мачеха ей и говорит:

— Вот просыпала я миску чечевицы в золу. Коль выберешь ее за два часа, тогда можешь идти вместе с сестрами.

Вышла Золушка черным ходом в сад и молвила так:

— Вы, голубки ручные, вы, горлинки, птички поднебесные, летите, помогите мне выбрать чечевицу!

Хорошие — в горшочек,
Поплоше, те в зобочек.

И прилетели к кухонному окошку два белых голубка, а за ними и горлинка, и наконец прилетели-послетались все птички поднебесные и опустились на золу. Наклонили голубки свои головки и начали клевать: тук-тук-тук-тук, а за ними и

остальные тоже: тук-тук-тук-тук, и так повыбрали все зернышки в мисочку. Не прошло и часу, как кончили они работу и все улетели назад.

Принесла Золушка мисочку своей мачехе, стала радоваться, думая, что ей можно будет идти на пир, но мачеха сказала:

— Нет, Золушка, ведь у тебя нет платья, да и танцевать ты не умеешь,— там над тобой только посмеются.

Заплакала Золушка, а мачеха и говорит:

— Вот если выберешь мне за один час из золы две полных миски чечевицы, то можешь пойти вместе с сестрами,— а сама подумала про себя: «Этого уж ей не сделать никогда». Высыпала мачеха две миски чечевицы в золу, а девушка вышла через черный ход в сад и молвила так:

— Вы, голубки ручные, вы, горлинки, птички поднебесные, летите, помогите мне выбрать чечевицу!

Хорошие — в горшочек,
Поплоше, те в зобочек.

И прилетели к кухонному окошку два белых голубка, а вслед за ними и горлинка, и наконец прилетели-послетались все птички поднебесные и спустились на золу. Наклонили голубки головки и начали клевать: тук-тук-тук-тук, а за ними и остальные тоже: тук-тук-тук-тук, и повыбрали все зернышки в миску. Не прошло и получаса, как кончили они работу и улетели все назад.

Принесла Золушка две миски чечевицы мачехе, стала радоваться, думая, что теперь-то ей можно будет идти на пир, а мачеха и говорит:

— Ничего тебе не поможет: не пойдешь ты вместе со своими сестрами,— и платья у тебя нету да и танцевать ты не умеешь,— нам будет за тебя только стыдно.

Повернулась она спиной к Золушке и поспешила со своими двумя дочерьми на пир.

Когда дома никого не осталось, пошла Золушка на могилу к своей матери под ореховое деревце и кликнула:

Ты качнися-отряхнися, деревцо,
Кинься золотом-серебром ты мне в лицо.

И сбросила ей птица золотое и серебряное платье, шитые шелком да серебром тужельки. Надела она быстро это платье и явилась на смотрины.

А сводные ее сестры и мачеха об этом не знали и подумали, что это, должно быть, какая-то чужая королева,— такая красивая была она в своем золотом платье. Им и в голову не

приходило, что это Золушка; они думали, что сидит она дома в грязи и выбирает из золы чечевицу.

Вот вышел ей навстречу королевич, взял ее за руку и стал с ней танцевать. И не хотел он танцевать ни с какой другой девушкой, все держал ее за руку, и если кто подходил приглашать ее на танец, он говорил:

— Я с ней танцую.

Проплясала она до самого вечера и хотела уже домой возвращаться, а королевич ей и говорит:

— Я пойду тебя проводить. — Ему хотелось узнать, чья это дочка-красавица; но она от него убежала и взобралась на голубятню.

И дождался королевич до тех пор, пока не пришел отец, и сказал ему королевич, что какая-то неизвестная девушка взобралась на голубятню. Старик подумал: «А не Золушка ли это?», и велел принести топор и багор, чтобы разрушить голубятню, но в ней никого не оказалось.

Вернулись родители домой, видят — лежит Золушка в своей посконной рубахе на золе, и горит у печки тусклая масляная лампочка. А дело было так: Золушка быстро выпрыгнула с другой стороны голубятни и побежала к ореховому деревцу, там она сняла свое красивое платье и положила его на могилу; унесла его птица назад, и надела Золушка опять свою серую посконную рубаху и села в кухне на кучу золы.

На другой день, когда пир начался снова и родители и сводные сестры ушли опять из дому, направилась Золушка к ореховому дереву и молвила так:

Ты качнися-отряхнися, деревцо,
Кинься золотом-серебром ты мне в лицо.

И сбросила ей птица еще более пышное платье, чем в прошлый раз. И когда явилась она в этом платье на пир, каждый дивился, глядя на ее красоту. Королевич ждал ее, пока она не пришла, и тотчас взял ее за руку и танцевал только с нею одной. Когда к ней подходили другие и приглашали ее на танец, он говорил:

— Я с ней танцую.

Вот наступил вечер, и она собралась уходить, и пошел королевич следом за ней, чтобы посмотреть, в какой дом она войдет. Но она убежала прямо в сад, который находился за домом. И росло в том саду красивое большое дерево, и висели на нем чудесные груши. Она проворно взобралась на него, как белочка по веткам, а королевич и не заметил, куда она исчезла. Стал он ее поджидать, и когда явился отец, королевич ему говорит:

— От меня убежала неизвестная девушка, мне кажется, что она взобралась на грушу.

Отец подумал: «Уж не Золушка ли это?», и велел принести топор и срубил дерево, но на нем никого не оказалось. Пришли они в кухню, видят — лежит Золушка, как и в прошлый раз, на золе; как и тогда, она прыгнула с другой стороны дерева и отдала птице, что прилетела на ореховое дерево, свое прекрасное платье и надела опять серую посконную рубаху.

На третий день, когда родители и сводные сестры ушли на пир, отправилась Золушка снова на могилу к матери и молвила деревцу:

Ты качнися-отряхнися, деревцо,
Кинься златом-серебром ты мне в лицо.

И сбросила ей птица платье, такое сияющее и великолепное, какого еще никогда ни у кого не было; а туфельки были из чистого золота.

Вот явилась она на пир в этом платье, и никто не знал, что и сказать от изумленья. Королевич танцевал только с нею одной, а если кто ее приглашал, он говорил:

— Я с ней танцую.

Вот наступил вечер, и собралась Золушка уходить; и хотелось королевичу ее проводить, но она так ловко от него ускользнула, что он даже этого и не заметил. Но придумал королевич хитрость: он велел вымазать всю лестницу смолой; и когда она от него убегала, то туфелька с ее левой ноги осталась на одной из ступенек. Королевич поднял эту туфельку, и была она такая маленькая и нарядная и вся из чистого золота.

На другое утро пошел королевич с той туфелькой к отцу Золушки и говорит:

— Моей женой будет только та, на чью ногу придется эта золотая туфелька.

Обрадовались обе сестры — ноги у них были очень красивые. Старшая отправилась в комнату, чтобы примерить туфельку, и мать была тоже с нею. Но никак не могла она натянуть туфельку на ногу: мешал большой палец, и туфелька оказалась ей мала. Тогда мать подала ей нож и говорит:

— А ты отруби большой палец; когда станешь королевой, все равно пешком ходить тебе не придется.

Отрубила девушка палец, натянула с трудом туфельку, закусила губы от боли и вышла к королевичу. И взял он ее себе в невесты, посадил на коня и уехал с нею.

Но надо было им проезжать мимо могилы, а сидело там два голубка на ореховом деревце, и запели они:

Погляди-ка, посмотри,
А башмак-то весь в крови,
Башмачок, как видно, тесный,
Дома ждет тебя невеста.

Посмотрел королевич на ее ногу, видит — кровь из нее течет. Повернул он назад коня, привез самозваную невесту домой и сказал, что это невеста не настоящая, — пускай, мол, наденет туфельку другая сестра.

Пошла та в комнату, стала примерять, влезли пальцы в туфельку, а пятка оказалась слишком большая. Тогда мать подала ей нож и говорит:

— А ты отруби кусок пятки: когда будешь королевой, пешком тебе все равно ходить не придется.

Отрубила девушка кусок пятки, всунула с трудом ногу в туфельку, закусила губы от боли и вышла к королевичу. И взял он ее себе в невесты, посадил на коня и уехал с ней.

Но проезжали они мимо орехового деревца, а сидело на нем два голубка, и они запели:

Погляди-ка, посмотри,
А башмак-то весь в крови,
Башмачок, как видно, тесный,
Дома ждет тебя невеста.

Глянул он на ее ногу, видит — кровь течет из туфельки, и белые чулки совсем красные стали. Повернул он коня и привез самозваную невесту назад в ее дом.

— И эта тоже не настоящая, — сказал он, — нет ли у вас еще дочери?

— Да вот, — сказал отец, — осталась от покойной моей жены маленькая, несмышленная Золушка, — да куда уж ей быть невестой!

Но королевич попросил, чтоб ее привели к нему, а мачеха и говорит:

— Да нет, она такая грязная, ей нельзя никому и на глаза показываться.

Но королевич захотел во что бы то ни стало ее увидеть; и пришлось привести к нему Золушку. И вот умыла она сначала руки и лицо, потом вышла к королевичу, склонилась перед ним, и он подал ей золотую туфельку. Села она на скамейку, сняла с ноги свой тяжелый деревянный башмак и надела туфельку, и пришлось она ей как раз впору. Вот встала она, посмотрел королевич ей в лицо и узнал в ней ту самую красавицу-девушку, с которой он танцевал, и он воскликнул:

— Вот это и есть настоящая моя невеста!

Испугались мачеха и сводные сестры, побледнели от злости; а он взял Золушку, посадил на коня и ускакал с ней.

Когда проезжали они мимо орехового деревца, молвили два белых голубка:

Оглянися, посмотри,
В башмачке-то нет крови,
Башмачок, видать, не тесный,
Вот она — твоя невеста!

Только они это вымолвили, улетели оба с дерева и уселись на плечи к Золушке: один на правое плечо, другой на левое, — так и остались они сидеть.

Когда пришло время быть свадьбе, явились и вероломные сестры, хотели к ней подольститься и разделить с ней ее счастье. И когда свадебный поезд отправился в церковь, сидела старшая по правую руку, а младшая по левую; и вот выклевали голуби каждой из них по глазу. А потом, когда возвращались назад из церкви, сидела старшая по левую руку, а младшая по правую; и выклевали голуби каждой из них еще по глазу.

Так вот были они наказаны за злобу свою и лукавство на всю свою жизнь слепотой.

Загадка

Жил-был когда-то королевич.

Захотелось ему поездить по белу свету, и взял он с собой в дорогу только одного верного слугу.

Однажды попал королевич в дремучий лес, а стало уже смеркаться, и не мог он нигде найти себе ночлега, и не знал, где заночевать. Вдруг увидел он девушку, она направлялась к маленькой избушке; королевич подошел поближе, видит — девушка она молодая и красивая. Он заговорил с нею и сказал:

— Милое дитя, нельзя ли будет мне с моим слугой переночевать в этой избушке?

— Конечно, можно,— сказала девушка печальным голосом,— но я вам не советую этого делать, вы туда не заходите.

— А почему не заходить? — спросил королевич.

Девушка вздохнула и говорит:

— Моя мачеха колдовством занимается и чужим людям добра не делает.

Тут он понял, что попал в дом ведьмы; но так как стало уже темнеть, а ехать он дальше не мог, то он не побоялся и вошел в избушку. Старуха сидела в кресле у очага и глянула своими красными глазами на чужих людей.

— Добрый вечер,— заговорила она картавя и так это ласково им предложила: — ложитесь себе и отдыхайте.

Она раздула угли, на которых что-то варила в маленьком горшке. Дочка предупредила заезжих, чтобы были они поосторожней, ничего бы не ели и не пили, так как старуха варит волшебные зелья.

Они проспали спокойно до раннего утра. Вот приготовились они к отъезду, и королевич сидел уже на коне, а старуха тут и говорит:

— Погоди маленько, я хочу поднести вам на прощанье вина.

Пока она его принесла, королевич успел уже ускакать, а слуге надо было еще подтянуть на коне седло, и он остался один; а тут явилась злая ведьма со своим зельем.

— Передай это своему господину,— сказала она.

Но в этот миг пузырек лопнул, и брызнул яд на коня, а был яд такой сильный, что конь тотчас пал замертво наземь. Слуга догнал своего господина и рассказал ему о том, что случилось, но слуге не хотелось бросать седло, и он кинулся назад, чтобы его забрать. Но когда он подошел к мертвому коню, на нем уже сидел ворон и клевал труп.

— Кто знает, найдем ли мы нынче что-либо лучшее? — сказал про себя слуга, убил ворона и взял его с собой.

Пробирались они через лес целый день, но выбраться из него никак не могли. С наступлением ночи они разыскали харчевню и зашли в нее. Слуга отдал ворона хозяину и попросил приготовить его на ужин. Но попали они в разбойничий притон. И явились темной ночью двенадцать разбойников и решили убить и ограбить заезжих людей. Но прежде чем приступить к своему делу, они сели за стол поужинать; хозяин и ведьма подсели к ним тоже и съели вместе с ними миску похлебки, в которой был сварен ворон. Но только проглотили они по куску, как тотчас упали все замертво наземь, так как к ворону перешел яд от конского трупа.

И осталась теперь в доме одна только дочь хозяина; была она девушка честная и в злых делах участия не принимала. Она открыла незнакомцу все комнаты и показала ему груды сокровищ. Но королевич сказал, что пусть все это останется у нее, он ничего из этих богатств не хочет, и поскакал со своим слугой дальше.

Они странствовали долгое время и прибыли, наконец, в один город, где жила прекрасная, но гордая королева. Она всем объявила, что тот, кто загадает ей такую загадку, которой она не сможет решить, станет ее мужем; а если она ее разгадает, то срубят тому человеку голову с плеч. Ей давалось на обдумывание три дня, и была она такая умная, что всегда к назначенному сроку все загадки разгадывала.

К тому времени погибло уже девять человек, а тут как раз прибыл и королевич и, ослепленный ее большой красотой, решил рискнуть своей жизнью. Он пришел к ней и задал свою загадку.

— Что значит, — сказал он, — один не одолел никого, но одолел, однако ж, двенадцать?

Она не знала, что это такое, стала думать и разгадывать, но ничего придумать не могла. Она раскрыла свои книги загадок, но подобной загадки там не было, — короче говоря, ее мудрости наступил предел. И, не зная, как быть, она приказала своей служанке пробраться тайком в спальню приезжего господина и подслушать там его сновидения, — она думала, что, может быть, он разговаривает во сне и выдаст свою загадку. Но умный слуга лег в постель вместо господина, и когда явилась служанка, он сорвал с нее покрывало, в которое та закуталась, и прогнал ее палкой из комнаты.

На другую ночь послала королева свою камеристку, думая, что той удастся лучше подслушать; но и с нее сорвал слуга покрывало и прогнал ее палкой. И вот королевич решил, что на третью ночь он может быть спокоен, и улегся в постель. Но явилась сама королева, закутанная в серое, как туман, покрывало, и уселась с ним рядом. Она подумала, что он уже уснул и ему снятся сны, и с ним заговорила, надеясь, что он ответит во сне, как случается это со многими, — но он бодрствовал и все слышал и понимал очень хорошо. Она спросила:

— Один не одолел никого, что это значит?

Он ответил:

— Это ворон, что клевал мертвого и отравленного коня и погиб из-за того.

Затем она спросила:

— И, однако, одолел двенадцать, что это значит?

— Это двенадцать разбойников, съевших ворона и оттого погибших.

Узнав разгадку, она решила выбраться тайком из комнаты, но он крепко ухватился за ее покрывало, и оно осталось у него в руках.

На другое утро королева объявила, что загадку она разгадала, велела призвать двенадцать судей и объяснила ее перед ними. Но королевич попросил выслушать и его и сказал:

— Она подкралась ко мне ночью и выведала у меня ответ, а то бы она никогда не разгадала.

И судьи сказали:

— Так принесите нам знак доказательства.

И принес слуга три покрывала, и когда судьи увидели серое, как туман, покрывало, что обычно носила королева, они сказали:

— Пусть покрывало это вышьют серебром и золотом, и будет оно вам свадебным одеянием.

О мышке, птичке и колбаске

Однажды мышка, птичка да колбаска порешили жить вместе. Стали они вести общее хозяйство и долго жили ладно и богато, в мире и согласии, и хозяйство их все росло и росло.

Работа у птички была такая — летать каждый день в лес за дровами. А мышка должна была воду носить, огонь разводить и стол накрывать, а колбаска оставалась стирать.

Но кому и так хорошо живется, тому еще большего хочется! Вот случилось птичке повстречаться в лесу с другой птицей, и рассказала она ей про свое хорошее житье-бытье и стала им похвастаться. А та, другая птица, стала ее бранить и говорить, что работает-де птичка слишком много, а получает мало; а те двое, что остаются дома, живут, мол, куда лучше. Вот хотя бы взять, например, мышку: разведет она огонь, принесет воду

и идет себе отдыхать в свою каморку, пока не позовут ее на стол накрывать. А колбаска, та всё у горшков торчит да присматривает, чтобы пища варилаь как следует, а как придет время обедать, то стóит ей раза четыре повертеться в каше или в овощах, а они уже и жирны, и посолены, и к столу готовы.

Вот прилетела птичка домой, сбросила свою ношу, и сели они за стол, а после обеда как залегли, да так и проспали до самого утра, — вот уж жизнь-то была, что и говорить, расчудесная!

Но птичку раззадорили, и не захотелось ей на другой день лететь в лес. Она объявила, что слишком долго была у них служанкой и оставалась в дурах и что им следует поменяться работой и попробовать жить по-другому.

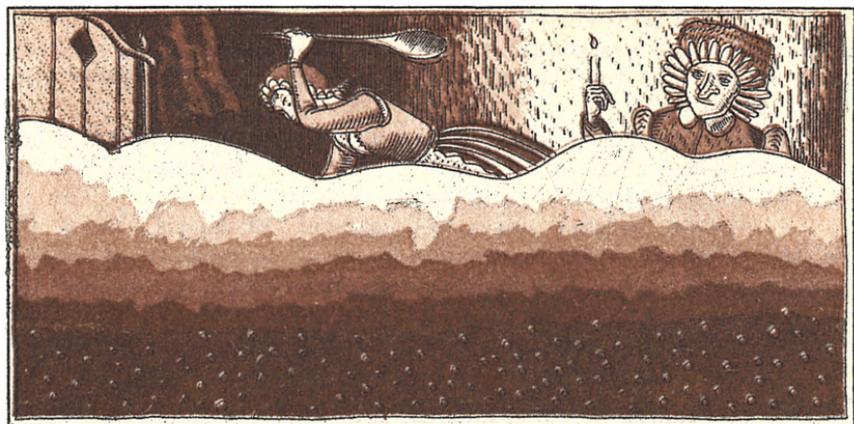
И как ни просили ее мышка и колбаска, но птичка, однако, на своем настояла. Пришлось им согласиться; кинули жребий — и выпало колбаске дрова таскать, мышке стряпухою быть, а птичка должна была воду носить.

Но что же случилось потом? Отправилась колбаска за дровами, птичка развела огонь, мышка поставила горшок в печь, и стали они ждать, пока колбаска домой вернется и притащит запас дров. А ее все нету и нету, почуяли они недоброе, и полетела птичка ей навстречу. Увидела она неподалеку на дороге собаку, которая, напав на бедную колбаску, схватила ее и растерзала. Стала птичка обвинять собаку в грабеже и убийстве, но слова помогали мало. Собака ссылалась на то, что нашла, мол, будто у колбаски подметные письма, и потому решила ее казнить.

Грустно стало птичке, она взвалила на себя дрова, полетела домой и рассказала обо всем, что слыхала и видала. Очень они опечалились с мышкой, но решили, что лучше всего им оставаться вместе.

Пришлось птичке накрывать стол, а мышка стала обед готовить. И вот решила она последовать примеру колбаски и прыгнуть в горшок с овощами, повертеться в нем, поболтаться, чтобы было наваристой. Но едва залезла она в горшок, как обварилась, да так сильно, что у нее вылезла шерсть, слезла кожа, тут ей и конец настал.

Пришла птичка обед к столу подавать, глядь — нету стряпухи. Птичка в смущении побросала дрова, стала звать ее и кричать, но стряпухи своей она так и не нашла. И попал по неосторожности огонь на дрова; они загорелись, и начался пожар. Бросилась птичка второпях за водой, да упустила ведро в колодец, и сама за ним тоже в колодец упала, и не могла она спастись оттуда, — так и утонула.

Госпожа Метелица

Было у одной вдовы две дочери; одна была красивая и работающая, а другая — уродливая и ленивая. Но мать больше любила уродливую и ленивую, а той приходилось исполнять всякую работу и быть в доме золошкой.

Бедная девушка должна была каждый день сидеть на улице у колодца и прясть пряжу, да так много, что от работы у нее кровь выступала на пальцах.

И вот случилось однажды, что все веретено залилось кровью. Тогда девушка нагнулась к колодцу, чтобы его обмыть, но веретено выскочило у нее из рук и упало в воду. Она заплакала, побежала к мачехе и рассказала ей про свое горе.

Стала мачеха ее сильно бранить и была такою жестокой, что сказала:

— Раз ты веретено уронила, то сумей его и назад достать.

Вернулась девушка к колодцу и не знала, что ей теперь и делать; и вот прыгнула она с перепугу в колодец, чтоб достать веретено. И стало ей дурно, но когда она опять очнулась, то увидела, что находится на прекрасном лугу, и светит над ним солнце, и растут на нем тысячи разных цветов. Она пошла по лугу дальше и пришла к печи, и было в ней полным-полно хлеба, и хлеб кричал:

— Ах, вытащи меня, вытащи, а не то я сгорю, — я давно уж испекся!

Тогда она подошла и вытащила лопатой все хлебы один за другим.

Пошла она дальше и пришла к дереву, и было на нем полным-полно яблок, и сказало ей дерево:

— Ах, отряхни меня, отряхни, мои яблоки давно уж спели!

Она начала трясти дерево, и посыпались, словно дождь, яблоки наземь, и она трясла яблоню до тех пор, пока не осталось на ней ни одного яблока. Сложила она яблоки в кучу и пошла дальше.

Пришла она к избушке и увидела в окошке старуху, и были у той такие большие зубы, что стало ей страшно, и она хотела было убежать. Но старуха крикнула ей вслед:

— Милое дитятко, ты чего боишься! Оставайся у меня. Если ты будешь хорошо исполнять у меня в доме всякую работу, тебе будет хорошо. Только смотри, стели как следует мне постель и старательно взбивай перину, чтобы перья взлетали, и будет тогда во всем свете идти снег¹; я — госпожа Метелица.

Так как старуха обошлась с нею ласково, то на сердце у девушки стало легче, и она согласилась остаться и поступить к госпоже Метелице в работницы. Она старалась во всем угождать старухе и всякий раз так сильно взбивала ей перину, что перья взлетали кругом, словно снежинки; и потому девушке жилось у нее хорошо, и она никогда не слыхала от нее дурного слова, а вареного и жареного каждый день было у ней вдоволь.

Так прожила она некоторое время у госпожи Метелицы, да вдруг запечалилась и поначалу сама не знала, чего ей не хватает; но, наконец, она поняла, что тоскует по родному дому, и хотя ей было здесь в тысячу раз лучше, чем там, все же она стремилась домой. Наконец она сказала старухе:

— Я истосковалась по родимому дому, и хотя мне так хорошо здесь под землей, но дольше оставаться я не могу, мне хочется вернуться наверх — к своим.

Госпожа Метелица сказала:

— Мне нравится, что тебя тянет домой, и так как ты мне хорошо и прилежно служила, то я сама провожу тебя туда.— Она взяла ее за руку и привела к большим воротам.

Открылись ворота, и когда девушка оказалась под ними, вдруг пошел сильный золотой дождь, и все золото осталось на ней, так что вся она была сплошь покрыта золотом.

— Это тебе за то, что ты так прилежно работала,— сказала госпожа Метелица и вернула ей также и веретено, упавшее в колодец. Вот закрылись за ней ворота, и очутилась девушка опять наверху, на земле, и совсем недалеко от дома своей мачехи. И только она вошла во двор, запел петух, он как раз сидел на колодце:

Ку-ка-ре-ку!

Наша девица золотая тут как тут.

¹ Вот потому, когда идет в Гессене снег, и говорят, что это госпожа Метелица (фрау Холле) взбивает свою перину. (Прим. братьев Я. и В. Гримм.)

И вошла она прямо в дом к мачехе; и оттого что была она вся золотом покрыта, ее приняли и мачеха и сводная сестра ласково.

Рассказала девушка все, что с ней приключилось. Как услышала мачеха о том, как достигла она такого большого богатства, захотелось ей добыть такого же счастья и для своей уродливой, ленивой дочери.

И она посадила ее у колодца прясть пряжу; а чтоб веретено было у ней тоже в крови, девушка уколола себе палец, сунув руку в густой терновник, а потом кинула веретено в колодец, а сама прыгнула вслед за ним.

Попала она, как и ее сестра, на прекрасный луг и пошла той же тропинкой дальше. Подошла она к печи, а хлеб опять как закричит:

— Ах, вытащи меня, вытащи, а не то я сгорю,— я давно уж испекся!

Но ленивица на это ответила:

— Да что мне за охота пачкаться!— и пошла дальше.

Подошла она вскоре к яблоне; и заговорила яблоня:

— Ах, отряхни меня, отряхни, мои яблоки давно уж поспели!

Но ответила она яблоне:

— Еще чего захотела, ведь яблоко может упасть мне на голову!— и двинулась дальше.

Когда она подошла к дому госпожи Метелицы, не было у ней никакого страха,— она ведь уже слыхала про ее большие зубы,— и тотчас нанялась к ней в работницы. В первый день она старалась, была в работе прилежная и слушалась госпожу Метелицу, когда та ей что поручала,— она все думала о золоте, которое та ей подарит. Но на второй день стала она полениваться, на третий и того больше, а потом и вовсе не захотела вставать рано утром. Она не стлала госпоже Метелице постель как следует и не взбивала ей перины так, чтобы перья взлетали вверх. Это, наконец, госпоже Метелице надоело, и она отказала ей в работе. Ленивица очень этому обрадовалась, думая, что теперь-то и посыплется на нее золотой дождь.

Госпожа Метелица повела ее тоже к воротам, но когда она стояла под ними, то вместо золота опрокинулся на нее полный котел смолы.

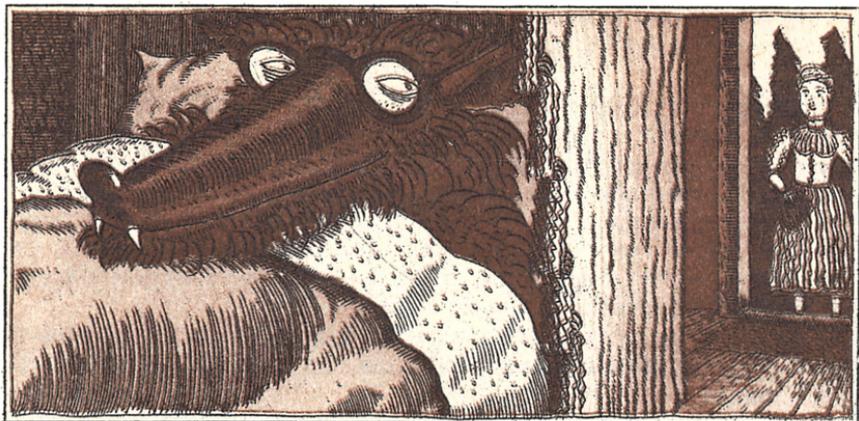
— Это тебе в награду за твою работу,— сказала госпожа Метелица и закрыла за ней ворота.

Вернулась ленивица домой вся в смоле; и как увидел ее петух, сидевший на колодце, так и запел:

Ку-ка-ре-ку!

Наша девушка грязнуха тут как тут.

А смола на ней так на всю жизнь и осталась, и не смыть ее было до самой смерти.

Красная Шапочка

Жила-была маленькая, милая девочка. И кто, бывало, ни взглянет на нее, всем она нравилась, но больше всех ее любила бабушка и готова была все ей отдать. Вот подарила она ей однажды из красного бархата шапочку, и оттого, что шапочка эта была ей очень к лицу и никакой другой она носить не хотела, то прозвали ее Красной Шапочкой.

Вот однажды мать ей говорит:

— Красная Шапочка, вот кусок пирога да бутылка вина, ступай отнеси это бабушке; она больная и слабая, пускай поправляется. Выходи из дому пораньше, пока не жарко, да смотри, иди скромно, как полагается; в сторону с дороги не сворачивай, а то, чего доброго, упадешь и бутылку разобьешь, тогда бабушке ничего не достанется. А как войдешь к ней в комнату, не забудь с ней поздороваться, а не то, чтоб сперва по всем углам туда да сюда заглядывать.

— Я уж справлюсь как следует,— ответила матери Красная Шапочка и с ней попрощалась.

А жила бабушка в самом лесу, полчаса ходьбы от деревни будет. Только вошла Красная Шапочка в лес, а навстречу ей волк. А Красная Шапочка и не знала, какой это злой зверь, и вовсе его не испугалась.

— Здравствуй, Красная Шапочка! — сказал волк.

— Спасибо тебе, волк, на добром слове.

— Куда это ты, Красная Шапочка, собралась так рано?

— К бабушке.

— А что это у тебя в переднике?

— Вино и пирог, мы его вчера испекли, хотим чем-нибудь порадовать бабушку, она больная да слабая, пускай поправляется.

— Красная Шапочка, а где живет твоя бабушка?

— Да вон там, чуть подальше в лесу, надо еще с четверть часа пройти; под тремя большими дубами стоит ее домик, а пониже густой орешник, — ты-то, пожалуй, знаешь, — сказала Красная Шапочка.

«Славная девочка, — подумал про себя волк, — лакомый был бы для меня кусочек; повкусней, пожалуй, чем старуха; но чтоб схватить обеих, надо дело повести похитрей».

И он пошел рядом с Красной Шапочкой и говорит:

— Красная Шапочка, погляди, какие кругом красивые цветы, почему ты не помотришь вокруг? Ты разве не слышишь, как прекрасно попевают птички? Ты идешь, будто в школу то-ропишься, — а в лесу-то как весело время провести!

Глянула Красная Шапочка и увидела, как пляшут повсюду, пробиваясь сквозь деревья, солнечные лучи и все кругом в прекрасных цветах, и подумала: «Хорошо бы принести бабушке свежий букет цветов, — это будет ей, наверно, тоже приятно; еще ведь рано, прийти вовремя я успею».

И она свернула с дороги прямо в лесную чащу и стала собирать цветы. Сорвет цветок и подумает: «А дальше вон растет еще покрасивей», — и к тому побежит; и так уходила она все глубже и глубже в лес. А волк тем временем кинулся прямо-хонько к бабушкиному дому и в дверь постучался.

— Кто там?

— Это я, Красная Шапочка, принесла тебе вино и пирог, открой мне.

— А ты нажми на щеколду, — крикнула бабушка, — я очень слаба, подняться не в силах.

Нажал волк на щеколду, дверь быстро отворилась, и, ни слова не говоря, он подошел прямо к бабушкиной постели и проглотил старуху. Затем он надел ее платье, на голову — чепец, улегся в постель и задернул полог.

А Красная Шапочка все цветы собирала, и когда она уже их набрала так много, что больше нести не могла, вспомнила она о бабушке и отправилась к ней. Она удивилась, что дверь настежь открыта, а когда вошла в комнату, все показалось ей таким странным, и она подумала: «Ах, боже мой, как мне нынче тут страшно, а ведь я всегда бывала у бабушки с такою охотой!». И она кликнула:

— Доброе утро! — но ответа не было.

Тогда она подошла к постели, раздвинула полог, видит — лежит бабушка, надвинут чепец у нее на самое лицо, и выглядит она так странно, странно.

— Ой, бабушка, отчего у тебя такие большие уши?

— Чтоб лучше тебя слышать!

— Ой, бабушка, а какие у тебя большие глаза!

— Это чтоб лучше тебя видеть!

— Ой, бабушка, а что это у тебя такие большие руки?

— Чтоб легче тебя схватить!

— Ох, бабушка, какой у тебя, однако, страшно большой рот!

— Это чтоб легче было тебя проглотить!

Только сказал это волк, и как вскочит с постели — и проглотил бедную Красную Шапочку.

Наелся волк и улегся опять в постель, заснул и стал громко-прегромко храпеть. А проходил в ту пору мимо дома охотник и подумал: «Как, однако, старуха сильно храпит, надо будет посмотреть, может, ей надо чем помочь». И он вошел к ней в комнату, подходит к постели, глядь — а там волк лежит.

— А-а! Вот ты где, старый греховодник! — сказал он. — Я уж давненько тебя разыскиваю.

И он хотел было уже нацелиться в него из ружья, да подумал, что волк, может быть, съел бабушку, а ее можно еще спасти; он не стал стрелять, а взял ножницы и начал вспарывать брюхо спящему волку. Сделал он несколько надрезов, видит — просвечивает красная шапочка, надрезал еще, и выскочила оттуда девочка и закричала:

— Ах, как я испугалась, как было у волка в брюхе темно-темно!

Выбралась потом оттуда и старая бабушка, жива-живехонька, — еле могла отдышаться. А Красная Шапочка притащила поскорее больших камней, и набили они ими брюхо волку. Тут проснулся он, хотел было убежать, но камни были такие тяжелые, что он тотчас упал, — тут ему и конец настал.

И были все трое очень и очень довольны.

Охотник снял с волка шкуру и отнес ее домой. Бабушка скушала пирог, выпила вина, что принесла ей Красная Шапочка, и начала поправляться да сил набираться, а Красная Шапочка подумала: «Уж с этих пор я никогда в жизни не буду сворачивать одна с большой дороги в лесу без материнского позволения».

Рассказывают еще, что однажды, когда Красная Шапочка опять несла бабушке пирог, заговорил с ней другой волк и хотел было увести ее с большой дороги. Но Красная Шапочка была теперь поосторожней и пошла своим путем прямо, и сказала бабушке, что встретился ей по дороге волк и сказал «здравствуй» и так злобно посмотрел на нее своими глазами, что, случись это не на проезжей дороге, он съел бы ее.

— Так вот что, — сказала бабушка Красной Шапочке, — давай-ка запрем двери, чтоб не мог он сюда войти.

А тут вскоре и волк постучался и говорит:

— Бабушка, отопри мне, я — Красная Шапочка, пирог тебе принесла.

А они молчат, дверь не открывают. Тогда обошел серый, крадучись, вокруг дома несколько раз, прыгнул потом на крышу и стал дожидаться, пока Красная Шапочка станет вечером возвращаться домой: он хотел пробраться за ней следом и съесть ее в темноте. Но бабушка догадалась, что задумал волк. А стояло у них перед домом большое каменное корыто; вот бабушка и говорит внучке:

— Красная Шапочка, возьми ведро — я вчера варила в нем колбасу — и вылей воду в корыто.

Красная Шапочка стала носить воду, пока большое-пре-большое корыто наполнилось все доверху. И почуял волк запах колбасы, повел носом, глянул вниз и, наконец, так вытянул шею, что не мог удержаться и покатился с крыши и свалился вниз, да прямо в большое корыто, в нем и утонул он.

А Красная Шапочка счастливо домой воротилась, и никто уже с той поры ее больше не обижал.

Бременские уличные музыканты

цу, но к старости стал слаб и к работе не так пригоден, как прежде.

Подумал хозяин, что кормить его теперь, пожалуй, не сто́ит; и осел, заметив, что дело не к добру клонится, взял и убежал от хозяина и двинулся по дороге на Бремен, — он думал, что там удастся ему сделаться уличным музыкантом. Вот прошел он немного, и случилось ему повстречать по дороге охотничью собаку: она лежала, тяжело дыша, высунув язык, — видно, бежать устала.

— Ты что это, Хватай, так тяжело дышишь? — спрашивает ее осел.

— Ох,— отвечает собака,— стара я стала, что ни день, то все больше слабею, на охоту ходить уже не в силах; вот и задумал меня хозяин убить, но я от него убежала. Как же мне теперь на хлеб зарабатывать?

— Знаешь что,— говорит осел,— я иду в Бремен, хочу сделаться там уличным музыкантом; пойдём вместе со мной, поступай ты тоже в музыканты. Я играю на лютне, а ты будешь бить в литавры.

Собака на это охотно согласилась, и они пошли дальше. Вскоре повстречали они на пути кота; он сидел у дороги, мрачный да невеселый, словно дождевая туча.

— Ну, что, старина, Кот Котофеич, беда, что ли, какая с тобой приключилась?— спрашивает его осел.

— Да как же мне быть веселым, когда дело о жизни идет,— отвечает кот,— стал я стар, зубы у меня притупились, сидеть бы мне теперь на печи да мурлыкать, а не мышей ловить,— вот и задумала меня хозяйка утопить, а я убежал подобра-поздорову. Ну, какой дашь мне добрый совет? Куда ж мне теперь деваться, чем прокормиться?

— Пойдем с нами в Бремен,— ты ведь ночные концерты устраивать мастер, вот и будешь там уличным музыкантом.

Коту это дело понравилось, и пошли они вместе. Пришло нашим трем беглецам проходить мимо одного двора, видят они— сидит на воротах петух и кричит во все горло.

— Чего ты горло дерешь?— говорит осел.— Что с тобой приключилось?

— Да это я хорошую погоду предвещаю,— ответил петух.— Ведь нынче богородицын день: она помыла рубашки Христу-младенцу и хочет их просушить. Да все равно нет у моей хозяйки жалости: завтра воскресенье, утром гости приедут, и вот велела она кухарке сварить меня в супе, и отрубят мне нынче вечером голову. Вот потому и кричу я, пока могу, во все горло.

— Вот оно что, петушок— красный гребешок,— сказал осел,— эх, ступай-ка ты лучше с нами, мы идем в Бремен,— хуже смерти все равно ничего не найдешь; голос у тебя хороший, и если мы примемся вместе с тобой за музыку, то дело пойдет на лад.

Петуху такое предложение понравилось, и они двинулись все вчетвером дальше. Но дойти до Бремена за один день им не удалось, они попали вечером в лес и порешили там заночевать.

Осел и собака улеглись под большим деревом, а кот и петух забрались на сук; петух взлетел на самую макушку дерева, где было ему всего надежней. Но прежде чем уснуть, он осмотрелся по сторонам, и показалось ему, что вдали огонек мерца-

ет, и он крикнул своим товарищам, что тут, пожалуй, и дом недалеко, потому что виден свет. И сказал осел:

— Раз так, то нам надо подыматься и идти дальше, ведь ночлег-то здесь неважный.

А собака подумала, что некоторая толика костей и мяса была бы как раз кстати. И вот они двинулись в путь-дорогу, навстречу огоньку, и вскоре заметили, что он светит все ярче и светлей, и стал совсем уже большой; и пришли они к ярко освещенному разбойничьему притону. Осел, как самый большой из них, подошел к окошку и стал в него заглядывать.

— Ну, осел, что тебе видно? — спросил петух.

— Да что, — ответил осел, — вижу накрытый стол, на нем всякие вкусные кушанья и напитки поставлены, и сидят за столом разбойники и едят в свое удовольствие.

— Там, пожалуй, кое-что и для нас бы нашлось, — сказал петух.

— Да, да, если бы только нам туда попасть! — сказал осел.

И стали звери между собой судить да рядить, как к тому делу приступить, чтобы разбойников оттуда выгнать; и вот, наконец, нашли они способ. Решили, что осел должен поставить передние ноги на окошко, а собака прыгнуть к ослу на спину; кот взберется на собаку, а петух пускай взлетит и сядет коту на голову. Так они и сделали и, по условному знаку, все вместе принялись за музыку: осел кричал, собака лаяла, кот мяукал, а петух, тот запел и закукарекал. Потом ворвались они через окошко в комнату, так что даже стекла зазвенели.

Услышав ужасный крик, разбойники повывскакивали из-за стола и, решив, что к ним явилось какое-то привидение, в великом страхе кинулись в лес. Тогда четверо наших товарищей уселись за стол, и каждый принялся за то, что пришлось ему по вкусу из блюд, стоявших на столе, и начали есть и наедаться, будто на месяц вперед.

Пужинав, четверо музыкантов погасили свет и стали искать, где бы им поудобней выспаться, — каждый по своему обычаю и привычке. Осел улегся на навозной куче, собака легла за дверь, кот на шестке у горячей золы, а петух сел на насест; а так как они с дальней дороги устали, то вскоре все и уснули.

Когда полночь уже прошла и разбойники издали заметили, что в доме свет не горит, все как будто спокойно, тогда говорит атаман:

— Нечего нам страху поддаваться, — и приказал одному из своих людей пойти в дом на разведку.

Посланный нашел, что там все тихо и спокойно; он зашел в кухню, чтобы зажечь свет, и показались ему сверкающие глаза кота горящими угольками, он ткнул в них серник, чтоб добыть огня. Но кот шуток не любил, он кинулся ему прямо в лицо, стал шипеть и царапаться. Тут испугался разбойник

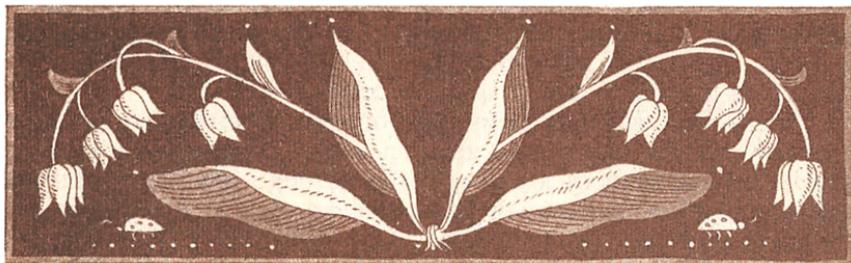
и давай бежать через черную дверь; а собака как раз за дверью лежала, вскочила она и укусила его за ногу. Пустился он бежать через двор да мимо навозной кучи, тут и лягнул его изо всех сил осел задним копытом; проснулся от шума петух, встрепенулся да как закричит с насеста: «Кукареку!»

Побежал разбойник со всех ног назад к своему атаману и говорит:

— Ох, там в доме страшная ведьма засела, как дохнет она мне в лицо, как вцепится в меня своими длинными пальцами; а у двери стоит человек с ножом, как полоснет он меня по ноге; а на дворе лежит черное чудище, как ударит оно меня своей дубинкой; а на крыше, на самом верху, судья сидит и кричит: «Тащите вора сюда!» Тут я еле-еле ноги унес.

С той поры боялись разбойники в дом возвращаться, а четверем бременским музыкантам там так понравилось, что и уходить не захотелось.

А кто эту сказку последний сказал, все это сам своими глазами видал.

Поющая косточка

Настало раз в одной земле великое разоренье из-за дикого кабана. Портил кабан крестьянам поля, уничтожал скот, а людей разрывал своими клыками. И вот посулил король, что тот, кто освободит землю от такой напасти, получит большую награду. Но зверь был такой огромный и сильный, что никто не отваживался подходить близко к лесу, где он обитал. Наконец король объявил, что тот, кто поймает или убьет дикого кабана, получит в жены его единственную дочь.

А жили в то время в этой земле двое братьев, сыновья одного бедняка. Вот явились они и решили отважиться на это опасное дело. Старший был хитер и умен и согласился на

это из удали, а младший был простодушен и глуп и пошел на это от чистого сердца. И сказал король:

— Чтоб вернее зверя поймать, заходите в лес с разных сторон.

И отправился старший брат в лес с вечера, а младший с утра. Прошел младший брат немного, глядь — подходит к нему маленький человечек, было у него в руке черное копые, и говорит:

— Это копые даю я тебе потому, что у тебя доброе и чистое сердце. С этим копыем ты можешь спокойно идти на дикого кабана — он не причинит тебе никакого вреда.

Младший брат поблагодарил человечка, положил на плечи копые и без всякого страха двинулся дальше. Вскоре он заметил зверя, который кинулся на него, но он протянул навстречу ему копые, и зверь в слепой ярости бросился на копые с такой силой, что сердце разорвалось у него надвое. Ввалил он тогда чудовище на плечи и отправился домой, чтоб отнести его королю.

Вышел он из лесу с другой стороны, видит — стоит на опушке дом, веселятся в нем люди, пляшут и распивают вино. Его старший брат тоже зашел туда, считая, что кабан от него все равно не убежит, захотелось ему сперва для пущей храбрости напиться.

Заметил он младшего брата, который выходил из лесу, нагруженный добычей, и не стало покоя его завистливому и злому сердцу. Он окликнул его:

— Милый братец, заходи-ка сюда, отдохни да подкрепись кубком вина.

Младший брат, не подозревая ничего дурного, зашел в дом и рассказал брату о добром человечке, давшем ему копые, которым он и убил кабана. Старший брат уговорил младшего остаться здесь до вечера, а затем они отправились вместе.

Подошли они в сумерках к мосту над ручьем, и предложил старший брат младшему идти вперед; и вот когда тот дошел до середины моста, ударил его старший брат сзади так сильно, что тот свалился замертво вниз. Закопал он его под мостом, взял затем кабана, принес его королю и стал утверждать, что это он-де его убил; и получил он за то королевскую дочь в жены.

Когда младший брат назад не вернулся, то старший сказал:

— Это его дикий кабан разорвал, — и все этому поверили.

Но ничего не остается скрытым от бога; так и это темное дело должно было обнаружиться. Много лет спустя гнал однажды пастух свое стадо через мост и заметил внизу на песке белую, как кипень, косточку и решил, что из нее выйдет хороший мундштук. Он спустился вниз, поднял ее и вырезал из нее

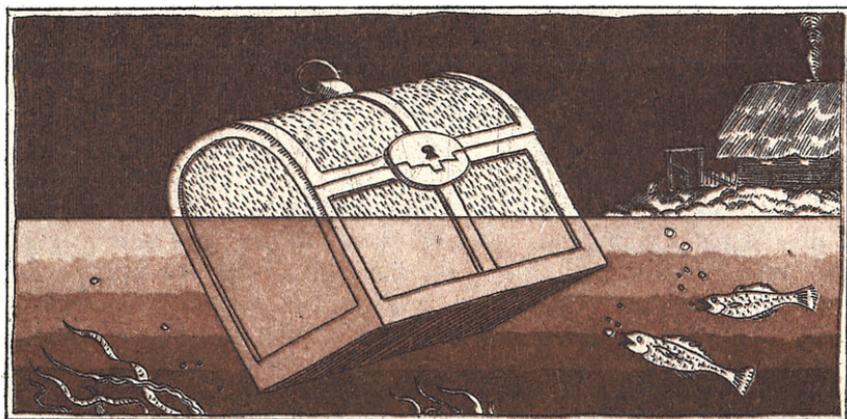
для своего рожка мундштук. Вот попробовал он на нем заиграть, и начала косточка, к великому удивлению пастуха, сама петь:

Ах, мой милый пастушок,
Ты на косточке играешь в свой рожок,
Братец-то меня убил,
Под мостом захоронил,—
Из-за злого кабана,
Ради дочки короля.

— Что это за волшебный рожок, — сказал пастух, — сам по себе поет, надо будет отнести его королю.

Пришел он к королю, и запел снова рожок свою песенку. Тогда король все понял и велел раскопать под мостом землю, — и нашли там кости убитого.

И не мог злой брат отрицать своего злодейства, и вот зашили его в мешок и живым утопили, а кости убитого брата схоронили на кладбище в красивом гробу на вечный покой.

Черт с тремя золотыми волосами

и было ему предсказано, что на четырнадцатом году он женится на королевской дочери. И случилось, что вскоре после того прибыл в эту деревню король; но никто не знал, что это король, и когда он стал расспрашивать у людей, что тут у них нового, ему ответили:

Жила однажды бедная женщина, вот родила она сыночка, родился он на свет в рубашке,

— Да вот родился у нас на этих днях ребенок в рубашке; что он ни задумает, во всем ему будет удача. И предсказано ему еще, что на четырнадцатом году будто женится он на королевской дочери.

А было у короля сердце злое; разгневался он, узнав о таком предсказанье, и пошел к родителям ребенка, прикинулся таким ласковым, таким добрым и говорит:

— Вы люди бедные, отдайте мне вашего ребенка, уж я о нем позабочусь.

Поначалу они отказывались, но когда этот чужой человек предложил им за это немало золота, они порешили: «Уж раз он родился счастливецом, то будет это для него к лучшему», — и они согласились и отдали ребенка.

Положил король ребенка в походный ларец и поскакал с ним на коне дальше. Подъехал он к глубокому омуту, бросил ларец в воду и подумал: «Вот я и спас свою дочь от непрошеного жениха». Но ларец не утонул, а поплыл, словно кораблик, и ни одна капля воды в него не просочилась. И отплыл он на две мили от королевской столицы, приплыл к мельнице и остановился у плотины. К счастью, стоял поблизости работник с мельницы, он заметил ларец и вытащил его багром на берег, думая найти в нем немалые сокровища; но когда он его открыл, то увидел, что лежит в нем красивый мальчик, здоровый и веселый. Он принёс его к мельнику и его жене, и так как детей у них не было, то мельничиха обрадовалась и говорит:

— Это сам господь бог послал нам дитятко. — Стали они о найденныше заботиться, и он вырос, воспитанный во многих добродетелях.

Но вот случилось однажды, что король, желая укрыться от грозы, зашел на мельницу и, заметив рослого мальчика, спросил у мельника и его жены, не их ли это сын.

— Нет, — ответили они, — это найденныш. Четырнадцать лет тому назад его принёсло в ларце к нашей плотине, и работник вытащил его из воды.

Тогда король понял, что это не кто иной, как тот самый счастливец, которого он бросил в воду, и он сказал:

— А нельзя ли будет, люди добрые, послать его с моим письмом к королеве? Я дам ему за это в награду два золотых.

— Как прикажет король, — ответили мельник и мельничиха и велели юноше приготовиться в путь-дорогу.

И написал король письмо королеве, а было в нем сказано: «Как только этот мальчик прибудет с моим письмом, я приказываю его убить и закопать в землю; и сделать все это надо до моего возвращения».

Отправился мальчик с этим письмом в дорогу, но в пути заблудился и попал под вечер в дремучий лес. В темноте он заметил огонек, пошел навстречу ему и очутился около избушки.

Вошел он туда, видит — сидит у очага старуха, а больше в избушке никого нету. Она увидела юношу, испугалась и говорит:

— Ты откуда и куда направляешься?

— Я иду с мельницы, — ответил он, — направляюсь к королеве, несу ей письмо; да вот заблудился в лесу и хотел бы у тебя переночевать.

— Бедный ты мальчик, — молвила старуха, — ведь ты попал в разбойничий притон; когда разбойники вечером вернутся домой, они тебя убьют.

— Ну, что ж, пускай приходит кто угодно, — сказал юноша, — я никого не боюсь; я так устал, что идти дальше не в силах. — И он лег на лавку и уснул.

Вскоре явились разбойники и гневно спросили, почему тут лежит какой-то чужой мальчик.

— Ах, — сказала старуха, — да ведь это ж еще совсем невинный младенец, он заблудился в лесу, и я из жалости его приютила; он должен доставить письмо королеве.

Распечатали разбойники письмо, прочитали его, а написано в нем было, что как только он явится, его надо немедленно убить. И вот почувствовали жестокие разбойники жалость, их атаман разорвал письмо и написал вместо него другое, где сказано было, что как только он явится, его тотчас должны обвенчать с королевской дочерью. Они оставили его спокойно спать на лавке до самого утра, а когда он проснулся, дали ему письмо и показали дорогу.

Королева, получив письмо и прочитав его, поступила так, как было в нем указано: она велела устроить пышную свадьбу, и королевна была повенчана со счастливецом. А так как юноша был красивый и ласковый, то жила она с ним в радости и довольстве.

Спустя некоторое время король вернулся в свой замок и увидел, что исполнилось предсказанье и счастливец повенчан с его дочерью.

— Как же это случилось? — спросил он. — Ведь я в своем письме дал совсем другой указ.

Тогда подала ему королева письмо и сказала: пусть, мол, сам поглядит, что в нем написано. Прочитал король письмо и сразу заметил, что его подменили другим. Он спросил юношу, куда девалось доверенное ему письмо и почему он принес вместо него другое.

— Я ничего об этом не знаю, — ответил он, — должно быть, его ночью подменили, когда я спал в лесу.

И сказал разгневанный король:

— Ну, это тебе не так-то легко удастся! Кто хочет получить дочь мою в жены, тот должен добыть мне из ада три золотых волоса с головы черта, — если принесешь, что я требую, то останется моя дочь твоею женой.

Так думал король отделаться от него раз навсегда. Но счастливец ответил:

— Что ж, золотые волосы я вам добуду, черта я не боюсь.— На том он простился с королем и начал свое странствие.

И привела его дорога к одной столице. Городской привратник начал его выспрашивать, какое он ремесло знает и что умеет делать.

— Я все умею делать,— ответил счастливец.

— Тогда окажи нам услугу,— сказал привратник,— объясни, отчего наш фонтан на рыночной площади, из которого прежде било вино, нынче иссяк и даже вода из него не течет.

— Это я вам объясню,— ответил юноша,— подождите только, пока я назад вернусь.

И он отправился дальше и подошел к другому городу; и опять спросил его привратник, какое ремесло он знает и что умеет делать.

— Я все умею делать,— ответил он.

— Тогда окажи нам услугу и скажи, отчего дерево в нашем городе раньше давало золотые яблоки, а теперь на нем даже и листьев нету.

— Это я вам объясню,— ответил он,— только подождите, пока я назад вернусь.

Пошел он дальше и пришел к большой реке, и надо было ему через ту реку переправиться. Перевозчик спросил его, какое он ремесло знает и что умеет делать.

— Я все умею делать,— ответил он.

— Тогда окажи мне услугу,— сказал перевозчик,— растолкуй мне, почему я должен все время заниматься перевозом и никто меня никогда не сменит.

— Я это тебе объясню,— ответил он,— только подожди, пока я назад вернусь.

Переправился он через реку и отыскал вход в преисподнюю. А было там черным-черно и копать все покрыто, а черта на ту пору дома не оказалось, и только сидела там его бабушка в широком, большом кресле.

— Чего тебе надобно?— спросила она у него, и показалась она ему не такой уж злой.

— Да вот хотелось бы мне добыть три золотых волоса с головы черта,— ответил он,— а не то придется мне со своей женой разлучиться.

— Однако ж ты многого требуешь,— сказала она,— когда черт вернется домой и увидит тебя здесь, то придется тебе с жизнью своей расстаться. Но мне жалко тебя, я посмотрю — может, чем и смогу тебе помочь.— И она обратила его в муравья и сказала: — Заберись в складки моей юбки, там будет тебе безопасно.

— Да это-то хорошо,— ответил юноша,— но я хотел бы еще получить ответ на три вопроса: почему фонтан, из которо-

го прежде било вино, нынче иссяк, и даже вода из него не течет; почему на дереве, на котором прежде росли золотые яблоки, теперь даже листьев нету; и почему должен перевозчик все время перевозить с берега на берег и никто его никогда не сменит.

— Это вопросы трудные, — ответила бабка, — но ты сиди смиренно и слушай внимательно, что скажет черт, когда я стану вырывать у него три золотых волоса.

Вот наступил вечер, и воротился черт домой. Только вошел он и, видно, сразу ж заметил, что воздух что-то нечистый.

— Чую, чую мясо человечье! — сказал он. — Тут что-то неладно. — Он заглянул во все углы, стал искать и обшаривать, но найти ничего не мог.

Тут стала бабушка его бранить.

— Да ведь здесь только что подметено, — говорит, — и все в должный порядок приведено, а ты все снова раскидываешь, — вечно ты чуешь носом человечье мясо. Садись-ка ты лучше да поужинай.

Поел он и попил, — видно, сильно устал, — и склонил голову на колени бабушке и попросил вшей в голове у него поискать. Тут вскоре он задремал, засопел и захрапел. Схватила тогда старуха один золотой волос, вырвала его и положила около себя.

— Ой! — вскрикнул черт. — Ты что делаешь?

— Да это мне дурной сон приснился, — ответила чертова бабушка, — вот я и схватила тебя за волосы.

— Что ж тебе такое приснилось? — спрашивает черт.

— Приснился мне фонтан на рыночной площади, било из него прежде вино, а теперь он иссяк, и даже вода из него не течет. Скажи, что причиной тому?

— Эх, если б знали они! — ответил черт. — Там сидит жаба под камнем — если ее убить, то вино потечет снова.

Стала чертова бабушка опять в голове у черта вшей искать, тут он снова заснул и так захрапел, что даже стекла в окнах задрожали. И вырвала она у него второй волос.

— Ух! Да что это ты делаешь? — вскрикнул разгневанный черт.

— Ты не сердись, — ответила она, — это я спросонок.

— А что ж тебе опять приснилось? — спрашивает он.

— Да приснилось мне, будто растет в одном королевстве яблоня, прежде приносила она золотые яблоки, а теперь даже листьев на ней нету. Что причиной тому?

— Эх, если б они знали! — ответил черт. — Ее корни мышь подтачивает, если ее убить, будет она снова родить золотые яблоки, а будет мышь и дальше грызть корни, то и вовсе она засохнет. Но оставь ты меня в покое со своими снами! Если ты еще раз помешаешь мне спать, получишь пощечину.

Тут стала бабушка ласково его успокаивать и принялась

опять искать у него в голове, пока он не заснул и не захрапел. Тогда она схватила третий золотой волос и вырвала у него из головы. Тут черт как подскочит, как закричит, хотел было уже с нею расправиться, но она снова его успокоила и сказала:

— Что с дурными снами поделаешь!

— Да что же тебе приснилось? — спросил он с любопытством.

— Снился мне перевозчик; жаловался он, что должен все перевозить с берега на берег и никто его никогда не сменит. Что причиной тому?

— Эх, дурак же он! — ответил черт. — Если кто подойдет, чтоб через реку переправиться, пускай даст он ему в руки шест, — вот и должен будет другой стать перевозчиком, а он освободится.

Чертова бабушка, вырвав три золотых волоса и получив ответ на все три вопроса, оставила старого черта в покое, и он проспал до самого утра.

Вот черт снова ушел, достала тогда старуха из складок своей юбки муравья и вернула счастливицу опять его человеческий образ.

— Вот тебе три золотых волоса, — сказала она, — а что ответил черт на твои три вопроса, ты, пожалуй, и сам уже слышал.

— Да, — ответил счастливец, — я все слышал и хорошо запомнил.

— Ну, вот я тебе и помогла, — сказала она, — а теперь ступай своей дорогой.

Поблагодарил он старуху за помощь в беде, вышел из ада и был доволен, что во всем ему так посчастливилось. Пришел он к перевозчику и должен был дать ему обещанный ответ.

— Сперва перевези меня на тот берег, — сказал счастливец, — тогда я тебе скажу, как освободиться. — И когда они переправились на другой берег, он дал ему чертов совет: — Когда кто подойдет опять к берегу и попросит его перевезти, ты сунь ему шест в руки.

Пошел он дальше и пришел в город, где росло бесплодное дерево и где городской привратник тоже ждал ответа. И сказал он ему то, что слышал от черта: «Убейте мышь, грызущую корни дерева, и оно опять будет родить золотые яблоки». Поблагодарил его привратник и дал ему в награду за это двух навьюченных золотом ослов, которые должны были следовать за ним.

Наконец пришел он в город, где перестал бить фонтан. И он передал привратнику то, что посоветовал черт: «Надо найти жабу, — а сидит она под камнем в фонтане, — и ее убить, и опять забьет из фонтана вино». Поблагодарил его привратник и дал ему тоже двух навьюченных золотом ослов.

Наконец счастливец воротился домой к своей жене, и она

обрадовалась от всего сердца, что снова его увидела и узнала о том, что все хорошо ему удалось. И он принес королю то, что тот от него требовал, — три золотых волоса с головы черта; и когда увидел король четырех ослов, нагруженных золотом, то был и совсем доволен и сказал:

— Теперь все условия выполнены, — пускай моя дочь останется твоею женой. Но скажи мне, любезный зятек, откуда у тебя столько золота? Ведь это ж богатства немалые!

— Да переправлялся я через реку, — ответил он, — и лежало оно, словно песок на берегу, я и забрал его с собой.

— А нельзя ли и мне его добыть? — спросил король, и одолела его великая жадность.

— Да сколько вам будет угодно! — ответил счастливец. — Есть на той реке перевозчик, вы попросите его перевезти вас на другой берег, а там уж и набьете себе полные мешки золотом.

И отправился жадный король второпях в путь-дорогу, прибыл к реке и дал знак перевозчику, чтобы тот перевез его. Подъехал перевозчик и предложил ему сесть в лодку, и когда подъехали они к другому берегу, сунул тот ему в руки свой шест, а сам выскочил из лодки.

И с той поры должен был король в наказание за свои грехи сделаться перевозчиком.

— Что ж, перевозит он еще и поныне?

— А то как же! Ведь никто шеста из рук у него не возьмет.

Вошка и блошка

Вошка и блошка жили одним хозяйством, даже пиво в одной яичной скорлупе варили. Да вот упала раз вошка в скорлупу и обожглась. И стала из-за этого блошка громко-прегромко кричать. А маленькая дверка и говорит:

— Ты чего, блошка, так раскричалась?

— Потому что вошка обожглась.

И стала тут дверка поскрипывать. Вот метелочка в углу и говорит:

— Ты чего, дверка, так поскрипываешь?

— Да как же мне не скрипеть?

Обожглась наша вошка,
Плачет блошка.

Тут принялась метелочка изо всех сил мести. А на ту пору проезжала по дороге повозочка и говорит:

— Ты чего, метелочка, так метешь?

— Да как же мне не мести?

Обожглась наша вошка,
Плачет блошка,
Поскрипывает двёрочка.

А повозочка и говорит:

— А я тогда стану кататься,— и начала быстро-быстро кататься.

Говорит тогда навозный катышок, мимо которого катилась повозочка:

— Чего это ты, повозочка, так катаешься?

— Да как же мне не кататься?

Обожглась наша вошка,
Плачет блошка,
Поскрипывает двёрочка,
Метет себе метелочка.

Вот и говорит навозный катышок:

— Ну, а я тогда огнем-полымем загорюсь,— и начал гореть ярким пламенем.

А около катышка росло деревцо. Вот оно и говорит:

— Чего это ты, катышок, загорелся?

— Да как же мне не гореть?

Обожглась наша вошка,
Плачет блошка,
Поскрипывает двёрочка,
Метет себе метелочка,
Повозочка катается.

А деревцо и говорит:

— Ну, а я тогда стану раскачиваться,— и начало так сильно раскачиваться, что все листья с него пооблетели.

Увидала это девочка—шла она с кувшинчиком за водой— и говорит:

— Чего это ты, деревцо, так раскачиваешься?

— Да как же мне не раскачиваться?

Обожглася наша вошка,
Плачет блошка,
Поскрипывает двёрочка,
Метет себе метелочка,
Повозочка катается,
Катышок вон загорается.

Тогда девочка и говорит:

— А я тогда разобью свой кувшинчик.— И разбила кувшинчик.

Тогда заговорил родничок, из которого бежала вода:

— Девочка, зачем ты разбила свой кувшинчик?

— Да как же мне было не разбить свой кувшинчик?

Обожглася наша вошка,
Плачет блошка,
Поскрипывает двёрочка,
Метет себе метелочка,
Повозочка катается,
Катышок вон загорается,
И трясется деревцо.

— Эх,— сказал родничок,— ну, а я тогда разольюсь,— и начал сильно-сильно разливаться. И все затонуло в воде: девочка, деревцо, навозный катышок, повозочка, метелочка, дверка, блошка и вошка — все, все.

Девушка-безручка

Начал один мельник все беднеть и беднеть, и осталась у него одна только мельница да позади нее большая яблоня. Вот отправился он раз в лес дрова рубить, и подошел к нему старик, которого он еще ни разу не видывал, и говорит:

— Полно тебе с топором возиться, я сделаю тебя богачом, если пообещаешь мне отдать то, что позади твоей мельницы.

«Пожалуй, это он о яблоне говорит», — подумал мельник и согласился и отписал ее незнакомцу. А тот злобно захохотал и сказал:

— Смотри ж, спустя три года я явлюсь к тебе и возьму то, что мне принадлежит. — С этим он и ушел.

Воротился мельник домой, встречает его жена и говорит:

— Скажи, муженек, откуда это вдруг явилось у нас в доме такое богатство? Все сундуки и закрома полным-полны, а никто ничего не приносил, и я не знаю, как это все получилось.

Говорит мельник:

— Да это все от одного незнакомца, которого я повстречал в лесу; он пообещал мне большие богатства, а я ему отписал то, что находится за мельницей, — большую яблоню можем мы, пожалуй, и отдать.

— Ах, муженек, — с ужасом воскликнула мельничиха, — да ведь это же был сам черт! Он не о яблоне говорил, а о нашей дочери, ведь это она стояла за мельницей и подметала двор.

Дочь мельника была красавица и к тому же скромница. Три года она жила в страхе божием и не знала греха. Срок между тем прошел, и настал день, когда черт порешил ее утащить. Она чисто умылась и очертила вокруг себя мелом круг. Явился черт спозаранку, но не мог никак к ней приблизиться. И, разгневавшись, он сказал мельнику:

— Не давай ей воды, чтоб она больше не умывалась, а то не будет у меня над ней никакой силы.

Испугался мельник и исполнил приказание. На другое утро снова явился черт, но девушка омыла руки слезами, и они были совершенно чистые. И опять не мог черт к ней приблизиться и говорит, разгневавшись, мельнику:

— Отруби ей руки, а то мне никак с нею не совладать.

Ужаснулся мельник и говорит:

— Да как же мне отрубить руки своему родному детищу?

Но черт ему пригрозил:

— Если ты этого не сделаешь, я тебя самого утащу.

Испугался отец и пообещал его послушаться.

Пришел к девушке и говорит:

— Доченька, если я не отрублю тебе обе руки, то уведет меня черт с собой. Я со страху обещал ему это сделать. Помоги мне в моей беде и прости меня за все злое, что я тебе причиню.

— Милый батюшка, — ответила она, — делай со мной, что хочешь, я — твоя дочь. — И она протянула ему свои руки и дала их отрубить. В третий раз явился черт, но она так долго и сильно плакала, что слезы омыли ее обрубленные руки, и они были совсем чистые. Пришлось черту отступить, и он потерял над ней всякую власть.

Вот мельник и говорит ей:

— Это благодаря тебе я получил такое большое богатство, и я обещаю всю жизнь тебя лелеять и за тобой ухаживать. Но она ему ответила:

— Нет, я здесь не останусь, я хочу уйти; добрые люди мне уж помогут, в чем надо. — Потом попросила она привязать ей к спине отрубленные руки и, только стало всходить солнце, двинулась в путь-дорогу.

Шла она целый день до самой ночи. И подошла, наконец, к королевскому саду и увидела при лунном сиянии, что все деревья усыпаны прекрасными плодами; но попасть в этот сад она не могла — он был весь окружен рвами с водой. А шла она уже целый день, и с утра не было во рту у нее ни крошки, и мучил ее голод; и она подумала: «Ах, если бы мне попасть в этот сад и поесть немного плодов, а то пропадать придется». Вдруг явилась дева в белой одежде, заперла плотиной воду и провела ее по сухому рву. Пришла она в сад, и шла следом за ней дева. Увидала она дерево с плодами: были то прекрасные груши, но все они были на счету. Подошла она и откусила с дерева грушу, чтоб утолить свой голод, не больше.

Увидел садовник девушку, но так как с нею была дева, то он испугался, что это привиденье, и не сказал ей ни слова, не крикнул и не заговорил с ней. Она съела грушу, насытилась и ушла и спряталась за кустом.

На другое утро пришел король, которому принадлежал этот сад, и стал считать плоды, видит — одной груши недостает, и он спросил у садовника, куда она делась; ее под деревом нету, значит, она куда-то пропала.

Ответил ему садовник:

— Прошлую ночь явилось сюда привиденье, было оно безрукое и откусило грушу прямо с дерева.

Король спросил:

— А как же оно пробралось через воду? И куда ушло, съев грушу?

Садовник ответил:

— Кто-то явился в белоснежном одеянье и запер плотиной воду, чтоб могло привиденье перейти через ров. Я подумал, уж не ангел ли это, и побоялся его окликнуть и спросить. Съев грушу, привиденье куда-то исчезло.

Король сказал:

— Если это так, как ты говоришь, я останусь эту ночь сторожить вместе с тобой.

Когда стемнело, король явился в сад и привел с собою священника, чтобы тот поговорил с привиденьем. Сели все трое под деревом и стали сторожить. В полночь девушка вышла из-за куста, подошла к дереву и снова съела с него грушу. Вышел тогда священник и спросил:

— Ты послан богом или ты простой человек? Ты дух или кто?

Она отвечала:

— Я вовсе не дух, а всеми покинутая девушка.

— Если ты всеми покинута,— сказал король,— то я тебя не оставлю.— И он взял ее с собой в королевский замок. А так как была она красивой и скромной, он полюбил ее и велел сделать ей серебряные руки и женился на ней.

Прошел год, и вот пришлось королю идти на войну, и он оставил молодую королеву на попечение своей матери и сказал:

— Если ей придется рожать, ухаживайте за ней как следует да напишите мне тотчас об этом письмо.

И вот она родила прекрасного сына. Написала мать королю грамотку и послала гонца с радостной вестью. Но посланец лег по пути у ручья отдохнуть и, устав от долгой дороги, уснул. А тут явился черт, который всегда замышлял зло против доброй королевы, и подменил письмо другим; было написано в нем, что родила, мол, королева на свет оборотня.

Прочитал король письмо, ужаснулся, сильно запечалился, но все же в ответ написал, чтоб ухаживали за королевой как следует и берегли ее до его возвращения. Посланец отправился с этим письмом назад, но в пути прилег отдохнуть на том самом месте — и уснул.

И явился опять черт и подсунил ему в карман другое письмо, а написано в нем было, чтоб королеву вместе с ее ребенком убили. Получила это письмо старая мать-королева и ужаснулась и, не поверив письму, написала еще раз королю, но ответа не получила, оттого что черт всякий раз подсовывал посланцу ложные письма, а в последнем письме было сказано, чтобы в знак исполнения приказа сберегли язык и глаза королевы.

Заплакала старая мать-королева, что должна пролиться ни в чем не повинная кровь, и велела привести ночью самку оленя, вырезала ей язык и глаза и спрятала их. А молодой королеве сказала:

— Я не могу приказать, чтоб тебя убили, как это велел король, но дольше здесь тебе оставаться нельзя,— ступай со своим ребенком куда хочешь и назад не возвращайся.

Привязала она ей ребенка на спину, и бедная женщина ушла с заплаканными глазами из замка. Пришла она в темный, дремучий лес, стала на колени и начала богу молиться.

Вдруг явился к ней ангел и привел ее к какой-то избушке, и была прибита на ней небольшая табличка: «Здесь всякий живет свободно». И вышла из этой избушки белоснежная дева и сказала:

— Добро пожаловать, госпожа королева!— и ввела ее в дом. Потом она отвязала со спины ее маленького сына, положила его к груди, чтобы та его покормила, и положила его спать в красивую постельку.

И спросила бедная женщина:

— Откуда ты знаешь, что я была королевой?

Ответила белая дева:

— Я послана хранить тебя и дитя.

Прожила она в избушке семь лет, и заботились там о ней хорошо, и за ее кротость и доброту у нее отросли снова руки.

Наконец король вернулся домой с похода, и первое, что ему захотелось,— это увидеть жену и ребенка. Заплакала старая мать короля и сказала:

— Ты, злой человек, зачем написал мне, чтоб я загубила две ни в чем не повинные души!— и она показала ему оба письма, подделанные чертом, и добавила:— Я поступила так, как ты велел,— и показала ему в доказательство язык и глаза самки оленя.

Горькими слезами стал оплакивать король свою жену и сыночка, и сжалилась тогда над ним старая мать и сказала:

— Успокойся, она жива. Я велела тайком убить самку оленя и сохранила в доказательство ее глаза и язык, а твоей жене я привязала на спину ребенка и велела ей идти куда глаза глядят по белу свету и взяла с нее обещание никогда не возвращаться сюда, так как ты был на нее так гневен!

И сказал король:

— Я пойду повсюду, где есть только синее небо, и не буду ни есть и ни пить, пока не разыщу своей любимой жены и ребенка, если они еще не погибли или не умерли с голоду.

Отправился король в дорогу и скитался почти целых семь лет, ища их повсюду— среди ущелий и в горных пещерах, но не найдя их, решил, что они погибли. Он не ел и не пил за все это время ни разу, но надежды поддерживали его силы.

Наконец он попал в дремучий лес и набрел на маленькую избушку, и была на ней прибита табличка: «Здесь всякий живет

свободно». Вышла оттуда белая дева, взяла его за руку, ввела в избушку и сказала:

— Добро пожаловать, мой король, — и спросила его, откуда пришел он.

Он ответил:

— Вот скоро уже семь лет, как я скитаюсь по свету, ищу жену и ребенка, но найти нигде не могу.

Дева предложила ему поесть и напиться, но он отказался и пожелал только немного отдохнуть. Он лег спать и накрыл лицо платком.

И явилась дева в комнату, где сидела королева со своим сыном, которого она называла всегда Горемыкой, и сказала ей:

— Выйди с ребенком, явился твой муж.

Она вошла в комнату, где он лежал, и упал платок с его лица. И она сказала:

— Горемыка, подыми платок своего отца и прикрой ему снова лицо.

Ребенок поднял платок и прикрыл им лицо своему отцу. Услыхал это король сквозь сон и сбросил платок. И сказал мальчик в нетерпении:

— Милая матушка, как я могу прикрыть лицо своему отцу, если нету его у меня на свете? Ведь ты же мне говорила, что отец мой на небе. А такого странного человека я совсем не знаю. Он вовсе мне не отец.

Услыхал это король, поднялся и спросил, кто она такая.

И она ответила:

— Я твоя жена, а это твой сын — Горемыка.

И он увидел ее живые руки и сказал:

— У моей жены руки были серебряные.

Но она ответила:

— Руки у меня по воле господней отросли снова.

И вошла в комнату дева, принесла серебряные руки и показала их ему. И только тогда он убедился, что это его возлюбленная жена и любимый ребенок; он поцеловал их, обрадовался и сказал:

— Точно тяжелый камень свалился с моего сердца.

Накормила их добрая дева еще раз всех вместе, и они отправились домой к своей старой матери. И была повсюду великая радость, а король и королева устроили еще раз свадебный пир и прожили счастливо и радостно до самой блаженной смерти.

Смышленный Ганс

Спрашивает мать Ганса:

— Ты куда, Ганс?

Ганс отвечает:

— К Гретель.

— Смотри, Ганс, чтоб все было ладно.

— Все будет ладно. Прощай, матушка.

— Прощай, Ганс.

Приходит Ганс к Гретель.

— Добрый день, Гретель!

— Добрый день, Ганс. Что принес ты хорошего?

— Ничего не принес, получить бы хотел.

Дарит Гретель Гансу иголку.

Говорит Ганс:

— Прощай, Гретель.

— Прощай, Ганс.

Берет Ганс иглу, втыкает ее в повозку с сеном и идет вслед за повозкой домой.

— Добрый вечер, матушка.

— Добрый вечер, Ганс. Где ты был?

— Был я у Гретель.

— А что ж ты ей подарил?

— Ничего не дарил, она мне дала.

— Что ж тебе Гретель дала?

— Иголку дала.

— Ганс, а где же иголка?

— Воткнул в повозку с сеном.

— Глупо ты поступил, Ганс, — надо было ее в рукав воткнуть.

— Ничего, в другой раз сделаю лучше.

- Ты куда, Ганс?
- К Гретель, матушка.
- Смотри ж, Ганс, чтоб все было ладно.
- Все будет ладно. Прощай, матушка.
- Прощай, Ганс.

Приходит Ганс к Гретель.

- Добрый день, Гретель.
- Добрый день, Ганс. Что принес ты хорошего?
- Ничего не принес, получить бы хотел.

Подарила Гретель Гансу нож.

- Прощай, Гретель.
- Прощай, Ганс.

Берет Ганс нож, втыкает его в рукав и идет домой.

- Добрый вечер, матушка.
- Добрый вечер, Ганс. Где ты был?
- Был я у Гретель.
- А что подарил ей?
- Ничего не дарил, она мне дала.
- А что ж тебе Гретель дала?
- Нож дала.
- Где же нож, Ганс?
- Да я его в рукав воткнул.
- Глупо ты, Ганс, поступил,— нож надо было в карман положить.
- Ничего, уж в другой раз сделаю лучше.

- Ты куда, Ганс?
- К Гретель, матушка.
- Смотри, чтоб все было ладно.
- Уж будет ладно. Прощай, матушка.
- Прощай, Ганс.

Приходит Ганс к Гретель.

- Добрый день, Гретель!
- Добрый день, Ганс. Что принес ты хорошего?
- Ничего не принес, получить бы хотел.

Дарит Гретель Гансу молодую козочку.

- Прощай, Гретель.
- Прощай, Ганс.

Берет Ганс козу, связывает ей ноги и кладет ее в карман.
Приходит домой, а козочка по дороге задохнулась.

- Добрый вечер, матушка.
- Добрый вечер, Ганс. Где ты был?
- Был я у Гретель.
- Что ж ты ей подарил?
- Ничего не дарил, она мне дала.
- А что ж тебе Гретель дала?
- Козочку дала.
- А где же, Ганс, козочка?
- Я в карман ее положил.
- Глупо ты сделал, Ганс,— надо было козу на веревку

привязать.

- Ничего, уж в другой раз сделаю лучше.

- Ты куда, Ганс?
- К Гретель, матушка.
- Смотри, чтобы все было ладно.
- Уж будет ладно. Прощай, матушка.
- Прощай, Ганс.

Приходит Ганс к Гретель.

- Добрый день, Гретель!
- Добрый день, Ганс. Что принес ты хорошего?
- Ничего не принес, получить бы хотел.

Дарит Гретель Гансу сала кусок.

- Прощай, Гретель.
- Прощай, Ганс.

Берет Ганс кусок сала, привязывает его на веревку и тащит за собой. Сбежались по дороге собаки и сало все съели. Приходит Ганс домой, а в руке у него одна лишь веревка, а на ней ничего.

- Добрый вечер, матушка.
- Добрый вечер, Ганс. Где же ты был?
- Был я у Гретель.
- Что ж ты ей подарил?
- Ничего не дарил, она мне дала.
- А что ж тебе Гретель дала?
- Кусок сала дала.
- А куда же ты, Ганс, сало-то дел?
- Привязал на веревку, повел домой, да собаки стащили.
- Глупо ты сделал, Ганс,— надо было сало на голове

нести.

- Ничего, уж в другой раз сделаю лучше.

- Ты куда, Ганс?
- К Гретель, матушка.

- Смотри, Ганс, чтоб все было ладно.
- Уж будет ладно. Прощай, матушка.
- Прощай, Ганс.

Приходит Ганс к Гретель.

- Добрый день, Гретель!
 - Добрый день, Ганс. Что принес ты хорошего?
 - Ничего не принес, получить бы хотел.
- Дарит Гретель Гансу теленка.
- Прощай, Гретель.
 - Прощай, Ганс.

Берет Ганс теленка, кладет его на голову, и разбил теленок все лицо Гансу.

- Добрый вечер, матушка.
 - Добрый вечер, Ганс. Где ты был?
 - Был я у Гретель.
 - Что ж ты ей подарил?
 - Ничего не дарил, она мне дала.
 - А что же тебе Гретель дала?
 - Теленка дала.
 - Ганс, а где же теленок?
 - Положил его себе на голову, а он мне лицо разбил.
 - Эх, глупо ты сделал, Ганс, — надо было теленка привести да в стойло поставить.
 - Ничего, уж в другой раз сделаю лучше.
-
- Ты куда, Ганс?
 - К Гретель, матушка.
 - Смотри, чтобы все было ладно.
 - Уж будет ладно. Прощай, матушка.
 - Прощай, Ганс.

Приходит Ганс к Гретель.

- Добрый день, Гретель!
 - Добрый день, Ганс. Что ж принес ты хорошего?
 - Ничего не принес, получить бы хотел.
- Говорит Гретель Гансу:
- Пойду я сама с тобой.

Берет Ганс Гретель, привязывает ее на веревку, ведет, приводит к стойлу и крепко-накрепко привязывает. Идет потом Ганс к матери.

- Добрый вечер, матушка.
- Добрый вечер, Ганс. Где же ты был?
- Был я у Гретель.

- Что ж ты ей подарил?
- Ничего не дарил, она со мной вместе пришла.
- Где же ты Гретель оставил?
- Привел ее на веревке, привязал к стойлу, подложил ей травы.
- Это ты, Ганс, глупо сделал, надо было на нее ласково глазами вскинуть.
- Ничего, в другой раз сделаю лучше.

Идет Ганс в стойло, выкалывает всем телятам и овцам глаза и кидает их в лицо Гретель. Рассердилась тут Гретель, вырвалась и убежала, а была ведь невестою Ганса.

Три языка

Жил однажды в Швейцарии старый граф; был у него единственный сын, да и тот был дурак, ничему не мог научиться.

Вот отец и говорит:

— Послушай, сынок, в голову тебе все равно ничего не вошьешь, надо будет тебе за дело приняться. Придется тебе из дому уйти: я решил отдать тебя одному знаменитому мастеру, пусть он попробует из тебя что-нибудь сделать.

Отослали юношу в чужой город, и пробыл он там у мастера целый год. Прошел срок, воротился юноша домой, а отец его и спрашивает:

— Ну, сынок, чему же ты научился?

— Научился я, батюшка, понимать, о чем лают собаки,— ответил он.

— Боже ты мой! — воскликнул отец. — И это все, чему ты научился? Надо будет тебя послать в другой город, к другому мастеру.

Вот отвели юношу в другой город, и пробыл он там у мастера тоже целый год. Вернулся он домой, а отец опять его спрашивает:

— Ну, сын мой, чему же ты научился?

Тот отвечает:

— Научился я, батюшка, понимать, о чем говорят птицы. Разгневался отец и говорит:

— Эх, пропащий ты человек, дорогое ты время потратил, а ничему не научился. И не стыдно тебе мне на глаза показываться? Пошлю я тебя к третьему мастеру, а не научишься ты и на сей раз, то не хочу я больше твоим отцом называться.

Пробыл сын у третьего мастера тоже целый год, воротился домой, а отец его и спрашивает:

— Сын мой, чему же ты научился?

А он отвечает:

— Милый батюшка, этот год учился я понимать, о чем лягушки квакают.

Тут уж и вовсе разгневался отец, вскочил, позвал своих слуг и говорит:

— Этот человек мне больше не сын, я прогоняю его из дому и велю вам завести его в лес и там с ним покончить.

Вывели его в лес и должны были его там убить, но слуги его пожалели и отпустили. Они вырезали у лани язык и глаза, чтобы принести старику знак доказательства.

А юноша двинулся дальше и спустя некоторое время пришел к укрепленному замку и попросился там переночевать.

— Хорошо, — сказал хозяин замка, — если ты согласен заночевать внизу в старой башне, то ступай туда, но предупреждаю тебя, что это для жизни опасно, ибо там полно диких собак, они все время лают и воют, и в урочный час им надо бросать человека, и они его тотчас съедают.

Вся округа была из-за этого в горе и печали, но никто помочь им в беде, однако, не мог. Но юноша был бесстрашен и сказал:

— Вы уж меня только пустите вниз к лающим псам и дайте мне им что-нибудь бросить. Со мной они ничего не сделают.

И так как он сам того пожелал, то дали ему немного еды для диких зверей и отвели в башню. Вот спустился он туда, но

собаки на него не залаяли и, окружив его, ласково замахали хвостами, поели всё, что он дал им, и не причинили ему никакого вреда. На другое утро, к общему удивлению, он вернулся жив и невредим и говорит хозяину замка:

— Собаки мне рассказали на собачьем своем языке, почему они там поселились и отчего наносят вред округе. Они заколдованы и должны охранять большой клад, что закопан под башней, и до той поры они не успокоятся, пока этот клад не будет вырыт; а как это сделать, я тоже узнал из их разговоров.

И все обрадовались, услышав об этом, и хозяин замка сказал, что примет его вместо сына родного, если ему посчастливится это сделать.

Юноша снова спустился вниз, и так как он знал, что ему должно делать, то и выполнил все и принес оттуда полный ларец золота. И не слышно стало с той поры воя диких собак, они пропали, и вся округа освободилась от злой напасти.

И вот спустя некоторое время надумал юноша отправиться в Рим. По пути он проезжал мимо болота, а сидели в нем лягушки и квакали. Он прислушался и, когда услышал, о чем они говорят, он стал задумчив и печален.

Наконец он прибыл в Рим, и как раз в это время умер папа, и было у кардиналов большое сомнение, кого им назначить его преемником. Наконец они порешили на том, что надо будет выбрать в папы того, кому откроется божественное знамение. Только они это решили, как входит в храм молодой граф, и вдруг спускаются к нему и садятся на плечи два белоснежных голубя. И признало тогда в этом духовенство знак божий, и его тут же спросили, не хочет ли он сделаться папой. Он был в нерешительности, не зная, достоин ли он этого, но голуби ему шепнули, что он может на это согласиться, и он сказал наконец: «Да».

И вот был он помазан и посвящен в папы, и случилось то, о чем он слышал по дороге от лягушек и что его так сильно огорчило: будто должен он сделаться святым папой. Пришлось ему потом петь мессу, он не знал из нее ни одного слова, но два голубя сидели всегда у него на плечах и подсказывали ему все на ухо.

Умная Эльза

Жил-был человек, и была у него дочь, звали ее Умной Эльзой. Вот выросла она, а отец и говорит:

— Пора бы отдать ее замуж.

— Да,— сказала мать,— если только найдется такой человек, что захочет ее взять.

И вот пришел, наконец, из дальних мест человек, звали его Ганс; стал он к ней свататься, но поставил условие, чтобы Умная Эльза была к тому же и весьма рассудительной.

— О,— сказал отец,— смекалка у нее в голове имеется.

А мать добавила:

— Ах, да уж что и говорить-то: она все понимает, видит даже, как ветер по улице гуляет, и слышит, как мухи кашляют.

— Ну,— сказал Ганс,— а если она окажется не очень смышленной, то я на ней не женюсь.

Вот сидят они за столом, обедают, а мать и говорит:

— Эльза, сходи-ка в погреб да принеси нам пива.

Взяла Умная Эльза с полки кувшин и спустилась в погреб, весело постукивая крышкой, чтобы время шло побыстрей. Пришла она в погреб, поставила перед пивной бочкой скамейку, чтобы не надо было нагибаться, и спина чтоб не заболела, и чтоб не слишком устать. Поставила она перед собой кувшин, отвернула кран и, чтобы глаза не оставались без дела, пока пиво нальется, стала она стену разглядывать; вот смотрит она да разглядывает и заметила вдруг над собой кирку на стене, что забыли там по ошибке каменщики.

И вот начала Умная Эльза плакать и причитать: «Коли выйду я замуж за Ганса, и родится у нас ребенок, и вырастет он, и пошлем мы его в погреб пива нацедить, вдруг упадет ему на голову кирка и убьет его насмерть». Вот сидит она и плачет,

изо всех сил причитает по поводу предстоящего несчастья. А в доме наверху ждут в это время пива, а Умная Эльза все не возвращается. Хозяйка и говорит работнице:

— Сходи-ка ты в погреб да погляди, что там с Эльзой случилось.

Пошла работница, видит — сидит Эльза перед бочкой и плачет-заливается.

— Эльза, чего ты плачешь? — спрашивает работница.

— Ох, — отвечает она, — да как же мне не плакать? Коли выйду я замуж за Ганса, и родится у нас ребенок, вырастет он большой, и придется ему пойти в погреб пива нацедить, то вдруг невзначай может упасть ему на голову кирка и убить его насмерть...

И сказала работница:

— Вот какая у нас Эльза умная!

Подсела она к ней и начала тоже горе оплакивать. А в доме все пива ждут не дождутся, а работница не возвращается. Тогда отец и говорит работнику:

— Сходи-ка ты в погреб да погляди, что там Эльза с работницей делают.

Спустился работник в погреб, видит — сидит Умная Эльза с работницей, и обе плачут. Спрашивает он у них:

— Чего вы плачете?

— Ох, — отвечает Эльза, — да как же мне не плакать? Коли выйду я замуж за Ганса, и родится у нас ребенок, вырастет он большой, и придется ему пойти в погреб пива нацедить, то вдруг упадет ему на голову кирка и убьет его насмерть...

Работник и говорит:

— Вон какая у нас Эльза умная! — подсел к ним и тоже заплакал. А в доме ждут работника, а он все не возвращается. Тогда отец говорит матери:

— Сходи-ка ты сама в погреб да погляди, что там с Эльзой случилось.

Спустилась мать в погреб, видит — все трое плачут. Спрашивает она у них, чего это они плачут; и рассказала ей Эльза, что ее будущего ребенка, когда он подрастет, может убить кирка, — будет он наливать пиво, а кирка вдруг и упадет ему на голову. И сказала мать:

— Ох, какая же у нас умная Эльза! — и подсела к ним и тоже заплакала.

Подождал отец немного, видит — мать тоже не возвращается, а выпить пива все больше и больше хочется. Вот и говорит он:

— Надо будет мне самому в погреб сходить да посмотреть, что это там с Эльзой случилось.

Спустился он в погреб, видит — сидят все рядышком и горько плачут; узнал он, что причиной тому Эльзин ребенок,

которого она, пожалуй, когда-нибудь родит, и что может его убить кирка, если, наеживая пиво, он будет сидеть как раз под киркой, а в это время она может упасть, и он воскликнул:

— Какая же у нас, однако, умная Эльза! — сел и тоже вместе с ними заплакал.

Долго дожидался жених в доме один, но никто не возвращался, и подумал он: «Пожалуй, они меня внизу ожидают, надо будет и мне тоже туда сходить да поглядеть, что они там делают». Спустился он вниз, видит — сидят они все впятером и плачут-рыдают, да так жалобно — один пуще другого.

— Что у вас за беда случилась? — спрашивает он.

— Ах, милый Ганс, — ответила Эльза, — когда мы с тобой поженимся и будет у нас ребенок, вырастет он большой, то может случиться, что пошлем мы его в погреб пива нацедить, а кирка, что торчит на стене, может, чего доброго, упасть и разбить ему голову и убить его насмерть. Ну, как же нам не плакать об этом.

— Ну, — сказал Ганс, — большего ума для моего хозяйства и не надо. Эльза, ты такая умная, что я на тебе женюсь, — и взял ее за руку, повел наверх и отпраздновал с ней свадьбу.

Пожила она с Гансом немного, а он и говорит:

— Жена, я пойду на заработки. Надо нам деньгами разжиться, а ты ступай на поле жать пшеницу, чтоб был у нас в доме хлеб.

— Хорошо, милый Ганс, я так и сделаю.

Ушел Ганс, наварила она себе вкусной каши и взяла с собой на поле. Пришла туда и сама себя спрашивает:

— Что мне делать? Жать ли сначала, или сперва поесть? Э, пожалуй, поем я сначала.

Съела она целый горшок каши, наелась до отвала и опять спрашивает:

— Что мне делать? Жать ли, или, может, сперва поспать? Пожалуй, посплю я сперва. — Легла она в пшеницу и уснула.

А Ганс в это время давно уже домой воротился, а Эльзы все нету и нету. Вот он и говорит:

— Какая у меня умная Эльза, она такая прилежная — и домой не возвращается, и ничего не ест.

А ее все нету и нету. Вот уже и вечер наступил, вышел Ганс в поле поглядеть, сколько она пшеницы нажала; видит, что ничего не сжато и лежит Эльза в пшенице и спит. Побежал Ганс поскорей домой, принес с собой птицеловную сеть с бубенцами и накинул ее на Эльзу; а она все продолжает спать. Побежал он домой, запер двери, уселся на лавку и принялся за работу.

Наконец совсем уж смерклось, проснулась Умная Эльза, и только она поднялась, а бубенцы на ней и зазвенели, и что ни сделает она шаг, а бубенцы всё звенят и звенят. Испугалась она

и призадумалась: а вправду ли она Умная Эльза? И стала сама себя спрашивать: «Я ли это, или не я?». И сама не знала, как ей на это ответить, и стояла она некоторое время в сомнении; наконец она подумала: «Пойду-ка я домой да спрошу, я ли это, или не я,— они уж наверное знают».

Прибежала она домой, а двери заперты. Постучала она в окошко и спрашивает:

— Ганс, дома ли Эльза?

— Да,— ответил Ганс,— она дома.

Испугалась она и говорит:

— Ах, боже мой, значит, это не я! — и кинулась к другим дверям. А люди услышали звон бубенцов и не захотели ей отпирать, и нигде не нашлось ей приюта. И убежала она тогда из деревни; и никто ее с той поры больше не видел.

*Столик-накройся,
золотой осел
и дубинка из мешка*

и потому приходилось за ней ухаживать как следует и каждый день гонять ее на пастбище.

Сыновья пасли козу каждый по очереди. Погнал ее раз старший сын пастись на кладбище, а трава росла там высокая да сочная, вот коза щипала траву и прыгала. Вечером, когда надо было уже домой возвращаться, он у нее и спрашивает:

— Сыта ли ты, коза моя?

Ответила коза:

Я уж так сыта,
Что не съест мне больше ни листа.
Ме-ме!

— Ну, так ступай домой, — сказал мальчик. Взял ее за веревочку, привел в стойло и крепко привязал.

— Ну, — спросил старик-портной, — наелась ли коза наша досыта?

— О, — ответил сын, — она уж так сыта, что не хочет больше ни листа.

Но захотелось отцу самому в этом убедиться, и он пошел в стойло, погладил любимую свою козочку и спрашивает:

— Сыта ли ты, коза моя?

И ответила ему коза:

С чего же быть мне сытою?
Скакала я через могилочку
И съела лишь былиночку.
Ме-ме!

— Что я слышу! — воскликнул портной, выскочил из стойла и говорит сыну:

— Эх ты, лгунишка, что же ты говоришь, что коза наша сыта, а она-то совсем голодная! — и, разгневавшись, он взял со стены свой аршин, побил сына и прогнал его со двора.

На другой день настал черед пасти козу среднему сыну. Вот нашел он в саду возле забора местечко, где трава была хорошая, и коза всю ее поела. Вечером он собрался домой и спрашивает:

— Сыта ли ты, коза моя?

А коза отвечает:

Я уж так сыта,
Что не съест мне больше ни листа.
Ме-ме!

— Тогда ступай домой, — сказал мальчик, повел ее и крепко привязал к стойлу.

— Ну, — спросил старик-портной, — наелась ли коза наша досыта?

— О, — ответил сын, — она уж так сыта, что не хочет больше ни листа.

Но портной решил сам в этом убедиться. Он пошел в стойло и спрашивает:

— Сыта ли ты, коза моя?

И ответила коза:

Да как же мне быть сытою?
Скакала я через могилочку
Да съела лишь былиночку.
Ме-ме!

— Ах ты, этакий злодей! — крикнул портной. — Таковую смирную козу да еще заставлять голодать! — И он выбежал из стойла, схватил аршин, отчесал им сына и прогнал его со двора.

Пришел черед младшему сыну козу пасти, и порешил он дело поставить лучше: нашел заросль с густою листвою и стал пасти там козу. Вечером, когда подошло время домой возвращаться, спрашивает он козу:

— Сыта ли нынче, коза моя?

И ответила коза:

Я уж так сыта,
Что не съест мне больше ни листа.
Ме-ме!

— Ну, так ступай домой, — сказал мальчик, повел ее в стойло и крепко-накрепко привязал.

— Ну, — спросил старик-портной, — наелась ли коза наша досыта?

— О, — ответил сын, — она уж так сыта, что не хочет больше ни листа.

Но портной тому не поверил, пошел в стойло и спрашивает:

— Сыта ли ты, коза наша, нынче?

И ответила злая коза:

С чего же быть мне сытою?
Скакала я через могилочку
Да съела лишь былиночку.
Ме-ме!

— Ах ты, лживая тварь! — воскликнул портной. — Все вы тут лентяи да негодяи! Ну, теперь уж в дураках меня не оставите! — и, разгневанный, он выскочил из стойла да так отчесал по спине бедного мальчика, что тот еле из дому выскочил.

И остался старик-портной один со своею козой. На другое утро зашел он в стойло, начал ласкать и гладить козу и говорит:

— Иди, моя милая козочка, я уж сам тебя поведу на пастбище. — Взял он ее за веревку и завел в зеленые кусты, где росла трава-деревей и другие растения, которые так любят щипать козы.

— Тут уж ты хоть раз, а вдосталь наешься, — сказал он и оставил ее пастись до самого вечера. А потом спрашивает ее:

— Сыта ли ты, коза моя?

И она ответила:

Я уж так сыта,
Что не съест мне больше ни листа.
Ме-ме!

— Ну, так ступай тогда домой, — сказал портной, отвел ее в стойло и привязал крепко-накрепко. Он ушел, а потом вернулся опять и спрашивает:

— Ну, что, а теперь-то ты сыта?

Но коза ответила то же, что и сыновьям:

С чего же быть мне сытою?
Скакала я через могилочку
Да съела лишь былиночку.
Ме-ме!

Услыхал это портной да так и остолбенел; он понял, что понапрасну выгнал своих трех сыновей из дому.

— погоди уж, — закричал он, — неблагодарная ты тварь! Тебя мало со двора прогнать, я тебе еще такую отметину сделаю, что ты честным портным и на глаза не покажешься!

Выскочил он из хлева, принес свою бритву, нагнул козе голову и выбрил ее наголо. Потом взял плетку и так отчесал козу, что пустилась она бежать от него со всех ног.

И остался портной один-одинешенек в своем доме. Стало ему очень грустно и захотелось теперь вернуть своих сыновей, да никто не знал, куда они девались.

Старший из них поступил в обучение к одному столяру и учился у него прилежно и старательно, и, когда срок ему вышел и пришло время идти странствовать и работу искать, подарил ему мастер столик, с виду совсем неказистый, и сделан он был из простого дерева; но было у него одно свойство — если поставить его и сказать: «Столик, накройся!» — то добрый столик тотчас накрывался чистой маленькой скатертью, и стояли на нем тарелки, а рядом нож и вилка, и столько вареного и жареного, сколько места хватало, да еще большой стакан красного вина искрился так, что сердце прямо радовалось.

Вот молодой подмастерье и подумал: «Ну, этого-то мне, пожалуй, на целую жизнь хватит!» — и, довольный и веселый, отправился странствовать по свету; и его мало огорчало, хороша ли, плоха ли гостиница и можно ли там найти что поесть. Иногда он в нее и вовсе не заходил, а ставил свой столик перед собой, где ему было любо, будь то в поле, в лесу или на лугу, и говорил: «Столик, накройся!», и тотчас являлось все, что его душе было угодно.

Наконец подумал он, что пора бы ему и домой к отцу воротиться, — гнев у него, пожалуй, уже поостыл, а с таким столиком старик примет его назад охотно. Но случилось так, что по пути домой забрел он под вечер в гостиницу, а гостей там было полным-полно. Они поздоровались с ним и пригласили его присесть с ними вместе за стол и поужинать, а то трудно-де будет ему здесь что-нибудь получить.

— Нет, — ответил молодой столяр, — зачем я буду вас еще обедать, уж лучше вы будьте моими гостями.

Посмеялись они и подумали, что он над ними шутит. Но он поставил свой деревянный столик посреди комнаты и сказал: «Столик, накройся!» И вмиг появились на нем кушанья, да такие вкусные, что подобных и сам хозяин гостиницы не мог бы им предложить, и запах пищи приятно щекотал нос гостям.

— Ну, давайте начнем, дорогие друзья, — сказал столяр.

И гости поняли его как должно и не заставили себя долго упрашивать, подсели к столику, достали свои ножи и смело принялись за еду. И что удивило их больше всего — это то, что когда они съедали одно кушанье, то вмиг появлялось само собой на его место другое. А хозяин стоял в сторонке и все это видел; он не знал, что ему и сказать, и подумал: «Да, такого по-вара и мне в хозяйстве неплохо бы иметь».

Столяр и его гости веселились до самой поздней ночи и наконец улеглись спать, а с ними и молодой подмастерье, а столик свой волшебный он поставил к стене. Но хозяину гостиницы мысли о нем не давали покоя; он вспомнил, что у него в кладовой стоит старый столик, точь-в-точь похожий на этот, и он его принес и тихонько подменил волшебный столик своим.

На другое утро столяр уплатил деньги за ночлег, взял столик, не подозревая, что его подменили, и отправился своим путем-дорогой дальше. К полудню пришел он к отцу, и тот встретил его с большой радостью.

— Ну, дорогой сынок, чему же ты научился? — спросил он его.

— Стал я, батюшка, столяром.

— Что ж, это хорошее ремесло, — ответил старик, — а что ты принес домой, что заработал во время странствий?

— Батюшка, самое дорогое, что я принес с собой, — это вот этот столик.

Осмотрел его портной со всех сторон и говорит:

— Что ж, сделан-то он неважно, столик старый и плохой.

— Но ведь это «столик-накройся», — ответил сын, — если поставить его да сказать, чтоб он накрылся, то появятся на нем тотчас самые прекрасные блюда, да еще и вино, чтоб сердцу было веселей. Вы вот пригласите всех родных и друзей, пусть попируют и попьют, — столик их всех накормит.

Вот собрались гости. Взял он свой столик, поставил его посредине комнаты и говорит: «Столик, накройся!» Но столик даже и не пошевелился и остался таким же пустым, как и всякий другой, который слов не понимает. Понял тогда бедный подмастерье, что столик-то ему подменили, и стыдно стало ему, что оказался он перед гостями лгуном.

Посмеялись над ним родственники, и пришлось им несолоно хлебавши домой возвращаться. Достал портной опять свое тряпье и принялся снова за шитье, а сын поступил к мастеру на работу.

Средний сын попал к мельнику и поступил к нему в обучение. Когда ему вышел срок, мастер сказал:

— Ты работал хорошо, и вот за это дарю я тебе осла, не простого, а особенного,— в упряжку он не годится и мешков тоже таскать не станет.

— Да на что же он мне тогда нужен? — спрашивает молодой подмастерье.

— Он золото выплевывает, — ответил мельник, — ежели поставить его на платок и сказать: «Бриклебрит!», то доброе животное станет выплевывать золотые и сзади и спереди.

— Дело это хорошее, — сказал подмастерье, поблагодарил мастера и отправился странствовать по свету. Когда он нуждался в деньгах, то стоило ему только сказать своему ослу: «Бриклебрит!», и тотчас сыпался дождь золотых, и одна была лишь работа — подымать их с земли.

И куда ни приходил молодой мельник, подавали ему самое что ни на есть лучшее и самое дорогое, ведь денег-то у него был полон кошелек.

Насмотрелся он всего на свете и подумал: «Что ж, надо бы, пожалуй, теперь и отца проведать, если явиться к нему с золотым ослом, то он, наверно, и гнев свой позабудет и встретит меня хорошо». И случилось так, что попал он в ту же самую гостиницу, в которой его брату подменили столик. Он вел своего осла под уздцы, и хозяин хотел было взять у него осла и привязать его к стойлу, но молодой подмастерье сказал:

— Вы, пожалуйста, не трудитесь, своего серого я уж сам отведу в стойло и сам привяжу, я должен знать, где он будет находиться.

Хозяину это показалось странным; он подумал, что у того, кто должен сам ухаживать за своим ослом, денег-то, пожалуй, не очень густо; но когда незнакомец сунул руку в карман и достал оттуда два золотых и велел дать ему поесть чего получше, то хозяин от удивления глаза вытаращил, побежал и достал самое лучшее, что у него было.

После обеда гость спросил, сколько он должен заплатить; ну, тут уж хозяин мелу не пожалел, подсчитал вдвое больше, чем следует, и сказал, что надо доложить еще два золотых. Сунул подмастерье руку в карман, а золота в нем больше не оказалось.

— Хозяин, вы подождите маленько, — сказал он, — я пойду и принесу вам золотые, — и взял с собою скатерть.

Хозяин не знал, что бы это должно значить; стало ему любопытно, и он пробрался следом за гостем, и, когда тот закрыл

двери конюшни на засов, стал он подглядывать в щелку. Гость разостлал под ослом платок, крикнул: «Бриклебрит!» — и вмиг посыпалось золото из осла и сзади и спереди, и нападало его на землю немало.

— Вот она, чертовщина какая! — сказал хозяин. — Да ведь это всё новенькие дукаты! Таких и целый кошелек бы неплохо!

Гость оплатил свой трактирный счет и улегся спать. А хозяин пробрался ночью на конюшню, вывел оттуда монетных дел мастера, а на его место привязал другого осла.

На другое утро, только стало светать, отправился подмастерье дальше со своим ослом, думая, что это и есть его золотой осел. К полудню явился он к своему отцу; тот очень ему обрадовался и принял его ласково.

— Ну, скажи, сынок, что ж из тебя вышло? — спросил старик.

— Стал я мельником, милый батюшка, — ответил он.

— А что же принес ты домой из своих странствий?

— Да вот одного лишь осла.

— Ослов-то и здесь достаточно, — заметил отец, — лучше бы ты привел хорошую козу.

— Так-то оно так, — ответил сын, — но ведь это осел не простой, а золотой, — скажу я ему: «Бриклебрит!», и навалит он вам на платок целую кучу золота. Вот созовите родных, я всех их сделаю богачами.

— Это дело подходящее, — сказал портной, — теперь незачем мне будет с иглой мучиться, — и побежал тотчас сам и созвал всех родичей в гости. Собрались гости, и вот просит мельник очистить место, расстилает свой платок и приводит осла в комнату.

— Теперь смотрите, — сказал он и крикнул: «Бриклебрит!», но было то не золото, что на пол упало; и стало всем ясно, что этот осел искусству такому не обучен; да оно и верно, что не всякий осел на это способен бывает.

У бедного мельника лицо так и вытянулось; он понял, что его обманули, и стал он просить у родных прощения, что придется им домой возвращаться такими же бедными, как и раньше. И ничего больше не оставалось, как взяться старику опять за свою иглу, а подмастерью поступить на работу к мельнику.

Младший брат попал в обучение к одному токарю, а ремесло это тонкое, вот и пришлось ему дольше всех учиться. Но братья написали ему письмо и сообщили, какая беда с ними приключилась и как в самый последний вечер хозяин гостиницы украл у них их волшебные вещи.

Вот обучился токарь своему ремеслу, и настала пора ему странствовать, работу искать, и подарил ему мастер за хорошее поведение мешок и сказал:

— А лежит в этом мешке дубинка.

— Ну, мешок-то я могу положить себе на плечи, он может мне, пожалуй, и пригодиться, но дубинка на что? От нее только тяжесть одна.

— А вот я тебе объясню,— ответил мастер:— ежели тебя кто обидит, то стоит тебе только сказать: «Дубинка, из мешка!» — и тотчас выскочит она и бросится на людей и станет так весело по их спинам отплясывать, что целую неделю им нельзя будет ни двинуться, ни пошевелиться; и не остановится она до тех пор, пока ты не скажешь: «Дубинка, в мешок!»

Поблагодарил подмастерье своего хозяина, повесил мешок за плечи, и если кто-либо подходил к нему близко, собираясь на него напасть, то он говорил: «Дубинка, из мешка!» — и мигом дубинка выскакивала и начинала у одного за другим кафтан или куртку на спине выколачивать, да не ожидая, пока ее тот снимет; и так она это делала проворно, что не успеет один и оглянуться, как тут черед и другому подходит.

Пришел молодой токарь под вечер в ту самую гостиницу, где братьев его обманули. Положил свой мешок на стол и стал рассказывать про всякие диковины, которые ему пришлось поглядеть на свете.

— Да,— сказал он,— бывают такие столики-самобранки, а бывают еще и ослы золотые и всякая всячина; вещи-то они хорошие, что и говорить, смеяться над этим не приходится, но все это ничего не стоит перед богатством, что удалось мне добыть, а лежит оно у меня в мешке.

Тут хозяин и наострил уши: «Что же оно может быть такое? — подумал он.— Должно быть, мешок полон драгоценных камней. Неплохо бы мне и его заполучить, ведь хорошее-то случается всегда трижды».

Вот подошло время ложиться спать, и завалился гость на скамью и положил себе под голову свой мешок вместо подушки. Хозяин, решив, что гость спит глубоким сном, подошел к нему, ухватился за мешок и ну его тащить тайком да поосторожней, чтоб подменить его другим.

А токарь только этого и ждал; только хозяин хотел было мешок вытащить, токарь крикнул: «Дубинка, из мешка!». И как выскочит дубинка, да прямо на хозяина и здорово-таки намяла ему бока. Стал хозяин просить пощады, но чем громче кричал он, тем сильнее, да еще в такт, колотила дубинка его по спине, пока, наконец, не упал он без чувств наземь.

И сказал тогда токарь:

— Если ты не вернешь «столлик-накройся» и золотого осла, то дубинка начнет плясать снова.

— Ой, нет! — застонал еле слышно хозяин.— Я все охотно верну назад, скажи только своему домовому, чтобы он убрался опять в мешок.

И ответил ему подмастерье:

— Ладно, я тебя помилую, но смотри, берегись!

Он крикнул: «Дубинка, в мешок!» — и дубинка оставила хозяина в покое.

На другое утро отправился токарь со «столиком-накройся» и золотым ослом домой к своему отцу. Обрадовался портной, увидев снова своего сына, и спросил его тоже, чему он в чужих краях научился.

— Дорогой батюшка, — ответил тот, — я токарем сделался.

— Это тонкое ремесло, — сказал отец, — ну, а что же принес ты с собой из странствий?

— Дорогую вещьцу, милый батюшка, — ответил сын, — дубинку в мешке.

— Что? — закричал отец. — Дубинку? Стоило еще трудиться! Да ведь ее же можно из каждого дерева вытесать.

— Да, но, пожалуй, не такую, милый батюшка; стоит мне только сказать ей: «Дубинка, из мешка!», и вмиг выскочит она и заставит того, кто плохо со мной обращается, так заплясать, что на земле лежать будет да просить о пощаде. Вот видите, благодаря этой дубинке я вернул назад и столик и золотого осла, которых отнял вороватый хозяин гостиницы у моих братьев. Теперь позовите их обоих и пригласите всех родных, я всех досыта и угощу, и напою, и полные карманы им золотом набью.

Старик-портной не поверил было тому, однако ж созвал всю родню. Вот разостлал токарь в комнате платок, привел золотого осла и сказал своему брату:

— Ну, милый братец, поговори-ка с ним.

И сказал мельник: «Бриклебрит!» — и тотчас стали падать на платок дождем червонцы; и осел делал это до тех пор, пока у всех золота стало столько, что его еле можно было дотащить.

(А по тебе видать, что и ты не прочь был бы там побывать!)

Потом токарь принес столик и сказал:

— Ну, братец, поговори-ка ты с ним.

И только столяр вымолвил: «Столик, накройся!», — он уже и скатертью был покрыт, и весь богато уставлен самыми прекрасными блюдами. Тут начался пир, — и не было за всю жизнь у портного в доме такого обеда, и вся родня засиделась до самой поздней ночи, и все были веселы и довольны.

И запер портной в свой шкаф иглу и нитки, аршин и утюг и стал жить да поживать вместе со своими сыновьями в радости и в богатстве.

— Ну, а куда же девалась коза, что была причиной тому, что прогнал портной из дому своих сыновей?

— Это я тебе сейчас расскажу. Стыдно ей стало, что брятая у нее голова, вот и забежала она в лисью нору да там и спряталась. Вернулась лиса домой, видит — поблескивают в темноте ей навстречу два больших глаза, — испугалась она

и убежала. Встретился ей по дороге медведь, видит, что лиса в большом смущении, и спрашивает у нее:

— Что это с тобой, лисичка-сестричка, чего это у тебя такой испуганный вид?

— Ох,— отвечает рыжая,— страшный зверь засел у меня в норе и тарасит на меня огненные глазища.

— Да мы его враз выгоним,— говорит медведь, и пошел с ней к норе и заглянул туда; но, как увидел огненные глазища, тут страх на него и напал: что тут со страшным зверем подделаешь? И давай медведь из норы ходу. Тут повстречалась ему пчела; заметила она, что медведю как-то не по себе, и спрашивает:

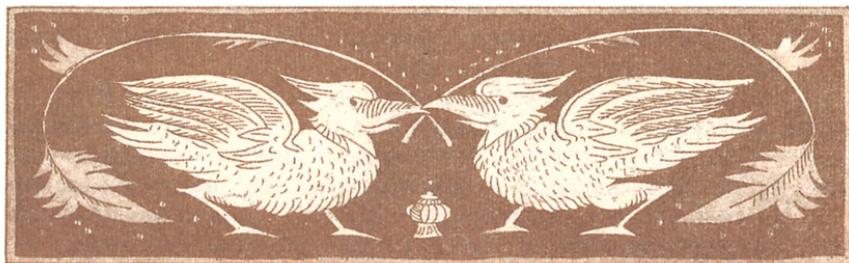
— Медведь, чего это у тебя вид такой мрачный, куда девалась твоя веселость?

— Тебе-то хорошо рассуждать,— ответил медведь,— а вот у лисы в доме засел страшный зверь, глаза выпучил, и выгнать его мы никак не в силах.

И сказала пчела:

— Жаль мне тебя, медведь; хоть я существо слабое и бедное и вы на меня и глядеть не хотите, но я все-таки могу вам помочь.

И она влетела в лисью нору, села козе на бритую голову и так больно ее ужалила, что та так и подпрыгнула, да как закричит: «Ме-ме!» и как угорелая выскочила оттуда. И никто до сих пор так и не знает, куда она забежала.

Мальчик-с-пальчик

Жил когда-то на свете крестьянин-бедняк. Сидел он раз вечером у печки и разгребал жар, а жена сидела и прядла. Вот и говорит он жене:

— Как жаль, что нет у нас детей. Уж так у нас тихо, а вон в других домах, погляди, как шумно да весело.

— Да, — ответила жена и вздохнула, — если бы был у нас хоть один, даже такой маленький, как мизинец, и то я была бы довольна. И как бы мы его любили!

И вот случилось, что жена забеременела и спустя семь месяцев родила ребенка, и был он здоровый и сложен хорошо, но ростом был всего с палец.

И они сказали:

— Вот так оно и случилось, как мы хотели: дитяtko наше мы будем любить, — и назвали его за его рост Мальчик-с-пальчик.

Они хорошо его кормили, но ребенок все не рос и не рос и оставался таким же, как и родился; но глаза были у него умные, и вскоре он показал себя понятливым и прилежным, и все, что он ни делал, ему удавалось.

Собрался раз крестьянин в лес дрова рубить и сказал про себя: «Хорошо, если б кто приехал за дровами с повозкой».

— Батюшка, — говорит Мальчик-с-пальчик, — повозку я привезу, уж ты на меня положишься, и доставлю ее в лес как раз вовремя.

— Да как же ты с этим делом управишься, ведь ты слишком мал, чтоб лошаdью править?

— Это, батюшка, ничего! Если мать запрjжет, то я заберусь лошади в ухо и буду кричать ей, куда ей следует ехать.

— Ладно, — ответил отец, — один раз, пожалуй, попробуем.

Пришло время, запрягла мать лошаdь и посадила Мальчика-с-пальчик лошади в ухо, и стал мальчонка покрикивать, куда ей ехать: «Но! но! Левой, правой!».

Все шло как следует, словно у опытного кучера, и повозка ехала верной дорожкой прямо в лес. И случилось, что на повороте, когда Мальчик-с-пальчик крикнул: «Левой, левой!», показались навстречу двое незнакомцев.

— Глянь, — сказал один из них, — что это такое? Едет повозка, возница на лошаdь покрикивает, а самого его не видеть.

— Тут что-то неспроста, — заметил другой, — давай-ка пойдём вслед за повозкой и посмотрим, где она остановится.

Но повозка все ехала дальше в глубь леса и прямехонько туда, где рубили деревья. Увидал Мальчик-с-пальчик отца и говорит ему:

— Вот, батюшка, я и приехал с повозкой. А теперь ты меня сними и спусти на землю.

Взял отец левой рукой лошаdь под уздцы, а правой достал из лошадиного уха своего сыночка, который и уселся весело на былинку.

Увидели двое незнакомцев Мальчика-с-пальчик и не знали, что и сказать им от удивленья. Отвел один другого в сторону и говорит:

— Послушай, этот малышка мог бы нам принести счастье, мы бы показывали его в большом городе за деньги, — давай-ка купим его.

Они подошли к крестьянину и говорят:

— Продай нам своего маленького человечка, ему у нас будет неплохо.

— Нет, — говорит крестьянин, — это мой любимец, и я ни за какое золото на свете его не продам.

Но Мальчик-с-пальчик услышал, что его покупают, взобрался по складкам платья к отцу на плечи и стал нашептывать ему на ухо:

— Батюшка, ты меня продай, а назад я уж к тебе вернусь.

И вот продал его отец за большие деньги двум незнакомцам.

— А куда тебя посадить? — спросили они малютку.

— Да уж посадите меня на поля вашей шляпы, там мне можно будет прогуливаться и рассматривать окрестности, я от туда не упаду.

Они исполнили его желание. Мальчик-с-пальчик попросился с отцом, и они двинулись в путь-дорогу.

Так шли они некоторое время, а тут стало уже смеркаться, вот и говорит малютка:

— Спустите меня вниз по надобности.

— Да оставайся там наверху, — сказал человек, на голове у которого он сидел, — это ничего, от птиц тоже иной раз попадает.

— Нет, — ответил Мальчик-с-пальчик, — я уж знаю, как надо себя вести, скорей спустите меня вниз.

Снял человек шляпу и посадил малютку на придорожное поле. Тут он прыгнул и стал пробираться между комьями земли, заметил мышиную норку и вдруг скользнул в нее.

— До свиданья, господа, до свиданья, ступайте себе домой без меня, — крикнул он им из норки и стал над ними смеяться.

Подбежали те к мышинной норе, стали тыкать в нее палками, но напрасно, — Мальчик-с-пальчик заползал все глубже и глубже, а становилось уже темно, и пришлось им воротиться домой с досадой да с пустою сумой.

Когда Мальчик-с-пальчик заметил, что они ушли, он выбрался из подземного хода наружу. «В потемках идти по полю, пожалуй, будет опасно, — сказал он, — чего доброго, шею или ногу себе сломаешь!» К счастью, попалась ему по дороге пустая раковина улитки. «Слава богу, — сказал он, — теперь я смогу провести ночь спокойно», — и забрался в раковину.

Только хотел он было уже уснуть, вдруг слышит — идут мимо два человека, и один из них говорит:

— Как бы это нам выкрасть у богатого пастора деньги и серебро?

— Я бы тебе сказал, как это сделать! — крикнул Мальчик-с-пальчик.

— Что это? — спросил испуганный вор. — Я слышу, кто-то говорит. — Они остановились и стали прислушиваться. Тогда Мальчик-с-пальчик снова сказал:

— Возьмите меня с собой, я вам помогу.

— А где же ты?

— А вы поищите меня на земле и слушайте, откуда голос идет, — ответил он.

Наконец воры отыскали его и подняли наверх.

— Ах ты, малышка, чем же ты нам можешь помочь? — сказали они.

— А вот чем, — ответил он: — я пролезу через решетку в кладовую пастора и достану вам то, что нужно.

— И то дело, — сказали они, — посмотрим, как ты с этим справишься.

Пришли они к дому пастора, и забрался Мальчик-с-пальчик в кладовую да как закричит оттуда во все горло:

— Вы все хотите забрать, что тут есть?

Испугались воры и сказали:

— Да ты говори потише, а то еще кто-нибудь проснется.

Но Мальчик-с-пальчик будто их не понял и как закричит опять во всю глотку:

— Вы что хотите: все забрать, что тут есть?

Услыхала это кухарка, — она спала в соседней комнате, — приподнялась на постели и стала прислушиваться. Но воры перепугались и со страху отбежали от дома, но потом приободрились и подумали: «Наш парнишка хочет нас, видно, подразнить». Они вернулись и шепнули ему:

— Ну, довольно баловаться, достань-ка нам что-нибудь из кладовой.

Но Мальчик-с-пальчик опять закричал, да так громко, как только мог:

— Да я вам все подам, вы только руки протяните!

А служанка прислушивалась и услышала все, что они говорили; тут соскочила она с постели и, спотыкаясь, подбежала к двери кладовой. Воры пустились наутек, точно за ними гнался волшебный стрелок, а служанка, никого не найдя, пошла за жечь свечу. Вошла она в кладовую, а Мальчик-с-пальчик тем временем незаметно пробрался в амбар.

Служанка, обшарив все углы, улеглась опять в постель, думая, что все это ей почудилось во сне. А Мальчик-с-пальчик забрался в сено и, найдя там укромное местечко для сна, решил отдохнуть до утра, а потом уж вернуться домой к отцу-матери.

Но суждено ему было испытать иное! Да, много случается на свете горя и несчастья...

Когда стало светать, служанка встала с постели, чтобы задать немного корму скотине. Пошла она на сеновал, взяла охапку сена, и случилось, что захватила она как раз клочок сена, в котором лежал и спал бедный Мальчик-с-пальчик. Но он спал так крепко, что ничего не заметил, и проснулся уже во рту у коровы, которая схватила его заодно с сеном.

«Ах, господи, — воскликнул он, — я точно на сукновальню попал!», но вскоре сообразил, где очутился. И он старался как-нибудь проскользнуть между зубами коровы, чтоб не оказаться раздавленным, и ему пришлось, наконец, сползти вниз, в желудок. «А в каморке-то окна прорубить, должно быть, позабыли, — сказал он, — вишь, и солнце в нее не светит, да и огня здесь не зажигают». Правду сказать, квартирка эта ему мало понравилась, и что было хуже всего — в дверь вползало все новое и новое сено, а места становилось меньше и меньше. И он вскрикнул от страха так громко, как только мог:

— Не надо мне больше свежего корму, не давайте мне больше свежего корму!

А служанка в это время как раз доила корову; она услышала, что кто-то кричит, а никого не видать, и показался ей голос похожим на тот, что слышала она ночью, и она так испугалась, что упала со скамейки и разлила все молоко. Побежала она, запыхавшись, к своему хозяину и говорит:

— Ах, боже мой, господин пастор, а корова-то наша загаворила!

— Ты что это, с ума спятила? — сказал пастор, однако же отправился в коровник — поглядеть, что там случилось. Но только вошел он туда, а Мальчик-с-пальчик как закричит снова:

— Не давайте мне больше свежего корму, не давайте мне больше свежего корму.

Тут и сам пастор испугался и подумал, что в корову вселился злой дух, и он велел ее зарезать. Зарезали корову, а желудок, где спрятался Мальчик-с-пальчик, бросили в навозную кучу.

Мальчику-с-пальчик пришлось с большим трудом выбираться из коровьего желудка, и немало ему пришлось повозиться; и вот он почти уже было выбрался и даже голову высунул, как приключилась новая беда: бежал мимо голодный волк, увидел требуху, схватил ее и проглотил. Но Мальчик-с-пальчик не растерялся. «Пожалуй, — подумал он, — с волком можно будет сговориться», — и он закричал ему из волчьего брюха:

— Милый волк, а я знаю для тебя лакомый кусок.

— А где ж он? — спросил волк.

— Да в том вон доме, но пробраться в него можно через сточную канаву; там найдется для тебя и пирогов, и сала,

и колбасы, всего, всего вдосталь.— И он подробно описал волку дом своего отца.

Волк, не долго раздумывая, забрался в дом через водосточную канаву и нажрался там в кладовой всего, чего только ни нашлось, вдоволь. Наевшись до отвала, он хотел было назад возвращаться, но брюхо у него так раздулось, что прежней дорогой он выбраться уже не мог! На это и рассчитывал Мальчик-с-пальчик и, подняв в волчьем брюхе страшный шум, стал кричать и барахтаться изо всех сил.

— Да замолчи ты там,— сказал волк,— а то, чего доброго, людей разбудишь!

— Да чего там,— ответил малютка,— ведь ты же наелся, дай и мне теперь повеселиться,— и стал снова кричать во все горло.

Тут от шума проснулись, наконец, отец с матерью, подбежали к кладовой и заглянули в щелку. Как увидели они, что забрался туда волк, кинулись прочь; схватил отец топор, а мать косу.

— Ты иди следом за мной,— сказал муж, когда они входили в кладовую,— когда я его ударю, а он будет еще живой, ты его добивай и брюхо косою вспарывай.

Услыхал Мальчик-с-пальчик голос своего отца и как закричит:

— Милый батюшка, я здесь, здесь, я спрятался в волчьем брюхе!

И воскликнул отец на радостях:

— Слава тебе, господи, дитятко наше нашлось!— и велел жене убрать косу, чтоб Мальчика-с-пальчик не поранить. Потом он размахнулся да как ударит волка топором по голове, тот и упал замертво. Нашли они нож и ножницы и вспороли волку брюхо и вытащили оттуда малышку.

— А мы-то,— говорит отец,— сколько горя натерпелись из-за тебя.

— Да, батюшка, немало я постранствовал, но, слава богу, снова выбрался на божий свет!

— Где же ты пропадал?

— Ах, батюшка, был я и в мышинной норке, и в коровьем желудке, и в волчьем брюхе, а теперь уж останусь у вас, никуда не уйду.

— А мы не продадим тебя ни за какие сокровища на свете,— сказали отец и мать и ласкали и миловали своего милого Мальчика-с-пальчик. Накормили его, напоили, пошили ему новое платье,— прежнее-то все в странствиях у него поистрепалось.

*Свадьба
госпожи Лисы*

Сказка первая

Жил-был старый Лис с девятью хвостами. И показалось ему, что жена ему не верна, и он решил ее испытать. Растянулся он под лавкой, лежит, ни

двинется, ни шелохнется, притворился, будто совсем мертвый.

Ушла госпожа Лиса в свою комнату, заперлась там, а кошка, что в служанках у нее жила, на шестке сидела и стряпала. И вот стало всюду известно, что старый Лис помер, и объявились тогда женихи. Услыхала служанка, что кто-то за дверью стоит и стучится; пошла она открывать, а был то молодой Лис, вот он и говорит:

Как поживаете вы, барышня кошка?
Вы все в трудах иль поживаете немножко?

Ответила кошка:

Я не сплю, я хозяйство сторожу,
А что делаю — скажу:
Хочешь, пива наварю, в него масла наложу,
Тебя в гости приглашу?

— Спасибо вам, барышня, — сказал Лис. — А что делает госпожа Лиса?

Ответила служанка:

Она в комнате сидит,
Все горюет да не спит.
Все повыплакала глазки,
Вспоминает Лиса ласки.

— А ты, барышня, ей скажи, что явился, мол, Лис молодой и на ней хотел бы жениться.

— Ладно, сударь молодой, я скажу.

Кошка прыгнула — туп-туп,
Двери стукнули — тук-тук.
— Госпожа Лиса, вы дома?
— Ах, конечно, дома, дома.
— Во дворе жених стоит.
— А каков же он на вид?

— А у него таких же девять красивых и пушистых хвостов, как и у покойного господина Лиса?

— Ах, нет, — ответила кошка, — у него один только хвост.

— Если так, то мне такого не надо.

Спустилась кошка-служанка вниз и прогнала жениха прочь. Вскоре после того кто-то опять постучался, и стоял то у дверей другой Лис, хотел посвататься за госпожу Лису, и было у него два хвоста; но и ему повезло не больше, чем первому. Потом приходили еще другие, и было у каждого из них на один хвост больше, но всем им было отказано, пока не явился, наконец, Лис с девятью хвостами, как и у старого господина Лиса. Услыхала это вдова и говорит на радостях кошке:

Настежь двери отворяйте,
Скорей Лиса убирайте!

Но только собрались праздновать свадьбу, как зашевелился старый Лис под лавкой и начал бить и колотить всех этих бродяжек и выгнал их всех заодно с госпожой Лисой из дому прочь.

Сказка вторая

Как только помер старый Лис, объявился вскоре женихом волк, постучался в дверь, а кошка, что жила у госпожи Лисы в служанках, и впустила его. Поздоровался с ней волк и говорит:

Кошка, здравствуйте! Скажите,
Вы чего одна сидите?
Что вы делаете тут?

А кошка отвечает:

В молоко бросаю крошки,
Угощу и вас немножко.

— Спасибо, госпожа кошка, — ответил волк, — а разве госпожи Лисы нет дома?

Кошка говорит:

Она в горнице сидит.
Все горюет да не спит,
Горько плачет, причитает
И все Лиса поминает.

И ответил волк:

Хочет мужа поважней,
Пусть спускается скорей.

Кошка прыг — и у дверей,
Машет хвостиком сильней,
Вот и к залу подошла.
Золотыми кольцами звенит:
— Госпожа Лиса, вы дома? — говорит, —
Коль хотите мужа поважней,
То спускайтесь поживей.

Госпожа Лиса спрашивает:

— А есть ли у этого господина красные штанишки,
и острая ли у него мордочка?

— Нет, — ответила кошка.

— Тогда мне такого не надо.

Только отказали волку, как явились пес, олень, заяц, медведь, лев, а потом за ними все прочие звери лесные. Но все не находилось такого, у которого были бы все добрые качества, которыми обладал старый господин Лис. И пришлось кошке каждый раз жениха выпроваживать.

Явился, наконец, молодой Лис. Вот госпожа Лиса и говорит:

— А есть ли у этого господина красные штанишки,
и острая ли у него мордочка?

— Да, — сказала кошка, — у этого есть.

— Пусть тогда ко мне подымается, — сказала госпожа Лиса и велела служанке готовить свадебный пир:

Убери мне дом скорей, миленькая кошка,
Лиса старого живей выбрось за окошко.
Ты мышей ловила сколько
И сама их поедала,
Мне небось-то не давала.

И начали они с молодым Лисом праздновать свадьбу; то-то было там плясок да веселья! И если они уже не отпировали, то, пожалуй, пляшут еще и сейчас.

Домовые

Сказка первая

Жил-был сапожник, да не по своей вине так обеднел, что остался у него напоследок всего только кожи кусок на пару башмаков. Вот выкроил он вечером башмаки, собираясь на другое утро их шить. Совесть у него была чиста; он лег спокойно в постель и, полагаясь на волю господню, уснул.

Утром, встав и помолившись, хотел он было за работу приняться, глядь — стоят у него на столе башмаки, совсем готовые. Удивился он и не знал, что ему и сказать на это. Взял он башмаки в руки, чтоб получше их разглядеть. Видит — сработаны они чисто, нет нигде ни единого шва неправильного, словно вышли они из-под руки мастера. А тут вскоре и покупатель явился. Башмаки ему очень понравились, и он заплатил за них больше, чем обычно, и сапожник мог на эти деньги купить кожи на целых две пары башмаков.

Вечером скроил он их, собираясь на другое утро со свежими силами приняться за работу, но делать ему этого не пришлось: встал он утром, а они стояли уже сшитые; и покупателей нашлось достаточно, и заплатили они ему так много денег, что он смог купить теперь кожи на целых четыре пары башмаков. А ранним утром нашел он все четыре пары уже сшитыми.

Так продолжалось все дальше — что ни выкроит он вечером, а к утру оно уж и готово, — так что в скором времени имел он свой честный заработок и, наконец, стал человеком зажиточным.

И вот как-то вечером, незадолго до рождества, выкроил он опять башмаки и, прежде чем ложиться спать, говорит жене:

— А что, если нам эту ночь остаться здесь да посмотреть, кто это нам такую помощь оказывает?

Жена с ним согласилась, и они зажгли свечку, а сами спрятались в углу — там, где висели платья, — и стали присматриваться.

Вот наступила полночь, и явились два маленьких красивых голых человечка. Сели они за сапожный столик, взяли заготовки и начали своими пальчиками так ловко да быстро работать шилом, шить да постукивать, что сапожник и глаз не мог отвести от удивленья.

И не бросили человечки своей работы до тех пор, пока все не было закончено и башмаки стояли готовые на столе; затем они спрыгнули и быстро исчезли.

Вот и говорит жена на другое утро:

— Эти маленькие человечки принесли нам богатство; надо будет отблагодарить их за это. Они все суетятся и бегают, а сами-то раздетые, разутые, пожалуй, им холодно. Знаешь что? Сошью-ка я им рубашечки, кафтаны, жилеты и штанишки да свяжу им по паре чулочек.

А муж ей и говорит:

— Что ж, я с тобой вполне согласен.

Когда все было сшито и приготовлено, разложили они на столе вместо заготовок подарки и спрятались снова, чтоб поглядеть, что станут делать человечки с теми подарками. Ровно в полночь прискакали они и хотели было приняться тотчас за работу, но, увидев, что заготовок нету, а лежат вместо них красивые платья, они сначала удивились, а потом очень обрадовались. Ловко и быстро оделись, справили на себе красивые одежды и запели:

Теперь нам, красавчикам-мальчикам, можно
И не возиться с дратвой сапожной!

И начали прыгать, плясать и скакать через стулья и скамьи. Наконец, танцую, подошли они к дверям и исчезли.

С той поры они больше уже не являлись, но дела сапожника пошли хорошо; и что бы он ни начинал делать, была ему во всем целую жизнь удача.

Сказка вторая

Жила-была на свете бедная девушка-работница. Была она к работе усердная, прилежная да внимательная: каждый день комнату в доме убирала и сор у дверей в большую кучу складывала.

Однажды утром, только собралась она опять за работу приняться, видит — лежит у двери письмо, но прочесть она его никак не могла; поставила она метлу в угол, а письмо отнесла своим хозяевам, и было в том письме приглашение от домашних: они просили девушку крестить у них ребенка. Девушка не знала, как ей поступить; наконец после долгих уговоров и после того, как хозяева ей сказали, что от подобного приглашения отказываться ей не следует, она согласилась.

И вот явилось трое домовых и повели ее внутрь горы, где жили эти человечки. Все было там маленьким, но таким красивым, таким великолепным, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Роженица лежала в кровати, сделанной из черного дерева и украшенной резьбой и жемчугами; одеяло было золотом вышито, колыбель из слоновой кости, а купель вся из чистого золота.

Стала девушка у них кумой, ну, а затем и домой идти собралась, а маленькие домовые стали настойчиво ее просить еще дня на три у них остаться. Она осталась и прожила это время в радости и довольстве, и старались маленькие человечки сделать ей все приятное. Наконец собралась она домой, но перед тем как ей уйти, насыпали они ей золота полные карманы и вывели ее опять на гору.

Пришла она домой, хотела за работу приняться, взяла в руки метлу, что так и стояла с той поры в углу, и начала было подметать комнату. И вдруг явились чужие люди — жили они в этом доме — и стали ее спрашивать, кто она такая и что она тут делает. И оказалось, что пробыла она у маленьких человечков в горе вовсе не три дня, а целых семь лет, а за это время прежние ее хозяева умерли.

Сказка третья

Выкрали раз у одной матери домовые из колыбели ребенка, а вместо него подложили оборотня с большой головой да пучеглазого, и знал он только одно — есть да пить.

И пошла она по случаю такой беды за советом к соседке. А соседка говорит, что оборотня следует отнести на кухню, посадить на печь, развести огонь и вскипятить воду в двух яичных скорлупах; вот оборотень и засмеется, а как засмеется, то тут ему и конец придет. Женщина сделала все так, как сказала ей соседка. Поставила она на огонь яичные скорлупы с водой; ну, тут-то головастый уродец и заговорил:

Стал я старый такой,
Как гора Вестервальд, и седой,
Но не видел я никогда,
В скорлупе чтоб кипела вода.

И начал тут хохотать. И явилось тогда множество маленьких домовых, принесли они опять настоящего ребенка, посадили его на печь, а оборотня с собой взяли.

Разбойник-жених

Жил-был когда-то мельник,
и была у него красавица-дочь.

Вот выросла она, и захотелось отцу пристроить ее и выдать поудачнее замуж, и он подумал: «Если явится порядочный жених и станет к ней свататься, я выдам ее за него замуж».

Вскоре явился жених; казалось, был он очень богат, и так как мельнику придаться было тут не к чему, то и пообещал он ему свою дочь. А девушка любила его не так, как должна любить невеста своего жениха, и не было у нее к нему никакой приязни: поглядит она на него или о нем подумает, и почувствует какой-то страх в своем сердце.

Вот раз он ей и говорит:

— Ты вот — моя невеста, а ни разу даже ко мне в гости не пришла.

А девушка отвечает:

— Да я не знаю, где находится ваш дом.

Говорит ей тогда жених:

— Дом мой вон там, в темном лесу.

Стала она отговариваться, что дороги, мол, ей туда не найти. А жених говорит:

— В следующее воскресенье ты должна ко мне прийти, я уже и гостей пригласил; а чтоб тебе найти дорогу в лесу, я золы тебе по пути насыплю.

Вот наступило воскресенье, надо было девушке собираться в путь-дорогу, и сделалось ей так страшно, она не могла понять почему, и чтоб отметить дорогу, она насыпала полные карманы гороху и чечевицы. Шла она почти весь день напролет, пока не зашла в самую гущину, где было темным-темно, и стоял там единственный дом. Он ей не понравился, так выглядел он сумрачно и неуютно. Она вошла в дом, но там никого не оказалось, и было там тихо-тихо.

Вдруг послышался голос:

Осмотришь-ка ты, невеста,
Не в разбойном ли ты месте?

Огляделась девушка и увидела, что это голос птицы, сидевшей в клетке на стене. И еще раз повторила птица:

Осмотришь-ка ты, невеста,
Не в разбойном ли ты месте?

Прошла тогда красавица-невеста дальше из одной комнаты в другую, и так обошла весь дом, но всюду было пусто, ни единой человеческой души. Наконец спустилась она в погреб, видит — сидит там такая старая старуха да головой качает.

— Не можете ли вы мне сказать, — молвила девушка, — не здесь ли живет мой жених?

— Ах, бедняжка, — ответила старуха, — куда ты попала! Ведь ты в разбойничьем притоне. Ты думаешь, что ты невеста и скоро свадьбу справлять будешь, но придется тебе праздновать свадьбу со смертью. Вон, видишь, большой котел с водой, мне придется поставить его на огонь, когда они тебя схватят и порубят безжалостно на куски, а потом тебя сварят и съедят; ведь они людоеды. Если я тебя не пожалею и не спасу, то придется тебе пропадать.

Отвела ее затем старуха и спрятала за большую бочку, где ее никто не мог заметить.

— Сиди смирно, как мышка в норе, — сказала старуха, — не двигайся, не шелохнись, а не то пропадешь. А ночью, когда разбойники уснут, мы с тобой убежим; я давно уже жду удобного случая.

Только они обо всем условились, как вернулась домой разбойничья злая шайка. Притащили разбойники с собой какую-то девушку; они были пьяные и не обратили внимания на ее вопли и крики. Дали они ей выпить три полных стакана вина: один стакан белого, другой красного, а третий стакан янтарного, и у нее от этого напитка разорвалось сердце. Потом сорвали они с нее красивое платье, положили ее на стол, порубили на куски ее красивое тело и посыпали его солью.

Бедная невеста, сидя за бочкой, вся так и дрожала, она поняла, какую судьбу ей готовят разбойники. Заметил один из разбойников на мизинце убитой девушки золотое кольцо, но снять его сразу не смог, тогда он схватил топор и отрубил ей палец; но подскочил палец вверх, как раз над самой бочкой и — упал невесте на колени.

Взяли разбойники свечу, начали искать палец, но найти его не могли. Вот и говорит один из разбойников:

— А ты за бочкой искал?

Тут старуха как крикнет:

— Ступайте скорей кушать, поищите завтра утром; палец от вас не убежит.

— Верно говорит старуха,— сказали разбойники, бросили поиски и уселись за еду; а старуха подсыпала им в вино сонного зелья, и они улеглись все спать в погребе, уснули и захрапели.

Услыхала это невеста и выбралась из-за бочки; но пришлось ей шагать через спящих,— они лежали все на земле вповалку, и страшно ей было, чтоб кого-нибудь из них не разбудить. Но господь бог помог ей счастливо пробраться; вышла с ней вместе и старуха, отворила двери, и бросились они бежать во весь дух из разбойничьего притона. Но ветер развеял рассыпанную по дороге золу, а горох и чечевица пустили ростки и взошли и указывали при лунном сиянье им дорогу. Шли они целую ночь и пришли под утро к мельнице. И рассказала девушка своему отцу все, что случилось.

Вот наступил день, когда надо было праздновать свадьбу, и явился жених, а мельник созвал в гости всех своих родичей и знакомых. Уселись гости за стол, и было предложено каждому что-нибудь рассказать. Невеста сидела тихая и молчаливая. Вот жених и говорит невесте:

— Ну, моя душенька, разве ты ничего не знаешь? Рассказала бы и ты нам что-нибудь.

Она ответила:

— Ну, так вот, расскажу я вам сон. Иду я будто одна через лес, иду, подхожу, наконец, к дому, а в нем ни единой живой души, висит на стене клетка с птицей, и говорит птица:

Осмотришь-ка ты, невеста,
Не в разбойном ли ты месте?

И повторила птица это еще раз. Да это, мой милый, мне только снилось. Пошла я тогда по всем комнатам, все они были пустые, и уж так там было бесприютно!.. Вот спустилась я, наконец, в погреб, и сидела там старая-престарая женщина и головой качала. Спрашиваю я: «Не в этом ли доме живет мой жених?» А она отвечает: «Ах, бедняжка, да ведь ты в разбойный притон попала! Жених твой живет здесь, но он собирается тебя на куски порубить, а потом сварить да съесть». Милый мой, да это мне только приснилось. И спрятала меня старуха за большой бочкой, и только я там притаилась, как явились домой разбойники, притащили с собой какую-то девушку, дали ей выпить тройного вина — белого, красного и янтарного, и разорвалось у ней сердце. Милый мой, ведь это мне только

снилось. Потом сорвали они с нее красивое платье, положили на стол, порубили на куски ее красивое тело и посыпали его солью. Милый мой, это мне только приснилось. И увидел один из разбойников, что на мизинце у ней золотое кольцо, а трудно было его с пальца стащить, взял он тогда топор и отрубил палец; но подскочил палец вверх, упал за большую бочку и попал как раз мне на колени. Вот он, этот палец с кольцом.

Сказала она это, вытащила его и показала гостям.

Как полотно побледнел при этом рассказе разбойник, вскочил из-за стола и собрался было бежать, но гости его схватили и привели на суд. И присудили его казнить, а с ним и его шайку за их разбойные дела.

Господин Корбес

Жили-были петушок да курочка. И вот решили они попутиться в странствие. Построил петушок красивый возок, было у него четыре красных колеса, и запряг он в него четырех мышек.

Уселись петушок с курочкой в возок и поехали. Вскоре повстречали они по дороге кошку, а та их спрашивает:

— Куда это вы путь держите?

Петушок ей отвечает:

Едем мы во весь опор
Прямо к Корбесу во двор.

— Возьмите и меня с собой, — говорит кошка.

Отвечает петушок:

— Что ж, пожалуй, полезай на задок, — а сядешь на передок, чего доброго, свалишься.

Да смотри, чтобы кареты
Не запачкать мне при этом.
Ну, колесики, стучите,
Звонче, мышки, затрубите,
Едем мы во весь опор
Прямо к Корбесу во двор!

Потом повстречался им на пути мельничный жернов, а затем яйцо, а за ним утка, а за нею булавка и, наконец, игла,— и все они уселись в возок и поехали вместе.

Подъехали они к дому господина Корбеса, но его самого дома не застали. Мышки втащили возок в сарай, петушок с курочкой взлетели на насест, кошка взобралась на печку, утка на колодезный сруб, яйцо закуталось в полотенце, булавка воткнулась в подушку на кресле, игла прыгнула на кровать, в самое изголовье, а мельничный жернов взобрался на дверь.

Вернулся домой господин Корбес, подходит к печке, чтоб огонь развести, а кошка взяла и все лицо засыпала ему золой. Побежал он поскорей, чтоб умыться, а утка все лицо ему обрызгала. Взялся он за полотенце, чтоб утереться, а яйцо выкатилось, разбилось и залепило ему глаза. Захотелось ему отдохнуть, а булавка взяла да уколола его. Тут рассердился он и бросился в постель. Но только положил голову на подушку, а там игла его уколола. Как вскочит он, как вскрикнет, как разъярится — и ну бежать из дому. Подбежал он к двери, а мельничный жернов спрыгнул вниз — и убил его.

И злой же, видно, человек был этот господин Корбес.

Кум

Было у одного бедняка столько детей, что наприглашал он уже в кумовья весь свет, и когда у него родился еще один ребенок, то не осталось никого, кого бы он мог в кумовья пригласить. И не знал он, как ему теперь быть, — лег с горя и уснул.

И приснилось ему, будто должен он стать у ворот и позвать в кумовья первого встречного.

Проснулся он и решил сделать, как было во сне указано. Вышел за ворота и позвал первого встречного в кумовья. И подарил ему этот первый встречный бутылочку с водой и сказал:

— Это вода волшебная, ею ты можешь лечить больных, только смотри, где смерть стоит: если стоит она у изголовья, дай больному этой воды, и он выздоровеет; а если стоит смерть у его ног, то все старанья твои будут напрасны, все равно он померет.

И мог с той поры бедняк всякий раз определить, можно ли спасти больного, или нет, и стал своим искусством он знаменит и зарабатывал немало денег.

Позвали его раз к ребенку короля. Входит бедняк и видит — стоит смерть у изголовья, и вылечил он ребенка водой. Случилось то же самое и во второй раз, а на третий раз стояла смерть у ног, и должен был ребенок помереть.

Вот захотелось бедняку побывать в гостях у своего кума и рассказать ему, как идет у него дело с волшебной водой. Входит он в дом, а там странные дела в хозяйстве. На первом этаже ссорятся между собой заступ и метла и лупят друг друга. Он спрашивает у них:

— А где живет господин кум?

Метла отвечает:

— Этажом выше.

Подымается он на второй этаж, видит — лежит там множество мертвых пальцев. Спрашивает он:

— Здесь ли живет господин кум?

А один из пальцев указывает:

— Этажом повыше.

И лежит на третьем этаже куча мертвых голов, и указывают они ему опять этажом выше. На четвертом этаже видит он — стоят на плите рыбы, шипят на сковородке и сами жарятся. И они ответили то же самое:

— Этажом выше.

Поднялся он на пятый этаж, подошел к комнате, заглянул сквозь замочную скважину и увидел своего кума, а на голове у него два длинных рога. Открыл бедняк дверь, вошел, а кум лег поскорей в постель и одеялом укрылся. Вот бедняк и говорит:

— Куманек, что это у вас такой странный беспорядок в доме? Вскожу я на первый этаж — заступ с метлой спорят и дерутся между собой вовсю.

— Какой вы, однако, простак, — сказал кум, — да ведь это ж были работник с работницей, они беседовали между собой.

— А на втором этаже, я видел, мертвые пальцы лежали.

— Э, какой же вы глупый! Да ведь это были корни ужовника.

— На третьем этаже, я видел, мертвые головы лежали.

— Дурень же вы, однако, да ведь это были кочаны капусты.

— Видел я на четвертом этаже рыб на сковороде, они шипели и сами жарились.

Только он это вымолвил, как явились рыбы, они сами себя несли.

— А когда взошел я на пятый этаж да глянул в замочную скважину, увидел я вас, куманек, и были на вас длинные-предлинные рога.

— Э, уж это неправда.

Испугался бедняк и давай оттуда бежать, а не то, почем знать, что господин куманек бы с ним сделал.

Смерть в кумовьях

Было у одного бедняка двенадцать душ детей, и должен он был день и ночь работать, чтоб на хлеб заработать.

Вот родился на свет тринадцатый ребенок, и не знал бедняк, как из беды выбраться; вышел он на большую дорогу, чтоб первого встречного пригласить в кумовья. И первый, кто встретился ему, был господь бог: он знал, что у бедняка на сердце, и сказал ему:

— Бедный человек, мне тебя жалко, я готов быть крестным отцом твоего ребенка, я буду о нем заботиться и сделаю его на земле счастливым.

Говорит бедняк:

— А ты кто такой?

— Я — господь бог.

— В таком случае я тебя в кумовья не хочу, — сказал бедняк, — ты все отдаешь богачам, а нас, бедняков, голодать заставляешь. — И отвернулся бедняк от господа бога и отправился дальше.

Тут подошел к нему черт и говорит:

— Чего ты ищешь? Ежели хочешь взять меня в крестные твоего ребенка, то я дам ему золота вдосталь да к тому ж предоставлю всякие удовольствия на свете.

Спросил человек:

— А кто ты такой?

— Я — черт.

— В таком случае я тебя в кумовья не желаю, — сказал человек, — ты обманываешь и вводишь людей в соблазн.

Отправился бедняк дальше. И подходит к нему костлявая смерть на худых ногах и говорит:

— Возьми меня в кумовья.

Спросил человек:

— Ты кто такая?

— Я смерть, я делаю всех равными.

Говорит человек.

— Ты справедливая, ты уносишь и богача и бедняка без различья, будь у меня кумой.

Ответила смерть:

— Я сделаю твое дитя богатым и знатным, ибо кто со мной подружится, у того ни в чем недостатка не будет.

Сказал человек:

— В следующее воскресенье будем справлять крестины, приходи в этот день.

Явилась смерть, как и обещала, и оказалась настоящей кумой, как полагается.

Вот мальчик вырос, пришла к нему раз крестная и велела ему следовать за собой. Повела его в лес, показала ему какую-то траву, которая там росла, и сказала:

— А теперь ты должен получить от своей крестной подарок. Я сделаю тебя знаменитым лекарем. Если тебя позовут к больному, я буду каждый раз тоже являться; если я буду стоять у изголовья больного, ты можешь смело объявить, что ты его вылечишь; дай ему этой травы, и он выздоровеет. Но если я буду стоять у ног больного, то значит — он мой, и ты должен сказать, что всякая помощь бесполезна и что ни один лекарь на свете спасти больного не сможет. Но бойся пользоваться этим зельем против моей воли, а не то плохо тебе придется.

В скором времени сделался юноша самым знаменитым лекарем во всем свете. «Стоит ему только глянуть на больного, и он уже знает, как обстоит дело, выздоровеет ли больной

или помрет» — так говорили о юноше, и отовсюду приходили к нему люди, звали его к больным и платили ему денег столько, что вскоре он сделался богачом.

Вот случилось однажды, что заболел король. Позвали этого лекаря, он должен был сказать, сможет ли король выздороветь.

Подошел лекарь к постели, видит — стоит смерть у ног больного, и никакая трава помочь тут не сможет. «Если бы я мог хоть раз перехитрить смерть! — подумал лекарь. — Но она, конечно, обидится; правда, я ее крестник, и она могла бы сделать вид, будто ничего не заметила. Давай-ка попробую».

Взял он больного, положил его задом наперед, — и стояла теперь смерть у изголовья больного. Дал ему лекарь зелья, и король стал опять здоровым.

Но смерть пришла к лекарю, злобно и хмуро на него поглядела, погрозила ему пальцем и сказала:

— Ты меня обманул. На этот раз я тебя прощаю, потому что ты мой крестник, но если ты осмелишься еще раз меня обмануть, я схвачу тебя самого и заберу на тот свет.

Прошло некоторое время, и вдруг заболела дочь короля тяжкой болезнью. А она была у него единственное дитя, и он плакал день и ночь и уже повыплакал все глаза. И король объявил, что тот, кто спасет его дочь от смерти, станет ее мужем и наследует корону.

Подошел лекарь к постели больной и увидел смерть у ее ног. Ему следовало бы не забывать предостережения его крестной, но чудесная красота королевы и счастье сделаться ее мужем так его ослепили, что он обо всем позабыл. Он не обратил вниманья на то, что смерть гневно на него глядела, подняла руку и грозила ему своим костлявым кулаком; он все-таки поднял королеву и переложил ее голову туда, где прежде лежали ноги. Потом дал он ей зелья, и вмиг у королевы порозовели щеки, и она стала выздоравливать.

Обманул лекарь смерть второй раз, и она подошла к нему большими шагами и сказала:

— Теперь с тобой все покончено, подошел твой черед.

И она схватила его своей ледяной рукой так крепко, что вырваться он не мог, и повела его в подземную пещеру. Он увидел там тысячи тысяч свечей, горящих необозримыми рядами. Одни из них были большие, другие средней величины, а были и совсем маленькие. Каждый миг одни гасли, а другие зажигались, и казалось, что огоньки все время меняют место и скачут то туда, то сюда.

— Видишь, — сказала смерть, — это людские свечи жизни. Большие — это свечи детей, средние — семейных людей в их лучшие годы, а маленькие — стариков. Но часто и у детей и у людей молодых бывают только маленькие свечечки.

— Покажи мне мою свечу жизни,— сказал лекарь, думая, что она у него еще достаточно большая.

И указала смерть на маленький-маленький огарочек, который вот-вот готов был погаснуть, и сказала:

— Видишь, вот это твой.

— Ах, милая крестная,— сказал испуганный лекарь,— сделайте милость, зажгите мне новую, чтобы мог я насладиться жизнью, чтобы сделался я королем и мужем прекрасной королевы.

— Не могу,— молвила смерть,— прежде чем загореться новой, одна свеча должна погаснуть.

— Так поставьте мою старую свечку на новую, и она будет продолжать гореть, когда догорит старая,— упрашивал лекарь.

Притворилась смерть, будто хочет исполнить его желание, принесла новую, большую свечу; но она хотела ему отомстить и, когда ставила новую свечу, уронила будто невзначай огарок, и он погас. И тотчас лекарь упал наземь и попал теперь сам в руки к смерти.

*Странствия
Мальчика-с-пальчик*

Был у одного портного сын; родился он маленьким, ростом не больше, как с палец,— потому и прозвали его Мальчик-с-пальчик. Но был он отважный, и вот однажды говорит он отцу:

— Пойду я, батюшка, странствовать по белу свету.

— Ладно, сынок,— сказал ему старик-отец, взял длинную

штопальную иглу и сделал на огне головку из сургуча, — вот тебе и шпага на дорогу будет.

Захотелось маленькому портняжке еще разок пообедать с домашними; прыгнул он в кухню, чтоб поглядеть, что матушка состряпала напоследок. Но кушанье начали только готовить, и миска стояла еще на печи. Вот он и спрашивает:

— Матушка, что будет нынче у нас на обед?

— А вот сам погляди, — ответила мать.

Прыгнул Мальчик-с-пальчик на печь и стал заглядывать в миску. Но он слишком нагнулся, и пар от варившейся пищи подхватил его и унес в дымовую трубу. И носился он вместе с паром по воздуху, но, наконец, опустился на землю. И занесло портняжку в далекие-далекие края.

Стал он бродить по свету и поступил на работу к одному мастеру, но тот его плохо кормил.

— Хозяйка, — говорит Мальчик-с-пальчик, — если вы мне не дадите лучшей пищи, я уйду от вас и завтра же утром напишу мелом на ваших дверях:

Картофеля много, а мяса-то мало,
Прощай же, картофельный царь неудачный.

— Что это ты, пострел, надумал? — крикнула в сердцах хозяйка и как схватит тряпку, чтоб ударить Мальчика-с-пальчик, но тут мой портняжка живо спрятался под наперсток и стал оттуда выглядывать да язык хозяйке показывать. А та подняла наперсток, чтобы поймать Мальчика-с-пальчик; а он — прыг в кучу тряпья и был таков. Раскидала хозяйка тряпье, стала его искать, а он тем временем забрался в щель стола.

— Хе-хе, госпожа хозяйка! — закричал он, высунув голову.

Хозяйка замахнулась было, чтоб ударить его по голове, а он — прыг в ящик стола и был таков. Но, наконец, она его все-таки поймала и прогнала со двора.

Отправился портняжка в путь-дорогу и попал в дремучий лес; повстречал он там ватагу разбойников; они собирались обокрасть королевскую казну. Увидели они портняжку и подумали: «Такой мальчонка и сквозь замочную скважину пролезет, — он нам пригодится вместо отмычки».

— Эй ты, великан Голиаф, — крикнул один из разбойников, — хочешь пробраться с нами вместе в королевскую кладовую? Ты сможешь туда залезть и выбросить нам деньги.

Мальчик-с-пальчик подумал и говорит:

— Что ж, я согласен, — и они пошли вместе к королевскому казначейству.

Пришли они. Осмотрел он дверь сверху донизу, нет ли где какой щели. И нашел он вскоре щелку, была она для него достаточно широка; но только он собрался залезть в эту щель,

как заметил его один из стоявших у двери стражей и говорит другим:

— Что это за чудовищный паучище ползет там? Разда-влю-ка я его.

— Да пускай себе ползет,— ответил другой страж,— вре-да-то он тебе не делает.

И вот Мальчик-с-пальчик пролез счастливо сквозь щелку в кладовую, открыл окно,— а под окном стояли уже разбойни-ки,— и стал выбрасывать им талер за талером.

Работа была в самом разгаре, и вдруг услышал портняжка, что идет король, который вздумал осмотреть свою сокровищ-ницу. Мальчик-с-пальчик быстро спрятался.

Но король заметил, что многих талеров не хватает, и ни-как не мог понять, кто же это их украл,— ведь замки и засовы были заперты, и все было как будто в порядке и под надежной охраной. И сказал, уходя, король двум стражам:

— Вы караульте повнимательней, тут кто-то деньги украсть собирается.

Только Мальчик-с-пальчик принялся снова за работу, услы-хали стражи, что в кладовой позвякивают деньги: звяк-звяк-звяк. Бросились они в кладовую, чтобы вора поймать. А портняжка услышал, что они идут, и еще того бы-стрей — прыг в угол и накрылся талером, и его не видно отту-да, да еще стал поддразнивать стражу: «А я здесь!» Кинулась стража к нему, а он — шмыг в другой угол, спрятался под тале-ром и кричит: «Эй, а я здесь!». Бросилась стража к нему, а Мальчик-с-пальчик уже в третьем углу, кричит им оттуда: «Эй, здесь я!».

И так дурачил он их и гонял по всей кладовой; устали стражи и ушли. А он выбросил все талеры один за другим в окошко, а последний швырнул изо всей силы, а сам в это вре-мя вспрыгнул на него и вылетел вместе с ним в окно.

Стали тут разбойники его хвалить да расхваливать:

— Да ты, что и говорить, настоящий герой! Хочешь стать нашим атаманом?

Мальчик-с-пальчик поблагодарил их и сказал:

— Я сначала хочу по свету побродить да на мир поглядеть.

Поделили они между собой добычу, и взял себе портняж-ка один только крейцер,— бóльшую монету нести ему было не под силу.

Повесил он свою шпагу через плечо, распрощался с раз-бойниками и отправился в путь-дорогу.

Поступал он на работу к разным мастерам, но работа ему была не по вкусу; наконец нанялся он работником в харчевню. Но невзлюбили его служанки за то, что они не видят его, а он видит все, что они тайком делают, и обо всем рассказывает хо-зяевам — как крадут они с тарелок да из погребов тащат.

— Ну, погоди ты! Уж мы тебя отблагодарим! — И они сговорились между собой сыграть с ним злую шутку.

Спустя некоторое время пошла одна из служанок косить в саду траву; заметила она, как Мальчик-с-пальчик прыгает, словно кузнечик, с кустика на кустик перепрыгивает и лазит по стеблям трав, и вот скосила она его заодно с травой, бросила в мешок и подложила незаметно коровам. И была среди коров одна большая и черная, и она проглотила его вместе с травой, не причинив ему никакого вреда.

Но в коровьем желудке ему не понравилось: было там темным-темно, и даже не было свечки. Стали доить корову, а он как закричит:

Дзиль, дзиль о дно,
Скоро ль ведрышко полно?

Но его слов из-за шума разобрать было нельзя. Вскоре пришел в коровник сам хозяин и говорит:

— Завтра надо будет эту корову зарезать.

Услыхал это Мальчик-с-пальчик, испугался да как завопит тоненьким голоском:

— Сначала выпустите меня, ведь я в ней сижу!

Услыхал это хозяин, но не понял, откуда этот голос идет.

— Где ты? — спрашивает он.

— Да в черной корове, — ответил Мальчик-с-пальчик; но хозяин не понял, что он сказал, и ушел.

На другое утро корову зарезали. Но, к счастью, когда и рубили и разрезали мясо, Мальчик-с-пальчик под нож не попал, а очутился в вырезке, которую оставили для колбасы.

Пришел мясник и принялся за работу; вдруг слышит он, кто-то орет во всю глотку:

— Не рубите так сильно, не рубите, пожалуйста, ведь я здесь!

Но из-за стука ножей его никто не понял. И вот пришла беда для бедного Мальчика-с-пальчик; но в беде человек хитер — и он прыгал между ножей, и ни один из них его не задел, и он живехонек вылез оттуда. Но беды избежать ему все-таки не удалось: ничего нельзя было придумать — его сунули заодно с начинкой в кровяную колбасу. Да, квартирка оказалась, что и говорить, несколько тесноватая, и к тому же его подвесили в печную трубу коптиться, а время шло так медленно!

Наконец зимой колбасу сняли, и вздумал хозяин попотчевать ею гостя. Вот стала хозяйка резать ее на куски, но был Мальчик-с-пальчик осторожен, голову не слишком высовывал, чтоб не обрезали ее по самую шею. Наконец он придумал, что ему делать: понатужился и — выпрыгнул наружу.

В доме, где ему так плохо пришлось, оставаться ему больше не хотелось, и он отправился опять странствовать. Но недолго пришлось ему наслаждаться свободой. Повстречал он в поле Лису, и тот его вмиг проглотил.

— Ах, Лис, мой Лис, — закричал Мальчик-с-пальчик, — да ведь я у тебя в горле застрял, отпусти меня на волю!

— Хорошо, — ответил ему Лис, — какая мне с тебя польза? Если пообещаешь отдать мне всех кур, что во дворе у твоего отца, тогда я отпущу тебя на волю.

— Ладно, — ответил ему Мальчик-с-пальчик, — кур ты уж всех получишь, это я тебе обещаю.

И выпустил его Лис и отнес его сам домой. Как увидел отец своего милого сыночка, отдал на радостях Лису всех кур.

— А я вот принес тебе за это красивую денежку! — сказал Мальчик-с-пальчик и отдал ему крейцер, который он заработал во время странствий.

«А за что же Лис бедных кур на обед получил?» — Эх, дурень ты, дурень, ведь отцу-то родное дитячко дороже, чем все куры во дворе.

Чудо-птица

Жил-был однажды на свете колдун; обернулся он нищим и стал ходить по домам и милостыню просить и хватал красивых девушек. И никто не знал, куда он их уносит, так как с той поры их никто больше нигде не видел.

Вот подошел он раз к дому одного человека, у которого было три красивых дочери; а был у колдуна вид бедного, дрях-

лого старца, и висела у него за плечами сума, будто для сбора подаяний. Попросил он дать ему немного поесть. Вышла из дома к нему старшая дочь и хотела подать ему кусок хлеба, но только он к ней прикоснулся, как тотчас пришлось девушке прыгнуть к нему в суму. Потом он ушел оттуда быстрыми шагами и отнес ее в темный лес, в свой дом, а стоял он в самой гущине леса. В том доме было все убрано очень красиво; и дал ей колдун все, что только она пожелала, и сказал:

— Моя любушка, тебе у меня понравится, все у тебя будет, чего только душа твоя пожелает.

Так продолжалось несколько дней, и вот однажды он ей говорит:

— Мне надо будет из дому отлучиться и оставить тебя на короткое время одну; на тебе ключи от дома, и можешь всюду ходить и все рассматривать, только не смей заходить в одну из комнат, открыть ее можно вот этим маленьким ключиком; делать это я тебе запрещаю под страхом смертной казни.

Дал он ей еще яйцо и сказал:

— Это яйцо береги как следует, а лучше всего носи его всегда при себе; если оно пропадет, то случится из-за этого большое несчастье.

Взяла она ключи и яйцо и обещала выполнить все как следует. Когда он ушел, стала она бродить по дому, обошла его весь снизу и доверху и осмотрела все; комнаты сияли серебром и золотом, и ей казалось, что ни разу в жизни не видела она подобной красоты. Наконец она подошла к запретной двери, хотела было мимо нее пройти, но любопытство не давало ей покоя. Она осмотрела ключик, а был он похож на все остальные, вставила его в замочную скважину, слегка повернула — и вдруг дверь отворилась.

Но что же увидела она, войдя в комнату?

Стояло там посередине большое окровавленное корыто, и лежали в нем изрубленные люди; поодаль стояла плаха, и лежал на ней блестящий топор. Она так сильно испугалась, что яйцо выскочило у нее из рук. Она подняла его и стала стирать с него кровь, но напрасно она старалась, — кровь тотчас опять появлялась на яйце; терла она его, вытирала, но ничего из этого не вышло.

А вскоре воротился домой из своих странствий колдун, и первое, что он потребовал, были ключик и яйцо. Она подала их ему, но при этом дрожала, и увидел колдун тотчас по красному пятну, что она была в кровавой комнате.

— Если ты входила против моей воли в ту комнату, — сказал он, — то должна будешь теперь против своей воли опять вернуться туда. Твоей жизни пришел конец!

Он бросил ее наземь и потащил туда за волосы; отрубил ей на плахе голову, всю ее изрубил на куски, — и потекла кровь по полу. Кинул он ее потом в корыто, туда, где лежали и остальные.

— А теперь надо будет мне притащить и другую, — сказал колдун и, обернувшись нищим, стал опять ходить по домам и просить милостыню.

И подала ему вторая сестра кусок хлеба, он поймал ее, как и первую, лишь только к ней прикоснулся, — и унес ее с собой. Пришлось ей не лучше, чем ее сестре, — ее тоже погубило любопытство. Открыла она кровавую комнату, заглянула туда и поплатилась за это жизнью.

А колдун отправился снова и принес третью сестру, но та оказалась умной и хитрой. Дал он ей ключик и яйцо, а сам ушел из дому. Но она сначала бережно спрятала яйцо, а потом осмотрела весь дом и, наконец, вошла в запретную комнату, и — ах! — что же она увидела! Обе ее любимые сестры лежали в корыте, убитые и порубленные.

Но она подняла их и собрала по кускам, сложила их вместе, как должно, голову, руки и ноги. И когда все было сложено как следует, они начали сами собой двигаться, срослись, — и обе девушки открыли глаза и ожили снова.

Они обрадовались, стали целоваться и обнимать друг дружку. А тут вернулся колдун и потребовал тотчас ключик и яйцо и, не найдя на нем и следа крови, сказал:

— Ты испытанье выдержала и должна стать моей невестой.

И потерял он над ней теперь всякую власть и должен был исполнять все, что она потребует.

— Хорошо, — ответила она, — но ты должен сначала отнести на своих плечах моему отцу и матери полную корзину золота; а там мы и свадьбу справим.

Побежала она тогда к своим сестрам, которых она спрятала в маленькой каморке, и говорит:

— Настал час, когда я могу вас спасти; злодей должен будет сам отнести вас домой. Но как только вы окажетесь дома, присылайте мне тотчас подмогу.

Посадила она обеих сестер в корзину, а сверху прикрыла их золотом так, что их не было видно, потом кликнула она колдуна и сказала:

— Ну, теперь отнеси корзину, да смотри, по дороге не останавливайся и не отдыхай, я буду смотреть в окошко и за тобой доглядывать.

Взвалил колдун корзину на плечи и отправился в путь-дорогу, но корзина была такая тяжелая, что пот градом катился

у него с лица. Вот присел он немного отдохнуть, но тотчас закричала из корзины одна из сестер:

— Я смотрю в окошко и вижу, вижу, что ты отдыхаешь, а ну, отправляйся-ка дальше.

Колдун подумал, что это кричит ему невеста, и тотчас двинулся дальше. Вот захотелось ему еще раз присесть отдохнуть, но тотчас послышался голос:

— Я гляжу в окошко и вижу, вижу, что ты отдыхаешь, а ну, отправляйся живой дальше!

И только он останавливался, как тотчас раздавался голос, и ему приходилось идти дальше, и вот наконец, со стоном, запыхавшись, притащил он корзину с золотом и двумя девушками домой, к их отцу-матери.

А тем временем приготовила невеста дома свадебный пир и велела созвать на него друзей колдуна. Взяла она череп с ослепшими зубами, раскрасила его, надела на него венок из цветов, отнесла его наверх и поставила на чердаке в слуховом окошке, будто он оттуда выглядывает.

Когда все было уже приготовлено, окунулась она в бочку с медом, распорола перину, выкаталась в перьях и стала теперь похожа на белую чудо-птицу, и никто не смог бы ее теперь узнать. Вышла она после этого из дому; и повстречались ей по дороге некоторые из свадебных гостей и спрашивают у нее:

- Ты кто, скажи мне, чудо-птица?
- Да я вот из семейства Фица.
- А что же делает невеста молодая?
- Она убрала дом и, гостя ожидая,
Глядит в окошко, головой кивая.

Наконец ей встретился и сам жених. Он медленно возвращался домой. И спросил он у нее, как и те гости свадебные:

- Ты кто, скажи мне, чудо-птица?
- Да я вот из семейства Фица.
- А что же делает невеста молодая?
- Она убрала дом и, гостя ожидая,
Глядит в окошко, головой кивая.

Глянул жених наверх, увидел разукрашенный череп и подумал, что то его невеста, поклонился ей и ласково ее приветствовал. Но только вошел он вместе со своими гостями в дом, а тут вскоре явились братья и родные невесты, посланные ей на подмогу. Они заперли все двери дома, чтобы никто не мог оттуда убежать, и подожгли его со всех сторон,— и сгорел колдун вместе со всем своим сбродом в огне.

*Сказка
про можжевельник*

Было это давным-давно, лет тому, пожалуй, две тысячи назад. Жил-был на свете богат; была у него красивая, добрая жена, и они крепко любили друг друга, но детей у них не было, а им очень хотелось их иметь; и долго молилась жена день и ночь, но детей у них все не было и не было.

А находился перед их домом двор, и рос в том дворе можжевельник. Однажды зимой стояла женщина под тем деревом и чистила яблоко, и когда она чистила яблоко, порезала себе палец, и капнула кровь на снег.

— Ах,— сказала женщина, глубоко вздохнув; и когда увидела кровь, стало ей так печально.— Ох, если бы родился у меня ребенок, румяный, как кровь, и белый, как снег!

Только она это вымолвила, и стало ей так весело, радостно на душе: показалось ей, что из этого что-нибудь должно выйти. Пошла она домой; и вот прошел с той поры месяц — и растаял снег; прошло два месяца — и все зазеленело; а прошло три месяца — и появились на земле цветы; прошло четыре месяца — вошли деревья в сок, выросли, переплелись между собой зеленые ветки, и запели на них птички; и звенел весь лес, и опадали с деревьев цветы; а прошел пятый месяц — и стояла однажды женщина под можжевельником, и шел от дерева такой приятный запах, что сердце у ней забилося от радости. Она упала на колени и не могла успокоиться. А когда прошел шестой месяц, сделались плоды большие и сочные, и она стала спокойней; а на седьмом месяце дотронулась она до можжевеловых ягод, и ей стало завидно, и она пригорюнилась и заболела; прошел восьмой месяц, позвала она своего мужа, заплакала и сказала:

— Если я умру, похорони меня под этим можжевельником.

Потом она стала спокойней и была радостной, пока не прошел девятый месяц; и вот родила она ребенка, и был он бе-

лый, как снег, и румяный, как кровь; увидала она его и так обрадовалась, что от радости померла.

Похоронил ее муж под можжевельником и сильно-сильно заплакал. Но прошло время, и мало-помалу он успокоился, и хотя иной раз, бывало, и всплакнет, но все-таки сдерживался; а прошло еще некоторое время, и он взял себе в дом другую жену.

Родилась от второй жены у него дочка, а ребенок от первой жены был мальчик, румяный, как кровь, и белый, как снег. Посмотрит, бывало, жена на свою дочку — и видно, что так уж она ее любит; а взглянет на маленького мальчика — и точно кто по сердцу ее полоснет; казалось ей, будто стоит он ей поперек дороги, и она всегда думала, как бы это сделать так, чтоб все добро досталось ее дочке.

И внушил злой дух мачехе, чтобы возненавидела она маленького мальчика; стала она его толкать, била его по чѣм ни попало и щипала. И бедный ребенок находился всегда в страхе; когда он приходил из школы, то не было у него ни одного часу спокойного.

Вот вышла раз мачеха из кладовой, а подошла к ней в это время маленькая дочка и говорит:

— Мама, дай мне яблочко.

— Ладно, дитятко, — сказала женщина и достала ей из сундука красивое яблоко. А была на том сундуке большая, тяжелая крышка с большим острым железным замком.

— Мама, — говорит маленькая дочка, — а для братца разве нельзя взять яблоко?

Разозлилась тогда женщина и сказала:

— Можно, когда он из школы вернется.

Вот увидела женщина из окошка, что мальчик домой возвращается, — и точно злой дух вселился в нее. Она отобрала у дочки яблоко и сказала:

— Яблоко достанется не тебе, а брату.

Бросила она яблоко в сундук и заперла его; а как раз в это время вошел маленький мальчик; и внулшил мачехе злой дух ласково к нему обратиться:

— Сыночек, может, ты яблочко хочешь? — и косо на него посмотрела.

— Мама, — сказал маленький мальчик, — о-о, какое у тебя страшное лицо! Да, дай мне яблочко.

И пришло мачехе в голову, что надо ему сказать так:

— Пойдем со мной, — и она подняла крышку сундука, — выбери себе отсюда одно яблочко.

Но только маленький мальчик нагнулся к сундуку, как злой дух подтолкнул мачеху: бац! — и захлопнула она крышку, и отлетела голова и упала между красными яблоками. Испугалась мачеха и подумала: «Что же мне теперь делать?». Она под-

нялась в свою комнату, подошла к шкафу, достала из нижнего ящика свой белый платок, потом приставила голову мальчика к шее и так обвязала ее платком, что ничего не было видно; посадила затем мальчика у двери на стуле и сунула ему в руку яблоко.

Вскоре пришла Марленикен к своей матери на кухню, та стояла у печки, и была перед ней на плите кастрюля с горячей водой, и она все время ее помешивала.

— Матушка,— сказала Марленикен,— а братец сидит у двери, и такой он бледный-бледный, и яблочко у него в руке. Я попросила его дать мне яблочко, а он мне ничего не ответил, и стало мне так страшно.

— А ты ступай туда опять,— сказала мать,— если он тебе не ответит, ты ударь его по уху.

Пошла Марленикен и говорит:

— Братец, дай мне яблочко.

А он молчит, ничего не говорит. И ударила она его по уху, и покатила голова наземь. Испугалась девочка, стала плакать и кричать; побежала к матери и говорит:

— Ох, матушка, я отбила брату голову!— И она плакала, плакала, и никак нельзя было ее утешить.

— Марленикен,— сказала мать,— что ж ты наделала?! Но смотри, молчи, чтоб никто не узнал об этом, теперь ничего уже не поделаешь, мы его в супе сварим.

Взяла мать маленького мальчика, порубила его на куски, положила их в кастрюлю и сварила в супе. А Марленикен тут же рядом стояла и плакала, плакала, и все ее слезы падали в кастрюлю, так что и соли не надо было класть.

Пришел домой отец, сел за стол и говорит:

— А где сын?

И принесла тогда мать большую-пребольшую кастрюлю с черной похлебкой, а Марленикен все плачет, никак не может от слез удержаться. А отец опять спрашивает:

— Где же мой сын?

— Ах, да он ушел,— отвечает мать,— к матушке нашего двоюродного дедушки; ему захотелось там немного погостить.

— И чего это ему там понадобилось? Даже со мной не попрощался!

— О, ему так хотелось туда пойти, и он отпросился у меня на шесть недель; ведь там ему будет хорошо.

— Эх,— сказал муж,— а мне чего-то так грустно; нехорошо, что он ушел, со мной даже не попрощавшись.

Принялся он за еду и говорит:

— Марленикен, о чем ты плачешь? Братец ведь скоро вернется. Ах, жена,— говорит он,— какая у тебя вкусная похлеб-

ка! Положи-ка мне еще. — И чем больше он ел, тем больше хотелось ему есть.

Вот он и говорит:

— Наложил-ка мне побольше, зачем оставлять, пусть она вся мне достанется.

И он ел и ел, а кости под стол бросал, пока всё не поел. А Марленикен подошла к своему комоду, достала из нижнего ящика свой самый лучший шелковый платок, собрала под столом все косточки, сложила и завязала их в шелковый платок, вынесла их из дому и залилась горькими слезами. Положила она косточки под можжевельником на зеленую траву; и только она их там положила, как стало ей вдруг так легко, и она перестала плакать.

И начал можжевельник покачиваться, стали ветки на нем то раздвигаться, то опять сходитьсь, будто кто радовался и размахивал рукой. И спустилось в это время с дерева облако, и в облаке будто пламя вспыхнуло. Вылетела из пламени красивая птица и так прекрасно запела, взлетела высоко-высоко на воздух, а когда она улетела, стал можжевельник такой же, как был прежде, а платок с костями исчез.

Стало Марленикен так легко и приятно, будто брат ее жив. Пошла она, радостная и веселая, домой, села за стол и начала есть. А птица улетела и села на крышу дома к одному золотых дел мастеру и запела:

Меня мачеха убила,
А отец меня поел,
А Марленикен-сестрица
Мои косточки собрала,
В шелковый платок связала
Да под деревом сложила.
Ах, тю-вить, тю-вить, тю-вить!
Я красивее всех птиц!

А золотых дел мастер сидел в это время в своей мастерской и делал золотую цепь; услышал он птицу, что сидела у него на крыше и пела, и показалось это ему таким прекрасным. Он встал, но у порога потерял туфлю. Вышел он так на улицу, в одной туфле и в одном чулке; был на нем рабочий передник, и держал он в руке золотую цепь, а в другой щипцы. А солнце на улице светило так ярко. Подошел он поближе, остановился и стал разглядывать птицу.

— Птица, — сказал он, — как ты хорошо поешь! Спой мне еще раз свою песенку.

— Нет, — говорит птица, — дважды петь я не стану. Дай мне золотую цепь, тогда я спою тебе еще.

— Что ж, — сказал золотых дел мастер, — возьми себе золотую цепь и спой мне еще раз.

Подлетела птица, схватила правой ногой золотую цепь, уселась перед золотых дел мастером и запела:

Меня мачеха убила,
А отец меня поел,
А Марленикен-сестрица
Мои косточки собрала,
В шелковый платок связала
Да под деревом сложила.
Ах, тю-вить, тю-вить, тю-вить!
Я красивее всех птиц!

Полетела потом птица к одному сапожнику, уселась к нему на крышу и запела:

Меня мачеха убила,
А отец меня поел,
А Марленикен-сестрица
Мои косточки собрала,
В шелковый платок связала
Да под деревом сложила.
Ах, тю-вить, тю-вить, тю-вить!
Я красивее всех птиц!

Услыхал это сапожник, вышел на порог в своей безрукавке, глянул на крышу, прикрыл от солнца глаза рукой, чтоб не ослепнуть, и говорит:

— Птица, как ты прекрасно поешь! — И он крикнул через порог: — Жена, а ну выйди-ка сюда на минутку, тут вот птица, посмотри на нее, как она прекрасно умеет петь.

Позвал он дочь, детей, подмастерьев, слугу и работницу, и все вышли на улицу и начали разглядывать птицу, какая она красивая, какие у нее ярко-красные и зеленые перья, а шея вся будто золотая, глаза у нее как звезды сверкают.

— Птица, — сказал сапожник, — спой мне еще раз эту песенку.

— Нет, — говорит птица, — дважды петь я не стану, ты должен мне за это что-нибудь подарить.

— Жена, — говорит сапожник, — ступай к моему столику, стоит там на верхней полке пара красных башмаков; принеси-ка мне их сюда.

Пошла жена, принесла башмаки.

— Послушай, птица, — говорит сапожник, — спой мне еще разок эту самую песенку.

Подлетела птица, схватила в коготь левой ноги башмаки, взлетела опять на крышу и запела:

Меня мачеха убила,
А отец меня поел,
А Марленикен-сестрица
Мои косточки собрала,
В шелковый платок связала
Да под деревом сложила.
Ах, тю-вить, тю-вить, тю-вить!
Я красивее всех птиц!

Пропела она это и улетела; и держала она в правом когте золотую цепь, а в левом башмаки, и полетела она с ними на мельницу. А мельница стучала: тип-топ, тип-топ, тип-топ! И сидело у мельницы двадцать подручных, они обтесывали жернов и постукивали: гик-гак, гик-гак, гик-гак! И ходила мельница: тип-топ, тип-топ, тип-топ!

Вот уселась птица на липу, что росла перед мельницей, и запела:

Меня мачеха убила...

и бросил работу один из подручных,

А отец меня поел...

и бросило работать еще двое работников, а как услышали они:

А Марленикен-сестрица...

бросило работу еще четверо.

Мои косточки собрала,
В шелковый платок связала...

Продолжало теперь обтесывать жернов всего восемь работников,

Да под деревом...

а потом и пять,

...сложила...

и остался тогда работать всего лишь один. Только расслышал он последние слова:

Ах, тю-вить, тю-вить, тю-витьс!
Я красивее всех птиц! —

бросил работу и последний работник.

— Птица, — сказал он, — как ты прекрасно поешь! Дай и мне эту песню послушать, спой мне еще разок.

— Нет, — ответила птица, — дважды петь я даром не буду, дай мне мельничный жернов, и я спою тебе еще раз.

— Ладно, коль споешь нам всем, — сказал он, — то ты его получишь.

— Да, — сказали и остальные, — если она споет нам еще раз, то получит жернов.

И вот птица слетела вниз. Взялись тогда все двадцать работников за жернов вместе с птицей-свиристелью и стали подымать камень: гу-ух, гу-ух, гу-ух!

Просунула птица шею в отверстие жернова, надела его на себя, словно воротник, взлетела опять на дерево и запела:

Меня мачеха убила,
А отец меня поел,
А Марленикен-сестрица
Мои косточки собрала,
В шелковый платок связала
Да под деревом сложила,
Ах, тю-вить, тю-вить,
Я красивее всех птиц!

Пропела она это и взмахнула крыльями; и была у ней в правом когте цепь золотая, в левом — башмаки, а на шее — мельничный жернов, и полетела она далеко-далеко к дому своего отца.

А в комнате за столом сидели в то время отец и мать и Марленикен. И вот говорит отец:

— Ах, как стало мне теперь легко на душе!

— Нет, — сказала мать, — а мне так страшно, будто большая гроза надвигается.

А Марленикен сидит и все плачет да плачет.

Прилетела птица и села на крышу.

— Ах, — говорит отец, — мне так радостно и весело, и солнце-то вон как ярко светит; кажется, будто я должен скоро увидеть своего старого друга.

— Нет, — говорит жена, — а мне так страшно, что зуб на зуб не попадает, будто огонь проходит у меня по жилам. — И она распустила пошире свой лифчик. А Марленикен сидит в углу и плачет, платком закрыла глаза, и стал от слез весь платок мокрым.

А птица села на можжевельник и запела:

Меня мачеха убила...

Услыхала это мать, закрыла глаза и глядеть не хочет, и слушать не хочет, и точно большой ураган зашумел у нее в ушах, загорелись у нее глаза, словно молнии в них засверкали.

А отец меня поел...

— Ах, матушка, — сказал муж, — прилетела к нам такая красивая птица, и как она прекрасно поет, а солнце-то светит так ярко и блестит на верхушках крыш!

А Марленикен-сестрица...

И склонила Марленикен голову на колени, перестала плакать, а отец и говорит:

— Выйду-ка я да разгляжу птицу поближе.

— Ах, не уходи,— говорит жена,— мне кажется, будто весь дом дрожит и пламенем охвачен.

Но отец вышел во двор, и птица запела:

Мои косточки собрала,
В шелковый платок связала
Да под деревом сложила,
Ах, тю-вить, тю-вить, тю-вить!
Я красивее всех птиц!

И сбросила вдруг птица золотую цепь, и упала она отцу прямо на шею, и пришлась ему как раз впору. Вошел он в дом и говорит:

— Посмотри-ка, что за чудесная птица, она подарила мне такую красивую золотую цепь; а какая сама птица на вид прекрасная!

Стало тут жене совсем уже страшно, начала она ходить по комнате взад и вперед, и упал у нее с головы чепец.

А птица запела опять:

Меня мачеха убила...

— Ах, лучше б мне сквозь землю провалиться, да не слышать этого.

А отец меня поел...

И повалилась жена наземь.

А Марленикен-сестрица...

— Ах,— говорит Марленикен,— пойду-ка я посмотрю, не подарит ли и мне птица что-нибудь.

И она вышла из комнаты.

Мои косточки собрала,
В шелковый платок связала...

И сбросила ей птица башмаки.

Да под деревом сложила,
Ах, тю-вить, тю-вить, тю-вить!
Я красивее всех птиц!

И вот стало Марленикен так легко и радостно. Надела она новые красные башмаки и начала в них плясать и прыгать.

— Ах,— сказала она,— мне было так грустно, когда я отсюда выходила, а теперь мне так легко. Что за чудесная птица! Подарила мне красные башмаки.

— Нет,— говорит мать; тут она вскочила, и поднялись у ней волосы дыбом, будто огненные языки,— а мне вот кажется, будто настал конец свету. Выйти мне, что ли, из комнаты,— может, мне полегчает.

И только вышла она за дверь — бух! — сбросила птица ей на голову мельничный жернов,— и всю ее размозжило. Услышали это отец и Марленикен и вышли из комнаты; и поднялся на том месте пар, пламя и огненные языки, а когда все это исчезло, видят они — стоит перед ними на том самом месте маленький братец. Он взял отца и Марленикен за руку, и были они все трое так рады и счастливы, вошли в дом, уселись за стол и начали вместе обедать.

Старый Султан

Был у одного крестьянина верный пес; звали его Султаном. Вот состарился он, повыпали у него зубы, и нечем ему было теперь кусать. Стоял раз крестьянин со своею женой у порога и говорит:

— А завтра я старого Султана пристрелить собираюсь, стал он уже никуда не гожд.

А жена пожалела верного пса и говорит:

— Да ведь он же нам честно служил столько лет, и нам надо бы кормить его теперь из милости.

— Э, что ты говоришь,— сказал муж,— видно, у тебя ума не хватает. У него ведь и зубов-то нету, ни один вор его не боится; службу он свою уже отслужил, может себе и убираться. Когда он служил нам, мы ведь его неплохо кормили.

А бедный пес лежал в это время, растянувшись на солнышке, и все это слышал, и стало ему грустно, что завтра его последний день наступает. А был у него добрый товарищ,

и был то волк. Вот пробрался к нему пес вечером в лес и стал на судьбу свою жаловаться.

— Послушай, куманек, — сказал ему волк, — успокойся, уж я тебя из беды выручу. Я кое-что надумал. Завтра на рассвете твой хозяин пойдет с женой сено косить, а так как дома некому будет остаться, то возьмут они с собой и своего маленького ребенка. Во время работы они кладут ребенка всегда в тень за кустами. А ты ложись с ним рядом, будто сторожить его собираешься. Я выйду из лесу и утащу ребенка; а ты кинься за мной, будто его отбить у меня хочешь. Я ребенка вырону, и ты принесешь его опять родителям, и они подумают, что ты его спас, и уж так будут тебе благодарны, что не то чтобы злое тебе что-нибудь сделать, а напротив, будешь ты у них в большой милости, и ни в чем тебе с той поры отказа не будет.

Этот совет псу понравился; задумано — сделано.

Как увидел отец, что волк утащил ребенка и бежит с ним по полю, он стал кричать; но когда старый Султан принес его назад, начал пса гладить и говорит:

— Теперь я в обиду тебя не дам, будешь ты до самой смерти кормиться у меня из милости.

И говорит он жене:

— Ступай скорее домой да навари старому Султану вкусной похлебки, ведь кусать-то ему трудно, да возьми с моей постели подушку, я дарю ее Султану, пускай он на ней спит.

И с той поры стало жить старому Султану так хорошо, что лучшего и желать было нечего.

Приходит после того вскоре волк его навестить, и обрадовался он, что все так хорошо обошлось.

— Ну, куманек, — говорит он, — придется тебе разок прикинуться, будто ты ничего не видишь, а я уж найду случай и утащу у твоего хозяина жирную овечку. Если нынче жить особняком, нам туго придется.

— Нет, уж на это ты не рассчитывай, — ответил пес, — моему хозяину я останусь верен, на такое дело я не согласен.

Подумал волк, что это он просто так говорит, и подкрался ночью, чтоб овцу утащить. Но верный Султан разгласил хозяйину про замысел волка, и тот подстерег его и здорово намял ему цепом бока. Но волку удалось вырваться, и он крикнул псу:

— Погоди, скверный товарищ, ты в этом еще раскаешься!

На другое утро послал волк дикую свинью и велел ей вызвать пса в лес, чтобы там порешить дело. И никого не нашел старый Султан себе в помощь, кроме кошки, да и та была без одной ноги. Вот вышли они вместе, и заковыляла бедная кошка в лес и от боли подняла свой хвост вверх.

А волк с товарищем был уже на месте. Увидели они, что противники идут к ним навстречу, и показалось им, будто пес

с собой саблю несет, — это они поднятый хвост кошки за саблю приняли. А ковыляла несчастная кошка на трех ногах, и они подумали, что это она подымает каждый раз камень, чтобы в них бросить. И стало им страшно: забралась дикая свинья в листья, а волк на дерево вспрыгнул.

Подошли собака с кошкой, видят — никого нету, и они очень удивились. Но дикая свинья не могла вся в листву запрятаться, — уши у ней торчали наружу. Огляделась кошка внимательно по сторонам, а тут свинья вдруг ушами задвигала. Подумала кошка, что это мышь шевелится, и как прыгнет на нее, и сильно-пресильно ее укусила. Поднялась свинья с великим воем, бросилась со всех ног бежать и кричит:

— Вон на дереве сидит всему делу виновник!

Глянули кошка и собака наверх и увидели там волка, и стало ему стыдно, что он себя таким трусом показал, и заключил он тогда с псом мир.

Шесть лебедей

Охотился раз король в большом дремучем лесу; без устали гонялся он за зверем, и никто из его людей не мог за ним поспеть. А уже наступил вечер; придержал тогда король своего коня, оглянулся и видит, что заблудился. Стал он искать дорожку, но найти ее никак не мог.

И вот увидел он в лесу старуху с трясущейся головой; она шла к нему прямо навстречу, а была то ведьма.

— Бабушка, — сказал он ей, — не можете ли вы указать мне дорогу из лесу?

— О, да, господин король, — ответила она, — это я могу, но с одним условием, если вы его не выполните, то не выйти вам из лесу никогда и пропадете вы тут с голоду.

— А какое же условие? — спрашивает король.

— Есть у меня дочь, — говорит старуха, — она такая красавица, какой вам и на свете нигде не сыскать, и заслуживает она вполне того, чтобы стать вашей женой; если вы согласны сделать ее королевой, то я укажу вам дорогу из лесу.

Король в страхе согласился, и старуха привела его в свою избушку, где у очага сидела ее дочь. Она приняла короля так, будто его и ждала; и он увидел, что она очень красива, но однако же она ему не понравилась, и он не мог глядеть на нее без затаенного страха. Когда король посадил девушку на коня, старуха указала ему дорогу, и король воротился снова в свой королевский замок, где они и отпраздновали свадьбу.

А король был уже однажды женат, и от первой жены было у него семеро детей — шесть мальчиков и одна девочка, и любил он их больше всего на свете. Но он боялся, как бы не стала мачеха плохо с ними обращаться, как бы не сделала она им какого зла, и вот он отвез их в потаенный замок, который находился в самой середине леса. Он был так скрыт в лесной чаще и дорогу к нему найти было так трудно, что и сам бы он не нашел ее, если бы не подарила ему одна ведунья клубок волшебных ниток; а был тот клубок такой, что стоило бросить его перед собой, как он сам разматывался и указывал путь-дорогу.

Король очень часто уезжал к своим любимым детям в лес; и вот, наконец, на частые его отлучки обратила внимание королева; ей захотелось узнать, что он делает там один в лесу. Она дала много денег своим слугам, и они выдали ей тайну, рассказали также и о клубке ниток, который один только и может указать туда путь. И не было у ней покоя до тех пор, пока не выведала она, где король хранит тот клубок; затем сшила она из шелка маленькие белые рубашки, и так как она была обучена своей матерью колдовству, то зашила она в них чары.

Вот уехал однажды король на охоту, а она взяла те рубашки и отправилась в лес, и клубок указал ей путь-дорогу. Дети, увидав издали, что кто-то идет, подумали, что это идет к ним их любимый отец, и на радостях выбежали к нему навстречу. И вот набросила она на каждого из них рубашку; и только прикоснулись те рубашки к их телу, как обратились они в лебедей, поднялись над лесом и улетели.

Вернулась королева домой очень довольная, думая, что она избавилась от своих пасынков; но девочка не выбежала ей навстречу вместе с братьями, а королева этого не заметила. На другой день пришел король, чтоб навестить своих детей, но нашел одну только дочку.

— А где же твои братья? — спросил он у нее.

— Ах, милый отец, — отвечала она, — они улетели и оставили меня одну. — И она рассказала ему, что видела из окошка, как братья пролетели лебедями над лесом, и показала ему перья, что обронили они во дворе, которые она подобрала. Опечалился король, но не знал, что это злое дело совершила королева; он стал бояться, что у него похитят и дочку, и вот решил он взять ее с собой. Но она боялась мачехи и упростила короля оставить ее еще на одну ночь в лесном замке.

Подумала бедная девочка: «Мне оставаться тут недолго придется, — пойду я на поиски своих братьев».

Вот наступила ночь, и выбежала она из замка и пошла прямо в чащу лесную. Пробродила она там целую ночь и целый день, пока, наконец, от усталости идти больше уже не могла. И увидела она охотничий домик, вошла в него, видит — комната, а в ней шесть маленьких кроваток, но она ни в одну из них не решилась лечь, а забралась под одну из кроваток и легла прямо на жестком полу и решила там заночевать.

Вскоре и солнце зашло, и услышала она шум и увидела, что прилетело к окну шесть лебедей. Они уселись на окошко и стали дуть друг на друга, стали перья свои сдувать, и вот все перья с них послетели, и лебединое оперенье снялось с них, словно рубашка. Глянула на них девочка и узнала своих братьев, обрадовалась и вылезла из-под кровати. Братья, увидав свою сестрицу, не меньше ее обрадовались, но радость их была недолгой.

— Здесь оставаться тебе нельзя, — сказали они ей, — это разбойничий притон. Если разбойники вернутся и найдут тебя тут, они тебя убьют.

— А вы разве не сможете меня защитить? — спросила у них сестрица.

— Нет, — ответили они, — мы можем снимать свое лебединое оперенье только по вечерам на четверть часа, тогда мы станем людьми, а затем снова обращаемся в лебедей.

Заплакала сестрица и говорит:

— А неужто нельзя вас расколдовать?

— Ах, нет, — ответили они, — выполнить это слишком трудно. Ты не должна будешь шесть лет ни говорить, ни смеяться и должна шить нам за это время шесть рубашек из звезд

доцвета. А если ты вымолвишь хоть одно слово, то вся твоя работа пропала.

Пока братья рассказывали ей об этом, прошло четверть часа, и они снова вылетели в окно лебедями.

Но девочка твердо решила освободить своих братьев, даже если бы это стоило ей жизни. Она покинула охотничий домик и ушла в самую чащу лесную, взобралась на дерево и провела там ночь. Наутро она спустилась с дерева, набрала звездочета и принялась шить. Говорить ей было не с кем, а смеяться ей не было охоты. Она все сидела да на свою работу глядела. Так прошло много времени, и случилось, что король той страны охотился в эту пору в лесу, и его егеря подъехали к дереву, на котором сидела девочка. Они ее окликнули:

— Кто ты такая?

Но она ничего не ответила.

— Спустись к нам вниз,— сказали они,— мы тебе ничего дурного не сделаем.

Но она только головой покачала.

Когда они стали ее допрашивать, она сбросила им вниз золотое ожерелье, думая, что они будут этим довольны. Но они все продолжали задавать ей вопросы; тогда она сбросила им свой пояс; но когда и это не помогло, сбросила им свои подвязки, так мало-помалу она отдала им все, что было на ней, и осталась в одной рубашке. Но егеря и тогда от нее не отстали; они влезли на дерево, сняли ее оттуда и привели к королю. Король спросил:

— Кто ты такая? Что ты там делаешь на дереве? — Но она ничего не ответила.

Стал он спрашивать ее на всех языках, какие только были ему известны, но она оставалась как рыба немой. А была она красивая, и вот король сильно влюбился в нее. Он укутал ее в свой плащ и посадил ее впереди себя на коня и привез ее в свой замок. И велел он одеть ее в богатые платья, и она сияла своей красотой, словно ясный день. Но невозможно было добиться от нее ни слова. Он сел у стола рядом с нею, и робость на ее лице и ее скромность так ему понравились, что он сказал:

— Вот на этой хочу я жениться и ни на какой другой на свете.— И через несколько дней он с ней обвенчался.

Но была у короля злая мать — она была недовольна его женитьбой и стала о молодой королеве злословить.

— Кто знает, откуда взялась эта девка,— говорила она,— и слова вымолвить не может; она недостойна быть женой короля.

Спустя год, когда королева родила на свет первого ребенка, старуха унесла его, а королеве во время сна вымазала рот кровью. Затем она пошла к королю и обвинила ее в том, что она людоедка. Король верить этому не хотел и не позволил причинить королеве зло. И вот сидела она все время да шила рубашки и ни на что другое внимания не обращала.

Когда она снова родила прекрасного мальчика, лживая свекровь опять совершила такой же обман, но король не хотел верить ее злым речам. Он сказал:

— Она слишком скромна и добра, чтобы могла совершить подобное; если б не была она немая, то доказала бы свою невиновность.

Но когда старуха и в третий раз похитила новорожденного младенца и обвинила королеву, которая не сказала ни слова в свою защиту, то королю оставалось только одно — отдать ее на суд; и ее присудили сжечь на костре.

Наступил день исполнения приговора, а был то как раз последний день из тех шести лет, в течение которых она не могла ни говорить, ни смеяться; и вот она освободила своих милых братьев от злого заклятья. Она уже сшила за это время шесть рубашек, и только на последней рубашке еще не было левого рукава.

Когда ее повели на костер, то взяла она с собой рубашки, и когда взвели ее уже на помост и вот-вот должны были развести огонь, она оглянулась и видит — летят к ней шесть лебедей. И поняла она, что близко ее освобождение, и забилося у ней сердце от радости.

С шумом подлетели к ней лебеди и спустились так низко, что она смогла кинуть им рубашки; и только те рубашки к ним прикоснулись, спало с них лебединое оперенье, и стояли перед ней ее братья, живы, здоровы и по-прежнему прекрасны, — только у младшего не хватало левого рукава, и потому у него на спине осталось лебединое крыло. Стали они обнимать да целовать друг друга, и пришла королева к королю, и он был сильно удивлен, но вот заговорила она и сказала:

— Мой возлюбленный супруг, отныне я могу говорить и открою тебе, что я ни в чем не повинна и ложно обвинена, — и она рассказала ему про обман старухи-свекрови, которая забрала и спрятала ее троих детей. И принесли их в замок к великой радости короля, а злую свекровь в наказание сожгли на костре, и остался от нее один лишь пепел.

А король и королева вместе с шестью своими братьями жили мирно и счастливо долгие-долгие годы.

Шиповничек

Много лет тому назад жили король с королевой, и каждый день они говорили:

— Ах, если б родился у нас ребенок! — Но детей у них все не было и не было.

Вот случилось однажды, что королева сидела в купальне, и вылезла из воды на берег лягушка и говорит ей:

— Твое желанье исполнится: не пройдет и года, как родишь ты на свет дочь.

И что лягушка сказала, то и случилось, — родила королева девочку, и была она такая прекрасная, что король не знал, что и придумать ему на радостях, и вот он устроил большой пир. Созвал он на этот пир не только своих родных, друзей и знакомых, но и ведуний, чтобы были те к его ребенку милостивы и благосклонны. А было их в его королевстве счетом тринадцать; но так как золотых тарелок, на которых они должны были есть, было у него всего лишь двенадцать, то одна из них осталась неприглашенной.

Праздник отпраздновали с великой пышностью, и под конец ведуньи одарили ребенка чудесными дарами: одна — добродетелью, другая — красотой, третья — богатством и всем, что только можно пожелать на свете.

Когда одиннадцать произнесли уже свои предсказания, вдруг явилась на пир тринадцатая. Ей хотелось отомстить за то, что ее не пригласили. И вот, ни с кем не здороваясь и ни на кого не глядя, она воскликнула громким голосом:

— Королевна на пятнадцатом году должна уколется о веретено и от этого помереть!

И, не сказав больше ни слова, она повернулась и вышла из зала. Все были испуганы, но выступила тогда двенадцатая ведунья, она еще не сказала своего пожелания; и так как отменить злое заклятье она была не в силах, а могла только его смягчить, то она сказала:

— Но то будет не смерть, а только вековой глубокий сон, в который впадет королевна.

Король, желая уберечь свою любимую дочь от несчастья, издал указ: все веретена во всем королевстве сжечь.

Вот и исполнились все предсказания, данные девочке ведуньями: она была так красива, так скромна, приветлива и так разумна, что всякий, кто ее видел, невольно ею любовался.

Случилось, что в тот день, когда исполнилось ей пятнадцать лет, короля и королевы не было дома и девушка осталась в замке одна. Она пошла бродить всюду по замку, осматривать покои и кладовушки — все, что вздумается; и подошла она, наконец, к старой башне. Она взошла по узкой витой лесенке в ту башню и очутилась у небольшой двери. А в замке торчал заржавленный ключ; повернула она его, дверь распахнулась, видит — сидит там в маленькой светелке у веретена старуха и прилежно прядет пряжу.

— Здравствуй, бабушка, — молвила королева, — что ты тут делаешь?

— Пряжу пряду, — отвечала старуха и кивнула ей головой.

— А что это за штука такая, что так весело вертится? — спросила девушка, взяла веретено и хотела было тоже приняться за пряжу.

Но только она прикоснулась к веретену, как исполнился наговор, и она уколола веретеном палец. И в тот миг, когда она почувствовала укол, она упала на постель, что стояла в светелке, и погрузилась в глубокий сон.

И сон этот распространился по всему замку; король и королева, которые только что вернулись домой и вошли в зал, тоже уснули, а вместе с ними и все придворные. Уснули и лошади в стойлах, и собаки на дворе, голуби на крыше, мухи на стенах; даже огонь, пылавший в печи, и тот замер и уснул, и жаркое перестало шипеть и поджариваться, а повар, схвативший было за волосы поваренка, за то, что тот чего-то не доглядел, отпустил его и тоже уснул. И ветер утих, и не шелохнулся ни один листик на деревьях около замка.

И стала расти вокруг замка колючая терновая заросль; с каждым годом она становилась все выше и выше и окружила, наконец, весь замок. Она выросла выше самого замка, и в этой заросли его стало совсем не видно, и даже флага на вышке нельзя было заметить.

И пошла по стране молва о прекрасной спящей королеве, которую прозвали Шиповничек, и вот стали наезжать туда от времени до времени разные королевичи и пытались пробраться через густую заросль в замок. Но было это невозможно, так как шипы держались крепко один за один, точно взявшись за руки, — и юноши запутывались в заросли и, зацепившись о шипы, не могли больше из них вырваться и погибали мучительной смертью.

После многих и долгих лет явился опять в ту страну один королевич, и услышал он от одного старика о колючей заросли и о замке, где вот уже сто лет как спит сказочная красавица-королевна, по прозванию Шиповничек; и спят с ней заодно король и королева и все придворные. Старик еще рассказал ему о том, что слышал от своего деда, будто приходило уже немало королевичей, которые пытались пробиться сквозь колючую заросль, но все они остались там, зацепившись за шипы, и погибли жалкою смертью. И сказал тогда юноша:

— Я этого не боюсь, я хочу отправиться туда и увидеть прекрасную королевну Шиповничек.

Добрый старик стал его отговаривать, чтобы он туда не ходил, но он совета его не послушался.

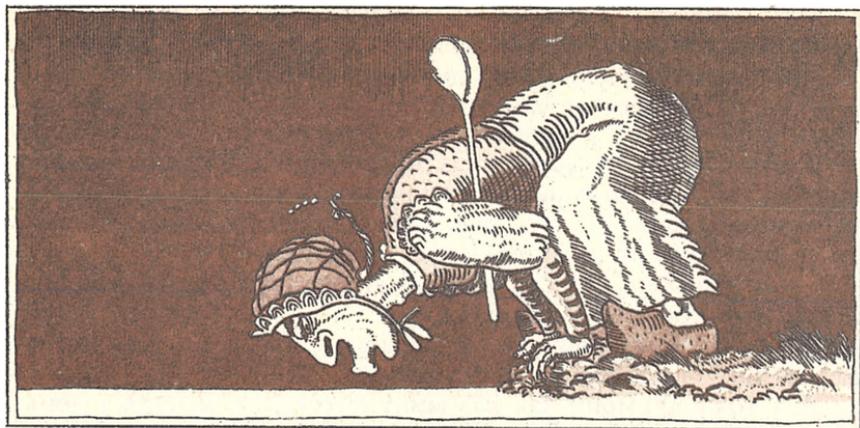
А к тому времени как раз минуло сто лет, и настал день, когда королевна Шиповничек должна была снова проснуться. Подошел королевич к колючей заросли, поглядел, видит — растут там вместо терновника красивые цветы, — они сами раздвинулись перед ним, и опять сомкнулись и стали снова изгородью. Увидел он на дворе лошадей и рыжих гончих, что лежали и спали; сидели на крыше голуби, спрятавши головы под крыло. Вошел он в замок и увидел, что спят на стене мухи, а повар на кухне все еще протягивает руку, будто собирается схватить за волосы поваренка, и сидит стряпуха перед черной курицей, которую она должна ощипать.

Пошел он дальше и увидел, что в зале лежат и спят все придворные, а наверху возле трона лежат король с королевой. И пошел он дальше, и все было так тихо, что слышно было ему даже его собственное дыхание.

Подошел он, наконец, к башне и отворил дверь маленькой светелки, где спала Шиповничек. Она лежала и была так прекрасна, что он не мог оторвать от нее глаз; и он нагнулся к ней и поцеловал ее. И только он к ней прикоснулся, открыла Шиповничек глаза, проснулась и ласково на него поглядела. И сошли они вместе с башни.

И вот проснулись король с королевой и все придворные, и они удивленно посмотрели друг на друга. Поднялись лошади на дворе и стали отряхиваться. Вскочили гончие собаки и замаяхали хвостами. Подняли голуби на крыше свои головки, огляделись и полетели в поле. Мухи стали ползать по стене. Огонь в кухне поднялся тоже, запылал и стал варить обед; жаркое начало снова жариться и шипеть. А повар дал такую затрецину поваренку, что тот так и вскрикнул; а стряпуха стала поскорей ощипывать курицу.

И отпраздновали тогда пышную свадьбу королевича с королевной Шиповничек, и жили они счастливо до самой смерти.

Птица-Найденьш

Жил-был на свете лесник. Вышел он однажды в лес на охоту и забрался в самую чащу лесную; вдруг слышит он крик, будто маленький ребенок плачет. Пошел он навстречу и пришел, наконец, к высокому дереву; видит — сидит на верхушке маленький ребенок.

А дело было так: мать, должно быть, уснула под деревом вместе с ребенком, а хищная птица заметила, что лежит он на коленях у матери; прилетела та птица, схватила его и унесла на высокое дерево.

Взобрался лесник на верхушку, достал оттуда ребенка и подумал про себя: «А не взять ли его мне к себе домой на воспитание, чтоб рос он вместе с моей Ленхен?» Сказано — сделано: принес он ребенка домой, и стало у него теперь двое детей. И прозвали ребенка, что был унесен птицей и найден на дереве, Птицей-Найденьшем.

Птица-Найденьш и Ленхен полюбили друг друга, да так сильно, что если, бывало, и разлучались, то всегда скучали один без другого.

А жила у лесника старуха-стряпуха. Взяла она однажды вечером два ведра и стала носить воду; и не раз ходила она к колодцу, а много-много раз. Увидела это Ленхен и говорит:

— Послушай, старая Занна, зачем ты так много воды носишь?

— Если ты никому не расскажешь, то я, так уж и быть, тебе скажу.

И ответила Ленхен, что никому не скажет, никому не расскажет об этом, и сказала стряпуха-старуха:

— Завтра поутру, когда лесник уйдет на охоту, я вскипячу воду, и когда вода в котле закипит, брошу в него Птицу-Найденыша и сварю его живьем.

На другое утро, раным-рано, встал лесник и отправился на охоту; дети еще лежали в постели. Вот и говорит Ленхен Птице-Найденышу:

— Если ты меня не покинешь, то и я тебя не оставлю. И сказал ей в ответ Птица-Найденыш:

— Никогда!

Тогда Ленхен и говорит:

— Только тебе одному я и расскажу: вчера вечером притащила старая Занна в дом много ведер воды; я и спрашиваю у нее, зачем это столько воды, а она мне отвечает: «Если ты никому не скажешь, я уж тебе расскажу». А я ей говорю: «Никому не скажу». Тогда она мне и сказала, что рано утром, когда отец уйдет на охоту, вскипятит она полный котел воды и kinetic тебя туда и сварит живьем. Так вот, давай поскорей подыматься, оденемся и убежим вместе.

Вот дети встали, быстро оделись и ушли. Когда вода в котле закипела, пошла старуха-стряпуха в спальню за Птицей-Найденышем, чтоб взять его и бросить в котел.

Вошла она в комнату, подходит к постели и видит, что дети ушли. Тогда она очень испугалась и говорит про себя: «Что мне сказать, когда вернется лесник домой и увидит, что дети куда-то ушли? Надо скорей за ними побежать и привести их назад».

Посылает старуха-стряпуха вслед за детьми трех работников, велит им бежать скорее и нагнать детей. А дети сидят себе на опушке лесной и издали видят, как бегут трое работников. Вот Ленхен и говорит Птице-Найденышу:

— Если ты меня не покинешь, то и я тебя не оставлю. Отвечает ей Птица-Найденыш:

— Никогда!

И сказала Ленхен:

— Обернись ты розовым кустом, а я — розой на нем.

Подходят трое работников к лесу и видят один только розовый куст да розу на нем, а детей нигде нет как нет. Вот они и говорят:

— Да что тут найдешь?

Воротились они домой и рассказали старухе-стряпухе, что ничего не видали, кроме розового кусточка и розы на нем.

Стала бранить их старуха-стряпуха:

— Ах вы, простофили, надо было вам разрубить надвое розовый куст, а розу сорвать и принести мне домой. Ну, живей, да сделайте так, как я вам велю.

И пришлось им снова идти на поиски. А дети увидели работников издали, и говорит Ленхен:

— Птица-Найденыш, если ты не покинешь меня, то и я тебя не оставлю.

И ответил Птица-Найденыш:

— Никогда!

Тогда Ленхен сказала:

— Так стань же ты церковкой, а я в ней венцом!

Вот подходят трое работников и видят одну только церковь да венец внутри. И говорят между собой: «Да что нам тут делать, давай вернемся домой». Приходят они домой, и спрашивает у них старуха-стряпуха, нашли ли они детей; и ответили они, что ничего, мол, не нашли, кроме церкви да венца внутри.

— Ах, дураки вы, дураки, — стала бранить их старуха-стряпуха, — отчего же вы не разломали ту церковь и не принесли мне венца?

Вот собралась тогда в дорогу сама старуха-стряпуха, и пошла она вместе с тремя работниками разыскивать детей. А дети издали увидели, что идут трое работников и вслед за ними ковыляет старуха-стряпуха. И говорит Ленхен:

— Птица-Найденыш, если ты меня не покинешь, и я тебя не оставлю.

Отвечает ей Птица-Найденыш:

— Никогда!

И сказала Ленхен:

— Обернись ты озером, а я уткой на нем!

Вот подходит старуха-стряпуха и видит перед собой озеро, ложится она на землю и хочет все озеро выпить. Но тут подплыла быстро к ней утка, ухватила ее своим клювом за голову и стала тащить в воду, — и утонула старая ведьма.

Вернулись тогда дети вместе домой, и стало им весело-весело; и если они еще не умерли, то живут, пожалуй, еще и до сих пор.

Король-Дроздовик

Была у одного короля дочь; она была необычайно красивая, но притом такая гордая и надменная, что ни один из женихов не казался для нее достаточно хорош. Она отказывала одному за другим да притом над каждым еще смеялась.

Велел однажды король устроить большой пир и созвал отовсюду, из ближних и дальних мест, женихов, которые хотели бы за нее посвататься. Расставили их всех в ряд по порядку, по чину и званию; впереди стояли короли, потом герцоги, князья, графы и бароны, и наконец — дворяне.

И повели королевну по рядам, но в каждом из женихов она находила какой-нибудь изъян. Один был слишком толст: «Да этот, как винный бочонок!» — сказала она. Другой был слишком длинного роста: «Долговязый, слишком тонкий, да и статной нет походки!» — сказала она. Третий был слишком низкого роста: «Ну, какая в нем удача, если мал и толст в придачу?» Четвертый был слишком бледен: «Этот выглядит, как смерть». Пятый был слишком румян: «Это прямо какой-то индюк!» Шестой был слишком молод: «Этот юн и больно зелен, он, как дерево сырое, не загорится».

И так находила она в каждом, к чему можно было бы придраться, но особенно посмеялась она над одним добрым королем, что был выше других, и чей подбородок был чуть кривоват.

— Ого, — сказала она и рассмеялась, — да у этого подбородок, словно клюв у дрозда! — И с той поры прозвали его Дроздовиком.

Как увидел старый король, что дочка его только одно и знает, что над людьми насмехается и всем собравшимся женихам отказала, он разгневался и поклялся, что она должна будет взять себе в мужья первого встречного нищего, что к нему в дверь постучится.

Спустя несколько дней явился какой-то музыкант и начал петь под окном, чтоб заработать себе милостыню. Услыхал это король и говорит:

— Пропустите его наверх.

Вошел музыкант в своей грязной, оборванной одежде и начал петь перед королем и его дочерью песню; и когда кончил, он попросил подать ему милостыню.

Король сказал:

— Мне твое пение так понравилось, что я отдам тебе свою дочь в жены.

Испугалась королева, но король сказал:

— Я дал клятву выдать тебя за первого попавшегося нищего, и клятву свою я должен сдержать.

И не помогли никакие уговоры; позвали попа, и пришлось ей тотчас обвенчаться с музыкантом. Когда это сделали, король сказал:

— Теперь тебе, как жене нищего, в моем замке оставаться не подобает, можешь себе отправляться со своим мужем куда угодно.

Вывел ее нищий за руку из замка, и пришлось ей идти с ним пешком. Пришли они в дремучий лес, и спрашивает она:

— Это чьи леса и луга?

— Это все короля-Дроздовика.

Не прогнала бы его, было б все тогда твое.

— Ах, как жалко, что нельзя

Мне вернуть Дроздовика!

Проходили они по полям, и спросила она опять:

— Это чьи поля и река?

— Это все короля-Дроздовика.

Не прогнала бы его, было б все тогда твое.

— Ах, как жалко, что нельзя

Мне вернуть Дроздовика!

Проходили они затем по большому городу, и спросила она опять:

— Чей прекрасный этот город?

— Короля-Дроздовика с давних пор он.

Не прогнала бы его, было б все тогда твое.

— Ах, как жалко, что нельзя

Мне вернуть Дроздовика!

— Мне вовсе не нравится, — сказал музыкант, — что ты все хочешь себе в мужья кого-то другого: разве я тебе не мил?

Подошли они, наконец, к маленькой избушке, и она сказала:

— Боже мой, а домишко-то какой!

Чей же он, такой плохой?

И музыкант ответил:

— Это дом мой да и твой, мы будем жить здесь с тобой вместе.

И пришлось ей нагнуться, чтобы войти в низкую дверь.

— А где же слуги? — спросила королева.

— Какие такие слуги? — ответил нищий. — Ты должна все делать сама, если хочешь, чтоб было что-нибудь сделано. Ну-ка, живе́й растапливай печь и ставь воду, чтоб мне пригото-вить обед, я очень устал.

Но разводить огонь и стряпать королева совсем не умела, и пришлось нищему самому приняться за работу; и дело кое-как обошлось. Поели они кое-чего впроголодь и легли спать.

Но только стало светать, он согнал ее с постели, и ей пришлось заняться домашней работой. Так прожили они несколько дней, ни плохо, ни хорошо, и все свои запасы поели. Тогда муж говорит:

— Жена, этак у нас ничего не получится, мы вот едим, а ничего не зарабатываем. Принимайся-ка ты за плетение корзин.

Он пошел, нарезал ивовых прутьев, принес их домой, и начала она плести, но жесткие прутья изранили ее нежные руки.

— Я вижу, дело это у тебя не пойдет, — сказал муж, — возьми-ка ты лучше за пряжу, — пожалуй, ты с этим справишься.

Она села и попробовала было прясть пряжу; но грубые нитки врезались в ее нежные пальцы, и из них потекла кровь.

— Видишь, — сказал муж, — ты ни на какую работу не годишься, трудненько мне с тобой придется. Попробую-ка я приняться за торговлю горшками и глиняной посудой. Ты должна будешь ходить на рынок и продавать товар.

«Ах, — подумала она, — еще чего доброго придут на рынок люди из нашего королевства и увидят, что я сижу и продаю горшки, то-то они надо мной посмеются!»

Но что было делать? Она должна была подчиниться, а не то пришлось бы им пропадать с голоду.

В первый раз дело пошло хорошо — люди покупали у нее товар, так как была она красивая, и платили ей то, что она запрашивала; даже многие платили ей деньги, а горшки ей оставляли. Вот так и жили они на это.

Накупил муж опять много новых глиняных горшков. Уселась она с горшками на углу рынка, а товар вокруг себя расставила и начала торговать. Но вдруг прискакал пьяный гусар, налетел прямо на горшки, — и остались от них одни лишь черепки. Начала она плакать и от страха не знала, как ей теперь быть.

— Ах, что мне за это будет! — воскликнула она, — что скажет мне муж?

И она побежала домой и рассказала ему про свое горе.

— Да кто ж на углу рынка с глиняной посудой садит-ся? — сказал муж. — А плакать ты перестань; я вижу, ты к приличной работе не годишься. Вот был я давеча в замке у нашего

короля и спрашивал, не нужна ли там будет судомойка, и мне пообещали взять тебя на работу; там будут тебя за это кормить.

И стала королевна судомойкой, ей пришлось помогать повару и исполнять самую черную работу. Она привязывала к своей сумке две мисочки и приносила в них домой то, что доставалось ей на долю от объедков,— тем они и питались.

Случилось, что на ту пору должны были праздновать свадьбу старшего королевича, и вот поднялась бедная женщина наверх в замок и стала у дверей в зал, чтоб поглядеть. Вот зажглись свечи, и входили туда гости один красивей другого, и все было полно пышности и великолепия. И подумала она с горестью в сердце про свою злую долю и стала проклинать свою гордость и надменность, которые ее так унизили и ввергли в большую нищету. Она слышала запах дорогих кушаний, которые вносили и выносили из зала слуги, и они бросали ей иной раз что-нибудь из объедков, она складывала их в свою мисочку, собираясь унести все это потом домой.

Вдруг вошел королевич, был он одет в бархат и шелк, и были у него на шее золотые цепи. Увидев у дверей красивую женщину, он схватил ее за руку и хотел было с ней танцевать; но она испугалась и стала отказываться,— узнала в нем короля-Дроздовика, что за нее сватался и которому она с насмешкой отказала. Но как она ни упиралась, а он все-таки втащил ее в зал; и вдруг оборвалась тесемка, на которой висела у нее сумка, и выпали из нее на пол мисочки и разлился суп.

Как увидели это гости, стали все смеяться, над нею подшучивать, и ей было так стыдно, что она готова была лучше сквозь землю провалиться. Бросилась она к двери и хотела убежать, но на лестнице ее нагнал какой-то человек и привел ее назад. Глянула она на него, и был то король-Дроздовик. Он ласково ей сказал:

— Ты не бойся, ведь я и музыкант, с которым ты вместе жила в бедной избушке,— это одно и то же. Это я из любви к тебе притворился музыкантом; а гусар, что перебил тебе все горшки,— это тоже был я. Все это я сделал, чтобы сломить твою гордость и наказать тебя за твое высокомерие, когда ты надо мной посмеялась.

Она горько заплакала и сказала:

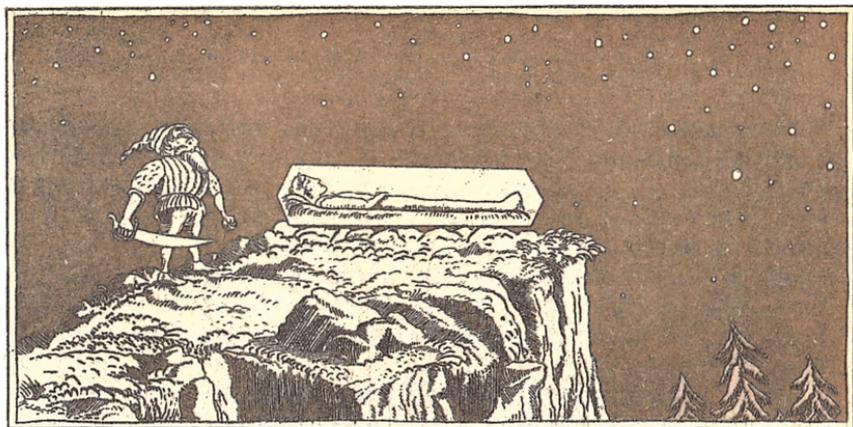
— Я была так несправедлива, что недостойна быть твоею женой.

Но он ей сказал:

— Успокойся, трудные дни миновали, а теперь мы отпразднуем нашу свадьбу.

И явились королевские служанки, надели на нее пышные платья; и пришел ее отец, а с ним и весь двор; они пожелали ей счастья в замужестве с королем-Дроздовиком; и настоящая радость только теперь и началась.

И хотелось бы мне, чтобы ты да я там побывали тоже.

Снегурочка

Это было в середине зимы.

Падали снежинки, точно пух с неба, и сидела королева у окна, — рама его была из черного дерева, — и королева шила. Когда она шила, загляделась на снег и уколола иглою палец, — и упало три капли крови на снег. И красное на белом снегу выглядело так красиво, что подумала она про себя: «Вот, если б родился у меня ребенок, белый, как этот снег, и румяный, как кровь, и черноволосый, как дерево на оконной раме!».

И родила королева вскоре дочку, и была она бела, как снег, румяна, как кровь, и такая черноволосая, как черное дерево, — и прозвали ее потому Снегурочкой. А когда ребенок родился, королева умерла.

Год спустя взял король себе другую жену. Эта была красивая женщина, но гордая и надменная, она терпеть не могла, когда кто-нибудь превосходил ее красотой. Было у нее волшебное зеркальце, и когда становилась она перед ним и глядела в него, то спрашивала:

Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всех красивей в нашей стране?

И зеркало отвечало:

Вы, королева, красивее всех в стране.

И она была довольна, так как знала, что зеркало говорит правду.

А Снегурочка за это время подросла и становилась все краше, и когда ей исполнилось семь лет, была она такая прекрасная, как ясный день, и красивей самой королевы. Когда королева спросила у своего зеркальца:

Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всех красивей в нашей стране?

Зеркальце ответило так:

Вы, госпожа королева, красивы собой,
Но Снегурочка в тысячу раз богаче красотой.

Испугалась тогда королева, пожелтела, позеленела от зависти. Увидит, бывало, Снегурочку — и сердце у ней разрывается, так невзлюбила она девочку. И зависть, и высокомерие разрастались, как сорные травы, в ее сердце все выше и выше, и не было ей отныне покоя ни днем, ни ночью.

Тогда она позвала одного из своих егерей и сказала:

— Заведи эту девочку в лес, — я больше видеть ее не могу. Ты должен ее убить и принести мне в знак доказательства ее легкие и печень.

Егерь послушался и завел девочку в лес; но когда он вытащил свой охотничий нож и хотел было уже пронзить ни в чем не повинное сердце Снегурочки, та стала плакать и просить:

— Ах, милый егерь, оставь меня в живых! Я убегу далеко-далеко в дремучий лес и никогда не вернусь домой.

И оттого, что была она такая красивая, егерь над ней сжался и сказал:

— Так и быть, беги, бедная девочка!

И подумал про себя: «Все равно там тебя скоро съедят дикие звери», — и будто камень свалился у него с сердца, когда не пришлось ему убивать Снегурочку.

И как раз в это время подбежал молодой олень, егерь его заколол, вырезал у него легкие и печень и принес их королеве в знак доказательства, что ее приказание исполнено. Повару было велено сварить их в соленой воде, и злая женщина их съела, думая, что это легкие и печень Снегурочки.

Осталась бедная девочка в дремучем лесу одна-одинешенька, и в страхе она оглядела все листики на деревьях, не зная, как ей быть дальше, как своему горю помочь.

Она пустилась бежать, и бежала по острым камням, через колючие заросли; и прыгали около нее дикие звери, но ее не трогали. Бежала она сколько сил хватило, но вот стало, наконец, смеркаться. Вдруг она увидела маленькую избушку и зашла в нее отдохнуть. И было в той избушке все таким маленьким, но красивым и чистым, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Стоял там накрытый белой скатертью столик, а на нем семь маленьких тарелочек, возле каждой тарелочки по ложечке, а еще семь маленьких ножей и вилок и семь маленьких кубков. Стояли у стены в ряд семь маленьких кроваток, и были они покрыты белоснежными покрывалами.

Захотелось Снегурочке поесть и попить, она взяла из каждой тарелочки понемногу овощей и хлеба и выпила из каждого кубочка по капельке вина, — ей не хотелось пить все из

одного. А так как она очень устала, то легла в одну из постелек, но ни одна из них для нее не подходила: одна была слишком длинной, другая слишком короткой; но седьмая оказалась, наконец, ей как раз впору; она в нее улеглась и, отдавшись на милость господню, уснула.

Когда уже совсем стемнело, пришли хозяева избушки; были то семеро карликов, которые в горах добывали руду. Они зажгли семь своих лампочек, и когда в избушке стало светло, они заметили, что у них кто-то был, потому что не все оказалось в том порядке, в каком было раньше. И сказал первый карлик:

— Кто это на моем стуле сидел?

Второй:

— Кто это из моей тарелочки ел?

Третий:

— Кто взял кусок моего хлебца?

Четвертый:

— А кто мои овощи ел?

Пятый:

— Кто моей вилочкой брал?

Шестой:

— А кто моим ножичком резал?

Седьмой спросил:

— Кто это пил из моего маленького кубка?

Оглянулся первый и заметил на своей постельке маленькую складочку, и спросил:

— А кто это лежал на моей кровати?

Тут сбежались остальные и стали говорить:

— И в моей тоже кто-то лежал.

Глянул седьмой карлик на свою постель, видит — лежит в ней Снегурочка и спит. Кликнул он тогда остальных; подбежали они, стали от удивления кричать, принесли семь своих лампочек и осветили Снегурочку.

— Ах, боже мой! Ах, боже мой! — воскликнули они. — Какой, однако, красивый ребенок!

Они так обрадовались, что не стали ее будить и оставили ее спать в постельке. А седьмой карлик проспал у каждого из своих товарищей по часу, — так вот и ночь прошла.

Наступило утро. Проснулась Снегурочка, увидела семь карликов и испугалась. Но были они с ней ласковы и спросили ее:

— Как тебя звать?

— Меня зовут Снегурочкой, — ответила она.

— Как ты попала в нашу избушку? — продолжали спрашивать карлики.

И она рассказала им о том, что мачеха хотела ее убить, но егеря сжалился над ней, и что бежала она целый день, пока, наконец, не нашла их избушку.

Карлики спросили:

— Хочешь вести у нас хозяйство? Стряпать, постели взбивать, стирать, шить и вязать, все содержать в чистоте и порядке, — если ты на это согласна, то можешь у нас остаться, и будет у тебя всего вдосталь.

— Хорошо, — сказала Снегурочка, — с большой охотой, — и осталась у них.

Она содержала избушку в порядке. Утром карлики уходили в горы копать руду и золото, а вечером возвращались домой, и она должна была к их приходу готовить им ужин. Целый день девочке приходилось оставаться одной, и потому добрые карлики ее предостерегали и говорили:

— Берегись своей мачехи: она скоро узнает, что ты здесь. Смотри, никого не впускай в дом.

А королева, съев легкие и печень Снегурочки, стала опять думать, что она теперь самая первая красавица в стране. Она подошла к зеркалу и спросила:

Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всех красивей в нашей стране?

И ответило зеркало:

Вы, королева, красивы собой,
Но Снегурочка там, за горами,
У карлов семи за стенами,
В тысячу раз богаче красой!

Испугалась тогда королева, — она ведь знала, что зеркальце говорит правду, и поняла, что егеря ее обманул, что Снегурочка еще жива. И она стала снова думать и гадать, как бы ее извести. И не было ей от зависти покоя, оттого что не она самая первая красавица в стране.

И вот под конец она кое-что надумала: она накармила себе лицо, переделалась старой торговкой, и теперь ее никак нельзя было узнать. Направилась она через семь гор к семи карликам, постучалась в дверь и говорит:

— Продаю товары хорошие! Продаю!

Глянула Снегурочка в окошко и говорит:

— Здравствуй, голубушка! Ты что продаешь?

— Хорошие товары, прекрасные товары, — ответила та, — шнурки разноцветные, — и достала ей один из них показать, и был он сплетен из пестрого шелка.

«Эту почтенную женщину можно, пожалуй, и в дом пустить», — подумала Снегурочка. Она отодвинула дверной засов и купила себе красивые шнурки.

— О, как они тебе идут, девочка, — молвила старуха, — дай-ка я зашнурую тебе лиф как следует.

Снегурочка, не предвидя ничего дурного, стала перед нею и дала затянуть на себе новые шнурки. И начала старуха шнуровать, да так быстро и так туго, что Снегурочка задохнулась и упала замертво наземь.

— Это за то, что ты самой красивой была, — сказала королева и быстро исчезла.

А вскоре, к вечеру, вернулись семь карликов домой, и как они испугались, когда увидели, что их милая Снегурочка лежит на полу — не двинется, не шелохнется, словно мертвая! Они подняли ее и увидели, что она крепко-накрепко зашнурована; тогда разрезали они шнурки, и стала она понемногу дышать и постепенно пришла в себя.

Когда карлики услышали о том, как все это случилось, они сказали:

— Старая торговка была на самом-то деле злой королевой. Берегись, не впускай к себе никого, когда нас нет дома. А злая женщина возвратилась тем временем домой, подошла к зеркальцу и спросила:

Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всех красивей в нашей стране?

Ответило ей зеркало, как прежде:

Вы, королева, красивы собой,
Но Снегурочка там, за горами,
У карлов семи за стенами,
В тысячу раз богаче красотой!

Когда она услышала такой ответ, вся кровь прилила у ней к сердцу, так она испугалась, — она поняла, что Снегурочка ожила снова.

— Ну, уж теперь, — сказала она, — я придумаю такое, что погубит тебя наверняка, — и, зная разное колдовство, она приготовила ядовитый гребень. Потом переделалась она и притворилась другою старухой. И отправилась за семь гор к семи карликам, постучалась в дверь и говорит:

— Продаю товары хорошие! Продаю!

Снегурочка выглянула в окошко и говорит:

— Проходи себе дальше, в дом пускать никого не велено!

— Поглядеть-то, пожалуй, можно, — молвила старуха, достала ядовитый гребень и, подняв его вверх, показала Снегурочке.

Он так понравился девочке, что она дала себя обмануть и открыла дверь. Они сошлись в цене, и старуха сказала:

— Ну, а теперь дай-ка я тебя как следует причешу.

Бедная Снегурочка, ничего не подозревая, дала старухе себя причесать; но только та прикоснулась гребешком к ее волосам, как яд стал тотчас действовать, и девочка упала без чувств наземь.

— Ты, писаная красавица,— сказала злая женщина,— уж теперь-то пришел тебе конец! — И сказав это, она ушла.

Но, по счастью, дело было под вечер, и семеро карликов вскоре вернулись домой. Заметив, что Снегурочка лежит на полу мертвая, они тотчас заподозрили в этом мачеху, стали доискиваться, в чем дело, и нашли ядовитый гребень; и как только они его вытащили, Снегурочка опять пришла в себя и рассказала им обо всем, что случилось. Тогда карлики еще раз предупредили ее, чтоб она была поосторожней и дверь никому не открывала.

А королева возвратилась домой, села перед зеркалом и говорит:

Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всех красивей в нашей стране?

И ответило зеркало, как прежде:

Вы, королева, красивы собой,
Но Снегурочка там, за горами,
У карлов семи за стенами,
В тысячу раз богаче красой!

Услышав, что говорит зеркало, она вся задрожала-затрепетала от гнева.

— Снегурочка должна погибнуть,— крикнула она,— даже если бы это мне самой стоило жизни!

И она отправилась в потайную комнату, куда никто никогда не входил, и приготовила там ядовитое-преядовитое яблоко. Было оно на вид очень красивое, белое с красными крапинками, и всякий, кто его бы увидел, захотел бы его съесть; но кто съел хотя бы кусочек, тот непременно бы умер.

Когда яблоко было готово, королева накрасила себе лицо, переделалась крестьянкой и отправилась в путь-дорогу — за семь гор, к семи карликам. Она постучалась; Снегурочка высунула голову в окошко и говорит:

— Пускать в дом никого не велено — семь карликов мне это запретили.

— Оно правильно,— ответила крестьянка,— но куда же я дену свои яблоки? Хочешь, я тебе одно из них подарю?

— Нет,— сказала Снегурочка,— мне брать ничего не велено.

— Ты, что ж, отравы боишься? — спросила старуха.— Погляди, я разрежу яблоко на две половинки: румяную съешь ты, а белую я.

А яблоко было сделано так хитро, что только румяная его половинка была отравленной. Захотелось Снегурочке отведать прекрасного яблока, и когда она увидела, что крестьянка его ест, девочка не удержалась, высунула из окошка руку и взяла отравленную половинку. Только откусила она кусок, как тотчас упала замертво наземь. Посмотрела на нее своими страшными глазами королева и, громко захохотав, сказала:

— Бела, как снег, румяна, как кровь, черноволоса, как черное дерево! Уж теперь-то твои карлики не разбудят тебя никогда!

Она вернулась домой и стала спрашивать у зеркала:

Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всех красивей в нашей стране?

И ответило зеркало наконец:

Вы, королева, красивей во всей стране.

Успокоилось тогда ее завистливое сердце, насколько может подобное сердце найти себе покой.

Карлики, возвратясь вечером домой, нашли Снегурочку лежащей на земле, бездыханной и мертвой. Они подняли ее и стали искать отраву: они расшнуровали ее, причесали ей волосы, обмыли ее водой и вином, но ничего не помогло,— бедная девочка, как была мертвой, так мертвой и осталась.

Положили они ее в гроб, уселись все семеро вокруг нее, стали ее оплакивать, и проплакали так целых три дня. Потом они решили ее похоронить, но она выглядела, как живая,— щеки у нее были по-прежнему красивые и румяные.

И сказали они:

— Как можно ее такую в землю закапывать?

И они велели сделать для нее стеклянный гроб, чтоб можно было ее видеть со всех сторон, и положили ее в тот гроб, написали на нем золотыми буквами ее имя и что была она королевской дочерью. Отнесли они гроб на гору, и всегда один из них оставался при ней на страже. И явились также звери и птицы оплакивать Снегурочку: сначала сова, потом ворон и, наконец, голубок.

И долго-долго лежала в своем гробу Снегурочка, и казалось, что она спит,— была она бела, как снег, румяна, как кровь, и черноволоса, как черное дерево.

Но однажды случилось, что заехал королевич в тот лес и попал в дом карликов, чтобы там переночевать. Он увидел на горе гроб, а в нем прекрасную Снегурочку, и прочел, что

было написано на нем золотыми буквами. И сказал он тогда карликам:

— Отдайте мне этот гроб, я дам вам за это все, что вы пожелаете.

Но карлики ответили:

— Мы не отдадим его даже за все золото на свете.

Тогда он сказал:

— Так подарите мне его, — я не могу жить, не видя Снегурочки, я буду ее глубоко уважать и почитать, как свою возлюбленную.

Когда он это сказал, добрые карлики сжалились над ним и отдали ему гроб; и велел королевич своим слугам нести его на плечах. Но случилось так, что они споткнулись в кустах, и от сотрясения кусок отравленного яблока выпал из горла Снегурочки. Тут открыла она глаза, подняла крышку гроба, а потом встала из него и ожила снова.

— Ах, господи, где ж это я? — воскликнула она.

Королевич, обрадованный, ответил:

— Ты со мной, — и рассказал ей все, что произошло, и молвил: — Ты мне милее всего на свете; пойдем вместе со мной в замок моего отца и ты будешь моею женой.

Снегурочка согласилась и пошла вместе с ним; и отпраздновали они свадьбу с большой пышностью.

Но на свадебный пир была приглашена и злая мачеха Снегурочки. Нарядилась она в красивое платье, подошла к зеркалу и сказала:

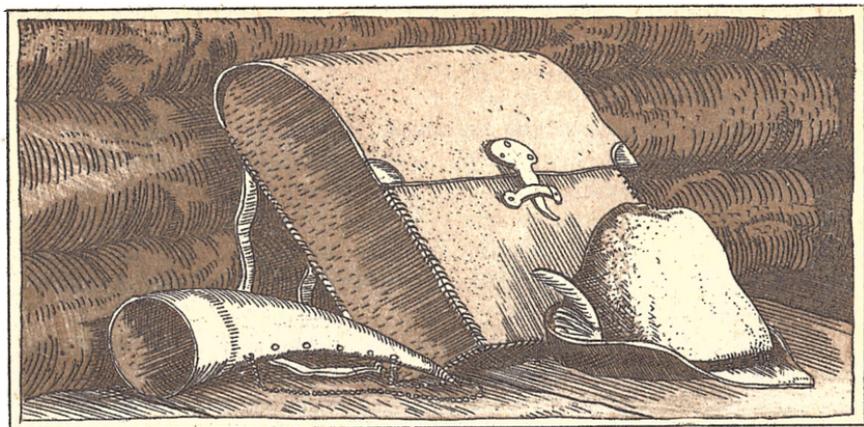
Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всех красивей в нашей стране?

И ответило зеркало:

Вы, госпожа королева, красивы собой,
Но королева в тысячу раз богаче красой!

И вымолвила тогда злая женщина свое проклятье, и стало ей так страшно, так страшно, что она не знала, как ей с собой совладать. Сначала она решила совсем не идти на свадьбу, но не было ей покоя — ей хотелось пойти и посмотреть на молодую королеву. Она вошла во дворец и узнала Снегурочку, и от страха и ужаса — как стояла, так на месте и застыла.

Но были уже поставлены для нее на горящие угли железные туфли, их принесли, держа щипцами, и поставили перед нею. И она должна была ступить ногами в докрасна раскаленные туфли и плясать в них до тех пор, пока, наконец, не упала, мертвая, наземь.

*Ранец,
шапочка и рожок*

Жили когда-то три брата. Стали они все беднеть и беднеть и, наконец, так обеднели, что пришлось им совсем голодать, — не было у них даже и куска хлеба на пропитание. Вот они и говорят:

— Так жить больше нельзя; уж лучше мы пойдем по свету счастья искать.

Собрались они в путь и прошли уже далеко, много дорог и тропок поисходили, но счастья нигде так и не нашли. Вот попали они раз в дремучий лес, а посреди него стояла гора; подошли ближе, видят — а гора-то вся из серебра. И говорит старший:

— Ну вот я и нашел свое счастье желанное, а большего я не хочу. — Набрал он серебра столько, сколько был в силах нести, повернул назад и домой воротился.

А двое других говорят:

— От счастья мы хотим большего, чем одно лишь серебро, — и они не взяли его и двинулись дальше.

Шли они несколько дней и пришли к горе, была она вся золотая. Остановился второй брат, подумал и не знал, как ему поступить.

— Что мне делать? — говорит он. — Взять ли мне золота, чтоб на всю жизнь хватило, или дальше идти?

Наконец он решился и набил все карманы золотом; простился со своим братом и домой воротился.

А третий сказал:

— Что мне серебро да золото! Не хочу я отказываться от своего счастья, — может, выпадет мне на долю что-нибудь получше.

Он двинулся дальше, прошел еще три дня и попал в лес, был он куда побольше, чем прежние, и не было ему ни конца, ни края; и не мог он там ничего найти, чтоб поесть и попить, и начал уже из сил выбиваться.

Тогда он взобрался на высокое дерево — поглядеть, не будет ли видно сверху, где тому лесу конец; но куда он ни смотрел, видны были одни лишь вершины деревьев. Тогда он спустился с дерева, но его мучил голод, и он подумал: «Ах, если б поесть мне еще хоть разок». Только он слез с дерева, видит, стоит под деревом стол, и на нем поставлены разные кушанья, и поднимается от них пар.

— Ну, на этот раз,— сказал он,— мое желанье исполнилось вовремя,— и, не допытываясь, кто это принес еду, кто ее приготовил, он сел за стол и ел с удовольствием, пока не утолил голод.

Кончил он есть и подумал: «Жаль, что такая хорошая скатерка пропадает здесь в лесу»,— он сложил ее и сунул в карман.

Он пошел дальше, и к вечеру, когда он опять почувствовал голод, ему захотелось испробовать свою скатерть. Вот разложил он ее и говорит:

— Хочу, чтоб ты была опять вся уставлена хорошими кушаньями!

И только он вымолвил свое желанье, как появилось на ней множество блюд с прекраснейшими кушаньями, сколько места хватало.

— Теперь я вижу,— сказал он,— в какой кухне варят мне пищу; ты мне дороже, чем целая гора серебра и золота.— Он понял, что это скатерть-самобранка.

Но чтоб вернуться домой спокойно, скатерти-самобранки ему было мало: ему хотелось постранствовать еще по белу свету и попытать счастья. Встретил он раз вечером в дремучем лесу чумазого угольщика; тот обжигал уголь, и варилась у него на огне к ужину картошка.

— Добрый вечер, черный дрозд,— сказал он,— как ты тут один живешь-поживаешь?

— Да изо дня в день одно и то же,— ответил угольщик,— каждый вечер — картошка; хочешь со мною поесть — будешь гостем моим.

— Спасибо,— ответил странник,— но я не хочу отнимать у тебя твоего ужина: на гостя ты не рассчитывал; а вот, если тебе угодно, то я тебя приглашаю на ужин.

— А кто же тебе приготовит ужин?— спросил угольщик.— Я вижу, что у тебя с собой ничего нету; а тут и два часа пройдешь — никого не встретишь, кто мог бы дать тебе что-нибудь поесть.

— А еда все-таки будет,— ответил странник,— да еще такая вкусная, какой ты ни разу не пробовал.

И вот достал он из ранца свою скатерть, разложил ее на земле и говорит:

— Скатерть, накройся!— И тотчас появилось жареное и вареное, и было оно горячее, словно только что из кухни принесено.

Угольщик вытаращил глаза, но долго просить себя не заставил, подсел к еде и стал запихивать в свой черный рот куски, какие побольше. Когда они поели, ухмыльнулся угольщик и говорит:

— Послушай, а скатерка-то твоя мне нравится; она была бы мне в лесу подходящей, ведь тут никто не сварит тебе никогда чего-нибудь вкусного. Давай меняться. Вон висит у меня в углу солдатский ранец; хоть он и старый и на вид неказистый, зато таятся в нем чудесные силы; мне он, пожалуй, больше не нужен, и я готов обменять его на скатерку.

— Но сперва мне надо узнать, какие в нем чудесные силы таятся,— сказал странник.

— А я тебе расскажу,— ответил угольщик:— вот как ударишь ты по нему рукой, то явится тотчас ефрейтор с шестью солдатами, вооруженными с ног до головы, и что ты им ни прикажешь, то они и сделают.

— Что ж,— сказал странник,— я, пожалуй, готов поменяться,— и он отдал угольщику скатерть, снял со стены ранец, повесил его себе на спину и попрощался.

Прошел он часть пути, и захотелось ему испытать чудесную силу своего ранца, он хлопнул по нему рукой, и вмиг перед ним явилось семеро воинов, и ефрейтор сказал:

— Что прикажете, мой сударь и господин начальник?

— Отправляйтесь ускоренным маршем к угольщику и потребуйте у него назад мою скатерть-самобранку.

Они сделали «налево кругом» и вскоре принесли то, что он приказал,— они отобрали у угольщика, не долго спрашивая, скатерть-самобранку.

Затем он приказал им вернуться назад в ранец и отправился дальше, надеясь, что счастье ему улыбнется еще больше. На заходе солнца пришел он к другому угольщику, который готовил себе на костре ужин.

— Хочешь поужинать вместе со мной,— спросил его чумазый парень,— с солью картошки, а сала ни крошки, так подсаживайся ко мне ближе.

— Нет,— ответил странник,— уж будь ты у меня на этот раз гостем,— и он разостлал свою скатерку; и появились на ней тотчас самые прекрасные кушанья. Сели они рядом, стали пить и развеселились.

Поел угольщик и говорит:

— Да, вот лежит у меня наверху на полке старая, поношенная шапка, но у ней чудесные свойства: сто́ит ее надеть да повернуть на голове, и вмиг явятся пушки, и будет наведено их целых двенадцать в ряд, и они все перестреляют, — никто перед ними не устоит. Шапка-то эта мне не нужна, а за твою скатерть я бы охотно ее тебе отдал.

— Что ж, это, пожалуй, подходит, — ответил парень, взял шапку, надел ее, а угольщику оставил свою скатерку.

Прошел он часть дороги и ударил о свой ранец, и его солдаты доставили ему назад скатерку. «Одно к одному подходит, — подумал он, — но мне кажется, что счастье мое еще впереди». И надежды его не обманули.

Прошел он еще день и пришел к третьему угольщику; этот тоже пригласил его, как и те, отведать его картошки без сала. Но он пригласил его поесть с ним на скатерти-самобранке, и это так пришлось угольщику по вкусу, что он предложил ему рожок, который обладал совсем иными свойствами, чем шапочка. Если на этом рожке заиграть, то рухнут все стены и крепости и обратятся все города и деревни в развалины. И вот, хотя он и отдал угольщику за рожок скатерку, но тотчас велел своим солдатам ее снова вернуть. Наконец оказались у него и ранец, и шапочка, и рожок.

— Теперь, — сказал он, — у меня, пожалуй, есть все; пора и домой возвращаться и поглядеть, как моим братьям живется.

Воротился он домой, а братья тем временем выстроили себе за серебро и золото прекрасный дом и жили в нем припеваючи. Вошел он к ним в дом в потрепанной куртке, на голове старая, поношенная шапочка да старый ранец за плечами, — они его и за брата своего признать не хотели. Стали над ним насмехаться и говорят:

— Ты вот себя нашим братом считаешь, а серебром да золотом пренебрег и пожелал себе бóльшего счастья. Нет, наш брат явится окруженный пышностью и богатством, уж наверняка могущественным королем, а не каким-то нищим, — и прогнали они его со двора.

Тут разгневался он и начал бить по своему ранцу до тех пор, пока не стали перед ним в шеренгу сто пятьдесят солдат. Он велел им окружить дом своих братьев, а двум солдатам приказал взять прутья и начесать кожу двум гордецам, пока те не признают, кто он такой. Поднялась сильная суматоха, посбежались люди, чтобы помочь братьям в беде, но с солдатами никак не могли справиться. Наконец доложили о том королю,

и был король недоволен и велел выслать своего начальника с отрядом солдат, чтобы выгнать из города нарушителей порядка; но у человека, обладавшего ранцем, оказался вскоре куда больший отряд, и он заставил отступить королевского начальника и его солдат с разбитыми носами назад. И сказал король:

— Этого беглого вора надо, однако, поймать.

На другой день он выслал против него бóльший отряд, но успех был еще меньший. Тот выставил против него солдат еще больше, и чтобы поскорее покончить с королевским отрядом, он повернул на голове раз-другой свою шапчонку — и начали палить тяжелые пушки, и королевские солдаты были разбиты и обращены в бегство.

— А теперь я не заключу мира, — сказал он, — пока король не отдаст мне дочь свою в жены и пока не буду я управлять всей страной.

Об этом он и велел известить короля, и тот сказал своей дочери:

— Что теперь делать? Придется выполнить то, что он требует. Если желать сохранить мир и корону на голове, то мне ничего не остается другого, как выдать тебя за него замуж.

И вот отпраздновали свадьбу; но молодой королеве было обидно, что муж у нее простой человек, носит потрепанную шапчонку, за плечами старый ранец. Ей очень хотелось от него избавиться, и она думала день и ночь, как бы это ей сделать.

И вот она надумала: «А не в этом ли ранце кроется вся его чудесная сила?» — и она притворилась такой ласковой, разжаловала его и говорит:

— Снял бы ты свой старый ранец, он тебя так безобразит, что мне приходится за тебя краснеть.

— Моя любушка, — ответил он, — этот ранец и есть самое мое большое сокровище; пока он у меня, я не боюсь ничего на свете, — и он объяснил ей, какой волшебною силой тот обладает.

Тут бросилась она ему на шею, будто желая его расцеловать, а в это время ловко сняла у него с плеч ранец и, схватив его, убежала.

Когда она оказалась одна, она ударила по ранцу и приказала солдатам схватить и связать их прежнего хозяина и выгнать его из королевского дворца. Они повиновались, и тогда коварная жена вызвала еще солдат, чтобы прогнали они его вовсе из королевства. И пришлось бы ему погибнуть, если б не осталось у него шапочки. Только удалось ему освободить руки, повернул он на голове несколько раз шапочку, — и тотчас начали гро-

мыкать пушки, все было разгромлено, и пришлось самой королеве идти к нему и просить у него пощады. Она так ласково его просила и обещала исправиться, что, наконец, уговорила его заключить мир. И притворилась она такой любящей, что сумела вскоре его одурачить, и он рассказал ей, что если кто и захватит у него ранец, то все же его одолеть нельзя до тех пор, пока находится у него эта старая шапочка.

Узнав эту тайну, она выждала, пока он уснул, забрала у него шапочку и велела вытолкать его на улицу. Но остался у него еще рожок; и вот, сильно разгневавшись, стал он дуть в него изо всех сил. И вмиг рухнуло все — стены и крепость, города и деревни, и были убиты при этом король с королевой. И не перестань он дуть в свой рожок, обратилось бы все в развалины и не осталось бы и камня на камне.

И вот с той поры никто уже больше не осмеливался выступать против него, и стал он королем над всею страной.

Золотая птица

Жил в стародавние времена король. Был у него позади замка прекрасный сад для гулянья, и росло в том саду дерево, на котором были золотые яблоки. Когда яблоки поспевали, им вели счет, но каждое утро одного яблока не доставало. Донесли о том королю, и он велел, чтобы каждую ночь под деревом ставили стражу.

Было у короля три сына, и вот с наступлением ночи послал он в сад старшего. Но к полуночи не мог он сна одолеть,

и наутро опять не досчитались одного яблока. На другую ночь должен был сторожить средний сын, но и с тем случилось то же самое: когда пробило двенадцать часов, он уснул, а наутро не досчитались одного яблока. Вот настал черед нести стражу младшему сыну; он уже было приготовился идти, но король не очень ему доверял и подумал, что этот справится с делом еще меньше, чем его братья, но под конец он все-таки его послал.

Вот улегся юноша под деревом, начал сторожить, но не допустил, чтобы сон его одолел. Пробило двенадцать часов, и вот в воздухе что-то зашумело; и он увидел в лунном сиянье летящую птицу, все перья блистали у нее золотом. Опустилась птица на дерево, и только отклевала она яблоко, как пустил юноша в нее стрелу. Птица улетела, но попала стрела ей в оперенье, и одно из ее золотых перьев упало наземь. Поднял его юноша, принес наутро королю и рассказал ему, что видел он ночью.

Собрал король тогда своих советников, и все в один голос решили, что такое перо, как это, дороже, пожалуй, целого королевства.

— Раз перо такое драгоценное, — сказал король, — то в таком случае мне одного будет мало, я хочу непременно иметь целую птицу.

И вот отправился в путь-дорогу старший сын; он полагался на свою рассудительность и думал, что золотую птицу он уж непременно добудет.

Прошел он ни много ни мало и увидел на лесной опушке лису; приложил он к плечу ружье и нацелился в нее. Но лиса закричала:

— Не бей меня, дам я тебе за это добрый совет. Ты на пути за золотою птицей, и нынче под вечер ты придешь в деревню, где находятся две харчевни, — они стоят одна напротив другой. Одна будет освещена ярко, в ней весело и шумно; но ты в эту не заходи, а ступай в другую, хотя она и покажется тебе с виду неказистой.

«Как может такой глупый зверь дать мне разумный совет!» — подумал королевич и выстрелил, но в лису не попал, она распустила свой хвост и убежала в лес. Потом он отправился дальше и пришел под вечер в деревню, где находились две харчевни — в одной плясали и пели, а у другой был вид убогий и мрачный.

«Был бы я дураком, — подумал он, — если бы пошел в дрянную, нищенскую харчевню, а хорошей бы пренебрег». И он направился в веселую харчевню и стал проводить там время в пирушках и радостях, а про птицу и про отца и все его добрые наставления и позабыл.

Прошло некоторое время, а старший сын все домой не возвращается; тогда собрался в путь-дорогу средний сын, — за-

хотелось ему найти золотую птицу. Как и старшему брату, повстречалась ему лиса, дала ему добрый совет, но он тоже не обратил на него внимания. Подошел он к двум харчевням, и стоял у окна одной из них его брат, неслись оттуда веселые песни, и брат окликнул его. Не мог средний брат удержаться, зашел в эту харчевню и стал там жить в свое удовольствие.

Снова прошло некоторое время, и захотелось младшему королевичу отправиться в путь-дорогу и попытать счастья. Но отец на это не соглашался.

— Это дело напрасное! — сказал он. — Куда уж ему найти золотую птицу, старшие братья уже ходили. А случись с ним какая беда, не сможет он из нее выбраться; ведь ума-то ему не хватает.

Но младший все не давал королю покоя, и тот позволил ему, наконец, отправиться в путь-дорогу. И сидела опять на лесной опушке лиса, стала его просить пощадить ей жизнь и дала ему добрый совет. Юноша был жалостлив и сказал:

— Лисичка, будь спокойна, зла я тебе не сделаю.

— Ты в этом не раскаешься, — ответила лиса, — а чтоб скорей тебе добраться до места, садись-ка ты ко мне на хвост.

И только он сел, как пустилась лиса бежать и понеслась через горы и доли, — только в ушах от ветра свистело. Прибыли они в деревню; протиснулся юноша с лисой, послушался ее доброго совета и зашел, не оглядываясь, прямо в харчевню, которая поплосе, и спокойно там переночевал.

На другое утро, только он вышел на поле, видит — сидит там лиса и говорит:

— Я расскажу, что делать тебе дальше. Ступай все напрямик, и подойдешь ты наконец к замку; увидишь, что перед замком залег целый отряд солдат, — но ты не беспокойся, все они будут спать и храпеть; пройди между ними посередине и ступай прямо в замок, пройди через все комнаты; войдешь потом в потайную комнату, и висит там деревянная клетка с золотой птицей, и стоит с ней рядом пустая золотая клетка, для пущей красоты. Но, смотри, берегись, не пересаживай птицу из простой клетки в дорогую, а не то тебе плохо придется.

Только сказала это лиса, протянула опять свой хвост, и уселся на него королевич. Понеслась лиса через леса и горы, — только в ушах от ветра свистело. Прибыл он к замку и увидел все, о чем говорила ему лиса. Вошел королевич в потайную комнату, и сидела там золотая птица в деревянной клетке, а золотая с ней рядом стояла, и лежали в комнате по углам три золотых яблока. И он подумал, что было бы смешно, если б он оставил такую прекрасную птицу в простой и некрасивой клетке. Он открыл дверцу, схватил птицу и пересадил ее в золотую. Но в этот миг закричала птица пронзитель-

ным голосом. Проснулись солдаты, вбежали в комнату и ответили ему в темницу.

На другое утро привели его на суд, и так как он во всем признался, то присудили его к смертной казни. Но король сказал, что готов его помиловать, если он доставит ему золотого коня, что скачет быстрее ветра, и тогда он получит в награду золотую птицу.

Отправился королевич в путь-дорогу; вздохнул и запечалился, не зная, где ж ему отыскать золотого коня. И вдруг увидел он старого своего друга — лису; сидела она у дороги.

— Вот видишь, — сказала лиса, — так вышло оттого, что ты меня не послушался. Но духом не падай, я тебе помогу и скажу, как раздобыть тебе золотого коня. Ты должен идти все напрямик, и подойдешь ты к замку, — там и стоит конь на конюшне. И будут лежать перед конюшной конюхи, но они будут спать и храпеть, и ты сможешь спокойно вывести золотого коня. Но ты должен запомнить хорошо одно: седлай его плохим седлом из дерева и кожи, а никак не золотым, что будет висеть рядом, а не то плохо тебе придется.

Вытянула лиса свой хвост, сел на него королевич, и понесла его лиса через леса и горы, — только в ушах от ветра свистело.

Случилось все так, как говорила лиса, — зашел он в конюшню, где стоял золотой конь, хотел оседлать его плохим седлом, да подумал: «Стыдно не оседлать такую прекрасную лошадь дорогим седлом, как это ей подобает». Но только прикоснулось золотое седло к коню, как начал он громко ржать. Проснулись конюхи, схватили юношу и бросили его в темницу. На другое утро суд приговорил его к смертной казни. Но король пообещал его помиловать и подарить ему золотого коня, если он добудет ему из золотого замка прекрасную королеву.

С тяжелым сердцем отправился юноша в путь-дорогу, но, по счастью, он повстречал вскоре свою верную лису.

— Следовало бы тебя в несчастье покинуть, — сказала лиса, — но мне тебя жаль, и я еще раз выручу тебя из беды. Дорога приведет тебя как раз к золотому замку; туда ты придешь вечером, а ночью, когда все утихнет, выйдет прекрасная королева в купальню купаться. Когда она будет туда входить, ты подскочи к ней и поцелуй ее один раз, тогда она пойдет за тобой, и ты сможешь ее увести оттуда. Но только никак не соглашайся, чтоб она перед этим прощалась со своими отцом-матерью, а не то плохо тебе придется.

Протянула лиса свой хвост, сел на него королевич, и понесла она его через леса и горы, — только в ушах от ветра гудело.

Вот подъехал он к золотому замку, и было все, как сказала ему лиса. Подождал он до полуночи, когда все погрузилось в глубокий сон, и вышла прекрасная девушка в купальню; тут

выскочил он и поцеловал ее один раз. Она сказала ему, что охотно пойдет за него замуж, но стала его со слезами на глазах умолять, чтоб дозволил он ей перед этим проститься с родителями. Сначала он противился ее просьбам, но она горько заплакала, бросилась ему в ноги, и он, наконец, уступил. И только подошла девушка к постели своего отца, как он тотчас проснулся, а за ним и все остальные в замке, и юношу схватили и посадили в темницу.

На другое утро сказал ему король:

— Ты заплатишься за это своей жизнью и только тогда будешь помилован, если сроешь гору, что находится перед моими окнами,— из-за нее я не вижу, что делается кругом; и должен ты это выполнить в течение восьми дней. Удастся это тебе — ты получишь за это в награду мою дочь.

Принялся королевич за работу, стал рыть и копать лопатой без отдыха, но спустя семь дней он увидел, как мало он сделал и что вся его работа ничего не стоит, и он совсем пригорюнился,— все надежды его рухнули.

А на седьмой день вечером явилась лиса и говорит:

— Ты не стоишь того, чтоб я о тебе заботилась; но ступай да ложись себе спать, я всю работу за тебя выполню.

Проснулся он на другое утро, глянул в окошко, видит — горы как не бывало. Поспешил юноша на радостях к королю и объявил ему, что условие его выполнено; и хотелось ли королю, или не хотелось, а пришлось ему слово свое сдержать и отдать ему свою дочь.

Отправились они вместе из замка; прошло немного времени, и вот явилась к ним лиса.

— Хотя ты и обладаешь теперь самым дорогим,— сказала она,— но девушке из золотого замка принадлежит и золотой конь.

— А как же мне его добыть?— спрашивает юноша.

— Это я тебе объясню,— отвечала лиса.— Ты сперва отведи прекрасную девушку к королю, который послал тебя в золотой замок; будет там неслыханная радость, и они отдадут тебе охотно золотого коня и сами его выведут. Мигом садись на него и протяни им всем на прощанье руку, а напоследок прекрасной девушке; и как только ты возьмешь ее за руку, втащи ее сразу на коня и скачи во весь дух оттуда,— и никто не сможет тебя догнать: тот конь летит быстрее ветра.

Все удалось счастливо, и королевич увез прекрасную девушку на золотом коне. Но лиса их не бросила и молвила юноше:

— А теперь я тебе помогу добыть и золотую птицу. Когда ты подъедешь к тому замку, где находится птица, то сними девушку с коня, а я уж за ней присмотрю. Затем въезжай на золотом коне во двор замка,— тебя увидят, и будет там великая радость; и они вынесут тебе золотую птицу. Когда клетка с птицей будет у тебя в руках, ты скачи во весь опор к нам назад и возьмишь снова прекрасную девушку.

Когда все счастливо исполнилось и королевич уже собирался ехать со своими сокровищами домой, говорит ему лиса:

— Теперь ты должен отблагодарить меня за помощь.

— А что ж ты за это от меня потребуешь? — спросил юноша.

— Когда мы будем в лесу, ты меня пристрели и отруби мне голову и лапы.

— Нечего сказать, хороша благодарность,— молвил королевич,— этого я уж никак выполнить не смогу.

Говорит лиса:

— Если ты этого сделать не хочешь, я должна буду тебя покинуть. Но прежде чем я от тебя уйду, я хочу дать тебе еще один добрый совет: бойся двух вещей — не покупай мяса с виселицы и не садись на краю колодца.

Затем лиса убежала в лес.

Юноша подумал: «Что за диковинный зверь и какие странные у него причуды. Кто же станет покупать мясо с виселицы! А желания сидеть на краю колодца у меня никогда не было».

Поехал он вместе с прекрасной девушкой дальше; а дорога проходила через ту деревню, где остались его оба брата. И было там большое сборище и много шуму. Королевич спросил, что тут случилось; ему ответили, что здесь должны повесить двух людей. Подошел он — видит, что это два его брата, которые совершили разные злые дела и прогуляли все свое состояние. Он спросил, нельзя ли будет их освободить.

— Можно, если вы согласны за них уплатить,— ответили люди, но зачем вам выбрасывать деньги понапрасну и их выкупать?

Но королевич не раздумывая за них уплатил, и вот они оказались на свободе и двинулись дальше все вместе. Попали они в тот самый лес, где повстречалась им впервые лиса. Солнце горячо припекало, а в лесу было прохладно и приятно, и вот говорят два брата:

— Давайте отдохнем у колодца, поедим и напьемся.

Он согласился, но за разговорами позабыл про совет лисы и сел на краю колодца, не предчувствуя ничего дурного. Тогда

двое братьев сбросили его в колодец, захватили девушку, коня и птицу и направились домой к своему отцу.

— Вот, — говорят они, — привезли мы не только золотую птицу, а достали еще и золотого коня и девушку из золотого замка.

И была там великая радость, но конь ничего не ел, птица не пела, а девушка сидела и все плакала.

Но младший брат не погиб. По счастью, колодец оказался сухим, он упал на мягкий мох, не причинив себе никакого вреда, но выбраться он оттуда не мог. Но и в этой беде его не покинула верная лиса. Она прибежала к нему, стала его бранить, что он забыл про ее совет.

— Но все-таки я не могу тебя покинуть, — сказала она, — и помогу тебе выбраться из колодца.

Она велела ему уцепиться за ее хвост и держаться покрепче и вытащила его наверх.

— Но ты еще не совсем избавился от опасности, — сказала лиса. — Твои братья не уверены в твоей гибели, и они расставили по всему лесу сторожей, чтоб тебя убить, если тебя заметят.

А сидел у дороги нищий, и вот обменялся юноша с ним одеждой и явился, переодетый, к королевскому двору. Его никто не узнал, но птица начала петь, конь начал есть, а прекрасная девушка перестала плакать.

Спросил король в удивленье:

— Что это значит?

А девушка ему говорит:

— Не знаю, мне было прежде так грустно, а теперь стало радостно. Мне кажется, что явился мой настоящий жених.

И она рассказала королю обо всем, что случилось, хотя оба брата и угрожали ей смертью, если она проговорится. Тогда велел король призвать к себе всех людей, бывших в замке, явился и юноша, переодетый нищим; но девушка тотчас его узнала и кинулась к нему на шею. Злых братьев схватили и казнили, а младшего повенчали с прекрасной девушкой, и он был назначен наследником короля.

А что же случилось с бедной лисой?

Прошло много времени, и отправился раз королевич снова в тот самый лес. Повстречалась ему лиса и говорит:

— Теперь у тебя есть все, что ты мог себе пожелать, а вот моему несчастью никак не может наступить конец, но в твоих силах меня выручить, — и стала лиса опять его просить и умолять, чтобы он согласился ее застрелить и отрубить ей голову и лапы. Так он и сделал; и только выполнил он ее просьбу, как обернулась лиса юношей, а был то не кто иной, как брат прекрасной королевны, который наконец-то был освобожден от злого заклятья. И теперь у них было все, чтобы быть всю свою жизнь счастливыми.

Собака и воробей

Не было у овчарки доброго хозяина, а был у нее такой, что всё морил ее голодом. Вот не стало у нее сил больше терпеть, и ушла она от него, грустная да печальная. Встретился ей по пути воробей и спрашивает:

— Отчего ты, сестрица-собака, так пригорюнилась?

Ответила собака:

— Я голодная, а есть-то мне нечего.

Воробей и говорит:

— Давай, милая сестрица, пойдем с тобой в город, я накормлю тебя досыта.

Пошли они в город. Проходили они мимо мясной лавки, а воробей и говорит собаке:

— Ты постой тут, а я тебе отключу кусочек мяса.

Он сел на прилавок, оглянулся кругом, никого не видно, и давай клевать мясо; он тащил и рвал кусок, что лежал на краю, пока тот не свалился на землю. Схватила мясо собака, побежала в уголок и все мясо поела, а воробей и говорит:

— А теперь пойдем к другой лавке, я сброшу тебе еще кусок, чтобы ты наелась как следует.

Съела собака и другой кусок мяса, а воробей спрашивает:

— Ну, сестрица-собака, наелась ты теперь досыта?

— Да, я мясом уже сыта, — ответила она, — но я еще хлеба не ела.

Сказал воробей:

— Хлеб ты тоже получишь, только ступай за мной.

И он привел ее к булочной и начал клевать две булочки, пока они вниз скатились. Но захотелось собаке еще, и повел ее воробей к другой булочной, сбросил ей еще хлебец. Собака съела его, а воробей и спрашивает:

— Ну что, сестрица-собака, наелась ты теперь досыта?

— Да, — ответила собака, — а теперь давай за город прогуляемся.

Вышли они на большую дорогу. Погода была теплая, прошли они немного, а собака и говорит:

— Я уморилась, хотелось бы мне немного поспать.

— Ладно, поспи,— ответил воробей,— а я тем временем на ветке посижу.

Улеглась собака на дороге и крепко уснула. А когда она лежала и спала, подъехал возница,— в повозку у него было запряжено трое лошадей, и лежали на повозке два бочонка вина. Увидал воробей, что возница и не думает сворачивать с дороги, а продолжает ехать по колее, где лежала собака, и крикнул:

— Эй, возница, ты этак не делай, а не то я сделаю тебя бедным!

Но возница буркнул про себя: «Бедным-то ты меня не сделаешь»,— и, щелкнув бичом, он погнал лошадей прямо на собаку,— и вот раздавили ее колеса насмерть.

Крикнул тогда воробей:

— Ты убил мою сестрицу-собаку, ты за это поплатишься повозкой и лошастью.

— Ишь ты! Повозкой да лошастью,— проворчал возница,— как это ты мне можешь сделать!— и поехал себе дальше.

А воробей забрался под рогожу и стал клевать затычку в бочонке, и клевал, пока не вытащил ее: и расплескалось все вино наземь, а возница того не заметил. Оглянулся он назад, видит—с повозки что-то капает, стал он разглядывать бочки и заметил, что одна из них порожняя.

— Ах, бедный я человек!— воскликнул он.

— Нет, ты еще недостаточно бедный,— сказал воробей и, подлетев, сел на голову коренной лошади и выклевал ей глаза.

Увидал это возница, выхватил мотыгу, хотел было ударить воробья; но воробей взлетел, и угодил возница как раз в голову лошади, и та упала замертво наземь.

— Ах, бедный я человек!— воскликнул он.

— Нет, ты еще недостаточно бедный,— сказал воробей; и когда возница поехал дальше на двух лошадях, забрался воробей опять под рогожу, выклевал затычку из второй бочки, и все вино расплескалось.

Заметил это возница и снова воскликнул:

— Ах, бедный я человек!

Но воробей ответил:

— Нет, ты еще недостаточно бедный,— уселся на голову второй лошади и выклевал ей глаза.

Подбежал возница, кинулся на воробья с мотыгой, но тот порх и улетел; пришелся удар как раз по лошади, и упала она замертво наземь.

— Ах, бедный я человек!— воскликнул он.

— Нет, ты еще недостаточно бедный,— сказал воробей, сел на голову к третьей лошади и выклевал ей глаза.

Разъярился возница, ударил по воробью, да не попал в него и убил свою третью лошадь.

— Ах, бедный я человек! — воскликнул он.

— Нет, ты еще недостаточно бедный, — ответил воробей, — сделаю я тебя бедным дома, — и с тем улетел.

Пришлось вознице бросить свою повозку, и он вернулся домой в большой досаде и гнев.

— Ох, какое у меня несчастье приключилось! — сказал он своей жене. — Все вино вытекло, и все три лошади погибли.

— Ах, муженек, — отвечала жена, — а какая к нам вредная птица в дом залетела! Собрала птиц со всего света, слетелись они на нашу пшеницу и ее выклевают.

Вышел он на поле, видит — сидят там тысячи тысяч птиц и всю пшеницу поклевали, и был между ними тот самый воробей.

Крикнул возница:

— Ах, бедный я человек!

— Нет, ты еще недостаточно бедный, — ответил воробей. — Ты, возница, еще за это жизнью своей расплатишься, — и улетел.

Вот потерял возница все свое добро, входит он в комнату, садится за печкой, и был он злой и свирепый. А воробей уселся у окошка да как закричит:

— Возница, ты еще жизнью своей заплатишься!

Тут схватил возница мотыгу и кинул ее в воробья; но выбил он только оконницу, а в птицу не попал. Влетел воробей в комнату, уселся на печь да как закричит:

— Возница, ты еще жизнью своей заплатишься!

Тут возница в бешенстве и в ярости всю печь развалил, а воробей все с места на место перелетает. Вот перебил возница всю свою посуду, и зеркальце, и скамьи, и стол, наконец развалил даже стены своего дома, а все в воробья попасть никак не может. Наконец он все-таки его поймал.

А жена и спрашивает:

— Не убить ли мне воробья?

— Нет, — крикнул он, — это было бы слишком милостиво; он должен погибнуть лютой смертью, я его живьем проглочу.

Берет он воробья и проглатывает его. А воробей начинает у него в животе трепыхаться, вылетает опять наружу и влетает к нему в рот, высовывает оттуда голову и кричит:

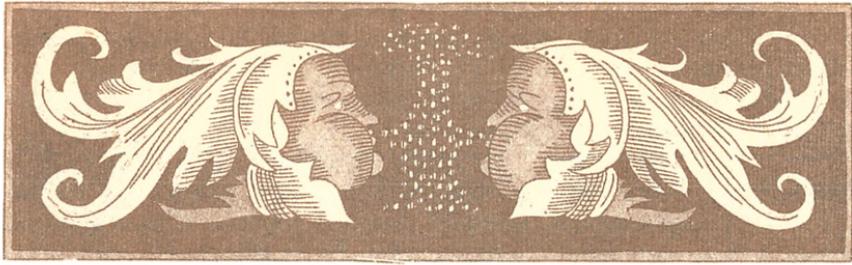
— Возница, ты еще жизнью своей за это заплатишься!

Тогда возница дает жене мотыгу и говорит:

— Жена, убей-ка эту птицу у меня во рту.

Размахивает жена мотыгой, а попасть в воробья не может, и вот угодила она прямо в голову мужу, и тот падает мертвый наземь.

А воробей выпорхнул и улетел.

*Фридер
и Катерлизхен*

Жил-был человек, звали его Фридер, и была девушка, звали ее Катерлизхен; вот поженились они и стали жить вместе, как молодые муж и жена. Однажды говорит Фридер:

— Я поеду на поле, а ты, Катерлизхен, приготовь к моему возвращению чего-нибудь поесть, чтоб голод заморить, да свежего пива глоток, чтоб жажду утолить.

— Ступай, Фридерхен,— отвечала Катерлизхен,— ступай, я все тебе приготовлю.

Подшло время обедать, и достала она из трубы копченую колбасу, взяла сковородку, положила на нее масла и поставила ее на огонь. Начала колбаса поджариваться и шипеть, а Катерлизхен стоит, держит сковородку за ручку и думает: «Пока колбаса изжарится, надо бы сходить в погреб да пива нацедить». Поставила она сковородку на огонь, взяла кружку, спустилась в погреб и стала наливать пиво. Бежит пиво в кружку; смотрит Катерлизхен, и вдруг ей приходит в голову: «Эх, а собака-то ведь не привязана; чего доброго, она колбасу со сковородки стащит. Хорошо, что я еще вовремя вспомнила»,— и вмиг выбежала она из погреба.

Но дворняжка тем временем схватила уже колбасу и тащит ее по двору. А Катерлизхен, не будь ленива, погналась за собакой; гонит она ее по полю. А собака-то была куда попроворней, чем Катерлизхен: колбасы изо рта не выпускала и стала удирать со всех ног. «Ну, что пропало, то пропало!»— сказала Катерлизхен, вернулась назад, а так как бежать она утомилась, то стала идти медленней, чтобы отдышаться.

А в это время пиво все бежало и бежало из бочки,— кран-то ведь Катерлизхен завернуть позабыла; и когда кружка наполнилась до самого края, начало пиво литься на пол и лилось оно до тех пор, пока вся бочка не вылилась. Уже на лестнице Катерлизхен увидала, что за беда приключилась.

«Вот так-так!— воскликнула она.— Что же мне теперь делать, чтобы Фридер не заметил?» Она подумала и, наконец,

вспомнила, что стоит у ней на чердаке мешок хорошей пшеничной муки, купленный еще в прошлом году на ярмарке, и она решила снести его в погреб и посыпать мукой там, где разлилось пиво.

«Да, — сказала она, — кто вовремя что сберегает, тому оно в беде помогает», — полезла она на чердак, притащила мешок с мукой и бросила его как раз на кружку с пивом; опрокинулась кружка, и разлилось пиво на пол. «Правильно говорится, — сказала Катерлизхен, — что беда беду погоняет», — и стала она рассыпать муку по всему погребу. Сделав это, она осталась своей работой очень довольна и сказала: «Как стало здесь, однако, чисто и хорошо».

В полдень воротился Фридер домой.

— Ну, жена, что ж ты мне на обед приготовила?

— Ах, Фридерхен, — ответила она, — хотела я тебе колбасы изжарить, да стала пиво к обеду наливать, а собака колбасу со сковородки стащила; пока я за собакой гналась, все пиво из бочки выбежало; хотела я пиво мукой присыпать, да кружку с пивом опрокинула; но ты будь спокоен — в погребе уже сухо.

И сказал Фридер:

— Ах, Катерлизхен, Катерлизхен, не надо было так делать! Можно ли было оставлять колбасу, чтоб собака ее стащила, а пиво из бочки выбежало, да еще засыпать его самой лучшей мукой.

— Да ведь я же, Фридерхен, не знала, ты бы мне раньше об этом сказал.

Муж подумал: «Если и дальше будут с моей женой такие случаи приключаться, то придется мне самому кое-что придумать».

Он скопил круглую сумму талеров, обменял их на золото и говорит Катерлизхен:

— Видишь, эти вот желтые кружочки спрячу я в кубышку и закопаю в хлеву под коровьими яслями. Но ты смотри, кубышки этой не трогай, а не то плохо тебе будет.

— Нет, Фридерхен, я трогать ее не стану, — ответила Катерлизхен.

Вот раз мужа не было дома, а в это время явились в деревню купцы продавать глиняные горшки и миски, и они спросили молодую женщину, не купит ли она у них чего из их товара.

— Да вот, милые люди, — говорит им Катерлизхен, — денег-то у меня нету, купить мне не на что; если вам нужны желтые кружочки, то я, пожалуй, тогда и купила бы что-нибудь.

— Желтые кружочки, пожалуй, что и пригодятся, а покажи-ка их нам.

— А вы ступайте в хлев да поройтесь, они закопаны под коровьими яслями, вот там и найдете желтые кружочки, а мне с вами вместе идти туда никак нельзя.

Вошли плуты-продавцы в хлев, стали там копать и нашли чистое золото. Схватили они его и убежали, а свои горшки да миски в доме оставили. Катерлизхен подумала, что новая-то посуда ей пригодится; а было ее в кухне у нее достаточно, и вот повыбивала она у всех горшков доньшки и нацепила горшки на заборные столбы вокруг дома вместо украшения.

Воротился Фридер домой, увидел такую обнову и говорит:

— Катерлизхен, что это ты наделала?

— Да я купила их, Фридерхен, за те желтые кружочки, что спрятаны были под коровьими яслями; сама я туда не ходила, торговцы их сами выкопали.

— Ах, жена, жена, — говорит Фридер, — что же ты наделала! Да ведь это ж были не желтые кружочки, было то чистое золото — все наше богатство; разве можно было так делать?

— Фридерхен, да ведь я, — говорит жена, — об этом не знала. Надо было мне раньше о том сказать.

Постояла Катерлизхен, подумала и говорит:

— Послушай, Фридерхен, ведь золото можно назад вернуть, давай побежим за ворами.

— Что ж, — говорит Фридер, — давай попробуем; только захвати с собой хлеба и сыру, чтоб было чем в дороге закусить.

— Ладно, Фридерхен, я возьму.

Отправились они в погоню, и так как Фридер ходил быстрее, то и шел он впереди Катерлизхен.

«А мне еще лучше, — подумала она, — когда надо будет домой возвращаться, я окажусь впереди». Вот подошла она к горе, где по обеим сторонам дороги были глубокие рытвины. «Гляди-ка, — молвила Катерлизхен, — как они землю-то всю поизрезали, поизрыли, измяли. За весь свой век она никогда не заживет». А было сердце у нее жалостливое, взяла она масло и намазала им колеи справа и слева, чтоб колеса не так их давили; нагнулась она, их жалеючи, а сыр у ней из сумки и выпал и покатился с горы.

Говорит Катерлизхен: «Ну, раз уж взобралась я на гору, то вниз за тобой спускаться не стану, пусть уж другой за ним побежит и приведет его назад». Взяла она другой сыр и скатила его вниз. Но сыры назад не вернулись. Тогда сбросила она и третий сыр и подумала: «Может быть, они ждут третьего, — одни не хотят возвращаться?» А три сыра все не возвращаются и не возвращаются; вот она и говорит: «Не знаю, что тут и подумать. Пожалуй, третий не нашел дороги да заблудился; надо будет послать за ним четвертый, чтоб позвал он их назад». Но и с четвертым сыром случилось то же, что и с третьим.

Рассердилась тогда Катерлизхен, сбросила вниз и пятый, и шестой, а они были у нее последние. Некоторое время стояла она и ждала, не вернуться ли они назад, а они все не возвращались; тогда она и говорит: «О, вас хорошо бы за смертью посылать; долго вы что-то ходите; небось думаете, что я буду вас тут дожидаться? Я пойду, а вы уж меня сами нагоните, ноги-то у вас помоложе моих будут».

И Катерлизхен ушла и нашла Фридера; он стоял, ее дожидался, — есть ему очень захотелось.

— Ну, дай-ка мне чего-нибудь поесть. — Она подала ему сухой хлеб.

— А где же масло и сыр? — спрашивает муж.

— Ах, Фридерхен, — говорит Катерлизхен, — маслом я колеи вымазала, а сыры, те скоро вернуться; один у меня из сумки выкатился, я и послала за ним вдогонку другие, чтоб позвали они его назад.

Говорит Фридер:

— Не надо было, Катерлизхен, так делать! Не надо было маслом дорогу намазывать и сыры с горы скатывать.

— Это правда, Фридерхен; чего же ты мне раньше о том не сказал?

Поели они сухого хлеба, а Фридер и спрашивает:

— А заперла ли ты дом, когда уходила?

— Нет, Фридерхен; отчего ты мне раньше о том не сказал?

— Так ступай домой, сначала дом запри, а потом уж пойдем дальше; да принеси чего-нибудь поесть, а я подожду тебя здесь.

Пошла Катерлизхен домой и думает: «Надо будет принести Фридерхену поесть чего-нибудь другого, сыр и масло ему, видно, не нравятся, — принесу-ка ему мешок сушеных груш да кружку уксуса. Заперла она на засов верхнюю дверь в доме, а нижнюю сняла с петель, взвалила ее на плечи и пошла, думая, что если дверь возьмет с собой, то в дом никто уже не заберется. Катерлизхен идет себе медленно, не торопясь и думает: «Пусть Фридерхен отдохнет подольше». Подошла она к нему и говорит:

— Вот, Фридерхен, тебе и дверь от дома; теперь ты можешь сам дом сторожить.

— Ах, господи, — сказал он, — какая у меня умная жена! Нижнюю дверь сняла, чтобы всякий мог в дом забраться, а верхнюю заперла на засов. Теперь поздно уже домой назад возвращаться, а раз ты дверь сюда принесла, то и тащи ее теперь сама дальше.

— Дверь-то, Фридерхен, я потащу, а сушеные груши да кружку уксуса мне будет нести тяжело. Повешу я их на дверь, пускай она их несет.

Пошли они в лес, стали разыскивать плутов-продавцов, но не нашли их. Стало уже, наконец, в лесу темнеть; взобрались они на дерево и решили там заночевать. Только уселись они на верхушке дерева, как подошли к дереву люди, которые уносят то, что за ними само идти не хочет, и находят вещи, прежде чем кто-нибудь их потеряет. Они уселись как раз под деревом, на котором сидели Фридер и Катерлизхен, развели костер, собираясь делить между собой добычу. Тогда Фридер спустился с дерева на другую сторону и набрал камней, а затем снова влез на дерево и хотел убить воров насмерть. Стал он бросать в них камни, но все не попадал, а воры и говорят: «Скоро, пожалуй, начнет светать, вот ветер сбивает уже с елей шишки».

А Катерлизхен все держала дверь на плечах, но стало ей под конец тяжело, и подумала она, что виной тому сушеные груши, и говорит:

— Фридерхен, сброшу-ка я сушеные груши вниз.

— Нет, Катерлизхен, сейчас делать этого не надо, а то воры могут нас заметить,

— Ах, Фридерхен, я не могу, очень уж мне тяжело.

— Ну, так бросай, черт возьми!

И посыпались груши вниз сквозь ветки, а плуты-продавцы внизу и говорят: «Это птицы помет сбрасывают». А дверь все по-прежнему давит плечи; тут вскоре Катерлизхен и говорит:

— Ах, Фридерхен, надо и уксус, пожалуй, вылить.

— Нет, Катерлизхен, не делай ты этого, не то они нас заметят.

— Ах, Фридерхен, я больше не могу, уж больно мне тяжело.

— Ну что ж, выливай, черт возьми!

Вылила она уксус и облила им плутов-продавцов. Вот они и говорят меж собой: «Это падает уже роса».

И подумала, наконец, Катерлизхен: «А не дверь ли это такая тяжелая?» и говорит:

— Фридерхен, сброшу-ка я дверь.

— Нет, Катерлизхен, сейчас не надо этого делать, а то они нас заметят.

— Ах, Фридерхен, я не могу больше, уж больно мне тяжело.

— Нет, Катерлизхен, а ты держи покрепче.

— Ах, Фридерхен, я ее уроню.

— Ну, — ответил Фридер сердито, — и роняй, черт возьми!

И упала дверь с грохотом вниз; а плуты-продавцы как закричат: «Черт спускается с дерева!» — да как бросятся бежать и все, что было у них, побросали. На рассвете спустились Фридер и Катерлизхен с дерева и нашли внизу все свое золото и понесли его домой.

Воротились они домой, а Фридер и говорит:

— Ну, Катерлизхен, теперь ты уж должна быть прилежной и хорошо работать.

— Ладно, Фридерхен, буду работать,— пойду на поле жать пшеницу.

Вышла Катерлизхен на поле и говорит про себя: «Поест ли мне прежде, или жать, или сначала поспать, а потом уже жать? Э-э, поем я сначала». Поела Катерлизхен, а после еды ей спать захотелось; начала она жать, а была она сонная и порезала себе передник, юбку и рубашку. Вот проснулась после долгого сна Катерлизхен, встала полуголая и говорит про себя:

— Я ли это или не я? Ах, нет, это не я.

А меж тем наступила ночь; побежала Катерлизхен в деревню, стала в окошко к мужу стучаться и кричать:

— Фридерхен!

— Что там такое?

— Скажи мне, дома ли Катерлизхен?

— Да, да,— ответил Фридер,— она дома, лежит и спит.

А она говорит:

— Хорошо; стало быть, я уж дома,— и убежала.

Встретила Катерлизхен на улице воров, они воровать собирались. Подходит она к ним и говорит:

— Я вам помогу воровать.

Воры подумали: она, должно быть, здешние места знает,— и согласились. Катерлизхен подходила к домам и кричала:

— Люди добрые, есть ли у вас что? А то мы красть собираемся.

Подумали воры: «Так дело не пойдет»,— и решили от Катерлизхен избавиться. Вот и говорят они ей:

— На краю деревни растет у пастора в огороде репа, ступай туда и нарви нам ее.

Пошла Катерлизхен на огород и начала рвать репу, села, и лень ей было подняться. А на ту пору шел мимо прохожий, посмотрел он, остановился и подумал, что это сам черт, должно быть, тащит репу. Побежал он в деревню к пастору и говорит:

— Господин пастор, а в вашем огороде черт репу тащит.

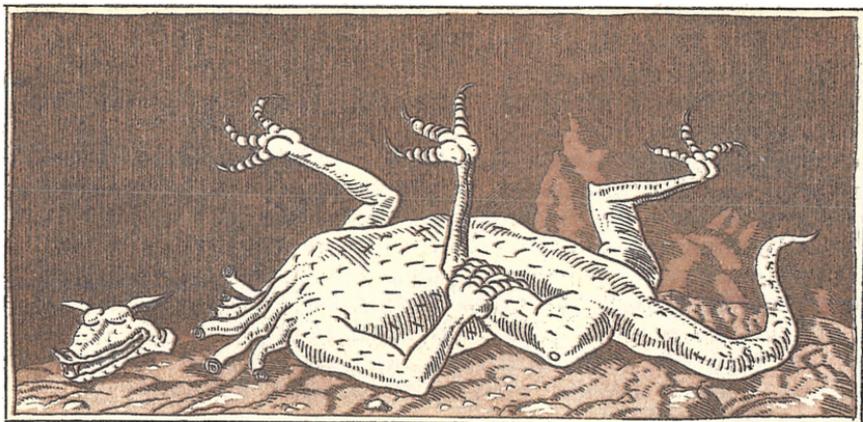
— Ах, господи,— ответил пастор,— нога-то у меня хромая, не могу я пойти на огород и черта прогнать.

Прохожий предложил:

— А я вам вместо костыля буду,— и он повел пастора на огород.

Приходят они на огород, а Катерлизхен в это время поднимается и встает во весь рост.

— Ох, да ведь это же черт! — закричал пастор, и как бросились они оба бежать! Ну, тут пастор со страху и хромать перестал, и бежал он со своей хромой ногой куда проворней, чем тот, кто привел его на огород на своих здоровых ногах.

Два брата

Жили однажды два брата — один богатый, другой бедный. Был богатый золотых дел мастером. И было сердце у него злое. А бедный кормился тем, что метлы вязал, и был он добрый и честный. Было у бедного брата двое детей, мальчики-близнецы, и были они один на другого как две капли воды похожи. И ходили два мальчика в дом к богачу, где им давали поесть, что из объедков останется.

Случилось, что пошел раз бедняк в лес за прутьями и увидел там птицу; она была вся золотая и такая красивая, какой он ни разу еще не видывал. Поднял он камешек, бросил и попал прямо в птицу; упало с нее одно лишь золотое перо, а птица улетела. Взял бедняк перо и принес его своему брату. Посмотрел тот на перо и говорит:

— Да это настоящее золото, — и дал ему за него много денег.

На другой день взобрался бедняк на березу и хотел было срубить несколько веток, вдруг вылетела оттуда та же самая птица. Стал он дальше искать — и нашел гнездо, лежало в нем яйцо, и было оно золотое. Взял он яйцо и отнес его своему брату. А тот говорит опять:

— Это чистое золото, — и дал ему за него столько, сколько оно стоило.

Наконец золотых дел мастер сказал:

— Хотелось бы мне иметь самую птицу.

Пошел бедняк в третий раз в лес и увидел на дереве золотую птицу; он взял камень, сбил ее с дерева и принес своему брату, и тот дал ему за нее целую пригоршню золота.

«Ну, теперь-то мне есть на что жить», — подумал бедняк и воротился довольный домой.

А был золотых дел мастер хитер и умен: он прекрасно знал, что это за птица. Позвал он жену и говорит:

— Зажарь-ка мне золотую птицу, да постарайся, чтоб ничего из нее не пропало. У меня охота съесть ее одному.

А птица та была не простая, а волшебная: кто съест ее сердце и печень, тот каждое утро будет находить у себя под подушкой золотой.

Ощипала жена птицу, приготовила ее как следует, насадила на вертел и принялась ее жарить. Но случилось так, что понадобилось ей выйти из кухни по какому-то делу, и вбежали как раз туда в это время двое детей бедняка-метельщика, стали у вертела и разок-другой его повернули. И выпало из птицы на сковородку два кусочка, а мальчик и говорит:

— Я голоден. Давай-ка эти маленькие кусочки съедем, ведь этого никто не заметит.

И они съели оба по кусочку; а тут входит жена богача, видит, что они что-то едят, и спрашивает:

— Что это вы едите?

— Два кусочка, они выпали из птицы, — ответили мальчики.

— Да ведь это же были сердце и печень! — воскликнула испуганная женщина, и чтоб муж ничего не заметил и не разгневался, она быстро зарезала петушка, вырезала у него сердце и печень и сунула их в золотую птицу. Когда птица поджарилась, женщина принесла ее золотых дел мастеру, и тот съел ее один и ничего не оставил. На другое утро сунул он руку под подушки, рассчитывая вытащить оттуда золотой, но там не оказалось ничего.

А дети и не знали, откуда им счастье такое привалило: на другое утро, только они встали, как что-то со звоном упало на пол; подняли они, смотрят, — а это два червонца. Принесли они их своему отцу. Тот удивился и говорит:

— Как же это могло случиться?

Но когда они нашли и на другое утро два золотых, и так каждый день, то пошел он к своему брату и рассказал ему эту удивительную историю.

Золотых дел мастер тотчас смекнул, как это вышло, и понял, что дети съели сердце и печень золотой птицы. И вот, чтобы отомстить им за это, — а был он к тому же завистлив и бессердечен, — он сказал их отцу:

— Дети твои с нечистой силой спутались; не бери этого золота и не держи их больше у себя в доме, ибо нечистый имеет над ними силу и может и тебя самого довести до беды.

Отец боялся черта, и как ни было ему тяжело, а завел он своих детей-близнецов в лес и бросил их там, хоть и тяжело у него было на сердце.

Вот стали двое детей бродить по лесу да искать дорогу домой, но найти ее никак не могли и все больше и больше заходили в густую чащу. Встретили они, наконец, охотника, и спросил он у них:

— Дети, вы чьи?

— Мы сыновья бедного метельщика,— ответили они и рассказали ему, что отец не захотел их больше держать у себя в доме оттого, что каждое утро у них под подушками оказывался золотой.

— Ну,— сказал охотник,— в этом нет ничего дурного, если вы при этом остались честными и не стали оттого лежебоками.

Доброму человеку мальчики понравились, а так как детей у него не было, то взял он их к себе домой и сказал:

— Я вам буду вместо отца родного и вас воспитаю.

Стали они учиться у него охотничьему делу, а червонцы, которые каждый из них находил, подымаясь с постели, он для них сберегал на случай, если они в будущем им понадобятся.

Вот дети выросли. И взял их однажды приемный отец с собой в лес и сказал:

— Сегодня каждый из вас должен сделать по пробному выстрелу, чтобы я мог признать вас подмастерьями и настоящими охотниками.

Вышли они с ним на стойку и долго ждали, а дичи все не попадалось. Глянул охотник и увидел стаю белых гусей; летели они треугольником, и он сказал одному из учеников:

— А ну-ка, сбей мне с каждого угла по одному гусю.

Тот нацелился и сделал свой пробный выстрел удачно. Вскоре после того показалась вторая стая, она летела двойкой. И велел охотник другому ученику сбить по одному гусю, и ему тоже пробный выстрел удался. Тогда приемный отец говорит:

— Теперь я вас отпускаю, вы уже опытные охотники.

Пошли после того двое братьев в лес, стали между собой советоваться и кое-что порешили. А когда вечером сели ужинать, они говорят своему приемному отцу:

— Мы есть не станем и куска не съедим, пока вы не исполните одну нашу просьбу.

Он спрашивает:

— Какая же у вас просьба?

Они отвечают:

— Теперь ученье свое мы закончили и должны попытаться счастья. Так вот, разрешите нам уйти странствовать.

И сказал старик с радостью:

— Вы рассуждаете, как храбрые охотники, и то, что вы хотите, было и моим желаньем. Отправляйтесь в путь, и будет вам удача.— Потом они вместе радостно поели и выпили.

Вот наступил назначенный день, и подарил приемный отец каждому из них по хорошему ружью и по собаке и велел взять из сбереженных червонцев столько, сколько каждый из них пожелает. Затем он проводил их и дал им еще на прощанье блестящий отточенный нож и сказал:

— Если вам придется когда-нибудь друг с другом расстаться, воткните этот нож в дерево на перекрестке дорог, и тот, кто из вас вернется, сможет по этому ножу узнать про судьбу своего брата; та сторона ножа, в какую сторону тот уйдет, в случае его смерти покроется ржавчиной; а пока он будет в живых, она останется блестящей.

Пошли двое братьев дальше и зашли в лес, да такой дремучий, что и за целый день не могли оттуда выбраться. Пришлось им там заночевать, и они съели все, что было у них в охотничьих сумках; пришлось им идти еще и другой день, но из лесу выбраться они никак не могли. Есть им было нечего. Вот один из них и говорит:

— Надо бы нам что-нибудь застрелить, а не то голодать придется.

Зарядил он свое ружье и стал поглядывать по сторонам. Вдруг выбежал старый заяц. Нацелился охотник, а заяц как закричит:

Ты не бей меня, стрелок,
Двух зайчат отдам за то.

Прыгнул заяц в кусты и принес двух зайчат; но зверушки играли так весело и были такие приятные, что охотник не мог решиться их убить. Братья оставили их у себя, и маленькие зайчата поскакали вслед за ними. А тут увидели они вскоре, как пробиралась тайком лиса, хотели ее было убить, но она как закричит:

Ты не бей меня, стрелок,
Лисенят я дам за то.

Принесла она им двух лисенят; но охотникам не хотелось их убивать. Они оставили их заодно с зайчатами, и пошли лисенята вслед за охотниками. А тут вскоре вышел из чащи волк. Нацелились в него охотники, а волк как закричит:

Ты не бей меня, стрелок,
Двух волчат отдам за то.

Пустили охотники к остальным зверям двух молодых волчат, и те пошли следом за ними. Потом явился медведь, и ему тоже захотелось пожить еще на свете и по лесу потопать, и он закричал:

Ты не бей меня, стрелок,
Медвежат отдам за то.

Двое молодых медвежат тоже присоединились к остальным зверям и пошли за охотниками. И кто же явился наконец? Явился лев и тряхнул своей гривой. Но охотники не испугались и прицелились в него. Но лев тотчас сказал:

Ты не бей меня, стрелок,
Львят отдам тебе за то.

Он принес своих львят, и оказалось теперь у охотников два льва, два медведя, две лисы и два зайца; все они шли за ними следом и им служили. Но голода своего охотники так и не утолили и говорят они лисенятам:

— Эй вы, проныры, достаньте-ка нам что-нибудь поесть, вы-то ведь хитрые-прехитрые.

И ответили они:

— Неподалеку отсюда находится деревня, где мы не раз кур таскали; дорогу туда мы вам укажем.

Пошли охотники в ту деревню, купили себе кое-чего поесть, велели накормить и своих зверей и отправились дальше. Лисенятам все места здесь были хорошо знакомы, где какие дворы с курами находятся, и они могли везде указать охотникам.

Ходили-бродили охотники по разным местам, но нигде не могли себе найти такой службы, чтоб остаться всем вместе. Тогда они и говорят:

— Не иначе, как придется нам друг с другом расстаться.

Поделили они между собой зверей, — и получил каждый по львенку, медвежонку, волчонку, лисенку и зайчику. Потом они попрощались, обещали любить друг друга братской любовью до самой смерти, воткнули в дерево нож, который им дал приемный отец, и вот пошел один на восток, а другой на запад.

Пришел младший брат со своими зверями в город, и было в том городе все черным крепом затянуто. Зашел он в харчевню и спросил у хозяина, не сможет ли тот приютить его зверей. Отвел хозяин их в стойло, а была там в стене дыра; вылез заяц наружу и притащил себе кочан капусты, а лиса принесла курицу, съела ее и принялась за петуха. А волк, медвежонок и львенок были побольше и вылезти не могли. Предложил хозяин вывести зверей туда, где лежала в то время на траве корова, пусть-де вдосталь там наедятся. Накормил охотник своих зверей и спрашивает потом у хозяина:

— Отчего весь город черным крепом затянут?

Ответил хозяин:

— Оттого, что завтра должна умереть единственная дочь короля.

Спрашивает охотник:

— Разве она смертельно больна?

— Нет,— ответил хозяин,— она совершенно здорова, но должна умереть.

— Как же это так?— спросил охотник.

— Да вот стоит за городом высокая гора, и живет на ней дракон; и каждый год ему обязаны отдавать невинную девушку, а не то он опустошит всю нашу страну. Ему отдали уже всех девушек, и не осталось ни одной, кроме королевы; но пощады ждать не приходится, ее должны отдать завтра дракону.

Охотник сказал:

— А почему ж не убьют дракона?

— Ах,— ответил хозяин,— уж сколько рыцарей пытались это сделать, но все жизнью своей поплатились; король обещал тому, кто одолеет дракона, отдать свою дочь в жены, а после смерти своей и все королевство.

Ничего не сказал на это охотник, но на другое утро он взял своих зверей и поднялся вместе с ними на Драконову гору. Стоял на ее вершине небольшой храм, на алтаре было три чаши с вином, и было на них написано: «Кто эти чаши выпьет, станет самым могучим человеком на свете и овладеет мечом, что закопан перед дверным порогом».

Охотник из чаш этих пить не стал, вышел оттуда и нашел в земле меч, но не смог он его и с места сдвинуть. Он вернулся назад, выпил чаши и стал вдруг настолько могуч, что смог уже меч поднять, держа его в руке, и им размахивать.

Настал час, когда девушка должна была быть выдана дракону, и ее провожали король, маршал и придворные. Увидела девушка издали на вершине Драконовой горы охотника и подумала, что то стоит дракон и ее дожидается, и не хотела подыматься на гору; но, наконец, пришлось ей взойти туда против воли, а не то бы погиб весь город. Вернулся король домой с придворными в великой печали, а маршал королевский должен был там оставаться и издали за всем наблюдать.

Поднялась королева на самую вершину горы,— и стоял там не дракон, а молодой охотник; он утешил ее и сказал, что хочет ее спасти; он отвел ее в храм и там запер.

Вскоре появился с великим шумом семиглавыи дракон. Увидав охотника, дракон удивился и говорит:

— Что тебе тут на горе надо?

Ответил охотник:

— Я хочу с тобой сразиться.

Сказал дракон:

— Не один уже рыцарь здесь свою жизнь положил, и с тобой я тоже управлюсь,— и он дохнул пламенем из своих семи пастьей.

Загорелась сухая трава, и пришлось бы охотнику в пламени и дыму задохнуться; но прибежали звери и весь огонь затоптали.

Кинулся дракон на охотника, но тот выхватил свой меч, он засвистел в воздухе и снес дракону три головы прочь. Тут разъярился дракон, поднялся на воздух и стал изрыгать на охотника пламя; хотел было дракон на него броситься, но охотник выхватил снова меч и отрубил ему еще три головы.

Ослабело чудовище и рухнуло наземь, но все ж таки готовилось кинуться на охотника; но тот, собрав последние силы, отсек ему хвост. Бороться охотник больше не мог, он кликнул своих зверей, — и они разорвали дракона в клочья.

Кончился бой, отпер охотник храм, видит — лежит королева на полу: от страха и ужаса, пока длился бой, она лишилась чувств. Он вынес ее на воздух, и, когда она снова очнулась и открыла глаза, он показал ей изрубленного на куски дракона и сказал, что она теперь спасена. Она обрадовалась и сказала:

— Ты станешь теперь моим мужем, ведь мой отец обещал выдать меня за того, кто убьет дракона.

Потом сняла она с шеи коралловое ожерелье и разделила его в награду между зверями, и достался льву золотой замочек. А свой носовой платок, на котором было вышито ее имя, она подарила охотнику. Он пошел и вырезал из семи драконовых голов языки и завернул их в платок, чтобы лучше их сохранить.

После того как все это случилось, охотник, измученный жарой и сраженьем, сказал девушке:

— Мы оба с тобой устали, давай немного поспим.

Она согласилась; они легли на землю, и молвил охотник льву:

— Ты нас охраняй, чтоб во время сна никто на нас не напал, — и они с девушкой уснули. Лев улегся рядом с ними, чтобы нести стражу, но он тоже устал от битвы с драконом и потому кликнул медведя и сказал:

— Ложись рядом со мной, мне надо немного поспать; если кто подойдет, ты меня разбуди.

Улегся медведь рядом с ним, но он тоже устал, кликнул волка и сказал:

— Ложись рядом со мной, мне надо немного поспать; если кто подойдет, ты меня разбуди.

Улегся волк рядом с ним, он тоже устал, кликнул лису и сказал:

— Ложись рядом со мной, мне надо немного поспать; а если кто подойдет, ты меня разбуди.

Улеглась с ним рядом лиса, и она тоже устала, позвала зайца и говорит:

— Ложись со мной рядом, мне надо немного поспать; если кто придет, ты меня разбуди.

Сел заяц рядом с ней, но бедный зайчик ведь тоже устал, ему некого было позвать в сторожа,— и он уснул.

И вот уснули королевна, охотник, лев, медвежонок, волк, лиса и зайчик, и все спали глубоким сном.

Но маршал, который должен был за всем наблюдать издали, не видел, чтобы дракон улетел с девушкой. На горе было все тихо, и вот, наконец, он отважился и взошел на вершину. И лежал дракон на земле, изрубленный и разорванный на куски; а поодаль от него королевна и охотник со своими зверями, и все были погружены в глубокий сон. А был маршал человек злой и жестокий, он выхватил свой меч и отрубил охотнику голову, схватил девушку на руки и унес ее с горы. Девушка, проснувшись, испугалась, но маршал ей говорит:

— Ты теперь в моих руках; ты должна будешь сказать, что это я убил дракона.

— Этого сказать я не могу,— ответила она,— ведь это сделал охотник со своими зверями.

Тогда выхватил маршал свой меч и пригрозил ее убить, если она его не послушает, и так заставил ее дать обещание. Затем он принес ее королю. Как увидел король свою любимую дочку в живых, то не знал, как ему и радоваться,— ведь он думал, что ее разорвало чудовище.

И сказал маршал:

— Это я убил дракона и освободил девушку и все королевство, поэтому требую ее себе в жены, как это было обещано.

Король спросил девушку:

— Это правда, что он говорит?

— Ах, да,— ответила она,— это, должно быть, правда. Но я ставлю условие, чтоб свадьба праздновалась только спустя год и один день.— Она надеялась за это время услышать что-нибудь о своем милом охотнике.

А на Драконовой горе все еще лежали звери со своим мертвым хозяином. Но вот прилетел большой шмель и сел на нос зайцу; заяц смахнул его лапой и продолжал спать. Прилетел шмель во второй раз, но заяц опять смахнул его лапой и продолжал спать. Прилетел шмель в третий раз и укусил его за нос, чтоб заяц проснулся. Только заяц проснулся, разбудил он лису, лиса — волка, волк — медведя, а медведь — льва. Проснулся лев, видит — нет девушки, а хозяин лежит мертвый; поднял лев страшный рев и завопил:

— Кто это сделал? Медведь, почему ты меня не разбудил? Медведь спросил волка:

— Почему ты меня не разбудил?

А волк — лису:

— Почему ты меня не разбудила?

А лиса — зайца:

— Почему ты меня не разбудил?

И только один бедный заяц не знал, что ему ответить, — так и остался он виноватым.

Решили тогда звери на него накинуться, но он стал просить о пощаде и сказал:

— Не губите меня, я нашего хозяина оживлю. Я знаю одну гору, растет на ней корень: если кому положить его в рот, тот от всяких болезней и ран исцелится. Но до этой горы ходу двести часов.

Сказал лев:

— Ты должен за сутки сбегать туда и назад вернуться и принести этот корень.

Ускакал заяц, и за сутки вернулся назад, и принес корень. Приставил лев голову охотнику, заяц засунул ему в рот корень, вмиг все снова срослось, забило сердце, и он ожил опять.

Проснулся охотник, видит — нету девушки, испугался он и подумал: «Она, должно быть, ушла, пока я спал, чтобы от меня избавиться».

Лев второпях приставил голову своему хозяину задом наперед, но за печальными думами о королевне охотник этого не заметил: только к полудню, когда ему захотелось есть, он увидел, что голова поставлена у него задом наперед; он никак не мог разобраться, отчего это так, и спросил у зверей, что с ним приключилось во сне.

Тогда рассказал ему лев, что все они, утомившись, уснули, а когда проснулись, нашли его мертвым, с отрубленной головой; заяц принес корень жизни, а он второпях приставил голову задом наперед; но ошибку свою, конечно, он исправит. Он оторвал охотнику голову, повернул ее, а заяц заживил ее корнем.

Однако охотник запечалился, пошел скитаться по свету и заставил своих зверей плясать перед людьми. И случилось так, что как раз по прошествии года он пришел снова в тот самый город, где освободил королевну от дракона; но теперь весь город был украшен красною тканью. Спросил охотник хозяина харчевни:

— Год тому назад город был весь в трауре, а нынче он весь в красном. Что это значит?

Ответил хозяин харчевни:

— Год тому назад дочь нашего короля должны были выдать на съедение дракону, но маршал вступил с ним в бой и его убил, и вот завтра должны праздновать их свадьбу, — вот почему был город тогда в трауре, а нынче он весь в красном.

На другой день, когда назначен был свадебный пир, говорит охотник хозяину харчевни:

— Ты мне поверишь, хозяин, что нынче я буду есть при тебе хлеб с королевского стола?

— Нет, — ответил хозяин, — бьюсь с тобой об заклад на сто червонцев, что этого не случится.

Охотник принял условие и выставил, в свою очередь, кошелек с таким же количеством золотых. Затем кликнул он зайца:

— Ступай, мой милый попрыгун, да принеси мне хлеб с королевского стола.

Для зайчика это было совсем не трудно, а поручить это кому-нибудь другому он не мог, и пришлось ему скакать одному. «Ох, — подумал он, — придется мне самому по улицам прыгать, — пожалуй, кинутся за мной гончие». Как подумал он, так и случилось; кинулись за ним собаки и хотели было вцепиться ему в шкуру. Но заяц прыгнул — разве ты не видал? — и как бросится в караульную будку, и солдат его не заметил. Подбежали собаки, хотели было зайца оттуда вытащить, но солдат шуток не любил, ударил их прикладом, и они с лаем и воем убежали прочь.

Заметил заяц, что хитрость ему удалась, прискакал в замок да прямо к королевне; уселся к ней под стул и стал ей ногу царапать. А королевна говорит: «Пошла прочь!» — она думала, что это собака. Заяц царапнул королеву за ногу еще раз, а она опять говорит: «Пошла прочь!» — она думала, что это собака. Но заяц не смутился и царапнул королеву в третий раз. Глянула она вниз и узнала зайца по своему ожерелью. Взяла она зайчика к себе на колени, отнесла в свою комнату и спрашивает:

— Милый зайчик, чего ты хочешь?

Он ответил:

— Мой хозяин, который убил дракона, находится здесь; он послал меня попросить хлеба, который ест сам король.

Обрадовалась королевна, велела позвать хлебодача и приказала ему принести хлеб, который ест король. Тогда зайчик говорит:

— Но пускай хлебодач мне его и донесет, а не то нападут на меня гончие.

И отнес хлебодач этот хлеб до самых дверей харчевни. Стал заяц на задние лапы, взял хлеб в передние и принес его своему хозяину. Тогда охотник и говорит:

— Ну, хозяин, а сто золотых-то теперь мои!

Удивился хозяин, а тот говорит:

— Что ж, хозяин, хлеб-то у меня имеется! Да вот хотелось бы мне теперь и королевского жаркого отвесть.

Сказал хозяин:

— Что ж, посмотрим, — но спорить больше не стал.

Кликнул охотник лису и говорит:

— Лисичка, сходи-ка ты да принеси мне жаркое, какое кушает сам король.

Рыжая лиса знала все ходы и выходы лучше других. Прокралась она по углам да закоулкам, и ни одна собака ее не за-

метила. Села лиса под стулом королевы, стала ей ногу царапать. Глянула королева вниз и узнала лису по ожерелью; взяла ее к себе в комнату и спрашивает:

— Лисонька, милая, чего тебе надобно?

Ответила лиса:

— Мой хозяин, который убил дракона, находится здесь и послал меня, чтоб я попросила жаркого, что ест сам король.

Велела королева позвать повара и сказала, чтоб он приготовил жаркое, какое ест король, и донес бы его лисе до самых дверей харчевни.

Взяла лиса блюдо, отогнала сначала хвостом мух, что уселись на жаркое, и принесла его своему господину.

— Ну, хозяин,— сказал охотник,— хлеб и мясо у нас теперь имеются, но хотелось бы отведать и тех овощей, что ест сам король.

Кликнул он волка и говорит:

— Милый волк, ступай да принеси ты мне тех овощей, что ест король.

Пошел волк напрямик в замок, потому, что он никого не боялся, зашел в комнату королевы и дернул ее сзади за платье, чтоб она оглянулась. Узнала она его по ожерелью и спрашивает:

— Милый волк, чего тебе надобно?

Он ответил:

— Мой хозяин, который убил дракона, находится здесь, он просил дать тех овощей, которые ест сам король.

Кликнула королева повара и велела ему приготовить тех овощей, которые ест король, и донести их волку до самых дверей харчевни. Взял волк у него блюдо и принес его своему господину.

— Вот видите, хозяин,— говорит охотник,— теперь имеется у меня и хлеб, и жаркое, и овощи; но хотелось бы мне отведать еще и сладкого, которое ест король.

Он кликнул медведя и говорит:

— Милый медведь, ты небось любишь сладким полакомиться, так вот ступай да принеси мне сладкое блюдо, какое ест сам король.

Затопал медведь прямо к замку, и каждый ему уступал дорогу. Подошел он к страже, и выставила стража перед ним ружья, не хотела его пропускать в королевский замок. Тут поднялся медведь на задние лапы, надавал им таких затрецин, что вся стража попадала наземь,— и двинулся медведь прямо к королеве, стал сзади нее и зарычал тихонько. Оглянулась она, узнала медведя и велела ему идти с ней в комнату, и спрашивает:

— Милый медведь, ты чего хочешь?

Он ответил:

— Мой хозяин, который убил дракона, находится здесь, он прислал меня за сладким, которое ест сам король.

Велела королева позвать кондитера и приготовить сладкое блюдо, какое ест король, и отнести его медведю до самых дверей харчевни. Начал тут медведь лизать сладкие леденцы, что скатились наземь, затем он поднялся на задние лапы, взял в передние блюдо и принес его своему господину.

— Видите, хозяин, — сказал охотник, — вот имеется у меня теперь и хлеб, и жаркое, и овощи, и сладкое; но хотелось бы мне попить и вина, которое пьет сам король.

Позвал он своего льва и сказал:

— Милый лев, ведь ты до хмельного охотник, так вот ступай да принеси мне вина, которое пьет сам король.

Зашагал лев по улицам, и люди от него убегали; а когда подошел он к страже, та хотела ему преградить дорогу, но лев так взревел, что все от него отскочили.

Подошел лев к королевской комнате и постучался хвостом в дверь. Вышла оттуда королева, она было льва испугалась, но, узнав его по золотому замочку от своего ожерелья, велела ему идти за ней в комнату и спросила:

— Милый лев, ты чего хочешь?

Он ответил:

— Мой хозяин, который убил дракона, находится здесь; он поручил мне попросить вина, какое пьет сам король.

Позвала королева виночерпия, и он должен был дать льву вина, которое пьет сам король. Сказал лев:

— Я хочу пойти с виночерпием вместе и посмотреть, чтоб он дал мне настоящего.

Спустился лев вместе с виночерпием в винный подвал. Пришли они туда, и хотел виночерпий нацедить ему простого вина, какое пьют слуги, но лев сказал:

— Постой! Сперва я вино попробую, — нацедил себе полкружки и выпил его залпом. — Нет, — сказал он, — это вино не то.

Глянул на него виночерпий искоса, но пошел и хотел нацедить ему вина из другой бочки, что было для королевского маршала. Но лев сказал:

— Постой! Сперва я вино попробую, — нацедил себе полкружки и выпил его. — Это будет лучше, но все-таки это не то.

Разозлился тогда виночерпий и сказал:

— Может ли такой глупый зверь в вине разбираться?

Но лев дал ему по уху, — тот так и покатился на землю; и когда поднялся на ноги, он повел льва, ни слова не молвив, в особый небольшой подвал, где стояло королевское вино,

которое не давали пить никому из людей. Нацедил лев сперва себе полкружки, отведал вина и говорит:

— Это, пожалуй, настоящее,— и велел виночерпию налить его шесть бутылок.

Затем поднялись они наверх. Вышел лев из подвала шатаясь, был он немного под хмелем, и должен был виночерпий отнести ему вино до самых дверей харчевни; тут взял лев корзину в пасть и принес ее своему господину.

Сказал охотник:

— Видишь, хозяин, теперь есть у меня хлеб, и мясо, и овощи, и сладкое, и вино — все, что ест и пьет сам король; а теперь я со своими зверями пообедаю.

Он уселся, начал есть и пить и дал также поесть и попить зайцу, лисе, волку, медведю и льву; был он весел,— он знал, что королевна его по-настоящему любит. Вот пообедал он и говорит:

— Ну, хозяин, я поел и попил по-королевски, а теперь пойду в королевский замок да женюсь на королевне.

А хозяин спрашивает:

— Как же это может случиться, ежели у нее есть жених и нынче будут справлять свадьбу?

Вытащил тогда охотник платок, что дала ему королевна на Драконовой горе, а в нем были завязаны семь языков чудовища, и сказал:

— Мне эти знаки доказательства помогут.

Осмотрел хозяин платок и говорит:

— Ежели я всему и поверил, то уж этому ни за что не поверю и ставлю в заклад свою харчевню и двор.

Вынул охотник кошелек с тысячей червонцев, положил его на стол и говорит:

— А я ставлю тыщу червонцев.

Стал король спрашивать у своей дочери во время пира:

— А что хотели все эти дикие звери, которые приходили в мой замок и опять ушли?

— Я этого сказать не смею,— ответила она,— а вы позовите хозяина этих зверей, он вам все расскажет.

Послал король своего слугу в харчевню и велел ему пригласить к себе незнакомца; слуга явился туда как раз в то время, когда охотник бился об заклад с хозяином харчевни. И сказал охотник:

— Вот видите, хозяин, а король-то прислал своего слугу и приглашает меня явиться, но так запросто я не пойду.— И он обратился к королевскому слуге:— Передайте мою просьбу королю, чтоб прислал он мне королевскую одежду, карету, запряженную шестериком, и слуг, которые бы меня сопровождали.

Услыхал это король и говорит своей дочери:

— Как мне быть?

— Велите его привезти, как он этого требует,— сказала она,— и вы поступите правильно.

Послал тогда король ему королевскую одежду, карету, запряженную шестериком коней, и слуг, которые бы его сопровождали.

Увидел охотник, что за ним приехали, и говорит:

— Вот видите, хозяин, а теперь меня отвезут, как я и потребовал,— и он надел на себя королевскую одежду, взял платок с драконовыми языками и направился к королю.

Увидел король, что тот приехал, и говорит своей дочери:

— Как мне следует его принять?

— Вы должны выйти к нему навстречу,— сказала она,— и вы поступите правильно.

Вот вышел к нему навстречу король, ввел его в замок, и следовали за ним все его звери. Король пригласил его сесть рядом с собой и королевной,— а маршал сидел по другую руку от него, как жених, но охотника он теперь не узнал.

И вот как раз принесли в это время семь голов дракона, чтоб гости на них посмотрели, и сказал король:

— Эти семь голов отрубил у дракона маршал, поэтому я выдаю дочь свою нынче за него замуж.

Тогда поднялся из-за стола охотник, открыл семь драконовых пастей и спросил:

— А где ж семь языков дракона?

Испугался маршал, побледнел и не знал, что и ответить; наконец он проговорил в испуге:

— У драконов языков не бывает!

— Да, их не следует иметь лжецам, но драконовы языки — это знак доказательства победителя!

Охотник развязал свой платок, где лежали все семь языков, и приложил каждый из них к пасти дракона,— и языки как раз пришлись к каждой из них. Затем он достал платок, на котором было вышито имя королевны, показал его невесте и спросил, кому она подарила его. Она ответила:

— Тому, кто убил дракона.

Тогда он кликнул своих зверей, снял у каждого из них ожерелье, а со льва золотой замочек, показал их невесте и спросил, кому они принадлежат.

— Ожерелье с золотым замочком,— ответила она,— было мое, я поделила его между зверями за то, что они помогли одолеть дракона.

И сказал охотник:

— Когда я лежал на поле боя усталый и уснул, то явился маршал и отрубил мне голову. Затем он унес королевну и объявил, что это будто бы он убил дракона; а то, что он солгал, я доказываю драконовыми языками, вот этим платком и ожерельем.

И он рассказал, как спасли его звери при помощи волшебного корня, как целый год он бродил вместе с ними по свету и теперь опять вернулся сюда, где узнал про обман маршала от хозяина харчевни.

Тогда спросил король свою дочь:

— Правда, что этот человек убил дракона?

Она ответила:

— Да, это правда. Теперь я могу открыть злодеяния маршала, так как все выяснилось без моего участия: он взял с меня обещанье молчать. Вот почему я просила праздновать свадьбу не раньше чем через год и один день.

Тогда король велел позвать двенадцать советников, чтоб они вынесли маршалу приговор; и они присудили, что он должен быть разорван четырьмя быками. Маршала казнили, а король отдал дочь свою замуж за охотника и назначил его наследником всего королевства. Свадьбу отпраздновали с великим весельем, и молодой король велел позвать своего родного отца и приемного и одарил их большими сокровищами. Не забыл он и про хозяина харчевни,— он позвал его и сказал:

— Вот видите, хозяин, я на королевно женился, и ваша харчевня и двор, стало быть, теперь мои.

Сказал хозяин:

— Да, они теперь ваши по праву.

Но молодой король сказал:

— По милости моей пускай харчевню и двор хозяин оставит себе, и дарю я ему еще тысячу червонцев в придачу.

И были молодой король и молодая королева веселы и довольны и зажили счастливо вместе. Он часто выезжал на охоту, это было для него большой радостью, и верные звери всегда его сопровождали.

Находился поблизости лес, о нем шла молва, что там нечистая сила водится, и кто в него попадал впервые, тому было трудно выбраться назад. Но молодому королю сильно захотелось в том лесу поохотиться, и он не давал старому королю покоя, пока тот, наконец, это ему позволил.

Вот выехал молодой король с большой свитой и, въезжая в лес, заметил белоснежную самку оленя и сказал своим людям:

— Вы подождите здесь, пока я вернусь назад, я хочу поохотиться за прекрасным зверем,— и он поскакал вслед за ней в самую чащу леса, и следовали за ним только его звери.

Люди прождали его до самого вечера, но он назад не вернулся. Тогда они поехали домой и сказали молодой королеве:

— Король погнался в заколдованном лесу за белою самкой оленя и назад не вернулся.

И королева сильно о нем беспокоилась. А он все скакал и скакал за прекрасным зверем и никак не мог его нагнать; то казалось ему, что пора уже стрелять, но зверь вмиг убежал дале-

ко-далеко и, наконец, скрылся совсем из виду. Тут он заметил, что заехал в самые дебри лесные, взял свой рог и начал трубить; но ответа не было, люди не могли его услышать. А уже наступила ночь, и он понял, что нынче ему домой не вернуться.

Он слез с коня, развел возле дерева костер и решил там заночевать. Когда он сидел у костра и его звери лежали с ним рядом, ему показалось, будто послышался человеческий голос: он оглянулся, но ничего не увидел. Вскоре он опять услышал, будто наверху кто-то стонет; он глянул наверх, видит — сидит на дереве какая-то старуха и все причитает:

— Ух, ух, ух, как мне холодно!

Он сказал:

— Слезай да погрейся, если тебе холодно.

Но она ответила:

— Нет, твои звери меня укусят.

Он сказал:

— Бабушка, они не тронут тебя, слезай вниз.

Но это была ведьма, она сказала:

— Я сброшу тебе с дерева прутик; если ты прутиком этим ударишь зверей по спине, тогда они мне ничего не сделают, — и она сбросила ему маленький прутик.

Он ударил тем прутиком зверей, те тотчас тихо улеглись — и вдруг окаменели. Теперь ведьме зверей бояться было нечего, она спрыгнула вниз и дотронулась прутиком до короля и обратила его в камень. Потом она засмеялась и потащила его и зверей в яму, где лежало много таких же камней.

Не вернулся молодой король домой, и забота и страх у королевны все росли да росли. А случилось, что как раз в это время пришел в королевство второй брат — тот, что при расставании ушел странствовать на восток. Он искал работу и не мог ее нигде найти; он стал тогда бродить по разным местам и заставлял своих зверей плясать перед людьми.

И вот пришло ему в голову пойти посмотреть на нож, который воткнули они при разлуке в ствол дерева, чтоб узнать, что с его братом. Пришел он туда и видит, что сторона его брата наполовину уже заржавела, а наполовину осталась блестящей. Он испугался и подумал: «С моим братом, видно, случилось большое несчастье, но я, может, его спасу: ведь половина ножа осталась блестящей».

И он двинулся со всеми зверями на запад. Когда он подошел к городским воротам, вышла ему навстречу стража и спросила: должно ли о нем его супруге, — молодая королева уже несколько дней, мол, в большой тревоге по поводу его отсутствия и опасается, что он погиб в заколдованном лесу. Стража приняла его за молодого короля, так как был он на него очень похож, и за ним тоже шли следом дикие звери. Он понял, что речь идет о его брате, и подумал: «Самое лучшее — это выдать себя за него, — тем легче, пожалуй, я смогу его спасти». И он

велел страже проводить его в замок, где был принят с великой радостью. Молодая королева подумала, что это ее муж, и спросила, почему он так долго не возвращался. Он ответил:

— Я заблудился в лесу и выбраться раньше оттуда никак не мог.

Вечером его проводили в королевскую опочивальню, но он положил на постели между собой и молодой королевой отточенный меч. Она не знала, что это значит, но спросить его о том не решилась.

Он пробыл там несколько дней и за это время успел разведать все про заколдованный лес, и сказал наконец:

— Я хочу еще раз в нем поохотиться.

Король и молодая королева стали его отговаривать, но он настоял на своем и выехал в лес с большой свитой. Вот попал он в тот лес, и случилось с ним то же, что и с его братом; он увидел белую самку оленя и сказал своим людям:

— Вы здесь оставайтесь и меня подождите, пока я вернусь, я хочу поохотиться за прекрасным зверем.

И он ускакал в лес, а следом за ним мчались его звери. Но он не мог нагнать самку оленя и попал в такие дебри лесные, что пришлось ему там заночевать. Он развел костер и услышал, что кто-то на верху дерева стонет:

— Ух, ух, ух, как мне холодно!

Он глянул наверх, видит — сидит на верхушке старуха; а это была та самая ведьма. Он сказал:

— Если тебе, бабушка, холодно, слезай вниз и погрейся.

Она ответила:

— Нет, твои звери меня укусят.

А он говорит:

— Они не тронут тебя.

Тогда она крикнула:

— Я сброшу тебе прутик, ты ударь их тем прутиком, они тогда не тронут меня.

Услыхал это охотник, но старухе не поверил и говорит:

— Своих зверей я бить не стану, слезай вниз, а не то я тебя стащу.

Она крикнула ему:

— Ишь чего захотел! Все равно ты со мной не справишься!

Но он ответил:

— Сама не сойдешь, так сниму тебя пулей.

А она говорит:

— Стреляй, я твоих пуль не боюсь.

Приложил он к плечу ружье, выстрелил в нее, но ведьма против свинцовых пуль была заколдована и крикнула:

— Тебе в меня не попасть!

Тут охотник сообразил, сорвал со своей куртки три серебряных пуговицы и зарядил ими ружье, так как против них ее

колдовство было бессильно. Когда он выстрелил, она враз рухнула с воплем вниз. Он наступил на нее ногой и говорит:

— Старая ведьма, если ты сейчас не признаешься, где мой брат, я схвачу тебя и брошу в костер.

Сильно испугалась ведьма, стала просить о пощаде и говорит:

— Он лежит со своими зверями, обращенный в камень, в яме.

Тогда он заставил ее пойти с ним вместе, пригрозил ей и сказал:

— Теперь-то ты, старая мартышка, вернешь жизнь моему брату и всем, кто лежит с ним вместе, а не то попадешь в костер.

Взяла ведьма прутик, прикоснулась к камням — и вмиг ожили брат со зверями и много других людей, купцов, ремесленников и пастухов. Они стали благодарить его за свое освобождение и отправились потом по домам. А братья-близнецы, увидев друг друга, стали целоваться, и большая была у них радость на сердце. Схватили они потом ведьму, связали ее и бросили в костер; и только она сгорела, очистился лес сам собою, стал светлый и такой прозрачный, что можно было видеть королевский замок за три часа ходу оттуда.

Отправились два брата домой, и по дороге рассказали каждый друг другу про свою судьбу. Когда младший брат рассказал, что он наследник всего королевства, старший говорит ему:

— Это я сразу же понял: когда я пришел в город, меня приняли за тебя и стали воздавать мне королевские почести, молодая королева приняла меня за своего мужа, и пришлось мне сидеть за столом с ней рядом и спать с ней вместе в твоей постели.

Как услышал это младший брат, так возревновал и разгневался, что выхватил меч и отрубил брату голову. Но когда он увидел, что тот лежит мертвый и течет его красная кровь, он сильно в этом раскаялся.

— Мой брат меня освободил от колдовства, — воскликнул он, — а я его за это убил! — и он горько заплакал.

Но к нему подошел заяц и предложил принести корень жизни; он поскакал и принес его как раз вовремя. Мертвый ожил и даже раны своей не заметил.

Потом они двинулись дальше, и сказал младший брат:

— Ты выглядишь так же, как я, на тебе такие же королевские одежды, и за тобой, так же как и за мной, следуют звери. Давай войдем в разные ворота и явимся к старому королю одновременно.

Они расстались, и вот к старому королю пришла в одно и то же время стража обоих ворот и доложила, что молодой король, мол, вернулся со своими зверями с охоты.

Сказал тогда король:

— Этого быть не может, ведь от одних ворот до других будет ходу не меньше часа.

Но в это самое время с двух разных сторон прибыли на королевский двор два брата и вошли в замок. Спросил тогда король у своей дочери:

— Скажи, который же из двух твой муж? Они оба похожи один на другого,— я этого понять никак не могу.

Но она так испугалась, что не могла объяснить. Вдруг она заметила ожерелье, которое раздала зверям, и увидела на одном из львов свой золотой замочек и на радостях воскликнула:

— Тот, за кем идет этот лев, и есть мой настоящий супруг!

Засмеялся молодой король и сказал:

— Да, и вправду я настоящий.

И они уселись все вместе за стол, начали есть и пить и были радостны и веселы.

Вечером, когда молодой король ложился в постель, спросила его жена:

— Ты зачем в прошлые ночи клал всегда в нашу постель отточенный меч? Я думала, что ты хотел меня убить.

И узнал он тогда, насколько был верен ему брат.

Мужичок

Была одна деревня, где жили все сплошь одни только крестьяне-богатси; и был один только среди них бедняк, звали они его Мужичком. Не было у него никогда коровы, да и денег на ее покупку тоже не было; а ему и жене его вот как хотелось бы ее иметь! Вот и говорит он ей однажды:

— Послушай, жена, мне пришла в голову добрая мысль: кум-то ведь наш столяр, пусть сделает он нам из дерева телоч-

ку да покрасит ее бурою краской, чтоб была она похожа на телят; со временем она подрастет, вот и будет у нас корова.

Жене это тоже понравилось. И смастерил им кум-столяр и выстругал телочку как следует; краской ее покрасил, как полагается, да устроил еще так, что и голову она наклоняла, буд-то пасется.

Вот на другое утро погнали коров пастись в поле, а Мужичок зазвал к себе пастуха и говорит:

— Видишь, есть теперь у меня телочка, да она еще мала, ее надо нести на руках.

Сказал пастух:

— Что ж, ладно,— взял он ее на руки, вынес на пастбище и поставил на травку.

Телочка все стоит, будто траву щиплет, а пастух и говорит: «Скоро она станет и сама бегать; глянь-ка, она уже и есть умеет».

Вечером собрался он гнать стадо домой и говорит телке:

— Коли можешь стоять и есть уж умеешь как следует, то должна сама и ходить,— не стану я тащить тебя домой на руках.

А Мужичок стоит у ворот, дожидается своей телочки. Вот гонит пастух коров по деревне, а телочки и нету. Спрашивает Мужичок о ней у пастуха. А пастух отвечает:

— Она на лугу все пасется да пасется, никак уходить не хочет.

Тогда Мужичок говорит:

— Как это так, ты должен был скотину ко мне домой пригнать.

И вернулись они вместе с пастухом на луг; но кто-то телочку, видно, украл, они там ее не нашли. Вот пастух и говорит:

— Она куда-нибудь забежала.

А Мужичок ему в ответ:

— Как бы не так!— и повел пастуха к старосте; а тот и присудил, что должен пастух за свое нерадение дать Мужичку вместо пропавшей телочки корову.

Вот и получил Мужичок со своею женой корову, которую им так давно хотелось иметь. Они очень обрадовались, но корму-то у них не было и корову им нечем было кормить, и вот пришлось ее резать. Мясо они засолили, и Мужичок пошел в город, собираясь продать там шкуру, а на вырученные деньги купить себе новую телочку. Проходил он мимо мельницы; видит — сидит там ворон со сломанным крылом. Пожалел он его, взял и завернул его в шкуру. Но погода стала плохая, поднялся ветер, и дождь начал лить как из ведра,— дальше идти было трудно.

Он вернулся на мельницу и попросил его приютить. Мельничиха была дома одна и говорит Мужичку:

— Что ж, ложись на солому,— и дала ему кусок хлеба с сыром.

Мужичок поел и лег спать, а шкуру положил около себя. Женщина подумала: «Он устал и, пожалуй, уже спит». А тут приходит в гости поп. Мельничиха приняла его ласково и говорит:

— Мужа моего сейчас дома нет, давай вместе закусим.

Мужичок стал прислушиваться, и когда речь зашла об угощении, он подосадовал, что пришлось ему довольствоваться одним только хлебом да сыром. А мельничиха принесла еду и наставила всякой всячины — и вареного, и жареного, окрошку, пироги и вино.

Только они сели за стол и начали есть, как кто-то постучался в дверь. Мельничиха говорит:

— Ах, господи, это, пожалуй, мой муж.

Живо сунула она жаркое в печурку, вино — под подушку, окрошку — на постель, пироги — под постель, а попа в шкаф спрятала, что в сенцах стоял. Затем открыла она дверь мужу и говорит:

— Слава богу, что ты воротился! Вот уж погода, точно конец свету настал!

Увидал мельник Мужичка на соломе и спрашивает:

— А этому чего тут надо?

— Ах,— ответила жена,— да вот бедняга попал в бурю и дождь, ну и попросился переночевать. Дала я ему кусок хлеба с сыром и позволила лечь на соломе.

Муж говорит:

— Пускай его спит, только дай-ка ты мне чего-нибудь поесть.

А жена говорит:

— Нет у меня ничего, кроме хлеба да сыра.

— Я и тем буду доволен,— ответил муж,— давай, пожалуй, хлеба с сыром.

Глянул он на Мужичка и говорит:

— Эй ты, ступай да поешь с нами еще раз!

Мужичок не заставил себя долго просить, поднялся и стал есть. Увидел мельник, что лежит на земле коровья шкура и в нее ворон завернут, вот он и спрашивает:

— Что это у тебя там такое?

А Мужичок и говорит:

— Да там у меня предсказатель запрятан.

— Может, он и мне что-нибудь предскажет? — спросил мельник.

— Пожалуй, — ответил ему Мужичок, — но он предсказывает только четырежды, а пятый раз таит про себя.

Мельнику стало любопытно, и он стал просить:

— Так вели ты ему что-нибудь предсказать.

Прижал Мужичок ворона за голову, тот так и крикнул и закаркал: «кар-кар».

Мельник спросил:

— Ну, что же он сказал?

Мужичок ответил:

— Во-первых, сказал он, что вино спрятано под подушкой.

— Это было бы неплохо! — воскликнул мельник; пошел он туда и нашел вино.

— Ну, говори дальше! — сказал мельник.

Мужичок заставил ворона снова закаркать и сказал:

— Во-вторых, он говорит, что жаркое стоит в печурке.

— Это было бы кстати! — воскликнул мельник; пошел он туда и нашел жаркое.

Мужичок заставил ворона еще предсказывать и объявил:

— В-третьих, он говорит, что салат лежит на постели.

— Это тоже было б неплохо! — воскликнул мельник; пошел он туда и нашел салат.

Еще раз прижал Мужичок ворона, да так, что тот запищал и закаркал. И объявил Мужичок:

— А в-четвертых, сказал он, что пироги лежат под кроватью.

— Это было б недурно! — воскликнул мельник, полез под кровать и нашел там пироги.

Сели они оба за стол, а мельничиха до смерти перепугалась, легла в постель и все ключи у себя попрятала. Захотелось мельнику узнать и пятое, а Мужичок говорит.

— Давай сначала поедим все четыре, а пятое — оно будет, пожалуй, похуже.

Вот поели они, стали торговаться, сколько должен дать мельник за пятое предсказанье, и сошлись они на трехстах талерах. Вот прижал Мужичок еще раз голову ворону — тот так и закаркал во всю глотку. Спрашивает мельник:

— Что же он сказал?

А мужичок отвечает:

— Он сказал, что в шкафу в сенях спрятался черт.

Мельник говорит:

— Ну, черта надо будет оттуда выгнать, — открыл дверь, и вот пришлось жене отдать мужу ключ.

И Мужичок отпер шкаф. И выскочил оттуда стремглав этот самый поп. А мельник говорит:

— Видал я своими глазами черного человека — это и был черт.

Мужичок на другое утро, только стало светать, захватил свои триста талеров и давай бог ноги. Воротился Мужичок домой и привел мало-помалу хозяйство свое в порядок, выстроил себе красивый дом, и крестьяне стали о нем говорить:

— А Мужичок-то, пожалуй, побывал там, где падает дождь золотой и где деньги гребут прямо лопатами.

И потребовали Мужичка к старосте, чтоб сказал он, откуда у него явилось такое богатство. И ответил он:

— Был я в городе и продал коровью шкуру за триста талеров.

Услыхали это крестьяне, захотелось и им тоже получить такие же деньги. Прибежали они домой, всех коров своих позарезали, шкуры содрали, чтобы продать их в городе да барыш взять побольше. А староста и говорит:

— Моя работница пусть в город идет первая.

Пришла та к купцу в город, и дал он ей всего три талера за шкуру; а когда явились и другие, дал он им и того меньше и сказал:

— Да куда мне все эти шкуры девать-то?

Рассердились крестьяне, что Мужичок их так ловко обманул, и порешили ему отомстить: подали жалобу старосте, что ввел он их-де в обман. И ни в чем не повинный Мужичок был единогласно присужден к смерти; и должны были его спустить в продырявленной бочке в реку.

Привели Мужичка и вызвали попа. чтоб прочитал он по нем заупокойную. А всем остальным велено было разойтись. Как увидел Мужичок попа, узнал в нем того самого, что был в гостях у мельничихи. Вот и говорит он ему:

— Я освободил вас из шкафа, а вы освободите меня из бочки.

А как раз на ту пору пастух гнал овец, а о том пастухе он знал, что давно ему хочется сделаться старостой. И вот закричал он во всю глотку:

— Нет, я не согласен! Даже если бы весь мир того пожелал, то и тогда я бы не согласился.

Услыхал это пастух, подошел и спрашивает:

— Что с тобой? На что ты не согласен?

А Мужичок отвечает:

— Да вот хотят они сделать меня старостой, если сяду я в ту бочку, но я никак не согласен.

Тогда пастух и говорит:

— Если только это и нужно, чтоб стать старостой, я сейчас сяду в бочку.

А Мужичок говорит:

— Если согласен ты сесть, то и старостой будешь.

Пастух согласился, сел в бочку, и Мужичок доньшко в бочке заколотил, а сам подошел к стаду и погнал его вместо пастуха. А поп пошел к своим прихожанам и сказал, что заупокойную он уже прочитал. И пришли крестьяне и скатили бочку в реку. Только начала бочка катиться, а пастух из нее как закричит:

— Да, я охотно старостой буду!

Подумали они, что то кричит Мужичок, и говорят:

— И мы думаем то же; но ты сначала осмотришь-ка, что делается там внизу, — и скатили они бочку в реку.

Стали затем крестьяне по домам расходиться; пришли в деревню, видят — и Мужичок возвращается тоже, гонит стадо овец, как ни в чем не бывало. Удивились крестьяне и спрашивают:

— Мужичок, ты это откуда взялся? Ты из воды, что ли, вылез?

— Ну да, — ответил им Мужичок, — я спустился глубоко-глубоко и попал на самое дно; выбил я из бочки доньшко, вылез, а там внизу такие прекрасные луга, и пасется на них много ягнят, — вот и взял я себе целое стадо.

Спрашивают крестьяне:

— А много ли их там еще осталось?

— О, много! — ответил Мужичок. — Куда побольше, чем вам нужно.

Сговорились тогда меж собой крестьяне, что и они тоже не прочь бы овец раздобыть — каждый по целому стаду. А староста и говорит:

— Я пойду первый.

Вот пришли они все вместе к реке, а по синему небу как раз на ту пору ходили облачка, те, которых называют барашками: они отражались в воде. И вот закричали крестьяне:

— Овец-то уж видно на дне!

Пробился староста вперед и говорит:

— Я первый кинусь на дно, ведь надо поглядеть да осмотреться; если все будет как надо, я вас кликну.

И вот бросился он в воду, «бултых» — отдалось по воде. А крестьяне подумали, что кричит он: «идите», — и вот они всей гурьбой кинулись вслед за ним в воду.

И вымерла вся деревня, и остался один Мужичок наследником всего их добра и сделался человеком богатым.

Пчелиная матка

Вышли однажды два королевича на поиски приключений, и стали они вести жизнь разгульную да распутную, и даже домой не возвращались.

И отправился младший, которого звали Дурнем, в путь-дорогу, на поиски братьев. И вот он нашел их, и стали они над ним смеяться, что вздумал он своей простотой себе в жизни дорогу пробить,— ведь они двое куда его поумней, да и то не сумели той дороги найти.

И отправились они все трое дальше, и пришли к муравейнику. Двое старших порешили его раскопать, чтоб поглядеть, как маленькие муравьи будут в страхе бежать и уносить свои личинки, но Дурень сказал:

— Оставьте муравьев в покое, я не позволю, чтобы вы их тревожили.

Пошли они дальше и пришли к озеру, на котором плавало много уток. Двое братьев хотели поймать и зажарить несколько уток, но Дурень им этого не позволил и сказал:

— Оставьте уток в покое, я не позволю, чтоб вы их убивали.

Пришли они, наконец, к дуплу, где было пчелиное гнездо, и было там так много меда, что он даже по стволу стекал. Двое братьев решили развести под деревом костер, чтоб выкурить пчел, а мед забрать себе. Но Дурень снова их удержал и сказал:

— Оставьте пчел в покое, я не позволю, чтоб вы их уничтожали.

Наконец пришли трое братьев к замку, и стояли на конюшне одни только окаменевшие кони, и не было видно кругом ни одной живой души. Прошли они по всем залам и подошли, наконец, к дверям, и висело на них три замка; но в двери была щель, через которую они смогли разглядеть комнату; и увидели они седого человечка, что сидел у стола. Они окликнули его раз, другой, но он не слышал. Наконец окликнули его в третий раз, и он тогда встал, отпер замок и вышел им на-

встречу. Но он не вымолвил ни слова и повел их к богато убранному столу. Вот поели они и попили, и отвел он каждого из них в особую опочивальню.

На другое утро седой человек явился к старшему из братьев, кивнул ему и повел его к каменному столу, и написаны были на нем три задачи, — если их решить, то замок будет расколдован. А состояла первая задача в том, что надо было разыскать в лесу подо мхом жемчуга королевны, и было их счетом целая тысяча. А если до захода солнца не хватит хотя бы одной жемчужины до тысячи, то тот, кто будет искать их, обратится в камень.

Старший брат отправился в лес и целый день провел в поисках, но день подходил к концу, когда нашел он только сотню жемчужин; и случилось с ним то, что начертано было на столе, — обратился он в камень. На другой день вышел на поиски второй брат. Но и ему не очень-то повезло: нашел он не больше чем две сотни жемчужин, и обратился он в камень.

И настал, наконец, черед идти Дурню; стал он искать во мхах, но найти жемчуга было так трудно, и дело подвигалось медленно. Сел он тогда на камень и заплакал. Вот сидит он на камне и плачет, и явился к нему царь муравьиный, которому он однажды спас жизнь; а явился тот царь муравьиный с пятью тысячами муравьев, и вскоре они собрали одну за другой все жемчужины и сложили их в кучу.

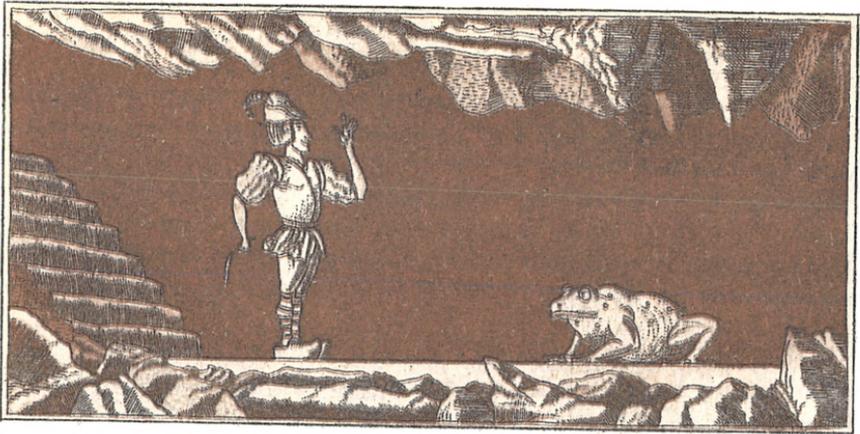
А вторая задача состояла в том, чтоб достать со дна озера ключ к опочивальне королевны.

Вот пришел к озеру Дурень, и подплыли к нему утки, которых он однажды спас, нырнули в воду и достали со дна ключ.

Третья задача была самая трудная — надо было выбрать из трех спящих королевен самую младшую и самую хорошую. А были они похожи одна на другую и ничем одна от другой не отличались, — разве только тем, что перед сном ели они разные сладости: старшая съела кусок сахара, средняя — немного сиропа, а младшая — целую ложку меда.

И явилась тогда пчелиная матка тех пчел, которых Дурень защитил от огня; прикоснулась она к губам каждой из трех королевен и осталась на губах той, которая мед ела; и вот королевич узнал, что это младшая. И были сняты чары — все освободилось ото сна, и тот, кто был обращен в камень, снова принял свой человеческий образ.

И женился Дурень на младшей и самой милой, и стал после смерти ее отца королем; а двум остальным братьям достались в жены две другие сестры.

Три перышка

Жил-был однажды король; было у него три сына. Из них двое умных да толковых, а третий и говорил-то мало, был он простоват, и звали его все Дурнем.

Вот король состарился уже и стал слаб; видит, что скоро ему помирать придется, но никак не мог решить, кому же из своих сыновей царство свое передать в наследство. Вот и говорит он сыновьям:

— Ступайте странствовать по белу свету, и кто принесет мне самой лучшей работы ковер, тот и будет после смерти моей королем.

А чтоб не было между ними никакого спора, повел он их к замку, взял три перышка, дунул на них, и они взлетели вверх; а он и говорит:

— Куда они полетят, туда и вам идти.

Полетело одно перышко на восток, другое на запад, а третье взлетело, но далеко не улетело и опустилось вскоре на землю. Вот отправился один брат направо, другой пошел налево, — и посмеялись они над Дурнем, что остался возле третьего перышка, там, где оно и упало.

Сел Дурень на землю и запечалился. Вдруг он заметил, что там, где лежит перо, находится ход в подземелье. Поднял он дверь, видит — идет дальше лестница, и спустился он по ней вниз. Подошел к другой двери, постучался, слышит — изнутри кто-то настойчиво кричит:

Девушка зеленая,
Ножка ты сушеная,
Костяной ноги собачка,
Погляди-ка поскорей,
Кто стоит там у дверей?

Отворилась дверь, видит он — сидит перед ним большая, толстая жаба, а вокруг нее много маленьких жаб. Спрашивает у него толстая жаба, чего он хочет. Он ей говорит:

— Хотел бы я получить самый красивый и самой тонкой работы ковер.

Позвала та молодую жабу и говорит:

Девушка зеленая,
Ножка ты сушенная,
Костяной ноги собачка,
Эй, поди-ка поскорей,
Принеси ларец живей!

Принесла молодая жаба ларец. Открыла его толстая жаба, достала оттуда ковер и дала его Дурню. И был тот ковер такой прекрасный и такой тонкой работы, что подобного во всем свете никто и соткать не смог бы. Поблагодарил он ее и выбрался снова наверх.

А те двое братьев считали своего младшего брата таким глупым, что подумали: ничего он, мол, никогда не найдет и ничего не принесет.

— Чего нам еще стараться искать, — сказали они и взяли у первой попавшейся им пастушки грубый шерстяной платок и принесли его домой королю.

В это самое время воротился назад Дурень и принес свой прекрасный ковер. Как увидел это король, удивился и говорит:

— Уж если по справедливости поступать, то королевство должно принадлежать младшему сыну.

Но двое братьев не давали отцу покоя, стали говорить и доказывать, что невозможно-де Дурню, у которого и разума не хватает, быть королем, и стали просить его о новом уговоре.

Вот отец и говорит:

— Королевство получит тот, кто принесет мне самое красивое кольцо, — и он вывел трех братьев во двор замка, взял три перышка, дунул на них, — и поднялись они на воздух и полетели в разные стороны, куда и должны были отправиться братья.

Два старшие брата отправились снова на восток и на запад, а перышко Дурня упало наземь, как раз у самого входа в подземелье. Спустился он снова вниз к толстой жабе и сказал ей, что ему надо добыть самое красивое кольцо. Она тотчас велела принести свой большой ларец, достала оттуда кольцо и подала ему. И блестело оно, усыпанное драгоценными камнями, и было такое красивое, что подобного ни один золотых дел мастер на свете не смог бы никогда сделать.

Посмеялись два старших брата над Дурнем, что собрался он найти золотое кольцо, и не старались его вовсе искать, а взяли старый обод с колеса, посбивали с него гвозди и принесли его королю.

Когда Дурень показал свое золотое кольцо, отец и говорит опять:

— Ему принадлежит королевство.

Но двое старших все докучали королю, пока, наконец, он не согласился на третий уговор и порешил, что тот должен получить королевство, кто приведет домой самую красивую девушку.

Взял он три перышка, дунул на них,— и поднялись они на воздух и полетели так же, как и в прошлый раз.

Спустился Дурень, не долго думая, вниз к толстой жабе и говорит:

— Я должен привести домой самую красивую девушку.

Но жаба ответила:

— Самую красивую? Ой, что ты! Такой сейчас нету, но ты ее все-таки получишь.

И она дала ему выдолбленную желтую репу, запряженную шестью мышатами. И говорит, совсем запечальась, Дурень:

— А что же мне делать-то с ними?

Ответила жаба:

— А ты посади в нее одну из моих маленьких жаб.

Взял он, какая ему первая под руку попалась, и посадил ее в желтый возок, но только села она в него, как тотчас обернулась волшебной красоты девицей, репа — каретой, а шестеро мышат — конями. Поцеловал он девицу, погнал коней и привез ее к королю.

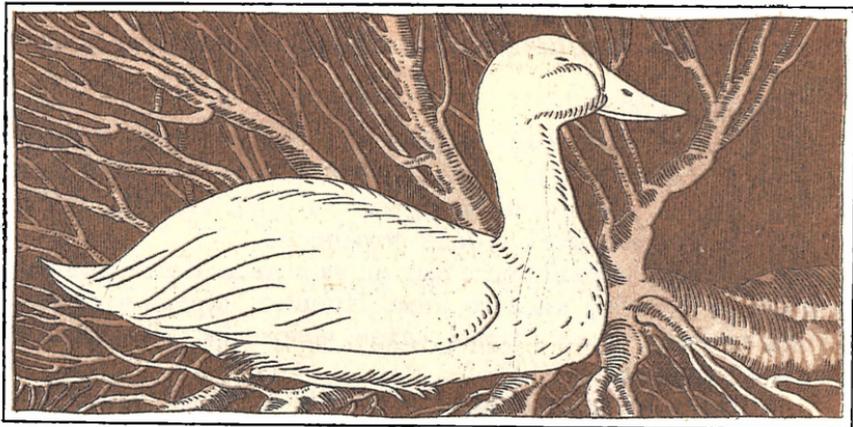
Братья его явились позже, — они даже и не старались отыскать красивую девушку, а захватили с собой первых попавшихся им навстречу деревенских баб. Увидел их король и говорит:

— Младшему после смерти моей будет принадлежать королевство.

Но двое старших снова прокричали все уши королю:

— Мы никак не можем допустить, чтобы Дурень стал королем, — и потребовали, чтобы предпочтение оказано было тому, чья жена прыгнет через кольцо, что висит посреди зала. Они думали так: «Деревенские бабы сумеют это сделать, ведь они куда посильней, чем эта нежная девушка, — она прыгнет и наверняка разобьется насмерть».

Старый король и на это согласился. И вот прыгнули две деревенские бабы, проскочили через кольцо, но были они неуклюжи, упали и перешибли свои грубые руки и ноги. А затем прыгнула прекрасная девушка, которую привез Дурень, и она проскочила легко, точно лань, — и спорить дальше было уж не о чем. Так и получил Дурень королевскую корону, и долгие годы правил он мудро.

Золотой гусь

Жил-был человек. Было у него три сына, звали младшего Дурнем; его презирали, смеялись над ним и всегда обижали. Собрался раз старший идти в лес — дрова рубить, и дала ему мать на дорогу вкусный сдобный пирог и бутылку вина, чтоб не знал он ни голода, ни жажды. Он пришел в лес и вот повстречал там старого седого человечка. Поздоровался с ним человек и говорит:

— Дай мне кусок пирога, что у тебя в кармане, и глоток вина — я очень проголодался и хочу пить.

Но умный сын ответил:

— Если я отдам тебе пирог да вино, то мне самому ничего не останется. Ступай своей дорогой.

Так и остался человечек ни с чем, а умный сын пошел себе дальше. Вот начал он рубить дерево; ударил топором да угодил себе прямо в руку, — пришлось ему домой возвращаться и делать себе перевязку. А вышло все из-за того седого человечка.

Потом пошел в лес средний сын, и дала ему мать, как и старшему сыну, сдобный пирог и бутылку вина. Ему тоже повстречался старый седой человечек и попросил у него кусок пирога и глоток вина. Но и средний сын, тоже разумный, ответил:

— Дам я тебе — мне меньше достанется. Ступай своей дорогой.

Так и остался человечек ни с чем, а средний сын пошел себе дальше. Но и он был наказан: ударил он несколько раз по дереву и попал топором в ногу, вот и пришлось его домой на руках относить.

Тогда Дурень и говорит:

— Дозволь мне, батюшка, хоть раз в лес пойти дров нарубить.

Ответил отец:

— Братья твои уже ходили, да только себе навредили,— куда уж тебе, ты в этом деле ничего не смыслишь.

Но Дурень все просил да просил, и отец, наконец, сказал:

— Ну ступай, авось в беде поумнеешь.

И дала ему мать пирог, а был он на воде замешен да в золе испечен, и бутылку кислого пива. Пришел Дурень в лес; повстречался ему тоже старый седой человек, поздоровался с ним и говорит:

— Дай мне кусок пирога и глоток из твоей бутылки,— я так голоден и мне очень хочется пить.

Ответил Дурень:

— Но у меня-то ведь пирог на золе испечен, а пиво кислое; но если это тебе по вкусу, давай присядем и вместе закусим.

Сели они; достал Дурень свой пирог, что был на золе испечен, а оказался он сдобным и вкусным, а кислое пиво стало хорошим вином. Поели они, попили, и сказал человек:

— Оттого, что у тебя сердце доброе и ты охотно со мной поделился, я награжу тебя счастьем. Вон стоит старое дерево, ты сруби его, и между корнями для тебя кое-что найдется.— Потом человек попрощался и ушел.

Пошел Дурень, подрубил дерево, оно свалилось, вдруг видит он — сидит на корнях гусь, а перья у гуся все из чистого золота. Поднял он гуся, взял его с собой и пошел в харчевню, где и решил заночевать. А у хозяина харчевни были три дочери: увидели они гуся, стало им любопытно, что это за диковинная птица такая, и захотелось им добыть одно из его золотых перьев. Старшая подумала: «Случай к тому, пожалуй, подвернется, я вытащу себе золотое перо». Только Дурень отлучился, схватила она гуся за крыло, но тут пальцы ее так к крылу и пристали. Пришла вскоре вторая сестра, и было у нее одно на уме: как бы это вытащить и себе золотое перо; но только она прикоснулась к своей сестре, так тотчас к ней и прилипла. А тут пришла и третья сестра, чтоб добыть себе золотое перо, но сестры ей крикнули:

— Ради бога, не подходи к нам, отойди!

Но она не поняла, почему это нельзя подойти, и подумала: «Если сестры мои там, то и я могу быть тоже с ними»,— и только она подбежала и прикоснулась к одной из сестер,

так тотчас к ней и прилипла. Вот и пришлось им провести ночь возле гуся.

На другое утро взял Дурень гуся под мышку и ушел, мало беспокоясь о том, что трое девушек тащатся за ним следом. Пришлось им все время бежать следом за гусем то туда, то сюда, куда ноги Дурня надумают. Повстречался им в поле пастор; увидел он такое шествие и говорит:

— Постыдитесь, бесстыжие девушки! Чего бежите следом за парнем, куда это годится? — И он схватил младшую за руку, собираясь ее оттащить. Но только он к ней прикоснулся, как тоже прилип, и пришлось ему самому бежать следом за ними.

Повстречался им вскоре на пути причетник; увидел он пастора, спешащего следом за тремя девушками, удивился и закричал:

— Эй, господин пастор, куда это вы так спешите? Не забудьте, что нынче надо еще ребенка крестить, — и он подбежал к пастору, схватил его за рукав и тоже прилип.

Когда они все впятером бежали следом друг за дружкой, повстречалось им двое крестьян, возвращавшихся со своими мотыгами с поля; пастор крикнул им, чтоб они освободили его и причетника. Но только прикоснулись крестьяне к причетнику, как тоже прилипли, — и стало их теперь семеро бегущих следом за Дурнем и его гусем.

Вот пришел Дурень в город, а правил в том городе король; и была у него дочка, такая строгая да мрачная, что ни один человек не мог ее никак рассмешить. И потому королем был объявлен указ, что кто, мол, ее рассмешит, тот на ней и женится.

Услыхал Дурень об этом и отправился со своим гусем и целой ватагой спутников к королевне. Увидела та семерых, бегущих друг за дружкой, и так начала смеяться, что и остановиться ей было трудно. Потребовал тогда Дурень ее себе в невесты, но королю будущий зять что-то не очень понравился. Стал король придумывать всякие отговорки и сказал, чтоб привел он ему такого человека, который бы смог целый подвал вина выпить. Тут Дурень и вспомнил про седого человечка и подумал, что тот сможет, пожалуй, прийти ему на помощь. Отправился Дурень в лес и увидел на том самом месте, где рубил он однажды дерево, какого-то человечка; тот сидел, и по лицу его было видно, что он сильно пригорюнился. Стал Дурень его спрашивать, чего он горюет. Тот ответил:

— Мучит меня сильная жажда, никак не могу я ее

утолить. Холодной воды я не пью, бочку вина я уже опорожнил, но для меня это все одно, что капля на раскаленный камень.

— Я могу в этом деле тебе помочь,— сказал Дурень.— Ступай за мной, и ты вдосталь напьешься.

Повел его Дурень в королевский подвал. Подсел человек к огромным бочкам и стал пить; пил и пил, пока живот у него не раздулся, и не прошло и дня, как выпил он целый подвал.

Потребовал во второй раз Дурень себе невесту, но король рассердился, что такой простой парень, которого всяк величает Дурнем, может взять его дочь себе в жены, и поставил тогда новое условие: должен Дурень сначала найти такого человека, который бы смог целую гору хлеба поест.

Не долго думая, отправился Дурень прямо в лес; и сидел на том самом месте какой-то человек; он подтянул свой пояс потуже, лицо у него было грустное, и он сказал:

— Я уже съел целую печь ситного хлеба, да что это для меня, когда у меня такой сильный голод! Утробы моей никак не насытишь, и приходится мне пояс подтягивать все туже, чтоб с голоду не пропасть!

Обрадовался Дурень и говорит:

— Так вставай и ступай за мной: уж ты досыта наешься.

Привел он его к королевскому двору, а туда свезли на ту пору всю муку со всего королевства и напекли огромную гору хлебов; ну, тут лесной человек подошел и начал есть,— и в один день вся хлебная гора исчезла.

В третий раз потребовал Дурень себе невесту, но королю хотелось от него избавиться, и потребовал он у Дурня такой корабль, чтобы мог по воде и по суше плавать.

— Как только ты на том корабле ко мне подплывешь,— сказал он Дурню,— тотчас получишь дочь мою в жены.

Отправился Дурень прямою дорогой в лес; сидел там старый седой человек, которому он отдал когда-то свой пирог, и сказал человек:

— Это ты меня накормил, напоил, дам я тебе за это корабль; я это делаю потому, что ты меня пожалел.

И дал он ему корабль, что мог ходить и по суше и по морю. Увидел король тот корабль и не мог отказать выдать дочь свою замуж за Дурня. Вот сыграли свадьбу, и после смерти короля наследовал Дурень все королевство и жил долгие годы счастливо со своею женой.

Заячья невеста

Жила-была женщина со своей дочкой, и был у нее прекрасный огород, и росла на том огороде капуста. Но повадился туда ходить зайчик и к зиме поел бы всю капусту. Вот и говорит мать дочке:

— Ступай на огород и прогони зайчика.

И говорит девушка зайчику:

— Прочь, прочь, зайчик, а то ты этак всю капусту поешь!

А зайчик ей и говорит:

— Девушка, иди сюда, садись ко мне на мой заячий хвостик и поедем вместе со мной в заячью избушку.

А девушка не соглашается. На другой день приходит зайчик опять и ест капусту. Говорит мать дочке:

— Ступай на огород да прогони зайчика.

Говорит девушка зайчику:

— Пш-пш, зайчишка, этак ты всю капусту поешь!

А зайчик говорит:

— Девушка, иди сюда, садись ко мне на заячий хвостик и поедем вместе со мной в заячью избушку.

А девушка не соглашается. Приходит зайчик и на третий день и ест капусту. Вот мать и говорит своей дочке:

— Ступай на огород да прогони зайчика.

Девушка говорит:

— Пш-пш, зайчишка, этак ты всю капусту поешь!

А зайчик ей отвечает:

— Девушка, иди сюда, садись ко мне на заячий хвостик и поедем вместе со мной в мою заячью избушку.

Села девушка на заячий хвостик, — и повез ее зайчик далеко-далеко в свою избушку. Говорит он девушке:

— Ну, а теперь навари зеленой капусты и проса, а я пойду звать гостей к нам на свадьбу.

Вот собрались все гости свадебные. (А кто же были у них поезжане? Я тебе расскажу это, как сказывал мне о том другой человек: были там всякие зайцы; ворон был вместо попа, чтоб обвенчать молодых, лиса — за причетника, а алтарь был под самой радугой.)

Но девушка пригорюнилась, что была она среди них одна-одинешенька.

А тут приходит зайчик и говорит:

— Отворися, отоприся, веселятся гости свадебные!

А невеста молчит и плачет. Зайчик ушел; потом приходит опять и говорит:

— Отворися, отоприся, есть хотят гости свадебные!

А невеста все молчит да плачет. Зайчик уходит и опять приходит и говорит:

— Отворися, отоприся, гости свадебные уж заждались!

А невеста молчит, и зайчик уходит. Сделала она тогда из соломы чучело, нарядила его в свое платье, дала ему в руку поварешку и посадила к котлу с просом, а сама ушла к матери.

Приходит опять зайчик и говорит:

— Отворися, отоприся,—отворяет дверь да как ударит чучело по голове,—у того и чепец с головы свалился. Увидал тогда зайчик, что это не его невеста, и ушел грустный и печальный.

Вор и его учитель

Собрался Ян отдать сына своего ремеслу обучаться; пошел в церковь и стал богу молиться, чтобы узнать, что сыну будет полезней всего. А стоял у алтаря причетник и говорит: «Воровство, воровство!». Воротился Ян к своему сыну и объявил, что тот должен воровству обучаться, что это-де сказал ему сам господь бог. И пошел он со своим сыном искать такого человека, который воровать мастер. Шли они долго и зашли, наконец, в глухой и дремучий лес, видят — стоит там маленькая избушка, и сидит в той избушке старая-престарая женщина. Ян ей и говорит:

— Не знаешь ли ты такого человека, что воровать умеет?

— Этому делу можно и здесь хорошо научиться, — ответила старуха, — сын мой на эти дела большой мастер.

Вот и спрашивает он у сына старухи, хорошо ли тот воровство знает. Говорит воровских дел мастер:

— Твоего сына я обучу как следует; придешь сюда год спустя, и ежели сына своего узнаешь, то и денег за ученье я с тебя не возьму, а не узнаешь, то должен ты будешь заплатить мне двести талеров.

Воротился отец домой, а сын стал колдовству да воровству обучаться. Прошел год, и отправился отец к воровских дел мастеру, да по дороге пригорюнился, не зная, сможет ли сына своего узнать. Идет он, запечалился, вдруг навстречу ему маленький человечек. И спрашивает его тот человечек:

— Послушай, ты чего это пригорюнился? Чего запечалился?

— Ох, — отвечает Ян, — год тому назад отдал я своего сына к воровских дел мастеру в обучение, велел он мне год спустя прийти к нему снова, и если сына своего я не узнаю, то должен буду уплатить ему двести талеров, а если узнаю, то и платить ничего не придется, — вот мне и страшно, что я его не узнаю, а где мне тогда денег-то столько добыть?

И сказал ему человечек:

— Ты должен взять с собой лукошко с хлебом и стать под дымовую трубу; увидишь там на шесте клеточку, и выглянет оттуда птичка, это и будет твой сын.

Пошел Ян туда, поставил лукошко с черным хлебом перед клеткой, — вылетела из нее птичка и смотрит на хлеб.

— Эй, сыночек, ты здесь? — спрашивает отец.

Обрадовался сын, что отца своего увидал. Но воровских дел мастер говорит:

— Это сам черт тебя надоумил, а то как бы ты своего сына узнал?

— Отец, нам надо отсюда поскорей уходить, — сказал юноша.

И отправился отец со своим сыном домой. Вдруг едет по дороге им навстречу карета, и говорит сын своему отцу:

— Обернусь я большою борзой, и вы сможете на мне заработать немало денег.

Высовывается из кареты господин:

— А не продадите ли вы мне эту собаку?

— Что ж, продам, — ответил отец.

— А сколько вы денег за нее хотите?

— Тридцать талеров.

— Это слишком много, но пес, видно, очень породистый, я, пожалуй, согласен.

Забрал господин пса в карету, но только немного отъехал, а пес как выскочит из нее через окошко и вмиг обернулся юношей и снова очутился возле своего отца. И пошли они вместе

домой. А была на другой день в соседней деревне ярмарка, вот парень и говорит своему отцу:

— А теперь обернусь я красивым конем, а вы меня продадите. Но прежде чем продать, вы должны снять с меня уздечку; а то не смогу я стать опять человеком.

Вывел отец коня на ярмарку, но пришел туда и воровских дел мастер и купил коня за сто талеров, а отец и позабыл снять с него уздечку. Вот повел вор коня домой и поставил его в конюшню. Вошла туда работница, а конь ей говорит:

— Снимите с меня уздечку, снимите с меня уздечку! Стоит работница, удивляется:

— Э-э, да ты и говорить умеешь! — Подошла она к коню, сняла с него уздечку, и обернулся конь воробьем, вылетел в дверь; а колдун тоже воробьем обернулся и полетел вслед за ним. Вот слетелись они, стали биться, и колдун проиграл; кинулся он тогда в воду и обернулся рыбой. А парень тоже рыбой обернулся, догнал его, и стали они биться, и колдун опять проиграл. Обернулся тогда колдун петухом, а парень — лисой да и откусил голову петуху, так вот и погиб воровских дел мастер и лежит там и поныне.

Йоринда и Йорингель

старуха, и была она самая большая колдунья. Днем превращалась она в кошку или ночную сову, а вечером принимала опять свой прежний человеческий вид. Она умела приманивать вся-

Стоял когда-то в большом и густом лесу старый замок, и жила в том замке только одна

ких зверей и птиц, убивала их, варила и жарила себе на еду. Если кто подходил на сто шагов к этому замку, тот останавливался как вкопанный и не мог сдвинуться с места, пока она не снимала с него заклятья; а если входила в тот заколдованный круг невинная девушка, колдунья обращала ее в птицу, запира-ла в клетку и уносила в одну из комнат замка. Так собрала она в замке целых семь тысяч клеток с разными диковинными пти-цами.

А жила-была в ту пору девушка, звали ее Йориндой, и бы-ла она прекрасней всех остальных девушек на свете. Посватал-ся за нее такой же прекрасный юноша, звали его Йорингель, и это были предбрачные дни,— и весело, радостно было им вместе.

И вот, чтобы поговорить наедине, пошли они раз погулять в лес.

— Только смотри,— говорит ей Йорингель,— к замку близко не подходи.

А вечер был хороший, ярко светило солнце сквозь деревья в темную лесную зелень, и жалобно пела горлинка над стары-ми буками.

Йоринда несколько раз принималась плакать, потом села она на солнышке и пригорюнилась. Йорингелю тоже стало грустно. И были они так печальны, будто предстояла им близ-кая смерть. Они оглянулись — видят, что заблудились, не зна-ют, как найти им теперь дорогу домой. А солнце еще не зашло за горы, но скрылось уже наполовину за вершинами.

Глянул Йорингель сквозь заросль лесную, видит — стоят перед ним уже близко-близко старые стены замка. Испугался он, и стало ему до смерти страшно. А Йоринда запела:

Как птичка красногрудая все жалобно поет,
Про гибель неминучую все голубку поет,
Так жалобно, все жалобно,
Тю-вить, тю-вить, тех-тех!

Посмотрел Йорингель на Йоринду и видит — обернулась она соловьем, который пел свое «тю-вить, тю-вить».

Ночная сова с горящими глазами трижды облетела вокруг соловья и трижды ухнула: «Угу-угу-угу». И не мог Йорингель сдвинуться с места, стоял точно вкопанный — ни плакать, ни слова молвить, ни рукою пошевелить, ни ногой двинуть. Вот закатилось и солнце. Улетела сова в лесную чащу, и вышла тот-час оттуда горбатая старуха, желтая да худая; большие красные глазища, нос крючком до самого подбородка. Проворчала она что-то себе под нос, поймала соловья и унесла с собой на руке. И слова вымолвить не мог Йорингель, и с места не сойти ему

было: пропал соловей. Вернулась, наконец, старуха и говорит глухим голосом:

— Прощай, Захиэль! Как глянет месяц в клеточку, ты развяжись — и прощай.

Освободился от чар Йорингель. Упал он перед старухой на колени, взмолился, чтобы вернула она ему назад Йоринду.

Но старуха ответила:

— Никогда тебе больше не видать Йоринды, — и ушла.

Он кричал, горько плакал и горевал, но все было понапрасну. «Ах, что же мне делать теперь?» — И ушел Йорингель оттуда и попал, наконец, в какую-то чужую деревню; там долгое время он пас овец. Он часто бродил вокруг замка, но близко к нему никогда не подходил. И вот приснился ему ночью сон, будто нашел он алый цветок, а в середине его большую, прекрасную жемчужину. Цветок он сорвал и пошел с ним к замку, и к чему он ни прикасался тем цветком, все освобождалось от злых чар; и приснилось ему еще, что и Йоринду он нашел благодаря тому же цветку.

Проснулся он утром и стал искать по полям и горам, не найдется ли где такой цветок. Он все искал и на девятый день нашел на рассвете алый цветок. И лежала внутри цветка большая росинка — такая большая, словно жемчужина. Пошел он с этим цветком, и он шел целый день и целую ночь в сторону замка. Он подошел к нему на сто шагов, и никто его не остановил, и вот подошел он к самым воротам. Сильно обрадовался Йорингель, прикоснулся цветком к воротам — и распахнулись они перед ним. Вошел он, идет через двор, прислушивается, не слышать ли где птичьего пенья; и услышал он вдруг птичьего голоса. Он отправился дальше и нашел зал, а в нем колдунью, и увидел, что она кормит птиц в своих семи тысячах клеток. Как увидела она Йорингеля, рассердилась, сильно разгневалась, стала браниться, плевать на него ядом и желчью, ну, а подступить к нему и на два шага была не в силах. А он на нее и не смотрит, идет себе по залу, осматривает клетки с птицами; и видит он много сотен соловьев в клетках, но как найти ему свою Йоринду?

Присматривается он и замечает, что старуха тайком достает одну клеточку с птицей и несет ее к двери. Мигом прыгнул он за нею, дотронулся цветком до клеточки и до старухи-колдуни, — тут потеряла она свою колдовскую силу, и вот явилась перед ним Йоринда; она бросилась к нему на шею, и была она такая же красивая, как и прежде. И он обратил тогда и всех остальных птиц в девушек и воротился домой со своей Йориндой, и жили они счастливо долгие-долгие годы.

Три счастливица

Позвал однажды отец своих трех сыновей и подарил первому из них петуха, второму — кошу, а третьему — кошку.

— Я уже стар стал, — сказал он, — скоро мне помирать придется, вот и хочу я вас чем-нибудь обеспечить перед своей смертью. Денег у меня нету, и то, что я вам даю, стоит будто и мало, но главное в том, чтобы с толком его применить к делу: стоит вам только найти такую страну, где подобных вещей еще не знают, и счастье вам будет обеспечено.

Отец умер, и вот старший ушел из дому со своим петухом, но, куда он ни приходил, петух всюду был давно уж известен: в городах он видел его издали на башнях, где он вертелся флюгаркой под ветром на крышах; по деревням их немало горланило по дворам, — и никто, увидев его, не удивлялся, и было непохоже, чтобы благодаря петуху можно было счастье свое устроить. Но вот случилось ему, наконец, попасть на остров, где люди не только про петуха не слышали, но и времени счет вести не умели. Они, конечно, знали, когда утро, когда вечер, но если они просыпались ночью, то никто не знал, который час.

— Вот поглядите, — сказал он, — что за стройная да красивая птица. На голове у нее рубиново-красный венец, и носит она шпоры, точно какой-нибудь рыцарь; она окликает вас ночью трижды в положенное время, а когда кричит она в последний раз, это значит, что скоро взойдет солнце. А когда запоет она среди бела дня, этим указывает на верную перемену погоды.

Людям это понравилось, они решили целую ночь не спать и с великой радостью слушали, как петух отчетливо и громко

пел в два, в четыре и в шесть часов, указывая время. Они спросили, не продаст ли он им петуха и сколько за него потребует денег.

— Столько золота, сколько осел дотащить сможет, — ответил он.

— И деньги-то малые за такую драгоценную птицу, — обрадовались они и охотно заплатили ему то, что он потребовал.

Воротился он со своим богатством домой; братья его удивились, и сказал средний из них:

— Пойти, что ли, и мне? Может, и я сбуду свою косу так же удачно.

Но поначалу было оно как-то на то непохоже: повсюду встречал он крестьян, и у них тоже были косы за плечами, как и у него. Но, наконец, и ему посчастливилось попасть на остров, где люди о косе до той поры и понятия не имели. Когда у них созревали хлебá, они подвозили к полям пушки и выстрелами срезали хлеб. Но дело это было ненадежное. Одно ядро стреляло слишком далеко, другое вместо стебля попадало в колосья, и от выстрела они разлетались, и много зерен пропало понапрасну, а кроме того, было много лишнего шума. И вот пошел средний брат на поле и стал косить, да так бесшумно и быстро, что люди от изумленья так рты и пораскрывали. Они были согласны отдать ему за ту косу все, что он потребует. И вот получил он лошадь, на которую золота навьючили столько, сколько она могла тащить.

Захотелось и третьему брату сбыть свою кошку подходящему человеку. Но и с ним, пока он ходил по нашей земле, вышло поначалу то же, что и с братьями; и ничего придумать он не мог, — повсюду кошек было так много, что новорожденных котят большей частью топили. Наконец удалось ему перебраться на один остров, и, по счастью, оказалось, что кошек там ни разу не видывали, а мышей там развелось так много и они так обнаглели, что прямо плясали по столам и скамьям, все равно — дома ли хозяин или нет. Люди очень жаловались на такое бедствие, даже сам король не знал, как спастись от них в своем замке: во всех углах пищали мыши и грызли все, что только им не попадалось.

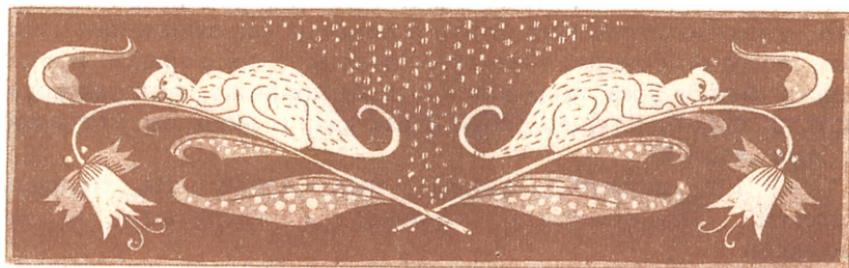
Вот вышла кошка на охоту и вскоре очистила несколько зал от мышей; стали люди просить короля, чтоб купил он этого чудесного зверя на пользу государству. Король охотно уплатил то, что было за нее потребовано, и дал мула, навьюченного золотом; и воротился домой третий брат с самыми большими богатствами.

Власть наелась кошка в королевском замке мышами; передушила она их столько, что и счесть было невозможно. Наконец стало ей от такой работы жарко, и захотелось ей пить; остановилась она, головой повертела и закричала: «Мяу-мяу». Испугался король, услышав такой странный крик, а за ним и придворные, и в страхе бежали они все вместе из замка. И держал король в нижнем зале совет, как быть, как лучше всего поступить. Было, наконец, решено выслать к кошке герольда и потребовать, чтобы она покинула замок, и, предупредить ее, что в противном случае к ней будет применена сила.

И сказали советники, что лучше уж от мышей мучиться,— к этому злу они, мол, привычны,— чем отдавать свою жизнь на произвол такому чудовищу.

Один из пажей должен был подняться в замок и спросить у кошки, согласна ли она убраться отсюда подобру-поздорову. Но стала кошку жажда мучить пуще прежнего, и она ответила только: «Мяу-мяу». А паж понял: «Нет, мол, нет», и передал королю этот ответ.

— Ну,— сказали тогда советники,— в таком случае она должна будет уступить силе.— И были наведены пушки; открыли огонь, и загорелся от выстрелов замок. Когда огонь стал проникать в зал, где сидела кошка, она благополучно выскочила в окно; но осаждающие не прекращали пальбу до тех пор, пока весь замок не был разрушен до основанья и не осталось от него и камня на камне.

Волк и человек

Рассказала раз волку лиса про силу человека, что ни один-де зверь не устоит перед ним и разве одной только хитростью можно уберечь от него свою шкуру. Ну, волк и говорит:

— Встретить бы мне хоть раз человека, уж я на него нападу!

— Я могу тебе в этом помочь,— ответила ему лиса,— приходи завтра раным-рано на заре, и я покажу тебе человека.

Явился волк раным-рано на заре, и вывела его лиса на дорогу, по которой всегда проходил охотник. Но сперва прошел там старый отставной солдат.

— Вот это и есть человек?

— Нет,— отвечает лиса,— этот был когда-то человеком. Затем прошел по дороге мальчик в школу.

— Вот это и есть человек?

— Нет,— ответила лиса,— этот будет еще человеком.

Вот идет, наконец, охотник, за спиной у него двустволка, а на поясе охотничий нож. Говорит волку лиса:

— Видишь, вон идет человек, ты на него напади, а я поскорей спрячусь в нору.— Тут волк и кинулся на человека.

Увидел его охотник и говорит:

— Жаль, что не зарядил ружье пулей.

Взял он ружье, прицелился и выпустил заряд дроби прямо волку в морду. Волк скривился, но, однако ж, не испугался и пошел прямо на человека; охотник выпустил второй заряд. Волк сжал зубы от боли и кинулся на человека; выхватил тогда охотник свой охотничий нож и ударил им волка в бок раз и другой; пустился волк, истекая кровью, бежать и прибежал, воя, к лисе.

— Ну, братец-волк,— сказала лиса,— расскажи, как ты расправился с человеком?

— Ах,— говорит ей волк,— я и не представлял себе, чтобы человек был так силен; снял он сначала палку с плеча и как дунет, и как полетело мне что-то в лицо, да как защекочет; а потом дунул он еще раз в палку — точно молния с градом пролетела у самого носа; подхожу я к нему поближе, а он как вытаскивает из тела блестящее ребро и как ударит меня им, тут я еле и жив остался!

— Вот видишь,— сказала лиса,— какой ты, однако, хвостун! Замахиваешься широко, а ударить-то и не можешь.

Волк и лиса

Жила лиса у волка в услуженье, и что волк ее заставлял, то лисе и приходилось делать, — оттого, что была она его слабее; и захотелось лисе от хозяина такого избавиться. Случилось раз идти им вместе по лесу, а волк и говорит:

— Лиса рыжая, достань мне что-нибудь поесть, а не то я тебя съем!

И ответила лиса:

— Я знаю один крестьянский двор, есть там двое молодых ягнят; если хочешь, давай одного утащим.

Это волку понравилось, пошли они туда; и украла лиса ягненка, притащила его волку, а сама убежала. Съел волк ягненка, но этого показалось ему мало, захотелось ему добыть другого, и пошел он, чтоб его утащить. Но волк был такой неловкий, — заметила волка мать ягненокка и принялась так сильно кричать и блеять, что сбежались крестьяне. Нашли они волка и так его избили, что он, прихрамывая и воя, явился к лисе.

— Ты меня, однако, здорово подвела, — сказал он, — хотел я было утащить другого ягненка, но поймали меня крестьяне и сильно мне бока намяли.

А лиса говорит:

— А зачем ты такой ненасытный?

На третий день пошли они снова на поле, и говорит волк опять:

— Лиса рыжая, достань мне что-нибудь поесть, а не то я тебя съем.

И ответила лиса:

— Я знаю один крестьянский двор, нынче вечером там хозяйка блины печет, — давай их утащим.

Пошли они туда, а лиса весь дом кругом обшарила, все разглядывала да принюхивалась, пока не узнала, где горшки стоят, стащила потом шесть блинов и принесла их волку.

— На тебе, ешь, — сказала она ему, а сама пошла своей дорогой.

Проглотил волк блины вмиг и говорит:

— Они такие вкусные, что мне еще хочется,— пошел и свалил всю миску на пол,— одни только черепки остались.

Раздался грохот, и явилась хозяйка, заметила волка, стала людей звать на помощь. Сбежались люди, стали бить его кто чем попало, и убежал он, на обе ноги прихрамывая и громко воя, к лисе в лес.

— Что это ты меня так сильно подвела? — воскликнул волк.— Поймали меня крестьяне и начесали мне спину!

Отвечает лиса:

— А зачем ты такой ненасытный?

На третий день вышли они вместе на поле. Волк, прихрамывая, еле поспевал за лисой и говорит ей:

— Лиса рыжая, достань-ка мне что-нибудь поесть, а не то я тебя съем.

Отвечает лиса:

— Я знаю одного крестьянина, он зарезал корову, и засоленное мясо лежит у него в погребе, в бочонке,— давай его утащим!

Сказал волк:

— Так давай пойдем поскорее вместе, а ты мне поможешь, если я сам выбраться не смогу.

— Что ж, пойдем, пожалуй,— сказала лиса и показала ему все пути и лазейки.

И вот добрались они, наконец, до погреба. А было там мяса вдосталь, и волк тотчас принялся за него и подумал: «Все съем — времени хватит». Лиса тоже как следует полакомилась, но все кругом поглядывала и частенько подбегала к дыре, через которую они в погреб забрались, да все пробовала, достаточно ли дыра широка, чтоб в нее пролезть. А волк говорит:

— Лиса милая, скажи мне, отчего ты все взад да вперед бегаешь и все куда-то выскакиваешь?

— Да надо ведь поглядеть, не идет ли кто,— отвечала хитрая лиса,— не ешь только слишком много.

Волк говорит:

— Я уйду не раньше, чем весь бочонок съем.

А между тем приходит в погреб крестьянин, услышал он шорох лисьих лап. Как увидела его лиса, одним махом выскочила в дыру; хотел было и волк следом за ней, но он так набил себе брюхо, что пролезть не смог и застрял в дыре. Взял крестьянин дубину и убил его. А лиса в лес убежала и рада была, что от такого обжоры избавилась.

Лиса и кума

Родила волчиха на свет волчонка и позвала в кумы лису.

— Ведь она нам близкою родней приходится, — сказала волчиха, — и ума у ней много и ловкости немало, и она сможет моего сыночка обучить и помочь ему в жизни.

Приходит лиса, такая почтенная и важная, и говорит:

— Дорогая и уважаемая кума, благодарю вас за честь, оказанную мне, и считаю должным заметить, что и вы получите тоже от этого не меньшее удовольствие.

На крестинах лиса хорошо полакомилась, развеселилась и говорит:

— Дорогая кума, в нашу обязанность входит заботиться о ребеночке. Вам надо всегда иметь хорошую пищу, чтоб ребеночек-то окреп. Я знаю в одном месте овечьи ясли, там мы могли бы легко заполучить лакомый кусок.

Волчихе песенка эта прихлалась по вкусу, и она отправилась вместе с лисой к крестьянскому двору. Лиса показала ей издали ясли и говорит:

— Вон там вы можете незаметно пролезть, а я тем временем на другой стороне что-нибудь высмотрю, не удастся ли мне схватить курочку.

Но лиса никуда не пошла, а легла на лесной опушке, растянулась и стала отдыхать. Забралась волчиха в ясли, а лежала там собака, и подняла она шум. Прибежали крестьяне, схватили куму и задали ей порядочную трепку. Наконец, ей все-таки удалось удрать; она кое-как выбралась и потащилась домой, вдруг видит — лежит лиса. А та притворилась и стала жаловаться:

— Ах, кумушка, как мне плохо пришлось! Напали на меня крестьяне и всю меня избили; ежели вы не хотите, чтоб я тут осталась лежать да умирать, то вы должны меня отсюда унести.

Волчиха сама еле могла двигаться, но уж так ей стало лису жалко, что взвалила она ее к себе на плечи и отнесла осторожно свою здоровехонькую куму до самого ее дома.

Тут лиса ей и говорит:

— Ну, а теперь, милая кума, прощайте, счастливо вам оставаться! — посмеялась над ней вдосталь и убежала.

Лиса и кот

Случилось раз коту в лесу с госпожой лисой повстречаться. «Она умная и такая опытная, что ее все на свете уважают», — подумал кот и ласково к ней обратился:

— Добрый день, милая госпожа лиса, как вам живется? Как справляетесь вы в наши трудные времена? Ведь дороговизна-то какая!

Посмотрела лиса надменно на кота, смерила его с ног до головы и помедлила, не зная, стбит ли ему и отвечать. Наконец, она сказала:

— Ах ты, несчастный Мурлыка, дурень ты этакий, голодный ты мышелов, что это тебе в голову пришло, что ты осмеливаешься еще спрашивать, как мне живется? Чему ты учился? Какие науки прошел?

— Я прошел только одну, — скромно ответил кот.

— А какая же это наука? — спросила лиса.

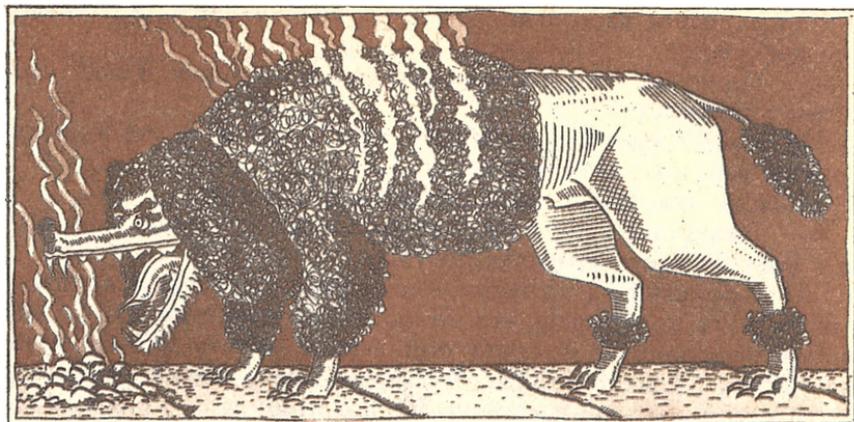
— Если за мной гонятся собаки, то я умею прыгнуть на дерево и спастись.

— Это и все? — сказала лиса. — А вот я на целую сотню искусств мастерица, да, кроме того, у меня полный мешок хитростей. Мне тебя жаль, пойдём-ка вместе со мной, и я тебя научу, как лучше от собак убежать.

А тут как раз на эту пору проходил охотник с четырьмя собаками. Кот быстро прыгнул на дерево и уселся на самой верхушке, и ветки и листья его укрыли.

— Развяжите ваш мешок, госпожа лиса, развяжите мешок! — крикнул ей кот, но собаки ее уже схватили и крепко держали в зубах.

— Эх, госпожа лиса! — воскликнул кот. — Вот вы со своею сотней искусств и попались! А могли б вы взобраться, как я, на дерево, не пришлось бы вам с жизнью своей проститься.

Гвоздика

Жила-была королева, и судил ей так господь бог, что детей у нее не было. И она ходила каждое утро в сад и молила бога, чтоб послал он ей сына или дочь. И вот однажды она услышала голос:

— Радуйся, будет у тебя сын-счастливец, все его желания будут исполняться, и все, что он ни пожелает, то и сбудется.

Она пришла к королю и рассказала ему эту радостную весть; и когда подошло время, родила она сына, и король был в великой радости.

Она ходила каждое утро с младенцем в сад, где находился зверинец, и умывалась у прозрачного родника. Случилось однажды так, что когда ребенок был уже постарше, он лежал у нее на коленях, и она в это время уснула. И явился старый повар; он знал, что это ребенок такой, что если он что задумает, то и исполнится, — и похитил его. Он взял затем курицу, зарезал ее и окропил кровью передник и платье королевы. Ребенка он унес и спрятал в потаенном месте, где его должна была выкормить мамка; а сам побежал к королю и обвинил королеву в том, будто она допустила диких зверей похитить своего ребенка. Увидел король кровь на переднике, поверил всему и так разгневался, что велел построить высокую башню, куда не заглядывал бы ни один луч солнца и луны, приказал посадить туда свою жену и там ее замуровать. И пришлось ей томиться там целых семь лет без питья и пищи. Но господь послал двух белых голубей, они должны были дважды в день прилетать и приносить ей еду, пока не пройдет семь лет.

Но повар подумал про себя: «Ведь это такой ребенок, что все его желанья исполняются, и он может накликасть на меня несчастье». И он ушел из замка и явился к мальчику; а тот за

это время вырос настолько, что начал уже говорить. Вот повар ему и сказал:

— Пожелай себе прекрасный замок с садом и все, что к замку полагается.

И только мальчик вымолвил слово, как в ту же минуту явилось все, что он пожелал.

Спустя некоторое время повар ему говорит:

— Нехорошо тебе жить в одиночестве; пожелай, чтоб была с тобой вместе красивая девушка.

И королевич ее пожелал, и она вмиг перед ним явилась, и была такая прекрасная, что ни один живописец не мог бы написать подобной. Вот стали они вместе играть и полюбили друг друга от всего сердца. А старый повар ходил на охоту, будто какой знатный господин. Но вот пришла ему раз в голову мысль, что королевич может однажды пожелать жить вместе со своим отцом, и тогда это принесло бы ему большое несчастье. Он вышел из дому, взял с собой девушку и сказал:

— Этой ночью, когда мальчик уснет, подойди к его постели, всади ему нож в сердце и принеси мне его сердце и язык; если же ты этого не выполнишь, то сама умрешь.

Повар ушел, а на другой день вернулся и видит, что она этого не сделала; девушка ему говорит:

— Зачем мне проливать невинную кровь, ведь он-то еще никого не обидел.

Говорит повар опять:

— Если ты этого не сделаешь, придется тебе жизнью своей поплатиться.

Только он ушел, велела девушка привести небольшого оленя и заколоть его; она взяла его сердце и язык, положила их на тарелку, а когда повар-старик явился домой, она сказала мальчику:

— Ложись в постель и укройся одеялом.

Вот входит злодей и говорит:

— Где сердце и язык мальчика?

Подала ему девушка тарелку, а королевич сбросил с себя одеяло и сказал:

— Ты что ж, старый злодей, задумал меня убить? Я вынесу тебе за это приговор. Отныне ты станешь черным пуделем с золотой цепью на шее и будешь пожирать раскаленные угли, и будет у тебя из шеи выбиваться пламя.

Только вымолвил королевич эти слова, как вмиг обратился старик в пуделя, и была у него на шее цепь золотая. И велено было поварам принести горящие угли, — и он сожрал их все, и выбилось пламя у него из шеи. Пробыл королевич там недолгое время и вспомнил о своей матери: жива ли она еще? И сказал девушке:

— Мне хотелось бы вернуться домой на родину; если хочешь, поедем вместе со мной, и я буду тебя кормить.

— Ах, — отвечала она, — дорога туда далека, и что я буду делать на чужбине, где меня никто не знает?

И так как желания ехать у нее не было, а разлучаться они не хотели, то заколдовал он ее в красивую гвоздику и взял ее вместе с собой.

И вот королевич уехал оттуда, а пудель должен был бежать следом за ним. Наконец он вернулся к себе на родину. Подошел королевич к башне, где сидела его мать; а была башня очень высокая, и он пожелал, чтоб явилась лестница, которая доходила бы до самого верха. Он взобрался по той лестнице, заглянул в башню и крикнул:

— Милая матушка, госпожа королева, вы живы еще или умерли с голоду?

Ответила она:

— Я только что поела и вполне сыта, — она подумала, что то были ангелы.

А он говорит:

— Я любимый ваш сын, которого будто бы похитили у вас дикие звери; но я жив и в скором времени вас спасу.

Спустился королевич с башни и пошел к своему отцу; велел доложить, что он, мол, охотник из чужой земли и не может ли он поступить к королю на службу.

Ответил король:

— Да, если он достаточно опытный и может доставлять дичь, пусть явится ко мне.

Но дичи в тех краях никогда не водилось. И пообещал охотник доставлять ему дичи всегда столько, сколько будет необходимо для королевского стола. Потом он велел всем егерям собраться, чтоб отправиться с ним вместе в лес. Вот пошли егеря вместе с охотником, и он велел устроить в лесу облаву, но так, чтоб в одном месте большой круг оставался бы открытым; а сам стал в середину и начал желать. И вмиг явилось больше двухсот с лишним штук дичи, и егерям оставалось только ее стрелять. И они нагрузили дичь на целых шестьдесят крестьянских телег и привезли ее королю; и король мог, наконец, украсить свой стол дичью, которой долгие годы у него вовсе не было.

По этому случаю король очень обрадовался и пригласил на другой день на обед к себе всех придворных и устроил большое пиршество. Когда все гости собрались, сказал король своему охотнику:

— Так как ты очень ловок, то садись рядом со мной.

И ответил ему охотник:

— Ваше величество, господин король, позвольте заметить, что я охотник плохой.

Но король настаивал на своем и сказал:

— Нет, ты должен сидеть рядом со мной,— и пришлось тому подчиниться.

Когда охотник сидел за торжественным столом, он подумал про свою любимую мать; и вот он пожелал, чтобы кто-нибудь из придворных спросил бы о ней, как поживает, мол, госпожа королева в башне, жива ли она или уже погибла. И стоило ему только это пожелать, как заговорил о ней маршал и сказал:

— Ваше величество, нам-то вот здесь радостно, а как там поживает в башне госпожа королева, в живых ли она еще или, может, уже умерла?

И ответил король:

— Она позволила диким зверям разорвать моего любимого сына, и о ней слышать я не хочу!

Тогда поднялся охотник и говорит:

— Мой милостивейший батюшка, она еще жива, а я — ваш родной сын, меня не дикие звери разорвали, а похитил меня злодей, повар-старик; он унес меня из замка, когда она уснула, и выкрал меня у нее, когда я лежал у нее на коленях, и он обрызгал ее передник кровью курицы.

Потом он взял черного пуделя с золотой цепью на шею и сказал:

— Вот он, этот злодей,— и велел принести раскаленных углей, и пудель все их сожрал, и выбилось пламя у него из шеи.

И спросил королевич у отца, не угодно ли будет ему увидеть злодея в настоящем виде; и он пожелал, чтобы тот обратился снова в повара: глядь — стоит перед ним повар в белом фартуке и с ножом на боку. Увидев его, король разгневался и велел бросить его в самую глубокую темницу, в подземелье.

А охотник продолжал:

— Батюшка, не угодно ли вам увидеть ту девушку, что нежно меня воспитывала? Ее заставляли меня убить, но она не сделала этого, хотя за отказ свой должна была поплатиться жизнью.

Ответил король:

— Да, я бы с удовольствием посмотрел на нее.

И сказал сын:

— Милостивейший батюшка, я покажу ее вам в образе красивого цветка.

Он сунул руку в карман, достал оттуда гвоздику и положил ее на королевский стол, и была она такая прекрасная, что подобной король еще ни разу не видывал.

И говорит тогда сын:

— А теперь я покажу ее вам в настоящем виде,— и он расколдовал ее, и стала она девушкой, и была такую прекрасной, что ни один живописец не смог бы написать лучшей.

Послал тогда король двух своих камеристок и слуг, чтобы поднялись они в башню, вывели бы оттуда королеву и привели ее к королевскому столу. Вот привели ее в пиршественный зал, но она не стала ничего есть и сказала:

— Милостивый господь, что поддерживал меня в башне, скоро пошлет мне освобождение.

Она прожила еще три дня, а потом тихо и спокойно умерла.

Старый король велел повара четвертовать; но печаль терзала его сердце, и он вскоре умер. А сын женился на прекрасной девушке, которую принес с собой в кармане в образе цветка; а живут ли они сейчас, о том одному богу известно.

Старый дед и внучек

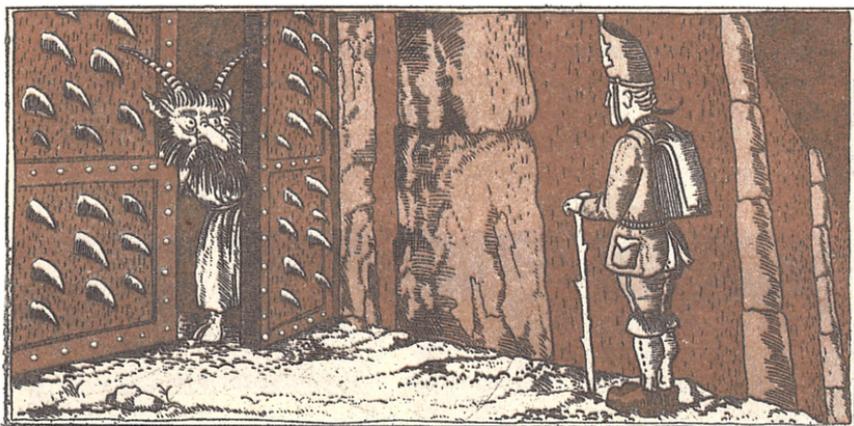
Жил-был старейший-престарейший дед: глаза у него ослепли, уши оглохли, и дрожали у него колени. Когда сидел он за столом, то еле держал ложку в руках и проливал суп на скатерть, да еще изо рта суп капал на стол. Надокучило сыну и невестке на это глядеть, и вот посадили они старого деда в угол за печкой и стали подавать ему еду в глиняной мисочке, да и кормили его подчас впроголодь. И глядел дед с грустью на стол, и на глазах у него показывались слезы.

Вот раз не удержал он в дрожащих руках мисочку, упала она наземь и разбилась. Стала его бранить молодая невестка, но он ничего не сказал, только тяжело вздохнул. Купила ему невестка деревянную мисочку за два геллера, и пришлось ему теперь есть из нее. Вот сидят они раз, и приносит маленький внучек — было ему четыре года — небольшие дощечки и начинает их складывать.

— Что ты там делаешь? — спрашивает отец.

— Я делаю корытце,— отвечает ребенок,— буду кормить из него отца с матерью, когда я стану большим.

Посмотрели муж и жена друг на друга — и заплакали. Подвели тотчас старого деда к столу и позволили ему с той поры есть всегда вместе с ними и не попрекали его, если он немного проливал на стол.

Брат-Весельчак

Была когда-то большая война, и когда она окончилась, много солдат вышло в отставку. Получил и Брат-Весельчак отставку и в придачу всего лишь солдатский хлебец и четыре крейцера деньгами; с тем и пустился он в путь-дорогу. А сидел у дороги святой Петр в образе нищего. Когда Брат-Весельчак проходил мимо, стал нищий милостыню у него просить. А тот отвечает:

— Милый мой нищий, что же мне тебе подать? Был я в солдатах и вот получил отставку, и есть у меня всего-навсего один лишь хлебец солдатский да четыре крейцера денег; как истрачу их, придется мне тоже, как и тебе, милостыню просить. Но все ж таки я тебе что-нибудь подам.

Разделил он хлебец на четыре части, дал апостолу часть да еще крейцер деньгами. Поблагодарил его святой Петр и пошел себе дальше, уселся опять в образе другого нищего у дороги, где проходил солдат. Подошел солдат, а тот попросил опять, как и в прошлый раз, подать ему милостыню. Ответил Брат-Весельчак то же самое, что и тогда, и дал ему снова четверть хлебца да крейцер деньгами. Поблагодарил святой Петр, пошел се-

бе дальше и сел в третий раз у дороги, в образе другого нищего, и попросил у Брата-Весельчака милостыню. Подал ему Брат-Весельчак и в третий раз четверть хлебца да третий свой крейцер. Поблагодарил его святой Петр, и Брат-Весельчак пошел дальше, и осталось у него всего лишь хлеба краюшка да один крейцер деньгами. Вот и зашел он с этим в харчевню; хлебец поел, а на крейцер велел подать себе пива. Закусил он и двинулся дальше, а ему навстречу опять святой Петр в образе отставного солдата и говорит ему:

— Здорово, товарищ! Не дашь ли мне хлеба кусок да крейцер, чтоб выпить маленько?

— Где ж мне взять их? — ответил Брат-Весельчак. — Получил я отставку да хлебец солдатский и четыре крейцера деньгами. Повстречал по дороге трех нищих, дал каждому из них по четверти хлебца да деньгами по крейцеру. Последнюю краюшку я в харчевне съел, а на последний крейцер немного выпил. Теперь у меня в кармане пусто, и если у тебя тоже нет ничего, то, пожалуй, пойдем вместе с тобой милостыню просить.

— Нет, — ответил святой Петр, — вот этого как раз и не требуется: я малость знаком с лекарским ремеслом и заработать себе смогу, сколько мне будет надо.

— Да, — сказал Брат-Весельчак, — но в этом деле я ничего не смыслю, и выходит, что придется мне милостыню идти просить одному.

— Ну, а ты ступай со мной вместе, — сказал святой Петр, — если я что заработаю, дам тебе половину.

— Это дело для меня подходящее, — сказал Брат-Весельчак.

И вот пошли они вместе. Подошли они к одному крестьянскому дому и слышат там плач и крик; вошли они в дом, а лежит там человек тяжелобольной и уже при смерти; его жена причитает и плачет навзрыд.

— Брось плакать и причитать, — сказал святой Петр, — я готов твоего мужа вылечить. — Достал он из кармана мазь и вмиг исцелил больного; тот мог встать и стал совершенно здоров. Вот муж с женой и говорят на радостях:

— Как же нам вас отблагодарить? Что дать вам за это? Но святой Петр принять ничего не пожелал; и чем больше его упрасивали, тем он больше отказывался. Тут Брат-Весельчак толкнул святого Петра и говорит:

— Да возьми ты что-нибудь, ведь нам пригодится.

Принесла, наконец, крестьянка ягненка и говорит святому Петру, чтобы он его взял, а тот брат не хочет. Тут Брат-Весельчак отвел его в сторону и говорит:

— Да бери ты, глупый черт, нам-то ведь пригодится.

И сказал, наконец, святой Петр:

— Ну, ягненка я возьму, но нести его не буду; если хочешь, то неси его сам.

— Да дело это нетрудное,— сказал Брат-Весельчак,— уж я его понесу,— и он взвалил ягненка себе на плечи. Пошли они дальше и пришли в лес. Стало Брату-Весельчаку трудно нести ягненка; был он голоден и говорит святому Петру:

— Погляди, вот и местечко красивое, здесь мы могли бы ягненка сварить и съесть.

— Что ж, я согласен,— отвечал святой Петр,— но стряпать я не умею. Если хочешь варить, то вот тебе и котел, а я, пока мясо сварится, пойду погуляю. Но ты не смей начинать есть, пока я не вернусь, а приду я вовремя.

— Ну, ступай себе,— сказал Брат-Весельчак,— я уж управлюсь, сварить его сумею.

И святой Петр ушел, а Брат-Весельчак зарезал ягненка, развел костер, бросил мясо в котел и начал варить. Был ягненок уже готов, а апостола все нету. Вытащил тогда Брат-Весельчак ягненка из котла, разрезал его и нашел сердце.

— Это, пожалуй, самое вкусное,— сказал он, попробовал его и, наконец, съел его всего. Воротился святой Петр и говорит:

— Можешь съесть всего ягненка, а я съем одно только сердце, дай мне его.

Взял Брат-Весельчак нож и вилку и сделал вид, будто усердно ищет его в мясе, но никак не может найти. Наконец, не долго думая, говорит:

— Тут его нету.

— Ну, а куда ж оно могло деться? — спрашивает апостол.

— Это уж я не знаю,— ответил Брат-Весельчак.— Но ты только подумай, какие мы с тобой оба дураки: ищем у ягненка сердце, а никому из нас и в голову не придет, что у ягненка-то ведь сердца не бывает!

— Э,— сказал святой Петр,— да это ты что-то выдумываешь! Ведь у каждого животного имеется сердце, почему ж не быть ему и у ягненка.

— Нет, братец, так оно и есть, нет у ягненка сердца. Ты только как следует поразмысли и сообрази, что и вправду нет у него сердца.

— Ну, ладно,— сказал святой Петр,— раз нет сердца, так мне тогда ничего и не надо, можешь всего ягненка сам съесть.

— Ну, чего сейчас не доем, то возьму с собой в ранец,— сказал Брат-Весельчак. Съел половину ягненка, а остальное себе в ранец засунул.

Пошли они дальше, и сделал святой Петр так, что через дорогу, по которой им надо было проходить, вдруг стала протекать большая река. Святой Петр и говорит:

— Ступай ты вперед.

— Нет,— говорит Брат-Весельчак,— иди ты вперед,— а сам подумал: «Если он не перейдет реку, я тут останусь».

Вошел святой Петр в воду, и была она ему всего лишь по колено. Собрался и Брат-Весельчак переходить вброд, и вдруг река стала глубже, и вода оказалась ему по самую шею. Тут он как закричит:

— Братец, помоги мне!

А святой Петр и говорит:

— А ты готов сознаться, что ты съел сердце ягненка?

— Нет,— ответил он,— я его не ел.

И стала тогда вода прибывать и дошла ему до самого рта.

— Помоги мне, братец! — завопил солдат.

А святой Петр и говорит ему опять:

— А ты готов сознаться, что ты съел сердце ягненка?

— Нет,— ответил он,— я его не ел.

Но святому Петру все-таки не хотелось, чтоб солдат утонул, и повелел он воде схлынуть и помог ему перейти.

Пошли они дальше и пришли в одно королевство; услышали они там, что королева лежит больная, при смерти.

— Хо-хо, братец,— говорит солдат святому Петру,— вот уж будет нам добыча и на веки вечные хватит.

И казалось ему, что святой Петр идет недостаточно быстро.

— Ты, братец любезный, шагай повеселей, ноги подымай повыше,— говорит он ему,— чтобы явиться нам как раз вовремя.

А святой Петр шел все медленней, как его Брат-Весельчак ни гнал, ни подталкивал; и услышали они, наконец, что королева уже умерла.

— Вот тебе и на,— говорит Брат-Весельчак,— а все это из-за того, что ты шел будто спросонок.

— Да ты успокойся,— ответил святой Петр,— я в силах не только больных врачевать, но могу и мертвых воскрешать.

— Ну, ежели так,— сказал Брат-Весельчак,— это мне нравится, тут по крайней мере заработаем мы с тобой целых полкоролевства.

Пришли они в королевский замок, и были там все в великой печали; но святой Петр объявил королю, что он готов его дочь воскресить. Привели его к ней, а он и говорит:

— Принесите мне котел с водой.

Принесли ему котел с водой, и велел он, чтоб все вышли, и позволил остаться с ним одному лишь Брату-Весельчаку.

Потом разрезал он покойницу на куски, бросил их в воду, развел огонь под котлом и начал варить. Отвалилось от костей мясо, вынул он белые кости, положил их на стол в надлежащем порядке. Только он это сделал, вышел и трижды промолвил: «Во имя пресвятой троицы, мертвая, встань». Только он

это сказал в третий раз, поднялась королевна — живая, здоровая и красивая. И был король по этому случаю в великой радости и сказал святому Петру:

— Требуй от меня награду, и если то будет даже половина моего королевства, я ее тебе отдам.

Но ответил святой Петр:

— Я за это ничего не хочу.

«Ох, ты дурень какой!» — подумал Брат-Весельчак, отвел своего товарища в сторону и говорит:

— Не будь ты, однако, таким дураком; если ты ничего не хочешь, то ведь мне что-нибудь да надо.

Но святой Петр не пожелал себе ничего; а король заметил, что другому из них хочется что-нибудь получить, и он велел своему казначею насыпать ему полный ранец золота.

Пошли они дальше. Пришли в лес, вот святой Петр и говорит Брату-Весельчаку:

— Давай теперь золото делить.

— Ладно, — ответил солдат, — давай делиться.

И поделил святой Петр золото, но разделил его на три части.

Подумал Брат-Весельчак: «Что это у него заскок в голове случился? Делит все на три части, а нас-то ведь двое».

Но святой Петр сказал:

— Вот я разделил правильно: одна часть мне, другая тебе, а третья часть тому, кто съел сердце ягненка!

— О, да ведь это же я его съел! — ответил Брат-Весельчак и быстро сгреб золото себе в карман, — уж в этом ты мне поверь.

— Как же так, — сказал святой Петр, — ведь у ягненка-то сердца нету?

— Э, да ты что, братец, как это ты соображаешь! Ведь у ягненка, как и у всякого другого животного, сердце имеется; отчего бы ему одному не иметь его?

— Ну, ладно уж, — сказал святой Петр, — получай золото ты один, но больше оставаться с тобой я не хочу, пойду теперь я один.

— Как хочешь, любезный братец, — ответил солдат, — счастливой тебе дороги.

И пошел святой Петр другим путем, а Брат-Весельчак подумал: «Да оно и к лучшему, что он от меня убрался, удивительный, надо сказать, святой».

И хотя у солдата денег было достаточно, но обращаться он с ними не умел, порастратил, пораздарил их, и спустя некоторое время у него опять ничего не оказалось. А пришел он в то время в одну страну и услышал, что там умерла королевна. «Хе-хе, — подумал он, — будет мне удача, я ее воскрешу и уж велю уплатить себе как следует». Явился он к королю и пред-

ложил ему воскресить умершую. А король слышал, что ходит какой-то отставной солдат и воскрешает мертвых, и подумал, что Брат-Весельчак и есть тот самый человек; но так как он ему не доверял, то спросил сперва у своих советников, и те сказали, что он может рискнуть, — все равно, мол, дочь его мертвая.

Вот велел Брат-Весельчак налить в котел воды и всем из комнаты выйти. Разрубил он умершую королеву на части, бросил их в воду, развел огонь так же, как, видел он, делал это святой Петр. Начала вода кипеть, и отвалилось мясо, вынул он из котла кости и разложил их на столе; но он не знал, в каком порядке их класть, и все их перепутал. Стал он перед костями и говорит: «Во имя пресвятой троицы, мертвая, встань!» Проговорил он это трижды, но кости никак не пошевелились. Прозвнес он тогда эти слова еще трижды, но все было напрасно.

— Ну, чертова девка, вставай, — крикнул он, — а не то тебе плохо придется!

Только он это вымолвил, как вдруг влезает в окошко святой Петр в прежнем образе отставного солдата и говорит:

— Эй, нечестивец, ты что это тут затеял? Как может мертвая встать, если ты все кости у ней перепутал?

— Любезный братец, да я ведь старался, как мог, — ответил он.

— Ну, на этот раз я тебя из беды выручу; но должен тебе сказать, что если ты еще затеешь что-нибудь подобное, попадешь в большую беду. А кроме того, не смей ты просить или брать что-нибудь у короля.

Сложил святой Петр кости в должном порядке и трижды промолвил: «Во имя пресвятой троицы, мертвая, встань», — и королева встала, и была здорова и так же прекрасна, как прежде. Вышел потом святой Петр снова через окошко. Обрадовался Брат-Весельчак, что все так хорошо обошлось, но досадно ему стало, что не должен он ничего брать. «Хотелось бы мне знать, — подумал он, — что это у него за такие причуды, — одной рукою дает, а другой отбирает; нету в этом никакого смысла». Предложил король Брату-Весельчаку просить у него, что он пожелает. Солдат не мог ничего принять, но все-таки хитростью и намеками он устроил так, что король велел отсыпать ему полный ранец золота, с тем и отправился он дальше. Выходит солдат, а у ворот стоит святой Петр и говорит:

— Ишь, что ты за человек, ведь я же тебе запретил что-либо брать, а ты вот полный ранец золота набрал!

— А я-то при чем, — ответил Брат-Весельчак, — если мне его сунули.

— А я тебе говорю, чтобы ты в другой раз подобных вещей не делал, а не то плохо тебе придется.

— Э, брат, да ты уж об этом не беспокойся: теперь есть у меня золото, чего мне сейчас перемываньем костей заниматься!

— Да, — сказал святой Петр, — но долго ли золото продержится! А чтоб ты не вступал опять на неуказанный путь, дам я твоему ранцу силу, чтобы все, чего ты ни пожелаешь, в нем и оставалось. Прощай, теперь меня больше не увидишь.

— С богом! — сказал Брат-Весельчак, а сам подумал: «Я рад, что такой чудаковатый малый уходит, уж вслед за ним я не полплетусь». А про волшебную силу ранца он и думать перестал.

Побывал Брат-Весельчак со своим золотом повсюду; все его проиграл, просадил, поистратил, как и в первый раз. И осталось у него под конец денег всего лишь четыре крейцера. Проходил он как-то мимо харчевни и подумал: «Ну, конец моим денежкам» — и велел подать себе на три крейцера пива и хлеба на крейцер. Вот сидит он себе и пьет, а сам чует запах жареных гусей. Посмотрел-поглядел Брат-Весельчак кругом и видит, что хозяин двух гусей в духовке оставил. Вспомнил он тут, что говорил ему однажды его товарищ: если пожелает он что в ранце иметь, то у него и будет.

«Э, надо бы это на гусях испробовать!» Он вышел и говорит за дверьми:

— Хочу, чтоб два жареных гуся из духовки в ранец ко мне попали.

Только он это вымолвил, открывает ранец, смотрит — лежат в нем два гуся.

— Ох, это хорошо! — сказал он. — Ну, теперь я буду парень не промах, — он пошел на лужок и достал из ранца свое жаркое. Только начал он его уплетать, а в это время проходили двое мастеровых, и они поглядели на нетронутого целого гуся голодными глазами. Подумал Брат-Весельчак: «С меня и одного хватит», — подозвал он парней к себе и говорит:

— Ну нате, берите гуся и ешьте за мое здоровье.

Поблагодарили они и пошли с гусем в харчевню; велели подать себе полбутылки вина и хлеба, вытащили дареного гуся и принялись за еду. Смотрит хозяйка и говорит своему мужу:

— Там вон двое гуся едят; погляди-ка, не тот ли это самый, что был у нас в духовке.

Побежал хозяин, видит — а в духовке-то пусто.

— Ишь, какой воровской народ, на даровщинку есть гусей собираются! Сейчас же платите, а не то я вам прутьями бока начешу.

А те двое и говорят:

— Мы вовсе не воры, гуся подарил нам на том вон лугу один отставной солдат.

— Да вы мне головы не морочьте! Солдат здесь и правда был, но ушел он, как человек честный, за ним я следил. Вы — воры и должны платить.

Но им уплатить было нечем,—взял тогда хозяин палку и выгнал их из харчевни.

А Брат-Весельчак шел себе своею дорогой и пришел в одно место, где стоял красивый замок, а рядом с ним была плохая харчевня. Зашел он в ту харчевню, попросился переночевать, но хозяин ему отказал и объяснил:

— Места у меня больше свободного нету, дом полон знатных гостей.

— Вот так странное дело,—сказал Брат-Весельчак,—идут к вам, а не в богатый замок.

— Да,—ответил хозяин,—есть тому причина: кто ни пробовал в том замке поспать одну ночь, тот живой назад не возвращался.

— Что ж, если другие пробовали,—сказал Брат-Весельчак,—то и я хочу попробовать.

— Нет, вы лучше это дело бросьте,—сказал хозяин,—а то головой поплатитесь.

— Да, но ведь не сразу же и головой-то платиться,—сказал Брат-Весельчак,—вы мне только дайте ключи да еды покусить и что-нибудь выпить.

Дал ему хозяин ключи, еды да питья, и пошел с тем Брат-Весельчак в замок; поел он вкусно, и спать ему захотелось; лег на землю, кровати там не было. Вскоре он заснул, а ночью разбудил его страшный шум. Просыпается, видит — в комнате девять страшных чертей, сошлись вокруг него и плясать начали. А Брат-Весельчак и говорит:

— Пляшите себе, сколько вам влезет, а близко ко мне не подступайте.

Но стали черти напирать все ближе и ближе и вот почти лезут уже своими мерзкими ногами в лицо.

— Потихе, потихе, чертовы привиденья,—сказал он; а те лезут, напирают все больше и больше. Разозлился тут Брат-Весельчак и как крикнет:

— Эй, вы, а не то я живо наведу порядок! — выхватил ножку стула и кинул в самую их середину.

Но девять-то чертей против одного солдата было чересчур многовато, и когда он колотил одного из передних, остальные хватили его за волосы и безжалостно их вырывали.

— Черт возьми,—кричал он,—сейчас мне туго придется, но погодите! Все девять в мой ранец, марш! — И — раз-два — кинулись они туда; захлопнул он ранец и бросил его в угол. Стало вдруг тихо, и Брат-Весельчак улегся снова и проспал до самого позднего утра.

Явился хозяин и тот дворянин, которому принадлежал замок,—хотелось им посмотреть, что тут с солдатом вышло. Увидали они его в полном здравии и веселым, удивились и спрашивают:

— Что, разве вам духи ничего не сделали?

— Еще чего не хватало! — ответил Брат-Весельчак. — Они все у меня уже в ранце. Вы можете теперь совершенно спокойно жить в своем замке; отныне ни один не будет там разгуливать.

Дворянин поблагодарил его, наградил щедро и предложил остаться у него на службе, хотел его обеспечить на всю жизнь.

— Нет, — ответил солдат, — я уж привык всюду бродить, пойду себе дальше.

И ушел отсюда Брат-Весельчак, зашел по пути в кузницу и положил ранец с девятью чертями на наковальню и попросил кузнеца и его подмастерьев ударить как следует. Ударили те изо всех сил большими молотами, и подняли черти жалобный вой. Открыл солдат ранец, глядь — лежат восемь из них мертвые, и только один, тот, что сидел в складке, остался в живых. Вылез черт оттуда и направился опять в ад.

Долгое время еще странствовал по свету Брат-Весельчак, и кто знает об этом, мог бы немало о том порассказать. Наконец стал он стар и подумал о смерти; вот направился он к одному отшельнику, известному своим благочестием, и говорит ему:

— Я от странствий устал, хотелось бы мне попасть в царство небесное.

Ответил отшельник:

— Есть два пути: один из них широкий и приятный, он ведет в ад, а другой узкий и трудный — и ведет он на небо.

«Был бы я дураком, — подумал Брат-Весельчак, — если бы вздумал идти узким и трудным путем».

Он собрался и двинулся по широкой, приятной дороге и подошел, наконец, к большим черным воротам, а были то врата ада. Постучался в них Брат-Весельчак; выглянул привратник посмотреть и узнать, кто там такой. Увидал он Брата-Весельчака, испугался, а был это как раз тот самый девятый черт, что сидел у солдата в ранце и выскочил из него с синяком под глазом. Поэтому он быстро задвинул засов, побежал к старшему черту и говорит:

— Стоит там один парень с ранцем за плечами, хочет сюда войти, но вы его ни за что не впускайте, а не то захочется ему весь ад в ранец упрятать. Был я однажды в том ранце, и здорово он меня молотом отколотил.

И крикнули Брату-Весельчаку, чтоб проваливал он оттуда, что его, мол, сюда не пустят никак.

«Если они не хотят, чтоб я у них был, — подумал он, — то надо мне будет посмотреть, не найду ли я пристанища себе на небе. Надо же мне где-нибудь да находиться».

Повернулся он и отправился дальше; шел он, пока не пришел к вратам рая, и постучался туда. Святой Петр как раз в это время сидел на страже у врат. Брат-Весельчак его тотчас узнал

и подумал: «Вот и нашел я старого дружка, здесь дело пойдет лучше».

Но святой Петр сказал:

— Ты что, хочешь на небо попасть?

— Ты уж меня, братец, пусти, надо же мне где-нибудь да пристроиться. Если бы приняли меня в ад, то я сюда и не пришел бы.

— Нет, — сказал святой Петр, — тебе сюда не войти.

— Ну, раз не хочешь меня впускать, забирай тогда и свой ранец; раз так, то не хочу я иметь от тебя ничего, — сказал Брат-Весельчак.

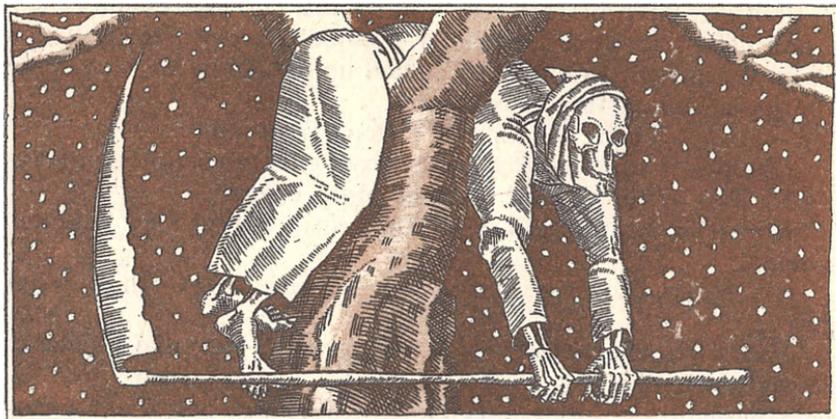
— Что ж, давай его сюда, — сказал святой Петр.

Тогда солдат протянул ранец сквозь решетку на небо, а святой Петр взял его и повесил рядом со своим креслом.

И говорит тогда Брат-Весельчак:

— А теперь хочу я сам к себе в ранец попасть.

Шмыг — и был он уже там и сидел теперь на небе, и пришлось святому Петру там его и оставить.

Гансль-Игрок

Жил когда-то человек; он только одно и знал, что в карты играть, и прозвали его потому Гансль-Игрок; а так как он не переставая играл, то и проиграл и свой дом, и все, что у него было. И вот, как раз в последний день, когда займодавцы хотели забрать у него и дом, явился к нему господь бог, а с ним вместе святой Петр и попросились к нему на ночлег.

Гансль-Игрок и говорит:

— Хотите, оставайтесь ночевать, но дать вам постель и накормить вас я не могу.

Тогда господь бог сказал, что пусть он только их на ночлег пустит, а еды они уж сами себе купят. Гансль на это согласился.

Вот дал ему святой Петр три гроша, чтоб пошел Гансль к булочнику купить хлеба. Пошел Гансль-Игрок, но проходил мимо дома, где обычно всякие игроки-шулера собирались, которые у него все и повыиграли; они подозвали его и стали ему кричать:

— Гансль, поди-ка сюда!

— Да, — говорит он им, — вы хотите у меня и эти три гроша выиграть.

Но они его не отпустили. Вошел он к ним и проиграл эти три гроша. А святой Петр и господь бог все ждут его дожидаются, а он назад не возвращается. Вышли они тогда к нему навстречу. Приходит Гансль-Игрок и говорит, что деньги, мол, у него из кармана в дыру проскочили и он все время лазил да их разыскивал. Но господь бог уже знал, что тот их проиграл.

Дал ему святой Петр еще три гроша. Ну, уж теперь Гансль не дал себя ввести в соблазн и принес святому Петру хлеба. Вот спрашивает господь бог Гансля, не найдется ли, мол, у него вина, а Гансль-Игрок говорит:

— Нет, сударь, бочки все у меня порожние.

Говорит тогда господь бог, чтоб спустился он в подвал:

— Там теперь самое лучшее вино стоит.

Долго не хотел Гансль-Игрок этому верить, но, наконец, сказал:

— Ладно, схожу в подвал, но я-то ведь знаю, что вина там нету.

Начал он нацеживать из бочки, и вдруг потекло из нее самое лучшее вино.

Принес он господину богу вина, и остались они у него ночевать.

На другой день, рано на рассвете, говорит господь бог Ганслю-Игроку, чтоб выпросил он у него для себя три награды. Думал господь, что тот будет просить, чтоб пустил он его на небо, но Гансль-Игрок попросил у него карты, которыми можно было бы всегда выигрывать, такую же игральную кость и дерево, на котором росли бы разные плоды и овощи, и если б кто на то дерево взобрался, то спуститься оттуда назад бы не мог, пока он сам ему не прикажет. И дал ему господь бог все, что он попросил, а затем ушел вместе со святым Петром.

Только теперь и начал Гансль-Игрок играть по-настоящему и в скором времени выиграл целых полсвета.

Говорит тогда святой Петр господу богу:

— Дело не к добру клонится, этак в конце концов он весь свет выиграет. Надо бы нам послать к нему смерть.

И они послали к нему смерть. Приходит смерть, а Гансль-Игрок как раз в это время сидел за игорным столом. Вот смерть и говорит:

— Гансль, выйди-ка сюда на минутку.

А Гансль-Игрок ей отвечает:

— Подожди маленько, пока игра кончится, а пока что взберись на то вон дерево, да что-нибудь сорви, чтоб было нам что по дороге жевать.

Вот смерть и взобралась на дерево; захотелось ей вниз спуститься, но она никак не могла, и заставил ее Гансль-Игрок сидеть там целых семь лет, и за это время не умер ни один человек на свете.

Говорит тогда святой Петр господу богу:

— Дело, господь, не к добру клонится, теперь ведь никто не помирает, надо бы нам к нему самим сходить.

Пошли они сами, и приказал господь бог Ганслю-Игроку, чтоб позволил он смерти с дерева слезть. Тот тотчас пошел и сказал смерти:

— Слезай вниз!

И смерть тотчас схватила его и задушила. Она ушла вместе с ним оттуда и увела его на тот свет. Вот подошел это мой Гансль к небесным вратам и постучался.

— Кто там такой?

— Гансль-Игрок.

— Ах, нам такого не надо, ступай прочь отсюда.

Подошел он тогда к вратам чистилища и постучался опять.

— Кто там такой?

— Гансль-Игрок.

— Э, да ведь ты попал к нам не из-за беды и несчастья, а играть мы с тобой не собираемся. Ступай прочь отсюда.

Подошел тогда Гансль к вратам ада, его впустили, но там никого не оказалось, кроме старца Люцифера да хромых чертей (другие в то время по свету расхаживали). Усадил их тотчас Гансль-Игрок и принялся опять за свою игру. Но сейчас у Люцифера не было ничего, кроме вот этих хромых чертей; вот Гансль-Игрок и выиграл их у Люцифера, потому что своими картами он мог все выиграть.

Выбрался он со своими хромыми чертями из ада и направился в Гогенфурт. Вырезал он там себе шест для прыжков,

подкинул его к небу и начал небо раскачивать, и стало оно уже потрескивать.

Вот и говорит опять святой Петр господу богу:

— Дело не к добру клонится, надо будет его сюда впустить, а не то он нас самих с неба сбросит.

Вот, значит, пустили они его на небо. Но принялся Гансль-Игрок опять там за свою игру, и поднялся на небе тотчас такой шум и беспорядок, что не могли они и собственных слов разобрать.

И говорит святой Петр опять:

— Господь, дело не к добру клонится, надо будет его вниз сбросить, а не то он взбунтует все небо.

Вот, значит, взяли они его и сбросили вниз: и разделилась тогда его душа на части и вселилась в разных других игроков-побродяжек, что живут и до сей поры.

Ганс в счастье

Прослужил Ганс семь лет у хозяина и говорит ему:

— Хозяин, срок работы моей кончился; хочу я домой к матери вернуться, уплатите мне что полагается.

А хозяин отвечает:

— Ты служил мне верно и честно, и какова твоя служба была, такова будет тебе и награда, — и дал он ему кусок золота величиной с голову Ганса. Вынул Ганс из кармана свой платок, завернул в него золотой слиток, взвалил его на плечи и двинулся в путь-дорогу домой.

Идет он, с ноги на ногу переваливаясь, видит — навстречу ему мчится вскачь всадник на резвом коне. «Ах, — говорит Ганс вслух, — как славно ездить верхом на лошади! Сидит себе человек, точно на стуле, о камень не спотыкается, башмаков не сбивает, а движется вперед, не утруждая себя». Услыхал это всадник, придержал коня и крикнул:

— Эй, Ганс, чего ты пешком-то идешь?

— А вот должен я,— говорит,— отнести домой этот слиток; хотя он из чистого золота, но голову прямо держать нельзя, да и плечи он здорово давит.

— Знаешь что,— сказал всадник,— давай-ка мы поменяем: дам я тебе своего коня, а ты мне отдашь свой слиток.

— С большим удовольствием,— ответил Ганс,— но скажу вам наперед, придется вам с ним повозиться.

Слез всадник с коня, взял золото, помог Гансу сесть на коня, дал ему в руки поводья и сказал:

— Если вздумаешь ехать быстрее, ты языком прищелкни да крикни «гоп-гоп».

Сел Ганс на коня, обрадовался и поехал себе молодцом налегке дальше. Вздумалось ему еще скорей коня припустить, стал он языком прищелкивать да кричать «гоп-гоп». Пустился конь вскачь, и не успел он и оглянуться, как лежал уже в придорожной канаве. Конь тоже перескочил бы через канаву, если б не придержал крестьянин, что гнал по дороге корову. Ганс вылез из канавы и встал на ноги. И вот в досаде говорит он крестьянину:

— Скверное дело ездить верхом на коне, особенно если попадешь на такую клячу, как эта; и трясет да еще сбрасывает тебя,— тут и шею-то легко свернуть. Ну, уж больше ни разу я на нее не сяду. Вот корова твоя — это дело другое; идешь это себе за ней преспокойно, да кроме того каждый день получаешь и молоко, и масло, и творог. Много бы я дал, чтобы иметь такую корову!

— Ну что ж,— ответил крестьянин,— если тебе угодно, я согласен поменяться с тобой на коня.

Ганс с большой радостью согласился, а крестьянин вскочил на коня и быстро от него ускакал.

Ганс спокойно погнал свою корову, вспоминая об удачной сделке. «Будет у меня теперь кусок хлеба, недостатка в этом, пожалуй, не будет, а захочется — можно будет и масла и творогу поесть; а захочется попить — подою я корову и напьюсь молока. Чего же мне еще надо?» Зашел он по дороге в харчевню отдохнуть и поел на радостях все, что у него было с собой и на обед и на ужин, а на свои последние два гроша велел налить себе полкружки пива. Затем погнал он свою корову дальше по дороге, в деревню к своей матери. К полудню жара становилась все тяжелей, а Гансу надо было идти по крайней мере еще целый час полем. Стало Гансу невмоготу от жары, и язык во рту у него совсем пересох. «С этим делом можно будет справиться,— подумал он,— подою-ка я свою корову да попью молока». Привязал Ганс корову к сухому дереву, а так как подойника у него с собой не было, то подставил он свою кожаную шапку; но как он ни старался, а молока не выдоил ни капли.

А так как стал он доить не умеючи, то корова от нетерпенья ударила его задней ногой в голову, да так сильно, что он грохнулся наземь и некоторое время никак не мог сообразить, где он находится. К счастью, проходил на ту пору по дороге мясник, он вез на тележке поросенка.

— Что это с тобой случилось? — крикнул он и помог доброму Гансу подняться. Ганс рассказал, что с ним произошло. Мясник подал ему свою дорожную фляжку и сказал:

— На, выпей да подкрепиись. Корова, должно быть, яловая; видать, стара и годна разве что для упряжи или на убой.

— Эх-эх-эх,— сказал Ганс, почесывая себе затылок,— и кто бы это мог подумать! Оно, конечно, хорошо, если такую скотину можно будет дома зарезать, и мяса-то сколько будет! Да много ли сделаешь вкусного из говядины? По-моему, мясо-то не очень сочное. Вот если бы иметь такого поросенка! И вкус у него другой, да еще и колбас можно наделать.

— Послушай-ка, Ганс,— сказал мясник,— уж я для твоего удовольствия готов поменяться: отдам тебе за корову свинью.

— Да вознаградит тебя господь бог за твою доброту ко мне,— сказал Ганс, отдал ему корову и попросил, чтобы мясник развязал свинку и дал бы ему в руки веревку, к которой была та привязана.

Отправился Ганс дальше, и стал он раздумывать, что все вот желанья его исполняются, а если встретится какая помеха, то все снова тотчас хорошо улаживается. А тут ввязался идти с ним вместе по пути парень, нес он под мышкой красивого белого гуся. Заговорили они, и Ганс начал рассказывать ему про свое счастье и как ему удавалось все обменивать выгодно и удачно. Парень ему рассказал, что несет гуся этого на пирушку по случаю крестин.

— Вот попробуй-ка ты его поднять,— сказал он и схватил гуся за крылья,— вишь, какой он тяжелый! Мы целых восемь недель его откармливали. Если зажарить его да начать есть, то придется, пожалуй, жир с обеих щек вытирать.

— Да,— сказал Ганс, взял его в руку и попробовал, какой он будет на вес,— что и говорить, жирный, но моя-то свинья тоже подходящая свинка.

Стал парень между тем по сторонам с тревогой оглядываться и покачивать головой.

— Послушай,— сказал он снова,— а с твоей-то свиньей дело может выйти плохое. В деревне, через которую я проходил, только что у старосты свинью из хлева украли. Боюсь я, не эта ли самая она и есть. Послали уже и людей на розыски, и плохо

придется, если тебя с ней поймают, — в лучшем случае спрячут тебя куда-нибудь.

Стало страшно доброму Гансу.

— Ах, боже ты мой! — сказал он, — выручи ты меня из беды, тебе тут в случае чего легче справиться будет, возьми-ка ты мою свинью, а мне дай своего гуся.

— Дело-то оно несколько опасное, — ответил парень, — но не хочется мне в твоей беде быть виноватым. — Взял он веревку в руку и быстро погнал свинью окольной дорогой; а добрый Ганс шел без забот и печалей, с гусем под мышкой, домой.

«Если оно хорошенько-то поразмыслить, — сказал он про себя, — я обменял еще выгодно: будет у меня славное жаркое, да к тому же и жиру немало, а его можно будет перетопить, и хватит его, чтобы есть с хлебом, по крайней мере на целую четверть года; да еще какой прекрасный белый пух, — я велю им набить себе подушку, и засыпать-то на ней как будет сладко. Вот матери будет радость!»

Проходил он уже через последнюю деревню и увидел точильщика, что стоял у своей тележки; колесо его жужжало, и он, работая, напевал:

Точу ножи-ножницы, верчу колесо,
Вот жизнь развеселая, крути да и все.

Ганс остановился и стал смотреть на его работу; наконец он обратился к нему и говорит:

— Должно быть, тебе хорошо живется, ты вон как весело точишь.

— Да, — ответил точильщик, — ремесло мое золотое. Хороший точильщик как ползет к себе в карман, так и деньги найдутся. Но где это ты купил такого красивого гуся?

— Да я его не покупал, я его на свинью променял.

— А свинью ты откуда взял?

— Выменял на корову.

— А корову?

— Выменял на коня.

— А коня?

— За него я дал слиток золота величиной с мою голову.

— А золото?

— А то уплата за мои семь лет работы.

— Ну, что и говорить, был ты всегда находчив, — заметил точильщик, — надо бы тебе так дело устроить, чтоб деньги у тебя всегда в кармане водились, и будешь ты тогда вполне счастлив.

— А как это сделать? — спросил Ганс.

— Надо тебе стать точильщиком, таким вот, как я; требуется для этого всего-то один точильный камень, а все остальное уж само собой приложится. Вот есть у меня камень, — правда, он малость попорчен, да возьму я за него всего лишь твоего гуся; согласен?

— Да как можешь ты еще спрашивать? — отвечал Ганс, — ведь стану я тогда счастливейшим человеком на свете; ежели будут у меня всегда деньги в кармане водиться, о чем же мне тогда и печалиться будет?

И он отдал ему гуся, а вместо него взял точильный камень.

— Ну, — сказал точильщик, подымая с земли простой тяжелый булыжник, — вот тебе в придачу хороший камень, на нем будет удобно старые гвозди расправлять. Возьми и его заодно и донеси как следует.

Взвалил Ганс камни на плечи и с легким сердцем отправился дальше; глаза его сияли от радости: «Должно быть, родился я в рубашке, — воскликнул он, — все, чего я ни пожелаю, само идет ко мне в руки, словно к какому-нибудь счастливцу». А надо сказать, был он на ногах с самого раннего утра и приутомился; да и голод стал его мучить, а весь свой дорожный запас он на радостях по поводу проданной коровы проел. И вот он уже еле-еле передвигал ноги и то и дело останавливался, чтобы передохнуть, а к тому же и камни сильно оттягивали ему плечи. И стал он подумывать, что было бы неплохо, если бы можно было от них избавиться. Еле добрался он до придорожного колодца, собираясь отдохнуть и свежей воды напиться; а чтобы как-нибудь не повредить камней, он положил их осторожно у самого края колодца. Затем сел он и сам и хотел было нагнуться, чтобы воды напиться, да как-то недоглядел, столкнул их, — и оба камня бултыхнулись прямо в колодец. Ганс, увидя, что они пошли на самое дно, вскочил от радости, бросился на колени и в слезах стал благодарить господа бога за то, что оказался он к нему и на этот раз милостив и освободил его так легко от тяжелых камней, которые ему только мешали, и случилось это так, что ему ни в чем и упрекать себя не придется.

— Нет на свете, — воскликнул он, — такого счастливого человека, как я!

С легким сердцем и без всякой ноши двинулся он дальше и воротился, наконец, домой к своей матери.

Ганс женится

Жил-был на свете крестьянский парень, звали его Гансом; захотелось его двоюродному брату сосватать для него богатую невесту. Посадил он Ганса на лежанку и велел хорошенько на-топить печь. Затем принес он кувшин молока да большой каравай пшеничного хлеба, дал ему в руки новую блестящую денежку и говорит:

— Ганс, денежку эту ты держи покрепче, а пшеничный хлеб кроши в молоко и сиди так, не сходя с места, пока я назад не вернусь.

— Ладно,— говорит Ганс,— это я все исполню.

Надел сват старые заплатанные штаны и отправился в другую деревню к богатой крестьянской девушке и говорит:

— Не хочешь ли выйти замуж за моего двоюродного брата Ганса? Парень он работающий и смысленый,— он тебе понравится.

А отец у нее был человек скупой; вот он и спрашивает:

— А как у него насчет хозяйства? Хлеба-то у него хватает?

— Да что и говорить, друг любезный,— ответил сват,— мой-то младший братец сидит себе в тепле да в холе, и денежка у него в руке имеется, а есть-то ему, что и говорить, хватает. Да и заплат¹ у него не меньше будет, чем у меня,— и он при этом хлопнул себя по заплатанным штанам.— Ежели вы согласны будете, то потрудитесь пройти вместе со мной, и я вам на месте покажу, что все оно так и есть, как я говорю.

Не хотелось скряге упускать хорошего случая, вот он и говорит:

— Если все так оно и есть, то я против свадьбы ничего не имею.

И вот в назначенный день справили они свадьбу, и когда молодая жена собралась пойти на поле посмотреть земли сво-

¹ Так наделы крестьянские звались. (Прим. братьев Я. и В. Гримм.)

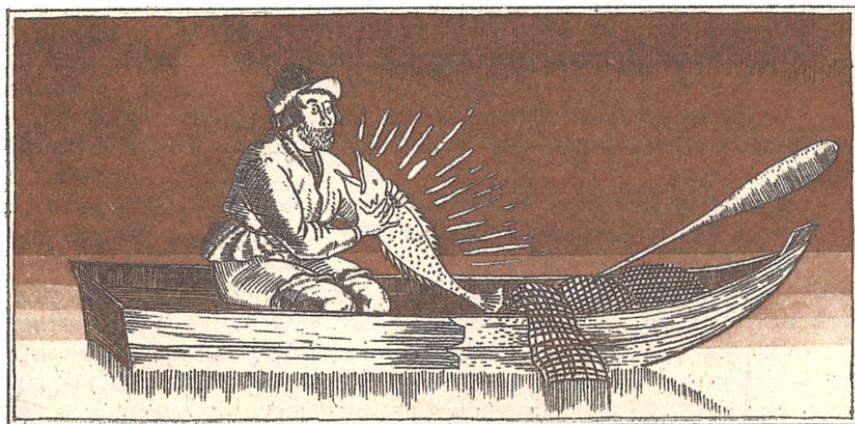
его жениха, Ганс сначала снял с себя праздничный наряд, надел свою заплатадную куртку и сказал:

— Хорошее-то платье, пожалуй, еще и запачкаешь.

И пошли они вместе на поле, и где по пути встречался им виноградник, то ли пахотная земля или луга, Ганс указывал на них пальцем, а затем, похлопывая по заплатам своего кафтана, говорил:

— Гляди, голубушка, вот эта заплата моя, и та тоже будет моя,— он хотел этим сказать, чтобы жена не на те поля смотрела, а на его куртку, которая была вправду его собственной.

— И ты на той свадьбе была? — Да, была, и в полном наряде. Головной мой убор был из снега; а как взошло солнышко, он весь и растаял; а платье было мое из паутины, но шла я через колючий кустарник и все-то его изорвала; а туфельки были у меня стеклянные; споткнулась я о камень, молвили они «дзынь», да и раскололись.

Золотые дети

Жил-был на свете бедняк со своей бедной женой, и была у них одна лишь небольшая избушка, и кормились они рыбной ловлей — что заработают, то сразу и проедят. Раз вышел рыбак на берег и закинул сеть свою в воду, начал тянуть и вытащил рыбу — не простую, была она вся золотая. Посмотрел он на нее, удивился, и вдруг рыба заговорила и сказала:

— Послушай, рыбак, еслипустишь ты меня снова в воду, то сделаю я твою убогую избушку богатым замком.

И ответил рыбак:

— Что мне в замке твоём, если есть мне нечего!

А золотая рыба ему и говорит:

— И о том позабочусь: будет у тебя в замке шкаф; только ты его откроешь, то увидишь, что стоят в нём разные блюда с прекрасными кушаньями, и столько, сколько ты пожелаешь.

— Если так,— молвил бедняк,— то, пожалуй, сделаю тебе одолжение.

— Хорошо,— ответила золотая рыба,— но с таким уговором, что не скажешь ты никому на свете, кто бы то ни был, откуда к тебе счастье явилось; а скажешь хоть слово, все тотчас исчезнет.

Бросил рыбак волшебную рыбу в реку и домой воротился. Глядь, где прежде стояла у него избушка, вырос теперь большой замок. Поглядел он на него, удивился, вошел в него, видит — сидит его жена в роскошных покоях, нарядилась в красивое платье. Была она довольна и говорит:

— Скажи ты мне, муженек, откуда все это вдруг явилось? Мне это все очень нравится.

— Да,— сказал муж,— и мне тоже нравится. Только я очень голоден, дай-ка мне чего-нибудь поесть.

А жена говорит:

— Нету у меня ничего, и не знаю я, где и найти в этом новом доме.

— Не тужи,— ответил ей муж,— вон, я вижу, стоит большой шкаф, ты возьми его да открой.

Открыла она шкаф, глядь — стоят в нём пироги, мясо, овощи и вино,— прямо глянуть приятно. И воскликнула на радостях жена:

— Чего ж нам еще надобно? — уселись они за стол, стали есть да пить вместе. Вот наелись они, а жена и спрашивает:

— А скажи мне, муженек, откуда же явилось все это богатство?

— Эх,— ответил он,— ты уж меня о том не спрашивай, не допытывай, рассказать я тебе об этом не смею, а если кому о том я скажу, то пропадет все наше счастье.

— Ладно,— говорит жена,— если я не должна о том спрашивать, то и ведать о том не желаю.

Но она сказала неправду; и не имела она покоя ни днем, ни ночью, мучила она мужа и так ему докучала, что он с досады ей и рассказал, как явилось все это от волшебной золотой рыбы, которую он поймал и за то отпустил на свободу. Только он

это промолвил, вдруг исчез прекрасный замок вместе со шкафом, и очутились они снова в своей ветхой рыбацкой избушке.

И пришлось рыбаку снова приняться за свой промысел и начать рыбачить. Но, по счастью, случилось так, что вытащил он еще раз золотую рыбу.

— Послушай,— молвила рыба,— если ты снова отпустишь меня в воду, я верну тебе замок вместе со шкафом, полным всякой снеди; только смотри — держи слово, не выдавай никак, от кого все это ты получил, а не то ты снова все потеряешь.

— Уж на этот раз я поостерегусь,— ответил рыбак и бросил рыбу в воду. Воротился он домой, видит — а там снова прежнее богатство, и жена радуется счастью. Но любопытство не давало ей покоя, и спустя несколько дней начала она снова спрашивать и допытываться, откуда все это взялось и как он это устроил. Муж долго молчал, но, наконец, она его так донимать стала, что он не сдержался и выдал свою тайну. В тот же миг исчез замок, и вот сидят они снова в своей ветхой избушке.

— Ну, вот ты своего и добилась,— сказал муж,— что ж, придется нам теперь снова корку сухую грызть.

— Ах,— сказала жена,— уж лучше мне и богатств никаких не надо, если я не знаю, откуда они явились, а то б не имела я и дня покоя.

Отправился муж снова рыбачить, и через некоторое время, так уж оно вышло, что вытащил он и в третий раз золотую рыбу.

— Послушай,— молвила рыба,— видно, мне суждено попадаться тебе в руки; возьми ты меня с собой домой и разрежь меня на шесть кусков; два из них дай съесть жене, два — лошади дай, а два закопай в землю,— и будет тебе от этого счастье.

Взял рыбак золотую рыбу домой и сделал так, как она ему велела. И вышло так, что из тех двух кусков, что он закопал в землю, выросли две золотые лилии, лошадь двух золотых жеребят дала, а жена рыбака двух детей родила, и были они все золотые.

Подросли дети, стали большие да красивые, и лилии и лошади выросли тоже вместе с ними. И говорят дети:

— Отец, мы хотим сесть на наших золотых коней и пуститься странствовать по свету.

Ответил он им, пригорюнившись:

— Как перенести мне разлуку, когда вы уедете, и не знать, что с вами?

А они говорят:

— Останутся здесь две золотые лилии: вы по ним увидите, что с нами: будут они расти, значит, и мы здоровы; а увя-

нут — значит, мы больны; а если они отцветут — значит, нас нету уже в живых.

И ускакали они и приехали к харчевне; а было там много народу; когда увидели люди двух золотых юношей, стали смеяться и над ними подшучивать. Когда один из юношей услышал те насмешки, он застыдился и не захотел больше странствовать по свету, повернул назад и воротился к своему отцу. А другой отправился дальше, и вот подѣхал он к дремучему лесу. Хотел он уже было въехать в лес, но люди сказали:

— Вы там не проедете — в лесу полно разбойников, они на вас нападут, а как увидят, что вы золотой и конь у вас золотой, то, чего доброго, еще и убьют.

Но он не испугался и сказал:

— Я должен во что бы то ни стало через лес этот проехать.

Он взял медвежьи шкуры, закутался в них и коня укрыл тоже, чтоб золотая не было видно, и смело въехал в лес. Только он немного проехал, вдруг услышал в глубине шум и голоса говоривших между собой. Потом поодаль от дороги кто-то крикнул: «Там кто-то едет», а с другой стороны ответили: «Ну, и пусть себе едет, это, должно быть, какой-то медвежатник; он беден, как церковная мышь, на что он нам нужен!».— Так счастливо проехал золотой юноша через тот лес, и никакой беды с ним не случилось.

Однажды заехал он по пути в деревню и увидел там девушку; была она так прекрасна, что он не знал, может ли быть на свете другая, ее красивей. Он так влюбился в нее, что пришел к ней и сказал:

— Я люблю тебя всем сердцем и душой, согласна ли ты выйти за меня замуж?

И он тоже понравился девушке, она согласилась и ответила ему:

— Да, я хочу стать твоей женой и быть тебе верной на всю жизнь.

И стали они свадьбу справлять, но когда они радовались и веселились, воротился отец невесты домой и, увидев, что дочь его устроила свадьбу, удивился и спросил:

— А где ж твой жених?

Ему показали на золотого юношу, но был он укутан в медвежью шкуру. И сказал разгневанный отец:

— Никогда медвежатнику не получить моей дочери себе в жены,— и хотел было его убить.

Тут стала невеста просить отца да уговаривать:

— Теперь он мне муж, я люблю его от всего сердца.

И вот отец смиловился. Но он все размышлял об этом и на другое утро встал рано, желая посмотреть на мужа своей дочери — вправду ли он простой оборванец-нищий. Заглянул он и увидел в постели красивого золотого юношу; сброшенные медвежьи шкуры лежали на полу. И он вернулся и подумал: «Как хорошо, что я сдержал свой гнев, а то бы совершил я большое преступление».

А золотому юноше в это время снилось, что выезжает он на охоту за прекрасным оленем; и, проснувшись поутру, сказал он своей невесте:

— Я хочу отправиться на охоту.

Ей стало страшно, и она начала его просить остаться с нею:

— С тобой легко может случиться большое несчастье.

Но он ответил:

— Нет, мне надо ехать. — Он встал и отправился в лес; и вскоре остановился перед ним, как и снилось ему во сне, стройный олень. Он нацелился и хотел было его застрелить, но олень ускакал. Он погнался за ним по оврагам и зарослям и без устали гонялся за ним целый день; но вечером олень скрылся из виду. Оглянулся золотой юноша, видит — стоит он перед небольшой избушкой, а в избушке той жила ведьма. Он постучался, вышла навстречу старушка и спрашивает:

— Что надобно вам в такую позднюю пору в глухом лесу?

Он ответил:

— Не видали ли вы оленя?

— Да, — сказала она, — этого оленя я хорошо знаю.

А в это время громко залаяла на юношу собачонка, что выскочила из избушки следом за ведьмой.

— Да замолчи ты, злая жаба, — сказал он, — а не то я тебя застрелю.

Тогда ведьма крикнула гневно:

— Как, ты хочешь мою собачку убить?! — и обратила она юношу тотчас в камень.

А невеста все его домой ждала понапрасну и думала: «Видно, с ним что-то случилось, недаром я так боялась и на сердце было у меня так тяжело».

А дома как раз в это самое время второй брат остановился около золотых лилий и видит, что вдруг одна из них отцвела.

— Ах, боже ты мой, — сказал он, — с моим братом случилось большое несчастье; надо скорей идти, может, мне еще удастся его спасти.

А отец говорит:

— Нет, оставайся ты дома; если я и тебя потеряю, то что мне делать тогда?

Но сын ответил:

— Я должен во что бы то ни стало идти.

Вскочил он на своего золотого коня и помчался и приехал он в тот же дремучий лес, где лежал его брат камнем. Вышла из избушки старая ведьма, окликнула его, чтоб и его заколдовать, но он к ней близко не подошел и сказал:

— Я тебя застрелю, если ты тотчас не оживишь моего брата.

С большой неохотой прикоснулась она к камню пальцем, и тотчас вернулся брату его человеческий образ. Обрадовались золотые юноши, увидав друг друга, стали целовать да обнимать друг друга, сели на своих коней и выехали вместе из лесу: один — к своей невесте, а другой — домой к отцу.

И сказал тогда отец:

— Я-то знал, что ты спасешь своего брата, ведь золотая лилия вдруг поднялась и зацвела снова.

И стали они жить да поживать припеваючи до самой своей смерти.

Лиса и гуси

Раз пришла лиса на лужок, видит — сидит там стадо красивых жирных гусей. Засмеялась лиса и говорит:

— А я пришла, видно, кстати, вы так славно сидите рядышком, что можно вас будет легко одного за другим и съесть.

Загототали гуси от страха, вскочили и начали кричать да жалобно просить, чтоб оставила лиса их в живых. Но лиса их и слушать не захотела и говорит:

— Не будет вам от меня пощады, всем вам смерть.

Вот один гусь расхрабрился было и говорит:

— Уж если мы, бедные гуси, должны умереть такими молодыми, то окажи нам одну милость, разреши нам помолить-

ся, чтобы перед смертью замолить наши грехи, а потом уж станем мы в ряд, и ты будешь выбирать того, кто из нас пожирней.

— Ладно, — говорит лиса, — это правильно, и просьба у вас скромная; ну, молитесь себе, а я пока подожду.

И вот начал первый гусь петь свою протяжную молитву и повторять: «га-га-га!», и молитве той все не было конца. Тогда второй гусь не стал ожидать, пока дойдет до него черед, и начал тоже: «га-га-га!» А тут за ним и третий, и четвертый, и вскоре загоготали все гуси разом.

(Как кончат они молиться, так и сказка дальше пойдет, но молятся всё они до сих пор.)

Бедняк и богач

В стародавние времена, когда господь бог ходил еще по земле, случилось, что однажды под вечер он устал, его застала ночь, и негде ему было переночевать. А стояли по дороге два дома, один против другого; был один большой и красивый, а другой — маленький и на вид неказистый. Большой дом принадлежал богачу, а маленький бедняку. И подумал господь: «Богатого я не затрудню, я у него и заночую». Услыхал богач, что стучатся к нему в дверь, открыл окошко и спросил незнакомца, что ему надобно. Господь ответил:

— Пустите меня переночевать!

Оглядел богач путника с головы до ног, а так как господь одевался в простую одежду и по его виду было не похоже,

чтоб у него водились деньги в кармане, то покачал богач головой и сказал:

— Я не могу вас пустить, комнаты у меня завалены овощами и семенами; ежели мне пускать на ночлег всякого, кто в дверь постучится, то пришлось бы мне самому идти по свету с сумой. Попроситесь, может, где и пустят.

Он захлопнул окошко, и господь бог остался стоять у дверей. Повернулся господь и направился через дорогу к маленькому домику. Только он постучался, отодвинул бедняк щеколду, открыл свою дверку и пригласил странника войти.

— Ночуйте у меня,— сказал он,— на дворе уж темно, да и куда вам теперь идти!

Это господа богу понравилось, и он вошел к нему в дом. Подала жена бедняка ему руку, поздоровалась с ним и сказала, чтоб он устраивался, как будет ему удобней, чтоб было ему приятно; многого они не имеют, но то, что у них есть, они дадут ему от чистого сердца. Она поставила на огонь картошку, и пока та варилась, подоила козу, чтоб угостить его немного молоком. Вот накрыли стол, сел господь бог и ел с ними вместе, и ему понравилась их бедная пища, оттого что лица у них были при этом довольные. Вот поели они, и наступило время ложиться спать. Позвала тихонько жена своего мужа и говорит:

— Послушай, муженек, давай нынче постелим себе на ночь солому, а бедный странник пускай ложится на нашу постель и отдохнет: целый-то день он был на ногах, тут всякий умается.

— Я предложу ему это охотно,— ответил тот, подошел к господа богу и предложил, что если будет ему угодно лечь спать в их постель, то он мог бы на ней как следует отдохнуть. Господь бог не пожелал отбирать у стариков их постель, но они так ему предлагали, что, наконец, он согласился и лег в их постель; а они постелили себе на полу солому. На другой день поднялись они чуть свет и сварили гостю завтрак, такой хороший, какой только могли. Вот уже засияло солнце в окошко, встал господь, поел с ними и опять собрался в путь-дорогу. Он стоял уже в дверях, но обернулся и сказал:

— Оттого, что вы были такие жалостливые и добрые, пожелайте себе три разных желанья, и я вам их исполню.

И сказал бедняк:

— Чего же мне себе пожелать, как ни вечного блаженства и чтобы мы оба, пока живы, были бы здоровы и имели бы свой хлеб насущный; а третьего я и не знаю, чего себе пожелать.

И ответил милостивый господь бог:

— Не хочешь ли ты иметь новый дом вместо старого?

— О, да,— ответил бедняк,— если бы я мог и его получить, это было бы мне очень приятно.

И исполнил господь их желанья, обратил старый их дом в новый, дал им еще раз свое благословенье и отправился дальше.

Был уже день, когда богач поднялся. Высунулся он в окошко, видит — стоит напротив него новый, нарядный дом под красною черепицей, а стояла там прежде старая избушка. Раскрыл богач от удивленья глаза, кликнул жену и говорит:

— Скажи мне, как это случилось? Ведь вчера ж вечером стояла там старая, убогая избушка, а нынче стоит новый, красивый дом. Сбегай-ка вниз да узнай, как все это произошло.

Пошла жена, стала расспрашивать бедняка. И он ей сказал:

— Зашел вчера вечером какой-то странник, попросился у нас ночевать, а нынче утром, когда мы с ним прощались, он выполнил три наши желанья: вечное блаженство, здоровье в жизни и хлеб насущный да еще вместо нашей старой избушки новый, красивый дом.

Кинулась жена богача домой и рассказала мужу, как все случилось. А муж и говорит:

— Я готов сам себя на куски разорвать: эх, кабы знал я! Ведь незнакомец-то заходил раньше ко мне и хотел у нас переночевать, а я ему отказал.

— А ты не мешкай, — говорит жена, — садись поскорей на лошадь и сможешь нагнать того человека и его попросить, чтобы он исполнил твои три желанья.

Послушался богач доброго совета, помчался на лошади и нагнал господа бога. Заговорил он с ним мягко и вежливо и стал просить, чтобы тот не обижался, что его тотчас не впустили, искал он-де ключ от дверей, а он тем временем ушел. Если будет назад возвращаться той же дорогой, то пускай, мол, останавливается у него.

— Хорошо, — сказал господь бог, — если я когда буду возвращаться, то так и сделаю.

Спросил богач, не может ли и он пожелать себе тоже три желанья, как и его сосед?

— Да, — сказал господь бог, — пожелать, конечно, можно, но это было бы плохо для тебя же самого, и лучше бы тебе ничего не желать.

Богач подумал, что надо бы себе что-нибудь такое придумать, что сделало бы его счастливым, если будет оно выполнено. И сказал господь бог:

— Езжай себе домой, и твои три желанья исполнятся.

Получил богач то, что хотел, поехал домой и начал раздумывать, что бы это такое себе пожелать. Думал он, раздумывал и опустил поводья, и пустилась лошадь вскачь, а это мешало богачу думать, и он никак не мог собраться с мыслями. Похлопал он лошадь по шее и говорит:

— Лиза, потише, — но лошадь продолжала скакать и начала становиться на дыбы. Рассердился богатч и крикнул в нетерпенье: — Э, чтоб ты себе шею сломала!

И только он вымолвил эти слова — бух, свалился он на землю, а лошадь лежала мертвая и не шевелилась: так было исполнено его первое желанье.

А так как богатч был по природе скрягой, то не хотелось ему бросать седла, снял он его и взвалил себе на плечи. Пришлось ему теперь идти пешком. «Осталось у меня еще два желанья», — подумал он и на этом успокоился. Шел он медленно по песку, а в полдень солнце грело горячо, и стало ему жарко и так на душе досадно: седло давило ему плечи, а ему все никак не приходило в голову, что бы это себе пожелать. «Если бы я пожелал себе все царства и все сокровища мира, — молвил он про себя, — то все-таки приходило бы мне в голову то одно, то другое желанье, это я точно знаю; мне хочется устроить так, чтобы мне ничего не оставалось желать». Он вздохнул и сказал:

— Да, если б я был баварским крестьянином, у которого бы тоже оставалось три желанья, то я знал бы, что делать, и пожелал бы себе, во-первых, побольше пива; во-вторых, пива столько, сколько бы мог выпить; а в-третьих, бочку пива в придачу.

То казалось ему, что вот уже желанье у него нашлось, но потом он считал его слишком малым. И вспомнилось ему, как, должно быть, теперь хорошо его жене, — сидит она себе дома в прохладной комнате и ест что-нибудь вкусное. Но это его порядочно рассердило, и вдруг невзначай он вымолвил:

— Хотелось бы мне, чтоб сидела она лучше дома в седле и не могла бы с него слезть и чтоб я не тащил его на плечах.

Только сорвалось у него с языка последнее слово, как исчезло седло с его плеч, и он понял, что исполнилось его второе желанье. Но стало ему только сейчас по-настоящему жарко, он пошел быстрее и захотелось ему сидеть дома одному в своей комнате и думать о чем-нибудь таком большом — о последнем своем желанье. Приходит он домой, открывает в комнату дверь, видит — сидит там его жена в седле и никак с него слезть не может, стонет и кричит. А он и говорит:

— Будь этим довольна, я готов пожелать тебе все богатства на свете, только оставайся ты сидеть в седле.

Но она обозвала его дураком и сказала:

— На что мне все богатства на свете, если я сижу в седле? Ты этого мне пожелал, ты и должен помочь мне с него слезть.

И хотелось ему или не хотелось, а пришлось-таки высказать свое третье желанье: чтоб избавилась жена от седла и смогла бы с него слезть. И тотчас желанье это исполнилось. Итак, досталось ему одно лишь: досада, заботы, ругань да пропавшая лошадь. А бедняки жили себе в довольстве, тихо и мирно, как живут добрые люди до самой блаженной смерти.

*Певчий
прыгуна-жаворонок*

Жил-был на свете человек, и собрался он в дальнюю дорогу. И вот спрашивает он на прощанье у своих трех дочерей, что привезти им в подарок. Попросила старшая жемчуга, средняя — брильянты, а младшая сказала:

— Милый батюшка, хочу я, чтоб привез ты мне певчего прыгуна-жаворонка.

Ответил отец:

— Ладно, если я такого достану, то привезу.

Поцеловал он всех трех дочерей и отправился в путь-дорогу. Но вот пришло время ему домой возвращаться, и накопил он для двух старших дочерей жемчугов и брильянтов, но напрасно искал он для младшей певчего прыгуна-жаворонка, и было это ему досадно, потому что была она его любимой дочкой. А путь лежал через лес, и стоял в самом лесу прекрасный замок, и росло вблизи замка дерево, а на самой его вершине увидел он певчего прыгуна-жаворонка. «Э, да ты кстати мне повстречался!» — сказал он, обрадовавшись. Позвал своего слугу и велел ему влезть на верхушку и поймать птичку. Но только подошел тот к дереву, как выскочил сзади лев, тряхнул гривой и так заревел, что листья на деревьях задрожали.

— Кто посмеет украсть моего певчего прыгуна-жаворонка, — закричал он, — того я съем живьем!

А человек и говорит:

— Я не знал, что птица принадлежит тебе. Я готов исправить свою ошибку и дорогой ценой откупиться, только оставь меня в живых.

Говорит тогда лев:

— Одно тебя может спасти: пообещай мне то, что пер-

вым тебе дома повстречается. Если ты на это согласен, то, так и быть, дарю тебе жизнь и в придачу птицу для твоей дочери.

Но человек отказался и говорит:

— Ведь это может оказаться моей младшей дочерью, — она любит меня сильнее всех и всегда выбегает мне навстречу, когда я возвращаюсь домой.

Но слуге стало страшно, и говорит он:

— Неужто вас непременно встретит дочь? Это может оказаться кошка или собака.

И он уговорил своего хозяина, и тот взял певчего прыгуна-жаворонка и пообещал льву отдать первое, что встретится ему дома.

И вот воротился он домой. Входит к себе в дом, и первая, кого он встретил, была не кто иная, как его младшая любимая дочь. Бросилась она к нему навстречу, стала его целовать и обнимать, а как увидела, что привез он ей певчего прыгуна-жаворонка, была она вне себя от радости. Но отцу было не до веселья, он заплакал и говорит:

— Милая моя дочка, дорогой ценой заплатил я за эту маленькую птичку, — пришлось мне пообещать отдать тебя дикому льву; он растерзает тебя и съест. — И рассказал ей все, что произошло, и стал просить ее, что бы ни случилось, а ко льву не идти. Стала она его утешать и говорит:

— Милый батюшка, что обещано, то надо исполнить; я пойду, но льва постараюсь задобрить и вернуться домой целой и невредимой.

На другое утро попросила она указать ей дорогу, простилась и спокойно отправилась в самую чащу лесную. А был лев не кто иной, как заколдованный королевич, днем он был львом, и вместе с ним и все его слуги были тоже львами, а ночью они опять превращались в людей.

Когда она пришла, встретил лев ее ласково и проводил в свой дворец. А когда наступила ночь, стал он прекрасным юношей; тут и свадьбу сыграли с большой пышностью. И стали они жить счастливо вместе, ночью бодрствовали, а днем спали. Вот приходит он раз и говорит:

— Завтра в доме у твоего отца будет пир по случаю свадьбы старшей твоей сестры; если хочешь, то мои львы проведут тебя туда.

Она сказала, что охотно повидала бы своего отца, и направилась домой, и провожали ее львы. И была великая радость, когда она явилась, — ведь все думали, что ее растерзал лев и что давно ее уже нет в живых. Рассказала она, какой у нее красивый муж и как хорошо ей живется, и пробыла она дома, пока продолжалась свадьба, а затем вернулась назад в лес. Когда выходила замуж средняя дочь, ее опять пригласили на свадьбу, и она сказала льву:

— На этот раз не хочу я идти одна, пойдём вместе со мной.

Но лев ответил, что это будет для него слишком опасно,— ведь если упадет на него луч от зажженной свечи, то обернется он голубем, и придется ему семь лет летать вместе с голубями.

— Ах,— сказала она,— уж пойдём вместе со мной, я буду тебя охранять и защищу от всякого света.

И вот отправились они вместе и взяли с собой и своего маленького ребенка. Она велела построить там зал с прочными и толстыми стенами, куда не проникал бы ни один луч, чтобы лев мог сидеть в нем, когда зажгутся свадебные свечи. Но дверь была сделана из сырого дерева, она треснула и дала небольшую трещину, которую никто из людей не заметил. Стали праздновать пышную свадьбу, и когда свадебный поезд возвращался из церкви с факелами и свечами мимо зала, упал тонкий, как волос, луч на королевича, и в тот же миг был он обращен в голубя. Когда жена вернулась домой и стала искать мужа, найти его нигде не могла,— перед нею сидел белый голубь. И голубь сказал:

— Семь лет должен буду летать я по свету. Но каждые семь шагов я буду ронять по капельке алой крови и по белому перышку, они укажут тебе дорогу, и если ты пойдешь по следу, то сможешь меня освободить.

Сказав это, голубь вылетел в дверь, и она пошла вслед за ним; и каждые семь шагов падали наземь алые капельки крови и белые перышки и указывали ей дорогу. И так шла она все дальше и дальше по свету, не оглядывалась и не отдыхала. И прошло уже почти семь лет. Стала она радоваться, думая, что скоро будут они освобождены от чар, но было это еще так далеко!

Шла она все дальше, и вот однажды не упало перышко наземь, не скатилась алая капелька крови. Глянула она наверх, видит — голубь исчез. Она подумала: «Люди мне ничем помочь не могут»,— и она поднялась к солнцу и сказала ему:

— Светишь ты во все углы темные и на вершины горные, не видало ли ты, где белый голубь летает?

— Нет,— ответило солнце,— не видало я голубя белого, но подарю тебе ларец, ты открой его, когда будешь в великой беде и опасности.

Поблагодарила она солнце и пошла дальше; шла она до самого вечера, пока не взошел уже и месяц, и спросила она у месяца:

— Ты целую ночь светишь на поля широкие, на леса на высокие, не видал ли ты, где белый голубь летает?

— Нет,— ответил ей месяц,— не видал я белого голубя, вот подарю я тебе яйцо, ты разбей его, когда будешь в большой беде и опасности.

Поблагодарила она месяц и пошла дальше; шла она, пока явился ветер ночной и подул на нее прохладой. И молвила она ветру ночному:

— Ты веешь над всеми деревьями, подо всеми листьями дуешь, не видал ли ты, где белый голубь летает?

— Нет, — сказал ей ветер ночной, — не видел я белого голубя, но спрошу у других трех ветров, может, они видали.

Явился ветер восточный и западный ветер, но они не видели ничего, а южный ветер ответил:

— Видел я белого голубя, полетел он к Красному морю, там обернулся он снова львом, ведь минуло семь лет, и борется лев там с драконом, а дракон тот — зачарованная королева.

И сказал ей ветер ночной:

— Дам я тебе совет: ступай к Красному морю, растут на правом его берегу большие лозы; ты их сосчитай, и срежь одиннадцатую, и ударь ею дракона — тогда лев его одолеет, и вернется к обоим снова их человеческий образ. Потом оглянись назад, и увидишь ты птицу-грифа, что сидит у Красного моря; вскочи вместе с милым своим на спину к нему, и перенесет вас птица через море домой. На тебе еще орешек; когда будешь ты посреди моря, кинь его в воду, и вырастет из воды большой орешник, и отдохнет на нем птица-гриф. Если ей отдохнуть не удастся, то не хватит у нее сил перенести вас через море; а забудешь ты бросить в воду орешек, то уронит вас птица-гриф в море.

Пошла она к морю и нашла там все, о чем говорил ей ветер ночной. Сосчитала она лозы на морском берегу, одиннадцатую срезала, ударила ею дракона, и лев его одолел; и вмиг обратились они снова в людей. Только освободилась от чар королева, что прежде была драконом, взяла она за руки юношу, села на птицу-грифа и исчезла с ним вместе. И осталась бедная странница опять одна, села она на землю и заплакала. Но, наконец, она успокоилась и сказала: «Я пойду дальше, так далеко, куда только ветер дует и доколе петух будет петь, пока его не найду». И пошла она дальше, и прошла много путей и дорог, пока не пришла, наконец, к замку, где жили они вдвоем, и узнала, что скоро будут справлять они свадьбу. И сказала она:

— Бог мне поможет еще раз! — и она открыла ларец, подаренный солнцем, и лежало в том ларце платье, и сияло так же, как самое солнце. Она достала его, надела и поднялась в замок, и все люди и даже невеста посмотрели на нее с удивлением; и это платье так понравилось невесте, что захотелось ей надеть его под венец, и она спросила, не может ли та его продать.

— Не продам я его ни за деньги, ни за какое добро, — ответила она, — а за плоть и за кровь.

Невеста спросила, что она этим хочет сказать. И она ответила:

— Позволь мне переночевать ночь в той комнате, где спит твой жених.

Невеста не согласилась; но ей так хотелось получить платье, что, наконец, она дала согласие, приказав слуге подсыпать королевичу сонного зелья.

Когда наступила ночь и королевич уснул, ее отвели в спальню. Села она у его постели и сказала:

— Я шла за тобой семь лет, была я у солнца и месяца, и у четырех ветров я была — все о тебе узнала, я помогла тебе одолеть дракона, неужто ты меня совсем позабыл?

Но королевич спал крепко, и казалось ему, будто ветер шумит среди елей в лесу. Когда наступило утро, ее увели из спальни, и пришлось ей отдать свое золотое платье.

Но когда и это не помогло, запечалилась она, вышла на луг, села и заплакала. Сидя там, она вспомнила о яйце, что подарил ей месяц; она разбила яйцо — и вылупилась из него наседка с двенадцатью золотыми цыплятами, они побегали, поклевали и залезли опять под крылья наседки, — и не было ничего милее на свете, как смотреть на это.

Потом она встала и пошла по лугу, но невеста заметила из окошка маленьких цыплят, и они ей так понравились, что она вышла из замка и спросила, не продаст ли их странница.

— Ни за деньги, ни за добро, а за плоть и за кровь. Дозволь мне еще одну ночь пробыть в спальне, где спит жених.

Невеста согласилась, но решила ее обмануть, как и в прошлый вечер. Когда королевич ложился в постель, он спросил своего слугу, что это был за шум и за шепот в прошлую ночь. И слуга рассказал ему обо всем: что велено было дать ему сонного зелья, потому что какая-то бедная девушка спала тайком в его спальне, и что в эту ночь он должен дать ему снова сонного зелья. Тогда королевич сказал:

— Вылей это зелье на пол у моей постели.

Ночью девушку ввели снова, и стала она рассказывать, как ей тяжело пришлось; и он тотчас по голосу узнал свою милую жену, вскочил с постели и воскликнул:

— Только теперь впервые я воистину освобожден от чар, а был я будто во сне, ибо меня околдовала чужая королева и заставила меня тебя позабыть, но бог вовремя снял с меня наважденье.

Тогда они вышли оба ночью тайком из замка, — они боялись отца королевны, который был колдуном, — сели на птицу-грифа, и перенесла их птица-гриф через Красное море. И когда были они посреди моря, бросила она в воду орешек. И тотчас выросло большое дерево орешник, отдохнула на нем птица-гриф и принесла их потом домой, где нашли они своего ребенка; он за это время вырос и сделался красивым мальчиком; и жили они с той поры счастливо до самой смерти.

Гусятница

Жила однажды старая королева; муж у нее умер много лет тому назад, но была у нее красавица-дочь. Когда она выросла, ее обручили с одним королевичем из далекой страны. Пришло время, когда они должны были быть повенчаны и девушке надо было ехать в чужое королевство, и вот собрала тогда старуха-мать много дорогой утвари и драгоценностей — все, что входило в приданое королевы, так как она всем сердцем любила свою дочь. Дала она ей и камеристку, которая должна была ехать вместе с нею, чтобы передать невесту в руки жениха; и дали им для путешествия двух коней, и звали коня королевны Фалада, и умел тот конь говорить. Вот настал час расставанья, и пошла старая мать-королева в свою опочивальню, взяла маленький нож, порезала себе пальцы, и брызнула из них кровь; потом взяла она белый платочек, и упали на него три капли крови; королева отдала этот платочек дочери и сказала:

— Милое мое дитяtko, храни его крепко, он пригодится тебе в дороге.

С грустью простились они друг с другом; сунула королева платочек за пазуху, села на коня и отправилась к своему жениху. Проехали они час, и почувствовала королева сильную жажду и говорит своей камеристке:

— Слезь с коня и набери мне воды из ручья в мой кубок, что взяла ты в дорогу, мне очень хочется пить.

— Если вам хочется пить, — сказала камеристка, — то слезьте сами с коня, наклонитесь к воде и напейтесь, я вашей служанкой быть не хочу.

Королеву мучила жажда, и она сошла с коня, нагнулась к ручью, напилась, но напиток из золотого кубка ей так и не пришлось. И она сказала:

— Ах, господи!

И ответили ей три капли крови: «Если бы мать знала об этом, у ней разорвалось бы сердце в груди».

Запечалилась королевна, но ничего не сказала и села опять на коня. Так проехали они несколько миль, но день был жаркий, солнце сильно пекло, и ей снова захотелось пить. А проезжали они мимо родника, и она крикнула снова своей камеристке:

— Сойди с коня и дай мне попить из моего золотого кубка. — Королевна все ее злые слова уже позабыла. Но камеристка сказала еще высокомерней:

— Если хотите пить, то и пейте сами, а вашей служанкой я быть не хочу.

И королевна сошла в великой жажде с коня, нагнулась над родником, заплакала и сказала:

— Ах, господи!

И ответили опять капли крови: «Если бы мать знала об этом, сердце б у ней разорвалось в груди».

Начала королевна пить и сильно нагнулась, и выпал у нее из-за пазухи платок, на котором были три капли крови, и уплыл по воде, но в горе она этого не заметила. А камеристка все это видела и обрадовалась, что получила власть над невестой: ведь если ей потерять эти три капли крови, то станет она беспомощной и слабой. Только хотела королевна сесть опять на своего коня, которого звали Фалада, как камеристка сказала:

— На Фаладе поеду я, а ты можешь ехать на моей кобыле.

И королевне пришлось подчиниться. Потом камеристка грубо ей приказала, чтоб сняла она королевские одежды и надела бы на себя ее простое платье, и к тому же заставила ее поклониться перед богом, что она не скажет об этом при королевском дворе ни одному человеку, а если она не даст такой клятвы, то будет тотчас убита. Но конь Фалада все это видел и хорошо запомнил.

Села камеристка на коня Фаладу, а настоящая невеста на простую лошадь, и поехали они дальше, и вот приехали, наконец, в королевский замок. И была там великая радость по поводу их прибытия, выбежал к ним навстречу королевич, снял камеристку с коня, думая, что это и будет его настоящая жена. Повели ее по лестнице, а настоящей королевне пришлось остаться внизу. Посмотрел старый король в окно и увидел, что она стоит во дворе, заметил, какая она стройная, нежная и какая красивая. Пошел он тотчас в королевскую горницу и спросил у невесты про девушку, что с ней вместе приехала и стоит теперь внизу во дворе: кто она, мол, такая?

— Я взяла ее с собой в дорогу, чтоб было мне с кем ехать. Дайте девушке какую-нибудь работу, чтоб она не стояла без дела.

Но у короля работы для нее не нашлось, и, не зная, что придумать, он сказал:

— Есть у меня тут мальчонка, он пасет гусей, пускай она ему помогает.

Мальчика звали Кюрджен; и пришлось настоящей невесте помогать ему пасти гусей.

Немного спустя говорит фальшивая невеста молодому королю:

— Мой любезный супруг, сделайте мне одно одолжение.

— Я выполню его с удовольствием, — ответил он ей.

— Велите позвать живодера и отрубить голову коню, на котором я сюда приехала, он по дороге меня рассердил.

А на самом-то деле она боялась, чтобы конь не рассказал, как поступила она с королевной. Раз уж на то пошло, то должно оно было случиться, и пришлось верному Фаладе погибнуть. Но слух об этом дошел до настоящей королевны, и она тайно пообещала живодеру уплатить золотой, если он окажет ей небольшую услугу. Были в том городе большие черные ворота, через них она проходила всегда утром и вечером со своими гусями.

— Прибейте, — сказала она, — над черными воротами голову убитого Фалады, чтоб я видела ее каждый раз.

И живодер обещал ей это: он отрубил голову Фаладе и крепко прибил ее над черными воротами.

На заре, когда гнали они вместе с Кюрдженом через эти ворота гусей, она, проходя, говорила:

Вот где висишь ты, конь мой Фалада!

И голова отвечала:

А ты, королевна, ходишь за стадом.

Если б об этом матушка знала,

Сердце б у ней разорвалось.

И она медленно выходила за город и гнала гусей на пастбище.

Придя на лужок, она садилась на землю и распускала свои волосы, а были они, словно чистое золото. И Кюрджен смотрел на них и радовался, глядячи, как сверкали они, и захотелось ему вырвать у нее несколько волосков. Но она сказала:

Подуй, ветер-ветерок,

Сдуй у Кюрджена колпачок,

Пусть бежит за ним вдогонку;

А я косы заплету,

Их в порядок приведу.

И поднялся вдруг такой сильный ветер, что сорвал у Кюрджена его шапочку, — полетела она по полю, и пришлось ему

бежать за нею вдогонку. Пока он вернулся назад, она тем временем волосы расчесала, заплела их в косы, и он не мог вырвать у нее ни одного волоска. Рассердился Кюрдхен и перестал с ней разговаривать; и они продолжали пасти гусей, пока не наступил вечер, а потом пошли домой.

На другое утро, когда они гнали гусей через черные ворота, девушка сказала:

Вот где висишь ты, конь мой Фалада!

И ответил Фалада:

А ты, королевна, ходишь за стадом.
Если б об этом матушка знала,
Сердце б у ней разорвалось.

Села она опять на лужок и начала расчесывать волосы. Подбежал Кюрдхен и хотел схватить ее за волосы, но она быстро промолвила:

Подуй, ветер-ветерок,
Сдуй у Кюрдхена колпачок,
Пусть бежит за ним вдогонку;
А я косы заплету,
Их в порядок приведу.

И подул ветер, сдул у него с головы шапочку, и пришлось Кюрдхену бежать за нею вдогонку, и когда он вернулся, девушка давно уже привела волосы в порядок, и он не мог вырвать у нее ни одного волоса. И пасли они гусей до самого вечера.

А вечером, когда воротились они домой, пришел Кюрдхен к старому королю и говорит:

— С этой девушкой я пасти гусей больше не стану.

— Почему? — спросил старый король.

— Да она мне весь день докучает.

Приказал старый король рассказать, что же она ему такое делает.

И сказал Кюрдхен:

— Утром, когда проходим мы со стадом через черные ворота, — а висит там на стене лошадиная голова, — девушка говорит:

Вот где висишь ты, конь мой Фалада!

А голова отвечает:

А ты, королевна, ходишь за стадом.
Если б об этом матушка знала,
Сердце б у ней разорвалось.

И стал Кюрдхен рассказывать дальше, что происходит на гусяном лугу и как приходится ему бегать вдогонку за шапочкой.

Старый король велел ему и впредь пасти гусей, а сам, только наступило утро, сел за черными воротами и услышал, как говорила она с головою Фалады; потом он пошел вслед за нею на пастбище и спрятался на лугу за кустом. И увидел он вскоре своими собственными глазами, как гусятница и пастушок пригнали гусей, и как села она потом и начала расплетать волосы, и как засияли они от блеска.

И опять сказала она:

Подуй, ветер-ветерок,
Сдуй у Кюрджена колпачок,
Пусть бежит за ним вдогонку;
А я косы заплету,
Их в порядок приведу.

И поднялся вихрь, и сорвал с Кюрджена шапочку, и пришлось ему бежать далеко-далеко за нею вдогонку, а пастушка тем временем медленно причесала и заплела волосы, и старый король все это видел. Потом он незаметно вернулся назад, и когда вечером гусятница возвращалась домой, король отозвал ее в сторону и спросил, зачем она все это делает.

— Я сказать вам об этом не смею, да и не могу ни одному человеку пожаловаться на свое горе, — я поклялась в том перед богом, а не то мне придется погибнуть.

Он стал ее допытывать и не давал ей покоя, но ничего добиться от нее не мог. И сказал король:

— Если ты мне ничего не хочешь сказать, так пожалуйся тогда на свое горе железной печке, — и ушел.

Тогда она забралась в железную печку, начала плакать и причитать, и все, что было у ней на сердце, высказала, и говорит:

— Живу я, всеми покинутая, а я-то ведь королева; коварная камеристка принудила меня силой снять с себя королевские одежды и заняла у жениха мое место, и должна я исполнять черную работу и пасти гусей. Если бы знала об этом моя матушка, сердце б у ней разорвалось!

А старый король стоял за печкой и слышал все, что она говорила. Вышел он потом и велел ей вылезть из печки. Надели на нее королевские одежды; и казалось прямо чудом, какая была она прекрасная. Позвал старый король своего сына и объявил ему, что невеста у него фальшивая, а на самом деле она всего лишь камеристка, а настоящая стоит перед ним — это была бывшая гусятница.

Сильно обрадовался молодой король, увидав ее красоту и доброту, и было устроено большое пиршество, и создали на него всех людей и добрых друзей. И сидел на первом месте жених, а рядом с ним королева, а с другой стороны камеристка, но была камеристка ослеплена и не узнала ее в пышном наряде. Вот поели они, попили, стало им весело, и задал тогда ста-

рый король камеристке загадку: чего заслуживает та, которая так, мол, и так обманула своего хозяина,— и он рассказал ей все, как было, по порядку, и спросил:

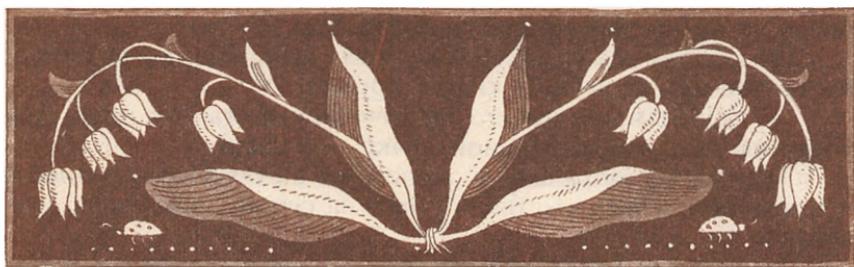
— Какого приговора она достойна?

И сказала фальшивая невеста:

— Она достойна одного, чтоб раздели ее догола и бросили в бочку, утыканную острыми гвоздями; и надо запрячь в ту бочку двух белых лошадей, и пусть тащат они ее по всем улицам.

— Так ты же и есть та самая,— сказал старый король,— которая произнесла себе приговор, так и должно с тобой поступить.

И вот, когда исполнили приговор, женился молодой король на своей настоящей невесте, и стали они оба править своим королевством в мире и в счастье.

Юный великан

Был у одного крестьянина сын; и был он ростом всего с палец, больше никак не рос и за несколько лет ничуть не сделался больше. Собрался раз крестьянин ехать на поле — землю пахать, а малютка ему и говорит:

— Батюшка, хочу я с тобой на поле поехать.

— На поле? — говорит отец. — Нет, уж лучше оставайся ты дома; какая с тебя польза будет, — чего доброго, я тебя еще потеряю.

И начал Мальчик-с-пальчик плакать; и чтобы его успокоить, сунул его отец в карман и взял вместе с собой. Приехав на поле, он достал его из кармана и посадил на только что вспаханную борозду. Вот сидит на ней Мальчик-с-пальчик, а в это время выходит из-за горы огромный великан.

— Видишь эту громадину? — спросил его отец, желая напугать этим малыша; а чтоб был он послушным, сказал: — Вот он тебя заберет с собой.

Великан в это время сделал несколько шагов своими длинными ножищами и очутился у самой борозды. Взял он маленького Мальчика-с-пальчик осторожно двумя пальцами, поднял вверх, поглядел на него внимательно и, ни слова не молвив, двинулся с ним дальше. Отец стоял рядом, но от страха и слова вымолвить не мог и решил, что пропал теперь его сыночек и никогда уж он больше его не увидит.

И унес великан его к себе домой, начал его выкармливать; и вырос Мальчик-с-пальчик и стал таким же большим и сильным, как и все великаны. Прошло два года, и направился старый великан вместе с ним в лес. Он захотел его испытать и сказал:

— Вытащи-ка мне вот этот прутик.

А стал мальчик такой уже сильный, что вырвал из земли молодое дерево вместе с корнями. Великан подумал: «Ну, дело теперь пойдет лучше». И взял его с собой и выкармливал еще целых два года. Стал он его опять испытывать, и силы у мальчика настолько прибавилось, что мог он вырвать из земли теперь и старое дерево. Но великану это казалось еще недостаточным, он выкармливал его еще два года, потом пошел с ним в лес и сказал:

— Ну-ка, вырви мне прутик побольше, — и парень вырвал ему из земли самый толстый дуб — он так и затрепал; и было это для него делом совсем пустячным.

— Ну, теперь хватит, — сказал великан, — ты уже обучился, — и отвел его назад на поле, откуда он его принес.

А отец его как раз в это время шел за плугом. Юный великан подошел к нему и говорит:

— Посмотрите, батюшка, каким человеком ваш сын сделался.

Испугался крестьянин и говорит:

— Нет, ты мне не сын, я такого не хочу, отойди от меня.

— Да нет же, я ваш сын, и дозвоьте мне приняться за работу; пахать я умею так же хорошо, как и вы, а может, еще и получше.

— Нет, нет, ты не сын мне, да и пахать-то ты не умеешь; уходи от меня прочь.

Но так как он великана побаивался, то отошел от плуга и сел на край поля. Взял тогда парень всю упряжку и нажал одной только рукой на плуг, но нажим был такой сильный, что плуг глубоко врезался в землю. Тут крестьянин не вытерпел и крикнул:

— Коли хочешь землю пахать, то не надо так сильно нажимать, а то пахота будет неважная.

Тогда парень выпряг коней, потащил плуг на себе и сказал:

— Ступай, батюшка, домой да вели матери наварить мне миску еды, да чтобы побольше, а я уж за это время сам все поле вспашу.

Пошел крестьянин домой и сказал жене, чтоб наварила она еды побольше. Вспахал парень поле, а было оно величиной в два моргена¹, и сделал он это один, а потом впряг себя в борону и стал боронить все поле двумя боронами сразу. Кончив работу, пошел он в лес, вырвал из земли два дуба, взвалил их себе на плечи, а сзади и спереди по бороне, да еще сзади и спереди по лошади, и понес все это, словно вязанку соломы, домой к отцу-матери. Входит он во двор, а мать его не узнала и спрашивает:

— Что это за страшный и огромный человечиче?

А крестьянин отвечает:

— Да это наш сын.

А она говорит:

— Нет, это не наш сын, — такого верзилы у нас никогда не было, наш-то ведь был совсем крошечный.

И она крикнула ему:

— Ступай прочь, такого мы не хотим!

Но парень промолчал, отвел лошадей на конюшню, засыпал им овса, подложил им сена — все как следует. Когда он закончил работу, вошел в комнату, сел на скамью и говорит:

— Матушка, ну, а теперь мне хочется чего-нибудь поесть, скоро ли будет ужин?

— Скоро, — ответила она и принесла две больших полных миски еды, ее хватило бы для нее и для мужа, пожалуй, на целую неделю. Но парень поел все это сам и спросил, нельзя ли еще чего подбавить.

— Нет, — сказала она, — это все, что у нас имеется.

— Да ведь это только, чтоб отведать, — мне бы надо побольше.

Она не решилась ему отказать, пошла на кухню и поставила на огонь большой котел, из которого свиньи ели, и когда он вскипел, принесла она ему целый котел.

— Наконец-то еще маленько принесли, — сказал он и съел все за один присест; но и этим он не наелся. Тогда говорит он отцу:

— Я вижу, что сыт я у вас не буду. Достаньте мне железную палицу, да покрепче, такую, чтоб мне на колене не переломить, и пойду я странствовать по свету.

Крестьянин обрадовался, запряг в повозку пару лошадей и привез от кузнеца палицу, такую большую и толстую, какую

¹ Старинная мера земли в Германии. (Прим. перев.)

только могла дотащить пара лошадей. Положил парень палицу на колено и — трах! — переломил ее пополам, как гороховый стебель, и отбросил в сторону. Запряг тогда отец четырех лошадей и привез палицу, такую большую и толстую, какую могла только дотащить четверка лошадей. И эту сын, положив на колено, переломил, кинул ее в сторону и говорит:

— Батюшка, ты в этом деле помочь мне, видно, не можешь; надо запрячь лошадей побольше и привезти палицу, какую покрепче.

И запряг отец восьмерик лошадей и привез палицу, такую большую и толстую, какую только восемь лошадей могли дотащить. Взял ее сын в руку, отломил сверху кусок и говорит:

— Ну, вижу я, что палицы, какая мне нужна, вы достать не можете, дольше оставаться у вас я не хочу.

И он ушел от них и стал выдавать себя всюду за кузнеца-подмастерья. Пришел раз в деревню, а жил в той деревне кузнец, и был он большой скряга — никому ничего не давал и хотел, чтоб все принадлежало только ему. Вот пришел он к нему в кузницу и спрашивает, не нужен ли ему будет кузнец-подмастерье.

— Да, — говорит кузнец; глянул на него и подумал: «Это парень здоровенный, ковать сумеет хорошо и на хлеб себе зарабатывает». И спросил:

— А какую ты плату за работу хочешь?

— Да мне никакой платы не надо, — говорит он, — а вот каждые две недели, когда будешь с другими подмастерьями расплачиваться, хотел бы я давать тебе по два тумака, а ты уж изволь их выдержать.

Такой уговор скряге пришелся по сердцу: он рассчитал, что так сбережет он немало денег. На другое утро новый подмастерье должен был приняться в первый раз за работу, и когда мастер принес раскаленную докрасна болванку, тот ударил разок, но железо от удара все так и разлетелось, а наковальня вгрузла в землю так глубоко, что ее нельзя было никак оттуда вытащить.

Рассердился скряга и говорит:

— Э-э, нет, держать я тебя на работе не стану, ты куешь слишком грубо. А сколько ты хочешь за этот удар?

Подмастерье ему отвечает:

— Одно я хочу — дать тебе небольшого пинка, больше мне ничего от тебя не надо. — И он поднял ногу, дал ему пинка, и перелетел кузнец через четыре стога сена.

Потом выбрал он себе самую толстую железную болванку, какая была в кузнице, взял ее вместо посоха в руку и отправился дальше.

Вскоре подошел он к деревне и спросил у старосты, не требуется ли ему старший работник.

— Да, — ответил староста, — пожалуй, будет нужен. Ты,

видно, парень здоровый, с делом, пожалуй, управишься. А сколько ты жалованья за год хочешь?

Он опять-таки ответил, что жалованья ему не надо, а вот хочет он давать ему каждый год по три тумака, которые тот должен выдержать. Староста таким ответом остался доволен,— он был тоже порядочный скряга. На другое утро работникам надо было ехать в лес за дровами, все уже встали, а старший работник еще лежал в кровати. Вот один из работников его и окликнул:

— Эй ты, вставай, пора в лес за дровами ехать, и тебе тоже вместе с нами.

— Э,— ответил он насмешливо и грубо,— вы уж себе отправляйтесь, а я раньше вас с делом управлюсь.

Вот работники и пошли к старосте и рассказали ему, что старший-де работник еще лежит на полатах и, видно, ехать с ними в лес не собирается. Староста сказал, что пусть его разбудят как следует и скажут, чтоб он запряг лошадей. А старший работник опять им отвечает:

— Да вы езжайте себе, я раньше всех вас с делом управлюсь.

И он пролежал на полатах еще часа два. Наконец вылез он из перины, принес из амбара две мерки чечевицы, сварил себе похлебку, спокойно ее поел, а потом пошел на конюшню, запряг лошадей и поехал в лес. А вблизи от порубки была ложбина, по которой надо было ему ехать. Проехал он с телегой через ложбину, остановил лошадей, отошел назад к телеге и устроил из деревьев и хворосту такую засеку, что через нее ни одна лошадь не могла бы проехать. Подошел он к порубке, а в это время другие работники уже выезжали оттуда домой с груженными телегами, вот он им и говорит:

— Езжайте-езжайте, я все равно раньше вас домой приеду.— Отъехал он немного, вырвал сразу из земли два самых больших дерева, взвалил их на телегу и повернул назад. Подъезжает к засеке, видит — стоят работники и никак не могут через нее проехать.

— Вот видите,— сказал он,— остались бы вы со мной, то и домой бы поскорей приехали да еще часок-другой могли бы поспать.

Он хотел тоже проехать через ложбину, но лошади пробраться никак через нее не могли. Тогда он их выпряг, положил на телегу, а сам ухватился за оглобли и враз перетаскил все через засеку, и сделал это так легко, словно телега была перьями нагружена. Вот перебрался он на другую сторону и говорит тогда остальным:

— Вот видите, я скорей вас проехал,— и двинулся дальше, а остальным пришлось там остаться.

Заехав во двор, он взял в руки дерево, показал его старосте и говорит:

— А дров-то, пожалуй, целая сажень выйдет.

Вот староста и говорит своей жене:

— А работник наш и вправду хорош; хоть и спит он много, да с делом раньше других справляется.

Так прослужил он у старосты целый год. Вышел срок, и стали работники получать свое жалованье. Вот он и говорит:

— Время и мне свою плату получать.

Испугался староста пинков, которые он должен был получить, и стал его просить и уговаривать, чтобы он простил ему те тумачи:

— Я уж лучше старшим работником стану, а ты будь за меня старостой.

— Нет,— сказал он,— не хочу я быть старостой; я старший работник и хочу им остаться, а свое, как мы условились, должен я получить.

Стал староста ему предлагать все, что он только пожелает, но старший работник на все его предложения отвечал «нет». Староста не знал, что ему и делать, и попросил у него на размышление две недели отсрочки. Старший работник на это согласился. Созвал тогда староста всех своих писарей, чтоб пораздумали они хорошенько и дали бы добрый совет. Писаря долго думали-раздумывали и, наконец, сказали, что никто перед старшим работником устоять не сможет, а то, пожалуй, и жизнью расплатиться придется,— ведь он каждого, как комара, раздавит. И они посоветовали старосте, чтобы велел он старшему работнику спуститься в колодец и его почистить, а когда он спустится вниз, прикатить мельничный жернов и сбросить его ему на голову,— тогда уж он никогда оттуда не вылезет.

Совет этот старосте понравился, и старший работник спуститься в колодец согласился. Когда он очутился на дне колодца, они скатили в колодец самый большой мельничный жернов, думая, что расшибут работнику голову, а он вдруг как закричит оттуда:

— Отгоните кур от колодца, а то роются они там в песке и сбрасывают мне в глаза всякий мусор, и мне оттого ничего не видно.

Крикнул тогда староста: «Кш-кш!»,— будто кур отгоняет. Закончил старший работник свою работу, вылез из колодца и говорит:

— Поглядите, какое у меня красивое ожерелье,— а был это на самом деле жернов, висел он у него на шее.

Пожелал старший работник получить теперь свое жалованье, но староста опять выпросил две недели на размышление. Сошлись все писаря и дали такой совет: послать старшего работника в заколдованную мельницу, чтоб перемолол он там ночью зерно; никто еще с той мельницы наутро живым не возвращался. Это предложение старосте понравилось, и он позвал в тот же вечер работника и велел ему отвезти на мельницу во-

семь четвертей зерна и за ночь все это перемолоть, — очень, мол, нужно. Пошел старший работник в амбар, насыпал две четверти зерна в правый карман, две четверти в левый, а четыре насыпал в переметную суму, взвалил на себя и, нагруженный, отправился к заколдованной мельнице. Мельник сказал ему, что днем он может зерно перемолоть как следует, но ночью никак дело не выйдет, — мельница-де заколдованная, и всякого, кто в нее зайдет, мертвым наутро выносить приходится. Но работник сказал:

— Я уж как-нибудь управлюсь, вы только уходите отсюда да ложитесь себе спать.

И пошел он на мельницу и засыпал зерно. Часам к одиннадцати зашел он к мельнику в комнату и присел на лавку. Посидел немного, — вдруг открывается дверь, и входит в комнату большой-пребольшой стол, и ставятся на него сами собой вино и жаркое и много всяких других яств, а в комнате ведь никого не было, кто мог бы все это принести. И придвинулись потом стулья сами к столу, но никто из людей не явился. Вдруг увидел он пальцы, они двигали ножами и вилками и накладывали кушанья на тарелки, а больше ничего разглядеть он не мог. Он был голоден, а когда увидел кушанья, то подсел тоже к столу и стал есть вместе с другими; и все ему показалось очень вкусным. Когда он наелся и другие тоже поели все, что было у них на тарелках, вдруг кто-то стал все свечи тушить — это он ясно слышал, — и когда стало темным-темно, хоть глаз выколи, то кто-то дал ему вроде пощечины. Тогда он сказал:

— Если это повторится еще раз, я дам сдачи!

И когда он получил еще раз пощечину, он тоже размахнулся и тотчас ударил кого-то в ответ.

И так продолжалось целую ночь: он не спускал ни разу и честно давал сдачу, не ленился — бил куда попадет. Но только стало светать, как все вмиг прекратилось. Мельник встал, захотелось ему посмотреть на работника, и он был удивлен, что увидел его в живых. И тот рассказал:

— Наелся я досыта, но и пощечин получил немало; ну, и сдачи тоже давал.

Обрадовался мельник и сказал, что теперь мельница расколдована, и хотел было дать ему за это много денег в награду, но он сказал:

— Денег я не хочу, у меня их и так довольно. — Взвалил он мешок с мукой на плечи, пошел домой и сказал старосте, что с делом он управился, а теперь хочет получить расчет.

Как услышал об этом староста, тут уж и совсем перепугался и никак не мог успокоиться, стал ходить по комнате взад и вперед, и пот градом так и катился у него с лица. Открыл он окошко, чтоб подышать свежим воздухом, но не успел идохнуть, как дал ему старший работник такого пинка, что вылетел он из окна, взлетел прямо на воздух и стал подыматься вы-

ше и выше, пока, наконец, стал совсем невидим. Тогда старший работник говорит старостихе:

— Если он назад не вернется, то другой пинок вам уж получить придется.

Закричала старостиха:

— Нет, нет, уж мне этого не выдержать! — открыла она другое окошко, и у нее капли пота тоже на лбу проступили. И вот дал работник ей пинка, и вылетела она в окошко; а так как была она легче мужа, то и взлетела куда повыше.

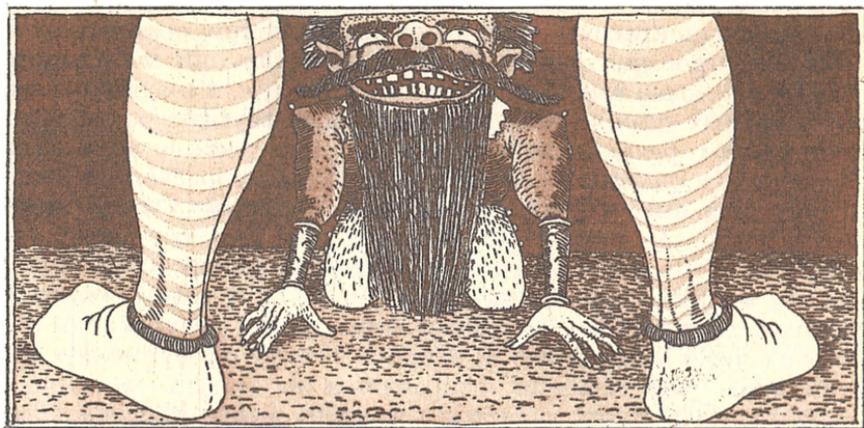
Стал муж ей кричать:

— Спускайся ко мне!

А она все кричала:

— Ты уж лучше ко мне подымайся, а мне к тебе спуститься никак невозможно. — И стали они носиться по воздуху, а друг к другу приблизиться всё никак не могут.

Летают ли они там до сих пор, по правде сказать, я не знаю. А юный великан взял свою железную палицу и пошел себе дальше.

Подземный человечек

Жил-был некогда богатый король, и было у него три дочери; они каждый день гуляли по замковому саду, а король был такой большой любитель всяких плодовых деревьев, что объявил, что всякого, кто сорвет хоть одно яблоко с дерева, он силой заклятья упрячет на сто сажен под землю. Вот наступила осень, и стали яблоки на одном из деревьев красные, точно

кровь. А три королевские дочери гуляли каждый день под деревом и смотрели, не стряхнет ли ветром хоть одно яблоко — ведь за всю свою жизнь они не нашли ни одного, которое бы упало, — а дерево чуть не ломилось от яблок, и ветки его пригнулись до самой земли. И вот очень уж захотелось младшей королевне съесть яблочко, и сказала она своим сестрам:

— Наш отец нас очень любит, и вряд ли он выполнит свое заклятье; я думаю, что это относится только к чужим людям. — И она сорвала самое крупное яблоко и, подбежав к своим сестрам, сказала:

— Вот, отведайте, милые сестрицы, хотя бы кусочек! Я за всю свою жизнь не ела никогда такого вкусного яблока.

И откусили обе старшие королевны по куску яблока, и все трое тотчас опустили под землю, да так глубоко, что не слышать было и петушиного крика.

Вот наступил полдень, и король собрался уже идти к столу, но дочерей нигде найти не мог; он долго искал их и в замке и в саду, но всё понапрасну. Он был так опечален, что приказал объявить по всей стране, что тот, кто найдет его дочерей, возьмет любую из них себе в жены. И много тогда молодых людей пустилось на поиски, так как трех королевских дочерей все очень любили, — были они ко всем ласковы да лицом к тому же очень красивы. Среди прочих были три молодых охотника, и, проездив целую неделю, прибыли они к большому замку, а в замке том были красивые комнаты, и в одной из них был накрыт стол; стояли на нем разные вкусные яства, и все они были горячие, и шел от них еще пар, хотя во всем замке не было не слышно и не видно ни одной человеческой души. Просидели они там, дожидаясь, целых полдня, а кушанья все оставались горячими, и от них шел пар; они так проголодались, что сели и начали есть, да порешили между собой остаться жить в этом замке и кинуть жребий, кому в доме остаться, а кому ехать вдвоем на поиски королевских дочерей; так они и сделали; и выпал жребий остаться в замке старшему. На другой день двое младших отправились на поиски, а старший остался дома. Вдруг является в полдень маленький человечек и начинает его просить дать ему кусочек хлеба; взял тогда старший охотник хлеб, отрезал целый ломоть и подал ему, но маленький человечек его уронил и попросил, чтобы тот был так добр и подал ему этот кусок хлеба. Он согласился, и вот когда он нагнулся за хлебом, маленький человечек взял палку, схватил его за волосы и стал бить.

На другой день дома пришлось оставаться среднему — и с тем случилось то же самое. Вернулись охотники вечером домой, а старший и спрашивает среднего:

— Ну, как поживаешь?

— Ох, очень плохо! — Стали они тогда рассказывать один другому про свою беду, но младшему ничего о том не сказали, — они его не любили и всегда называли глупым Гансом, потому что он был не такой, как они.

На третий день дома оставаться пришлось младшему, и снова явился маленький человечек и стал просить дать ему кусочек хлеба; дал Ганс ему хлеба, а тот его снова уронил и стал просить, чтобы был он так добр и поднял бы кусок хлеба. Но младший сказал маленькому человечку:

— Что? Разве ты сам не можешь его поднять? Если ты не хочешь позаботиться о своем хлебе насущном, то ты недостойн его и есть.

Разозлился тогда человечек и сказал, что он должен ему поднять хлеб, но Ганс, не будь ленив, схватил человечка того за шиворот и здорово его отколотил. Стал тогда человечек кричать изо всех сил:

— Не бей меня, отпусти ты меня, — скажу я тебе тогда, где находятся королевны!

Услыхал это Ганс и перестал его бить. И рассказал ему тот человечек, что живет он, мол, под землей и что там их больше тысячи, и предложил ему идти вместе с ним, обещая ему указать, где находятся королевны. Привел он его к глубокому колодцу, но воды в нем не было. Рассказал ему человечек, что он доподлинно знает о том, что его приятели злое против него замышляют и что если он хочет освободить королевен, то должен сделать это один; что и его спутники тоже хотят отыскать королевен, но хотят они это сделать, не прилагая усилий и избегая опасностей; что должен он взять большую корзину, сесть в нее, взять с собой колокольчик и большой охотничий нож и спуститься вниз; а внизу находятся три комнаты, и в каждой из них сидит по королевне, а возле каждой из них лежит многоголовый дракон, и должен он тем драконам все головы отрубить.

Рассказал все это подземный человечек и исчез.

Наступил вечер, и вернулись два охотника и стали у него спрашивать, как ему дома пришлось, и он ответил, что было очень хорошо, — никаких людишек он не видел, а вот в полдень приходил-де маленький человечек, кусочек хлеба просил; и хлеба он ему дал, но тот человечек его уронил и стал просить, чтоб он его поднял и подал ему; но он сделать этого не захотел, и стал тогда человечек его бранить, а он его хорошенько отколотил, и человечек тогда ему рассказал, где находятся королевны. Услыхав о том, оба охотника так разозлились, что от злости прямо пожелтели да позеленели. На другое утро пошли они все к колодцу и бросили жребий, кто первый должен спуститься туда в корзине; и выпал жребий опять старшему. Сел он в корзину, взял с собой колокольчик и говорит:

— Когда я позвоню, тащите меня быстро наверх.

Только он начал спускаться, как зазвонил колокольчик, чтоб тащили его наверх. Тогда сел в корзину средний, но и с ним было то же. Вот наступил черед младшему, и спустили его на самый низ. Вышел он из корзины, взял свой большой охотничий нож, подошел к первой двери, остановился и стал прислушиваться; и услышал он, что дракон громко храпит. Тогда он медленно приоткрыл дверь, видит — сидит в комнате одна из королевен, а девятиглавый дракон положил головы ей на колени и стережет ее. Взял он тогда свой большой охотничий нож и отрубил с маху все девять голов. Тут королева вскочила и бросилась ему на шею, стала его обнимать и целовать; и сняла она с груди свое ожерелье, — а было оно из червонного золота — и надела ему на шею. И отправился он затем за второй королевной. Ее тоже стерег дракон с семью головами, и освободил он ее так же, как и младшую, которую сторожил дракон с четырьмя головами, и отрубил ему головы тоже. И стали они все его расспрашивать, обнимать и целовать без конца. Затем он стал звонить в колокольчик, пока его не услышали. И посадил он трех королевен одну за другой в корзину и велел всех их тащить наверх. Но пришел черед и ему наверх подниматься; тут он вспомнил слова подземного человечка, что приятели его замышляют против него недоброе. Взял он тогда большой камень, что лежал на дне колодца, и положил его в корзину; но когда корзина поднялась до середины, обрезали коварные охотники веревку, и упала корзина с камнем на дно колодца, и подумали они, что он разбился, и убежали с тремя королевнами, взяв с них обещание, что они скажут своему отцу, что освободили их, дескать, они. Вот пришли они к королю и стали его просить отдать им дочерей в жены.

А тем временем молодой охотник бродил, грустный и печальный, по трем комнатам, думая, что придется ему тут и помирать. Вдруг видит он — висит на стене флейта, и сказал он: «Зачем ты висишь здесь на стене, кому тут может быть весело?» Поглядел он на головы драконов и промолвил: «И вы тоже помочь мне ничем не можете». Расхаживал он по комнатам так долго, что весь земляной пол утоптал. Наконец пришли ему в голову другие мысли, и он снял со стены флейту и начал на ней играть; вдруг явилось множество подземных человечков, и с каждым звуком флейты их являлось все больше и больше; тогда он стал продолжать игру, пока вся комната не наполнилась человечками. Стали все они его спрашивать, чего он хочет, и он им ответил, что хотелось бы ему снова вернуться на землю, на белый свет поглядеть; и подхватили тогда они его, и каждый схватил его за один волос на голове, и так они его за волосы наверх из колодца и вытянули.

Когда он очутился на земле, то счастливо добрался к королевскому замку, где как раз в это время должна была состоять-

ся свадьба одной из королевен, и он направился прямо в комнату, где находился король со своими тремя дочерьми. Увидев его, они упали на пол без чувств. Разгневался король и велел посадить его тотчас в темницу, думая, что он причинил зло его дочерям. Но когда королевны снова очнулись, они стали просить своего отца, чтобы он освободил его из темницы. Король их спросил, почему они просят его об этом, и они ответили, что не смеют ничего о том ему рассказать. Тогда он велел, чтобы они рассказали о том печке. Вышел он из комнаты и стал у дверей подслушивать, и так узнал он обо всем. Велел он тогда тех двух охотников повесить, а третьему отдать свою младшую дочь в жены.

И надел я на свадьбу стеклянные башмаки, да споткнулся о камень, и — дзынь! — пришел им капут.

*Умная дочь
крестьянская*

Жил когда-то на свете бедный крестьянин; земли у него вовсе не было, и была у него всего лишь одна небольшая избушка да единственная дочка. Вот и говорит раз дочка отцу:

— Надо бы нам выпросить у короля хотя бы какой-нибудь кусок пустоши.

Услыхал король про их бедность и подарил им клочок луга. Перепахала она его вместе с отцом, и собрались они посеять на нем рожь да еще что-нибудь. Вспахали они почти уже все поле и вдруг нашли в земле ступку, а была она из чистого золота.

— Знаешь что, — сказал отец дочке, — господин король был к нам так милостив, что подарил нам эту землю. Давай отдадим мы ему за это золотую ступку.

Но дочь на это не согласилась и говорит:

— Батюшка, если есть у нас одна только ступка, а пестика нету, то с нас ведь потребуют еще и пестик, — лучше уж вы помолчите.

Но отец ее не послушался, взял ступку и отнес ее королю и сказал, что нашел ее на лугу, и спросил, не примет ли он ее от него в дар. Взял король ступку и спрашивает:

— А не находил ли ты еще чего?

— Нет, — ответил крестьянин.

И сказал король, чтоб доставил он ему и пестик. Крестьянин сказал, что такого они, мол, не находили, но этот ответ помог ему мало, — все равно, что говорить на ветер. И посадили его в темницу, чтобы сидел он там, пока пестика не достанет. Тюремщики приносили ему каждый день хлеб да воду — то, что в тюрьме полагается; и услышали тюремщики, как он все повторял про себя: «Ах, если б я послушался своей дочери! Ах, если б я послушался своей дочери!» Тогда пошли тюремщики к королю и доложили, что узник все кричит и повторяет: «Ах, если б я послушался своей дочери!» — а от пищи и питья отказывается. И приказал король тюремщикам привести узника к нему, и спросил его король, отчего это он все кричит: «Ах, если б я послушался своей дочери!»?

— Что же такое сказала твоя дочь?

— Да она сказала, чтоб я не относил вам ступки, а то требуют с меня еще и пестик.

— Если у тебя такая разумная дочь, то пускай она явится ко мне.

И вот пришлось ей идти к королю, и стал он спрашивать, так ли уж она и вправду умна; и сказал, что хочет задать ей одну задачу; если она ее решит, то он женится на ней. Она тотчас сказала «хорошо» и согласилась ее решить. Тогда король и говорит:

— Приходи ко мне не одетая и не голая, не верхом и не в повозке, не путем, а всё же дорогою, — если ты сможешь это выполнить, то я на тебе женюсь.

Вот пошла она, разделась совсем догола — и стала она не одетая; и взяла большую рыбацью сеть, стала в нее и укуталась ею — вот и не была она голая; наняла она себе за деньги осла и привязала ту сеть к ослиному хвосту, чтоб тащил он ее, — вот и не ехала она ни верхом, ни в повозке; а осел должен был тащить ее по колее, и касалась она земли одним только большим пальцем ноги — и вот шла она ни путем, ни без дороги. Вот явилась она, и король сказал, что задачу она решила и все выполнила как следует. Велел он тогда выпустить ее отца из темницы, взял он ее себе в жены и отдал в ее распоряжение всю королевскую казну.

Прошло несколько лет. И выехал однажды король на парад; и случилось, что крестьяне, распродав свои дрова, остановились со своими повозками у замка; иные повозки запряжены были волами, а иные лошадыми. И было у одного крестьянина три лошади, и одна из них с маленьким жеребенком; жеребенок убежал и лег между волами, запряженными в повозку. Сойдясь, крестьяне заспорили, задрались между собой и стали шуметь; тот, у кого были волы, хотел взять себе жеребенка, утверждая, что он-де родился от его волов, а другой сказал: «Нет, он от моих лошадей родился, и должен он остаться у меня». И дошел их спор до самого короля, и он вынес приговор: где лежал жеребенок, там он и должен остаться; и вот жеребенка получил крестьянин, который приехал на волах, а ему он и вовсе не принадлежал. И пришлось другому уйти ни с чем; заплакал он с горя о пропавшем своем жеребенке. И вот узнал он о том, что госпожа королева очень милостива, потому что сама родом из бедных крестьян; и он пошел к ней, стал ее просить, не может ли она ему помочь вернуть его жеребенка.

Она сказала:

— Ладно, если ты мне пообещаешь, что меня не выдашь, то я скажу, как надо сделать. Рано поутру, когда король будет проезжать на развод караулов, стань посреди улицы, где он будет следовать, возьми большой невод и делай вид, будто ловишь рыбу, и все продолжай тянуть сеть и вытряхивать, будто она полна рыбы,— и она объяснила ему, что должен он ответить, если король станет его спрашивать.

И вот на другой день крестьянин принялся ловить неводом рыбу на суше. Король, проезжая мимо, это увидел и послал своего гонца спросить, чем этот дурак там занимается. Тот ответил:

— Я рыбу ловлю.

А гонец спрашивает, как же он может ловить рыбу, когда нет воды. Тогда крестьянин сказал:

— Да так же, как от двух волов может родиться жеребенок, так вот и я ловлю рыбу на суше.

Гонец передал его ответ королю; и приказал король привести к нему крестьянина и объявил ему, что это не сам он придумал, и пусть, мол, тотчас сознается, кто его этому научил. Но крестьянин сознаваться не хотел и все говорил: «Да боже упаси! Сам я придумал!» Разложили его тогда на соломе и стали бить и пытать, пока он, наконец, не сознался, что этому научила его королева.

Воротился король домой и говорит своей жене:

— Зачем ты мне говоришь неправду? Отныне не хочу я, чтоб была ты моею женой; прошли твои денечки, ступай туда, откуда пришла,— в крестьянскую свою избенку.

Однако на прощание он дозволил ей взять с собой то, что всего ей дороже да милей.

И молвила она:

— Хорошо, мой милый муженек, если ты велишь, то я так и сделаю,— и она кинулась к нему в объятия, стала его целовать и сказала, что хотелось бы ей с ним как следует проститься. И она велела принести крепкого сонного зелья, чтоб выпить с ним напоследок; и выпил король весь кубок залпом, а она еле хлебнула. И вот вскоре впал он в глубокий сон; увидев это, она позвала слугу, взяла красивое белое покрывало, укутала в него короля и велела слугам вынести его и положить в карету и отвезла его тайком в свою избушку. Положила она его в свою постельку, и спал он целый день и целую ночь, а когда проснулся, огляделся и говорит:

— Ах, господи, где же это я?— и стал звать своего слугу, но никто не явился. Подошла, наконец, к постели жена и говорит ему:

— Мой милый король, вы мне велели, чтоб взяла я с собой из замка самое что ни на есть для меня дорогое да любимое, но нету для меня ничего дороже и милее на свете тебя,— вот и взяла я тебя вместе с собой.

Навернулись слезы на глаза у короля, и сказал он ей:

— Дорогая жена, ты должна быть моею, а я твоим,— и взял он ее снова в свой королевский замок и велел отпраздновать свадьбу еще раз; и живут, пожалуй, они и до нынешних дней.

Старый Гильдебранд

Жили-были когда-то крестьянин с крестьянкой, и пригласилась крестьянка сельскому попу; очень ему хотелось провести с той крестьянкой весь день в свое удовольствие, той этого тоже хотелось.

Ну, вот и говорит он раз крестьянке:

— Послушай, милая моя крестьянка, я теперь кое-что надумал, как нам с тобой вместе весь день провести в полном удовольствии. Знаешь что, ложись-ка ты в постель в ночь под среду да скажи своему муженьку, будто ты заболела, да только жалуйся и стони покрепче и делай этак до самого воскресенья, когда я проповедь читаю. А я скажу в своей проповеди, что ежели у кого в доме есть больной ребенок, или больной муж, или больная жена, или отец болен, мать больна или сестра, брат или кто другой из семьи, пускай тот отправится на богомолье на гору Геккерли в Вёлишланд, где можно за один крейцер купить целую осьмину лаврового листа, и тотчас у того выздоровеет больной ребенок, больной муж и жена больная, больной отец, больная мать, больная сестра или кто другой из семьи.

— Я так и сделаю, — сказала на это крестьянка.

Ну, после того под среду улеглась она в постель и стала на болезнь жаловаться, как никогда еще не жаловалась, и муж делал с ней все, что только знал, но ничто не помогало. Вот наступило воскресенье, а крестьянка и говорит:

— Мне так неможется, словно смерть моя подходит, и одного б мне хотелось перед своей кончиной — это послушать проповедь нашего господина пастора, которую он будет нынче читать.

— Ох, дитя мое, — сказал на это крестьянин, — не делай ты этого, а то может сделаться тебе еще хуже, ежели ты подынешься. Знаешь что, пойду-ка я на проповедь сам, внимательно ее выслушаю и все тебе перескажу, что скажет господин пастор.

— Ну, — сказала крестьянка, — ступай уж ты, но слушай внимательно и расскажешь мне все, что слышал.

Вот пошел крестьянин на проповедь; начал господин пастор читать проповедь и говорит:

— И ежели у кого имеется в доме больной ребенок или больной муж, больная жена или отец болен, мать больна или сестра, брат или кто другой из семьи, то пусть отправится тот на богомолье на гору Геккерли в Вёлишланд, где можно за один крейцер купить целую осьмину лаврового листа, — и тотчас выздоровеет у того больной ребенок, больной муж, больная жена, больно́й отец, больная мать, больная сестра, брат или кто другой из семьи; и кто пожелает предпринять такое странствие, должен после окончания мессы прийти ко мне, и я дам тому мешок для лаврового листа и крейцер.

Никто так не обрадовался, услышав это, как крестьянин. После окончания мессы направился он тотчас к попу, и тот дал ему мешок для лаврового листа и крейцер. Вернулся крестьянин домой и только вошел в двери, да как закричит:

— Хе-хе, милая женушка, теперь уж считай, что ты выздоровела! Господин пастор сказал нынче в проповеди, что ежели у кого в доме имеется больной ребенок или больной муж, больная жена, отец болен или больна мать, больна сестра, брат или кто другой из семьи и ежели тот отправится на богомолье на гору Геккерли в Вёлишланд, где целая осьмина лаврового листа стоит один крейцер, то выздоровеет у того больной ребенок, больной муж, больная жена, больной отец, больная мать, больная сестра, брат или кто другой из семьи. Я уж получил от господина пастора и мешок для лаврового листа и крейцер и сейчас же отправляюсь в дорогу, чтоб ты поскорей выздоровела.

И он ушел из дому. Но только он ушел, поднялась тотчас крестьянка с постели, и поп был уже тут как тут. Но теперь мы оставим их вдвоем, а сами пойдем вместе с крестьянином. Между тем он уже далеко отошел, чтоб поскорее взобраться на гору Геккерли; вот идет он, торопится и встречает на пути своего кума. А был его кум торговец яйцами и возвращался как раз с рынка, где продал яйца.

— Здорово! — говорит ему кум. — Куда это ты, куманек, так торопишься?

— Да вот, кум, во святые места, — отвечает крестьянин, — жена у меня заболела, а слышал я нынче в проповеди господина пастора, что ежели у кого в доме имеется больной ребенок или больной муж, больная жена, больной отец, больная мать, сестра больная, брат или кто другой из семьи, то пусть тот отправится на богомолье на гору Геккерли в Вёлишланд, где целая осьмина лаврового листа стоит один крейцер, — и выздоровеет у того враз больной ребенок, больной муж, больная жена, больной отец, больная мать, сестра больная, брат или кто другой из семьи; вот и взял я у господина пастора мешок для лаврового листа и крейцер и иду теперь на богомолье.

— Но послушай, куманек, — говорит кум крестьянину, — неужто ты такой простофиля, что всему этому поверил? Знаешь, в чем дело? Да ведь попу охота провести с твоей женой весь день вдвоем в полное свое удовольствие, потому они тебя и околпачили, чтоб ты им не мешал.

— Да что ты? — сказал крестьянин. — Хотел бы я проверить, правда ли это.

— Ну, — сказал кум, — знаешь что, садись-ка ты ко мне в корзину от яиц, а я тебя домой отнесу, и ты все сам увидишь.

Сказано — сделано; посадил кум крестьянина к себе в корзину и принес его домой. Как пришли они домой — го-го, как

там весело было! Зарезала крестьянка почти все, что у нее во дворе находилось, напекла пышек, и поп уже был тут как тут и притаился с собой скрипку. Постучался кум в дверь; спрашивает крестьянка, кто там такой.

— Кума, да это я,— говорит кум,— пустите меня нынче на ночлег, яйц-то я на рынке нынче не продал, приходится мне их домой тащить, а они-то ведь очень тяжелые, мне их не донести, да и на дворе уже темень какая.

— Да, куманек,— говорит крестьянка,— пришли вы что-то не вовремя. Ну, ничего не поделаешь, входите, забирайтесь на печь, на лежанку подальше.

Вот забрался кум со своею корзиной на печь; а поп и крестьянка были уже навеселе.

Вот поп и говорит:

— Слушай, голубушка, ты ведь умеешь петь так хорошо; спой-ка мне что-нибудь.

— Ах,— говорит крестьянка,— петь я уж теперь разучилась, вот в молодые годы умела я петь хорошо, а теперь это прошло.

— Э, да спой,— говорит снова поп,— хоть немножко. И начала крестьянка петь:

Я муженька, однако, ловко отослала
На гору Геккерли, теперь одна осталась.

А тут и поп за нею запел:

И хорошо б ему там целый год остаться,
Да все с мешком по Геккерли бы шляться.
Аллилуйя!

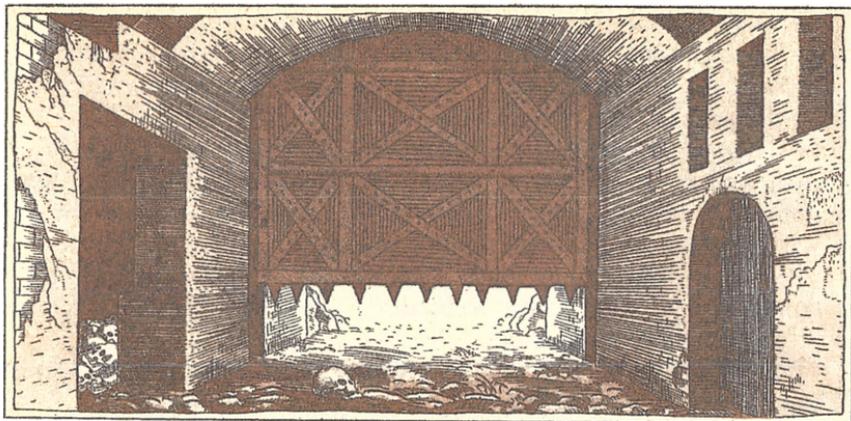
А там на печке и кум запел себе тоже (надо сказать вам, что звали крестьянина Гильдебрандом), затянул он песенку:

Гильдебранд, любезный мой,
Что ж, забрался ты на печку, дорогой?
Аллилуйя!

А там запел и крестьянин в корзине:

Таких я песенок не в силах больше вынести,
Хочу скорее из корзины вылезть.

Вылезает он из корзины и начинает попа бить, колотить; и прогнал его так из дому.

Живая вода

Жил когда-то король; был он больной, и никто уже не верил, что он сможет когда-нибудь выздороветь. А было у короля три сына; вот запечалились они из-за этого, сошли вниз в королевский сад и заплакали. Но повстречался им в саду какой-то старик, стал про их горе расспрашивать. Они ему говорят, что отец у них сильно болен, наверно, помрет, а помочь ему никак невозможно. А старик и говорит:

— Я знаю еще одно средство — это живая вода; если кто той воды напьется, то снова выздоровеет; но воду эту найти нелегко.

Старший сын и говорит:

— Уж я эту воду найду.

Пошел он к больному королю, начал его просить, чтоб тот отпустил его на поиски живой воды, что это только и может его исцелить.

— Нет, — сказал король, — это дело слишком опасное, уж лучше мне умереть.

Но сын долго его упрашивал, и, наконец, король согласился. А принц подумал в душе: «Принесу я ту воду, стану у отца самым любимым сыном и наследую королевство».

И он двинулся в путь-дорогу; проехал он некоторое время, глядь — стоит на дороге карлик. Карлик окликнул его и говорит:

— Куда это ты так торопишься?

— Глупый малыш, — гордо ответил принц, — тебе об этом незачем знать, — и поскакал дальше.

Разгневался маленький человечек и пожелал ему зла. Попал принц вскоре в горное ущелье, и чем дальше он ехал, тем все больше сходились горы, и наконец дорога стала такая

узкая, что дальше нельзя было и шагу ступить; невозможно было и коня повернуть или встать с седла; и вот очутился принц взаперти в скалах. Долгое время прождал его больной король, но он все не возвращался.

Говорит тогда средний сын:

— Отец, дозвоьте мне отправиться на поиски живой воды,— а сам про себя подумал: «Если брат мой умер, то королевство достанется мне».

Король поначалу тоже не хотел его отпускать, но наконец уступил его просьбам. Поехал принц той же дорогой, что и его брат, и тоже повстречался ему карлик, который его остановил и спросил, куда это он так торопится.

— Эх ты, малыш,— сказал принц,— о том знать тебе незачем,— и поскакал дальше, даже не оглянувшись.

Но карлик его заколдовал, и принц тоже попал, как и его брат, в горное ущелье и не мог двинуться ни назад, ни вперед. Так-то оно бывает с людьми высокомерными!

Не воротился назад и средний сын, и вызвался тогда идти на поиски живой воды младший сын, и пришлось королю в конце концов его отпустить.

Повстречал меньшой принц карлика, и тот спросил его тоже, куда это он так торопится. Принц остановил коня, поговорил с карликом, ответил ему на вопрос и сказал:

— Я ищу живую воду,— отец мой лежит при смерти.

— А ты знаешь, где найти ее?

— Нет,— ответил принц,— не знаю.

— Оттого, что ты держишь себя как следует и не чванишься, как твои лицемерные братья, я укажу тебе дорогу, как к живой воде добраться. Эта вода течет из родника во дворе заколдованного замка. Но ты туда пробраться не сможешь, если я не дам тебе железного прутика и двух маленьких коврижек хлеба. Ты ударь тем прутиком трижды в железные ворота замка, и они тогда распахнутся; лежат на дворе два льва, они разинут пасть, но если ты бросишь каждому из них по коврижке, они будут молчать; но ты не мешкай, набери себе живой воды, пока не пробьет полночь, а не то ворота закроются и ты окажешься там взаперти.

Поблагодарил его принц, взял прутик и коврижки и двинулся с тем в путь-дорогу.

Когда он прибыл туда, все было, как сказал ему карлик. Ворота распахнулись после третьего удара прутиком, и когда он задобрил львов хлебом, он проник в замок и вошел в большой прекрасный зал; а сидели в том зале зачарованные принцы. Поснимал он у них с пальцев кольца; и лежали тут же меч и хлеб, и он взял их с собой. Потом зашел он в комнату, и стояла там прекрасная девушка. Увидев его, она обрадовалась, поцеловала его и сказала, что он ее освободил от злых чар и мо-

жет теперь получить все ее королевство; а если он вернется через год назад, то они отпразднуют с ним свадьбу. Потом она сказала ему, где родник с живой водой, но что должен он торопиться и набрать из него воды, прежде чем пробьет полночь. Пошел принц дальше, зашел, наконец, в комнату, где стояла красивая, только что постеленная кровать; а был он утомлен, и захотелось ему немного отдохнуть. Он лег и уснул; а когда проснулся, пробило без четверти двенадцать. Он вскочил в испуге, побежал к роднику, зачерпнул воды в кубок, что стоял там, и поспешил скорее уйти. Только он вышел за ворота, как раз пробило двенадцать, и ворота захлопнулись так сильно, что оторвали ему кусок пятки.

Но ему было радостно и весело, что достал он живой воды, и он отправился домой. Пришлось ему проходить опять мимо карлика. Увидел карлик меч и хлеб и говорит:

— Ты добыл для себя великое благо: этим мечом ты можешь разбить целое войско, а этого хлеба тебе будет невпоед.

Не захотел принц домой возвращаться без своих братьев и говорит:

— Милый карлик, не можешь ли ты мне сказать, где находятся мои оба брата? Они отправились за живой водой и назад до сих пор не вернулись.

— Они сидят взаперти между двумя горами, — сказал карлик, — я там их заколдовал, оттого что были они такие надменные.

Стал принц упрашивать карлика и просил его до тех пор, пока тот их не выпустил. Но карлик его предостерег и сказал:

— Ты их берегись, у них злое сердце.

Явились его братья, он обрадовался им и рассказал, что с ним было, — как нашел он живую воду, что набрал ее полный кубок и освободил прекрасную принцессу; что будет она его ждать целый год, а потом они отпразднуют свадьбу и он получит большое королевство. Потом поехали они вместе и попали в такую страну, где были война и голод, и король той страны думал, что ему придется пропадать, так была велика опасность. Тогда пришел к тому королю принц, дал ему хлеба, и король накормил этим хлебом все свое королевство; дал принц ему меч, — он разгромил им войско врагов и мог с той поры жить в мире и спокойствии. Взял принц назад свой хлеб и меч, и трое братьев двинулись дальше. Но пришлось им побывать еще в двух странах, где царили война и голод; и принц давал королям каждый раз свой хлеб и меч, — и так он спас три страны. Потом сели братья на корабль и поплыли по морю.

Дорогой старшие братья говорят друг другу:

— Ведь меньшей брат нашел живую воду, а не мы; отец отдаст ему за это все королевство, а оно по праву принадлежит нам, он отымет у нас наше счастье.

И они порешили ему отомстить и условились между собой младшего брата погубить. Они выбрали время, когда он крепко уснул, вылили живую воду из кубка, забрали ее себе, а ему налили в кубок горькой морской воды.

Вернулись они домой, и принес младший сын больному королю свой кубок, чтобы тот выпил из него и стал бы здоров. Но только отпил он немного горькой морской воды, разболелся еще пуще прежнего. Стал он на болезнь жаловаться; тогда явились к нему старшие сыновья, начали младшего обвинять, будто хотел он отца отравить; принесли ему настоящей живой воды и подали ему напиток. Только он отпил той воды, как почувствовал, что болезнь у него прошла и стал он сильным и здоровым, каким был в молодые годы.

Пришли старшие братья к младшему, стали над ним насмеяться и говорят:

— Хотя ты живую воду и нашел и уж как старался, а награду-то за это получим мы. Надо было быть тебе поумней и смотреть в оба; мы ее у тебя забрали, когда ты уснул на корабле, а через год один из нас возьмет себе и прекрасную королеву. Но смотри, берегись, нас не выдай; ведь отец тебе не верит, и если ты скажешь хоть слово, заплатишься жизнью, а будешь молчать, то мы тебя помилуем.

Разгневался старый король на младшего сына: он поверил, что тот замышлял его погубить. И велел он собрать придворных, чтоб его судить, и было решено его тайно пристрелить. Выехал принц раз на охоту, ничего не подозревая дурного, и отправился с ним вместе королевский егерь. Они очутились в лесу совершенно одни, вид у егеря был такой грустный, и вот говорит ему принц:

— Что с тобой, милый мой егерь?

А егерь отвечает:

— Об этом сказать я не смею, а все-таки должен.

А принц говорит:

— А ты все мне скажи, я тебя прощу.

— Ах,— ответил егерь,— я вас должен убить, мне приказал это король.

Испугался принц и говорит:

— Милый егерь, оставь меня в живых; я дам тебе свою королевскую одежду, а ты дай мне взамен ее свою простую.

— Я это охотно сделаю,— сказал егерь,— все равно я стрелять бы в вас не мог.

И они обменялись одеждами. Воротился егерь домой, а принц направился дальше в лес. Спустя некоторое время прибыло к старому королю для его младшего сына три повозки золота и драгоценных камней; а были они присланы тремя ко-

ролями, что разбили своих врагов мечом принца и накормили свои королевства его хлебом. Подумал старый король: «Неужто мой сын ни в чем не повинен?» — и сказал своим слугам:

— Если бы сын мой остался в живых! Как я жалею, что приказал его убить.

— Он еще жив, — сказал егерь, — я не мог осилить своего сердца и выполнить ваше приказание, — и он рассказал королю все, как было.

Словно камень свалился с сердца короля, и он приказал оповестить по всем королевствам, что сын его может вернуться назад и будет им ласково принят.

Королева велела проложить перед своим замком дорогу, да чтоб была она вся золотая, блестящая, и сказала своим людям, что кто по дороге той будет скакать прямо к ней, тот и есть ее настоящий жених, и его должны пропустить, а кто будет ехать окольной тропой, тот ненастоящий жених, и чтоб они его не впускали.

Вот подошло время, и старший брат подумал, что надо скорее спешить к королевно и выдать себя за ее избавителя, и тогда он возьмет ее себе в жены и получит еще королевство в придачу. Он выехал и, подъезжая к замку, увидел прекрасную золотую дорогу и подумал: «Как жаль скакать по такой дороге», и он свернул с нее и поехал правой стороной, по обочине. Он подъехал к воротам, но люди сказали ему, что он ненастоящий жених и пусть, мол, уезжает себе отсюда. Вскоре после того собрался в путь-дорогу второй принц; он подъехал к золотой дороге, и только ступил конь на нее копытом, принц подумал: «Жалко такую дорогу сбивать», и свернул, поехал левой стороной, по обочине. Подъехал он к воротам, но люди сказали, что он ненастоящий жених, пускай, мол, себе уезжает отсюда. Как раз исполнился год, и собрался выехать из лесу к своей возлюбленной меньшей брат, чтоб вместе с ней развеять свое горе. Собрался он в путь-дорогу и все думал только про королеву, и так хотелось ему быть поскорее с нею, что не заметил он вовсе той золотой дороги. Поскакал его конь прямо посередине; вот он подъехал к воротам, распахнулись ворота, и радостно встретила его королева и сказала, что он — ее избавитель и всему королевству хозяин; и отпраздновали свадьбу в великом веселье и радости. Когда свадебный пир закончился, она сказала ему, что его отец приглашает его к себе и прощает. Он поехал к отцу и рассказал ему обо всем — как обманули его братья и как пришлось ему при этом молчать. Старый король хотел их казнить, но они сели на корабль и уплыли за море и с той поры так назад и не вернулись.

Доктор Всезнайка

Жил-был бедный крестьянин, звали его Рак. Повез он однажды на двух волах телегу дров в город и продал их за два талера одному доктору. Стали с крестьянином расплачиваться, и как раз в это время доктор сидел за столом; увидал крестьянин, как вкусно тот ест и пьет, и крепко ему захотелось, чтоб и у него все было так же и чтоб сделался он тоже доктором. Постоял крестьянин маленько и спрашивает, не может ли он тоже доктором сделаться.

— О! — сказал доктор, — дело это, конечно, можно быстро устроить.

— А что же я должен для этого сделать? — спросил крестьянин.

— Сперва ты купи себе букварь, есть такой, что спереди на картинке петух на нем нарисован; потом продай свою телегу и двух волов и купи на те деньги одежду и все, что к врачебному делу относится; в-третьих, закажи написать себе вывеску, чтоб на ней значилось: «Я — доктор Всезнайка», и вели прибить ее у себя над дверью.

Так крестьянин и сделал, как сказано ему было. Вот позанимался он лекарским делом некоторое время, но не так уж долго, и украли в то время у одного богатого и важного господина деньги. Рассказали ему про доктора Всезнайку, — что живет, мол, в такой-то деревне человек и может свободно узнать, куда деньги делись. Велел господин запрячь карету, поехал в ту самую деревню и спрашивает у крестьянина, не он ли будет тот самый доктор Всезнайка.

— Да, это я и есть.

— Так поедemте вместе со мной и отыщите мне украденные деньги.

— Что ж, ладно, но жена моя Грета должна ехать вместе со мной.

Господин на это согласился и велел их обоих усадить в карету, и они поехали вместе. Вот приехали они в помещичью усадьбу; стол уже был накрыт, и зовут доктора Всезнайку сперва вместе откушать.

— Да, но и жену мою Грету надо тоже позвать, — сказал он и уселся вместе с ней позади стола. Вот подходит первый слуга, приносит блюдо с богатой едой; тут крестьянин толкнул жену свою в бок и говорит:

— Грета, а это ведь первый.

Он хотел сказать, что это первый слуга, что блюдо принес. А слуга понял, что он будто хотел сказать: «Это, мол, и есть первый вор», и так как он и был им на самом деле, то испугался и рассказал во дворе своим товарищам:

— А доктор-то ведь все знает, нам плохо придется; он сказал, что я первый и есть.

Не хотелось второму слуге идти, но все же пришлось ему подавать. Входит он со своим блюдом, а крестьянин толкнул свою жену в бок:

— Грета, — говорит, — а это второй.

Стало слуге страшно, и он поспешил скорее уйти. Третьему слуге тоже пришлось не лучше, сказал крестьянин опять:

— Грета, а это вот третий.

Четвертому слуге пришлось нести накрытое блюдо; вот хозяин обращается к доктору, пусть-де покажет теперь свое искусство угадывать и скажет, что в этом блюде находится; а были там раки. Посмотрел крестьянин на блюдо и, не зная, как тут быть, говорит:

— Ах, бедный я Рак!

Услыхал это господин и воскликнул:

— Да, он отгадал: стало быть, знает, у кого и деньги находятся.

И стало слуге очень страшно, подмигнул он доктору, чтобы тот вышел к нему на минутку. Крестьянин вышел, — и соznались перед ним все четверо слуг, что деньги они украли; и рады, мол, будут все деньги ему отдать да в придачу еще крупную сумму обещали, если он их не выдаст, а не то их повесят. Повели они доктора туда, где лежали спрятанные деньги. Доктор остался этим доволен, вернулся в комнату, уселся за стол и говорит:

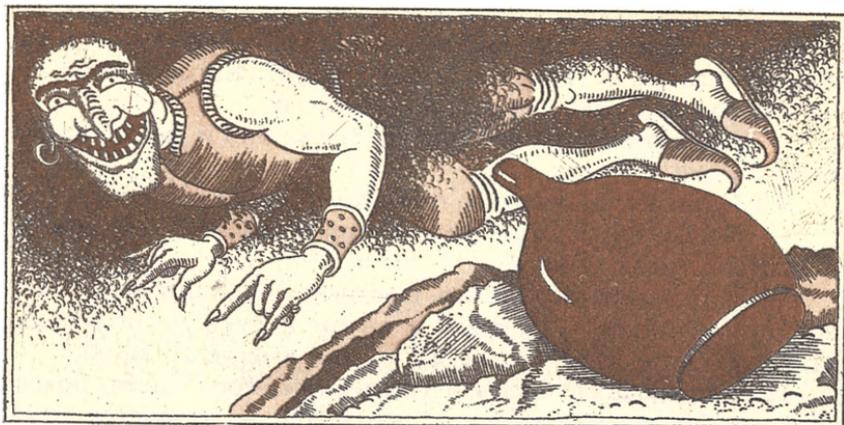
— Сударь, а теперь поищу я по своей книге, куда деньги девались. — А пятый слуга залез тем временем в печь, чтоб подслушать, не знает ли доктор чего еще. А доктор уселся, раскрыл свой букварь, начал его перелистывать да искать петушка на картинке. Но найти его сразу не мог, вот и говорит он:

— Ты ведь здесь, ну так вылазь.

И подумал тот, кто в печку забрался, что это сказано про него, высочил в большом испуге оттуда и завопил:

— Этот человек все знает!

Потом показал доктор Всезнайка господину, где деньги запряваны, но не сказал, кто их украл, и получил и с той и с другой стороны много денег в награду и стал весьма знаменит.

Дух в бутылке

Жил однажды на свете бедный дровосек, и работал он с утра до самой поздней ночи. Вот собрал он, наконец, немного денег и говорит своему сыну:

— Ты у меня одно-единственное дитя, и хочу я те деньги, что заработал кровавым потом, отдать на твое ученье; научишься ты чему-нибудь путному и будешь меня кормить на старости лет, когда стану я слаб и должен буду сидеть дома.

И поступил юноша в высшую школу, учился он в ней прилежно, и учителя его хвалили; и так пробыл он там некоторое время. Проучился он в двух школах, но всего, однако ж, чему там обучали, пройти он еще не успел, а тут и бедность настала, заработков отца не хватало, и пришлось ему снова домой вернуться.

— Эх,— молвил отец в огорчении,— дать я тебе больше ничего не могу, и при нынешней дороговизне и гроша-то ведь лишнего не заработаешь, разве что хватит только на хлеб насущный.

— Милый батюшка,— ответил сын,— вы о том не беспокойтесь; если на то воля господня, то все выйдет к лучшему; я уж что-нибудь да придумаю.

Вот собрался отец идти в лес, чтобы заработать немного на лесных работах, а сын ему и говорит:

— Пойду я с вами да вам помогу.

— Ладно,— сказал отец,— но тебе там трудненько придется: ты ведь к тяжелой работе непривычен, пожалуй, не выдержишь; да у меня и топор-то всего один, а лишних денег, чтоб купить другой, нету.

— А вы попросите у соседа,— ответил сын,— он одолжит вам топор, а там я себе и новый заработаю.

Занял отец топор у соседа, и на другое утро, только стало светать, отправились они вместе в лес. Сын помогал отцу и при этом не уставал, и работа шла как следует. Когда солнце стояло как раз над головою, отец и говорит:

— Давай отдохнем да пополдничаем, оно и работа пойдет потом лучше.

Взял сын кусок хлеба и говорит:

— Вы, батюшка, отдохните, а я не устал, я по лесу похожу да птичьих гнезд поищу.

— Э, да какой ты, однако, шустрый,— молвил отец,— чего тебе там шататься? Устанешь, а потом и руки не подымеешь; оставайся-ка ты лучше здесь да посиди вместе со мной.

Но сын не послушался и ушел в лес, поел хлеба, повеселел и стал на зеленые ветки заглядываться, не отыщется ли где какое гнездо. Так бродил он по лесу, пока, наконец, не подошел к большому старому дубу — должно быть, было ему уж несколько сот лет, и был он такой толстый, что куда побольше, чем в четыре обхвата. Он остановился, поглядел на него и подумал: «А на нем, пожалуй, не одна птица гнездо себе свила». И вдруг ему показалось, будто он слышит какой-то голос. Он насторожился и услышал чей-то глухой крик: «Выпусти меня, выпусти!» Осмотрелся он — никого не видеть, но ему показалось, будто доносится из-под земли чей-то голос. Тогда он крикнул:

— Эй, где ты?

И голос ответил:

— Я здесь, у самых корней дуба. Выпусти меня, выпусти!

Начал студент раскапывать землю под деревом и искать около корней, и вот, наконец, наткнулся он в маленькой ямке на стеклянную бутылку. Он поднял ее, посмотрел на свет и увидел, что в ней что-то прыгает, похожее на лягушку.

— Выпусти меня, выпусти! — услышался голос снова, и студент, не предполагая ничего плохого, вынул пробку.

И вышел тотчас оттуда дух и стал расти, и рос он так быстро, что в несколько мгновений уже стояло перед студентом отвратительное чудовище вышиной с полдерева.

— Знаешь ли ты, — закричал он страшным голосом, — какая награда тебе будет за то, что ты меня выпустил?

— Нет, — ответил студент, — откуда ж мне знать об этом?

— Так вот я тебе скажу, — крикнул дух, — я тебе за это шею ломаю!

— Чего же ты мне раньше-то об этом не сказал? — ответил студент. — Уж я бы тогда там тебя и оставил; а голова-то моя перед тобой устоит, вот хоть людей об этом спроси.

— Да что все у людей да у людей спрашивать,— закричал дух,— заслуженную тобой награду ты должен получить. Ты думаешь, что это я из милости был заперт так долго в бутылке? Нет, это было в наказание; я—могущественный Меркурий, и кто меня освободит, тому я должен сломать шею.

— Эй ты, потише,— ответил студент,— так быстро дело не пойдет; сначала мне надо узнать, и вправду ли ты сидел в бутылке, и действительно ли ты настоящий дух. Если ты сможешь снова залезть в бутылку, тогда я тебе поверю, а потом уже можешь делать со мной что хочешь.

Дух высокомерно ответил:

— Да что тут уметь! Дело это простое,— и он свернулся, сделался таким тонким и маленьким, каким был раньше, и пролез снова в горлышко бутылки. Только он туда забрался, а студент взял и тотчас заткнул бутылку пробкой и бросил ее под корни дуба на прежнее место. Так и обманул он духа. И собрался идти студент назад к своему отцу, а дух как завопит, да так жалобно-прежалобно:

— Ах, выпусти ты меня, выпусти!

— Нет,— ответил ему студент,— во второй раз я тебя уже не выпущу; кто хотел меня жизни лишить, того уж если я поймал, то не выпущу.

— Если ты меня отпустишь,— закричал дух,— то дам я тебе столько, что на всю жизнь хватит.

— Нет,— ответил студент,— ты меня опять, как первый раз, обманешь.

— Упустишь ты свое счастье,— сказал дух,— я ничего дурного тебе не сделаю, а награжу тебя щедро.

Студент подумал: «Пожалуй, попробую, может, и вправду сдержит он слово, придирайтесь ко мне, пожалуй, ему не за что». И вот он вынул пробку,— и поднялся дух из бутылки, как в прошлый раз, вытянулся и стал ростом с великана.

— Ну, теперь получай свою награду,— сказал он и подал студенту небольшой лоскут вроде пластыря и говорит:

— Если потрешь ты одним концом рану, то она заживет, а потрешь ты другим концом сталь или железо, обратится оно в серебро.

— Надо будет сначала проверить,— ответил студент; подошел к дереву, разрубил топором кору и потер ее одним концом лоскута — и тотчас кора затянулась и срослась.— Ну, вижу, что все это правильно,— сказал он духу,— а теперь мы можем с тобой и расстаться.

Дух поблагодарил его за освобождение, а студент поблагодарил духа за его подарок и отправился к своему отцу.

— Где это ты шатался? — спросил его отец. — А о работе и забыл. Ну, не говорил ли я, что она будет тебе не под силу.

— Да вы, батюшка, будьте спокойны, я уж наверстаю.

— Да что уж наверстывать, — молвил сердито отец, — дело это для тебя неподходящее.

— А вот, батюшка, посмотрите, — как ударю я это дерево, так оно и затрещит.

Взял он свой лоскут, натер им топор и ударил со всего маху; но железо превратилось в серебро, а лезвие все погнулось.

— Эх, батюшка, посмотрите, какой вы мне плохой топор дали, он весь погнулся.

Испугался отец и говорит:

— Ах, что же ты наделал! Придется теперь мне за него платить, а чем же платить-то? Вот она польза от твоей работы!

— Не сердитесь, — ответил сын, — за топор уж я сам заплачу.

— Ах, дурень ты, чем же ты будешь платить-то? У тебя ведь только и есть, что я тебе даю; вот она, студенческая твоя премудрость, которой ты себе голову набил, а что до того, чтобы дерево срубить, в этом ты ничего не смыслишь.

Ну, тут студент и говорит отцу:

— Работать я больше не в силах, давайте лучше вечером пирушку устроим.

— Да что ты в самом деле! — говорит отец. — Думаешь, мне одно только и останется, что засунуть руки в карманы, как делаешь это ты? Нет, мне надо еще поработать, а ты можешь домой убираться.

— Отец, да я ведь в первый раз здесь в лесу, дороги мне одному не найти, пойдете вместе со мной.

Ну, гнев у отца поутих, уговорил сын отца, и пошли они вместе домой. Вот и говорит отец сыну:

— Ступай продай сломанный топор, увидишь, что тебе за него дадут; а остальные деньги придется мне заработать, чтобы уплатить соседу за топор.

Взял сын топор и отнес его в город к золотых дел мастеру. Тот взял его, сделал пробу, положил на весы и говорит:

— Цена ему будет четыреста талеров, но денег у меня таких сейчас при себе нету.

А студент говорит:

— Уплатите мне то, что у вас есть, а остальное останетесь должны. — И дал ему золотых дел мастер триста талеров, а сто остался должен. Воротился студент домой и говорит:

— Ну, отец, деньги теперь у меня завелись; пойдите спросите, сколько сосед за топор хочет.

— Да я и без того знаю,— ответил старик,— один талер и шесть грошей.

— Так вот, дайте ему два талера и двенадцать грошей, будет это как раз вдвое, и с него хватит; глядите — денег у меня достаточно.

Он дал отцу сто талеров и говорит:

— Недостатка в них теперь у вас никогда не будет, живите себе в свое удовольствие.

— Боже ты мой,— сказал старик,— как же это ты так вдруг разбогател?

И рассказал сын ему все, что случилось и как, понадеявшись на свое счастье, получил он такую богатую добычу. Взяв остальные деньги, отправился он снова в высшую школу и продолжал учиться дальше, а так как умел он лечить своим пластырем всякие раны, то и стал самым знаменитым доктором в мире.

Черт чумазый брат

Одному отставному солдату жить было нечем, и не знал он, как ему из такой беды выпутаться. Вот отправился он в лес, прошел немного и повстречал маленького человечка, а то был черт. И сказал ему человечек:

— Что это с тобой? Вид у тебя что-то невеселый.

Ответил ему солдат:

— Да вот есть хочется, а денег нету.

Черт и говорит ему:

— Пойдешь ко мне в услуженье — хватит тебе на весь твой век; а служить ты мне должен семь лет, и после того снова будешь ты человеком вольным. Только вот что я тебе скажу: ты не должен ни мыться, ни чесаться, ни сморкаться, ни стричься, ни обрезать ногтей и глаз не протирать.

Солдат говорит:

— Ну, что ж делать тогда, коли воли твоя,— и пошел за человечком, и повел его тот прямехонько в ад. И сказал ему черт, что он делать обязан: должен он под котлами огонь разводить, где грешники сидят, дом держать в чистоте да сор выносить за порог и всюду следить за порядком. Но если он заглянет хоть раз в котел, то плохо ему придется. Солдат сказал:

— Ладно, уж я постараюсь.

И отправился старый черт снова странствовать по свету, а солдат приступил к исполнению своих обязанностей: стал огонь разводить, пол подметать, сор выносить за порог — все, как было ему велено. Вернулся старый черт, посмотрел, все ли исполнено, остался доволен и ушел снова. Оглянулся солдат, поглядел хорошенько, видит — расставлены кругом котлы в аду, пылают под ними сильный огонь, и варится в них что-то да клокочет. Жизнь бы отдать солдат готов, лишь бы в них заглянуть, но запретил ему строго-настрого черт это делать. Но вот, наконец, он не мог удержаться, поднял слегка крышку первого котла и заглянул в него. И увидал он, что сидит в нем бывший его унтер-офицер.

— Ага, голубчик,— сказал солдат,— вот куда ты попал! Прежде я был в твоих руках, а теперь ты у меня,— и быстро опустил он крышку, стал раздувать огонь и подложил еще дров. Подошел он затем ко второму котлу, поднял слегка крышку, заглянул, видит — а в нем прапорщик.

— Ага, голубчик, вот ты куда попал! Прежде я был в твоих руках, теперь ты у меня,— закрыл солдат крышку и принес полено, чтоб тому еще жарче было. Захотелось солдату посмотреть, кто же это в третьем котле сидит, а там — сам генерал.

— Ага, голубчик, вот куда ты попал! Прежде я был у тебя в руках, а теперь ты у меня,— и принес солдат мехи, стал раздувать огонь, и запылало адское пламя под ним пуще прежнего. Так нес солдат свою службу в аду целых семь лет, не мылся, не чесался, не сморкался, не стригся, ногтей не срезал и глаз не протирал; и прошло семь лет так быстро, что ему показалось, что минуло только полгода. Когда окончился срок службы, пришел черт и говорит:

— Ну, Ганс, что ты здесь делал?

— Раздувал я огонь под котлами, пол подметал да сор выносил.

— Нет, ты и в котлы заглядывал; счастье твое, что ты подкладывал дров, а то бы теперь тебе пропадать; что ж, срок твой прошел, хочешь домой вернуться?

— Да,— сказал солдат,— хотелось бы мне поглядеть, что там дома отец мой делает.

Черт говорит:

— Так вот, получай свое жалование: иди да набери себе мусору в ранец и возьми его с собой. А должен ты идти домой неумытый и нечесанный, с длинными волосами на голове и на бороде, с неостриженными ногтями и грязными глазами, а если тебя кто спросит, откуда, мол, идешь, то скажи: «Из ада», а если кто спросит, кто ты таков, должен ответить: «Чертов чумазый брат и сам себе король».

Ни слова не сказал солдат и сделал то, что велел ему черт, но жалованьем своим он остался совсем недоволен.

Попал он снова наверх, в лес, снял свой ранец со спины и хотел было вытряхнуть из него мусор; но только он его открыл — и превратился весь мусор в чистое золото.

— Этого я уж никак не думал, — сказал он, остался доволен и пошел в город.

У ворот гостиницы стоял хозяин, и когда он заметил солдата, то испугался: Ганс выглядел прямо каким-то страшилищем, хуже, чем пугало на огороде. Подозвал его хозяин гостиницы к себе и говорит:

— Откуда ты идешь?

— Из ада.

— А кто ты таков?

— Чертов чумазый брат и сам себе король.

Не хотел было хозяин его впускать, но как показал он ему золото, то сам и двери перед ним распахнул. Велел Ганс отве- сти ему самую лучшую комнату да прислуживать ему как следует, поел досыта и попил, но, однако, не мылся, не чесался, как и велел ему черт, и лег, наконец, спать. А хозяину все виделся перед глазами ранец, полный золота, и не давал он ему покоя, пока не забрался он ночью к солдату и не украл у него тот ранец.

Встал на другое утро Ганс, хотел было заплатить хозяину деньги и идти дальше, но видит, что ранец куда-то пропал. Он спохватился и подумал: «Вот без вины в беду-то попал», — и вернулся он снова прямою дорогой в ад; пожаловался он старому черту на свое несчастье и стал просить его о помощи. Черт сказал:

— Садись, я умою тебя, причешу, нос утру, волосы и ногти постригу и глаза протру.

Кончил он это дело и дал ему снова ранец, полный мусора, и говорит:

— Ступай да скажи хозяину, чтоб отдал он твое золото назад, а то я сам к нему приду и отведу его в ад, и будет он вместо тебя огонь раздувать.

Поднялся Ганс из ада и говорит хозяину:

— Ты украл у меня золото; если не вернешь его мне назад, придется идти тебе в ад на мое место, и станешь ты таким же страшилищем, как и я.

И отдал хозяин ему золото да еще дал в придачу, и просил его никому о том не говорить, и стал Ганс теперь человеком богатым.

Отправился он в путь-дорогу домой, к своему отцу, купил себе, чтобы было во что одеться, дешевенькую куртку, стал по дороге музыкой заниматься, а музыке той научился он у черта в аду. А жил в той стране старый король; и стал Ганс перед ним играть; и понравилась очень королю его музыка, и обещал он ему в жены свою старшую дочь. Но как услышала она о том, что должна выходить замуж за простого человека в полотняной куртке, сказала:

— Уж лучше мне в омут глубокий броситься, чем идти замуж за него.

И отдал тогда король ему свою младшую дочь в жены, и та из любви к своему отцу согласилась. И вот получил чертов, чумазный брат королевскую дочь в жены, а когда умер король, то и все его королевство.

Медвежатник

Жил-был однажды молодой парень; нанялся он в солдаты, и был храбрый и всегда первый там, где пули сыпались градом. Пока продолжалась война, все шло хорошо, но вот заключили мир, и получил солдат чистую отставку, и сказал капитан, что может он теперь отправляться куда ему вздумается. А отец и мать у солдата умерли, и не было у него теперь родного дома; вот и пошел он к своим братьям и попросил их ему по-

мочь, пока начнется опять война. Но было у братьев сердце жестокое, и они сказали:

— Что нам с тобой делать? В работники ты нам не нужен; ты уж сам рассуди, как тебе на свете прожить.

А было у солдата всего одно лишь ружье, взял он его на плечи и решил идти куда глаза глядят. Подошел он к лесным местам, и куда ни глянешь — все одни деревья кругом стоят. Сел он под деревом, запечалился и стал про судьбу свою раздумывать. «Денег у меня нету, — подумал он, — обучен я одному лишь военному ремеслу, а сейчас мир заключен, и стал я никому не нужен; вижу наперед, что мне с голоду пропадать придется». Вдруг услышал он шум, огляделся, видит — стоит перед ним какой-то незнакомец, зеленый на нем камзол, выглядит на вид прилично; но вместо ноги у него грубое лошадиное копыто.

— Я уж знаю, чего тебе недостает, — сказал человек, — денег и добра будет у тебя вдосталь — столько, сколько донести будешь в силах; но надо мне сперва испытать, не будешь ли ты боязлив, а то зачем мне деньги свои давать понапрасну.

— Солдат и страх — это одно с другим не вяжется, — ответил солдат, — а впрочем, ты можешь меня испытать.

— Хорошо, — ответил человек, — оглянись-ка назад.

Обернулся солдат, видит — двигается на него, рыча, большой медведь.

— Ого! — крикнул солдат. — Я тебя по носу пощечочу, и пропадет у тебя охота рычать! — Он приложил ружье и выстрелил прямо медведю в нос. Рухнул медведь на землю и не пошевелился.

— Я вижу, — сказал незнакомец, — храбрости у тебя достаточно; но есть у меня еще одно условие, и ты должен его выполнить.

— Если это мне не помешает остаться праведником, — ответил солдат, который прекрасно понял, с кем он имеет дело, — а то я ни за какие блага на свете не соглашусь.

— Это ты сам поймешь, — ответил зеленый камзол. — За эти семь лет ты не должен мыться, бороды и волос не причесывать, ногтей не обрезать и «Отче наш» не читать. Дам я тебе камзол и плащ, и будешь ты их это время носить. Если за эти семь лет ты умрешь, то будешь ты мой, а останешься в живых, будешь свободен, да к тому же всю мою жизнь богат.

Вспомнил солдат про свою большую нужду и что не раз приходилось ему со смертью встречаться, вот и решил он и на сей раз отважиться, — и согласился. Снял черт свой зеленый камзол, подал его солдату и сказал:

— Будешь этот камзол носить, и если сунешь руку в карман, будет в нем всегда денег полно.

Содрал он с медведя шкуру и говорит:

— Пусть она будет тебе вместо плаща и подстилки для спанья: ты должен на ней спать и ни на какую другую постель не ложиться. По этой одежде будут тебя называть медвежатником. — С тем черт и исчез.

Натянул солдат камзол, мигом руку в карман сунул и глядь — дело вышло правильное. Накинул он на себя медвежьей шкуру и пустился в путь-дорогу. В настроении он был хорошим и ничего не пропускал такого, что казалось ему приятным, ну и денег он не жалел, конечно. В первый год дела шли ничего, а на второй год он стал уже выглядеть, как чудовище. Волосы покрывали почти все лицо, борода была похожа на кусок грубого войлока, на пальцах отросли когти, а лицо было у него настолько покрыто грязью, что ежели бы посеять на нем салат, то он непременно взошел бы. Кто его видел, тот от него убегал, но так как он всюду раздавал деньги бедным людям и те за него молились, чтобы за эти семь лет он не помер, то он всегда находил себе пока что приют. На четвертом году он зашел как-то в харчевню, но хозяин не хотел его принимать и даже не пустил его и на конюшню, чтоб лошадей не испугать.

Но когда медвежатник полез в карман и достал полную пригоршню дукатов, то хозяин смягчился и дал ему комнату во флигеле; однако он взял с него обещанье никому на глаза не показываться, — чтоб не пошла о его гостинице дурная молва.

Вот сидел медвежатник вечером один и от всего сердца желал, чтоб поскорей прошли эти семь лет. Вдруг услышал он в соседней комнате громкие стоны. А сердце было у него жалостливое, он открыл дверь и увидел какого-то старика, который плакал навзрыд и заламывал над головой руки. Подошел медвежатник поближе, но человек вскочил, собираясь убежать. Услыхав человеческий голос, он смутился, но медвежатнику удалось ласковыми речами успокоить его, и тот объяснил ему причину своего горя. Старик рассказал, что он мало-помалу промотал свое имущество, и теперь ему с дочерьми приходится терпеть нищету, что он так беден, что даже не в состоянии расплатиться с хозяином гостиницы и должен быть за это посажен в тюрьму.

— Ежели в этом все ваше горе, — сказал медвежатник, — то денег у меня хватит.

Он велел позвать хозяина, уплатил ему и сунул в карман несчастному вдобавок еще полный кошелек золота.

Старик понял, что он ото всех бед избавился, и не знал уж, как его и отблагодарить.

— Пойдем вместе со мной, — сказал он ему, — у меня дочери красоты неописанной, выбирай себе одну из них в жены. Если дочь услышит, что ты для меня сделал, она отказываться не станет. Правда, вид у тебя несколько странный, но она уж тебя приведет в порядок.

Это медвежатнику очень понравилось, и он пошел вместе с ним.

Увидела его старшая дочь и, посмотрев на его лицо, так ужаснулась, что даже вскрикнула и убежала. А средняя хотя и осталась, но разглядывала его с ног до головы, а потом сказала:

— Как мне взять себе мужа, потерявшего человеческий облик? Мне бы уж больше понравился бритый медведь, которого я однажды видела и который выдавал себя за человека: на том по крайней мере была гусарская шинель и белые перчатки. Если бы он был только уродлив, то я могла бы к нему, пожалуй, привыкнуть.

Но самая младшая сказала:

— Милый батюшка, это человек, должно быть, хороший, раз он выручил вас из беды. Если вы за это пообещали ему невесту, то слово надо сдержать.

Жаль, что лицо у медвежатника было покрыто грязью и заросло волосами, а то можно было бы увидеть, как запрыгало сердце у него от радости, когда услышал он эти слова. Он снял кольцо с пальца, переломил его надвое, дал ей половину, а другую у себя оставил. И написал на ее половине свое имя, а на своей половине ее имя, и просил хранить бережно свою часть кольца. Он стал собираться в дорогу и сказал на прощанье:

— Мне надо странствовать еще три года, и если я не вернусь, то ты свободна и считай, что я умер. Но проси господ бога, чтоб он сохранил мне жизнь.

Оделась бедная невеста во все черное, и когда думала про своего жениха, у нее на глазах выступали слезы. От своих сестер терпела она одни только насмешки и издевательства. «Ты ж не забудь, — говорила старшая, — когда будешь протягивать ему руку, он ударит тебя лапой». «Берегись, — говорила средняя, — медведи — они любят сладкое; если ты ему понравишься, он тебя съест». «Ты всегда должна исполнять его волю, — продолжала старшая, — а не то начнет он рычать». А средняя говорила: «А свадьба-то будет какая веселая! Медведи — они здорово умеют плясать!»

Невеста молчала и сбить с толку себя не позволила. А медвежатник странствовал тем временем по свету из одного места в другое, где мог — делал людям добро и щедро помогал беднякам, чтоб они за него молились. Наконец, когда наступил по-

следний день этих семи лет, он вошел снова в лес и сел под деревьями. Вскоре засвистел ветер, явился перед ним черт и поглядел на него с укоризной. Кинул ему потом старый камзол и потребовал у него назад свой зеленый.

— На этом дело еще не кончилось, — сказал охотник, — ты должен сначала меня помыть и почистить.

И хотелось ли черту или нет, а пришлось ему принести воды, обмыть медвежатника, волосы ему причесать и ногти обрезать. И стал он после того выглядеть, как храбрый воин, и стал куда красивей, чем прежде.

Черт, к счастью, убрался, и у медвежатника сделалось на сердце легко. Пошел он в город, заказал себе красивый бархатный камзол, сел в карету, запряженную четверкой сивых коней, и направился к дому своей невесты. Его никто не узнал, а отец принял за важного полководца и повел в комнату, где сидели его дочери. Вышло так, что усадили его как раз между двумя старшими; они налили ему вина, положили ему самые лучшие кушанья, порешив, что более красивого человека на свете им ни разу не приходилось видеть. А невеста, та сидела напротив него в черном платье. Она ни разу не глянула и слова не вымолвила. Наконец он спрашивает у отца, согласен ли тот выдать одну из своих дочерей за него замуж; тут вскочили обе старшие, убежали к себе в комнату, собираясь надеть самые роскошные платья; каждая из них воображала, что она и есть та самая, которую он избрал. Но только незнакомец остался наедине со своею невестой, тотчас достал половину кольца и бросил его в кубок с вином и подал ей через стол. Она взяла кубок, выпила и нашла на дне половину кольца, и сердце у ней так и забилося. Достала она другую половину кольца, которую носила на ожерелье, приложила ее к той, и оказалось, что обе части как раз пришлись одна к другой.

И сказал он:

— Я твой обрученный жених, которого ты видела в образе медвежатника; но по милости божьей вернулся ко мне снова мой человеческий вид, и я стал опять чистым.

Он подошел к ней, обнял ее и поцеловал. Тем временем явились обе сестры в полном наряде, но увидев, что красавец достался младшей, и узнав, что это был медвежатник, они в гневе и ярости выбежали из комнаты; и одна утопилась в колодце, а другая повесилась на дереве.

Вечером кто-то постучался в дверь; открывает жених и видит, что это черт в зеленом камзоле; и говорит черт:

— Вот видишь, теперь мне досталось две души вместо твоей одной.

Королек и медведь

Однажды летней порою пошли медведь и волк в лес погулять. Услыхал медведь прекрасное пение какой-то птицы и говорит:

— Братец-волк, что это за птица, которая так прекрасно поет?

— Тише! Это король всех птиц,— сказал волк,— перед ним мы все должны преклоняться.

А то был королек.

— Если это так и есть,— сказал медведь,— мне хотелось бы поглядеть на его королевский дворец, проводи меня туда.

— Это не так-то просто, как ты думаешь,— сказал волк,— надо подождать, пока прибудет госпожа королева.

А вскоре явилась и госпожа королева, принесла в клюве корм, потом явился и сам король, и стали они кормить своих птенчиков. Захотелось медведю поскорей подкрасться, но волк схватил его за рукав и говорит:

— Нет, надо будет подождать, пока господин король и госпожа королева уйдут.

Заприметили волк с медведем хорошо ту впадину, где находилось гнездо, а потом убежали оттуда. Но не было медведю покоя,— хотелось ему посмотреть на королевский дворец, и он пошел туда вскоре опять. А в это время король и королева далеко улетели. Заглянул медведь в гнездо, видит — лежат в нем пятеро или шестеро птенцов.

— Вот это и есть королевский дворец? — воскликнул медведь. — Ну, и неказистый же дворец! А вы и вовсе не королевские дети, а подкидыши.

Услыхали это молодые корольки, страшно рассердились и как запищат:

— Нет, мы вовсе не подкидыши! Наши родители люди честные. Медведь, ты за это еще заплатишься.

Стало медведю и волку страшно, они вернулись и засели в своих норах. А молодые корольки продолжали шуметь

и кричать во все горло; вот родители принесли им опять корм, а они говорят:

— Не станем мы есть мушинных ножек, даже к ним и не прикоснемся, лучше с голоду пропадем, пока не будет решено, законные мы дети или нет. Был тут медведь и нас оскорбил.

Сказал тогда старый король:

— Ну, успокойтесь, мы с этим делом покончим!

И он полетел с госпожой королевой к медвежьей берлоге и закричал у самого лаза:

— Эй, старый ворчун-медведь, ты зачем оскорбил моих детей? Плохо тебе за это придется. Надо дело решать кровавой войной.

Итак, объявлена была медведю война, и призваны были им все четвероногие звери: бык, осел, корова, олень, косуля и все остальное зверье, что населяет землю. А королек призвал всех и все, что летает в воздухе, — не только птиц больших и малых, но и комаров, шершней, пчел и мух, — все должны были слететься.

Подшло время, когда должна была начаться война; и выслал тогда королек разведчиков — узнать, кто у врагов главный генерал-командир. Комар, самый хитрый из всех, стал летать по лесу, где собирались враги, и, наконец, уселся на дерево под листком, там, где давали боевой пароль. Вот поднялся медведь, кликнул лиса и говорит:

— Лис, ты самый хитрый из всех зверей, ты должен быть генералом и вести нас на войну.

— Хорошо, — говорит лис, — но какие же знаки отличия вы мне дадите?

Но никто этого не знал. Тогда сказал лис:

— У меня красивый длинный пушистый хвост, и он похож точь-в-точь на рыжий султан. Если я хвост буду держать вверх — то, значит, дело идет хорошо, и вы маршируйте прямо за мной; а если я хвост опущу вниз — то бегите со всех ног куда глаза глядят.

Услыхал это комар, прилетел домой и передал королю обо всем в точности.

Вот наступил день, когда должно было начаться сражение, и — туп-туп-туп! — прибежало-посбежалось с шумом четвероногое зверье, аж земля дрожала. Прилетел и королек по воздуху со своим войском; и жужжал, и вопил, и гудел воздух — аж страшно, ой, как страшно становилось всякому! Они двинулись с двух сторон друг на друга.

Выслал королек вниз шмеля, тот должен был сесть лису под хвост и укусить его изо всех сил. Получил лис первый укус, вздрогнул, поднял ногу, но все-таки вытерпел и продолжал держать хвост высоко. Но при втором укусе пришлось ему хвост враз опустить; а третьего не мог он выдержать, закричал

и поджал хвост между ног. Увидали это звери, подумали, что все пропало, и пустились бежать наутек, каждый в свою нору. И птицы выиграли сражение.

Полетели тогда король и госпожа королева домой к своим деткам и закричали:

— Радуйтесь, дети, ешьте и пейте в свое удовольствие, мы на войне победили!

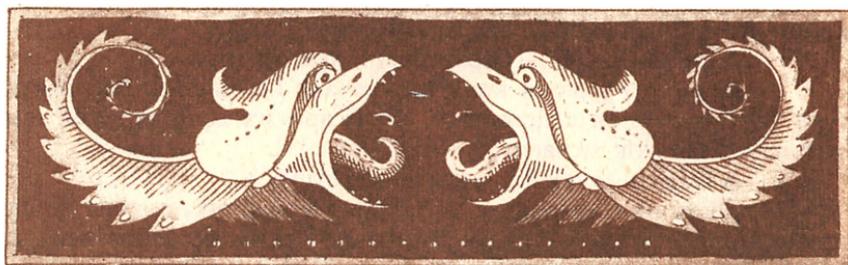
Но молодые корольки сказали:

— Нет, не станем мы есть до тех пор, пока медведь не придет к гнезду и не скажет, что мы — законные дети.

И полетел король, подлетел к самому лазу медвежьей берлоги и как крикнет:

— Эй, медведь-ворчун, ступай к гнезду моих деток, просить у них прощенья и сказать, что они законные дети, а не то все ребра тебе поломаю!

И пополз медведь туда в великом страхе и попросил прощенья. Только тогда и успокоились молодые корольки, уселись все рядышком, стали есть и пить и веселились до самой глубокой ночи.

Умные люди

Достал раз крестьянин из угла свою толстенную палку, а была

она вырезана из граба, и говорит жене:

— Трина, я пойду далеко, вернусь назад этак дня через три. Если зайдет к нам торговец скотом и захочет купить три наших коровы, можешь продать их, но только за двести талеров, никак не меньше. Слышишь?

— Ступай с богом! — ответила жена. — Уж я так и сделаю.

— Ты уж молчи! — сказал муж. — Тебя словно кто в детстве пришиб, такой ты и до сих пор осталась. Но смотри, наделаешь глупостей, размалюю я тебе спину досиня, и без

всякой этой краски, а одной только палкой, вот этой самой, что у меня в руке, будут полосы целый год держаться, ты уж мне в этом поверь! — С этими словами крестьянин отправился в путь-дорогу.

На другое утро приходит торговец. Ну, жена не стала слишком долго с ним разговаривать. Осмотрел торговец коров и, узнав цену, говорит:

— Что ж, это я охотно заплачу; столько они, пожалуй, по сравнению с другими, и стоят.

Отвязал он их и вывел из стойла. Собрался гнать их за ворота, а хозяйка схватила его за рукав и говорит:

— Сначала вы должны мне двести талеров уплатить, а так я вас не выпущу.

— Это правильно, — отвечает торговец, — да я вот позабыл свой кошелек с деньгами к поясу пристегнуть. Но уж вы не беспокойтесь, будьте уверены, я вам уплачу. Двух коров возьму я с собой, а третью вам в задаток оставлю.

Хозяйке это здорово понравилось, она отпустила торговца с коровами, а сама подумала: «Как Ганс-то, пожалуй, обрадуется, когда узнает, что я так умно поступила!».

Воротился крестьянин домой, как и говорил, через три дня, и тотчас спрашивает, проданы ли коровы.

— Разумеется, милый Ганс, — отвечает жена, — и так, как ты мне и велел, за двести талеров. Они того, пожалуй, и не стоят, но торговец взял их без всякого спору.

— А деньги где? — спрашивает крестьянин.

— Денег-то у меня нету, — отвечает жена, — он как раз забыл свой кошелек с деньгами, но скоро их принесет, он мне хороший задаток оставил.

— А какой задаток? — спрашивает муж.

— Одну из трех коров он оставил у нас, он получит ее, когда за другие уплатит. Я-то умно поступила, оставила ведь самую меньшую, ее и кормить не так много придется.

Разгневался муж, схватил палку и хотел было уже, как и обещал, жену свою досиня размалевать. Но вдруг бросил палку и говорит:

— Такой глупой гусыни и на свете еще не бывало, но мне тебя жалко. Выйду-ка я на проезжую дорогу и три дня подожду, не найдется ли кто поглупее тебя. Удастся мне такого человека найти, я прощу тебя, а не удастся, уж получишь ты у меня без всякой скидки заслуженную награду.

Вышел он на проезжую дорогу, уселся на камне и стал дожидаться, не покажется ли там кто. Он увидел, что едет повозка и стоит на ней женщина, а повозка нагружена соломой, и женщина не сидит на соломе, не идет рядом с волами и не ведет их, как полагается. Вот крестьянин и подумал: «Пожалуй,

это есть та самая, которую я ищу», — он вскочил и начал бегать взад и вперед перед повозкой, как полоумный.

— Что вам, куманек, надобно? — обратилась к нему женщина. — Я вас в первый раз вижу, откуда вы сами?

— Я с неба свалился, — говорит крестьянин, — и вот не знаю, как мне туда опять взобраться. Не можете ли вы меня туда отвезти?

— Нет, — говорит женщина, — туда я дороги не знаю. Но ежели вы с неба явились, то уж наверное можете мне сказать, как там поживает мой муж? Прошло три года, как он уже там находится. Вы его, должно быть, видели?

— Я-то его видел, но не всем ведь крестьянам там хорошо живется. Он пасет овец, но милые овечки немало ему хлопот доставляют: взберется какая-нибудь из них на гору, в густом лесу заплутается, и приходится ему бегать за ней и гнать ее к стаду. Да и пообносился он изрядно, одежда скоро у него с тела свалится. Портных ведь там нету, святой Петр никого туда не пускает, как вы сами по сказкам знаете.

— И кто бы мог такое подумать! — воскликнула женщина. — Знаете что? Принесу-ка я его праздничный камзол, он дома в шкафу до сих пор висит, пускай его носит себе на здоровье. Будьте так добры, захватите этот камзол с собой.

— Это дело не выйдет, — ответил крестьянин, — одежды на небо брать с собой не дозволяется, все одно ее у небесных врат отберут.

— Знаете что, — сказала женщина, — вчера я продала самую лучшую свою пшеницу, порядочные деньги за нее получила, вот бы мне хотелось их мужу передать. Если вы сунете кошелек в карман, ведь никто этого не заметит.

— Ну, что с вами поделаешь, — сказал крестьянин, — уж сделаю для вас одолжение.

— Вы тут посидите, а я домой поеду и вам кошелек принесу; я скоро назад вернусь. На соломе-то я не сижу, а стою на повозке, так-то оно волам полегче.

Погнала она волов, а крестьянин подумал: «Видно, она глуповата маленько, и ежели и вправду принесет деньги, то выйдет жене удача, — бить я ее не стану». Вскоре прибежала женщина, принесла деньги и сама сунула их крестьянину в карман. Перед тем как уйти, поблагодарила она его тысячу раз за его одолжение.

Вернулась женщина домой, а сын ее был уже дома, он только что с поля приехал. Рассказала она ему, какой неожиданный случай с ней вышел, и говорит:

— Я так рада, что подвернулся случай передать что-нибудь моему бедному мужу; ведь кто бы мог подумать, что он будет в чем-либо на небе нуждаться?

Изумился сын.

— Матушка моя,— говорит он ей,— ведь такой человек не каждый день с неба является; пойду-ка посмотрю, может, найду этого человека. Пусть он мне расскажет, что там на небе делается, не найдется ли там какой работы?

Оседлал он лошадь и помчался во весь опор. Нашел крестьянина, тот сидел под ивой, собирался считать в кошельке деньги.

— Не видали ли вы человека, который с неба явился? — крикнул ему парень.

— Видал,— говорит крестьянин,— он уже назад возвращается, на гору поднялся, этой дорогой туда будет поближе. Вы его еще можете нагнать, ежели побыстрее поедете.

— Ой,— говорит парень,— да я за целый день наморился, снопы молотил, а дорога сюда вконец меня измаяла. Вы-то ведь знаете того человека, будьте уж так добры, садитесь на мою лошадь и уговорите его, чтоб он назад воротился.

«Ага,— подумал крестьянин,— этот тоже из таких, у кого клепки в голове не хватает».

— Что ж, почему не сделать мне для вас одолжение? — сказал он, вскочил на лошадь и помчался галопом.

А парень остался сидеть, и сидел, пока ночь наступила, но крестьянин так назад и не вернулся.

«Должно быть,— подумал парень,— тот человек с неба уж очень торопился и возвращаться назад не захотел, а крестьянин отдал ему лошадь, чтобы тот передал ее моему отцу».

Вернулся парень домой и рассказал матери, что случилось; лошадь он, дескать, отцу отослал, чтоб не ходить ему по небу все время пешком.

— Ты хорошо поступил,— сказала мать,— у тебя-то ведь ноги еще молодые, ты можешь ходить и пешком.

Вот вернулся крестьянин домой, поставил лошадь в стойло рядом с коровой, что в задаток осталась, пошел к жене и говорит:

— Трина, счастье твое, что нашел я двух дураков, еще глупее тебя; на этот раз дело так обойдется, я приберегу это на другой раз.

Закурил он трубку, уселся в дедовское кресло и говорит:

— Что ж! Удачная вышла продажа, за две тощих коровы получить откормленную лошадь да еще полный кошелек денег в придачу. Ежели б глупость приносила столько доходу, то я стал бы охотно дураков уважать.

Так думал этот крестьянин, но тебе, пожалуй, простодушные люди милее.

*Бедный работник
с мельницы и кошечка*

Жил-был на мельнице старый мельник; не было у него ни жены, ни детей, и служило у него трое работников. Пробывли они у него несколько лет, вот и говорит он им однажды:

— Я уже стар стал, мне бы теперь сидеть на печи, а вы ступайте по белу свету странствовать; и кто приведет мне домой лучшего коня, тому и отдам я мельницу, и будет тот кормить меня до самой смерти.

Третий работник был на мельнице засыпкой, и считали они его все дураком и мельницу ему никак не прочили; да он и сам того вовсе не хотел. И ушли они все трое, и, подходя к деревне, говорят они Гансу-дураку:

— Ты уж тут оставайся; за всю свою жизнь не достать тебе и поганой клячи.

Но Ганс пошел с ними дальше, и когда наступила ночь, пришли они к пещере и легли в ней спать. Двое умных подождали, пока Ганс заснет, затем встали и ушли, а Ганса бросили, думая, что ловко дело обделали,— да, плохо им, однако, за то придется! Вот взошло солнце; Ганс проснулся, видит, что лежит он в глубокой пещере; он огляделся и крикнул:

— Господи, где же это я?

Он поднялся и выбрался из пещеры наверх и пошел в лес; идет он и думает: «Один я остался, все меня бросили, как найти мне теперь коня?» Шел он, погруженный в свои думы, и встретил по дороге маленькую пеструю кошечку; она ласково с ним заговорила:

— Ганс, куда это ты идешь?

— Ах, да чем же ты мне можешь помочь?

— Я о твоём желании хорошо знаю,— сказала кошечка,— ты хочешь, чтоб была у тебя красивая лошадь. Ступай вместе со мной и будь мне верным слугою семь лет, и я дам тебе за то лошадь такую красивую, какую ты за всю свою жизнь и не видывал.

«Должно быть, это волшебная кошка, — подумал Ганс, — хотелось бы мне посмотреть, правду ли она говорит». И повела она его в свой маленький заколдованный замок, и жили в нем всё одни только кошечки, и все они ей прислушивали; они проворно носились по лестнице вверх и вниз и были довольные да веселые. Вечером, когда уселись они за стол, три кошечки принялись за музыку: одна играла на контрабасе, другая на скрипке, а третья трубила в трубу и надувала щеки изо всех сил. Когда они поели и стол был уже убран, кошка ему и говорит:

— Ну, Ганс, давай теперь с тобой потанцуем!

— Нет, — говорит он, — с кошкой плясать я не стану, этого делать мне в жизни еще ни разу не доводилось.

— Тогда отведите его в постель, — сказала она кошечкам.

И зажгла ему свечку в спальне одна из кошечек, а другая стала стаскивать с него башмаки, третья — чулки, и, наконец, одна из кошечек потушила свечу. А на другое утро они снова явились и помогли ему встать с постели и одеться: одна натягивала ему чулки, другая завязывала подвязки, третья подала ему башмаки, а еще одна умыла его, а лицо вытерла ему хвостом. «Делать это она умеет очень нежно», — заметил Ганс. Но приходилось ему для кошки и работать: каждый день дрова рубить, да как можно помельче; и для этого дали ему серебряный топор; клин и пила были тоже серебряные, а колода была медная. Вот так и колол он дрова, жил в кошачьем доме, ел да пил хорошо, но видать никого не видал, кроме пестрой кошки да разных ее служанок.

Вот однажды и говорит она Гансу:

— Ступай да выкоси мой лужок, а трава пусть пойдет на сено, — и дала она ему серебряную косу, а брусок был золотой, и велела она ему все это в точности после работы сдать. Ганс пошел и сделал, что было ему велено. Окончив работу, принес он косу, брусок и сено домой и спрашивает, не заплатит ли она ему уже за работу.

— Нет, — говорит кошка, — ты должен еще для меня кое-что сделать: вот тут стропила да бревна серебряные и плотницкий топор, наугольники, скрепы — все, что надо для работы, и все это из серебра сделано. Хочу я построить себе маленький домик.

И построил Ганс ей домик и сказал, что все он теперь уже сделал, а лошади-то у него пока что нету. И прошло семь лет, словно полгода. И спросила кошка, не хочет ли он поглядеть на ее лошадей?

— Хочу, — ответил Ганс. И она открыла ему домик, отперла двери, видит он — стоят двенадцать лошадей; и, ах, какие

они были статные, как блестели они да сверкали, прямо сердце радовалось!

Тут дала она ему поесть и попить и сказала:

— Ну, теперь ступай домой, а лошади твоей я не дам тебе с собой, но через три дня приду сама и приведу ее тебе.

Собрался Ганс в дальний путь, и указала она ему дорогу к мельнице. Но новой одежды она ему не дала, и должен он был воротиться домой в чем пришел — в своей старой, изорванной куртке, что стала ему за эти семь лет тесна и коротка. Пришел он домой, а другие два работника тоже домой воротились, и каждый привел с собою по лошади, но у одного была она слепая, а у другого хромая. Стали они его спрашивать:

— Ганс, ну, а где же твоя лошадь?

— Через три дня придет.

Посмеялись они и говорят:

— Да, Ганс, уж если ты лошадь получишь, то будет она хороша!

Вошел Ганс в комнату, но мельник сказал ему, чтоб не смел он и за стол садиться, так был он оборван и весь в лохмотьях, — стыдно-де будет, если кто зайдет в дом. И вынесли ему немного поесть во двор; а когда пришло время спать ложиться, ему не позволили лечь на кровать, и пришлось ему залезть в сарайчик для гусей и улечься на жесткой соломе.

Просыпается он утром, — а прошло уже три дня, — и вот подъезжает карета, запряженная шестериком, — ах, как сияли кони, как блестели они, как все было красиво! — и вел слуга седьмого коня, и был тот конь для бедного работника с мельницы. И вышла из той кареты красавица-королевна, и вошла она в мельницу; а королевна была та самая маленькая пестрая кошечка, которой бедный Ганс служил целых семь лет. Она спросила мельника, где его младший работник, засыпка?

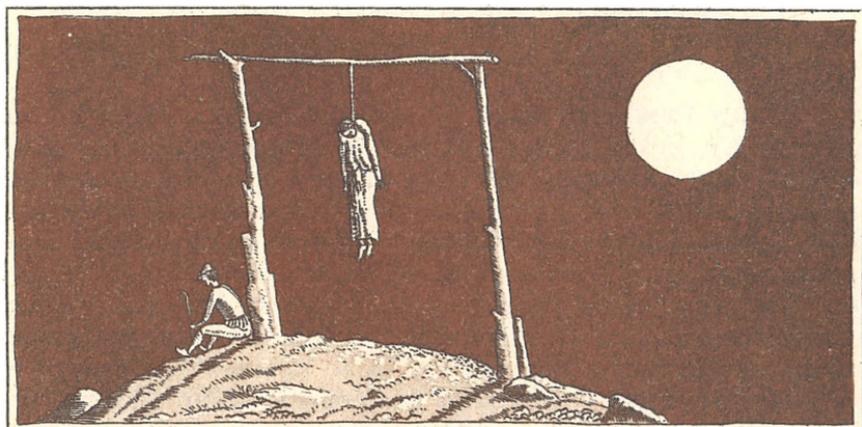
И ответил мельник:

— Да мы и на мельницу-то его пустить не можем, весь он оборванный, — вон лежит он в сарае, где гуси!

И сказала тогда королевна, чтобы тотчас его привели к ней. Привели Ганса, и должен он был одежкой своей прикрываться, и еле мог тело свое прикрыть лохмотьями. Достал слуга тогда пышные одежды, приумыл работника, приодел, и когда был он готов, то выглядел любого короля красивей. Затем королевна велела показать лошадей, приведенных двумя другими работниками. И была одна из них слепая, а другая хромая. И велела она привести тогда своего седьмого коня. Как увидел мельник того коня, сказал, что такого во дворе у него никогда еще не бывало.

— Вот этот конь и будет для младшего твоего работника, — сказала королева.

— Тогда уж и мельница будет его, — сказал мельник; но королева ответила, что коня того дарит она ему, и мельница пусть у него остается; взяла она своего верного Ганса, посадила его в карету и уехала с ним вместе. И поехали они сперва в маленький домик, который построил Ганс серебряным топором; а он, гляди, стал огромным замком, и все в нем внутри было из чистого золота да серебра; и вышла она замуж за Ганса, и стал он богат, — так богат, что на всю его жизнь хватило. Вот пускай никто не говорит, что раз дурак, то ни на что и не годен.

Два странника

Гора с горой не сходится,
а люди, бывает, сходятся, иной
раз добрые и злые. Так вот сошлись однажды во время
странствий сапожник с портным.

Был портной небольшого роста, парень собою пригожий,
всегда добродушный и веселый. Увидал, что подходит к нему
навстречу сапожник, — он узнал по сундучку, что тот сапожным
ремеслом занимается, — и запел ему навстречу шутивную пе-
сенку:

Швы мне делай поживей,
Тяни дратву веселей,
Молоточком — тук, тук, тук!
Посильней прибей каблук.

Но сапожник не мог переносить насмешек, он скривил ли-
цо, словно уксусу напился, и сделал движенье, будто собираясь

схватить портняжку за шиворот. А малый наш рассмеялся, протянул ему свою бутылку и говорит:

— Да это не со зла сказано. На, выпей-ка, вот желчь и промоешь.

Хлебнул сапожник порядочный глоток, и гроза на его лице начала проходить. Он подал назад портному бутылку и говорит:

— Да-а, порядочно выпил, но тут дело не в жажде, а что напился, как надо, это да! Что ж, двинемся, пожалуй, вместе!

— Я согласен, — ответил портной, — если у тебя есть охота идти в большой город, где работы много найдется.

— Да я тоже в город собрался, — ответил сапожник, — в маленьком-то местечке ничего не заработаешь, а в деревне люди охотней босиком ходят.

Пошли они странствовать с той поры вместе, шли потихоньку, не так, чтобы очень торопясь.

Времени у обоих у них хватало, а насчет хлеба-то было маловато. Когда они приходили в какой-нибудь город, то бродили по улицам, расхваливая свое ремесло, а так как вид у портняжки был свежий и бодрый да притом были у него красивые румяные щеки, то все давали ему работу охотно, а если выпадет счастье, то, бывало, дочь мастера и поцелует его еще на прощанье. Сойдется он с сапожником, и всегда бывало у него в кошельке больше, чем у того. Угрюмый сапожник перекосит свое лицо и подумает: «Чем больше пройдоха, тем и счастье ему больше». А портной засмеется, запоеет себе песенку и поделит весь заработок со своим товарищем поровну. А заведется у него в кармане несколько грошей, велит подать себе поскорей чего-нибудь вкусного, стучит на радостях по столу так, что стаканы пляшут, и это у него называлось: «заработано легко — и прожито легко».

Так странствовали они некоторое время и подошли раз к дремучему лесу, а дорога к королевскому городу проходила через лес. Вели к городу две тропы: по одной надо было идти семь дней, а по другой всего два дня, но никто из них не знал, какой путь выйдет короче. Уселись два странника под дубом, стали совет держать, как им быть и на сколько дней брать с собой хлеба. Сапожник сказал:

— Надо расчет вести наперед, я возьму хлеба с собой на семь дней.

— Что ты? — сказал портной. — Тащить хлеб про запас на семь дней на спине, как вьючный осел, это и оглянуться-то нельзя будет! Я полагаюсь на господу бога и загадывать наперед не собираюсь. Деньги, что у меня в кармане, годны ведь и летом и зимой одинаково, а хлеб во время жары засохнет и заплесневевает; да и куртка-то у меня мала; еле до локтей достает. Почему б нам не поискать верной дороги? Хлеба на два дня — и всё.

И вот купил себе каждый из них хлеба, и пошли они на удачу через лес.

Было в лесу тихо, как в церкви. Не веял ветер, не журчал ни один ручей, птицы не пели, и сквозь густые ветви не проникал ни один луч солнца. Сапожник не проронил ни слова, тяжелый хлеб оттягивал ему плечи, пот градом катился по его сердитому и мрачному лицу. А портной был весел, шел вприпрыжку и, зажав в ладонях листочек, то насвистывал, то напевал песенку и думал: «Господь на небесах, пожалуй, радуется, что я такой веселый».

Так прошло два дня, но на третий день лесу не видать было ни конца ни края, и сердце у портного вдруг упало; но все-таки веселости своей он не потерял, а полагался на господа бога да на свою удачу. На третий день вечером он улегся под деревом голодный. Так случилось и на четвертый, и когда сапожник уселся на дереве, сваленном бурей, и начал закусывать, то портному оставалось только одно — смотреть на это. Когда он попросил дать ему кусочек хлеба, сапожник язвительно засмеялся и сказал:

— Ты всегда был такой веселый, ну, попробуй-ка теперь, как быть грустным: птиц, что поют на заре, вечером ястреб хватает.

Короче говоря, не было у сапожника жалости. На пятый день бедный портной не мог уже от истощенья больше подняться и слова вымолвить; щеки у него побледнели, глаза стали красные. Вот сапожник и говорит:

— Нынче я дам тебе кусок хлеба, но за это выколю тебе правый глаз.

Несчастному портному так хотелось жить, что ему ничего не оставалось как согласиться; он заплакал в последний раз обоими глазами, а затем сапожник, у которого сердце было каменное, выколол ему острым ножом правый глаз.

Вспомнилось тут портному, что говаривала ему когда-то мать, когда он в кладовой лакомился: «Ешь сколько можно, а терпи сколько должно». Вот съел он дорого стоивший ему хлеб, поднялся на ноги, забыл про свое несчастье и утешился тем, что ведь и одним-то глазом можно достаточно видеть. Но на шестой день он снова почувствовал голод, у него сосало уже под ложечкой. Вечером свалился он под деревом, а на седьмое утро от истощенья не мог и подняться, и смерть была уже близка. Тут сапожник и говорит:

— Хочу я оказать тебе милость и дать тебе еще кусок хлеба. Но ты даром его не получишь, за это я выколю тебе и второй глаз.

Понял портной, что всю свою жизнь был легкомысленным, стал просить у господа бога прощения и говорит сапожнику:

— Делай, что знаешь, я готов вытерпеть все, что положено. Но помни, что господь бог не каждую минуту судит, — наступит час, когда ты получишь возмездие за свое злодеяние, которое ты надо мной совершил и чего я от тебя не заслужил. В счастливые дни я делился с тобой всем, что у меня было. Ведь мое ремесло такое, что стежок за стежком надо следить. Если я потеряю глаза и не смогу шить, то придется мне идти милостыню просить. Ты хоть по крайней мере не бросай меня тут одного, а то мне пропадать придется.

Но сапожник, забывший в сердце своем бога, взял нож и выколол портному и левый глаз. Дал он ему потом поест кусок хлеба, сунул ему в руку палку и повел его за собой.

Вот зашло солнце, вышли они из лесу, и стояла на поле у лесной опушки виселица. Повел туда сапожник слепого портного, бросил его там лежать, а сам двинулся дальше. От усталости, боли и голода несчастный уснул и проспал целую ночь. Когда стало светать, он проснулся, не зная, где он находится. А висели на виселице два бедных грешника, и сидел у каждого на голове ворон. И заговорил один из воронов:

— Братец, ты что, не спишь?

— Да, не сплю, — ответил второй ворон.

— Я тебе что-то скажу, — заговорил опять первый. — Роса, упавшая нынче ночью с виселицы, может вернуть зрение всякому, кто ею умоется. Эх, если б знали об этом слепые, то каждому из них захотелось бы вернуть себе зрение, даже если б они не поверили, что это возможно.

Услыхал это портной, достал платок, приложил его к траве и, когда он намок от росы, протер им себе глазницы. И вмиг исполнилось то, что сказал ворон: оказались у него два новых и здоровых глаза. Увидел вскоре портной солнце, которое подымалось над горами. Раскинулся перед ним на равнине большой королевский город с роскошными воротами и целую сотней башен, и начали пылать золотые макушки и кресты на шпилях. Он мог различить каждый листок на деревьях, видеть пролетающих птиц и комаров, ведущих в воздухе пляску. Достал портной из кармана иглу, и когда смог так же легко, как прежде, вдеть в нее нитку, сердце забило у него от радости. Он бросился на колени, стал благодарить господа бога за оказанную ему милость и прочитал утреннюю молитву, не забыв помолиться и о бедных грешниках, что висели, как язык колокола, и билось под ветром один о другой. Взял он на плечи свою котомку и, вскоре позабыв о перенесенных страданиях, отправился дальше, навистывая и напевая песенку.

Первым, кого он встретил, был гнедой жеребенок, весело скакавший по полю. Портной ухватил его за гриву, собираясь сесть на него верхом и ехать в город. Но жеребенок стал его упрашивать, чтоб он оставил его на свободе.

— Я еще совсем молод,— сказал он,— и даже такой легонький портной, как ты, и тот может переломать мне хребет. Отпусти меня бегать на воле, пока я не окрепну. Подойдет время, и я смогу тебя отблагодарить.

— Ну, беги себе,— сказал портной,— вижу, что ты тоже такой попрыгун, как и я.— Он хлестнул его по спине прутиком, и жеребенок на радостях, взмахнув задними копытами, перескочил через кусты и канаву и помчался по полю.

Но портняжка со вчерашнего дня ничего не ел.

— Хотя солнце и наполняет мне светом глаза,— сказал он,— а хлеб в рот, однако, не попадает. Первое, что встретится мне на пути, если оно окажется хоть немного съедобным, надо будет поймать.

В это время навстречу ему важно шествовал по лугу аист.

— Постой, постой!— крикнул портной и схватил его за ногу.— Не знаю, можно ли тебя есть, но с голоду долго разбираться не станешь, я отрежу тебе голову и тебя зажарю.

— Не убивай меня,— ответил аист,— я священная птица, никто меня не обижает, я приношу людям большую пользу. Оставь меня в живых, я когда-нибудь службу тебе сослужу.

— Ну, лети себе, долговязый,— сказал портной. И поднялся аист на воздух, свесив свои длинные ноги, и спокойно улетел.

— Что ж из этого получится?— молвил про себя портной.— Мне все голодней, а в животе все пустей. Ну, что попадется мне теперь на пути, то уже будет мое.

Увидел он, что подплывают к берегу озера две молодые утки.

— Вы явились как раз кстати,— сказал он, схватив одну из них, и собрался было скрутить ей голову. Но начала старая утка, что спряталась в камыше, громко крикать, подплыла с разинутым клювом и стала его просить-умолять, чтоб сжалился он над ее милыми детками.

— Ты только подумай,— сказала она,— как бы плакала твоя мать, если б кто собрался тебя утащить и убить.

— Ну, успокойся,— сказал добродушный портной,— я не стану детей твоих трогать,— и он бросил пойманную утку в воду.

Повернулся, вдруг видит — стоит он перед старым дуплистым деревом, и летают там взад и вперед дикие пчелы.

— Вот уж теперь будет мне награда за мои добрые дела,— сказал портной,— медок меня подкрепит!

Но вылетела пчелиная матка, начала ему грозить и сказала:

— Если ты моих пчел тронешь и разрушишь гнездо, то наши жала тысячами раскаленных иголок вопьются тебе в тело. А если ты оставишь нас в покое и пойдешь своею дорогой, то мы тебе когда-нибудь службу сослужим.

Увидел портной, что и тут ничего не выходит, и говорит:
— Три блюда порожних да на четвертом ничего — вот так обед!

И он потащился с голодным желудком в город; и как раз в то время звонили к обеду, и был в харчевне для него уже обед приготовлен, и можно было ему тотчас садиться за стол. Наелся он и говорит:

— А теперь хотелось бы мне и за работу приняться.

Он обошел город в поисках мастера и вскоре нашел хорошее место. А так как ремесло свое он изучил основательно, то в скором времени он стал знаменит, и каждому хотелось, чтобы камзол шил ему только этот маленький портной. И что ни день — уважение к нему все увеличивалось.

— Дальше мне при моем мастерстве и двигаться-то нечего, — сказал он, — дело с каждым днем идет все лучше и лучше.

Наконец король назначил его своим придворным портным.

Но вот как бывает на свете: в тот же день его прежний товарищ, сапожник, стал тоже придворным мастером. Только он увидал портного и заметил, что у того опять два здоровых глаза, стала его мучить совесть. «Прежде чем он мне отомстит, — подумал сапожник, — надо будет ему яму вырыть». Но тот, кто другому яму копает, сам в нее попадает. Вечером, когда сапожник пошабашил и уже наступили сумерки, пробрался он к королю и говорит:

— Господин мой король, а портной человек самонадеянный: он осмелился заявить, что сможет добыть золотую корону, которая пропала в стародавние времена.

— Это мне было бы приятно, — сказал король и велел позвать к себе на другое утро портного и приказал ему разыскать корону или навсегда покинуть город.

«Ого, — подумал портной, — мошенник предлагает больше того, что имеет. Если этот король-брюзга требует от меня то, чего ни один человек выполнить не может, то нечего мне тут дожидаться до завтра, а надо поскорей из города выбираться».

Связал он свой узелок, но только вышел за городские ворота, стало ему жаль расставаться со своим счастьем и уходить из города, где ему так повезло. Подошел он к озеру, где когда-то завел знакомство с утками; и как раз в это время сидела на берегу старая утка, которой он отдал утят, и чистила себя клювом. Она сразу его узнала и спросила, отчего он так запечалился.

— Если б ты знала, что со мною случилось, то удивляться не стала б, — ответил портной и рассказал ей про свою судьбу.

— Если это и всё, — ответила утка, — то мы выход найдем. Корона в воду упала, лежит на самом дне, мы ее живо оттуда достанем. Ты только расстели на берегу свой платок.

Нырнула утка со своими двенадцатью утятами и минут через пять выплыла наверх, сидя в середине короны, что держалась у ней на крыльях, а двенадцать утят плыли с ней рядом, подложив под нее свои клювы, и помогали ее держать. Подплыли они к берегу и положили корону на платок.

Ты не поверишь, пожалуй, какая красивая была корона! Когда на ней засияло солнце, она блестела, как сто тысяч карбункулов! Завязал портной свой платок четырьмя узлами и отнес корону королю. Обрадовался король и повесил за это портному на шею цепь золотую.

Увидал сапожник, что поделка его не удалась, придумал тогда вторую, явился к королю и говорит:

— Господин мой король, а портной-то ведь так зазнался, что осмеливается заявлять, будто он сможет весь королевский замок, со всем, что находится в нем внутри, вылепить из воску и точь-в-точь сделать его таким, как ваш.

Велел король, чтоб портной явился к нему, и приказал ему вылепить из воску королевский замок, со всем, что находится в нем, точь-в-точь как снаружи, так и внутри, и если он этого не выполнит как следует или будет в замке недоставать на стене хотя бы одного гвоздика, то он будет посажен на всю жизнь в подземелье.

Подумал портной: «Дело становится все хуже и хуже, этого ни один человек не выдержит», — положил он на плечи свой узелок и ушел из города. Вот подошел он к дуплистому дереву, сел на землю и запечалился. Вылетели пчелы, и спросила у него пчелиная матка:

— Что голову набок свесил, уж не одеревенела ли она у тебя?

— Ах, нет, — ответил портной, — меня угнетает другое, — и рассказал о том, что потребовал от него король.

Загудели тут, зажужжали между собой пчелы, и говорит пчелиная матка:

— Ступай ты сейчас домой, а завтра в это самое время приходи сюда да захвати с собою большой платок — все будет ладно!

Воротился портной назад, а пчелы полетели прямо в королевский замок, влетели туда в открытое окно, заползли во все углы и закоулки и все доподлинно разглядели. Полетели они потом назад и вылепили из воску замок, точь-в-точь такой же самый, да так быстро, что можно было подумать, что замок растет прямо на глазах. К вечеру все было уже готово, и когда портной явился на другое утро, то стояло все великолепное здание, такое, как надо, и было в нем все до самого последнего гвоздика на стене и черепицы на крыше; был он притом такой стройный и белоснежный, и пахло от него медом.

Завязал его портной осторожно в платок и принес королю; и тот не мог никак надивиться, глядячи на замок, поставил его у себя в главном зале и подарил за это портному большой каменный дом.

Но сапожник дела не оставил, пришел в третий раз к королю и говорит:

— Господин мой король, а портной ведь дознался, отчего вода во дворе замка фонтаном не бьет, и осмеливается заявить, что будет она бить в середине двора высоко, в рост человека, и будет вода чистая, как хрусталь.

Велел король привести к себе портного и сказал:

— Если завтра к утру вода у меня во дворе не забьет фонтаном, как ты это сам обещал, то палач на том же самом дворе сделает тебя на одну голову короче.

Бедный портной, не долго раздумывая, поспешил скорей к городским воротам, а так как на этот раз дело шло о жизни, то слезы катились у него по щекам. Вот шел он, совсем пригнувшись, вдруг подскочил к нему жеребенок, которого он когда-то отпустил на свободу; за это время он стал красивым гнедым конем.

— Теперь настал срок, — сказал ему конь, — когда я смогу тебя отблагодарить за твое доброе дело. Я уже знаю, что тебе надо; ты вскочи на меня, теперь у меня на спине могут и двое таких, как ты, поместиться.

Отлегло у портного на сердце; вскочил он одним махом на коня, помчался конь во весь опор в город, и прямо в королевский двор. Пробежал конь трижды быстро, как молния, вокруг двора и после третьего круга упал наземь. И в тот же миг что-то страшно загромыхало: взлетел на воздух, точно ядро, кусок земли в самой середине двора и пролетел над замком, и тотчас забила вода фонтаном в рост человека и коня, и была вода прозрачная, как хрусталь, и заиграли на ней солнечные лучи. Как увидел это король, так и застыл от изумления. Он подошел и обнял портняжку в присутствии всех придворных.

Но счастье длилось недолго.

Было у короля много дочерей, одна красивей другой, но сына у него не было. Вот явился злой сапожник к королю в четвертый раз и говорит:

— Господин мой король, а портной ведь своего зазнайства не оставил. Он теперь осмелился заявить, что ежели б он пожелал, то мог бы велеть принести королю сына по воздуху.

Велел король кликнуть портного и сказал:

— Если ты за девять днейстроишь так, что мне принесут сына, то получишь мою старшую дочь в жены.

«Награда, правда, большая, — подумал портняжка, — но королевна мне, пожалуй, ни к чему, да и вишни-то висят слиш-

ком высоко: если на них взобраться, то ветки подо мной поломаются, и, чего доброго, еще свалишься вниз».

Пошел он домой, уселся на свой портняжный стол и, поджав под себя ноги, начал думать-раздумывать, как тут ему быть.

— Дело не выйдет! — воскликнул он наконец. — Надо отсюда уходить; здесь, как видно, жить спокойно нельзя.

Завязал он свой узелок и поспешил к городским воротам. Вышел он на луг и увидел старого своего приятеля — аиста, что расхаживал взад и вперед, точно какой знаменитый мудрец; он иногда останавливался, приглядывался к лягушке, а потом ее проглатывал. Аист подошел к нему и с ним поздоровался.

— Я вижу, — начал он, — у тебя за плечами котомка. Почему ты из города уходишь?

Рассказал портной аисту, что потребовал от него король, а выполнить он этого не в силах, и стал на несчастную свою участь жаловаться.

— Брось из-за этого горевать да голову себе морочить, — сказал ему аист, — я выручу тебя из беды. С давних пор приношу я в город спеленутых деток, могу и для тебя вытащить из колодца маленького принца. Ступай домой и будь спокоен. Через девять дней отправляйся в королевский замок, я туда прилечу.

Воротился портняжка домой и в назначенный срок был уже в замке. А вскоре прилетел туда аист и постучался в окно. Портной открыл ему, и долговязый дядюшка вошел осторожно в комнату; важно шагая, он шел по мраморному полу, и был у него в клюве младенец; и протягивал тот, словно ангел, свои ручонки королеве. Положил аист младенца к ней на колени, и начала королева младенца ласкать, целовать и была такая счастливая и радостная. Снял аист с плеча, перед тем как улететь из замка, свою дорожную сумку и подал ее королеве. А лежали там свертки с пестрыми леденцами, их поделили между маленькими принцессами. Но старшей ничего не досталось, зато получила она в мужья веселого портного.

— Я чувствую, будто мне выпало великое счастье, — сказал портной. — Моя мать была права, она всегда говаривала: «Кто на бога надеется да счастье имеет, у того всего будет в досталь».

И пришлось сапожнику шить башмаки, в которых портняжка плясал на свадебном пиру, а потом было сапожнику велено навсегда покинуть город. А дорога проходила через тот лес, мимо виселицы. От ярости, гнева и полуденной жары бросился сапожник в изнеможении на землю. Только закрыл он глаза, собираясь уснуть, как кинулись, громко крича, вороны, сидевшие на головах у повешенных, и выклевали ему глаза. Обезумев, он бросился бежать в лес, — там он, должно быть, и погиб, так как с той поры никто его больше не видел и ничего о нем больше не слышал.

Синяя свечка

Жил-был солдат, и служил он верой и правдой королю многие годы; но кончилась война, и солдат, получив много ран, служить больше не мог. Вот и говорит ему король:

— Можешь домой отправляться, теперь ты мне не нужен; жалованья получать ты больше не будешь,— деньги плачу я только тому, кто мне службу несет.

И не знал солдат, чем ему теперь и жить, и он ушел озабоченный и шел целый день, а вечером пришел в лес. Наступила уже темень, и увидел он вдали огонек, пошел ему навстречу и пришел к дому,— а жила в нем ведьма.

— Пусти меня переночевать и дай мне чего-нибудь поесть и попить,— сказал он ей,— а то пропадать мне придется.

— Ого!— ответила она.— Да кто же даст что-нибудь беглому солдату? Но так уж и быть, я сжалею над тобой и пущу тебя, если сделаешь ты то, что я от тебя потребую.

— А что же ты потребуешь?— спросил солдат.

— Чтоб завтра вскопал ты мне огород.

Солдат согласился и на другой день усердно принялся за работу, но до вечера все же не управился.

— Вижу я,— сказала ведьма,— что ты нынче больше не можешь. Ну, пробудь у меня еще одну ночь, а завтра нарубишь ты мне за то поленницу дров и щепок наколешь.

Весь день проработал солдат, а к вечеру ведьма предложила ему остаться у нее еще на одну ночь.

— Завтра работа тебе предстоит небольшая: есть у меня за домом старый пустой колодец; упала в него моя свечка, горит она синим пламенем и не гаснет,— вот ты и должен будешь мне ее оттуда достать.

На другой день повела его старуха к колодцу и спустила туда в корзине. Нашел он синюю свечку и подал ведьме знак, чтобы вытащила она его из колодца. Стала она его тащить наверх, но только стал он подыматься к краю колодца, а ведьма протянула руку вниз и хотела было отнять у него синюю свечку.

— Нет, — сказал солдат, заметив ее злой умысел, — свечку я отдам тебе только тогда, когда стану обеими ногами на землю.

Пришла ведьма в ярость, сбросила его снова в колодец, а сама ушла.

Упал бедный солдат на мягкое дно колодца, не причинив себе никакого вреда, а синяя свечка продолжала гореть, но что ему было в том толку? Видит, не уйти ему теперь от смерти. Сидит он в колодце грустный, и сунул он случайно руку в карман и нашел там свою трубку, а набита она была до половины табаком. «Это будет последней моей радостью», — подумал он, достал ее, зажег от синей свечки и начал курить. Разошелся дымок по дну колодца, и явился вдруг перед ним черный человек и спрашивает:

— Что, хозяин, прикажешь?

— Что ж мне тебе приказать? — ответил ему солдат в изумлении.

— Я обязан выполнять все, — сказал человек, — что потребуешь.

— Ладно, — сказал солдат, — помоги мне сначала выбраться из колодца.

Взял его черный человек за руку и повел через подземный ход, но солдат синюю свечку взять с собой не забыл. Показал он ему по пути богатства, собранные и запрятанные ведьмой, и набрал солдат золота столько, сколько нести мог. Поднялся он наверх и говорит человеку:

— Ну, а теперь ступай да свяжи старую ведьму и отведи ее на суд.

Тут вскоре промчалась она, точно ветер, со страшным криком, на диком коте, а черный человек вернулся назад.

— Всё исполнено, — сказал он, — ведьма уж висит на виселице. Что ж прикажешь теперь, хозяин, мне делать? — спросил человек.

— Сейчас пока ничего, — ответил солдат. — Можешь себе идти домой, но чуть что — тотчас явись, когда я тебя позову.

— Звать меня не надо, — сказал человек, — только зажги свою трубку синей свечой, и я тотчас явлюсь перед тобой. — Затем он исчез на его глазах.

Воротился солдат в город, откуда он и пришел. Направился в самую лучшую гостиницу, велел сшить себе красивый камзол и приказал хозяину убрать свою комнату как можно краси-

вей и богаче. Когда комната была готова, солдат поселился в ней, кликнул черного человечка и говорит:

— Служил я королю верой и правдой, а он меня прогнал да еще голодать заставил, хочу я ему теперь за это отомстить.

— Что же должен я сделать? — спросил человечек.

— Поздно вечером, когда королева будет в постели, принеси ее сюда спящей, пусть поработает она у меня служанкой.

— Для меня это дело легкое, а для тебя будет опасное, — если об этом доведутся, плохо тебе придется.

Пробило двенадцать, распахнулась дверь, и принес человечек ему королеву.

— Ага, вот ты и здесь! — крикнул солдат. — Ну, живей принимайся за работу. Ступай принеси метлу да подмети мне комнату.

Подмела она ему комнату, он зовет ее к своему креслу, протягивает ей ноги и говорит:

— Снимай с меня сапоги.

Сняла она с него сапоги, и кинул он их ей в лицо, и должна она была их поднять, почистить и глянец на них навести. Все она исполняла, что он ей ни приказывал, беспрекословно, молча, с полузакрытыми глазами. Но с первым пением петуха отнес ее черный человечек назад в королевский замок и положил в постель.

На другое утро встала королева с постели, пошла к своему отцу и рассказала, что видела она удивительный сон: «Будто несло меня с быстротой молнии по улицам, и попала я в комнату к одному солдату, должна была прислуживать ему, как служанка, и исполнять всякую черную работу, подметать комнату и сапоги чистить. Это был сон, но, однако, я так устала, будто было это все на самом деле».

— Сон мог оказаться и явью, — сказал король. — Я дам тебе совет: набей полный карман гороху и проделай дырку в кармане, и если тебя снова унесут, то горошины выпадут, и на улице будет виден след.

Когда король это говорил, то черный человечек стоял незримо рядом и все слышал. Ночью, когда он снова понес королеву по улицам, выпало несколько горошин у ней из кармана, но след они указать не могли: хитрый человечек заранее сбросал горох по всем улицам. И королева должна была снова до первых петухов исполнять работу служанки.

На другое утро король выслал своих людей разыскать след, но все поиски были напрасны, — на всех улицах сидели бедные дети и подбирали горох, говоря: «А сегодня-то ночью шел гороховый дождь».

— Надо будет что-нибудь другое придумать, — сказал король. — Ты сегодня, ложась в постель, башмаков не снимай, а когда будешь возвращаться оттуда, спрячь один из них там; а я уж его найду.

Черный человечек доведалься и про этот замысел, и когда вечером солдат стал требовать, чтобы тот принес ему снова королевну, стал ему отсоветовать и сказал, что против такой хитрости нету никакого средства, и если башмак у него найдут, то плохо ему придется.

— Делай, что я велю, — ответил солдат, и должна была и на третью ночь королевна исполнять работу служанки. Но она спрятала, прежде чем ее понесли назад домой, свой башмак у него под кроватью.

На другое утро король приказал искать по всему городу башмак своей дочери; и нашли его у солдата; но, по совету человечка, вышел солдат за городские ворота; ну, тут его и схватили и в тюрьму бросили. И забыл он во время бегства самое свое дорогое — синюю свечку и золото, и остался у него в кармане один только дукат. Когда стоял он, закованный в цепи, у окошка тюрьмы, увидел он проходящего мимо тюрьмы одного из своих товарищей. Стал он стучать в окошко, и когда тот подошел, говорит он ему:

— Окажи мне услугу, принеси мне мой маленький узелок, что оставил я в гостинице, дам я тебе за это дукат.

Побежал его товарищ туда и принес ему узелок. Только солдат снова остался один, набил он свою трубку и кликнул черного человечка. И сказал черный человечек своему хозяину:

— Ты не бойся, ступай туда, куда тебя поведут, пусть будет что будет. Только не забудь захватить с собой синюю свечку.

На другой день был суд над солдатом, и хотя он ничего дурного не сделал, но присудили его судьи к смертной казни. Когда его вывели, стал он просить короля оказать ему последнюю милость.

— Какую? — спросил его король.

— Дозволь выкурить мне по дороге трубку.

— Выкури хотя и целых три, — ответил король, — но не думай, однако, что я тебя помилую.

Достал солдат свою трубку, закурил ее от синей свечки, и только поднялось несколько колец дыма, как явился черный человечек, и была у него в руке небольшая дубинка, и он спросил у солдата:

— Что прикажешь, хозяин?

— Убей насмерть этих лживых судей и стражу, да и короля не пощади, он поступил со мной плохо.

Стал носиться тогда черный человечек, точно молния, то туда, то сюда, и кого он только касался своей дубинкой, тот падал наземь и ни встать, ни шелохнуться больше не мог. Стало королю страшно, и начал просить он пощады, чтобы оставил его тот в живых; и отдал он солдату королевство и дочь свою в жены.

Черт и его бабушка

Была некогда большая война, и было у короля много солдат, но жалованья он платил им мало, и на жалованье это существовать они никак не могли. Вот и сговорились трое из них бежать. И говорит один другому: — Если нас поймают, то вздернут на виселицу; как же нам быть?

А другой говорит:

— Видите, вон большие хлебные поля; если мы там спрячемся, то ни один человек нас не отыщет,— войско туда не пойдет, ведь завтра ему в поход выступать.

Залезли они в густые хлеба, а войско все не уходит и не уходит и стоит около поля. Просидели они в хлебах целых два дня и две ночи подряд и так проголодались, что чуть было с голоду не померли; а выбраться — значит, на верную смерть идти. Вот они и говорят:

— Да что толку в нашем побеге? Видно, придется нам здесь голодной смертью погибать.

Вдруг прилетел огненный дракон, спустился к ним и спрашивает их, чего это они тут спрятались. А они отвечают:

— Мы — трое солдат — с войны убежали оттого, что жалованье было нам малое, и придется нам с голоду помирать, ежели останемся мы тут лежать; а ежели выйдем отсюда, то придется нам на виселице качаться.

— Если хотите послужить мне семь лет,— сказал дракон,— то проведу я вас через войско, и никто вас не поймает.

— Что ж, выбора у нас другого нету, приходится соглашаться,— ответили солдаты.

И схватил их дракон в свои когти и переправил их по воздуху над войском, и снова спустил их на землю, далеко-далеко от тех мест; а был дракон не кто иной, как сам черт. Дал он им маленькую плеточку и говорит:

— Коль ударите вы да щелкнете ею, то посыплется золота столько, сколько вам будет угодно; и жить вы сможете, как большие господа, держать лошадей да разезжать в каретах; но

пройдет семь лет, и будете вы принадлежать мне.— И подал он им книгу, в которой они все трое должны были в том расписаться.

— Но задам я вам сначала загадку,— говорит черт,— если вы ее разгадаете, будете свободны и от власти моей избавлены.

Улетел от них дракон, и отправились они в путь-дорогу со своей плеточкой; денег теперь была у них целая уйма, заказали они себе барское платье и стали странствовать по свету. И всюду, где они бывали, жили они в радости и в довольстве, ездили на лошадях и в каретах, ели и пили в свое удовольствие, но зла никому не делали. Время пролетело у них быстро, и когда семь лет подходили уже к концу, стало двум из них очень страшно, но третий смотрел на все легко и просто и говорил:

— Не бойтесь, братцы, ничего; неужто я такой дурак, что загадки той не разгадаю?

Вот вышли они в открытое поле, сели там, а двое из них и пригорюнились. Подходит к ним вдруг старуха и спрашивает, отчего это они такие грустные.

— Ах, да что тебе до того? Помочь ты нам все равно не можешь.

— А почему знать,— ответила она,— вы поведайте мне о своем горе.

И рассказали они ей о том, что были они в услужении у черта целых семь лет и давал он им золота сколько угодно, но расписались они в том, что будут ему подвластны, если спустя семь лет не смогут разгадать его загадки. И сказала старуха:

— Если вы хотите, чтобы я вам помогла, то пускай один из вас пойдет в лес; и придет он к рухнувшей скале, а скала та похожа на избушку, и надо в нее войти,— вот там и найдешь ты помощь.

А те двое грустных и подумали: «Это нас все-таки никак не спасет», и остались они сидеть, а веселый солдат поднялся и пошел прямо в самый лес, пока не нашел в скале избушку. И сидела в той избушке древняя старуха, а приходилась она черту бабушкой; и вот спросила она его, откуда он и зачем сюда пожаловал. Он рассказал ей все, что случилось; солдат понравился ей, она его пожалела и обещала помочь. Подняла она большой камень, что лежал над погребом, и сказала:

— Ты спрячься сюда и все услышишь, что будет здесь говорить,— только сиди смирно и не шевелись. Когда явится дракон, я спрошу его насчет той загадки; мне он скажет все, а ты, смотри, примечай, что он ответит.

Ровно в двенадцать часов ночи прилетел черт и потребовал еды. Бабушка накрыла для него стол и принесла напитки и еду; он остался этим доволен, и они ели и пили вместе. И стала она его спрашивать, как прошел у него день и сколько он душ успел нынче заполучить.

— Да мне что-то сегодня не очень посчастливилось,— ответил он,— но вот поймал я трех солдат,— эти уж в моих руках.

— Э, три солдата,— сказала она,— те за себя постоят, они еще могут от тебя и удрать.

И сказал насмешливо черт:

— Нет, они уж мои; я задам им такую загадку, какую они никогда не разгадают.

— А что это за загадка?— спросила она.

— Сейчас я тебе скажу: лежит в великом Немецком море мертвая мартышка — это и будет им вместо жаркого, а китовое ребро — вместо серебряной ложки, а старое пустое конское копыто будет им вместо рюмки.

Вот черт лег спать, и отвалила тогда старая бабушка с погребка камень и выпустила оттуда солдата.

— Все ли ты хорошо запомнил?

— Да,— ответил солдат,— теперь я знаю достаточно и справиться сумею.

И пришлось ему бежать тайком другою дорогой, через окошко, чтобы поскорей вернуться к своим товарищам. Рассказал он им о том, как старая бабушка перехитрила самого черта и как узнал он от него решение загадки. Тогда все повеселели, взяли свою плеточку и набили себе денег столько, что золотые так прямо по земле и катились.

Вот прошло наконец полностью семь лет, и явился черт с книгою; показал он им, что они подписали, и говорит:

— А теперь я хочу забрать вас с собой в ад, там будет вам и обед. Если разгадаете, что на жаркое будет,— отпущу вас, и сможете вы уйти и взять с собой плеточку.

И начал отгадывать первый солдат:

— Лежит в великом Немецком море мертвая мартышка,— вот она и будет нам вместо жаркого.

Рассердился черт, пробурчал: «гм, гм, гм» и спросил у второго:

— А что же будет вам вместо ложки?

— А китовое ребро,— оно и будет нам вместо серебряной ложки.

Скорчил черт гримасу, трижды хмыкнул и обратился к третьему:

— А знаешь ли ты, что будет вместо рюмки?

— Старое конское копыто — оно и будет нам вместо рюмки.

И улетел от них черт со страшным криком и потерял над ними всякую силу. И осталась у трех солдат плеточка, выбивали они денег столько, сколько хотели, и прожили они припеваючи до самой смерти.

*Ференанд Верный
и Ференанд Неверный*

Жили себе когда-то муж да жена, и пока были они богаты, детей у них не было. Но вот они обеднели, и родился у них сыночек. Но они никак не могли найти ему крестного, и решил тогда муж отправиться в ближнее местечко и посмотреть, не найдется ли там какого-нибудь человека. Повстречался ему на дороге бедняк и спрашивает его, куда он идет; тот ответил ему, что идет, мол, искать себе кого-нибудь в кумовья, что он беден, и никто поэтому не соглашается идти к нему в крестные.

— Что ж, — сказал бедняк, — ты беден, и я беден, пойду к тебе в кумовья. Но я так нищ, что дать ребенку ничего не могу. Ступай и скажи роженице, чтоб она несла ребенка сейчас же в церковь.

Пришли муж с женой в церковь, а нищий уж там их дожидается, и назвал он ребенка Верным Ференандом.

Вот вышли они из церкви, а нищий и говорит:

— Что ж, разойдемся теперь по домам, подарить я вам ничего не могу, и вам дарить мне не полагается.

Но дал он матери ключ и сказал ей, чтоб, придя домой, она отдала бы его мужу: пусть хранит его, пока ребенку не исполнится четырнадцать лет, а тогда пусть он отправится в лес и разыщет там замок, к которому подойдет этот ключ, — и все, что в таком замке окажется, то за ним и останется.

Исполнилось мальчику всего лишь семь лет, а вырос он большой да сильный. И вот пошел он однажды играть с другими мальчиками, и те стали хвалиться, сколько кто от крестного

своего получил; а он ничем похвалиться не мог, воротился домой опечаленный и говорит отцу:

— Разве я вовсе ничего не получил от своего крестного?

— О, нет,— сказал отец,— ты получил ключ к тому замку, что будто стоит в лесу, ступай туда и отопри его этим ключом.

Вот пошел мальчик в лес, но ни о каком замке не было ни слуху ни духу.

Прошло еще семь лет, и когда мальчику исполнилось четырнадцать лет, он вышел опять на розыски замка, вдруг видит — стоит замок. Он отпер его ключом, но ничего в нем не нашел, кроме сивого коня. Сильно обрадовался юноша, что у него есть теперь конь, мигом вскочил на него и помчался к своему отцу.

— Что ж, есть теперь у меня сивый конь,— сказал он,— поеду я по белу свету странствовать.

Выехал он из дому, едет по дороге, видит — лежит на пути перо для писанья, он хотел было его поднять, но подумал про себя: «Э, пускай оно себе лежит! Ведь куда ни приедешь, везде найдется перо для писанья, если потребуется». Только он отъехал от пера, вдруг слышит — кто-то его зовет: «Верный Ференанд, возьми меня с собой!» Он оглянулся, кругом никого нету, вернулся к перу и подобрал его. Поехал он дальше, и спустя некоторое время пришлось ему проезжать мимо реки, видит — лежит на берегу рыбка, широко разевает рот — дышать ей нечем; а он ей и говорит:

— Слушай, милая моя рыбка, я тебе помогу в воду выбраться,— взял ее за хвост и бросил в воду.

Высунула рыбка из воды голову и сказала:

— За то, что ты мне помог выбраться из грязи в воду, дам я тебе флейту. Если попадешь в беду, заиграй на той флейте, и я тебе помогу, а если ты в воду что упустишь, то я тебе вмиг из воды достану.

Поехал он дальше, попадает ему навстречу человек и спрашивает его, куда он едет.

— Да вот в ближайшее местечко.

— А как тебя звать?

— Верный Ференанд.

— Э, да у нас с тобой имена почти одинаковые, меня зовут Ференанд Неверный.

И они направились вместе в ближнее местечко, в харчевню.

Но плохо было то, что Ференанд Неверный умел с помощью разного колдовства выведывать все, о чем думает дру-

гой и что собирается делать. А в харчевне той была бойкая служанка, девушка лицом очень пригожая и держала себя любезно. Она влюбилась в Верного Ференанда — юноша был он красивый — и спрашивает его, далече ли он собирается ехать.

— Да вот хотелось бы мне по белу свету поездить.

Но она посоветовала ему остаться здесь и сказала, что живет в их стране король, который охотно бы взял его к себе на службу в слуги или в фореиторы, — пускай, мол, поступает к королю на службу. Ференанд ответил, что ему не хотелось бы идти и самому предлагать свои услуги. Тогда девушка сказала:

— О, я тебе все это сама устрою.

Она тотчас пошла к королю и спросила, не хочет ли он взять к себе на службу красивого слугу. Король очень этому обрадовался и велел Ференанду явиться к себе и решил взять его к себе в слуги. А Ференанду больше хотелось быть фореитором, чтобы не разлучаться со своим конем; и взял его король в фореиторы. Как узнал о том Ференанд Неверный, говорит девушке:

— Скажи, не поможешь ли ты и мне поступить на службу?

— Отчего ж, я и тебе помогу, — сказала девушка. А сама подумала: «С таким человеком ссориться не следует, ему доверяться нельзя». Пошла к королю и устроила его слугой; и король остался этим доволен.

Когда однажды утром Ференанд Неверный одевал своего короля, тот все вздыхал и причитал: «Ох, если б моя невеста была наконец со мной!».

А Ференанд Неверный недолюбливал Верного Ференанда, и вот когда король стал однажды опять горевать и жаловаться, он и говорит ему:

— Да ведь у вас есть фореитор, вы и пошлите его за вашей возлюбленной, пускай он ее привезет, а если он этого не выполнит, то велите его казнить.

Тогда велел король позвать к себе Верного Ференанда и сказал ему, что там-то и там-то живет его возлюбленная и что он должен ее привезти к нему, а не привезет, то придется его казнить.

Пошел Верный Ференанд на конюшню к своему сивому коню и стал на свое горе жаловаться и причитать: «Ох, какой я несчастный!». И вдруг говорит ему кто-то сзади: «Верный Ференанд, чего плачешь?». Осмотрелся он кругом, никого не увидел и продолжал по-прежнему жаловаться: «Ах, мой милый сивый конек, видно, придется мне с тобой расставаться, скоро

мне умирать!». И окликает его кто-то опять: «Верный Ференанд, чего плачешь?». Тут-то он и заметил, что это его сивый конек говорит, и спрашивает он его: «Так это ты, мой конек? Неужто ты говорить умеешь?». И говорит: «Должен я ехать туда-то и туда-то, чтоб раздобыть королю невесту, так не знаешь ли ты, как мне с этим делом управиться?».

Говорит ему сивый конек:

— Ступай к королю да скажи, пускай даст тебе то, что ты попросишь, тогда ты достанешь ему невесту; если даст он тебе полный корабль мяса и полный корабль хлеба, то все дело устроится: живут там, за морем, огромные великаны, и если ты не привезешь им мяса, они тебя растерзают; а еще водятся там громадные птицы, они выклюют тебе глаза, если ты не привезешь им хлеба.

Тогда велел король всем мясникам страны резать скот, а всем хлебопекам печь хлебы, чтоб нагрузить ими полные корабли. Когда корабли нагрузили, говорит сивый конек Верному Ференанду:

— Ну, а теперь садись на меня и веди меня на корабль, а как явятся великаны, ты скажи им:

Тише, тише, великанчики мои,
Я заботился о вас,
Кое-что я вам припас.

А когда подлетят птицы, ты им опять-таки скажи:

Тише, тише, пташки милые мои,
Я подумал и о вас,
Вам подарочки припас.

Великаны тогда тебе ничего не сделают, а ты подъедешь потом к замку, где лежит принцесса и спит.

Возьми с собой двух великанов, они тебе помогут; но смотри, не разбуди принцессу, пускай великаны перенесут ее на кровати прямо на корабль.

И случилось все так, как сказал сивый конек. Верный Ференанд отдал и великанам и птицам все, что для них привез; великаны были этим довольны и согласились перенести принцессу на кровати прямо на корабль. Когда она прибыла к королю, то сказала, что жить с ним вместе не может — до тех пор, пока ей не будут доставлены из замка ее письма, которые она там позабыла. Тогда, по наущению Ференанда Неверного, позвали Верного Ференанда, и велел ему король доставить из замка эти письма, — а не доставит, то будет казнен. Пошел он опять в конюшню, начал жаловаться и говорит: «Ах, мой

милый сивый конек, опять меня в путь посылают, что мне делать?». И сказал сивый конек, что надо опять нагрузить полный корабль грузом. И отплыл Верный Ференанд на нем, как и в прошлый раз, накормил великанов и птиц мясом и хлебом и этим их задобрил. Вот подошли они к замку, и сказал ему сивый конь, что должен Ференанд пройти в опочивальню принцессы, где на столе и лежат письма. Когда они плыли на корабле обратно по морю, уронил Верный Ференанд перо в воду, и молвил сивый конь: «Уж тут я тебе ничем помочь не могу». Тогда вспомнил Ференанд о своей флейте, начал на ней играть, и выплыла рыба, держа перо во рту, и подала его Ференанду. Наконец он привез письма в замок, где и была отпразднована свадьба.

Но королева не могла полюбить короля, потому что у него не было носа, а полюбился ей очень Верный Ференанд. Однажды, когда все придворные были в сборе, королева им объявила, что она, мол, умеет показывать разные фокусы, что может, например, отрубить человеку голову и назад ее приставить; не желает ли кто испробовать? Но никто не хотел испытать на себе этот фокус первым, и пришлось тогда, по наущению Ференанда Неверного, согласиться на это Верному Ференанду. Отрубила ему королева голову и снова приставила ее на место, заживила ее, и остался вокруг шеи только шрам вроде красной нитки.

И вот спрашивает ее король:

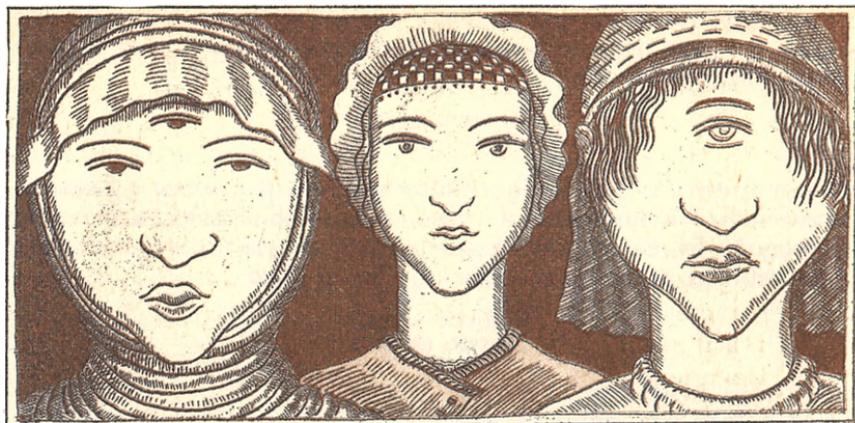
— Скажи мне, дитя мое, где же ты такому искусству научилась?

— Да я в этих делах искусница. Не хочешь ли и ты на себе испытать мое искусство?

— Да, хочу, — сказал он.

И она отрубила ему голову, а на место ее не приставила, то ли потому, что не сумела ее приставить, то ли сама голова на плечах у него не держалась. Так короля и схоронили, а королева вышла замуж за Верного Ференанда.

А он продолжал все развезжать на своем сивом коне по белу свету; и когда ехал он раз на коне, тот сказал ему, чтоб отправился он на ближнее поле и трижды объехал бы его вокруг. Так Верный Ференанд и сделал, и поднялся конь тогда на дыбы и обернулся королевичем.

*Одноглазка,
Двуглазка
и Трехглазка*

Жила-была женщина, и было у нее три дочери; старшую звали Одноглазкой, оттого что был у нее один только глаз на

лбу; средняя звалась Двуглазкой, оттого что у нее, как и у всех людей, было два глаза; а младшую звали Трехглазкой, потому что было у нее три глаза, и третий был у нее посреди лба. И оттого, что Двуглазка выглядела так же, как и все остальные люди, сестры и мать очень ее не любили. Они ей говорили:

— Уж ты со своими двумя глазами никак не лучше простого люда, ты совсем не нашего роду.

Они постоянно толкали ее, давали ей платья поплоче, и приходилось ей есть одни только объедки, и они еще издевались над ней как только могли.

И вот пришлось Двуглазке однажды идти на поле пасти козу; но была Двуглазка очень голодна — поесть дали ей сестры совсем мало. Села она на меже и заплакала, да так стала плакать, что полились у нее из глаз слезы ручьями. И вот в горе глянула она, вдруг видит — стоит перед нею женщина и спрашивает ее:

— Двуглазка, чего это ты плачешь?

Двуглазка говорит:

— Как же мне не плакать? Очень уж не любят меня мои сестры и мать за то, что у меня, как и у всех людей, два глаза; все толкают меня, дают мне донашивать старые платья, и есть мне приходится только то, что от них остается. Сегодня дали они мне так мало поесть, что я осталась совсем голодная.

И говорит ей ведунья:

— Двуглазка, вытри слезы, я скажу тебе такое слово, что отныне ты никогда не будешь голодная,— стоит тебе только сказать своей козе:

Козочка, ме-е,
Столик, ко мне! —

и будет стоять перед тобой чисто убранный столик с самыми прекрасными кушаньями на нем, и сможешь ты есть, сколько твоей душе будет угодно. А когда наешься ты досыта и столик будет тебе не нужен, то скажешь ты только:

Козочка, ме-е,
Столик, на место! —

и он снова исчезнет.

И сказав это, ведунья ушла. А Двуглазка подумала: «Надо будет сейчас попробовать, правда ли то, что она говорит, уж очень мне есть хочется»,— и сказала:

Козочка, ме-е,
Столик, ко мне!

И только вымолвила она эти слова, как стоял перед нею столик, накрытый белой маленькой скатертью, а на нем тарелка, нож и вилка, и серебряная ложка, а кругом самые прекрасные кушанья; и шел от них пар, и были они еще горячие, словно их только что принесли из кухни. Тогда Двуглазка прочитала самую короткую молитву, какую она знала: «Господи, не оставь нас во всякое время. Аминь», и села она к столу и стала есть. Наевшись досыта, она сказала, как научила ее ведунья:

Козочка, ме-е,
Столик, на место!

И вмиг исчез столик и все, что стояло на нем. «Славное, однако, хозяйство»,— подумала Двуглазка, и стало ей хорошо и весело.

Вечером, возвратясь домой со своей козой, нашла она глиняную миску с едой, что оставили ей сестры, но она к ней и не прикоснулась. На другой день вышла она снова со своею козой в поле и не стала есть тех крох, что ей оставили. В первый и во второй раз сестры не обратили на это никакого внимания, но так как это случалось всякий раз, то, наконец, они это заметили и сказали: «Что-то неладное творится с нашей Двуглазкой: каждый раз она оставляет еду, а раньше ведь все съедала, что ей давали: она, должно быть, что-то придумала». И вот, чтобы узнать правду, было решено, что, когда Двуглазка погонит козу на пастбище, с нею пойдет и Одноглазка, чтоб посмотреть, что она там делает и не приносит ли ей кто-нибудь еду и питье.

Собралась Двуглазка идти на пастбище, а Одноглазка подходит к ней и говорит:

— Я пойду с тобой вместе посмотреть, хорошо ли ты пасешь козу, пасется ли она там как следует.

Но Двуглазка поняла, что задумала Одноглазка, загнала козу в высокую траву и говорит:

— Одноглазка, пойдем сядем, я тебе что-нибудь спою.

Села Одноглазка, устала она от непривычной ходьбы по солнцепеку, а Двуглазка запела:

Ты не спишь, Одноглазка?
Ты уж спишь, Одноглазка?

И закрыла свой глаз Одноглазка и уснула. Увидала Двуглазка, что Одноглазка крепко спит и узнать ничего теперь не сможет, и говорит:

Козочка, ме-е,
Столик, ко мне! —

и села она за столик, наелась-напилась досыта и молвила снова:

Козочка, ме-е,
Столик, на место!

И миг все снова исчезло. Разбудила тогда Двуглазка Одноглазку и говорит:

— Одноглазка, что же ты, пасти козу собираешься, а сама-то уснула? Ведь она может вон куда забежать. Вставай, пора уж и домой возвращаться.

Пошли они домой, а Двуглазка опять к своей мисочке с едой так и не прикоснулась, и Одноглазка ничего не могла объяснить матери, почему та не хочет есть, и сказала в свое оправдание:

— А я-то на поле уснула.

На другой день и говорит мать Трехглазке:

— На этот раз надо будет пойти тебе да повнимательней проследить, что ест на поле Двуглазка, не приносит ли ей кто еду и питье, — должно быть, она ест и пьет тайком.

Подошла Трехглазка к Двуглазке и говорит:

— Я пойду с тобой вместе, посмотреть, хорошо ли ты пасешь козу и ест ли она там как следует.

Но Двуглазка поняла, что задумала Трехглазка, и загнала козу в высокую траву и говорит:

— Пойдем, Трехглазка, да сядем, я тебе что-нибудь спою.

Села Трехглазка, устала она идти по солнцепеку, а Двуглазка и затянула свою прежнюю песенку:

Ты не спишь все, Трехглазка?

И вместо того, чтобы спеть дальше:

Ты уснула, Трехглазка? —

спела она по забывчивости:

Ты уснула, Двуглазка?

И все пела она:

Ты не спишь все, Трехглазка?
Ты уснула, Двуглазка?

И закрылись у Трехглазки два глаза и уснули, но третий глаз не был песенкой той заговорен, и не уснул он. Хотя из хитрости Трехглазка его и закрыла, будто он спит, но он моргал и мог все хорошо видеть. Подумала Двуглазка, что Трехглазка уже крепко спит, и сказала она тогда свой заговор:

Козочка, ме-е,
Столик, ко мне! —

и напилась она и наелась досыта, а затем велела столику уйти:

Козочка, ме-е,
Столик, на место!

А Трехглазка все это видела. Тогда Двуглазка подошла к ней, разбудила ее и говорит:

— Э, да ты, кажется, спала, Трехглазка? Хорошо ты, однако, пасешь козу! Давай-ка пойдем домой!

Пришли они домой, а Двуглазка опять ничего не стала есть; вот Трехглазка и говорит матери:

— Ну, теперь я знаю, почему эта гордая девчонка ничего не ест; стоит ей только сказать:

Козочка, ме-е,
Столик, ко мне! —

и тотчас является перед нею столик, уставленный самыми прекрасными кушаньями, — куда лучше, чем то, что едим мы здесь; а как наестся она досыта, то стоит ей сказать:

Козочка, ме-е,
Столик, на место! —

и все снова исчезает. Я все в точности сама это видела. Два глаза она мне усыпила своим заговором, но тот, что у меня на лбу, к счастью, не спал.

Стала тогда завистливая мать кричать на Двуглазку:

— Ты что ж это, хочешь есть лучше, чем мы? Я тебя от этого отучу! — Принесла она большой нож и ударила им козу прямо в сердце, и упала коза замертво наземь.

Увидала это Двуглазка, и ушла она с горя из дому, села в поле на меже и залилась горькими слезами. Вдруг смотрит она — стоит перед ней снова ведунья и говорит ей:

— Двуглазка, чего ты плачешь?

— Да как же мне не плакать! — отвечала она. — Заколола мать мою козочку, что, бывало, как скажу я ей ваш заговор, накрывала мне так чудесно каждый день столик; а теперь придется мне снова голодать да горе терпеть.

Говорит ей ведунья:

— Двуглазка, я дам тебе добрый совет: попроси своих сестер, чтобы отдали они тебе внутренности убитой козы, и закопай их у порога в землю, и будет тебе от того счастье.

Ведунья исчезла, а Двуглазка вернулась домой и говорит сестрам:

— Милые сестры, дайте мне что-нибудь от моей козы, хорошего куска я у вас не прошу, дайте мне только внутренности.

Засмеялись они и говорят:

— Это ты можешь, пожалуй, получить, если другого не просишь.

Взяла Двуглазка внутренности козы и закопала их вечером тайно, по совету ведуньи, возле порога.

На другое утро, когда все проснулись и вышли на порог, видят — стоит перед ними дивное дерево, листья у него все серебряные, висят между ними золотые плоды, — и такого прекрасного и драгоценного дерева не было еще во всем свете. Но они не могли понять, откуда могло ночью вырасти тут дерево. Только одна Двуглазка знала, что выросло оно из внутренностей козы, потому что стояло оно как раз на том самом месте, где закопала она их в землю.

Вот мать и говорит Одноглазке:

— Дитя мое, полезай на дерево да нарви нам с него плодов.

Взобралась на дерево Одноглазка, но только хотела она сорвать одно из золотых яблок, а ветка и выскользнула у нее из рук, — и не пришлось ей сорвать ни одного яблока, как она ни старалась.

Тогда мать и говорит:

— Трехглазка, ну, полезай ты, ведь тебе-то лучше видеть твоими тремя глазами, чем Одноглазке.

Спустилась Одноглазка с дерева, а Трехглазка на него взобралась. Но и Трехглазка оказалась не более ловкой, чем ее сестра; и как уж она ни глядела, а все же золотые яблоки никак не давались ей в руки. Наконец у матери не хватило терпенья, и она сама полезла на дерево, но и ей, как и Одноглазке и Трехглазке, не удалось схватить ни одного яблока. Тогда говорит Двуглазка:

— Дозвольте мне полезть на дерево, может, мне лучше удастся.

Хотя сестры и посмеялись: «Где уж тебе с твоими двумя глазами достать-то!» — но Двуглазка влезла на дерево, и вот золотые яблоки от нее не уходили, а падали сами к ней в руки, — и нарвала она их полный передник. Взяла мать у нее яб-

локи; и вот надо бы теперь Одноглазке и Трехглазке обращаться с бедной Двуглазкой лучше, чем прежде, но они стали ей завидовать, что только ей одной и удалось достать золотые яблоки, и стали они с ней обращаться еще хуже.

Стояли они раз все вместе у дерева, а на ту пору проезжал мимо молодой рыцарь.

— Скорей, Двуглазка, — крикнули ей сестры, — полезай под дерево, чтоб нам не пришлось за тебя стыдиться, — и они поспешили накрыть Двуглазку пустой бочкой, стоявшей около дерева, и попрятали туда же и золотые яблоки, которые она сорвала.

Вот подъехал рыцарь ближе, и оказался он красивым юношей. Он остановил коня, изумился, глядя на чудесное дерево, что было все из золота да серебра, и говорит сестрам:

— Чье это прекрасное дерево? Кто даст мне ветку с него, тот может потребовать от меня, чего захочет.

И ответили Одноглазка и Трехглазка, что дерево это принадлежит им и что они охотно сломают ему ветку с него. Но как они ни старались, а сделать этого не смогли, — ветки и плоды всякий раз от них ускользали. Тогда рыцарь и говорит:

— Странно, дерево ваше, а вы не можете и ветки с него сломать.

Но они стояли на том, что дерево все же принадлежит им. В то время как они разговаривали, выкатила Двуглазка из-под бочки два золотых яблока, и покатались они прямо к ногам рыцаря, — Двуглазка рассердилась, что Одноглазка и Трехглазка говорят неправду. Как увидал рыцарь яблоки, удивился и спросил, откуда они взялись. Одноглазка и Трехглазка ответили, что у них есть сестра, но она не смеет людям на глаза показаться, оттого что у ней только два глаза, как у всех простых людей. Но рыцарь потребовал, чтоб ее показали, и крикнул:

— Двуглазка, выходи!

И вот вылезла Двуглазка спокойно из-под бочки, и рыцарь был поражен ее дивной красотой и сказал:

— Ты, Двуглазка, наверное, можешь сорвать мне ветку с этого дерева?

— Да, — ответила Двуглазка, — это, конечно, сделать я могу, ведь дерево-то мое. — Взобралась она на дерево и легко сорвала ветку с красивыми серебряными листьями и золотыми плодами и подала ее рыцарю.

Тогда рыцарь и говорит:

— Двуглазка, что мне дать тебе за это?

— Ах, — ответила Двуглазка, — я терплю голод и жажду, нужду и горе с раннего утра и до позднего вечера; я была бы

счастлива, если бы вы взяли меня с собой и выручили бы меня из беды.

Тогда посадил рыцарь Двуглазку на своего коня и привез ее домой в свой отчий замок. Там одел он ее в прекрасные платья, накормил ее досыта. И полюбил он ее, и обвенчался с нею, и отпраздновали они свадьбу в великой радости.

Как увез прекрасный рыцарь Двуглазку, стали завидовать сестры ее счастью. «А волшебное-то дерево останется у нас, — думали они, — хоть и нельзя сорвать с него плодов, а все же всякий будет останавливаться у нашего дома и к нам приходиться да его расхваливать, и кто знает, где найдешь свое счастье!»

Но на другое утро дерево исчезло, а с ним и их надежды. Глянула Двуглазка из своей светелки в окошко, видит — стоит перед нею, к ее великой радости, дерево, — оно перешло следом за нею.

Долго жила Двуглазка в счастье и в довольстве. Но пришли раз к ней в замок две нищенки и попросили у ней милостыни. Глянула им в лицо Двуглазка и узнала в них своих сестер Одноглазку и Трехглазку, — они так обеднели, что пришлось им теперь ходить по дворам да выпрашивать кусок хлеба. Двуглазка позвала их к себе, приняла их ласково и о них позаботилась; и они от всего сердца раскаялись в том, что причинили своей сестре так много зла в молодости.

Лиса и лошадь

Была у одного крестьянина верная лошадь, она состарилась и работать уже совсем не могла, вот и бросил хозяин ее кормить и говорит:

— К работе ты, конечно, больше негодна, но я к тебе отношусь хорошо; если покажешь себя настолько сильной, что

сможешь принести мне льва, то я оставлю тебя жить у себя, а теперь убирайся прочь из моего стойла,— и он прогнал ее далеко-далеко в поле.

Запечалилась лошадь и пошла в лес, чтоб найти себе там хоть какое-нибудь пристанище от непогоды. Повстречалась ей лиса и говорит:

— Ты чего голову повесила и бродишь тут одна?

— Ах,— говорит лошадь,— скупость и верность никогда не живут вместе! Мой хозяин позабыл про мою верную службу, которую я несла ему долгие годы, а так как пахать я больше не в силах, он не хочет меня больше кормить и прогнал меня прочь.

— И нету у тебя никаких надежд?

— Плохи мои надежды! Он сказал, что ежели я настолько сильна, что смогу принести ему льва, он оставит меня у себя, но ему-то ведь хорошо известно, что этого сделать я не в силах.

Говорит лиса:

— А я тебе помогу, ты только ложись да протянись, и не двигайся, будто мертвая.

Лошадь так и сделала, как сказала ей лиса. Направилась лиса ко льву,— была у него поблизости пещера,— и говорит:

— Лежит вон там мертвая лошадь: пойдём вместе со мной, и ты сытно пообедаешь.

Отправился лев вместе с ней, они подошли к лошади, а лиса ему и говорит:

— Тут тебе будет все-таки не так удобно. Знаешь что, привяжу-ка я ее к тебе за хвост, и ты сможешь притащить ее в свою пещеру и там преспокойно съесть.

Этот совет льву понравился, он стал задом, чтоб лиса могла привязать к нему лошадь, и стоял не шевелясь. А лиса связала ему лошадиным хвостом ноги, да так крепко узлы поскручивала, что никакая сила не могла бы их разорвать. Только кончила она свою работу, похлопала по спине лошадь и говорит:

— Ну, тащись, сивка, тащись!

Вскочила лошадь на ноги и потащила за собой льва. Заревел лев, да так, что птицы по всему лесу от страха повзлетали; а лошадь хоть бы что: тот ревет, а она идет себе и тащит льва через поле к дверям своего хозяина. Увидал это хозяин и говорит лошади:

— Теперь ты можешь у меня оставаться, и будет тебе хорошо.— И кормил ее всегда досыта, пока она не околела.

Стоптаные туфельки

они все вместе в одной зале, и постели их стояли рядом; вечером, когда они ложились спать, король закрывал дверь и запирали ее на засов. А утром, когда он ее открывал, то всегда замечал, что туфли у дочерей все от танцев стоптаны, и никак он не мог понять, отчего это происходит. И велел король кликнуть клич по всему королевству, что тот, кто дознается, где это они по ночам танцуют, может выбрать одну из них себе в жены, а после его смерти стать королем. Но кто объявится, а в течение трех дней и ночей о том не дознается, тому голова с плеч долой.

Вот вызвался вскоре один королевич взяться за это отважное дело. Его хорошо приняли и вечером отвели в комнату, что находилась рядом с залой-опочивальней. Ему приготовили постель, и он должен был наблюдать, куда королевны уходят и где танцуют; а чтоб ничего они не смогли сделать тайком или уйти куда-нибудь в другое место, то двери в залу были оставлены открытыми. Но вдруг веки у королевича налились точно свинцом, и он уснул, а когда наутро он проснулся, оказалось, что все двенадцать королевен ходили куда-то танцевать, — туфельки их стояли в зале, но у всех на подошвах были протерты дыры. И на второй, и на третий вечер случилось то же самое: и вот отрубили королевичу без всякой жалости голову. Приходило потом еще много других, которые брались за это отважное дело, но всем им пришлось поплатиться жизнью.

И вот случилось, что один бедный солдат, который был ранен и служить больше не мог, направился в тот самый город, где жил король. Повстречалась ему на пути старуха, она спросила его, куда он идет.

— Да я и сам точно не знаю, — ответил солдат и в шутку добавил: — Есть у меня охота дознаться, где это и в самом деле королевны свои туфли во время танцев стаптывают, — вот, может, я и королем сделаюсь.

— Да это не так-то и трудно,— сказала старуха.— Ты не пей вина, что поднесут тебе вечером, и притворись, будто крепко спишь.

Затем дала она ему небольшой плащ и сказала:

— Если ты наденешь его, то станешь невидимкой и сможешь тогда пробраться вслед за двенадцатью королевнами.

Солдат, получив добрый совет, решил приняться за это дело: набрался он смелости и к королю женихом объявился. Был он принят так же хорошо, как и другие, и на него тоже надели королевские одежды. Вечером, как пришло время спать ложиться, отвели его в комнату рядом с опочивальней; и когда он собирался ложиться спать, пришла старшая королевна и поднесла ему кубок вина; но он привязал к подбородку губку,— вино все и впиталось, и он и капли не выпил. Затем лег он в постель, полежал немного и начал храпеть, будто спит самым глубоким сном. Услыхали то двенадцать королевен, засмеялись, а старшая и говорит:

— И этому бы тоже не мешало жизнь свою побереечь.

Затем они встали, открыли шкафы, ларцы и шкатулки и достали роскошные платья; стали перед зеркалами наряжаться и прыгать на радостях, что вскоре смогут они опять танцевать. Но одна из них, младшая, и говорит:

— Я не знаю, вы вот радуетесь, а у меня на душе как-то тяжело: должно быть, с нами случится какое-нибудь несчастье.

— Эх ты, пуганая ворона,— сказала ей старшая,— всего ты вечно боишься! Разве ты забыла, сколько уже королевичей здесь понапрасну побывало? Солдату я даже и не стала бы сонного зелья подносить, этот олух и так не проснется.

Вот королевны были уже готовы и глянули на солдата, а он глаза закрыл, не двинется, не шелохнется, и подумали они, что теперь уже бояться им нечего. Подошла старшая к своей кровати и постучала в нее; и опустилась тотчас кровать в подземелье, и сошли они одна за другой вниз через подземный ход, а впереди всех шла старшая. Солдат, видя все это, долго не мешкал, он набросил на себя свой плащ и спустился вниз вслед за младшей. Посреди лестницы он наступил ей слегка на платье, она испугалась и крикнула:

— Что это? Кто это схватил меня за платье?

— Да ты не выдумывай,— молвила старшая,— это ты, видно, за крючок зацепилась.

Вот сошли они все вниз и очутились в чудесной аллее, и были все листья на деревьях серебряные, и они все сияли и сверкали. Солдат подумал: «Возьму-ка я что-нибудь в знак доказательства»,— и он отломил с дерева ветку; вдруг послышался страшный треск. Младшая вскрикнула:

— Тут что-то неладное, вы слышали треск?

Но старшая сказала:

— Это салютуют на радостях, что мы скоро освободим от чар наших принцев.

И они пошли затем по другой аллее, где листья на деревьях были все золотые, и, наконец, по третьей, где были листья все из чистых алмазов; и он отломил с обоих деревьев по ветке, и всякий раз дерево трещало, и младшая дрожала от страха, но старшая настаивала на том, что это салютуют в знак радости. Пошли они дальше, и вот подошли, наконец, к большой реке; стояло у берега двенадцать лодок, и в каждой лодке сидело по прекрасному принцу, и они ждали своих двенадцать королевен, и каждый посадил королевну к себе в лодку, солдат же сел вместе с младшей. А принц и говорит:

— Отчего это лодка вдруг стала сегодня тяжелее? Приходится мне грести изо всех сил.

— Это, пожалуй,— молвила младшая,— от жаркой погоды, и меня нынче что-то томит.

И стоял на другом берегу красивый, ярко освещенный замок, доносилась оттуда веселая музыка, трубы и литавры. Переплыли принцы через реку, вошли в замок, и каждый из них стал танцевать со своей милой. Солдат тоже танцевал вместе с ними, никем не видимый, и когда одна из королевен держала кубок с вином, то он весь его выпивал до дна, только она подносила его ко рту; и страшно было от того младшей, но старшая все заставляла ее молчать. Так протанцевали они там до трех часов утра, и вот все туфельки истоптались от танцев, и пришлось им оставить свои пляски. Перевезли принцы их опять через реку, а солдат на этот раз сел на переднюю лодку, к старшей. На берегу они попрощались со своими принцами и пообещали им прийти снова на следующую ночь. Когда они всходили по лестнице, солдат забежал вперед и лег в свою постель; и когда двенадцать королевен медленно подымались, утомленные, по лестнице, он уже храпел, да так громко, что все слышали; и они сказали: «Уж этого человека опасаться нам нечего». Сняли они свои красивые платья, спрятали их, стоптанные во время танцев туфельки поставили под кровать, а сами легли спать.

На другое утро солдат решил ничего не рассказывать, а еще раз поглядеть на это диво,— и вот ходил он и вторую и третью ночь с ними вместе. И все было так же, как и в первый раз,— они плясали до тех пор, пока туфельки не стаптывали. Но на третий раз взял он с собой в доказательство кубок. Вот наступило время ему отвечать, и взял он с собой и спрятал три ветки и кубок и пошел к королю, а двенадцать королевен стояли за дверью и слушали, что он скажет. Когда король стал спрашивать:

— Ну, рассказывай, где мои двенадцать дочерей ночью все свои туфельки в плясках истоптали? — то солдат ответил: — Вместе с двенадцатью принцами в подземном замке. И рассказал он королю все, как было, и принес ему знаки доказательства.

Велел тогда король позвать своих дочерей и спросил их, правду ли говорит солдат? Видя, что все обнаружилось, и если отпираться, то все равно ничего не поможет, они сознались во всем. Тогда король говорит:

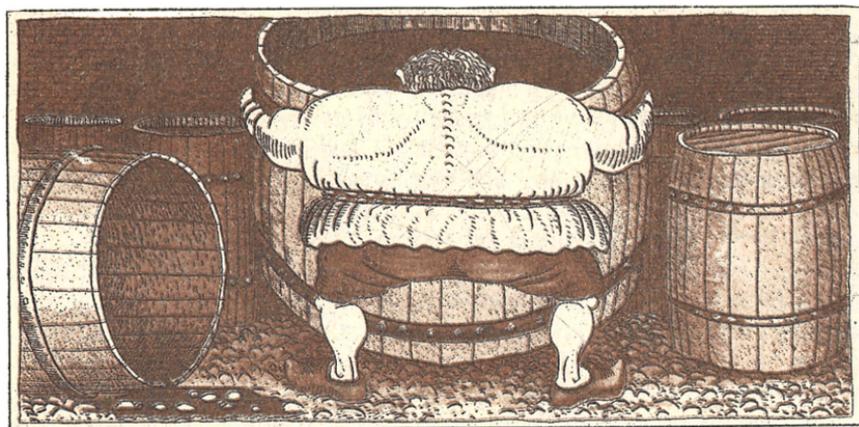
— Какую же ты хочешь взять себе в жены?

Он ответил:

— Я-то уж не молод, так отдайте мне старшую.

В тот же день и свадьбу сыграли, и было ему обещано после смерти короля и все государство.

И принцы были снова заколдованы на столько дней, сколько ночей проплясали они вместе с двенадцатью королевнами.

Шестеро слуг

Давно тому назад жила старая королева. Была она колдунья, а дочка была у ней самая красивая девушка во всем свете. Но старуха помышляла только о том, как бы ей заманить людей в беду, и когда приходил жених, она говорила, что кто хочет получить ее дочь, тот должен выполнить сначала задачу или погибнуть. Многие были ослеплены красотой девушки и отваживались на это дело, но выполнить, что поручала им старуха, они не могли, — и тогда уж не было им пощады: приходилось

им становиться на колени, и рубили им головы с плеч. Услыхал один королевич про великую красоту девушки и говорит своему отцу:

— Дозвольте мне туда отправиться, я хочу за нее посвататься.

— Я никогда этого тебе не позволю,— ответил король,— если ты туда пойдешь, то уж назад не вернешься.

И вот слег королевич в постель, заболел смертельно и пролежал целых семь лет, и ни один лекарь не мог его вылечить. Понял отец, что нет больше никакой надежды, и молвил ему с тоской в сердце:

— Отправляйся туда и попытай счастья, я больше не знаю, чем тебе помочь.

Как услышал это сын, поднялся с постели, сразу выздоровел и весело отправился в путь-дорогу.

И случилось так, что проезжал он на коне через пустошь и заметил издали, что лежит что-то на поле, будто большая копна сена; подъехал он ближе, видит — а это брюхо какого-то человека, который лежит на земле растянувшись; и было то брюхо похоже на небольшой пригорок. Как увидал толстяк путника, поднялся во весь рост и сказал:

— Если вам нужен человек, возьмите меня к себе в слуги.

Королевич ответил:

— Да что же мне с таким увальнем делать?

— О,— сказал толстяк,— это еще что! Вот если я раздуюсь как следует, то стану в три тысячи раз толще.

— Раз так,— сказал королевич,— ты мне пригодишься, ступай вместе со мной.

Пошел толстяк вслед за королевичем; а спустя некоторое время нашли они и другого, тот лежал на земле, приложив ухо к траве.

Спросил королевич:

— Что ты тут делаешь?

— Прислушиваюсь,— ответил человек.

— К чему же ты так чутко прислушиваешься?

— Прислушиваюсь к тому, что сейчас на свете творится; ведь от моих ушей ничто не скроется, мне даже слышать, как растет трава.

Спросил королевич:

— Скажи мне, что же ты слышишь при дворе старой королевы, у которой красавица дочь?

Ответил тот:

— Слышу, как меч свистит, что голову с плеч жениху рубит.

Сказал королевич:

— Ты мне пригодишься, ступай вместе со мной.

Вот двинулись они дальше и в скором времени увидели, что лежат две ступни и ноги, а конца их и не видать. Проехали

они немалое расстояние и подъехали, наконец, к самому туловищу, а потом и к голове.

— Эй,— сказал королевич,— а ты длинен, однако, как большой канат!

— О,— ответил долговязый,— это еще что! Если мне как следует вытянуться, то стану я в три тысячи раз длинней и побольше самой высокой горы на земле. Я охотно готов вам служить, если вы только согласны взять меня к себе в услужение.

— Ступай вместе со мной,— сказал королевич,— ты мне понадобишься.

Отправились они дальше и повстречали на пути еще одного: тот сидел на дороге с завязанными глазами.

И сказал ему королевич:

— Что это у тебя — глаза больные, что ты на свет не можешь смотреть?

— Нет,— ответил человек,— я не могу снять повязки потому, что если я гляну на что глазами, то все разлетится в куски, настолько могуч мой взор. Если это вам может пригодиться, я готов вам охотно служить.

— Ступай вместе со мной,— ответил королевич,— ты можешь мне пригодиться.

Отправились они дальше и нашли по дороге человека,— тот лежал на самом солнцепеке и дрожал, его знобило так, что зуб на зуб не попадал.

— Как это может тебя знобить?— сказал королевич.— Ведь солнце греет так жарко.

— Ах,— ответил человек,— у меня совсем другая натура: чем жарче, тем я больше зябну и меня пробирает мороз до самых костей; а чем холодней, тем становится мне жарче; на льду я страдаю от зноя, а в огне от холода.

— Станный ты человек!— сказал королевич.— Но если хочешь мне служить, то ступай вместе со мной.

Вот отправились они дальше, видят — стоит человек, вытянул свою длинную шею и по сторонам глядит, и видно ему все, что за горами делается.

Сказал королевич:

— Куда это ты так пристально вглядываешься?

Ответил человек:

— У меня такое острое зрение, что я вижу все через леса и поля, горы и доли и через весь мир вижу.

Сказал королевич:

— Если хочешь, ступай вместе со мной, такого мне как раз и недостает.

И вот двинулся королевич со своими шестью слугами в город, где жила старая королева. Он не объявил, кто он такой, а сказал:

— Если вы согласны выдать за меня вашу красавицу дочь, я выполню то, что вы мне зададите.

Обрадовалась колдунья, что попал к ней снова в сети такой прекрасный юноша, и сказала:

— Я задам тебе тройную задачу, если выполнишь каждую из них, станешь господином и мужем моей дочери.

— А какая же будет твоя первая задача? — спросил королевич.

— Ты должен достать мне мое кольцо, что уронила я в Красное море.

Пошел королевич домой к своим слугам и говорит:

— Первая задача не из легких: надо достать из Красного моря кольцо. Ну, как поступить?

Сказал тогда тот, у кого было острое зрение:

— Я посмотрю, где оно лежит.

Глянул он в глубь моря и сказал:

— Оно висит там на остром камне.

Отнес их долговязый в те края и сказал:

— Да я бы его достал, мне бы только увидеть, где оно.

— Если дело только за этим стало, то я смогу! — воскликнул толстяк и тотчас улегся на землю и подставил свой рот к самой воде; и двинулись волны к нему в рот, точно в пропасть какую, и он выпил целое море, и стало оно сухое, как луг. Нагнулся тогда Долговязый маленько и достал рукою кольцо. Обрадовался королевич, получив кольцо, и принес его старухе. Удивилась она и говорит:

— Да, это то самое кольцо и есть. Первую задачу ты выполнил удачно, а теперь черед за второй. Видишь, вон там на лугу перед моим замком пасутся триста откормленных быков, — ты должен их всех съесть заодно со шкурой и шерстью, костями и рогами; а внизу в подвале стоит триста бочек вина — ты должен их все выпить; но если останется от быков хотя бы один волос, а от вина хоть одна капелька, прощайся тогда со своей жизнью.

Говорит королевич:

— А можно ли мне к себе гостей пригласить? Без людей-то и обед невкусен.

Засмеялась злобно старуха и ответила:

— Чтоб не быть тебе одному, можешь пригласить кого-нибудь, не больше одного.

Пришел королевич к своим слугам и сказал Толстяку:

— Нынче ты будешь моим гостем и уж наешься досыта.

И вот раздулся Толстяк и съел триста быков, так что и волоска не осталось, и спрашивает, нет ли еще чего закусить; потом выпил вмиг все вино из бочек, даже стакана не потребовалось, вылизал все, до последней капли на затычке.

Кончился обед, явился королевич к старухе и сказал ей, что вторая, мол, задача выполнена. Удивилась старуха и говорит:

— Этого еще ни один человек не мог выполнить, но остается еще одна задача.— А сама про себя подумала: «Уж ты от меня не уйдешь, не сносить тебе головы на плечах».— Нынче вечером,— сказала она,— я приведу к тебе в спальню свою дочь, ты должен ее там обнимать; а когда вы будете сидеть вдвоем, то смотри, берегись, чтоб не уснуть: как пробьет полночь, я приду, и если не будет она в твоих объятьях, то погиб ты тогда.

Подумал королевич: «Это задача легкая, уж я и глаз не сомкну», но он все-таки кликнул своих слуг, рассказал им, что задала старуха, и говорит:

— Кто знает, какая за этим хитрость кроется; нужна осторожность,— вы стойте на страже и следите, чтоб девушка из моей спальни не вышла.

Наступила ночь, и явилась старуха со своей дочерью и передала ее в руки королевичу. Протянулся тогда Долговязый во круг них кольцом, а Толстяк встал у дверей, и ни одна живая душа проникнуть туда не могла бы. Сидели они там вдвоем, девушка и слова не молвила, светила луна в окно ей прямо в лицо, чтобы мог он видеть ее чудесную красоту. Он только и делал, что глядел на нее, был полон радости и любви, и глаза его не знали усталости. Так продолжалось до одиннадцати часов; но вот старуха напустила на всех свои чары, и все вдруг уснули, и в этот миг девушка была похищена.

Проспали они крепким сном до без четверти двенадцать, и потеряло тогда колдовство свою силу, и они все проснулись опять.

— Ох, какое несчастье! — воскликнул королевич.— Теперь я погиб!

Верные слуги начали тоже причитать, но Слухач сказал:

— Тише, дайте мне прислушаться.

Послушал он чуть и говорит:

— Она сидит на утесе, в трехстах часах ходу отсюда, и оплакивает там свою судьбу. Ты, Долговязый, только один

и мог бы помочь, если бы протянулся во весь свой рост, — стоит тебе сделать несколько шагов, и ты будешь там.

— Да, — ответил Долговязый, — но пускай идет вместе со мной Остроглазый, чтоб могли мы убрать скалу.

Посмотрел Долговязый на того, кто был с завязанными глазами, и в тот же миг, точно по мановению руки, очутились они перед заколдованною скалой. Снял Долговязый у Остроглазого повязку с глаз, и только тот оглянулся, как развалилась скала на тысячу кусков. Взял Долговязый девушку к себе на руки и принес ее вмиг назад, он принес так же быстро и своего товарища; и не успело пробить двенадцать часов, как сидели они по-прежнему и были веселые и бодрые. Вот пробило полночь, и подкралась старая колдунья, усмехнулась, будто желая сказать: «Теперь уж ты мой!» — она знала, что дочь ее сидит на скале, в трехстах часах ходу отсюда. Но как увидела она свою дочь в объятьях у королевича, испугалась и сказала:

— Этот будет посильнее меня!

Теперь уж отговариваться ей было нельзя и ей пришлось дать согласие выдать ее за него замуж. Но она успела шепнуть ей на ухо: «Стыдно тебе, что приходится простых людей слушаться и брать себе мужа не по любви».

Тогда исполнилось гордое сердце девушки гневом, и она решила отомстить. Она велела на следующее утро привезти триста вязанок дров и объявила королевичу, что хоть он и выполнил три задачи, но она не станет его женой до тех пор, пока кто-нибудь из них не согласится сесть на костер и выдержать испытание огнем. Она думала, что никто из его слуг не согласится сгореть ради него и что из-за любви к ней он сам будет готов взойти на костер, — а тогда уж она от него избавится. Но слуги сказали:

— Мы все кое-что сделали, только один Мерзляк ничего не сделал, пускай он усядется на костер, — и они посадили его посреди сложенных дров и подожгли их. Запылало пламя, оно горело целых три дня, пока все дрова не сгорели, и когда пламя погасло, видят — стоит Мерзляк на пепле, дрожа как осиновый лист, и говорит:

— Ни разу за всю свою жизнь не испытывал я такого холода; если б это продолжалось дольше, я бы совсем ооченел!

И нечего было делать — пришлось прекрасной девушке взять в мужья неизвестного юношу. Вот поехали они в церковь, и говорит старуха: «Я не в силах вынести такого позора», и выслала вслед за ними свое войско, оно должно было уничтожить все, что встретится ему на пути, и вернуть ей назад

ее дочь. Но насторожил уши Слухач и услышал тайные речи старухи.

— Как нам теперь быть? — спросил он у Толстяка.

Но тот уже знал, что делать: он плюнул раз-другой — и разлилось позади кареты почти море, которое он когда-то выпил, и сделалось большое озеро, и войско в том озере и утонуло. Как доведалься о том колдунья, выслала она своих закованных в броню всадников, но Слухач услышал звон и лязг их доспехов и снял у слуги с глаз повязку; и только глянул тот на врагов, как полопались всадники, точно стекло. И поехал жених с невестой спокойно дальше; и когда их обвенчали в церкви, слуги решили получить расчет и говорят своему господину:

— Ваши желанья исполнились, мы вам теперь больше не нужны, мы пойдем странствовать дальше и попытаем себе счастья.

А была в получасе ходьбы от замка деревня, и пас вблизи нее свое стадо свинопас; подъехали они туда, и говорит королевич своей жене:

— А ты знаешь, кто я такой? Я вовсе не королевич, а свинопас, а тот вон, кто пасет стадо, родной мой отец: нам надо пойти и помочь пасти ему стадо.

Вышел он с ней из кареты, зашел в харчевню и тайно шепнул хозяевам, чтобы те отобрали у нее ночью королевское платье. Проснулась она утром, и не во что ей было одеться; дала ей хозяйка харчевни старую юбку да шерстяные чулки и сделала вид, будто это большой подарок, и сказала:

— Если бы не ваш муж, я не дала бы вам ничего.

И поверила королевна, что он и вправду свинопас, и начала пасти с ним вместе стадо, а сама думала: «Я это заслужила за свое высокомерие и гордость». Так продолжалось восемь дней; но больше выдержать она не могла, и все ноги покрылись у нее ранами. Пришли к ней тогда двое крестьян и спрашивают ее, знает ли она, кто ее муж.

— Знаю, — говорит, — он свинопас; он только что ушел, чтоб выручить немного денег за свясла и бечевки.

А они и говорят ей:

— Пойдем с нами, мы отвеем тебя к нему, — и привели ее наверх в замок. Вошла она в зал, видит — стоит там ее муж в королевских одеждах. Но она его не узнала, пока он не бросился к ней на шею, поцеловал ее и сказал:

— Я так много из-за тебя выстрадал, что и ты должна была тоже ради меня пострадать.

Отпраздновали они тогда по-настоящему свадьбу, а кто эту сказку сказывал, тот был бы тоже не прочь на свадьбе у них побывать.

Железный Ганс

Жил однажды король, и возле его замка был дремучий лес,

в котором водилась разная дичь.

Послал раз король туда своего егеря, чтоб убить косулю, но егерь назад не вернулся.

— Видно, с ним какое-нибудь несчастье случилось, — сказал король и послал на другой день двух егерей на поиски его; они тоже назад не вернулись.

Тогда созвал король на третий день всех своих егерей и говорит:

— Исходите весь лес вдоль и поперек и не оставляйте поисков до тех пор, пока всех троих не найдете.

Однако из тех егерей домой никто не вернулся, а из своры собак, которых они взяли с собой, ни одной больше не видели. С той поры больше никто ходить в тот лес не отваживался, и стоял он в глубокой тишине, одинокий, и видно было только, как пролетал иногда над ним орел или ястреб. Так продолжалось долгие-долгие годы.

Но явился однажды к королю неизвестный охотник, он хотел поступить на службу и вызвался отправиться в тот страшный лес. Но король согласия своего давать не хотел и сказал:

— В этом лесу нечистая сила водится; я боюсь, что и с тобой случится то же, что и с другими, и ты назад из него не вернешься.

Охотник ответил:

— Король, я уж рискну; я ничего не боюсь. — И он отправился со своею собакой в тот лес.

Прошло некоторое время, и напала собака на след дичи и начала было за нею гнаться, но только пробежала она несколько шагов, видит — раскинулось перед ней глубокое болото, дальше идти нельзя, и протянулась из воды голая рука, схватила собаку и потащила ее на дно. Увидел это охотник, воротился назад и привел с собою трех людей; они пришли с ведрами и начали вычерпывать воду. Вот уже показалось дно;

и видят они — лежит там дикий человек, тело у него все ржавее, как ржавое железо, а волосы висят до самых колен.

Связали они его веревками и привели в замок. И немало там удивлялись лесному человеку, и велел король посадить его в железную клетку в своем дворе и под страхом смертной казни запретил открывать дверь той клетки, а ключи поручил хранить самой королеве. С той поры каждый мог ходить в тот лес спокойно.

Был у короля сын восьми лет. Играл он раз во дворе, и во время игры попал его золотой мяч в клетку. Подбежал мальчик к клетке и говорит:

— Кинь мне мой мяч назад.

— Нет, — ответил лесной человек, — я его не отдам, пока ты не откроешь мне дверь.

— Нет, — сказал мальчик, — я этого не сделаю, это король запретил, — и убежал.

На другой день пришел он опять и стал требовать свой мяч. А лесной человек говорит: «Открой мне дверь», но мальчик опять отказался.

На третий день король выехал на охоту, а мальчик подошел снова к клетке и говорит:

— Если бы даже я и хотел тебе дверь открыть, то все равно бы не смог, у меня нет ключа.

— Он лежит под подушкой у твоей матери, — сказал лесной человек, — ты его можешь достать.

Мальчику очень хотелось вернуть свой мяч, он позабыл про всякую осторожность и принес ключ. Дверь открывалась с трудом, и мальчик прищемил себе палец. Как только дверь открылась и лесной человек вышел наружу, он отдал мальчику золотой мяч, и сам стал быстро уходить.

Сделалось мальчику страшно, и он крикнул вдогонку:

— Ах, лесной человек, не уходи отсюда, а не то меня побьют.

Лесной человек вернулся, поднял его, посадил себе на плечи и быстрыми шагами направился в лес.

Вернулся король домой, увидел пустую клетку и спросил королеву, как все это случилось. Королева ничего не знала, начала искать ключ, но его не оказалось. Стала она звать мальчика, но никто не отвечал. Разослал тогда король повсюду людей на розыски мальчика, но они его нигде не нашли. Тогда король догадался, что случилось, и великая печаль воцарилась при королевском дворе.

А лесной человек вернулся снова в дремучий лес, снял там мальчика с плеча и сказал ему:

— Отца и мать свою ты больше не увидишь, но я буду о тебе заботиться, потому что ты меня освободил и мне тебя жаль. Если ты будешь исполнять все, что я тебе скажу, то бу-

дет тебе хорошо. А драгоценностей и золота у меня вдосталь, больше чем у кого-либо на свете.

Он устроил мальчику подстилку из мха, и тот уснул; а на другое утро лесной человек привел его к колодцу и говорит:

— Видишь этот золотой колодец? Он чист и прозрачен, как хрусталь; ты должен будешь около него сидеть и следить, чтоб ничего в него не упало, а не то он станет нечистый. Каждый вечер я буду приходить и смотреть, выполнил ли ты мой наказ.

Сел мальчик на краю колодца, и ему было видно, как мелькала в нем то золотая рыба, то золотая змея, и он следил, чтоб ничто не упало в колодец.

Когда он сидел, вдруг заболел у него палец, да так сильно, что мальчик невольно сунул его в воду. Он быстро вытащил руку назад и вдруг увидел, что весь палец стал золотой; и какие он старания ни прилагал, чтоб стереть золото, все было напрасно.

Вечером вернулся Железный Ганс — так звали лесного человека, — посмотрел на мальчика и сказал:

— Что случилось с колодцем?

— Ничего, ничего не случилось, — ответил мальчик и спрятал палец за спину, чтоб лесной человек не мог его увидеть.

Но тот сказал:

— Ты погрузил палец в колодец; на этот раз я, так уж и быть, прощаю тебе, но смотри, берегись, чтоб больше ничего в него не попало.

И вот на ранней заре сидел мальчик снова у колодца и его сторожил. Но заболел у него опять палец, и он провел рукой по голове, и упал невзначай один волос в колодец. Он быстро вытащил его оттуда, но волос стал весь золотой.

Явился Железный Ганс, он знал уже все, что случилось.

— Ты уронил волос в колодец, — сказал он, — я прощаю тебе и на этот раз, но если это случится и в третий раз, то станет колодец нечистый, и тебе нельзя будет у меня оставаться.

Сидел на третий день мальчик у колодца и уж пальцем не шелохнул, а он болел у него еще очень сильно. Стало ему очень скучно, и он начал разглядывать себя в водяном зеркале. При этом он все больше и больше наклонялся вниз; захотелось ему заглянуть себе в глаза; и вдруг упали его длинные волосы в воду. Он быстро поднялся, но все волосы на голове стали вдруг золотыми и засияли, как солнце.

Можете себе вообразить, как бедный мальчик испугался! Вытащил он из кармана платок и обвязал им голову, чтоб лесной человек ничего не заметил. Но Железный Ганс пришел и знал уже все и сказал:

— А ну, развяжи платок.

И рассыпались золотые волосы у него по плечам, и как мальчик ни оправдывался, ничего не помогло.

— Ты испытания не выдержал, и оставаться тебе здесь больше нельзя. Ступай странствовать по свету, и ты узнаешь тогда, как в бедноте живет. Но так как сердце у тебя не злое и я желаю тебе добра, то я позволю тебе вот что: когда попадешь ты в беду, то ступай в лес и кликни: «Железный Ганс!», и я приду к тебе на помощь. Могущество мое велико, больше, чем ты полагаешь, а золота и серебра у меня вдосталь.

Покинул королевич лес и пошел по дорогам и нехоженым тропам все вперед и вперед, пока, наконец, не пришел в большой город. Стал он искать там работы, но найти ее никак не мог да и обучен он ничему не был, чем мог бы прокормиться. Наконец отправился он в замок и спросил, не возьмут ли его там на работу. Придворные не знали, к какому делу можно бы его определить, но мальчик им понравился, и они велели ему остаться. Взял его, наконец, к себе на работу повар и велел ему дрова и воду носить да золу выгребать.

Однажды, когда под рукой никого не оказалось, велел повар ему отнести кушанья к королевскому столу. Мальчику не хотелось показывать своих золотых кудрей, и он своего поварского колпака не снял. А к королю в таком виде никто еще ни разу не являлся, и он сказал:

— Если ты являешься к королевскому столу, должен свой колпак снять.

— Ах, господин мой король, — ответил ему мальчик, — я никак не могу, у меня вся голова в стружьях.

Тогда велел король позвать повара, выбралил его и спросил, как же он смел такого мальчишку принимать к себе на работу; и приказал его тотчас прогнать. Но повар мальчика пожалел и обменял его на садовничьего ученика.

И должен был теперь мальчик в саду деревья сажать, поливать их, мотыжить, землю копать и терпеть стужу и зной. Однажды летом работал он один в саду, а день был такой жаркий, и вот снял он свою шапочку, чтоб на ветру освежиться. Но засияло солнце на его волосах, и они так засверкали-зablестели, что упали лучи в спальню королевны, и она вскочила, чтоб поглядеть, что это такое. Увидела она юношу и окликнула его:

— Паренек, принеси мне букет цветов.

Надел он второпях свою шапочку, нарвал простых полевых цветов и связал их в букет. Когда он подымался по лестнице, его встретил садовник и говорит:

— Как ты смеешь нести королевне такие плохие цветы. Скорей нарви других, да самых красивых, душистых.

— Ах, нет,— ответил юноша,— полевые цветы пахнут сильней, они ей больше понравятся.

Вошел он в комнату королевы, а она и говорит:

— Сними свою шапочку, тебе негоже передо мной в шапке стоять.

А он опять-таки отвечает:

— Мне никак нельзя, у меня голова в стружьях.

Тогда королева схватила шапочку, сняла ее, и рассыпались его золотые волосы по плечам, и глядеть на них было так приятно.

Он хотел убежать, но она удержала его за руку и дала ему целую пригоршню золотых. Он взял их, но на золото никакого внимания не обратил, принес золотые садовнику и говорит:

— Я дарю их твоим детям, пусть они ими играют.

На другой день королева кликнула его снова и велела принести ей букет полевых цветов, и когда он с ним явился, она тотчас схватила его за шапочку и хотела снять, но юноша крепко держал шапочку обеими руками. Королева дала ему опять пригоршню золотых, но он оставлять их у себя не захотел, а отдал их детям садовника вместо игрушек. На третий день случилось то же самое,— королева не могла снять с него шапочку, а он никак не хотел брать у нее золота.

Вскоре началась в этой стране война. Собрал король свой народ и не знал, сможет ли он отразить натиск врага более сильного, у которого имелось большое войско.

И говорит тогда садовничий ученик:

— Я уже вырос и хочу тоже идти на войну вместе с другими, дайте мне только коня.

Но над ним посмеялись и сказали:

— Вот когда мы уедем, ты и лошадь себе подберешь: мы оставим тебе одну на конюшне.

Выступили они в поход, а юноша пошел на конюшню и вывел оттуда лошадь, она на одну ногу хромала, была заморенная и на ходу похрипывала: «гуп-гуп». Но он все-таки сел на нее и двинулся в дремучий лес. Подъехал юноша к опушке леса и трижды крикнул: «Железный Ганс!», да так громко, что разнеслось по всему лесу. И вмиг явился лесной человек и спросил:

— Что требуешь ты?

— Я требую сильного коня, собираюсь ехать на войну.

— Будет у тебя конь, и ты получишь еще больше, чем требуешь.

Вернулся лесной человек в чащу, и в скором времени вышел оттуда конюх, он вел коня. Конь фыркал, храпел, и его еле можно было удержать. А за ним следовал большой отряд воинов, закованных в броню, и мечи их сверкали на солнце.

Отдал юноша конюху свою хромоногую кобылу, вскочил на коня и поехал впереди войска. Когда он подъехал к полю сражения, к тому времени бóльшая часть королевских солдат была уже перебита, и еще бы немного, и пришлось бы оставшимся обратиться в бегство. Тут налетел юноша со своей железной ватагой, обрушился на врагов, как гроза, и перебил всех, кто ему на пути попадался. Пришлось врагам обратиться в бегство, но юноша гнал их по пятам и до тех пор не останавливался, пока не осталось в живых ни одного человека.

Но вместо того чтобы вернуться назад к королю, юноша повел свой отряд окольными дорогами опять в лес и кликнул Железного Ганса.

— Что требуешь ты? — спросил лесной человек.

— Возьми своего коня и свой отряд назад и верни мне назад мою хромоногую лошадь.

Исполнилось все, что он потребовал, и поехал юноша на своей трехногой кобыле домой.

Вернулся король снова в свой замок, вышла к нему на встречу его дочь и стала поздравлять его с победой.

— Это не я одержал победу, — сказал король, — а один неизвестный рыцарь, подоспевший со своим отрядом к нам на помощь.

Захотелось королевне узнать, кто этот незнакомый рыцарь, но король сам этого не знал и сказал:

— Он погнался за врагами, и с той поры я больше его не видел.

Спросила королева у садовника про его ученика, а тот засмеялся и говорит:

— Да он только что вернулся домой на своей трехногой кобыле. И все, посмеиваясь, кричали ему: «Вот и подъехала наша заморенная кобыла!». И спрашивали: «А за каким это плетнем ты отсиживался да спал?». Но он отвечал: «Я совершил подвиг, и без меня плохо пришлось бы». Но над ним еще больше смеялись.

Сказал король своей дочери:

— Я велю устроить большой праздник, он должен будет длиться три дня, а ты будешь бросать золотое яблоко, — может, тогда незнакомец явится сюда, чтоб его поймать. И вот, когда был объявлен праздник, юноша вышел в лес и кликнул Железного Ганса.

— Чего требуешь ты? — спросил Железный Ганс.

— Чтоб поймал я золотое яблоко королевны.

— Это легко — считай, что оно у тебя уже в руках, — сказал Железный Ганс, — но ты получишь еще вдобавок красные доспехи и будешь ехать на статном рыжем коне.

Вот наступил назначенный день, и прискакал юноша во весь опор, стал между рыцарями, и его никто не узнал. Вышла

королевна и бросила рыцарям золотое яблоко, но никто не поймал золотого яблока, кроме юноши, — только он его и поймал и вмиг ускакал прочь.

На другой день Железный Ганс снарядил его доспехами белого рыцаря и дал ему белого коня. Снова только один юноша поймал яблоко, но, схватив его, тотчас умчался.

Рассердился король и сказал:

— Этак не годится: он должен явиться ко мне и назвать свое имя.

И отдал король приказ: если рыцарь, который поймает яблоко, ускачет опять из замка, то надо броситься за ним в погоню, а если он по доброй воле назад не вернется, следует на него накинуться и ударить его мечом.

На третий день получил юноша от Железного Ганса черные доспехи и вороного коня и снова поймал яблоко. Но когда он помчался из замка, королевские слуги бросились за ним в погоню, и один из них подскочил к юноше так близко, что ранил его острием меча в ногу. Юноша все-таки ускакал, но конь его мчался так быстро, что у рыцаря свалился шлем с головы, и все увидели, что у него золотые волосы. Слуги поскакали назад и доложили обо всем королю.

На следующий день королевна спросила у садовника про его ученика.

— Он работает в саду. Этот чудной парень был тоже на празднике и только вчера под вечер воротился домой. Он показывал моим детям три золотых яблока, которые он выиграл.

Тогда король велел позвать юношу к себе. Он явился, и у него была на голове, как и прежде, шапочка. Но королевна подошла к нему и сняла ее с него, — и вдруг упали его золотые волосы на плечи, и это было так красиво, что все изумились.

— Не ты ли тот рыцарь, что каждый день являлся на праздник, облаченный всегда в разные доспехи, и поймал три золотых яблока?

— Да, — ответил юноша, — а вот и яблоки эти, — и он достал их из кармана и подал королю. — Но если вам нужны еще знаки доказательства, то можете посмотреть на рану, нанесенную мне вашими людьми во время погони за мной. А к тому ж — я тот самый рыцарь, что помог вам одержать победу над врагами.

— Если ты можешь совершать такие подвиги, ты, видно, вовсе не садовничий ученик. Скажи мне, кто же твой отец?

— Мой отец — могущественный король, и у меня много золота, столько, сколько я захочу.

— Я вижу, — сказал король, — что должен тебя отблагодарить. Могу ли сделать я тебе что-нибудь приятное?

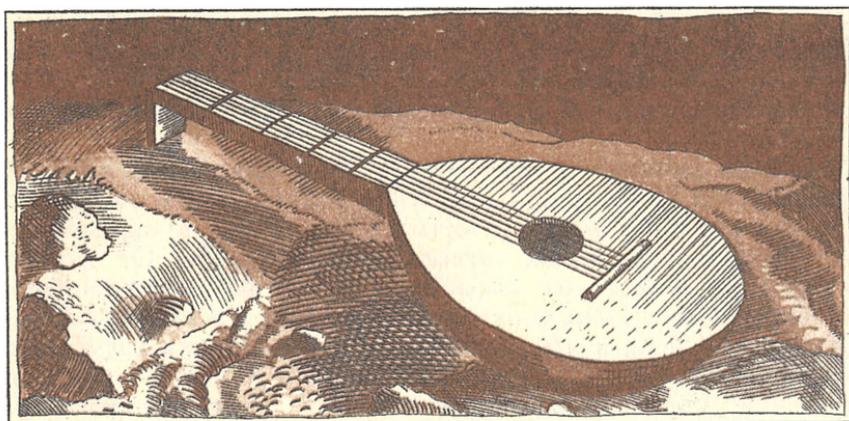
— Да, — ответил королевич, — конечно, вы можете это сделать, если отдадите мне дочь вашу в жены.

Засмеялась королева и сказала:

— Он говорит все напрямик, и я по его золотым волосам уже догадалась, что он вовсе не садовничий ученик, — и она подошла к нему и его поцеловала.

На свадьбу прибыли отец и мать королевича, они были в великой радости, ведь они потеряли всякую надежду увидеть когда-нибудь своего милого сына. Когда все сидели на свадебном пиру, вдруг музыка умолкла, распахнулись двери, и вошел статный король с большою свитой. Он подошел к юноше, обнял его и сказал:

— Я — Железный Ганс, я был обращен в лесного человека, но ты меня расколдовал. Все богатства, которыми я обладаю, отныне будут твои.

Ослик

Жили когда-то на свете король и королева. Они были богатые, и было у них все, что они только хотели, но детей у них не было. День и ночь горевала из-за того королева и говорила:

— Я — словно нива, на которой ничего не растет.

Наконец исполнил господь ее желание: родилось у нее дитя, но было оно похоже не на человеческое дитя, а был это маленький ослик. Как увидела это мать, стала причитать и жаловаться, что уж лучше бы ей совсем не иметь ребенка, чем иметь какого-то осла, и она велела бросить его в реку на съедение рыбам. Но король сказал:

— Нет, раз бог его нам послал, то пусть он будет моим

сыном и наследником, а после моей смерти сядет на королевский трон и носит королевскую корону.

Вот стали ослика воспитывать. Начал ослик подрастать, и отросли у него быстро уши. Был ослик нрава веселого, все прыгал да играл, и была у него такая страсть к музыке, что отправился он раз к знаменитому музыканту и говорит:

— Научи меня своему искусству, чтоб я мог играть на лютне так же хорошо, как и ты.

— Ах, мой милый сударик, — ответил музыкант, — это вам будет трудно, ваши пальцы вовсе к такому делу не приспособлены, они слишком большие, и я опасаясь, что струны не выдержат.

Но никакие уговоры не помогли — ослику во что бы то ни стало хотелось играть на лютне; он был упрям и прилежен и в конце концов выучился играть так же хорошо, как и сам учитель. Однажды вышел молодой наследник на прогулку и подошел к колодцу, глянул в него и увидел в зеркально-ясной воде свое ослиное обличье. И он так сильно из-за этого ошечалился, что ушел бродить по свету и взял себе в спутники одного только верного товарища. Они бродили вместе по разным местам и пришли, наконец, в одно королевство, где правил старый король, у которого была единственная дочь, притом большая красавица. И сказал ослик:

— Мы здесь некоторое время пробудем. — Он постучался и крикнул: — Гость у ворот! Откройте дверь, дайте войти!

Но ему дверь не открыли. И уселся ослик у ворот, взял свою лютню и заиграл на ней двумя передними ногами, да так прекрасно. Привратник от удивления вытаращил глаза, побежал к королю и сказал:

— Сидит у ворот молодой ослик, играет на лютне, да так хорошо, словно ученый мастер.

— Так тыпусти музыканта сюда, — сказал король.

Но только вошел ослик в замок, начали все над таким игроком смеяться. И вот поместили ослика внизу вместе со слугами, где его и кормили, но он рассердился и говорит:

— Я не какой-нибудь простой ослик, я знатный осел. А ему и говорят:

— Раз так, то садись тогда вместе с воинами.

— Нет, — говорит он, — хочу я сидеть рядом с королем. Засмеялся король и весело молвил:

— Ладно, ослик, пускай будет по-твоему, ступай ко мне.

А потом король спрашивает:

— Ослик, а как тебе нравится моя дочь?

Повернул ослик голову к ней, поглядел на нее, кивнул и говорит:

— Чрезвычайно нравится, она такая прекрасная, что подобной я ни разу не видывал.

— Ну, так садись с ней рядом, — ответил король.

— Это как раз мне и подобает, — ответил ослик и уселся с ней рядом, ел и пил и держал себя прилично и опрятно.

Пробыл благородный ослик при королевском дворе немало времени и подумал: «Что пользы с того, надо все-таки домой возвращаться». Он запечалился, явился к королю и попросил его отпустить. Но король его полюбил — и говорит:

— Что с тобой, милый ослик? Вид у тебя такой грустный, умирать, что ли, задумал? Оставайся у меня, я тебе дам все, чего ты только пожелаешь. Хочешь золота?

— Нет, — ответил ослик и покачал головой.

— Хочешь драгоценностей и украшений?

— Нет.

— Хочешь половину моего королевства?

— Ах, нет.

И сказал король:

— Если бы мне только знать, что могло бы тебя утешить! Хочешь мою красавицу-дочь в жены?

— Ах, мне бы очень хотелось ее иметь, — сказал ослик и стал вдруг такой веселый и радостный, потому что это как раз и было то, чего он желал.

И была отпразднована большая и пышная свадьба. Вечером, когда жениха и невесту повели в опочивальню, захотелось королю узнать, будет ли ослик держать себя чинно, как подобает, и вот он велел одному из слуг спрятаться в опочивальне. Когда молодые остались наедине, задвинул жених двери на засов, оглянулся вокруг и, увидев, что они совершенно одни, сбросил вдруг свою ослиную шкуру, — и стал перед королевной прекрасный юноша.

— Вот видишь, — сказал он, — кто я на самом деле, теперь ты видишь, что я достоин тебя.

Обрадовалась невеста, поцеловала его и всем сердцем его полюбила. Но вот наступило утро, он поднялся, натянул на себя снова свою звериную шкуру, и ни один человек не мог бы догадаться, кто под нею скрывается.

А тут вскоре пришел и старый король и говорит:

— О, вот наш ослик и повеселел! А тебе-то, пожалуй, грустно, — сказал он своей дочери, — ведь ты получила в мужья настоящего мужа!

— Ах, нет, милый отец, я его так люблю, будто он самый красивый на свете, и хочу с ним прожить всю свою жизнь.

Удивился король, но слуга, который прятался в опочивальне, пришел и обо всем рассказал королю.

И сказал король:

— Никогда не поверю, что это правда.

— Тогда на другую ночь сами понаблюдайте, и вы увидите это собственными глазами. Знаете что, мой король, вы спрячьте от него ослиную шкуру и бросьте ее в огонь, — уж тогда жемуху придется показаться в своем настоящем обличье.

— Совет твой хорош,— сказал король.

И вот вечером, когда молодые уснули, он пробрался к ним в опочивальню и, подойдя к постели, увидел в лунном сиянии спящего статного юношу, и лежала рядом на полу снятая шкура. Король ее взял, велел развести на дворе большой костер и бросить в него шкуру, и сам присутствовал при этом, пока она вся не сгорела дотла. Но королю захотелось увидеть, как будет юноша вести себя без украденной у него шкуры, и он всю ночь сторожил и прислушивался.

Когда юноша выспался, только стало светать, он поднялся и хотел натянуть на себя ослиную шкуру, но найти ее было нельзя. Он испугался и сказал в печали и страхе:

— Я вижу, что мне надо отсюда бежать.

Он вышел из спальни, но у дверей стоял король и сказал ему:

— Сын мой, куда ты спешишь, что ты задумал? Оставайся здесь, ты юноша красивый, и тебе уходить отсюда незачем. Я дам тебе половину своего королевства, а после моей смерти ты наследуешь все.

— Если так, то я хочу, чтоб хорошее начало имело и хороший конец,— сказал юноша,— я у вас остаюсь.

И отдал старик-король ему полкоролевства; а когда спустя год он умер, юноша получил все королевство, а после смерти своего отца еще к тому же и другое, и он жил в большой пышности и великолепии.

Неблагодарный сын

Сидел раз муж со своей женой возле дома, они положили перед собой жареную курицу и собирались ее есть. Увидел муж, что подходит к дому его старик-отец, и он быстро убрал и спрятал курицу,— пожалел дать старику хоть бы кусок. При-

шел старик, похлебал немного и ушел. Захотелось сыну положить опять жареную курицу на стол, но только он за нее взялся, вдруг обернулась она большой жабой, прыгнула ему в лицо, уселась на нем и уходить не захотела; а когда кто-нибудь пытался ее снять, она так злобно на него глядела, будто прыгнуть в лицо собиралась, и никто не осмелился к ней прикоснуться. И должен был неблагодарный сын эту жабу кормить каждый день, а не то бы она съела ему лицо. И вот, не имея покоя, он все скитался по свету.

Старая нищенка

Жила-была однажды старушка нищенка. Ты видел, пожалуй,

как ходила одна старуха да милостыню просила?

Так вот эта женщина тоже милостыню собирала, и когда ей что-нибудь подавали, она говорила: «Да вознаградит вас господь за это». Подошла раз нищенка к дверям одного дома, а стоял там парень, был он на вид ласковый, но большой плут, он грелся в то время у камелька. Вот и говорит парень ласково бедной старушке нищенке, что стояла у дверей, дрожа от холода: «Вы, бабушка, подойдите да погрейтесь».

Подошла старуха к камельку, да слишком близко, и вот загорелись на ней старые лохмотья, но она того не заметила. А парень рядом стоял и видел это. Должен же он был их потушить? Не правда ли, он должен был их потушить? Даже если бы не было в доме воды, ему следовало бы все свои слезы выплакать, чтоб потекли они двумя чистыми ручьями и потушили огонь.

Пастушок

Жил-был пастушок, и был он за мудрые свои ответы, что давал на все вопросы, повсюду знаменит да известен. Услыхал о том и король той стороны и, тому не поверив, велел привести к себе мальчугана. И сказал он ему:

— Если ты сможешь ответить мне на три вопроса, то возьму я тебя к себе, и будешь ты мне вместо сына, будешь жить в моем королевском замке.

Мальчик спросил:

— А что это за три вопроса?

А король говорит:

— Мой первый вопрос такой: сколько капель воды в море?

Пастушок ответил:

— Господин король, велите остановить все реки, что текут на земле, чтоб ни одна капля из них в море не убегала, пока я их не пересчитаю, и я скажу вам, сколько капель в море.

Говорит король:

— Второй мой вопрос будет такой: сколько звезд на небе?

Пастушок сказал:

— Дайте мне большой лист бумаги.

Наставил он пером на ней так много маленьких точек, что их было еле видно, почти невозможно было их счесть, и рябило в глазах, когда на них смотришь. И сказал он королю:

— Вот столько же и звезд на небе, сколько точек на этой бумаге; попробуйте счесть их!

Но никто не мог этого сделать. И говорит король:

— А третий вопрос мой: сколько секунд в вечности?

И ответил ему пастушок:

— Есть в дальней Померании Алмазная гора; чтоб подняться на ее вершину, надо идти целый час; и целый час надо,

чтобы пройти ее вдоль; и целый час, чтобы в глубь той горы спуститься. На вершину ее раз в столетье прилетает птичка и точит свой клюв,— так вот, когда она всю гору источит, то пройдет первая секунда вечности.

И сказал король:

— Ты ответил на три вопроса, как мудрец; отныне ты будешь жить со мной в моем королевском замке и будешь мне вместо сына.

Звездные талеры

Жила-была маленькая девочка. Отец и мать у нее умерли, и была она такая бедная, что не было у нее даже каморки, где жить, и кровати, где спать. Наконец осталось у нее одно только платье, что на ней было, и кусочек хлеба в руке, который ей подала какая-то жалостливая душа. Но была она добрая и скромная. И оттого, что была она всем миром покинута, вышла она, полагаясь на волю господню, в поле. Встретился ей на дороге бедняк и говорит:

— Ах, дай мне чего-нибудь поесть, я так проголодался.

Она отдала ему последний кусочек хлеба и сказала:

— На здоровье,— и пошла дальше.

Шел по дороге ребенок, он жалобно плакал и сказал:

— Холодно моей голове, подари мне что-нибудь, чем бы я мог ее покрыть.

Сняла она свою шапочку и отдала ему. Прошла она еще немного, и повстречался ей опять ребенок, не было на нем ничего, и весь он дрожал от холода,— и она отдала ему свое платье. А потом попросил у нее другой ребенок юбочку, и отдала она ему юбочку. Наконец пришла она в лес, а уже совсем стемнело, и явился еще ребенок, попросил у нее рубашечку. И доб-

рая девочка подумала: «Ночь темная, меня никто не увидит,— можно, пожалуй, отдать и рубашку»,— и сняла она рубашку, отдала и ее. И вот стоит она, и нет у нее ничего больше, и вдруг стали падать звезды с неба, а были то не звезды, а новехонькие блестящие талеры; и хотя она отдала свою последнюю рубашку, но появилась на ней новая, да притом из самого тонкого льна. И подобрала она в подол талеры, и хватило их ей на всю жизнь.

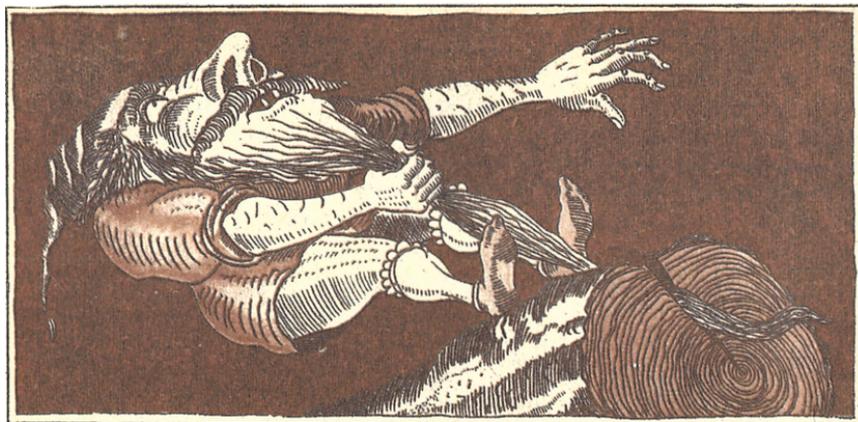

Очески

Жила однажды девушка, была она красавица, да зато ленивая и нерадивая. Когда ей надо было прясть пряжу, она сердилась, если ей попадался какой маленький узелок на льняной пряже, она вырывала целый пучок прядева, бросала его наземь, словно отбросы какие-нибудь. А была у нее служанка, та была работающая,— подберет она выброшенный лен, очистит его, спрядет его тонко да так искусно; и вот выткала она себе из таких оческов красивое платье. А сватался за ленивую девушку один парень, и должны были праздновать свадьбу. Вечером накануне свадьбы весело танцевала прилежная девушка в своем красивом платье, а невеста и говорит:

Как плясать не стыдно ей,
Ведь очески-то на ней!

Услыхал это жених и спрашивает невесту, что она этим хочет сказать. И рассказала она жениху, что на той вон девушке все платье соткано из льняной пряжи, которую она выбрасывала. Как услышал это жених, понял, что она ленивица, а та, бедная девушка, работающая,— бросил свою невесту, подошел к той и выбрал ее себе в жены.

Белоснежка и Алоцветик

Жила бедная вдова одна в своей избушке, а перед избушкой был у нее сад; росло в том саду два розовых дерева, и цвели на одном белые розы, а на другом — алые; и было у нее двое детей, похожих на эти розовые деревья, звали одну — Белоснежка, а другую — Алоцветик. Были они такие скромные и добрые, такие работающие и послушные, что таких еще и не было на свете; только Белоснежка была еще тише и нежней, чем Алоцветик. Алоцветик все больше прыгала и бегала по лугам и полям, собирала цветы и ловила бабочек; а Белоснежка — та больше сидела дома возле матери, помогала ей по хозяйству, а когда не было работы, читала ей что-нибудь вслух. Обе сестры так любили друг друга, что если куда-нибудь шли, то держались всегда за руки, и если Белоснежка, бывало, скажет: «Мы всегда будем вместе», — то Алоцветик ей ответит: «Да, пока мы живы, мы никогда не расстанемся», — а мать добавляла: «Что будет у одной из вас, пусть поделится тем и с другой».

Часто девочки бегали в лесу одни, собирали спелые ягоды, но ни один зверь их не трогал, и все доверчиво подходило к ним. Зайчик ел у них с руки капустный лист, дикая коза паслась рядом с ними, весело прыгал около них олень, и птицы оставались сидеть на ветках и распевали разные песни, какие только знали. И ни разу никакой беды с сестрами не случилось. Если они, бывало, в лесу задержатся и наступит уже ночь, они лягут рядом на мягком мху и спят так до утра; мать знала об этом и никогда о них не беспокоилась. Однажды заночевали они в лесу, проснулись на рассвете, видят — сидит рядом с ними чудесное дитя в белом сверкающем платье. Оно встало и ласково на них поглядело, но ничего им не сказало и ушло в

глубину леса. Оглянулись они и увидели, что спали они как раз на самом краю пропасти и, должно быть, упали бы в нее, если бы в темноте сделали хоть один шаг. И вот мать им объяснила, что то, должно быть, был ангел, охраняющий добрых детей.

Белоснежка и Алоцветик держали избушку в такой чистоте, что в нее приятно было заглянуть. Летом за домом присматривала Алоцветик. Каждое утро, пока мать еще спала, ставила она у ее постели цветы — с каждого деревца по розе. Зимой Белоснежка затапливала печь, подвешивала к очагу котел на крюке; и медный котел блестел, точно золото, так хорошо он был вычищен. Вечером, когда падал белыми хлопьями снег, мать говорила:

— Ступай, Белоснежка, и запри дверь на задвижку.

Они садились потом у очага, и мать надевала очки и читала им вслух из большой книги. А девочки сидели, пряли и слушали. Рядом с ними лежал на полу ягненок, а сзади сидел на насте белый голубок, спрятав голову под крыло.

Раз вечером сидели они мирно все вместе, вдруг кто-то постучался в дверь и попросил, чтоб его впустили. Мать говорит:

— Алоцветик, открой поскорей дверь, это, пожалуй, какой-нибудь странник просится на ночлег.

Алоцветик пошла и отодвинула задвижку, думая, что это какой-нибудь бедный человек; но то был медведь, который просунул в дверь свою большую черную голову. Алоцветик громко вскрикнула и отскочила назад, ягненок в то время заблеял, голубок вспорхнул, а Белоснежка забралась к матери на постель. Но медведь вдруг заговорил и сказал:

— Не бойтесь, я вас не трону, я очень озяб и хочу у вас немного отогреться.

— Ох ты, бедный медведь, — сказала мать, — ну, ложись тогда поближе к огню; только смотри, не спали своей шубы.

Затем она кликнула:

— Белоснежка, Алоцветик, идите сюда, медведь нас не тронет, он добрый.

Девочки подошли поближе, и мало-помалу и ягненок с голубком тоже перестали бояться медведя. Тогда медведь и говорит:

— Дети, стряхните снежок с моей шубы.

Девочки принесли метелку и как следует почистили медведю шубу; он растянулся у очага и начал весело урчать от удовольствия. Вскоре они и совсем к медведю привыкли и стали подшучивать над своим неуклюжим гостем. Они теребили его за шерсть, становились ему на спину, таскали его по комнате или брали прут и били его, а когда он ворчал, они весело смеялись. И медведю это нравилось, но когда уж слишком сильно они ему докучали, он кричал:

— Ах, дети, оставьте меня в живых:

Вы меня уж пожалейте,
Женишка-то не убейте.

Когда пришло время ложиться спать и все уже были в постели, мать сказала медведю:

— А ты уж, бог с тобой, оставайся лежать себе у печки, уж тут ты укроешься от холода и непогоды.

Когда начало светать, дети выпустили медведя, и он затопал по сугробам в лес. С той поры стал медведь приходить к ним каждый вечер в свой обычный час. Он ложился у очага и всегда позволял детям с ним играть и коротать свой досуг; и все так к нему привыкли, что даже дверей не запирали, пока не явятся их черный приятель.

Но вот наступила весна, все кругом зазеленело, и сказал тогда медведь Белоснежке:

— Ну, теперь мне пора убираться, — целое лето я к вам не приду.

— Куда же ты пойдешь, милый медведь? — спросила его Белоснежка.

— Мне надо идти в лес, свои сокровища от злых карликов сторожить. Зимой, когда земля замерзает, их никто там не откопает; но теперь, когда земля на солнце оттаяла и согрелась, карлики, чего доброго, еще заберутся, начнут искать сокровища, докопаются и их утащат; а что попадет к ним в руки, то запрятуют они в свои пещеры, и не так-то легко их будет разыскать.

Белоснежка сильно загрустила, что приходится им расставаться. Когда она открыла дверь, то медведь, пробираясь, зацепился за дверной крюк, дернулся и вырвал кусок шкуры, — и показалось Белоснежке, будто золото блеснуло; но она не была в этом уверена. Медведь быстро убежал и вскоре исчез за деревьями.

Спустя некоторое время мать послала детей в лес собирать валежник. В лесу нашли они большое срубленное дерево; лежало оно на земле, и у ствола в траве что-то прыгало; но они никак не могли разобрать, что это такое. Они подошли поближе, видят — стоит перед ними карлик, лицо у него старое, морщинистое и длинная-предлинная седая борода. Кончик бороды попал в трещину дерева, и человек прыгал, как собачонка на привязи, и не знал, как ему свою бороду вытащить. Он вытаращил на девушек красные горящие глаза и крикнул:

— Ну, чего стоите, разве нельзя подойти и помочь мне?

— Да как это с тобой, человек, случилось? — спросила его Алоцветик.

— Глупая гусыня, да к тому ж и любопытная, — ответил карлик, — хотел я было дерево расколоть, чтоб дров себе для

печки нарубить; если класть толстые поленья, то наше кушанье быстро подгорает, — мы ведь не так прожорливы, как вы, грубый да жадный народ. Клин вогнал я удачно, и все шло как следует, но проклятое дерево было слишком гладкое, вот клин случайно и выскочил, дерево так быстро сошло, что я не успел вытащить своей красивой белой бороды. Вот она и защемила, и мне нельзя теперь выбраться отсюда. Чего смеетесь, глупые, толстые рожи? Тьфу, до чего же вы скверные!

Дети стали изо всех сил бороду тащить, но вытащить ее никак не могли, — уж очень крепко она застряла.

— Я сбегая людей позову, — сказала Алоцветик.

— Эх, головы вы бараньи! — прокричал карлик. — Зачем людей-то звать — вас тут и двоих будет достаточно. Лучше ничего надумать не можете?

— Ты уж потерпи маленько, — сказала Белоснежка, — я что-нибудь да придумаю, — и она достала из кармана маленькие ножницы и отрезала кончик бороды. Как только карлик освободился, он тотчас схватил мешок, полный золота, спрятанный под корнями, вытащил его оттуда и проворчал про себя: «Вот неотесанный народ, отрезали кусок такой чудесной бороды, черт вас возьми!» Схватил мешок свой на плечи и ушел, — на детей даже не глянул.

Захотелось вскоре после того Белоснежке и Алоцветику наловить рыбы к обеду. Подошли они к ручью, видят — скачет над водой большой кузнечик, точно в воду прыгнуть собирается. Подбежали они и узнали карлика.

— Ты куда это собрался? — спросила его Алоцветик. — Уж не в воду ли прыгнуть хочешь?

— Я не такой уж дурак, — крикнул ей карлик, — разве не видите, что проклятая рыба меня за собой тянет?

Человечек сидел и удил рыбу, а ветер, к несчастью, запутал его бороду в леске, и когда клюнула большая рыба, у карлика не хватило сил ее вытянуть; рыба была сильнее его и тянула карлика за собой. Как ни хватался он за траву и за камыш, ничего поделаться не мог, и пришлось бы ему нырять вслед за рыбой, вот-вот утащила бы она его в воду. Девочки подросли как раз вовремя, подхватили карлика и стали бороду из лески выпутывать; но ничего у них не выходило, борода и леска крепко перепутались. Оставалось только одно — достать небольшие ножницы и отрезать бороду, — вот и пропал еще кусок бороды. Увидел это карлик, начал на них кричать:

— Разве это дело, жабы вы этакие, уродовать человеку лицо? Мало вам того, что вы мне уж раз бороду обкорнали, а теперь собираетесь отрезать еще кусок, да притом самый красивый? Мне теперь к своим и на глаза показываться нельзя будет! Чтоб вам пусто было! — Тут достал он мешок с жемчугами, за-

прятанный в камышах, и, не сказав больше ни слова, потащил его куда-то и исчез за прибрежным камнем.

Случилось, что вскоре после того послала мать обеих девочек в город купить ниток, иголок, шнурков и лент. А дорога шла через долину, где повсюду лежали в беспорядке огромные обломки скал. И вдруг увидели они на небе большую птицу; она медленно кружила над ними, спускаясь все ниже, и села, наконец, поблизости на скалу. Затем они услышали резкий, жалобный крик. Они подбежали и с ужасом увидели, что орел схватил их старого знакомого карлика, собираясь его унести. Добрые дети тотчас уцепились за человечка и стали его у орла отнимать; и выпустил, наконец, орел свою добычу. Не успел карлик прийти в себя от испуга, как начал кричать своим визгливым голосом:

— Разве нельзя было обращаться со мной повежливее? Вот ухватились за мой тоненький сюртучок и весь его разорвали, весь он теперь в дырках, ах вы такие-сякие, неуклюжие да неповоротливые!

Взял затем карлик свой мешок с драгоценными камнями и шмыгнул снова в свою пещеру под скалами. Но девушки уже привыкли к его неблагодарности; они продолжали свой путь, пришли в город и сделали свои покупки.

На обратном пути через долину они увидели карлика: выбрав ровное местечко, карлик высыпал из мешка драгоценные камни, не подозревая, что кто-нибудь будет так поздно проходить мимо. Вечернее солнце падало на блестящие камни, и они так красиво сияли и светились разными цветами, что дети остановились и засмотрелись на них.

— Чего вы стоите, мерзкие ротозеи? — закричал карлик, и его пепельно-серое лицо стало от гнева красное, как киповарь.

Он бы продолжал еще браниться, но вдруг послышался громкий рев, и черный медведь затопал из лесной чащи. Вскочил испуганный карлик, но добраться до своей лазейки не успел — медведь был уже совсем близко. И крикнул карлик в большом страхе:

— Дорогой мой сударь медведь, пощади ты меня, я отдам тебе за это все свои сокровища! Погляди на эти прекрасные драгоценные камни, что лежат перед тобой. Не убивай меня! Что пользы тебе от такого маленького, щуплого человечка? Да ты меня на зубах и не почувствуешь; съешь лучше вот этих двух злых девочек; они будут для тебя лакомым куском, они жирны, как молодые перепелки, съешь их во славу господню!

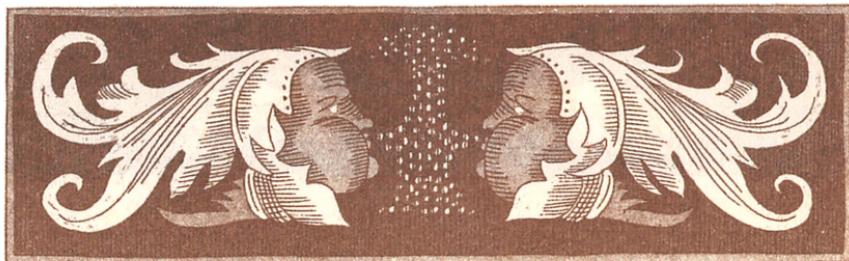
Но медведь не обратил внимания на его слова и ударил злобного человечка лапой так, что тот больше уже и не поднялся.

Девочки бросились бежать, но медведь крикнул им вслед: — Белоснежка, Алоцветик, не бойтесь, подождите, я вас провожу.

Они узнали его по голосу, остановились. Подошел к ним медведь, и вдруг свалилась с него медвежья шкура, — и стоял перед ними красивый юноша, одетый весь в золото.

— Я сын короля, — сказал он, — я был околдован этим злым карликом. Он украл у меня мои сокровища, обратил меня в дикого медведя и заставил жить в лесу до той поры, пока его смерть не расколдует меня снова. А теперь он получил должное возмездие.

И вышла Белоснежка за королевича замуж, а Алоцветик — за его брата; а большие сокровища они поделили между собой поровну. Мать-старуха жила еще долгие годы счастливо и спокойно вместе со своими детьми. Два розовых деревца она взяла вместе с собой, и они росли перед ее окном, и каждый год зацветали на них прекрасные розы — белые и алые.

Умный работник

Как счастлив хозяин и как хорошо все ладится у него в доме, если есть у него умный работник, который хотя и слушает его, да поступает не так, как говорит хозяин, а следует своему собственному разуму. Вот такой умный Ганс и был послан однажды своим хозяином на поиски пропавшей коровы. Долго он не возвращался, и хозяин подумал: «А верный-то Ганс уж как в работе старается!». А тот домой все не возвращался. Начал уже хозяин опасаться, не случилось ли с работником какого несчастья, и вот собрался он сам идти его разыскивать. Долго ему пришлось искать; наконец нашел он работника, тот бегал взад и вперед по широкому полю.

— Ну, милый Ганс,— сказал хозяин, нагнав его,— что ж, нашел ты корову, за которой я тебя посылал?

— Нет, хозяин,— ответил тот,— коровы я не нашел, да я ее и не искал.

— А что ж ты, Ганс, искал?

— Кое-что получше и, по счастью, нашел.

— А что же ты нашел?

— Трех черных дроздов,— ответил работник.

— А где же они? — спросил хозяин.

— Да вот одного вижу, другого слышу, а за третьим гоняюсь,— ответил расторопный работник.

Берите пример с Ганса, не заботьтесь о своем хозяине и о его указаниях, а делайте лучше то, что вам вздумается, к чему будет охота, и вы поступите так же умно, как и этот вот умный Ганс.

Могучий Ганс

Жили однажды муж и жена, и был у них один только ребенок, жили они одиноко в далекой пустынной долине. Случилось так, что мать пошла однажды в лес собирать еловый хвост и взяла вместе с собой маленького Ганса, которому было два года. А случилось то в весеннюю пору, и ребенок радовался, глядя на пестрые цветы; а мать шла в лес все дальше и дальше. Вдруг из-за кустов выскочили два разбойника, схватили мать и ребенка и увели их в глубь темного леса, где по целым годам не проходил ни один человек. Стала бедная женщина просить и умолять разбойников, чтоб они ее отпустили, но сердце у них было каменное: они не слушали ни просьб ее, ни жалоб и гнали все дальше, в самую чащу лесную.

И пробирались они так около двух часов через кустарники да колючие заросли и пришли, наконец, к скале, и была там

дверь; постучались туда разбойники, и дверь тотчас перед ними открылась. Пришлось им идти по длинному, темному подземелью, и пришли они, наконец, в большую пещеру, освещенную пламенем, пылавшим в очаге. На стене висели мечи, сабли и разное оружие для разбоя — оно сверкало при свете огня, а посредине стоял черный стол, за которым сидело четверо других разбойников; они заняты были игрой, а на главном месте сидел их атаман. Увидав женщину, он подошел, заговорил с ней и сказал, чтобы она не беспокоилась и не боялась, что они, мол, не сделают ей ничего плохого, и предложил ей вести у них хозяйство; и если будет она содержать все в должном порядке, то ей плохо у них не будет. Затем дали ей немного поесть и указали постель, где она может спать со своим ребенком.

Много лет пробыла женщина у разбойников, и Ганс за это время успел вырасти и стать сильным. Мать рассказывала ему разные истории и учила его читать по старой рыцарской книге, найденной ею в пещере.

Когда Гансу исполнилось девять лет, сделал он себе из елового дерева крепкую дубинку и спрятал ее за кровать, затем пришел к матери и говорит:

— Милая матушка, расскажи мне, кто мой отец; я хочу непременно об этом узнать.

Но мать молчала и не хотела ему говорить, боясь, как бы он не затосковал по дому; к тому же она знала, что злые разбойники никогда не выпустят отсюда Ганса; и сердце у ней рывалось от горя, что Ганс никогда не сможет вернуться к своему отцу.

Однажды ночью, когда разбойники вернулись домой после разбойного набега, Ганс вытащил свою дубинку, встал перед атаманом и сказал:

— Теперь я хочу знать, кто мой отец; если ты не ответишь мне тотчас на это, то я тебя убью.

Засмеялся атаман и дал Гансу такую затрещину, что тот под стол покатился. Поднялся Ганс, смолчал и подумал: «Ладно, уж год я подожду, а там снова попробую, — может, потом лучше удастся». Вот прошел год, он вытащил снова свою дубинку, вытер с нее пыль, поглядел на нее и сказал: «Дубинка-то моя крепкая и дельная». Ночью вернулись разбойники домой, стали вино распивать кружку за кружкой и, наконец, захмелели. Достал тогда Ганс свою дубинку, подошел к атаману и говорит:

— Скажи, кто мой отец?

Дал ему атаман опять такую увесистую пощечину, что Ганс под стол покатился; но вскоре, однако ж, поднялся и бросился на атамана и его разбойников и избил их так, что они

и двинуться не могли. А мать стояла в углу, дивясь его храбрости и силе. Когда Ганс расправился с разбойниками, подошел он к матери и говорит:

— Видишь, дело было нелегкое, ну, а теперь хочу я знать, кто мой отец.

— Милый Ганс,— ответила мать,— давай отсюда уйдем и будем его разыскивать, пока не отыщем.

Она достала у атамана ключ от входной двери, а Ганс притащил большой мешок из-под муки, набил его доверху золотом, серебром и другими красивыми вещами и взвалил его на плечи. Они покинули пещеру; и как изумился Ганс, когда, выйдя наверх из потемок, увидел он лес зеленый, цветы и птиц и утреннее солнце на небе! И он стоял и всему удивлялся, будто был не совсем в своем уме. Мать стала искать дорогу домой, и через несколько часов они счастливо добрались до своей одинокой долины и подошли к избушке. Отец сидел у порога; узнав свою жену и услышав, что Ганс его сын, он на радостях расплакался,— ведь он считал их давным-давно уже умершими. Хотя Гансу было всего лишь двенадцать лет, но он был на целую голову выше своего отца. Вот вошли они вместе в избушку, и только положил Ганс свой мешок на лежанку, как начал весь дом трещать, развалилась печка, и треснул пол, и тяжелый мешок провалился в погреб.

— Господи, спаси ты нас и помилуй! — воскликнул отец.— Да ты ведь завалил нашу избушку.

— Милый батюшка, нечего вам о том печалиться,— стал успокаивать его Ганс,— ведь в мешке-то куда больше, чем надо, для того чтоб выстроить новый дом.

И принялся отец вместе с Гансом строить новый дом, скот заводить, землю покупать и хозяйствовать. Ганс пахал землю, и когда шел он за плугом и упирался в него руками, то быкам и тащить-то было нечего.

На другую весну Ганс и говорит:

— Батюшка, пусть все деньги у вас остаются, а мне велите сделать семипудовый дорожный посох, и пойду я с ним в чужие края и земли.

Когда посох был готов, Ганс покинул дом своего отца, двинулся в путь-дорогу и пришел в дремучий и темный лес. И вот услышал он — что-то трещит и ломается, оглянулся, видит — стоит ель, снизу доверху точно в канат скручена; поглядел он наверх и увидал здорового парня, который схватил дерево и скручивал его, точно ивовый прут.

— Эй! — крикнул Ганс.— Что ты там наверху делаешь?

Парень ответил:

— Да вот вчера собрал я целую охапку хворосту и хочу сплести себе из него веревку.

«Это мне нравится,— подумал Ганс,— у этого силы хватит»,— и он крикнул ему:

— Брось ты это дело, пойдем лучше вместе со мной.

Парень спустился с дерева и оказался выше Ганса на целую голову,— но и тот ведь тоже был немалого роста.

— Теперь я буду называть тебя Еловым Крутилой,— сказал Ганс. И пошли они вместе.

Вдруг слышат— кто-то стучит, точно бьет молотком, да так сильно, что от каждого удара вся земля вздрагивает. Подошли они к огромной скале, видят— стоит рядом с ней великан и откалывает кулаком большие куски камня. Ганс спросил, что он тут делает, а тот говорит:

— Да вот ночью спать-то мне хочется, а тут лезут ко мне всякие медведи, волки да прочая мелюзга; ходят тут да обнюхивают и мешают мне спать,— так вот, хочу я выстроить себе дом и буду спать в нем спокойно.

«Э-э,— подумал Ганс,— и этого можно тоже, пожалуй, к делу применить»,— и говорит:

— Брось ты свою постройку да ступай лучше со мной, буду я звать тебя Скалотесом.

Тот согласился, и все они двинулись по лесу дальше. И всюду, куда они ни приходили, дикие звери пугались их и убегали. Вечером подошли они к старому необитаемому замку, поднялись наверх и улеглись спать в зале. На другое утро вышел Ганс в сад и видит, что он весь одичал и порос терном и диким кустарником. Когда он шел по саду, бросился на него дикий кабан, но он ударил его своим посохом, и тот упал за-мертво наземь. Затем взвалил он его на плечи и принес наверх в замок; насадив кабана на вертел, они изжарили его и остались очень довольны. Они условились, что каждый день, по очереди, двое из них будут ходить на охоту, а один будет оставаться дома и готовить пищу, каждому по девять фунтов мяса.

В первый день дома остался Еловый Крутила, а Ганс вместе со Скалотесом пошли на охоту. Когда Еловый Крутила занимался хозяйством, явился к нему в замок маленький, старый, весь сморщенный человечек и потребовал себе мяса.

— Убирайся прочь, проныра,— ответил ему Еловый Крутила,— не дам я тебе никакого мяса.

Но каково было удивленье Елового Крутилы, когда маленький, невзрачный человечек бросился на него с кулаками и стал так ловко его колотить, что он и защищаться не смог и упал, еле дыша, на землю. Человечек ушел только тогда, когда выместил на нем всю свою злобу. Когда двое остальных вернулись домой с охоты, Еловый Крутила не сказал им ни слова о старом человечке и о побоях, которые он получил, и решил так: «Вот пусть останутся они дома и сами попробуют, каково тягаться с этим

маленьким скребком», — и одна эта мысль доставляла ему удовольствие.

На другой день дома остался Скалотес, и с ним случилось то же самое, что и с Еловым Крутилой, — с ним так же жестоко расправился человечек за то, что он не хотел дать ему мяса.

Когда двое остальных вернулись под вечер домой, посмотрел Крутила на Скалотеса и понял, что пришлось тому испытать; но оба они промолчали и подумали: «Пусть-ка и Ганс той же каши отведаст».

На третий день дома пришлось оставаться Гансу; он занимался на кухне стряпней, и вот, когда он стоял у котла и снимал с него пену, явился человечек и потребовал, чтоб он дал ему тотчас кусок мяса. Ганс подумал: «Да это, пожалуй, бедный домовый; дам-ка я ему от своего куса, чтоб других не обделять», и подал ему кусок мяса. Карлик съел и потребовал мяса еще; добрый Ганс дал ему еще и сказал:

— Я даю тебе хороший кусок, будь этим доволен.

Но карлик потребовал и в третий раз.

— Ты становишься, однако, бессовестным, — сказал Ганс и не дал ему ничего. Тогда злой карлик хотел было вскочить на него и поступить с ним так же, как с Еловым Крутилой и Скалотесом, но не на такого он напал. Ганс дал ему несколько пинков, и тот скатился с лестницы. Ганс хотел было за ним погнаться, но перескочил через него, упал и растянулся во весь рост. Когда он поднялся, то карлика и след уж простыл. Ганс побежал за ним в лес и видел, как тот заполз в пещеру. Ганс воротился домой, но то место, куда скрылся карлик, он хорошо приметил.

Двое других, вернувшись домой, стали удивляться, что Гансу сошло все так благополучно. Он рассказал им, что с ним произошло, и те не стали больше молчать и признались, что и с ними случилось то же самое. Ганс посмеялся и сказал:

— Так вам и следует за то, что вы были такие скупые; а стыдно ведь: вы такие большие, а дали себя побить какому-то карлику.

Потом взяли они корзину и канат и направились все вместе к пещере, где спрятался карлик, и спустили Ганса с его посохом в корзине вниз. Опустился Ганс на дно пещеры и нашел вход; открыл его, видит — сидит там девушка, писаная красавица, такая уж прекрасная, что ни в сказке сказать, ни пером описать. И сидит около нее карлик, оскалился на Ганса, точно мартышка. И была девушка закована в цепи, и так на него грустно посмотрела, что Гансу стало ее жаль, и он подумал: «Я должен ее от этого злого карлика освободить», — и он ударил

его своим посохом, и тот упал замертво наземь. И тотчас свалились с девушки цепи, и Ганс был восхищен ее красотой. Она рассказала ему, что она королева, что похитил ее из дому разбойник-граф и запер здесь, в скалах, за то, что она не хотела его полюбить; и поставил граф карлика, чтоб стерег он ее, и много доставил он ей горя и страданий. Затем посадил Ганс девушку в корзину и велел тащить ее наверх. Когда корзина вновь опустилась в пещеру, то Ганс, не доверяя своим товарищам, подумал: «Они уж и так один раз меня обманули, ничего не сказав о карлике, и почему знать, что они там против меня замышляют?» И он положил тогда в корзину свой посох, — и хорошо, что он так сделал: только поднялась корзина до половины, как сбросили они ее вниз, и если бы Ганс сидел в ней, то не миновать бы ему верной смерти.

Но как ему выбраться из пещеры, он не знал, и стал он раздумывать и придумывать, но ничего надумать не мог. «А грустно мне, однако, — сказал он, — что приходится здесь погибать». Ходил он да раздумывал, и вот подошел снова к комнате, где прежде сидела девушка, и заметил у карлика на пальце кольцо, и оно блестело и сияло. Снял он его и надел себе на палец; повернул его вокруг пальца, — и вдруг услышал над головою шум. Посмотрел он наверх и увидел духов воздуха, которые слетелись к нему и объявили, что он их повелитель, и спросили, что он им прикажет. Ганс сначала чуть было не обмер, но потом сказал, чтоб они подняли его наверх. Они тотчас повиновались, и он взлетел ввысь.

Когда он очутился наверху, то там никого не оказалось, и, войдя в замок, он тоже никого не нашел. Еловый Крутила и Скалотес исчезли и увели с собой прекрасную девушку. Но Ганс опять повернул кольцо, и явились духи воздуха и сказали ему, что те двое находятся на море. Ганс гнался за ними следом, без отдыха, и наконец попал он на берег и увидел далеко-далеко на море кораблик, на котором плыли его вероломные спутники. В ярости кинулся он, не долго раздумывая, со своим посохом в море и поплыл, но семипудовая палица тянула его вниз, и он стал уже тонуть. Но он вовремя повернул кольцо, и тотчас явились опять духи воздуха и перенесли его быстро, точно молния, на кораблик. Поднял он свой посох и воздал по заслугам своим вероломным товарищам, сбросил их в море; а сам поплыл с девушкой дальше, и была она в великом страхе; вот освободил он ее во второй раз и привез домой к своим отцу-матери, женился на красавице девушке, и все очень и очень радовались.

Гусятница у колодца

Жила когда-то на свете старая-престарая бабушка, жила она со своим стадом гусей в глуши между горами, где была у нее маленькая избушка. Те глухие места были окружены дремучим лесом. Каждое утро старуха брала костыль и отправлялась, ковыляя, в лес. Там принималась старушка за работу, и трудилась она больше, чем позволяли ей ее преклонные годы. Она рвала траву для своих гусей, собирала дикие яблоки и груши, какие только могла достать рукой, и все это она приносила на своей спине домой. Если она встречала кого по дороге, она ласково его приветствовала: «Добрый день, милый земляк, а нынче-то погода хорошая. Ты небось удивляешься, что я тащу траву, но каждый ведь должен нести свое бремя на плечах».

Люди, однако, встречались с ней неохотно и старались как-нибудь ее обойти, а если приходилось проходить мимо нее отцу с ребенком, он тихонько ему шептал:

— Ты старухи этой опасайся, она хитрая-прехитрая, это ведьма.

Однажды утренней порою проходил через лес красивый молодой человек. Солнце светило ярко, распевали птицы, и между листвой пролетал прохладный ветерок. Юноша был полон радости и веселья. По дороге ему еще никто не встречался, и вдруг он увидел старую ведьму, она стояла на коленях и срезала серпом траву. Она набрала в свой мешок уже целый ворох, и стояли около нее две корзины, полные диких груш и яблок.

— Бабушка, — сказал молодой человек, — а как же это ты все донесешь?

— Что поделаешь, мой милый, нести надо, — отвечала она, — детям богатых людей этого делать не приходится. Про это у крестьян говорится:

Не заглядывай назад,
Все равно ведь ты горбат.

Может, вы мне поможете? — сказала она, когда тот остановился около нее, — спина-то у вас крепкая, а ноги молодые, это для вас будет легко. Да и дом-то мой не так уж отсюда далече, вон за тою горой стоит он, в долине. Вам туда взобраться — раз, два, да и все.

Сжалился молодой человек над старухой.

— Мой отец хотя и не крестьянин, — ответил он, — а богатый граф, но чтобы вы знали, что не одни только крестьяне умеют носить тяжести, я вашу вязанку отнесу.

— Что ж, попробуйте, — сказала старуха, — мне это будет приятно. Придется вам, правда, пройти целый час, но что это для вас составит? А те вон яблоки и груши вы тоже должны дотащить.

Когда молодой граф услышал, что надо идти целый час, это показалось ему несколько странным, но старуха теперь его не отпускала; она взвалила ему на спину вязанку и дала в руки обе корзины.

— Вот видите, — сказала она, — это совсем нетрудно.

— Нет, не совсем-то легко, — ответил граф, и лицо у него сделалось грустное, — ваша вязанка так оттягивает плечи, будто в нее камни наложены, а яблоки и груши на вес как свинцовые. Я еле могу дышать.

Ему очень хотелось бы все это бросить на землю, но старуха этого не позволила.

— Погляди-ка, а, — говорила она насмешливо, — молодой человек, а не хочет нести того, что я, старуха, не раз уже таскала. На словах-то вы хороши, а как взяться за дело, то вы отлыниваете. Ну, чего ж вы стоите, — продолжала она, — да медлите, ну-ка живей подымайте ноги! Теперь уж никто не снимет с вас этой вязанки.

Пока молодому человеку приходилось идти по ровному месту, еще можно было выдержать, но когда они подошли к горе и надо было на нее взбираться, а камни под ногами скатывались вниз, будто они были живые, — стало ему невмоготу. Капли пота выступали у него на лбу и сбегали, то горячие, то холодные, по спине.

— Бабушка, — сказал молодой человек, — я больше идти не в силах, я отдохну немного.

— Нет, здесь нельзя, — ответила старуха, — вот как придем на место, тогда уж вы и сможете отдохнуть, а теперь надо двигаться вперед. Почем знать, может, все это вам и к добру.

— Старуха, ты становишься, однако ж, бессовестной, — сказал граф и хотел было сбросить с себя вязанку, но он старался понапрасну: она висела у него за спиной, будто к ней приросла. Он поворачивался и так и этак, но избавиться от вязанки никак не мог. А старуха, глядячи на это, смеялась и прыгала вокруг него на своем костыле.

— Любезный мой сударь, уж не гневайтесь, — говорила она, — вы краснеете, словно петух, которого резать собираются.

Тащите свою ношу терпеливо, а когда доберемся домой, я уж вам щедро дам на чаек.

Что ему было делать? Пришлось покориться судьбе и терпеливо тащиться вслед за старухой. Казалось, что она становится все проворней, а его ноша все тяжелей. Вдруг старуха прыгнула, вскочила на вязанку и уселась на нее; и какой она ни была тощей на вид, а по весу оказалась куда тяжелей самой толстой деревенской девки. У юноши подкашивались колени, и когда он остановившись, то старуха била его прутом и хлестала по ногам крапивой. То и дело охая, он взобрался на гору, и когда он уже совсем готов был упасть, добрался, наконец, к дому старухи. Как увидели гуси старуху, они захлопали крыльями, вытянули шеи, кинулись ей навстречу и закричали ей: «Уля, уля, уля!». Вслед за стадом шла, держа в руках хворостину, пожилая Трулле, женщина дюжая и большого роста, но страшно уродливая, как сама ночь.

— Матушка, — сказала она старухе, — уж не случилось ли с вами чего? Вас так долго не было.

— Да что ты, доченька, — ответила она, — со мной ничего плохого не произошло, напротив того, вот этот любезный господин донес мне мою ношу. Ты представь себе, когда я утомилась, он сам посадил меня к себе на плечи. Да и дорога нам вовсе не показалась длинной, нам было весело, мы то и дело друг с другом шутили.

Наконец, старуха слезла на землю, сняла со спины молодого человека вязанку, взяла у него из рук корзины, ласково на него поглядела и сказала:

— Ну, а теперь садитесь у дверей на скамеечку да отдохайте. Вы честно заслужили свой заработок, и уж вы непременно его получите.

Потом она обратилась к гусятнице:

— А ты, доченька моя, ступай в комнату, негоже тебе оставаться наедине с молодым человеком, масла в огонь подливать не следует; чего доброго, он в тебя влюбится.

Молодой граф не знал, плакать ему или смеяться. «Такая красotka, — подумал он, — если бы даже была лет на тридцать моложе, так и то, наверно, не тронула бы моего сердца». А между тем старуха ласкала и гладила своих гусей, будто детей, а потом она вошла в дом вместе со своей дочкой. А юноша тем временем растянулся на скамейке под дикою яблоней. Воздух был теплый и мягкий. Вокруг расстилался зеленый луг, весь поросший первоцветами, чебрецом и тысячами других цветов; посередине его пробегал, журча, светлый ручей, в котором поблескивало солнце, и разгуливали по лугу белые гуси и плескались в воде.

«А здесь и вправду приятно, — подумал он, — но я так устал, что глаза у меня сами закрываются; посплю-ка я маленько. Хорошо, если не налетит порыв ветра и не унесет у меня

ног, они у меня сделались такие вялые, будто вот-вот отвалятся».

Поспал он немного, но явилась старуха и начала его расталкивать.

— Подымайся, — сказала она, — здесь тебе оставаться нельзя. Правда, я тебя порядочно уморила, но ты ведь от этого, однако, не помер. А сейчас я дам тебе то, что ты заработал; ты в деньгах и вещах не нуждаешься, так вот подарю я тебе кое-что другое.

И она сунула ему в руку баночку, выточенную из цельного куска изумруда.

— Ты храни ее бережно, — добавила старуха, — она принесет тебе счастье.

Граф быстро поднялся и почувствовал себя совершенно свежим и, как прежде, сильным, поблагодарил старуху за ее подарок и двинулся в путь-дорогу, а на прекрасную доченьку даже и не оглянулся. Когда он прошел некоторое расстояние, издали до него все еще доносилось веселое гоготанье гусей.

Графу пришлось проблуждать три дня по лесным трущобам, пока, наконец, он оттуда выбрался. Потом пришел он в столицу, а так как там его никто не знал, то привели его в королевский дворец, где сидели на троне король и королева. Граф опустился на колени, достал из кармана изумрудную баночку и положил ее к ногам королевы. Королева велела ему подняться, и он подал ей изумрудную баночку. Но только королева ее открыла и заглянула в нее, как упала замертво на землю. Графа схватили королевские слуги и хотели отвести его в темницу, но королева открыла глаза и сказала, чтоб его отпустили и чтоб все вышли, что хочет она поговорить с ним наедине.

Когда королева осталась одна, она горько заплакала и стала ему говорить:

— Что для меня весь этот блеск и почести, которые меня окружают, если я просыпаюсь каждое утро в заботах и в горе! Было у меня три дочери, младшая была из них так прекрасна, что во всем свете почитали ее за чудо. Была она бела, как снег, румяна, как цвет яблони, а волосы у нее сверкали, как солнечные лучи. Когда она плакала, то катились у нее из глаз не слезы, а жемчуга и драгоценные камни. Когда ей исполнилось пятнадцать лет, король велел всем трем сестрам явиться к его трону. Ах, если бы вы видели, как раскрыли люди от изумления глаза, когда вошла младшая, — было похоже, что взошло само солнце. И сказал король: «Мои дочери, я не знаю, когда настанет мой смертный час, но нынче я хочу завещать, что должна получить каждая из вас после моей смерти. Вы все меня любите, но кто из вас любит меня больше всех, та и должна получить самое лучшее».

И каждая из них сказала, что она любит его больше всех.

«А можете ли вы доказать,— спросил король,— насколько вы любите меня? По этому я и буду судить, как вы ко мне относитесь».

Старшая сказала: «Я люблю отца, как самый сладчайший сахар». Средняя: «А я люблю отца, как самое красивое платье». Младшая промолчала, ничего не сказала.

И спросил отец: «А ты, мое дитятко, как ты меня любишь?». «Я не знаю,— ответила она,— мою любовь к вам я не могу сравнить ни с чем». Но отец настаивал на том, чтоб она что-нибудь назвала. И вот, наконец, она сказала: «Самая лучшая пища без соли не имеет вкуса, а потому я люблю отца, как соль». Услыхал это король, разгневался и сказал: «Если ты меня любишь, как соль, то и любовь твоя пусть будет вознаграждена солью». И поделил он тогда королевство между двумя старшими сестрами, а младшей велел привязать на спину мешок соли, и должны были двое слуг завести ее в дикий лес.

Мы все просили за нее, умоляли отца и молились,— продолжала королева,— но королевского гнева смягчить было нельзя. Как она плакала, когда должна была нас покинуть! Вся дорога была усеяна жемчугами, что падали у нее из глаз. Вскоре после того король раскаялся в своей непомерной жестокости и велел разыскивать свое бедное дитя по всему лесу, но никто ее найти не мог. Когда я думаю, что, может быть, ее съели дикие звери, я не могу опомниться от печали. Иногда я себя утешаю надеждой, что она еще жива, что она укрылась где-нибудь в пещере или, может, нашла приют у каких-нибудь добрых людей. Но вообразите себе, когда я открыла вашу изумрудную баночку и увидела, что лежит в ней жемчужина, такая же точно, как те, что падали из глаз моей дочери; и вы можете себе представить, как жемчужина эта взволновала мое сердце. Вы должны сказать, откуда вы достали ее.

Граф ей рассказывал, что баночку он получил от одной старухи в лесу, она показала ему очень странной, должно быть, это была какая-нибудь ведьма. Но про ее дочь он ничего не слышал и нигде ее не видел.

И вот решили король и королева эту старуху разыскать; они думали, что там, где находится жемчужина, они узнают что-нибудь и про свою дочь.

Старуха сидела одна в своей хижине за прялкой и прядла пряжу. Было уже темно, горела у очага лучина и давала тусклый свет. Вдруг на дворе поднялся шум, вернулись гуси домой с пастбища, и послышалось их хриплое гоготанье. Вскоре вошла и дочка. Но старуха еле ответила ей на приветствие и только слегка головой покачала. Дочка уселась у ее ног, взяла свое веретено и ловко начала сучить нитку, словно молодая девушка. Так просидели они целых два часа и слова между собой не промолвили. Наконец что-то у окна зашумело, и два огненных глаза уставились в комнату.

сова, она трижды прокричала: «Угу! угу! угу!». Глянула старуха вверх и сказала:

— Пора тебе, доченька, выходить да приниматься за работу.

Та поднялась и вышла из дому. Но куда же она пошла? По лугам, все напрямик, до самой долины. Наконец она подошла к колодцу, где росли три старых дуба. В это время взошла над горою луна, полная и большая, и стало так светло, хоть иголки собирай. Девушка сняла кожу с лица, нагнулась к колодцу и начала умываться. Когда она кончила, окунула в воду и кожу, а затем положила ее белиться и сохнуть под лунным сиянием. И как гусятница преобразилась! Вы ничего подобного ни разу не видывали! У нее отвалилась седая коса, упали ей на плечи золотистые, как солнечные лучи, волосы и укутали ее всю, точно покрывалом. Только блестели одни глаза, такие сверкающие, как звезды на небе, а щеки сияли у нее нежным, как цвет яблони, румянцем.

Но красавица девушка была печальна. Она села на землю и горько заплакала. Слезы одна за другой текли у ней из глаз и падали по длинным ее волосам наземь. Так сидела бы она, пожалуй, долго-долго, если бы что-то не затрещало, не зашумело на ветках соседнего дерева. Она вскочила, как лань, услышавшая выстрел охотника. Как раз в это время луну закрыла черная туча, и миг девушка снова вошла в свою старую кожу и исчезла, точно огонь, потушенный ветром.

Дрожа, как осиновый лист, она прибежала домой. Старуха стояла у двери, и девушка хотела рассказать ей, что с нею случилось, но старуха ласково засмеялась и сказала:

— Я уже все знаю.

Она отвела ее в комнату и снова зажгла лучину. Но за прятку старуха теперь не села, а достала метлу и начала подметать комнату и мыть пол.

— Все должно быть чистым и опрятным,— сказала она девушке.

— Матушка! — сказала девушка. — Почему вы беретесь за работу в такое позднее время?

— А ты разве знаешь, который теперь час?

— Скоро полночь,— ответила девушка,— уже, кажется, начало двенадцати.

— А ты разве не знаешь,— продолжала старуха,— что нынче исполнилось три года с тех пор, как ты пришла ко мне? Твой срок вышел, больше тебе со мной оставаться нельзя.

Девушка испугалась и сказала:

— Ах, милая матушка! Что ж, вы хотите меня прогнать? Куда ж мне деваться? Ведь нет у меня ни друзей, ни родимого дома, куда я могла бы пойти. Я выполняла все, что вы требовали, всегда вы были мною довольны, не прогоняйте меня.— Но старуха не хотела говорить, что предстояло девушке.

— Здесь мне тоже оставаться недолго, — сказала она ей, — но когда я отсюда уйду, то все в доме должно быть чистым; а потому не мешай мне работать. Ты ни о чем не думай, не беспокойся; тебе бы только найти приют, где можно было бы жить, а тою наградой, которую я тебе дам, ты будешь довольна.

— Но вы хоть скажите, что же такое случилось? — продолжала спрашивать девушка.

— Я еще раз тебе повторяю, не мешай мне работать. Не говори больше ни слова, ступай к себе в комнату, сними с лица кожу, надень шелковое платье, которое было на тебе, когда ты явилась ко мне, и дожидайся, пока я тебя позову.

Но мне надо вернуться к рассказу про короля и королеву, которые отправились вместе с графом в лесные дебри на поиски старухи. Случилось так, что ночью в лесу граф от них отстал, и ему пришлось пробираться дальше одному. На другой день ему показалось, что он вышел на правильную дорогу. Он продолжал идти дальше до той поры, пока не стало темнеть. Тогда он взобрался на дерево и решил там переночевать, он боялся теперь заблудиться. Когда луна осветила все вокруг, он заметил какую-то фигуру, спускающуюся с горы. В руках у нее не было хворостины, но он мог разглядеть, что то была гусятница, которую он видел прежде в доме старухи.

— Ага! — воскликнул он. — Если мне удастся поймать одну ведьму, то и вторая от меня не уйдет. — Но как он был изумлен, когда она подошла к колодцу, сняла с себя кожу, умылась, и рассыпались у нее по плечам золотистые волосы, и была она такая прекрасная, что подобной он ни разу на свете не видел. Он боялся даже вздохнуть, но он просунул голову сквозь листья насколько мог вперед и начал разглядывать девушку, не спуская с нее глаз. И то ли он чересчур нагнулся или что другое было причиной, но вдруг затрещала ветка, и в этот миг девушка влезла в старую кожу и кинулась оттуда, как лань, в это время на луну набежало облако — и девушка скрылась у него на глазах.

Только она исчезла, спустился граф с дерева и быстро поспешил за ней. Прошел он немного и увидел в сумерках две фигуры, идущие по лугу. Это были король и королева; они заметили издали свет в избушке старухи и направились туда. Граф рассказал им, какие чудеса он видел у колодца, и король и королева не сомневались в том, что это была их пропавшая дочь. Обрадованные, они отправились дальше и вскоре подошли к избушке. Вокруг нее сидели гуси, спрятав головы под крыло, и спали, и ни один из них не пошевелился. Они заглянули в окошко, там сидела в тишине старуха. Она, наклонив голову, пряла пряжу и не оглядывалась.

В комнате было убрано все так чисто, будто в ней жили маленькие облачные человечки, у которых на ногах не было ни

пылинки. Но своей дочери они там не увидели. Они разглядывали все это некоторое время, наконец собрались духом и тихо постучались в окно. Казалось, будто старуха только их и дожидалась, она поднялась и ласково сказала:

— Входите, входите, я уже вас знаю.

Вошли они в комнату, и говорит старуха:

— Вам бы и не надо было в такую даль забираться, если бы вы свою дочку, такую милую и добрую, не прогнали бы три года тому назад ни за что ни про что из дому. Она дурному здесь ничему за это время не научилась, а только сердце свое сберегла в чистоте. А вы уж и так долгое время наказаны, что жили все время в страхе.

Потом она подошла к комнате и кликнула:

— Выходи, моя доченька.

Открылись двери, и вышла оттуда королева с золотыми волосами, в своем шелковом платье, с сияющими глазами; и было похоже, будто ангел спустился с неба.

Она подошла к своему отцу и матери, бросилась к ним на шею, стала их целовать, и — уж как тут могло быть иначе — заплакали все от радости. Молодой граф стоял возле них; увидев его, королева зарделась, как розан, и сама не знала почему.

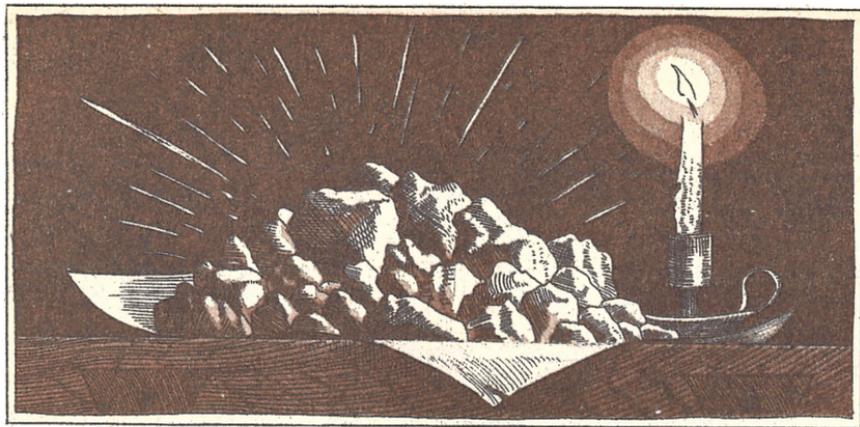
Сказал король:

— Милое дитя, свое королевство я уже раздарил, что же мне тебе дать?

— Ей ничего не надо, — сказала старуха, — я дарю ей те слезы, которые она выплакала из-за вас; это все жемчуга, и прекраснее тех, что находят в море, и дороже всего вашего королевства. А в награду за ее работу я дарю ей свою избушку.

Только молвила это старуха — и тотчас исчезла на их глазах. Слегка затрещали стены; оглянулись они, видят: обратилась избушка в великолепный дворец, и был там уже накрыт королевский стол, и сновали взад и вперед слуги.

Сказка на том не кончается, но у бабушки моей, которая ее рассказывала, память стала короткой: конец-то сказки она позабыла. Я уверен, что королева вышла замуж за графа, и они остались жить вместе в том дворце, и жили они там в полном счастье и довольстве столько, сколько им было богом положено. Были ли белоснежные гуси, что паслись у избушки, девушками (пусть это никто не поймет в дурном смысле), которых приняла к себе старуха, и вернулся ли к ним снова их человеческий облик, остались ли они у молодой королевы служанками, — этого я точно не знаю, но предполагаю, что это было именно так. А старуха, должно быть, и вовсе не была ведьмой, как думали это люди, а была она вещей женщиной, и к тому же доброй. И, пожалуй, это она одарила королеву при ее рождении даром плакать не простыми слезами, а жемчугами. В нынешнее время оно так больше не случается, а то все бедняки скоро бы разбогатели.

Дары маленького народца

Странствовали вместе портной и золотых дел мастер, и услышали они однажды вечером, когда солнце уже зашло за гору, звуки отдаленной музыки, что становились все ясней и отчетливей. Музыка звучала необычайно, но так привлекательно, что они позабыли про всякую усталость и зашагали быстрее. Вот подошли они к холму, луна уже взошла, и они заметили там множество маленьких человечков и женщин, которые, взявшись за руки, в большом восторге весело кружились в пляске и так чудесно в это время пели, — это и была та самая музыка, которую слышали путники. В середине круга сидел старший; он был чуть побольше остальных, на нем был пестрый камзол, и ему на грудь свешивалась седая, как снег, борода. Странники остановились в изумленье и начали смотреть на пляску. Старик кивнул им, чтоб они вошли в круг, и маленький народец радушно перед ними расступился. Золотых дел мастер, у которого был на спине горб, как и все горбатые люди, оказался достаточно смел и первым вошел в круг; портной же испытывал сперва некоторую боязнь и держался позади, но, увидев, как все это весело обошлось, собрался с духом и направился вслед за ним. Тотчас круг снова сомкнулся, и маленькие человечки продолжали петь и плясать, делая при этом самые дикие прыжки. Старик достал широкий нож, висевший у него на поясе, начал его натачивать, и когда тот сделался достаточно острым, он оглянулся и посмотрел на пришельцев. Им сделалось страшно, но у них не было времени, чтоб собраться с мыслями; и вот схватил старик золотых дел мастера и с величайшей быстротой обстриг ему начисто волосы и бороду; то же самое случилось затем и с портным. Однако, когда старик, закончив свое дело, похлопал каждого из

них дружески по плечу, как бы желая этим сказать, что они, мол, хорошо поступили, согласившись на все это добровольно, страх у них прошел. Старик указал пальцем на кучу угля, лежавшую в стороне, и знаками дал им понять, что они должны наполнить себе этим карманы. И хотя они не знали, на что им может пригодиться уголь, они послушались, а затем отправились дальше на поиски ночлега. Когда они спустились в долину, на колокольне соседнего монастыря пробило полночь, — и вдруг пенье замолкло. Все исчезло, и холм стоял в тихом лунном сиянье.

Путники нашли себе постоялый двор и, укрывшись на соломенной подстилке своими куртками, позабыли из-за усталости вынуть перед сном из карманов уголь. От тяжелого груза, который им надавил бока, они проснулись раньше обычного. Они сунули руки в карманы и глазам своим не поверили, увидав, что карманы у них полны не углем, а чистым золотом; да и волосы на голове и бороды оказались, к счастью, целы. И вот сделались они богатыми людьми; но золотых дел мастер, который, по своей жадной натуре, набил себе карманы полней, оказался богаче портного вдвое. А жадный хоть и много имеет, но хочет, чтоб было у него еще больше, — и предложил золотых дел мастер портному остаться здесь еще на день, а вечером отправиться снова на гору, чтоб добыть у старика еще больше соковища. Но портной не согласился и сказал:

— Мне и этого хватит, я и этим доволен; теперь я сделаюсь мастером, женюсь на любезном мне предмете (так называл он свою возлюбленную) и буду счастливым человеком.

Но он согласился сделать золотых дел мастеру одолжение и остаться еще на денек. Под вечер золотых дел мастер повесил через плечо еще две сумки, чтоб иметь возможность набить их как следует, и пустился в путь-дорогу к тому холму. Как и в прошлую ночь, он застал маленький народец за пляской и пением. Старик опять окорнал его начисто и указал ему знаками, чтобы он набрал с собой угля. Золотых дел мастер медлить не стал, набил себе карманы и сумки, сколько в них могло поместиться, и совершенно счастливый вернулся назад и укрывшись курткой.

«Если золото и давит, — сказал он, — то это еще вытерпеть можно», — и, наконец, он уснул в сладком предчувствии проснуться завтра большим богачом. Только он открыл глаза, быстро схватился, чтоб осмотреть карманы, но каково же было его изумление, когда он вытащил оттуда одни лишь черные угли, и сколько он в карманы ни лазил, все было то же самое. «Но у меня имеется, однако, золото, доставшееся мне прошлой ночью», — подумал он и начал его доставать; но как он испугался, увидав, что и оно обратилось снова в уголь. Он бил себя по лбу рукой, черной от угольной пыли, — и тут он почувствовал,

что вся голова у него лысая, да и борода обстрижена начисто. Но его неудачи на этом не кончились, он заметил, что, кроме горба на спине, вырос у него на груди таких же размеров второй. Тогда он понял, что это наказание за его жадность, и заплакал навзрыд. Это разбудило доброго портного, он принялся утешать несчастного, как только умел, и сказал:

— Ты был мне товарищем во время странствий, и ты останешься со мной и теперь будешь жить на мои богатства.

Портной свое слово сдержал, а несчастный золотых дел мастер должен был всю жизнь таскать два горба и прикрывать ермолкой свою лысую голову.

Гвоздь

Один купец хорошо поторговал на ярмарке и набил себе полную кошину золота и серебра. Собрался он домой возвращаться, — хотелось ему попасть домой до наступления ночи. Вот приторочил он дорожную суму с деньгами к седлу своего коня и поехал. К полудню отдыхал он в одной городке; собрался было ехать дальше, а тут подводит ему работник коня и говорит:

— Хозяин, а на задней-то левой ноге в подкове одного гвоздя не хватает.

— Ну и пусть себе не хватает, — ответил купец, — за шесть часов, которые мне остается проехать, подкова небось не свалится. Я тороплюсь.

После полудня, когда он спешил и снова решил накормить коня, входит в комнату работник и говорит:

— Хозяин, а у вашего-то коня на задней левой ноге нету подковы. Может, отвести мне его в кузницу?

— Ну и пускай себе нету, — ответил купец, — ехать-то всего часа два, пожалуй, с конем ничего не случится. Я тороплюсь.

Поскакал он дальше; но вскоре начал конь прихрамывать; похрамал он, потом начал спотыкаться, затем упал и сломал себе ногу. Пришлось купцу коня бросить, отвязать дорожную суму, взвалить ее на плечи и добираться домой пешком, — и пришел он домой поздней ночью.

— А всей-то беды причиною, — молвил он про себя, — этот проклятый гвоздь.

А ты спеши медленно!

Бедный пастух в могиле

Жил себе на свете бедный пастушок. Отец и мать у него умерли, тогда отдало его начальство в дом к одному богачу, чтобы тот его кормил и воспитывал у себя. Но было у богача и его жены сердце злое, и при всем своем богатстве были они очень скупые и к людям недоброжелательные и всегда злились, если кто пользовался хотя бы куском их хлеба. И уж как бедный мальчик ни старался работать, они кормили его мало, но били зато много.

Пришлось ему раз пасти наседку с цыплятами. А та пробралась с ними через плетень, и как раз в это время налетел ястреб и утащил наседку с собой. Стал мальчик кричать изо всех сил: «Вор, вор, злодей!». Но разве это могло помочь? Услыхал богач шум, прибежал туда и, узнав, что наседка его пропала, рассвирепел и так избил мальчика, что тот несколько дней не мог и подняться. Пришлось ему теперь пасти цыплят без наседки, а это было куда трудней — один цыпленок бежит туда, другой сюда. Мальчик рассудил, что умней всего будет привязать их всех на одну веревочку, чтоб ястреб не мог утащить ни одного. Но не так оно вышло. Прошло несколько дней,

измаялся мальчик от беготни да от голода и однажды уснул; а прилетела хищная птица и схватила цыпленка, а так как были другие к нему привязаны, то утащила она их всех разом, уселась на дереве и всех их поела. Вернулся крестьянин-богач домой, узнал про несчастье, разозлился и так безжалостно избил мальчика, что пришлось тому пролежать в постели много дней.

Только мальчик поднялся, а крестьянин ему и говорит:

— Ты слишком глуп, в пастухи ты мне не годишься, будешь служить у меня на посылках.

Послал он его раз к судье; должен был мальчик отнести ему полную корзину винограда, и дал ему крестьянин вместе с этим письмо. Измучился бедный мальчик в дороге от голода и жажды и съел две грозди винограда. Принес он судье корзину с виноградом; тот прочитал письмо, пересчитал грозди и говорит:

— Тут двух гроздей не хватает.

Мальчик честно сознался, что от голода и жажды он их съел. Написал тогда судья крестьянину письмо и потребовал у него винограду вдвое больше. Должен был мальчик нести виноград назад вместе с этим письмом. Опять сильно захотелось мальчику поесть и попить, и он не мог вытерпеть, опять съел две грозди. Но перед тем он вынул письмо из корзины, положил его под камень, уселся на него, чтобы письмо всего этого не видело и не могло бы его выдать. Но судья все-таки обвинил мальчика, что двух гроздей винограда недостает.

— Ах,—сказал мальчик,—как же вы это узнали? Ведь письмо-то знать о том не могло, я перед тем спрятал его под камнем.

Посмеялся судья такому простодушию и написал крестьянину письмо, в котором увещевал его обращаться с бедным мальчиком получше и не отказывать ему в еде и питье и чтоб научил он его различать, что хорошо, а что плохо.

— Я уж тебе покажу разницу! — сказал этот жестокий человек.— Если ты хочешь есть, то должен и работать; а сделаешь что неправильно, то будешь у меня как следует обучен боями.

И на следующий день он поставил его на тяжелую работу. Должен был мальчик нарезать несколько снопов соломы на корм лошадям; при этом хозяин грозился.

— Через пять часов,—сказал он,—я вернусь, и если солома не будет нарезана, я уж тебя так отколочу, что ты и пошевельнуться не сможешь.

Отправился крестьянин вместе с женой, работником и служанкой на ярмарку и оставил мальчику всего один лишь небольшой ломоть хлеба. Стал мальчик у соломорезки и начал изо всех сил работать. Стало ему жарко, скинул он курточку

и бросил ее на солому. Боясь, что с работой он не управится, он все резал и резал солому и уж так старался, что не заметил, как изрезал на куски вместе с соломой и свою курточку. Да слишком поздно он спохватился, исправить несчастье было уже нельзя.

— Ах,— воскликнул он,— теперь я пропал! Недаром мне злой человек грозился; вернется он назад и, как увидит, что я наделал, избьет меня до смерти. Уж лучше мне самому на себя руки наложить.

А мальчик слышал однажды, как говорила крестьянка: «Я спрятала под кроватью горшок с отравой». Но сказала она это для того, чтоб отвадить лакомок, а на самом-то деле находился в нем мед. Забрался мальчик под кровать, вытащил оттуда горшок и поел все, что там было, дочиста. «Не знаю,— сказал он,— люди говорят, что смерть горькая, а мне она на вкус показалась сладкой. Чего ж теперь удивляться, что хозяйка желает себе так часто смерти». Уселся он на скамеечку и собрался было помирать. Но вместо того чтоб ему слабеть, он почувствовал себя от питательной пищи крепче. «Это, должно быть, был вовсе не яд,— сказал он,— а вот говорил когда-то крестьянин, что у него в шкафу стоит бутылка с мушиной отравой, уж то, пожалуй, настоящая отравка, и от нее я смогу умереть». Но то была вовсе не мушиная отравка, а венгерское вино. Вытащил мальчик бутылку и выпил ее всю: «Эта смерть тоже на вкус сладкая!» — сказал он. Но только ударило ему вино в голову и начало его пьянить, он подумал, что конец ему приближается. «Я чувствую, что скоро помру,— сказал он,— пойду-ка я на кладбище и поищу себе могилу».

Направился мальчик, пошатываясь, на кладбище, пришел туда и лег в только что вырытую могилу. И мало-помалу он впал в забытие. А находилась поблизости харчевня, и справляли там свадьбу. Услыхал мальчик музыку, и почудилось ему, что он попал уже в рай, и вот, наконец, совсем потерял сознание. Но бедный мальчик не проснулся уж больше,— жар от крепкого вина и холодная ночная роса его погубили, и он остался в могиле, в которую сам же и лег.

Узнал крестьянин про смерть мальчика, испугался и стал опасаться, чтоб не вызвали его на суд, и его охватил такой страх, что он упал наземь без чувств. В это время стояла жена у плиты, держала сковороду, было в ней полно топленого сала, и она бросилась, чтоб оказать мужу помощь. Но попал огонь на сковороду, и охватило пламя весь дом; спустя несколько часов остался от него один только пепел. А годы, которые им было суждено еще прожить на свете, они провели, мучимые совестью, в бедности и нищете.

Заяц и еж

Сказка эта, ребята, на небылицу похожа, а все же она правдивая, — дед мой, от которого я ее слышал, говаривал всякий раз, когда он с чувством и с толком ее рассказывал:

«Правда-то в ней, сынок, есть; а то зачем бы и стали ее рассказывать?»

А дело было вот как.

Случилось это в одно воскресное утро, в пору жатвы, как раз когда зацветает гречиха. Солнце на небе взошло яркое, утренний ветер дул по скошенному жнивью, жаворонки распевали над полями, пчелы гудели на гречихе; люди шли в праздничных одеждах в церковь, и всякая тварь земная радовалась, и еж в том числе тоже.

И стоял еж у своей двери сложа руки, дышал утренним воздухом и напевал про себя веселую песенку — не хорошую и не плохую, какую поют обычно ежи в теплое воскресное утро. И вот когда он тихо напевал про себя эту песенку, пришло ему в голову, что он может, пока его жена купает и одевает детей, прогуляться немного по полю да поглядеть, как растет брюква. А брюква росла совсем близко возле его дома, и он всегда ел ее вместе со своей семьей, потому и смотрел он на нее, как на свою. Сказано — сделано. Запер еж за собой дверь и направился в поле. Отойдя недалеко от дома, он хотел было пробраться через терновник, что рос возле поля, почти у того места, где росла и брюква, и вдруг заметил он зайца, который вышел за тем же делом — посмотреть на свою капусту. Увидел еж зайца и пожелал ему доброго утра. А заяц был господин вроде как бы знатный и уж очень надменный. Он ничего не ответил на привет ежа и сказал ему, скорчив презрительную гримасу:

— Чего это ты так рано бегаешь тут по полю?

— Гуляю, — говорит еж.

— Гуляешь? — засмеялся заяц. — Мне думается, что ты мог бы применить свои ноги для какого-нибудь более полезного дела.

Этот ответ сильно раздосадовал ежа: он мог бы все перенести, но о своих ногах он не позволял ничего говорить, — уж очень они были у него кривые.

— Ты, видно, воображаешь, — сказал еж зайцу, — что своими ногами ты можешь лучше управиться?

— Я думаю, — ответил заяц.

— Это надо еще проверить, — сказал еж. — Я готов биться об заклад, что если мы с тобой побежим взапуски, я прибегу первым.

— Да это прямо смешно — ты-то, со своими кривыми ногами? — сказал заяц. — Ну, что ж, если у тебя такая большая охота, я, пожалуй, согласен. А на что мы будем спорить?

— На один золотой луидор и на бутылку водки, — говорит еж.

— Идет! — ответил заяц. — Ну, тогда уж давай начнем сейчас.

— Нет, зачем нам так торопиться, я не согласен, — говорит еж, — ведь я еще ничего не ел и не пил. Сперва пойду домой и немного позавтракаю, а через полчаса вернусь на это же самое место.

Заяц согласился, и еж направился домой. По пути еж подумал про себя: «Заяц надеется на свои длинные ноги, но я-то его перехитрю. Хотя он и знатный господин, да глупый, он наверняка проиграет».

Пришел еж домой и говорит своей жене:

— Жена, скорее одевайся, придется тебе идти вместе со мной на поле.

— А что такое случилось? — спрашивает она.

— Да вот поспорили мы с зайцем на один золотой луидор и на бутылку водки: хочу бежать я с ним взапуски, и ты должна быть при этом.

— Ах, боже ты мой! — стала кричать на него жена. — Да ты что, одурел в самом деле! Да в своем ли ты уме? Как можешь ты бежать с зайцем взапуски?

— Да ты уж, жена, лучше помолчи, — говорит ей еж, — это дело мое. В мужские дела ты не вмешивайся. Ступай оденься и пойдем вместе со мной.

Что тут было ей делать? Хочешь не хочешь, а пришлось ей идти вслед за мужем.

Идут они вдвоем по дороге в поле, и говорит еж жене:

— А теперь внимательно выслушай, что я тебе скажу. Видишь, вон по тому большому полю мы и побежим с зайцем взапуски. Заяц будет бежать по одной борозде, а я по другой, а бежать мы начнем с горы. А твое дело — только стоять здесь, внизу, на борозде. Когда заяц пробежит по своей борозде, ты и крикнешь ему навстречу: «А я уже здесь!».

С тем и добрались они на поле. Указал еж жене место, где ей надо стоять, а сам отправился повыше. Когда он пришел, заяц был уже на месте.

— Давай, что ли, начинать? — говорит заяц.

— Ладно, — отвечает еж, — начнем.

И стал каждый на свою борозду. Начал заяц считать: «Ну, раз, два, три», — и помчался, как вихрь, вниз по полю. А еж пробежал примерно шага три, забрался затем в борозду и уселся себе там преспокойно.

Добежал заяц до конца поля, а ежиха и кричит ему навстречу:

— А я уже здесь!

Заяц остановился и был немало удивлен: он подумал, что это кричит, конечно, сам еж, — а известно, что ежиха выглядит точно так же, как и еж. Но заяц подумал: «Тут что-то неладно», — и крикнул:

— Давай побежим еще раз назад!

И кинулся он вихрем, прижав уши, по борозде, а ежиха осталась преспокойно на своем месте. Добежал заяц до конца поля, а еж кричит ему навстречу:

— А я уже здесь!

Разозлился заяц и крикнул:

— Давай бежать еще раз назад!

— Как хочешь, — ответил еж, — мне-то все равно, сколько тебе будет угодно.

Так бегал заяц еще семьдесят три раза, а еж все приходил первым. Всякий раз, когда заяц прибежал на край поля, еж или ежиха говорили:

— А я уже здесь!

Но на семьдесят четвертый раз не добежал заяц до конца: упал на передние ноги, пошла у него кровь горлом, и не мог он двинуться дальше.

Взял еж выигранные им золотой луидор и бутылку водки, вызвал свою жену из борозды, и они пошли вместе домой, оба друг другом вполне довольные. Если они не умерли, то живут они еще и сейчас.

Вот как оно вышло, что простой полевой еж обогнал зайца, и с той поры уже ни один заяц не решался больше бегать с ежом взапуски.

А сказки этой поученье такое: во-первых, никто, каким бы знатным он себя ни почитал, не должен себе позволять глумиться над простым человеком — хотя бы даже и над ежом. Во-вторых, дается совет такой: если надумает кто жениться, то пускай тот берет себе жену из того же круга, что и сам, и пусть будет она на него самого похожа. Вот, скажем, если ты еж, то и бери себе в жены ежиху, и так дальше.

*Веретенце,
челнок и иголка*

Жила-была девушка: отец и мать у нее умерли, когда она была еще совсем маленьким ребенком. А на краю деревни жила в избушке ее крестная мать; она зарабатывала себе на хлеб тем, что пряла, ткала и шила. Старуха приняла к себе в дом сироту, научила ее работать и воспитала в скромности и послушании. Когда девушке исполнилось пятнадцать лет, старуха заболела; она подозвала к постели девушку и говорит:

— Милая моя дочка, я чувствую, что близок мой конец. Я оставляю тебе эту избушку, — будет тебе где от ветра и непогоды укрыться; да еще веретенце, челнок и иголку, — вот и сможешь ты себе всегда на хлеб заработать.

Она возложила руки на голову дочери, благословила ее и сказала:

— Помни в сердце своем всегда о боге, и будет тебе хорошо.

Затем она закрыла глаза и умерла. Когда ее хоронили, девушка шла за гробом, горько плача, и воздала ей последний долг.

Стала девушка с той поры жить одна-одинешенька в маленькой избушке; к работе она была прилежна: пряла, ткала и шила; и во всем, что она делала, было благословение доброй старухи. И было так, что лен у нее в каморке никогда не переводился, а становилось его все больше; если соткет она кусок полотна, или ковер сделает, или рубашку сошьет, то тотчас находится и покупатель, плативший ей щедро, и она никогда не испытывала нужды и могла еще кое-чем с другими людьми поделиться.

На ту пору по той земле путешествовал королевич, ища себе невесту. Бедную девушку брать ему не полагалось, но и богатой он тоже не хотел. И он сказал:

— Та будет моею женой, кто самая бедная и в то же время и самая богатая.

Приехав в деревню, где жила девушка, он стал расспрашивать, как делал это он всюду, кто тут самая бедная и самая богатая. Ему сначала называли богатую; а самая бедная, это та, мол, девушка, что живет на краю деревни. Богатая сидела на пороге дома в праздничном наряде, и когда королевич подошел к ней, она встала, пошла к нему навстречу и низко ему поклонилась.

Он ее оглядел, ни слова не молвил и поскакал дальше. Когда он подъехал к избушке бедной девушки, то ее у дверей не было, она сидела в своей комнатке.

Он остановил коня и увидел в окошке, в которое светило яркое солнце, девушку, что сидела за прялкой и усердно работала. Она посмотрела и, заметив, что на нее загляделся королевич, вся зарделась, опустила глаза и продолжала прясть. Уж не знаю, не ведаю, была ли на этот раз нитка ровная, но она прядла до тех пор, пока королевич не уехал.

Потом она подошла к окошку, отворила его и сказала: — А в комнате-то как жарко стало, — и она смотрела ему вслед, пока видны были белые перья на его шляпе.

Села девушка в своей каморке снова за работу и продолжала прясть. И пришли ей на память слова, которые не раз ей повторяла старуха, сидя за работой, и она стала тихо напевать:

Веретенышко, скажни,
Женишка мне приведи!

И что же тогда случилось? Вмиг выпрыгнуло веретенце у нее из рук и покатилося прямо в дверь. Когда она от изумленья встала, чтоб поглядеть, куда оно укатилось, она увидела, что оно весело запрыгало по полю, таща за собой блестящую золотую нитку. И вскоре оно скрылось из виду. У девушки веретенца больше не было, и она взяла тогда в руки челнок, села за ткацкий станок и принялась ткать.

А веретено запрыгало, покатилося дальше, и только нитка кончилась, докатилось оно к королевичу.

— Что я вижу? — воскликнул он. — Пожалуй, веретено хочет указать мне дорогу?

Он повернул коня и поскакал за золотой ниткой назад. А девушка в то время сидела за своей работой и пела:

Челночок мой, тки живей,
Жениха веди скорей!

И тотчас выскочил челнок у нее из рук и прыгнул прямо к дверям. На пороге он стал ткать ковер, да красоты прямо невиданной. По краям того ковра зацвели розы и лилии; посередине, на золотом поле, подымались зеленые стебли, и прыгали меж ними зайцы да кролики, олени и лани протягивали головы, а наверху сидели на ветвях пестрые птицы, и казалось, что вот-вот они запоют. А челночок бегал взад и вперед, и все как будто росло само собой.

Но вот челнок убежал, и девушка принялась тогда за шитье; она держала в руке иголку и пела:

Ты, иголочка, игла,
Дом укрась для женишка!

Вдруг выскользнула у нее из рук иголка и стала летать по комнате, да так быстро, прямо как молния. Казалось, что никак не иначе, а работают тут незримые духи; и покрылись вмиг

стол и скамьи зеленым сукном, а стулья — бархатом, а на окнах появились шелковые занавески.

Только сделала иголка последний стежок, увидела девушка в окошке белые перья на шляпе у королевича, — его привело сюда веретено своей золотой нитью. Он встал с коня, ступил по ковру в дом, и только зашел он в комнату, встала девушка, одетая в бедное свое платье, но она пылала в нем, точно роза на кусте.

— Ты самая бедная, но ты самая богатая, — молвил он ей, — пойдем со мною, и будешь ты моей невестой.

Она молча протянула ему руку. Тогда он поцеловал ее, вывел из дому, усадил на коня и привез ее в королевский дворец, где они отпраздновали веселую свадьбу.

А веретенце, челнок и иголка отданы были на сохранение в королевскую сокровищницу, где и находятся в великом почете.

Мужичок и черт

Жил-был на свете умный и хитрый мужичок. О его приключениях можно немало бы порассказать, но самый лучший сказ будет о том, как повстречал он черта и оставил его в дураках.

Пахал раз мужичок свое поле и собирался уже домой возвращаться, а тут наступили сумерки. Вдруг видит мужичок посреди своего поля грудку горящих углей; удивился он, подошел, видит — сидит на самом огне маленький черный чертик.

— А не сидишь ли ты, чего доброго, на кладе? — спросил мужичок.

— Так оно и есть, — ответил чертик, — на кладе. Золота да серебра тут будет побольше, чем ты видел за всю свою жизнь.

— Но клад-то лежит на моем поле,— стало быть, он принадлежит мне,— сказал мужичок.

— Он твой и будет,— ответил черт,— если ты мне два года согласен будешь отдавать половину того, что вырастет у тебя на поле,— денег-то у меня достаточно, а вот зелени хотелось бы мне отведать.

Стал мужичок сговариваться.

— А чтоб не вышло у нас с тобой при дележе спора,— сказал он,— пусть принадлежит тебе то, что вырастет над землей, а мне то, что вырастет под землей.

Черту это очень понравилось. Посадил тогда хитрый мужичок репу. Вот пришло время снимать урожай, и явился черт, чтоб забрать свое, но нашел он одну лишь желтую, пожухлую ботву, а мужичок остался доволен и выкопал себе репу.

— Один раз ты выиграл,— сказал черт,— но дальше дело так не пойдет. Твое будет теперь то, что вырастет на земле, а мое — что под землей.

— Я и на то согласен,— говорит мужичок.

Подошло время сеять; и посеял мужичок на этот раз не репу, а пшеницу. Пospела пшеница, пошел мужичок на поле и скошил полные колосья по самый корень.

Приходит черт, видит одно только жнивье, и от злости запрятался он в ущелье.

— Так вас, лукавых, и надо надувать! — сказал мужичок, пошел и забрал себе клад.

Морская рыбка

Жила-была на свете королева, и был у нее во дворце, высоко, под самую крышей дозорной башни, зал с двенадцатью окнами, выходившими на все стороны света. Когда она подымалась в тот зал и смотрела вокруг, то могла видеть все свое

королевство. Из первого окошка она видела лучше, чем остальные люди, из второго еще лучше, из третьего еще ясней и так дальше, а из двенадцатого окошка она видела все, что находилось над землей и под землею, и ничего не оставалось от нее сокрытым. А так как была она гордая, подчиняться никому не хотела и желала сохранить всю власть в своих руках, то она объявила, что лишь тот может стать ее мужем, кто сумел бы так от нее спрятаться, чтоб она его никак отыскать не могла. И кто на это дело отважится, а она его отыщет, то отрубят тому голову и насадят ее на кол. И стояло уже перед замком девяносто семь кольев с мертвыми головами, и долгое время никто в женихи не объявлялся. Королевна была этим довольна и думала: «Теперь я всю жизнь буду свободна».

Но вот явились к ней трое братьев и объявили ей, что хотят попытать счастья. Старший полагал, что он будет в безопасности, если заберется в известковую пещеру, — но королевна заметила его уже из первого окошка, велела его оттуда вытащить и отрубить ему голову. Средний брат забрался в подвал замка, — но и его тоже увидела она из первого окошка, и он тоже погиб: насадили его голову на девяносто девятый кол. Тогда явился к ней младший брат и попросил дать ему день на раздумье и помиловать его дважды, если она его разыщет, а не удастся ему спрятаться и на третий раз, тогда уж и ему, мол, самому жизнь не мила будет. А так как был он очень красивый и так ласково ее просил, то она сказала: «Хорошо, я согласна, но это тебе не удастся».

На другой день он долго думал-раздумывал, как бы ему получше спрятаться, но все было напрасно. Взял он тогда ружье и вышел поохотиться. Он заметил ворона и нацелился в него; но только собрался охотник спустить курок, а ворон ему и говорит:

— Не бей меня, я за это тебе службу сослужу!

Охотник стрелять не стал, пошел дальше, и подходит к озеру, и видит — выплыла из его глубины наверх рыба. Только он прицелился, а рыба как заговорит:

— Не бей меня, я тебе за это сослужу службу!

Он дал ей нырнуть в воду, пошел дальше и повстречал лису, она шла прихрамывая. Он выстрелил в нее, но не попал, и крикнула лиса:

— Ты лучше ко мне подойди да вытащи мне из ноги занозу.

Охотник так и сделал, а потом собрался лису убить и содрать с нее шкуру. А лиса говорит:

— Оставь меня в живых, я тебе за это службу сослужу!

Отпустил юноша лису, она убежала, а когда стало смеркаться, он воротился домой.

На другой день надо было ему прятаться, но что он ни придумывал, как ни ломал себе голову, а придумать не мог, куда бы ему спрятаться. Пошел он в лес к ворону и говорит:

— Я оставил тебя в живых, так скажи мне, куда б это мне запрятаться, чтоб не увидела меня королевна.

Опустил ворон голову, долго-долго раздумывал, наконец прокаркал:

— Я надумал!

Он принес из своего гнезда яйцо, разбил его на две части и сунул в него юношу. Потом ворон слепил яйцо и уселся на него. Подошла королевна к первому окошку, не могла его найти, не нашла она его и в следующем окне. Она стала уже побавиваться, но в одиннадцатое окно она все-таки его увидела. Велела тогда королевна убить ворона, принести яйцо и разбить его, — и пришлось юноше из него вылезти. И сказала королевна:

— На первый раз я тебе прощаю; а не придумаешь что получше, пропал ты тогда.

Отправился он на другой день к озеру, кликнул рыбу и говорит:

— Я оставил тебя в живых, так скажи мне, куда б это мне спрятаться, чтоб не нашла меня королевна?

Подумала-подумала рыба и наконец воскликнула:

— Я уж знаю! Я спрячу тебя у себя в животе.

Она проглотила его и опустилась на самое дно озера.

Посмотрела королевна в свои окна, не увидела его и в одиннадцатое окошко, запечалилась, но в двенадцатое все-таки наконец его заметила. Она велела поймать рыбу, разрезать ее, и юноша был найден. Можете себе представить, что творилось у него на душе! И говорит королевна:

— Дважды тебе прощено, но уж будет твоя голова на со- том колу торчать.

Вышел он в последний день с тяжелым сердцем в поле и повстречал там лису.

— Ты умеешь находить всякие лазейки, — говорит он ей, — я оставил тебя в живых, так вот, посоветуй мне, куда бы мне спрятаться, чтоб не нашла меня королевна?

— Трудное это дело, — ответила лиса. Было видно, что она призадумалась.

Наконец она воскликнула:

— Я уж придумала!

Она подошла с ним к роднику, окунулась в него — и вышла оттуда в виде продавца разных зверей. Юноше она тоже велела окунуться в воду, и он обратился в маленькую морскую рыбку.

Отправился продавец зверей в город и стал показывать людям послушную рыбку. Сбежалось много народу поглядеть на рыбку. Наконец явилась и королева, а так как ей рыбка очень понравилась, то она купила ее и заплатила за нее продавцу немало денег. Но прежде чем ее отдать, сказал он рыбке: «Если подойдет королева к окошку, ты быстро заберись ей под косу».

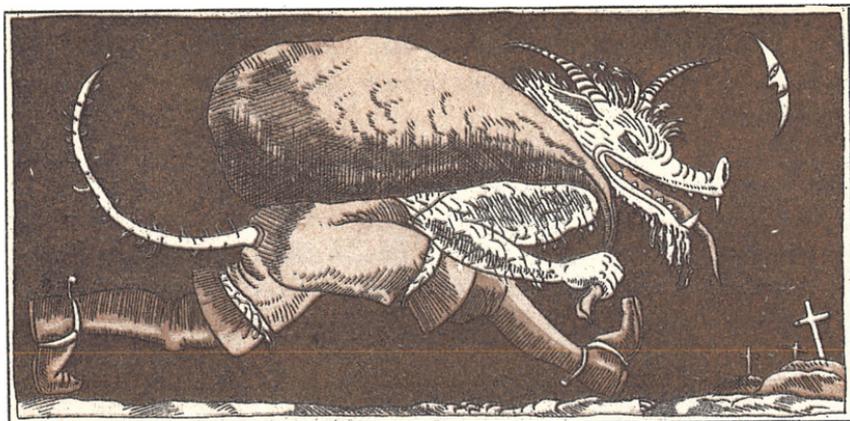
Подошло время, когда королева должна была его разыскивать. Она подходила по порядку ко всем окнам, с первого до одиннадцатого, но нигде его не увидела. Когда она не заметила его и в двенадцатое окошко, она испугалась, разгневалась и так сильно захлопнула окошко, что разлетелись стекла во всех окнах на тысячи осколков и даже задрожал весь замок.

Вернулась она назад и почувствовала у себя под косою морскую рыбку. Она схватила ее, бросила на пол и крикнула: — Прочь с моих глаз!

Кинулась рыбка к своему продавцу, поспешили они вдвоем к роднику, окунулись в него, — к ним и вернулся их прежний вид. Поблагодарил юноша лису и говорит:

— Ворон и рыба по сравненью с тобой сущие дураки, а ты и вправду на хитрости мастерица!

И пошел юноша прямо в замок. Королева его уже там дожидалась и судьбе своей покорилась. Отпраздновали они свадьбу, и сделался юноша теперь королем и всего королевства хозяином. Однако он никогда не рассказывал ей, куда он спрятался в третий раз и кто ему помог, она верила, что все это сделал он по собственному умению, и она его уважала, и думала про себя: «А он-то умеет больше меня!»

Могильный холм

Однажды стоял крестьянин-богач у себя во дворе и смотрел на свои поля и сады. Хлеба выросли густые, а деревья были полны плодов. Зерно прошлого урожая хранилось еще до сих пор в таких огромных кучах в амбаре, что закрома чуть не ломились под его тяжестью. Потом он направился на скотный двор, — там стояли откормленные быки, жирные коровы и блистающие, как золото, лошади. Наконец богач вернулся к себе в комнату и окинул взором железные сундуки, в которых хранились у него деньги. Он стоял так, разглядывая свои богатства, и вдруг кто-то громко к нему постучался. Но это был стук не в дверь его комнаты, а в дверь его сердца. Она открылась, и он услышал голос, который ему сказал:

— Делал ли ты добро своим ближним? Замечал ли ты нужду бедняков? Делился ли ты своим хлебом с голодными? Был ли ты доволен тем, что у тебя есть, или ты желал иметь еще больше? — И сердце не замедлило ответить:

— Я было жестоким и надменным и ни разу не сделало добра ближним. Если приходил бедняк, я от него отворачивалось. Я не думало о боге, а думало лишь о том, чтоб увеличить свои богатства. Если бы даже мне принадлежало все, что находится на земле, то и тогда бы этого было мне мало.

Услыхал он такой ответ и сильно испугался; у него задрожали колени, и ему пришлось сесть. Вот постучался кто-то опять, но теперь постучались в дверь его комнаты. Это был его сосед-бедняк, у которого была целая куча детей, а кормить их ему было нечем. «Я знаю, — подумал бедняк, — мой сосед насколько богат, настолько и жесток. Я не верю, что он мне поможет, но дети мои кричат и плачут, прося хлеба, уж попробую я, попытаюсь». И он сказал богачу:

— Вы неохотно делитесь своим добром, но я стою перед вами, как человек, которому хоть в воду бросайся: мои дети голодают, одолжите мне четыре меры зерна.

Долго смотрел на него богач, и вот под первым солнечным лучом щедрости растаяла на льду его жестокости первая капля.

— Четыре меры я одолжить тебе не смогу,— ответил он,— а подарю тебе восемь мер, но ты должен будешь выполнить одно условие.

— Что же надо мне сделать?— спросил бедняк.

— Когда я умру, ты должен будешь провести три ночи у меня на могиле.

Стало бедняку от такого условия как-то не по себе, но по нужде, в которой он находился, он пошел на все,— он согласился и отнес зерно домой.

Богач будто предвидел, что случится: спустя три дня он упал вдруг мертвый наземь. Так и не доведались люди, отчего это произошло, но никто о нем не печалился. Когда его похоронили, бедняк вспомнил про свое обещанье; ему хотелось бы от него избавиться, но он подумал: «Ведь все ж таки он меня пожалел, и я смог накормить детей хлебом; но даже если бы этого и не было, я дал обещанье и должен его выполнить». Пошел он с наступлением ночи на кладбище и сел на могиле. Все вокруг было тихо, только сияла над могильным холмом луна, да пролетала иной раз сова, и слышался ее жалобный крик.

Когда поднялось солнце, бедняк вернулся благополучно домой, и так же спокойно прошла и вторая ночь. На третью ночь почувствовал крестьянин какой-то необычайный страх, ему казалось, что должно что-то случиться. Выйдя, он увидел у кладбищенской ограды человека, которого он до этого ни разу не видел. Был тот человек немолод, на лице у него были шрамы, глаза были у него острые и горящие. Он был укутан в старый плащ, и виднелись только его высокие ботфорты.

— Что вы тут ищете?— обратился к нему крестьянин.— Разве вам на этом пустынном кладбище не боязно?

— Я ничего не ищу,— ответил человек,— но и ничего не боюсь. Я как тот парень, что ходил страху учиться и понапрасну старался, но добыл себе зато в жены королевну, а с ней вместе и большие сокровища, а я так бедняком и остался. Я всего лишь отставной солдат, собираюсь здесь ночевать— другого пристанища у меня нету.

— Если вы не боитесь,— сказал крестьянин,— то оставайтесь вместе со мной и поможете мне сторожить могилу.

— Стоять на посту— дело солдатское,— ответил тот,— а что с нами случится, хорошее или плохое, перенесем вместе.

Крестьянин на это согласился, и вот уселись они вдвоем на могиле.

До полуночи все было тихо, но вдруг раздался в воздухе свист, и оба сторожа увидели черта, — он стоял перед ними живой.

— Прочь, мерзавцы, отсюда! — закричал он на них. — Тот, кто лежит в могиле, принадлежит мне — я его заберу. А если вы отсюда не уберетесь, я вам шею сверну.

— Послушайте, сударь с красным пером, — сказал солдат, — вы мне не начальник, я подчиняться вам не обязан, а страху я пока не научился. Ступайте своей дорогой, а мы уж останемся сидеть здесь.

Черт подумал: «Этих оборванцев лучше всего соблазнить золотом», — и он натянул самые нежные струны своего голоса и спросил по-дружески, не согласятся ли они-де взять кошелек с золотом, а затем убраться с ним восвояси.

— Вот это дело подходящее, — ответил солдат, — но одного кошелька с золотом нам будет маловато. Если отсыплете золота столько, сколько влезет в один из моих сапогов, то позицию мы сдадим и отступим.

— Столько у меня при себе нету, — сказал черт, — но я сейчас принесу; живет в соседнем городе один меняла, мой закадычный друг, он мне охотно даст сколько потребуется.

Только черт исчез, снял солдат с левой ноги сапог и говорит:

— Мы уж этого чумазого проведем! Дайте-ка мне, братец, свой нож.

И он срезал с сапога подошву и поставил его у могилы в густую траву — на самом краю ползаросшей ямы.

— Так-то оно будет все в порядке, — сказал солдат, — пускай теперь этот трубочист является.

Они оба уселись и стали дожидаться. В скором времени показался черт, держа в руке мешочек с золотом.

— Ну, сыпьте сюда, — сказал солдат и приподнял сапог чуть вверх, — но этого, пожалуй, будет маловато.

Чумазый опорожнил мешочек, но золото просыпалось в дыру, и сапог остался пустым.

— Глупый черт, — крикнул ему солдат, — да куда же это годится? Я ведь наперед говорил, что не хватит. Ступайте назад да принесите побольше.

Покачал черт головой, ушел и через час явился, держа под мышкой мешок куда побольше.

— Насыпайте дополна, — крикнул солдат, — но я сомневаюсь, что сапог будет полон.

Зазвенело золото, падая наземь, но сапог остался пустым. Заглянул туда черт сам своими горящими глазами и убедился, что это правда.

— Однако икры-то у вас безобразно толстые, — сказал он и скривил рот.

— Вы думаете, — возразил солдат, — что у меня такая же лошадиная нога, как у вас? С каких это пор вы стали таким скупым? Тащите золота побольше, а то из нашей сделки ничего не получится.

Черт убежал снова вприпрыжку. На этот раз его не было более долгое время, но когда он, наконец, явился, он задыхался под тяжестью мешка, лежавшего у него на спине.

Он высыпал его в сапог, но он наполнился так же мало, как и в прошлый раз. Рассвирепел тут черт, хотел было вырвать сапог из рук солдата, но в это время на небе пробился первый луч восходящего солнца, и нечистый с громким криком исчез. Бедная душа была спасена.

Хотел крестьянин золото поделить, но солдат сказал:

— Что приходится на мою долю, ты раздай беднякам. А я поселюсь у тебя в избушке, и нам хватит с тобой остального, чтоб прожить хорошо и мирно столько, сколько нам положит господь.

Сапог из буйволово́й кожи

Если солдат ничего не боится, то и тужить ему не о чем. Вот один из таких-то и получил отставку, а так как ремеслу он не учился и заработать себе ничего не мог, то стал он бродяжничать по свету и просить у добрых людей подавание. На плечах у него висел старенький плащ, да осталась еще пара сапог из буйволово́й кожи.

Шел он однажды куда глаза глядят, не разбираясь ни в тропах, ни в дорогах, пробираясь полями все вперед и вперед, — и добрался наконец до леса. Не знал он, куда и попал. Вдруг смотрит — сидит на пне какой-то человек, одет хорошо, и зеленый охотничий камзол на нем. Подал солдат ему руку, поздоровался, уселся с ним рядом на траве и ноги вытянул.

— Я вижу, сапоги на тебе отличные и до блеска начищены,— сказал он охотнику.— А пришлось бы тебе, как мне, походить по свету, давно бы они не выдержали. Погляди-ка на мои, они из буйволово́й кожи, послужили мне уж немало, а ходить в них можно везде.

Спустя некоторое время поднялся солдат и говорит:

— Рассиживаться мне больше нельзя, голод гонит вперед. Ну, брат Начищенный Сапог, а куда эта дорога ведет?

— Я и сам-то не знаю,— ответил охотник,— я в этом лесу заблудился.

— Стало быть, и с тобой вышло то же, что и со мной,— сказал солдат,— значит, мы друг другу под пару; ну, так давай не разлучаться и поищем дорогу вместе.

Усмехнулся охотник, пошли они дальше вдвоем, а тут и ночь наступила.

— Из лесу нам не выбраться,— сказал солдат,— но я вижу, вдали огонек мерцает, там мы, пожалуй, и найдем что поесть.

Они подошли к каменному дому, постучались в дверь, и открыла им старуха.

— Мы ищем квартиру для ночлега,— сказал солдат,— да кое-чего заправить в желудок, а то он у меня пустой, как старый ранец.

— Здесь вам ночевать нельзя,— ответила старуха,— это разбойничий притон, и будет самое благоразумное, если вы отсюда уберетесь, пока они домой не вернулись. А уж если они вас найдут, то пропадать вам придется.

— Да уж хуже не будет,— ответил солдат.— У меня два дня во рту и крошки не было, и мне все одно, тут ли погибать или в лесу с голоду пропадать. Как кто, а я вхожу.

Охотник не захотел идти вслед за ним, но солдат втащил его за рукав.

— Входи, милый братец, не сразу же погибать-то придется.

Но старуха их пожалела и сказала:

— А вы на печь залезайте, и если мне что-нибудь дадите, а сами уснете, то я вас спрячу.

Только спрятались они в углу, как ввалились с шумом двенадцать разбойников, сели за стол, который был уже накрыт, и грубо потребовали подать им еду. Старуха принесла большое блюдо с жарким, и разбойники с наслаждением принялись за него. Ударил в нос солдату запах жареного, и говорит он охотнику:

— Я больше выдержать не в силах, подсяду-ка я к столу и поем с ними вместе.

— Ты нас погубишь,— сказал охотник и схватил его за руку.

Но солдат начал громко покашливать. Это услышали разбойники, побросали ножи и вилки, вскочили из-за стола и нашли обоих за печкой.

— Ага, голубчики, — закричали разбойники, — чего это вы в угол забрались? Что вам здесь надо? Вас, видно, сюда сыщиками послали? Погодите, вот вы научитесь, как на суку качаться!

— Однако повежливей, — сказал солдат, — я голоден, дайте мне сначала поесть, а потом уж делайте со мной что хотите.

Разбойники так и остолбенели, а их атаман говорит:

— Я вижу, ты не из робкого десятка. Ладно, ужин ты получишь, но потом придется тебе помирать.

— Это мы еще посмотрим, — сказал солдат, подсел к столу и смело набросился на жаркое.

— Ну, брат Начищенный Сапог, подходи и ешь, — крикнул он охотнику, — ты ведь голоден не меньше моего, а лучше-го жаркого ты и дома у себя не найдешь.

Но охотнику есть не хотелось.

Поглядели разбойники на солдата с удивлением и говорят:

— А он парень не из трусливых.

А солдат и говорит им:

— Еда, что и говорить, была хороша, ну, а теперь доставайте-ка доброго вина.

Атаман был в хорошем настроении; он согласился и на это и крикнул старухе:

— Достань из погреба бутылку, да самого лучшего.

Вытащил солдат пробку, та аж хлопнула, подошел с бутылкой к охотнику и говорит:

— Теперь внимание, братец! Сейчас ты увидишь чудо из чудес: сейчас я выпью за здоровье всей ватаги. — И он поднял бутылку над головами разбойников и крикнул:

— Желаю вам всем здоровья, но рты раскрыть. Правые руки вверх! — и он отхлебнул порядочный глоток.

Только он вымолвил эти слова, как все разбойники будто окаменели, сидели недвижно, рты раскрыли и подняли правую руку вверх.

И говорит охотник солдату:

— Я вижу, ты на разные фокусы мастер, но, однако, пора домой возвращаться.

— Ого, любезный братец, это бы мы слишком рано отступили. Врага мы разбили, надо теперь захватить добычу. Вишь, как прочно они уселись и от удивления рты пораскрыли; им с места теперь не сдвинуться, пока я им это не разрешу. Ступай ешь и пей.

Пришлось старухе принести еще бутылку самого лучшего вина, и солдат не встал до тех пор, пока еще раз не наелся дня на три вперед. Наконец, когда стало уже светать, он сказал:

— Ну, пришло время палатку свертывать, а чтоб переход

был у нас покороче, старуха должна указать нам ближайший путь в город.

Когда они туда прибыли, солдат направился к своим старым товарищам и говорит:

— Нашел я в одном лесу полное гнездо воронят, давайте пойдем туда вместе и выдерем птенчиков из гнезда.

Привел их солдат к охотнику и говорит ему:

— Надо будет тебе вместе с нами назад вернуться; посмотришь, как будут они крыльями размахивать, когда мы их за ноги схватим.

Он расставил свой отряд вокруг разбойников, потом взял бутылку, отхлебнул глоток, поднял ее у них над головами и крикнул:

— Здравия вам желаем!

И вдруг к разбойникам вернулась способность двигаться. Но их тотчас повалили наземь и связали по рукам и ногам. Потом солдат велел бросить их на телегу, точно какие-нибудь мешки, и сказал:

— Правьте прямо к тюрьме.

Но охотник отвел в сторону одного из солдатской команды и дал ему еще другое порученье.

— Братец Начищенный Сапог, — сказал солдат, — мы удачно захватили врасплох неприятеля да и подкормились неплохо, а теперь будем себе спокойно маршировать сзади, как отставшие.

Когда они приближались уже к городу, солдат заметил, что толпа народу спешит из городских ворот, радостно кричит и подымает вверх зеленые ветви. Он увидел, что навстречу им вышла вся лейб-стража.

— Что это значит? — спросил он с удивлением у охотника.

— Разве ты не знаешь, — ответил тот, — что король долгое время не был в своем королевстве, а сейчас возвращается назад, и вот все вышли его встречать.

— Но где же король? — спросил солдат. — Я его что-то не вижу.

— Он здесь, — ответил охотник, — я и есть король, — и велел объявить о своем прибытии. И он расстегнул свой охотничий костюм, чтоб была видна его королевская одежда.

Испугался солдат, упал на колени и стал просить у него прощения, что по неведению, мол, он обращался с ним как с равным да еще называл таким прозвищем. Но король подал ему руку и сказал:

— Ты храбрый солдат, ты спас мне жизнь. Отныне не будешь ты ни в чем нуждаться, я о тебе позабочусь. И когда захочешь съесть кусок жирного жаркого, такого же вкусного, как в разбойничьем притоне, то приходи на королевскую кухню. А если пожелаешь выпить за мое здоровье, то спроси сначала у меня на то позволения.

Верные звери

Давно тому назад жил один человек. Денег у него было совсем мало, и вот с тем немногим, что у него осталось, отправился он странствовать по свету. Пришел он раз в деревню, видит — сбежались ребята, кричат и шумят.

— Дети, что у вас тут такое? — спросил человек.

— Да вот, — говорят они, — поймали мы мышь, хотим научить ее плясать. Посмотрите, как забавно она бегаёт!

Но человек пожалел бедного зверька и сказал:

— Ребята, отпустите мышь на волю, я вам за то заплачу. — Он дал им денег, и они отпустили мышь, и бедный зверек убежал и спрятался в норку.

Пошел человек дальше. Приходит он в другую деревню, видит — у ребят обезьяна; заставляют они ее плясать и кувыряться, потешаются над ней, не дают ей покоя. Дал человек ребятам денег, чтоб отпустили они обезьяну. Потом пришел он в третью деревню, а там у ребят был на цепи медведь; приходилось ему становиться на задние лапки и плясать, а когда он ворчал, это их забавляло. И он выкупил медведя; обрадовался медведь, что можно стать теперь опять на свои четыре лапы, и затопал он прямо в лес.

Раздал человек последние свои деньги, не осталось у него в кармане и медного гроша. И говорит он себе: «Денег у короля в казне куда больше, чем ему надо; чего мне с голоду пропадать, возьму-ка я у него немного, а заработаю — верну их опять в казну». Забрался он в казну и взял оттуда немного денег, но когда он вылез из королевской кладовой, схватили его королевские слуги. Объявили ему, что он вор, и привели его на суд, а так как совершил он неправое дело, то присудили посадить его в ящик и бросить в реку. Проделали в крышке ящика дырки, чтобы мог проходить в него воздух, и дали человеку кувшин воды да хлеба кусок. Вот и поплыл он по реке; и так ему стало страшно! Но вдруг слышит он — что-то царапается и скребется о замок, грызет и постукивает. Вдруг открывается замок, подымается крышка ящика — стоят перед ним мышь, обе-

зьяна и медведь, — это они крышку открыли; когда-то выручил их человек из беды, а теперь и они пришли ему на помощь. Но звери не знали, что им делать дальше, и стали они между собой советоваться. А тут выкатился к ним вдруг из воды белый камень, был он похож на яйцо. Вот медведь и говорит:

— Он вовремя к нам явился, это камень волшебный: чей он будет, тот и сможет пожелать себе все, чего только захочет.

Вытащил человек из воды этот камень, взял его в руку и пожелал, чтобы был у него замок с садом и королевской конюшней. И только вымолвил он свое желание, как сидел уже в замке с садом и королевской конюшней, и все было таким прекрасным и великолепным, что никак не мог он надивиться, на все это глядячи.

А проходили в это время по дороге купцы-торговцы.

— Поглядите-ка, — сказали они, — какой великолепный построили замок, а ведь в прошлый-то раз, как мы проходили, здесь были одни только зыбучие пески.

Стало им любопытно, явились они в замок, стали человека расспрашивать, как сумел он все это так быстро построить. А он им и говорит:

— Да это не я сделал, это сделал мой волшебный камень.

— А что это за камень такой? — спросили они.

Он пошел и принес его и показал купцам-торговцам. Захотелось им тот камень получить, и они спросили, нельзя ли его будет у него купить, и предложили ему за него все свои дорогие товары. Глянул человек на прекрасные товары, разбежались у него глаза при виде их, а было сердце у него не постоянное, оно стремилось все к новому, и вот дал он себя одурачить, думая, что прекрасные товары куда дороже его волшебного камня, и отдал его купцам-торговцам. Только выпустил он его из рук, и тотчас исчезло вместе с камнем и все его счастье, — очутился он снова в запертом ящике на реке, и была у него одна только кружка воды да хлеба краюха.

Как увидели верные звери — мышь, обезьяна и медведь, — что попал он в беду, явились снова к нему на помощь, но никак не могли они теперь сбить того замка — был он куда крепче, чем в первый раз. Тогда медведь и говорит:

— Надо нам волшебный камень найти, а не то все наши старания будут напрасны.

А купцы остались жить в замке. Вот звери и пошли туда все вместе; и когда были они уже около самого замка, медведь говорит:

— Мышь, загляни-ка ты в замочную скважину и посмотри, как нам быть; ты ведь маленькая, никто тебя не заметит.

Мышь согласилась на это, но вскоре вернулась и говорит:

— Дело не выйдет; я заглядывала: камень висит над зеркалом на красном шнурке, по бокам сидят две большие кошки с огненными глазами и его охраняют.

Говорят тогда обезьяна и медведь:

— А ты еще раз ступай туда да подожди, пока хозяин ляжет в постель и уснет, а потом пролезь в замочную скважину, взберись на кровать и ущипни его за нос да отгрызи ему волосы.

Пробралась мышь снова туда и сделала так, как сказали ей обезьяна и медведь. Хозяин проснулся, стал себе нос тереть и говорит:

— Кошки-то мои, видно, никуда не годятся: пускают мышшей, а те волосы мне все с головы пообгрызли,— и он прогнал своих кошек.

Вот мышь своего и добила.

Когда на другую ночь хозяин уснул, забралась мышь к нему в комнату, начала грызть красный шнурок, на котором висел камень, пока наконец его не перегрызла. Упал камень на пол, тут она и дотащила его до двери. Но нелегко это было бедной маленькой мышке; и говорит она обезьяне, а та стояла за дверью, ее дожидаясь:

— Ты вытащи его отсюда лапой.

Дело это было для обезьяны нетрудное, она взяла камень в руку, и пошли они все вместе к реке.

Обезьяна и говорит:

— Как же нам теперь к ящику-то добратся?

А медведь отвечает:

— Да это мы сейчас устроим! Я войду в реку и поплыву, а ты, обезьяна, сядешь ко мне на спину; но смотри, держись за меня обеими руками, да крепче, а камень положи себе в рот. А ты, мышка, залезай ко мне в правое ухо.

Так они и сделали и поплыли вниз по реке. Вскоре медведю молчать надоело, стал он болтать о том да о сем и говорит:

— Послушай, обезьяна, а мы-то ведь с тобой храбрые товарищи; как ты думаешь?

Но обезьяна промолчала, ничего ему не ответила.

— Что это у тебя за манера такая,— сказал медведь,— товарищам своим не отвечать? Не люблю я тех, кто не отвечает.

Тут обезьяна дольше сдерживаться была не в силах, упустила она камень в воду и крикнула:

— Дурак ты! Как же мне было отвечать-то с камнем во рту? Вот он теперь и пропал, а виноват во всем ты.

— Да ты не бранись,— сказал медведь,— мы что-нибудь да придумаем.

Посоветовались они между собой, созвали всех древесных лягушек, жерлянок и прочую водяную тварь и говорят:

— На вас собирается напасть сильный враг, надо вам будет побольше камней набрать, сколько сможете, а мы построим вам стену, она вас защитит.

Испугались водяные твари и натащили камней отовсюду, и приплыла, наконец, со дна речного старая толстая лягушка-квакушка и притащила во рту красный шнурок с волшебным камнем. Обрадовался медведь, взял у лягушки камень и сказал, что теперь все, мол, в порядке и могут они себе домой спокойно отправляться, — тут он с ними быстро и распрощался. И поплыли они втроем вниз по реке к человеку, который находился в ящике. Взорвали они волшебным камнем крышку, — явились они вовремя — весь хлеб он уже поел и всю воду выпил и чуть не пропал с голоду. Как только взял он в руку волшебный камень, пожелал себе доброго здоровья, так вмиг перенесся в свой прекрасный замок с садом и королевскою конюшнею и стал жить припеваючи. А троих зверей он оставил при себе, и всю жизнь прожили они счастливо вместе.

ПОСЛЕДЛОВЦЕ

Ученые-фольклористы, занимающиеся историей и теорией непрофессионального народного творчества, исследующие его формы и виды, происхождение отдельных жанров и их взаимосвязь, художественную структуру фольклорных памятников, их специфический язык и образный строй, роль поэтического вымысла и функции фантастики и еще многое, многое другое, до сих пор ведут споры о том, что же именно следует считать сказкой, каковы ее признаки и чем она отличается от родственных жанров — преданий и легенд, как выработать строго научную дефиницию сказки. Известный голландский литературовед и фольклорист Андре Йоллес, наблюдая за этими спорами и участвуя в них, заметил однажды полушутя-полусерьезно, что каждый, кто хочет, наконец, уяснить себе, что такое сказка, должен взять в руки гриммовский сборник сказок и перелистать его. Мы же, оставляя в стороне труды и заботы фольклористов, должны извлечь из этого замечания главное: по сути, единодушное признание ученых миром того факта, что сборник братьев Гримм представляет собой классическое собрание образцов западноевропейской — точнее, немецкой — устной народной сказки.

Нет смысла много говорить о том, насколько любим этот сборник в народе. Популярность его огромна. На сказках братьев Гримм воспитывались десятки поколений и сотни миллионов людей на Западе и на Востоке. Менялись времена, менялись вкусы, одна литературная мода сменяла другую, но к гриммовскому сборнику неизменно тянулись читатели самых разных литературных пристрастий и разных возрастов. Если бы кто-нибудь взял на себя труд подсчитать общий тираж гриммовских сказок по всему миру за истекшие полтора с лишним века, получилась бы внушительная цифра.

Братья Гримм — Якоб и Вильгельм — относятся к числу универсальных умов своего времени, то есть к той редкой породе разносторонне одаренных и удивительно трудолюбивых людей, которые добровольно избирают себе жизнь, исполненную кропотливых трудов и неустанного научного поиска, жизнь, граничащую с подвижничеством.

Родились братья Гримм в захолустном гессенском городке Ханау, в почтенной бюргерской семье (из этого рода выходили большей частью юристы и священники). Якоб — в 1785 году, Вильгельм — годом позже. Детство их прошло в другом провинциальном городке — Штайнау, где отец Якоба и Вильгельма исполнял должность городского управителя (амтмана). В 1798 году братья вместе поступают в кассельский лицей и за четыре года напряженной учебы — вместо положенных восьми лет — проходят весь курс. После лицейя — Марбургский университет, куда Якоб поступает в 1802 году, а Вильгельм — через год. В феврале 1805 года Якоб, фактически окончив университет, но не успев сдать выпускные экзамены, едет на восемь месяцев в Париж к находившемуся там профессору истории права Фридриху Карлу фон Савиньи, с которым состоит в дружеских отношениях, чтобы помочь тому ра-

зыскать в Национальной библиотеке интересные его материалы и восстановить ценные записи, утерянные Савиньи в Париже. Через год Якоб уже на государственной службе в качестве секретаря гессенской военной коллегии, которая с приходом французов была преобразована в комиссию войскового снабжения. Унизительность служения оккупационным властям вынуждает Якоба летом 1807 года подать в отставку, после чего он на многие месяцы остается без твердого заработка. В мае 1808 года умирает мать Гриммов (отец скончался еще в 1796 году); Якоб, как старший сын, оказывается главой семьи и целиком берет на себя заботу о младших братьях и сестре. Состояние здоровья Вильгельма пока не позволяло рассчитывать на постоянное место работы. В июле 1808 года он снова поступает на службу, теперь уже личным библиотекарем главы Вестфальского королевства — короля Жерома в Касселе. Вильгельм ввиду ухудшения самочувствия и обострившихся болей в сердце и груди едет на лечение к профессору И.-К. Рейлю в Галле (март — сентябрь 1809 года). К этому времени братья уже глубоко вовлечены в научную и литературную деятельность, они вовсю занимаются изучением литературных памятников германской и европейской старины, собиранием немецкого фольклора, изысканиями по древнегерманской филологии, публикуют первые ученые труды. Из-за постоянной стесненности в средствах и отсутствия твердого источника доходов — у них в отличие от многих их знаменитых соотечественников не было ни своего состояния, ни богатых родственников, способных обеспечить им «прожиточный минимум» — братья были обречены нести позизненное бремя государственной службы — будь то в качестве библиотекарей в Касселе и позднее в Гёттингене или преподавателей в Гёттингенском и Берлинском университетах. Но никакая докучная служба, никакая педагогическая и лекционная работа, сколь бы много времени они ни отнимали, никакие служебные и бытовые неурядицы и никакие удары судьбы — как, например, изгнание братьев из Гёттингена за участие в политическом протесте против произвола ганноверского короля, лишившее их средств к существованию, — не могли надолго отвлечь их от неустанных научных трудов, ставших главным содержанием их жизни и продолжавшихся до самой кончины каждого из братьев (Вильгельм умер в 1859 году в возрасте 73 лет, Якоб — в 1863-м, накануне своего 78-летия).

Разносторонняя филологическая и литературная деятельность братьев Grimm охватывала обширные и не всегда соприкасающиеся одна с другой области знаний — скандинавскую мифологию и историю права, собирание произведений немецкого фольклора и занятия грамматикой германских языков, текстологические штудии по немецкой средневековой литературе и поиски надежного научного метода в гуманитарных науках, этнографические исследования и составление исторического словаря немецкого языка — и еще многое, многое другое. И вклад их в каждую из этих областей знания переоценить трудно. Если попытаться в двух словах определить роль Якоба и Вильгельма в любой из них, то надо будет сказать, что Гриммы являются не больше, не меньше, как основателями обширной комплексной науки — германистики, охватывающей самостоятельные науки о языке, литературе, истории, праве, культуре, быте и нравах германских народов. Велики заслуги Гриммов и в области собирания, сохранения и обработки памятников немецкого фольклора (легенд, народных песен и сказок).

Три века назад, в эпоху классицизма, в европейском искусстве на народную сказку смотрели как на «низкий» вид устного творчества («нянькины сказки»), не заслуживающий сколько-нибудь серьезного внимания. Да и в другие периоды развития мировой культуры находилось немало людей, видевших в сказке только крайне примитивный, полупервобытный вид искусства, никак не соответствующий развитому эстетическому чувству цивилизованного человека.

Такое отношение к сказкам вело к тому, что об их сохранении и изучении мало кто заботился. Сказка жила естественной стихийной жизнью в народе, в памяти энтузиастов-сказителей, часто даже не знавших грамоты.

Братья Grimm, движимые идеей сохранения древних устных и письменных памятников литературы, проделали обширную и кропотливую работу по сбору, записи, частичному редактированию и изданию немецких сказок центральной части Германии. Их двухтомный сборник «Детские и семейные сказки» (1812—1815 гг.) явился первым в истории солидным собранием немецких народных сказок.

Правда, у братьев Grimm были свои предшественники.

Среди старейших европейских сборников сказок, вдохновлявших Grimмов, в первую очередь стоит назвать сборник итальянского поэта Джамбаттисты Базиле (1575—1632), опубликованный в 1634 году и ставший позднее известным под названием «Пентамерон». Книга насчитывала пятьдесят сказок, записанных на неаполитанском диалекте и объединявшихся общим обрамлением на манер боккаччиевского «Декамерона». Несмотря на заметный слет поэтики барокко и существенную авторскую роль Д. Базиле, она долго считалась первым в Европе сборником народной сказки. Одним из свидетельств особого внимания Grimмов к сборнику Джамбаттисты было то, что они, находясь уже в почтенном возрасте и будучи безнадежно вовлеченными в работу по составлению «Словаря немецкого языка», взяли на себя труд подготовить добротное издание этих сказок для немецкого читателя (1846 г., с предисловием Якоба Grimма).

Хорошо были известны Grimмам также знаменитые сборники французских сказок Шарля Перро (1628—1703) и Мари-Катрин д'Онуа (ок. 1650—1705), появившиеся на свет почти одновременно: в 1697—1698 гг. Небольшой сборник Ш. Перро «Сказки моей матушки Гусыни», включавший всего восемь сказок, к которым автор спустя несколько лет добавил еще три, имел в основе народный источник и на литературном фоне своего времени — хотя и составил его в стилизованном духе поэтики рококо — тоже считался сборником народных сказок, в то время как два сборника мадам д'Онуа представляли собой образцы чисто литературной сказки. На сказках обоих авторов — хотя и в очень различной степени — лежит отпечаток вкусов придворной литературы, предписывавшей изысканную легкость, изящество формы и занимательность. Ясно, что Grimмам по духу ближе были сказки Ш. Перро, а не его младшей соотечественницы. Более того, всякий любитель фольклора знает, что в grimмовском сборнике есть сказки, очень похожие на сказки Перро, — настолько, что наводят на мысль о каком-то опосредованном заимствовании.

Значительно позднее, во второй половине XVIII века, появились первые сборники сказок в Германии. Наиболее известным среди них является большой сборник немецкого писателя Иоганна Карла Августа Музеуса «Народные сказки немцев» в пяти томах (1782—1786 гг.), содержащий вольные литературные переработки собственно народных сказок и преданий — на этот раз уже в просветительском духе, с акцентом на антифеодальные и антиклерикальные мотивы.

Хорошо известна была Grimмам (хотя и не очень высоко ими ценилась) многотомная библиотека французских волшебных сказок, название которой в буквальном переводе звучит как «Комната фей» — «Le Cabinet des Fées», созданная усилиями многочисленных подражателей Ш. Перро и мадам д'Онуа. Она возникла в первой четверти XVIII века, в течение нескольких десятилетий пополнялась и неоднократно переиздавалась (наиболее полное издание 1785—1789 гг. насчитывало 41 том); на немецкий язык была переведена в 1761—1766 гг. (в объеме 9 томов). «Библиотека волшебных сказок» получила широкую популярность в большинстве стран Европы конца XVIII — начала XIX века, о чем говорит, в частности, тот факт, что ее можно найти почти в любой частной коллекции книг того времени.

Знали Grimмы, конечно, и арабские сказки «Тысячи и одной ночи» — знаменитое собрание сказок, легенд, новелл, назидательных историй, юморесок

и анекдотов, соединяющее в себе мотивы не только арабского, но и персидского и индийского фольклора. В Европу оно пришло через Италию (ок. 1400 года), но по-настоящему популярным стало лишь почти три века спустя, в переводе на французский язык Антуана Галлана (12 томов, 1704—1717 гг.), и в это же время стало известным и в Германии, то есть за столетие до Гриммов, — преимущественно в галлановской версии и в первых непрофессиональных с нее переводах на немецкий язык. Первый сравнительно полный и качественный перевод этих сказок был осуществлен Хагеном и Шаллем (опять же по галлановскому тексту, а не по арабскому оригиналу) лишь в 1824—1825 гг. (15 томов), то есть уже после выхода в свет гриммовского сборника.

Нельзя не упомянуть еще один сборник, непосредственно предшествовавший и отчасти сопутствовавший гриммовскому. Когда у Якоба и Вильгельма уже стала вырисовываться внушительная коллекция сказок (за три года до выхода в свет первого тома), гейдельбергское издательство «Мор унд Циммер» неожиданно выпускает сборник немецких детских сказок, да еще под именем их однофамильца — некоего Альберта Людвига Гримма (им оказался 23-летний ректор латинской школы в Вейнгейме¹). Сборник этот хотя и не стал событием в литературной жизни Германии, но был, надо думать, не совсем неудачным, если учесть, что за шестьдесят последующих лет он выдержал пять переизданий, не считая одного незаконного — в 1812 году. Появление соперника-однофамильца в такой ситуации братья Гримм восприняли, понятно, без особой радости и в кругу семьи отзывались о нем без похвал. В предисловии к первому тому своих сказок (1812) они справедливо отметили гейдельбергский сборник в целом как «не очень удачный» и со всей решительностью поспешили заявить, что их, гриммовский, ничего общего с ним не имеет. Тут А. Л. Гримм почувствовал себя задетым и в предисловии к очередному переизданию своих сказок не без самодовольства отметил, что его книгу «охотно читают и перечитывают дети всех сословий», и, в свою очередь, подверг критике сборник «обоих ученых однофамильцев» — во-первых, за слепое следование устному фольклорному источнику («для литературной фиксации сказок нужен идеальный рассказчик, — писал он, — а не первая попавшаяся нянька, а если такового нет, то место его должен занять поэт»), а во-вторых, за то, что некоторые сказки в качестве детского чтения в нравственном и воспитательном отношении непригодны. «Каждый раз, как я видел эту книгу в детских руках, — продолжал он, — это всегда вызвало во мне внутренний протест. Не пускаясь в подробности, хочу указать хотя бы на № 12 («Рапунцель». — *Г. III.*); отцы и педагоги найдут здесь, как и во многих других местах, достаточно причин не называть эти сказки детскими».

Нападки А. Л. Гримма, слегка отдававшие фарисейством, перекликались с опасениями друзей Якоба и Вильгельма относительно «нравственной» уязвимости их сборника, который в принципе мог дать воинствующему ханжеству достаточно поводов для критики. О том, что из этой истории братья все-таки сделали свои выводы, говорит второе издание их сказок (1819), где Вильгельм осуществил сквозную «цензорскую» правку (убирая сохранившиеся намеки на инцест, эдиповы конфликты, беременность, аборт и т. п.). Кроме того, отдавая должное тактической правоте своего оппонента и корректному тону его критики, Вильгельм из предисловия к изданию своих сказок 1822 года все критические пассажи по адресу А. Л. Гримма изъясил.

Невысоко отзываясь о сборнике своего однофамильца, братья тем не менее заимствовали оттуда сказку «Три королевских сына», которая была включена в их собственный сборник одной из четырех сказок, объединенных под

¹ Впоследствии А. Л. Гримм (1786—1872) получит некоторую известность как издатель сборников немецких сказок, немецких преданий, библейских легенд и античных мифов — всего около двух десятков книг.

№ 64, а затем и в их классический состав уже под № 62 («Пчелиная матка»). Примечательно, что заимствование было сделано братьями без ссылки на источник и что А. Л. Grimm предпочел на своих авторских правах не настаивать.

Каждый фольклорист, занимающийся сборанием сказок и других фольклорных памятников с целью их последующей публикации, рано или поздно должен решить для себя принципиальный методологический вопрос: как поступать с собранным материалом — сохранять ли его в первоизданном (нередко «непричесанном») виде или подвергать литературной обработке и добиваться хотя бы приблизительного стилистического и формального единообразия, идущих, как правило, в ущерб аутентичности публикуемых памятников?

Вильгельм Grimm поначалу склонялся к предельно бережному обращению с собранными сказками, считая, однако, обязательной незначительную их редактуру. Дело в том, что сказки были получены братьями из разных фольклорных источников (в основном устных, но частью и литературных), записаны со слов разных сказителей и потому носили отпечаток индивидуальных речевых особенностей рассказчиков, имели разный «возраст» (отдельные — до трех-четырех веков), в них встречались речевые неправильности, сугубые диалектизмы, стилистические сбои, технико-повествовательные просчеты и т. п. Все это, по мнению Вильгельма, требовало осторожного и вдумчивого сглаживания пестроты и разностильности сказок и устранения явных фактурных погрешностей. Для Якоба же подобной дилеммы не существовало — он всю жизнь оставался убежденным сторонником сохранения устных фольклорных памятников в изначальном виде — в том, в каком они были записаны со слов сказителей.

Подготовленное Вильгельмом второе издание (1819) существенно отличалось от первого. В дальнейшем он многие годы продолжал литературную правку сборника, идя по пути «сказочной стилизации», придания ему большей выразительности, стилистической чистоты и интонационной целостности. Якоб же предпочел в этой работе не участвовать.

Сколь последовательно более поздние варианты отклонялись от первоначального, столь же последовательно снижалась научная ценность гриммовского сборника. Тем не менее ряд сказок остался в первоизданном виде, в некоторых из них, в частности, полностью сохранена неподражаемо живописная диалектная окраска языка. Что же касается самих принципов работы с текстом, то они вызревали у Вильгельма постепенно, со временем дополнялись и корректировались; отдельные его мысли по этому поводу рассыпаны в предисловиях и комментариях к изданиям сказок разных лет. Издание 1822 года, например, было снабжено развернутыми примечаниями, в которых, кроме фактографических сведений (где, когда и в чьем пересказе записана та или иная сказка), мы находим теоретические обобщения, уже содержащие общие контуры мифологической теории братьев Grimm.

История возникновения гриммовского сборника сказок примечательна сама по себе, и притом во многих отношениях. Возьмем хотя бы внешние сопутствовавшие (но никак не благоприятствовавшие) обстоятельства и вспомним историческую ситуацию в Германии того периода, когда братья Grimm обратились к собиранию памятников немецкого фольклора и древнегерманской поэзии.

...Идет вторая половина первого десятилетия прошлого века. Для Германии это время тяжкого лихолетья наполеоновских войн и бесславное время расплаты за выступления против революционной Франции. Потерпев ряд сокрушительных поражений, Германия повержена ниц как военная держава, а торжествующий Наполеон неудержимо приближается к русским границам. Страна предельно истощена многолетней войной, люди измотаны бесконечными поборами, утеснениями, военными постояями, неурядицами, болезнями и всевозрастающей нищетой. Тянутся долгие, нескончаемые годы французской

«оккупации, годы невыносимого для немцев национального унижения. «С невыразимо горькой болью, — писал позднее Якоб Гримм, — я видел Германию униженной, лишенной всяких прав, потерявшей даже свое название. В то время у меня было такое чувство, что все надежды рухнули и все звезды закатились...»

Кое-кому может показаться странным, что именно в этот суровый для их страны период молодые юристы и начинающие филологи Якоб и Вильгельм Гриммы не находят ничего лучшего, как предаться собиранию сказок — занятию вроде бы в высшей степени несвоевременному.

Однако сами братья не только не считали его несвоевременным, но, наоборот, как это ни парадоксально, рассматривали старательное сохранение памятников немецкого фольклора, их письменную фиксацию, обработку и популяризацию как личный вклад в дело национального возрождения своей страны. В силу некоей эстетической консервативности братья Гримм ставили очень невысоко современную им немецкую литературу (за исключением Гёте) и, в сущности, отказывали ей в праве притязать на роль духовного авангарда нации, а тем более на роль выразительницы общенациональных чаяний немецкого народа. Свою задачу они видели в обращении к, так сказать, нижнему слою народной культуры и ее корням, к немецкому устному народному творчеству, к германским древностям и древнегерманским мифам, ибо только в них находили подлинное выражение «души народа» и его национального сознания.

Подчеркнутый интерес к собственным сугубо национальным культурным ценностям всегда, однако, чреват опасностью уклона в национализм — и этой опасности, к большому нашему сожалению, не удалось избежать и братьям Гримм. Пафос сохранения и тщательного изучения памятников немецкого фольклора и всей германской культуры питается у Гриммов не только естественным интересом образованных людей к культурному прошлому своей страны, но и отчетливо выкристаллизовавшейся идеей превосходства всего германского над культурой других народов. Показательно, что братья отнюдь не считали зазорным высказывать эту идею открыто — даже в своих научных трудах. Очень странно, например, в предисловии к монументальной четырехтомной «Немецкой грамматике» Якоба Гримма — труду вполне академическому — смотреться фраза: «Учиться читать и понимать такие книги (произведения средневековых немецких поэтов. — Г.Ш.) ныне отваживаются немногие, а большинство предпочитает растрчивать свое время и силы на итальянцев и испанцев...»¹. На эту характерную черту мировоззрения братьев Гримм указывал в свое время Н. Г. Чернышевский: «...одною из главнейших пружин, вызвавших труды этого великого исследователя (Я. Гримма. — Г.Ш.), была односторонняя тевтономания, стремление доказать путем науки, что германцы были племенем, высоко превосходившим все остальные племена своими умственными и нравственными качествами, своим общественным развитием»².

Жизненная и творческая судьба братьев Гримм оказалась неразрывно связанной с интереснейшей эпохой развития немецкой литературы — с эпохой романтизма. Романтизм как сложное и многоликое явление мировой культуры возник в Европе на рубеже XVIII—XIX веков.

Стихию жизненного и духовного обновления, открытие новых горизонтов свободы и подлинного движения, острое ощущение обнаруживающейся ненадежности старых общественных устоев, казавшихся ранее незыблемыми, как гранит, предчувствие рождения новой эпохи, пусть еще неясно какой, — все это принесла с собой в умы немцев французская революция 1789—1794 годов. Она, по выражению Энгельса, «точно молния ударила в этот хаос, называемый Германией»³, взбудоражила ее общественную жизнь и общественную мысль и послужила предвестием глубоких социальных перемен

¹ J. Grimm. Deutsche Grammatik. 2. Ausgabe. Teil I. Göttingen, 1822. S. IX.

² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. в 15-ти тт. Т. 2. М., 1949, с. 736.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е. М., т. 2, 1955, с. 562.

в этой лоскутной феодальной империи, состоявшей из более чем трехсот шестидесяти больших и маленьких княжеств.

Реакция немцев на итоги французской революции была двоякой. С одной стороны, свержение старой, обветшавшей феодальной монархии, крамольные идеи равенства и свободы, провозглашавшиеся якобинцами, оказывали на немцев мощное электризирующее воздействие, создавали освежающую атмосферу победы новых, передовых идей. С другой стороны, практика жесткого революционного террора по отношению к сторонникам старого режима и первые годы буржуазного развития Франции у многих вызвали не только глубокое разочарование в реальных итогах революции, но и сомнения в самой возможности осуществления передовых идеалов.

В этих условиях и рождается романтизм в Германии. Он начинается с деятельности кружка энергичных и весьма одаренных молодых литераторов в Йене (отсюда и название — «йенский романтизм»), собиравшихся в доме братьев Шлегелей, Фридриха и Августа, начиная с 1796 года. В него входили Новалис, Людвиг Тик и близко стоявший к нему Вильгельм Генрих Вакенродер, философы Фихте и Шеллинг и естествоиспытатели Риттер и Стеффенс.

Переосмысляя идеи просветительства, немецкой классической философии (в лице Канта) и французской революции, йенские романтики стремились к радикальному духовному раскрепощению человека; задумываясь над возможными путями совершенствования его, они уже не верили во всеислие разума, как французские просветители Вольтер и Дидро, ибо сами стали свидетелями того, как разумные принципы французской революции, которая была закономерным завершением просветительской эпохи, породили на практике весьма неразумные общественные порядки, и теперь гораздо больше доверяли чувству и творческому началу в человеке. Рациональному познанию мира они предпочитали некую синкретическую интуицию гениально одаренной личности. Особая роль в системе их воззрений отводилась искусству — оно рассматривалось ими как высшее проявление человеческих возможностей и человеческой культуры, а путь к высшей ступени человеческого совершенства они видели в развитии художественного дарования.

Важнейшей особенностью йенского романтизма было программное сединение поэзии и философии.

«...Всякое искусство должно стать наукой, — писал в этой связи теоретик йенского кружка Фридрих Шлегель, — всякая наука — искусством; поэзия и философия должны объединиться»¹. Призыв стремиться к высшей ступени духовности искусства, творимого гениальной личностью, — в этом смысл основополагающих высказываний йенских романтиков. Философия же, которой должен следовать романтический поэт, — это, по словам Ф. Шлегеля, не идеализм, не скептицизм, не эмпиризм, а «творческая философия, исходящая из идеи свободы и веры в нее», раскованная философская импровизация самостоятельного мыслящего человека. Рождающееся новое искусство должно было, по мысли писателей-романтиков, преодолеть всякую ограниченность «классического искусства», стать всеохватывающим и по предмету изображения, и по многообразию художественных форм, стать, по выражению Ф. Шлегеля, «прогрессивной, универсальной поэзией».

Хотя гениальность и подразумевалась йенскими романтиками как главная черта нового искусства, однако оно отнюдь не мыслилось ими искусством элитарным, искусством для избранных, посвященных. «От всякого следует требовать гениальности, без того, чтобы мы рассчитывали при этом на успех», — заявлял Ф. Шлегель². Такой взгляд на искусство был тесно связан с раннеромантической концепцией человека как существа творческого, таящего в себе скрытые необъятные возможности, как личности, неисчерпаемой в своем богатстве и глубине.

¹ Шлегель Ф. Фрагменты. — В кн.: Литературная теория немецкого романтизма. Л., 1934, с. 171.

² Там же, с. 177.

Историю йенского романтизма можно сравнить с короткой и яркой вспышкой на литературном горизонте. Все богатое художественное и философское наследие йенской школы укладывается в считанные годы — с 1798-го по примерно 1805 г. Поздний немецкий романтизм имеет долгую историю и представляет собой еще более пестрое явление, чем ранний. Творчество Эрнста Теодора Амадея Гофмана, одного из крупнейших его представителей, имеет много точек соприкосновения с эстетикой йенского романтизма, а по ряду направлений и развивает ее, опираясь на иную и весьма оригинальную систему художественных средств. Большое место в позднем немецком романтизме занимает так называемый гейдельбергский литературный кружок — отсюда и название «гейдельбергский романтизм», — в который входили Ахим фон Арним, Клеменс Брентано и братья Гримм. На близких к ним эстетических позициях стоял Йозеф Эйхендорф. Особняком, не будучи связанными ни с какими литературными группами, стояли в позднем романтизме Генрих фон Клейст, Адальберт Шамиссо и молодой Гейне.

В то время как йенский романтизм проникнут пафосом самоутверждения гениальной личности, романтизм гейдельбергский в известном смысле являет собой его противоположность. Ему свойственна тяга к народности, к патриархальности, к «естественной» поэзии и фольклору — народным сказкам, песням и преданиям. Гейдельбергский романтизм в отличие от йенского вырос на совершенно иной почве, в совершенно иных социально-исторических условиях, в обстановке наполеоновских войн (1806—1813 гг.), оккупации Германии и ее национального унижения, в условиях пробуждения национального самосознания. Эти обстоятельства наложили рельефный отпечаток на искусство поздних романтиков, особенно гейдельбергских, в котором порой отчетливо звучат националистические нотки.

В эстетических воззрениях и литературной практике братьев Гримм тенденция к идеализации культуры немецкой старины, а также пристальный интерес к наивной народной поэзии обозначились отчетливее, чем у кого-либо другого из поздних немецких романтиков. Обращение Гриммов к фольклору носило принципиальный и программный характер. Хотя они читали и знали старых и новых авторов, хотя любили миннезингеров и преклонялись перед Гёте, все же литература в обычном смысле, особенно современная, представлялась им собранием более или менее удачных беллетристических опытов, принадлежащих перу индивидуальных авторов, в которых те обычно выставляют напоказ лишь собственные чувства и мысли, и потому опытов хотя и интересных в своем роде, но не безусловно необходимых эстетически. Поэзии «сделанной», книжной, искусственной братья Гримм противопоставляли поэзию «естественную», «природную», истинную, ту, которой проникнуты древние мифы, героический эпос и народное творчество. В «природной» поэзии они видели проявление бессознательно творящей души народа и подозревали, что у этого безлично творящего источника — божественное происхождение. «Поэзия, — подчеркивал Якоб Гримм в письме к Арниму от 20 мая 1811 года, — это душа, непосредственно находящая выход в слове, и вызывается она, во всяком случае, естественной потребностью и врожденной способностью к этому — народная поэзия изливается из души целого; то же, что я понимаю под искусственной — из души отдельного. ...Люди древности были более чистыми, высокими и святыми, чем мы, в них и над ними разлит свет божественного исхода... Поэтому для меня древняя, эпическая поэтическая и мифическая история чище и лучше, я не говорю — ближе и роднее, — чем наша, рассудочная, то есть знающая, тонкая, составленная из частей... Я не сомневаюсь в том, что Гёте следует определенному инстинкту, когда создает то, что долго вынашивал в себе, но зато народная поэзия так же мало думает о своих размерах, как певчая птица»¹.

¹ Литературные манифесты западноевропейских романтиков. Собр. текстов. Вступ. статья и общая редакц. проф. А. С. Дмитриева. М., изд-во МГУ, 1980, с. 169—170.

Отсюда понятно, почему Гриммы, не жалевшие сил для сохранения и популяризации устных народных сказок, так упорно игнорировали плодотворный опыт других романтиков в области сказки литературной — философской, сатирической, новеллистической (прекрасные образцы ее мы можем найти у Л. Тика, В. Гауфа, К. Брентано, Э.-Т.-А. Гофмана), что могло бы показаться странным — ведь именно романтики столь успешно разрабатывали этот жанр и столь настойчиво призывали других осваивать его, жанр, по их мнению, весьма емкий, универсальный, таящий в себе широчайшие возможности художественного выражения.

Поздний романтизм (как и немецкий романтизм вообще) исчерпывает себя в литературе в основном уже в конце второго десятилетия XIX века, однако духовные связи с ним у братьев Grimm остаются на долгие годы. И мы ничуть не погрешим перед истиной, если скажем, что романтиками по своему строю мыслей братья Grimm были и оставались всю жизнь.

Начало гриммовской коллекции сказок было положено известным немецким художником-романистом Филиппом Отто Рунге (1777—1810), последовавшим призыву Арнима и приславшим ему две знаменитые теперь сказки, записанные на нижненемецком диалекте, — «Сказку о рыбаке и его жене» (по мотивам которой была написана пушкинская «Сказка о рыбаке и рыбке») и «Сказку про можжевелник». С записью обеих сказок и их редактированием Рунге справился блестяще: по точно стилизованному народному слогу, композиции, динамике развития сюжетных мотивов и прочим качествам они были исполнены безукоризненно и отвечали строгим эстетическим запросам Якоба и Вильгельма.

Первые самостоятельные находки братьев Grimm в этой области относятся к 1807 году и связаны с двумя кассельскими семьями: Вильдов и Хассенпфлугов. О них стоит рассказать отдельно.

Буквально в двух шагах от кассельской квартиры Гриммов, куда они переехали из Штайнау в августе 1805 года, красовалась небольшая аптека под вывеской «Златое солнце». У немцев раньше было в обычае давать аптекам — наравне с другими общественными заведениями — цветистые названия. С ее владельцем, Рудольфом Вильдом, швейцарцем по происхождению, и всем его симпатичным многочисленным семейством у Гриммов постепенно установились сначала добрососедские, а потом и тесные дружеские связи. Эти связи еще более укрепились, когда выяснилось, что дочери хозяина дома (а их у него было шестеро) и старая экономка Мария знают множество сказок и охотно делятся ими.

Настоящей находкой оказалась для братьев Grimm старшая дочь Вильдов — Маргарита Марианна, фигурирующая в их записях как Гретхен Вильд (1787—1819). Это она подарила им первую в их практике большую порцию сказок и, по существу, заложила основу их коллекции. Ей братья обязаны такими вещами, как «Белый голубь» — один из вариантов «Золотого гуся», «Кошка и мышка вдвоем», «Собака и воробей» и другие. Большая часть рассказанных ею сказок относится к периоду 1807—1808 гг. С 1809 же года братья не услышат от нее больше ничего — она выходит замуж (в 1810 году), уезжает в Марбург и, к великой их досаде, с головой уходит в семейные дела.

Если гриммовская коллекция и в последующие годы продолжала быстро пополняться, то немалую роль в этом — как и во всей последующей жизни братьев — суждено было сыграть Генриетте Доротее Вильд (1793—1867), пятой дочери аптекаря Вильда, будущей жене Вильгельма.

Познакомившись с Гриммами после их приезда в Кассель, юная Дортхен быстро подружилась со своей сверстницей Лоттой Grimm, сестрой Якоба и Вильгельма, а потом и со всей семьей. Кроткий и веселый нрав этой милой девушки, ее скромность и ненавязчивая общительность быстро расположили к себе всех: для матушки Grimm она стала почти родной дочерью, а младшим Гриммам — доброй сестрой. Дортхен, как вскоре выяснилось, тоже знала мно-

го сказок и всегда охотно их рассказывала. Это благодаря ее содействию лекция братьев существенно продвинулась вперед в 1811—1813 гг. От нее Якоб и Вильгельм получили, например, такие знаменитые сказки, как «Гензель и Гретель», «Госпожа Метелица», «Поющая косточка» и другие.

Роль Доротеи Вилд в личной судьбе братьев Grimm вообще необычайно велика. Скажем только одно: она на всю жизнь осталась для них добрым ангелом, верным и надежным другом, а став женой Вильгельма (в 1825 году), стически переносила всяческие испытания и неурядицы, выпадавшие на их долю, — материальные трудности, бесконечные домашние заботы, переезды, тяготы изгнания (после событий вокруг «гёттингенской семерки»), болезни, смерть ребенка, всегдашнюю неустроенность, героическими усилиями скрашивая спартанский быт братьев и внушая им уверенность в собственных силах и в успехе их гигантских научных предприятий.

Подобным же кладезем сказок оказалось и другое знакомое семейство — Хассенпflugов, с которым у Grimms на почве общности интересов и многолетней дружбы установились со временем родственные связи. Глава семьи — Иоганнес Хассенпflug (1755—1834) был высокопоставленным чиновником в Касселе; с его четырьмя дочерьми Grimms познакомились через общих друзей. Единственный сын в этом многодетном семействе, Ганс Даниэль Людвиг Хассенпflug (1794—1862, муж Лотты Grimm с 1822 по 1833), впоследствии гессенский министр, снижавший себе недобрую славу своей реакционной политикой, вспоминал об этом так: «Примерно в 1807 году в нашем доме произошла существенная перемена: моя сестра Мария познакомилась у Энгельгардов с Якобом Grimms и его братом Вильгельмом. Интерес к Гёте и вообще ко всем новым движениям в духовной жизни, особенно к сказкам и древнегерманской поэзии, стал предметом повседневного обсуждения. Со временем знакомство переросло в крепкую дружбу. В этот новообразовавшийся кружок, кроме Марии и сестер Энгельгард, входила другая моя сестра — Иоганна и сестра Grimms Лотта, ...они собирались обычно в квартире Grimms... и проводили там очень веселые вечера»¹.

Из уст Марии Хассенпflug братья Grimm записали «Странствия Мальчика-с-пальчик», «Спящую красавицу» (или «Шиповничек», как ее переводят у нас), от Иоганны, одаренной незаурядным талантом рассказчицы, — «Госпожина Корбеса», но вообще сестры любили рассказывать одновременно и наперебой, поэтому на полях рукописи многих сказок указан не конкретный рассказчик, а стоит пометка: «записано у Хассенпflugов». К таким сказкам относятся: «Король-Дроздобород» (или «Король-Дроздовик»), «Семь воронов», «Кот в сапогах» и другие. Незадолго до сдачи рукописи в набор Grimms получили несколько сказок и от Амалии, по свидетельству современников, самой одаренной из сестер Хассенпflug. «Черт с тремя золотыми волосами» — одна из рассказанных ею историй.

Среди других помощников Якоба и Вильгельма в деле собирания сказок стоит упомянуть еще Фридерiku Маннел (1783—1833), дочь приходского священника из деревушки Аллендорф, близ Касселя. С ней познакомил Якоба (в 1807 году) Клеменс Brentano. Фредерике и ее посредничестве братья обязаны по меньшей мере семью сказками, в том числе «Двумя братьями» и «Птицей-Найденш».

Грустные страницы истории возникновения grimmsкого сборника сказок связаны с именем Иоганна Фридриха Краузе, бывшего драгунского вахмистра. Старик Краузе, совсем недужный и немощный, «поставлял» Grimms сказки преимущественно на военные сюжеты и, находясь в крайне стесненных обстоятельствах, униженно просил «своих благодетелей» в качестве вознаграждения отдавать ему старую ненужную одежду. Среди присланных им вещей — «Три змеиных листочка» (отсутствующая в настоящем сборнике), «Ранец, шапочка и рожок» и «Старый Султан».

¹ Цит. по книге: Die älteste Märchensammlung der Brüder Grimm. Hrsg. u. eingel. von Heinz Rölleke. Cologne-Genève: Fondation Martin Bodmer, 1975, S. 391.

Период наиболее интенсивного притока сказок в гриммовскую коллекцию — это время между мартом 1811 года и сентябрем 1812-го. В эти месяцы братья работают особенно напряженно. Ахим фон Арним, постоянно вдохновлявший их на соби́рание фольклора, посетив Гриммов в январе 1812 года, был поражен объемом их коллекции и размахом их работы. Он настоятельно рекомендовал им подумать о публикации собранного материала и предложил найти им издателя. Двадцать пять лет спустя Вильгельм в предисловии к очередному переизданию своих сказок (1837) с благодарностью вспоминал о том, сколь многим они с Якобом обязаны Арниму: «Если кто и побуждал нас в то время к изданию сказок, так это был он... Он говорил, что нам не следует слишком затягивать их публикацию, ибо если мы будем гнаться за полнотой коллекции, дело в конце концов навеки застрянет на полдороге».

Издательская инициатива Арнима, надо думать, была одобрена Гриммами, потому что летом 1812 года он уже сообщает им, что ему удалось договориться с берлинским издателем и книготорговцем Георгом Раймером, и тот готов пойти на риск. Однако сильно рисковать Раймер не собирался: по его условиям, братья могли ожидать лишь скромный гонорар, да и то после распродажи части тиража, а что касается самой книги, то ее задумано было оформить с самыми минимальными затратами. Условия Раймера Гриммы сочли приемлемыми, и 26 сентября 1812 года в Берлине была отправлена в набор первая часть рукописи. К концу октября было набрано уже 11 печатных листов; периодически возникали небольшие задержки — как по вине братьев, так и по вине издателя. Первые экземпляры Гриммы получили к 20 декабря и успели преподнести их друзьям в качестве рождественских подарков. Потом с печатанием опять вышла заминка: обнаружилась комичная издательская оплошность: оказалось, что в книге отсутствует сказка «Лиса и гуси» (№ 86), а примечания к ней есть¹. Промах пришлось исправлять на ходу, но треть тиража успела разойтись по книжным лавкам. К середине марта 1813 года набор был закончен.

Бесспорный успех сборника у широкой читательской публики, солидный опыт, накопленный братьями без малого за десять лет соби́рания и обработки сказок, а также образовавшийся «запас» неопубликованных текстов сами собой наводили на мысль, что их работа в этом направлении еще далеко не закончена, и заставляли думать об издании второго тома. И вот после двух лет напряженного труда на их новой рукописи делаются последние поправки перед сдачей в типографию, а в конце декабря 1814 года выходят в свет первые экземпляры второй книги сказок. По объему она оказалась немного меньше первой: там было 100 сказок, а здесь — 70. Якоб, находившийся в то время по делам дипломатической службы в Вене, в середине января 1815 года получает наконец от Вильгельма один из авторских экземпляров и в ответном письме отмечает, что второй том оформлен еще хуже первого, а несообразно высокая цена может помешать быстрой его распродаже. 30 января Вильгельм посылает экземпляр книги Йозефу Гёрресу со словами: «Дорогой друг, в этом пакете вы найдете второй том наших сказок, который только-только вышел из печати. Работа над ним доставляла мне тихую радость в трудные и переменчивые времена прошлого года. Некоторые из них я записывал, когда в соседней комнате пели русские солдаты».

Круг сказителей и помощников Вильгельма во время работы над вторым томом заметно изменился. Больше всего сказок (и притом лучших) на этот раз подарила братьям Доротея Фиман (1755—1815), дочь хозяина постоялого двора в деревушке Нидерцверен под Касселем. Феноменальная память этой женщины позволила Гриммам записать все известные ей сказки с абсолютной точностью, слово в слово. Другим богатым источником сказок оказались многочисленные домохозяйки барона фон Хакстхаузена из местечка Бёкендорф севернее Касселя (близкие дружеские отношения Вильгельма с этим семейством завязались летом 1813 года) и часто гостившая у них семья барона Клеменса Августа

¹ «Die älteste Märchensammlung...». S. 347.

фон Дросте-Хюльсхофф. Это маленькое литературное общество, куда, кроме Гримма, входили шестеро детей Хакстхаузенов и две дочери фон Дросте-Хюльсхофф, младшей из которых была Аннетта (1797—1848), позднее — знаменитая немецкая писательница, в специальной литературе называют иногда бёкендорфским романтическим кружком. Бёкендорфский эпизод в биографии гриммовского сборника способствовал тому, что почти исключительно гессенская коллекция сказок была «разбавлена» сказками из Вестфалии и из местности вокруг Мюнстера.

Вскоре после выхода в свет второго тома у Гриммов снова набралось несколько десятков сказок, и они в какой-то момент подумывали о выпуске третьего тома. Потом от этой затеи они отказались — с тем, чтобы сосредоточить все усилия на подготовке к опубликованию другой своей коллекции, которой оба брата придавали не меньшее значение, — коллекции немецких преданий, а их накопилось у Гриммов к 1815—1816 гг. уже изрядное количество и хватало на толстый фолиант.

Сказки, не вошедшие во второй том, а также все то, что братьям удалось раздобыть в последующие десятилетия, они включали в очередные переиздания своего сборника.

С появлением второго тома сказок творческие задачи братьев Гримм заметно изменяются. Проблема полноты и представительности сборника перестает быть первостепенной: главное уже сделано. Хотя братья и продолжают искать (и находят) то здесь, то там отдельные сказки, все же на первом плане теперь стоит проблема общей доработки сборника в двух основных направлениях: литературном и научном.

О литературной доработке, по мнению Вильгельма, необходимой, уже говорилось. Вильгельм, одаренный совершенно уникальным чувством формы и способностью безошибочно подражать интонациям народного языка, задался целью — вопреки пожеланиям Якоба — произвести сквозную стилистическую правку всего двухтомника, с тем чтобы добиться большей чистоты слога и чтобы в результате у читателя возникло впечатление, будто все сказки рассказаны одним человеком. Что же касается научной доработки сборника и его аппарата, то она диктовалась очевидной необходимостью теоретического осмысления проделанной работы и формулировки фольклористических идей, созревших у Гриммов, а также значительного расширения примечаний к сказкам — более обстоятельного объяснения их реалий, формальных и структурных особенностей, происхождения, родства со сказками других народов и с другими фольклорными жанрами и т. п. Взвзявшись за дело с присущей им фундаментальной обстоятельностью и скрупулезной въедливостью, братья успешно решали и эти, совсем не простые задачи — их вклад в теорию оказался для современной им науки не менее ценным, чем успехи в области собирания и обработки самих сказок.

Итогом этого огромного совместного труда Якоба и Вильгельма явился в конце концов большой и превосходно отделанный в литературном отношении сборник немецких народных сказок в том виде, в каком он известен нам и всему миру¹, снабженный фундаментальным научным аппаратом, содержащим обширнейший фактологический комментарий и важнейшие теоретические идеи братьев Гримм.

Триумфальное шествие по странам Европы гриммовский сборник начал уже в двадцатые годы прошлого столетия, когда был сделан его первый перевод на английский язык (1823—1826 гг.), а вскоре после этого и на другие европейские языки. К середине века слава Гриммов — сказочников и ученых утвердилась уже в большинстве цивилизованных стран мира.

¹ «Своим внутренним единством, исходящим из самых глубин нашего естества, наши сказки обязаны одному рассказчику — Вильгельму Гримму, — писал западногерманский фольклорист Фридрих фон дер Лейен, — единством, которого не удалось достичь никакому другому сборнику сказок мира».

Заслуги братьев Grimm в области собирания, литературной фиксации и научной обработки памятников немецкого фольклора огромны. Их подвижническая деятельность была проникнута пафосом спасения прошедших через века образцов устной народной поэзии, которым, по их мнению, грозила опасность забвения — как из-за грандиозных исторических катаклизмов, сотрясавших Европу, так и из-за необратимых социальных перемен (они сами были свидетелями того, как развивающиеся капиталистические отношения вели к быстрому распаду местами сохранявшегося патриархального уклада и к прогрессирующему отрыву человека от естественных корней). Как ни велики заслуги Якоба и Вильгельма Гриммов в этой области, но они, вообще говоря, качеством изданных ими фольклорных сборников и научных трактатов не исчерпываются, они гораздо масштабнее и в литературном, и в научном, и в общекультурном плане и далеко выходят за национальные рамки. Деятельность братьев имела в конечном счете широчайший общеевропейский (да и мировой тоже) резонанс и объективно способствовала повсеместному усилению интереса к фольклору и его сохранению.

Если же брать заслуги Гриммов только в сфере сказки (а не фольклора в целом), то в первую очередь следует сказать о том, что им удалось поднять дело собирания устных народных сказок до уровня общенациональной задачи, собрать, письменно зафиксировать наиболее распространенные в центральной части Германии сказки, с величайшим чутьем и умением отделать их стилистически (настолько тонко и безошибочно, что они безоговорочно были приняты немцами как истинно народные, а многие только после этого получили подлинную популярность). В деле систематического собирания сказок и их публикации Гриммы выступили настоящими новаторами и намного опередили других собирателей, по существу, проложив им дорогу, например, А. Н. Афанасьева (1826—1871) в России и П. К. Асбьернсена (1812—1885) в Норвегии.

Велики заслуги Гриммов и в области теории сказки. Их вклад в научную разработку целостной концепции генезиса сказки, в разработку надежной методологии научного исследования (в основе которой лежал сравнительно-исторический метод), а также в осуществление широкого сопоставительного анализа немецких сказок со сказками других народов настолько значителен, что их по праву считают основателями целой отрасли фольклористики — сказковедения и, кроме того, одними из основоположников мифологической школы в западноевропейской академической науке о литературе.

В заключение стоит, пожалуй, указать на один кажущийся парадокс в восприятии гриммовских сказок читательской аудиторией. Сказки братьев Grimm отвечают запросам не всех своих читателей; многое в них может казаться слишком плоским, сверх меры примитивным, а то и безвкусным (чтобы не сказать — варварским), и тем не менее все это не мешает им оставаться любимым чтением миллионов людей всех возрастов. «Секрет» беспримерной популярности гриммовского сборника, несмотря на все «сомнительные» стороны его, конечно же, не только в мастерской их стилизации, сколь бы совершенной она ни была, не только в том, что они возвращают нас к созерцательной жизни и бесхитростной поэзии, погружают в стихию затейливо-фантастического и одновременно наивного восприятия мира, будят в нас смутную ностальгию по патриархальности и временам детства человечества, а, видимо, в той чарующей и неуловимой магии любви к человеку и всему человеческому, которая таинственным образом разлита в каждой сказке и которая действует на нас совершенно неотразимо.

Г. Шевченко

СОДЕРЖАНИЕ

Король-лягушонок, или Железный Гейнрих	5
Кошка и мышка вдвоем	8
Разбойник и его сыновья	11
Сказка о том, кто ходил страху учиться	17
Волк и семеро козлят	26
Верный Иоганнес	29
Чудаковатый музыкант	36
Двенадцать братьев	39
Братец и сестрица	44
Рапунцель	49
Три маленьких лесовика	53
Три пряхи	58
Гензель и Гретель	61
Белая змея	68
Соломинка, уголек и боб	71
Сказка о рыбаке и его жене	73
Храбрый портняжка	80
Золушка	88
Загадка	94
О мышке, птичке и колбаске	97
Госпожа Метелица	99
Красная Шапочка	102
Бременские уличные музыканты	105
Поющая косточка	108
Черт с тремя золотыми волосами	110
Вошка и блошка	116
Девушка-безручка	118
Смышленный Ганс	124
Три языка	128
Умная Эльза	131
Столик-накройся, золотой осел и дубинка из мешка	134
Мальчик-с-пальчик	143
Свадьба госпожи Лисы	149
Домовые	152
Разбойник-жених	155
Господин Корбес	158
Кум	159
Смерть в кумовьях	161
Странствия Мальчика-с-пальчик	164

Чудо-птица	168
Сказка про можжевелник	172
Старый Султан	180
Шесть лебедей	182
Шиповничек	187
Птица-Найденыш	190
Король-Дроздовик	193
Снегурочка	197
Ранец, шапочка и рожок	205
Золотая птица	210
Собака и воробей	217
Фридер и Катерлизхен	220
Два брата	226
Мужичок	244
Пчелиная матка	250
Три перышка	252
Золотой гусь	255
Заячья невеста	259
Вор и его учитель	260
Йоринда и Йорингель	262
Три счастливица	265
Волк и человек	267
Волк и лиса	269
Лиса и кума	271
Лиса и кот	272
Гвоздика	273
Старый дед и внучек	277
Брат-Весельчак	278
Гансль-Игрок	287
Ганс в счастье	290
Ганс женится	295
Золотые дети	296
Лиса и гуси	301
Бедняк и богач	302
Певчий попрыгун-жаворонок	306
Гусятница	311
Юный великан	316
Подземный человечек	323
Умная дочь крестьянская	327
Старый Гильдебранд	330
Живая вода	334
Доктор Всезнайка	339
Дух в бутылке	341
Чертов чумазый брат	345
Медвежатник	348
Королек и медведь	353
Умные люди	355
Бедный работник с мельницы и кошечка	359
Два странника	362
Синяя свечка	371
Черт и его бабушка	375

Ференанд Верный и Ференанд Неверный	378
Одноглазка, Двуглазка и Трехглазка	383
Лиса и лошадь	389
Стопанные туфельки	391
Шестеро слуг	394
Железный Ганс	401
Ослик	408
Неблагодарный сын	411
Старая нищенка	412
Пастушок	413
Звездные талеры	414
Очески	415
Белоснежка и Алоцветик	416
Умный работник	421
Могучий Ганс	422
Гусятница у колодца	428
Дары маленького народца	436
Гвоздь	438
Бедный пастух в могиле	439
Зяц и еж	442
Веретенце, челнок и иголка	445
Мужичок и черт	447
Морская рыбка	448
Могильный холм	452
Сапог из буйволовоy кожи	455
Верные звери	459
Послесловие Г. Шевченко	463

Братья Grimm

Г 84 Сказки. Пер. с нем. Г. Петникова /Сост. И. Солодуниной; Послеслов. Г. Шевченко; Ил. С. Голощапова.— М.: Правда, 1987.— 480 с., ил.

Сборник народных сказок, собранных немецкими учеными-филологами первой половины XIX века братьями Якобом и Вильгельмом Гриммами, стал одной из любимых книг читателей всего мира.

Г $\frac{4703000000-1428}{080(02)-87}$ 1428—87

84.4 Г

Братья ГРИММ

СКАЗКИ

Составитель Ирина Михайловна Солодунина

Редактор Г. Ф. Фролова

Художественный редактор И. С. Захаров

Технический редактор Т. Б. Слизун

ИБ 1428

Сдано в набор 11.11.86. Подписано к печати 06.08.87.
Формат 60 × 90^{1/16}. Бумага книжно-журнальная
Гарнитура «Гарамонд». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 30,00. Усл. кр.-отт. 60,75. Уч.-изд. л. 31,15.
Тираж 800 000 экз. (1-й завод: 1 — 100 000 экз.).
Заказ № М-351. Цена 2 р. 80 к.

Набор и фотоформы изготовлены в ордена Ленина и ордена
Октябрьской Революции типографии имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137,
улица «Правды», 24.

Отпечатано в типографии издательства Татарского обкома КПСС.
420066, Казань-66, ул. Декабристов, 2.

2 р. 80 к.

